

Novela

Находясь тебе
ОДЕРЖИМОСТЬ

«Он расставит лапы и она покатится. Теперь она в его власти. Бессильная крики в его полудл
жестокости. Он толкает вглубь и она станет его пешкой, но когда парня будет доверять, кто из нас
скажется победителем?»

Он расставил ловушку и она попалась. Теперь она в его власти, безвольная кукла в его театре жестокости. Он затеял игру и она станет его пешкой, но когда партия будет доиграна, кто из них окажется победителем?

До встречи с Адамом Грейс не знала, что жестокость может порождать страсть, а боль граничит с удовольствием. Она вынуждена согласиться на сделку с дьяволом в лице мужчины, который проведет ее по самым темным закуткам своей души, рискуя потерять рассудок.

Он одержим ею и его главное желание — обладать. Он не остановится, даже если в итоге это уничтожит их обоих.

Покоряясь тебе

ПРОЛОГ

— Давай же, — будто приглашая, нараспев прошептал он. Его губы кривились в дьявольской усмешке, а взгляд холодных, серых глаз был прикован к моему лицу. Руки раскинуты в стороны — так он показывал, что не собирается сопротивляться.

— Сделай это, Грейс, — настаивал он, и тон его голоса звучал ласкающее, словно в этот момент мы собирались заняться чем-то интимным, сулящим наслаждение. Словно я не держала дуло заряженного револьвера у его головы.

— Ну же, тебе ведь хочется.

Его взгляд гипнотизировал меня, подчиняя своей воле. Я мысленно приказала себе собраться и не поддаваться на его провокацию. Мои ладони вспотели, и руки начало ломить от тяжести металла револьвера.

Я тяжело сглотнула и перехватила оружие другой рукой.

Дрожь с адреналином неслись по телу. Дыхание толчками вырывалось из приоткрытых губ. Мой пульс как взбесился.

Он прав. Мне хотелось спустить курок. За последние месяцы я не раз представляла, как убиваю его. Я придумывала изощренные пытки, которым подвергну его. Пыткам, которые заставят его страдать. Мечтала, что он заплатит за все мои мучения.

Но хватит ли у меня духу причинить ему вред в реальности?

— Грейс, стреляй уже! — потеряв терпение, резко приказал он. — Нажми, на этот чертов курок!

Я вздрогнула и спустила курок.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Грейс! — нетерпеливый голос Эмми раздался у меня за спиной. Обернувшись, я увидела теряющую терпение подругу: ее глаза несчастно смотрели на меня. Мне стало жаль Эмми — ее лицо стало почти красным от холода. Девушка куталась в куртку, глубоко спрятав руки в карманы.

— Иду! — Я виновато улыбнулась подруге и та закатила глаза, давая понять, чтобы я поторапливалась.

Было неправильно заставлять ее торчать на холоде, ожидая меня, но не каждый день парень, который тебе нравится, приглашает тебя на свидание.

Дин Метьюз был таким парнем, и он нравился мне. Даже слишком.

Это был милый парень: высокий, атлетически сложенный с очаровательной улыбкой и ярко-голубыми глазами, а его каштановые волосы вились на концах.

В общем, просто мечта.

Я обратила на него внимание еще в прошлом году, когда мы вместе ходили на психологию. Многие девчонки в кампусе сохли по нему, но, насколько мне было известно, Дин ни с кем не заводил отношений. Во всяком случае, не романтические. Как-то мы оказались в одной группе, делающей доклад и с того момента стали приятелями.

Ему понадобился почти год, чтобы пригласить меня на свидание.

Я так ждала этого, что теперь, когда это случилось, волновалась больше, чем хотелось бы. Я стояла перед ним, без конца трогала свои волосы и улыбалась.

Нет, правда, этот парень чертовски хорош!

— Так значит, договорились? — Дин улыбнулся немного застенчивой улыбкой, и я быстро кивнула. Не хотелось сейчас уходить от него, но если мы еще чуть-чуть простоим здесь, Эмми превратиться в сосульку.

В этом году зима как-то неожиданно нагрянула на Иллинойс. Вот только был октябрь с легким ветерком, ворошившим желтые и красные листья на деревьях, а в следующий миг пришел ноябрь с промозглым ветром, сорвавшим все до единого листочка. Теперь все реже и реже появлялись прохожие на улицах, предпочитая прятаться в уютных, теплых помещениях.

Но сегодня я не чувствовала холода и откровенно отвратительная погода не влияла на мое настроение. Мне хотелось петь от радости, потому что Дин пригласил меня.

— Тогда увидимся в пятницу, в восемь. — Дин легонько прикоснулся к моему плечу, прощаясь. — Я заеду за тобой.

— Буду ждать.

Как я ни старалась не растягивать рот в улыбке, это оказалось не возможным, когда Дин помахал мне и убежал в сторону научного центра.

Ох, серьезно, этот парень странно действует на меня!

Все еще прибывая в мечтах, я развернулась и побрела к Эмми, которая уже громко клацала зубами.

— Ну, слава Богу!

Подруга схватила меня под руку и поволокла к нашему общежитию, хотя в данный момент я была так рассеянна, что отведи она меня в зоопарк, я и не замечу.

— Я чуть не околела, пока вы там миловались, — проворчала Эмми, а я вздохнула, возвращаясь с небес на землю.

— Прости. Но он наконец-то сделал это.

— Что? — Эмми притормозила и, перестав сердиться, заинтригованно посмотрела на меня. — Неужели он...

Не дав Эмми договорить, я закивала, и подруга радостно завизжала, схватив меня за локти.

— Да! Ну, наконец-то! — Эмми широко улыбалась, по-видимому, забыв о холоде. — Так, я хочу подробностей!

Я покачала головой.

— Эм, ну какие подробности? Он только что пригласил, это пока все подробности.

— Когда вы встречаетесь?

— В пятницу. — И предвидя следующий вопрос, тут же добавила: — Ведет меня в Джордано на ужин.

Светлые брови Эмми подскочили на лоб.

— Серьезный настрой. Ох, идем быстрее, хочу увидеть глаза Лорен, когда ты расскажешь ей.

Весело смеясь, мы с Эмми быстрее припустили к нашему Эмбри-Холлу, уклоняясь от порывов холодного ветра.

— Если ты наденешь это платье в пятницу, до ресторана вы не доедите, — едко заметила Лорен, и мы с девочками рассмеялись.

Хм, да уж, наверное, не лучшая идея надевать короткое полупрозрачное платье на первое свидание. Да и погода не подходящая.

Вообще-то, такие вещи не составляли мой гардероб. Но прошлой весной мы с Эмми забрели на распродажу, и она буквально заставила купить меня это платье. Так оно и весело

с тех пор, ни разу не надетое.

Позже тем вечером мы устроили мини-девичник с дешевым белым вином и шоколадным печеньем. Эмми с Лорен решили, что это их святой долг — выбрать для меня наряд к столь важному событию.

Конечно, Дин не был первым парнем, который обратил на меня внимание. В прошлом у меня было несколько приятелей, правда, ничего серьезного. Пара месяцев назад мне исполнилось двадцать три — вполне естественно, что опыт кое-каких отношений у меня имелся.

Но ни один парень прежде не нравился мне так, как Дин Метьюз.

— Грейс, ты уверена, что тебе стоит идти с этим парнем? — Лорен выразительно посмотрела на меня с подоконника, куда забралась, чтобы покурить в открытую форточку. Мы с Эмми постоянно ругали ее за это, но никакие угрозы и уговоры на Лорен не действовали. — Я в том смысле, что он тянул почти год, прежде чем сделать это. Какие с этим парнем проблемы, мне интересно?

— Вечно ты все извратишь! — Эмми бросила на Лорен негодующий взгляд, но та только плечами пожала.

— Он немного застенчивый. — Мне вдруг захотелось оправдать парня. — Это даже мило. Не думаю, что у него какие-то проблемы.

Я приняла категоричный вид, давая понять, что любые предположения Лорен мне не интересны. Она и сама была из тех девушек, которые любили проблемных парней.

Чего только стоит Джет, весь в татуировках и пирсинге бас-гитарист какой-то захудалой группы, играющей отвратительную музыку. С ним Лорен провела целых два месяца, своего рода рекорд для нее.

— Я всего лишь хочу предостеречь тебя, — сухим тоном отозвалась Лорен. — Знаешь, чтобы не было потом большого разочарования в случае чего.

— Лор, заткнись! — Эмми запустила в подругу подушкой, но та быстро увернулась, держа сигарету в поднятой руке.

Повеселев, мы вернулись к выбору моего наряда.

С Лорен и Эмми я познакомилась три года назад, когда поступила в Северо-Западный университет. Мы все оказались соседками по комнате, и хотя сначала это казалось невозможным (мы были довольно разными), быстро подружились.

До них у меня не было близких подруг, но теперь я знала, что во всем могу положиться на этих двух девушек.

Мы открыли вторую бутылку, когда зазвонил мой мобильный. Перегнувшись через Эмми, которая сидела ближе всех к моей сумке, достала телефон и сфокусировала взгляд на дисплее. Это оказалось непростой задачей, на которую мне потребовалось время.

Звонила тетя Шерон.

Отлично.

Нажимая на кнопку «ответить», я нахмурилась. Почему-то так повелось, что если мне звонит тетя Шерон — жди неприятностей. Обычно именно она и сообщала мне об этих самых неприятностях, виновником которых всегда был мой драгоценный папочка. Вот уже два месяца я ничего не слышала о своем родителе — и это полностью устраивало меня, потому что отсутствие новостей было само по себе хорошей новостью. Но я боялась, что спокойствию пришел конец.

— Привет, тетя Шерон! — нарочито бодрым тоном поприветствовала я младшую сестру

своего отца, будто это могло как-то повлиять на то, что она собиралась мне поведать.

— Грейс! — Тон, которым было произнесено мое имя, подтвердил мое опасение. Тетя даже не стала утруждать себя ответным приветствием. — Детка, нам надо срочно поговорить.

Я подавила длинный вздох и закатила глаза: выкладывала бы уже, что стряслось.

— Тетя, что случилось? — Я постаралась, чтобы мой голос звучал сдержанно. В конце концов, не Шерон виновна в том, что мой папаша такой непутевый тип.

— Детка, твой отец влип в крупные неприятности, — трагическим тоном заявила тетя.

Ох, если бы мне давали по доллару каждый раз, когда я слышу эти слова, я бы уже стала очень богатым человеком.

— Что на этот раз? — поникнув, устало спросила я.

Тетя кинулась в длинное, путаное объяснение, из которого я поняла, что отец задолжал крупную сумму денег одному серьезному парню и скрылся, тот теперь его ищет, и если найдет, то папе не сдобровать.

Прекрасно, просто прекрасно.

— Грейс, детка, люди, которые работают на этого парня, были у меня, — чуть не плача, сообщила тетя.

Мое сердце заколотилось быстрее. Вообще-то, Шерон склонна к преувеличениям, но сейчас я уловила в ее голосе неподдельный испуг.

— Они не причинили тебе вред? — обеспокоенно спросила я. Шерон была не единственной, из-за кого я переживала в данной ситуации. Была еще бабушка, которая не переживет, если с ее детьми что-то случится. Год назад бабуля перенесла инсульт, и ее здоровье все еще было слабым. Хватало и того, что мой отец постоянно доставлял ей хлопот.

— Нет, все нормально, — поспешила успокоить меня тетя. — Я просто напугана, но это все. — Она тихо вздохнула, сделав паузу. — Грейс, боюсь, они и к тебе нагрянут, или еще хуже — к маме. Они ничего не добились от меня, потому что я, правда, не знаю, где Патрик. Возможно, они решат, что это известно тебе или ей.

Замечательно. Нанятые бандиты могут явиться к моей больной бабушке, что точно не пойдет на пользу ее состоянию.

И что мне теперь следует делать?

— Тетя, я приеду к тебе завтра после занятий, — решила я. — Тогда и поговорим.

Попрощавшись с Шерон, я прислонилась спиной к своей кровати, откинув голову назад. Веселье как рукой сняло.

Господи, ну почему мне достался такой непутевый отец?

— Что случилось? — Эмми обеспокоенно нахмурилась, глядя на меня.

— Опять Патрик, — сухо произнесла я. Эмми нахмурилась еще больше, а Лорен понимающе хмыкнула. Девчонки были в курсе моей семейной обстановки: не раз за три года нашего знакомства мой папочка давал о себе знать подобным образом.

— Что он на этот раз натворил?

Лорен протянула мне стакан с вином (бокалов у нас не водилось).

— Да как обычно, ввязался во что-то темное.

Я сделала большой глоток и поморщилась. Возможно, если я выпью достаточно, то это плохое предчувствие, возникшее после звонка Шерон — исчезнет?

— Только на этот раз кажется все еще хуже. Шерон сказала, что он должен крупную сумму какому-то серьезному парню, и поэтому бросился в бег. Люди, работающие на этого

человека, были у нее и искали Патрика.

— Вот же засранец! — в своей обычной эмоциональной манере выругалась Лорен, а Эмми легонько сжала мое колено, подбадривающе улыбнувшись.

— Больше всего я боюсь, что они придут к бабушке. Она только-только начала отходить от инсульта, это может убить ее.

Поднявшись, я принялась расхаживать по комнате, размышляя о том, что можно предпринять. Надо было как-то оградить бабулю от вреда, причиненного отцом.

Но что сделать — найти его самой?

От абсурдности такой идеи мне стало смешно. Если уж мой отец решил залечь на дно, то я точно не узнаю, где это дно.

— Что ты собираешься делать? — Лорен, скрестив руки на груди, наблюдала за мной.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Позвонить в полицию? — Я в растерянности смотрела на подруг, но судя по их выражению лиц — это предложение не вызвало энтузиазма.

— Боюсь, это только добавит проблем, — осторожно, что было на нее не похоже, произнесла Лорен.

— Я с ней согласна, хоть это и звучит странно, — кивнула Эмми.

— Ты не знаешь, кому задолжал твой отец, — резонно заметила Лорен.

Я кивнула.

— Что, если твое обращение в полицию только еще больше разозлит этого парня? Кто знает, на что способен этот человек? Может, он один из самых отмороженных преступников в штате, если не в стране. Прежде, чем выступать против своего противника, необходимо собрать информацию.

— Как, если я даже имени его не знаю? — Я в отчаянье завела руки за голову. — Не знаю, кто он и на что способен.

Я переводила растерянный взгляд с Лорен на Эмми, но у обеих девушек на лицах видела сочувствие и беспомощность.

— Ладно, мне надо увидеться с тетей, — наконец сказала я. — Может, она сможет рассказать мне более подробно? Она была так напугана, что по телефону могла забыть какие-то детали.

Подруги согласились, что это единственное, что я могу сделать на данном этапе.

Наше настроение было испорчено безвозвратно, и скоро мы легли спать.

Ворочаясь на своей узкой кровати от терзавшего меня беспокойства, я раздумывала: как так получилось, что от веселой подготовки к долгожданному свиданию я перешла к решению проблемы, в очередной раз устроенной моим непутевым папашей?

На следующий день я не пошла на пары, потому что не чувствовала в себе терпения вы сидеть несколько часов в аудитории, в то время, как бандиты рыщут в поисках моего отца. Я должна уберечь бабушку, только вот необходимо найти способ это сделать.

Я села на автобус до Либервиля, где жила тетя Шерон. Всю дорогу я нервно сжимала и разжимала ладони, рассеянно глядя в окно.

Я не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы справиться с тем, что натворил Патрик. Но я должна была попытаться ради бабушки, да и отца тоже. Не смотря на то, что он постоянно влипал в неприятности, отец не был плохим человеком и, в конце концов, он мой единственный родитель.

Мама пропала пятнадцать лет назад, когда мне только-только исполнилось восемь.

Однажды она вышла из дома и больше не вернулась. Сперва все считали, что это ненадолго, потому что она и прежде исчезала на некоторое время, но оно никогда не превышало месяца. Те разы, когда мама уходила в загул с очередным ухажёром, я оставалась у бабушки, которая всегда заботилась обо мне лучше, чем оба родителя вместе взятых.

Но тот раз стал последним, и с тех пор маму никто не видел. Полиция искала ее некоторое время, но в итоге ее дело так и осталось не раскрытым.

С восьми лет я жила с бабушкой постоянно, и я была слишком многим обязана ей. Поэтому я чувствовала себя обязанной оградить ее от любых волнений. Я боялась того момента, когда ее не станет. Потому что тогда я уверена, почувствую себя полной сиротой.

Тетя Шерон снимала квартиру в одном из дешевых комплексов, где стены такие тонкие, что вы обязательно услышите даже громкий вздох вашего соседа. Она перебралась туда после развода, более пяти лет назад, когда муж оставил ее ни с чем. Тетя работала официанткой в закусочной, едва сводя концы с концами. Именно по этой причине она не могла помогать деньгами, которых требовалось немало на восстановление и уход за бабулей.

— Грейси! — Тетя Шерон удивилась, увидев меня на пороге своей квартиры. Видно было, что она только встала: ее темные волосы торчали в беспорядке, и она наспех запахнула старый домашний халат. — Я не ждала тебя раньше трех. Проходи же скорей.

Тетя отступила, давая мне пройти. Я не часто бывала у нее, но с тех пор, как я посещала ее в последний раз, тут ничего не изменилось. Все та же видавшая и лучшие времена дешевая мебель из Икеи; пепельница, полная окурков и разбросанные вещи.

Шерон все еще пребывала в затяжной депрессии после неудавшегося брака.

— Извини, наверное, стоило сначала позвонить, — пробормотала я, присаживаясь на угол потертого дивана.

— Не волнуйся. — Тетя с улыбкой махнула рукой. — Я как раз сварила кофе, и тебе налью чашечку.

Шерон принялась хлопотать на маленькой кухне, приткнутой к гостиной. Она варила очень крепкий кофе, но я не решилась отказаться, не желая ее обидеть. Все же, я не так часто навещаю ее.

— Тетя Шерон, так что все же случилось, что Патрик сбежал из города? — спросила я, когда тетя передала мне чашку с крепким напитком.

— Твой папаша проиграл много денег в покер, — сердито покачала головой женщина. — Он сел за стол не с тем человеком и во время не смог остановиться.

Я тихо застонала. Отец и раньше проигрывал деньги за карточным столом, но никогда прежде он не бросался в бега из-за этого. Видимо, на этот раз деньги и правда, очень большие.

— Вы знаете, кто этот человек?

Тетя слегка дрожащей рукой провела по всклокоченным волосам: я подозревала, что она периодически выпивает. Возможно, чаще, чем я думаю.

— Я только знаю его имя, и что он большой шишка. Это все. — Тетя передернула плечами. — Не могу понять, где твой отец завел такие знакомства. — Тонкие брови женщины подскочили на лоб.

— Так как его зовут? — терпеливо спросила я, когда взгляд тети стал отсутствующим.

— Адам Эллингтон. — Тетя нахмурилась. — Какой-то богач, судя по всему. Во всяком случае, эти два парня, размером со шкаф каждый, сказали, что их хозяин очень серьезный и деловой человек, который не прощает, когда его пытаются обмануть.

Размышляя о том, как такой серьезный человек мог связаться с моим отцом, я сделала глоток кофе и поморщилась, таким он был горьким.

— Они сказали тебе, сколько отец ему должен?

Тетя покачала головой.

— Нет, но думаю, что сумма внушающая.

— Они знают о бабушке? — Я аккуратно поставила чашку с недопитым кофе на поцарапанный столик.

— Я ничего им не говорила, но боюсь, им не составит труда узнать. — Тетя тяжело вздохнула. — Обо мне же они узнали.

Думаю, Шерон была права. Если они еще и не знали обо мне и бабушке, то это было вопросом недолгого времени.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Уйдя от тети Шерон, я решила навестить бабулю. Я была у нее пару дней назад, и знала, что ее холодильник все еще полон еды, а приходящая сиделка поможет ей, но все же захотела ее увидеть, чтобы убедиться, что люди Адама Эллингтон еще не добрались до нее.

В автобусе я позвонила Лорен и попросила поискать в интернете любую доступную информацию об этом человеке.

Бабушку я застала за просмотром старой телевикторины, которую крутили в повторе. После инсульта просмотр телевизора был ее главным развлечением.

— Грейси, как хорошо, что ты заехала.

Бабуля искренне обрадовалась мне, обняв меня одной рукой. Ее левая рука все еще плохо действовала после удара.

— Захотелось тебя увидеть, бабуля. — Я заставила себя широко улыбнуться.

Барбаре Колдвел было уже за семьдесят, но до болезни ее возраст не так бросался в глаза. Казалось, что за этот год она резко постарела и съежилась. Бабуля всегда была миниатюрной женщиной, а теперь стала маленькой, сухой старушкой.

Я не могла скрыть жалости и слез, глядя на нее. В этот момент я сама готова была убить своего отца за то, что он не подумал об этой женщине, которая всегда любила и принимала его, не смотря на все его проступки.

— Бабуль, а где Иванна? — нигде не обнаружив приходящую сиделку, спросила я, заваривая на кухне чай. По дороге я заскочила в магазин и купила любимое песочное печенье бабушки.

— Она уволилась, а новую сиделку мне пока не назначили, — откусив с удовольствием половину печенья, спокойно сообщила бабушка.

— Что? — Я в неприятном изумлении посмотрела на старушку. — Как это не назначили? И как они думают, ты должна обходиться? — Я в негодовании взмахнула руками.

— Они считают, что я не настолько беспомощна и могу подождать. У них нет пока свободного персонала. — Бабуля разделалась со второй половиной печенья. — И они правы, я сама могу со всем справиться. — Старушка упрямо поджала губы, посмотрев на меня.

— Бабуль, я знаю, что тебе бы этого хотелось. — Я ласково улыбнулась ей. — Но это не так. Тебе нужна помощь, и тебе обязаны ее предоставить.

Помощь государства — все, на что могла рассчитывать бабушка. Ни один из ее детей не был в состоянии помочь ей, каждый по своим причинам. Именно из-за отсутствия денег я на два года позже обычного пошла в колледж. Два года после школы я работала, откладывая

деньги на учебу, потому что даже с учетом выданного кредита мне не хватало.

Я обещала себя, что как только получу диплом, сделаю все возможное, чтобы найти нормальную работу с достаточным заработком, дабы бабуля больше ни в чем не нуждалась. Но это случится не раньше следующего лета, а до того момента нужно было найти деньги на сиделку, если ее не назначат в ближайшее время.

— Грейс Патриция Колдвел, тебе абсолютно точно не стоит беспокоиться за свою старую бабуку, — деловитым тоном произнесла бабушка и я закатила глаза.

Начинается.

— А о ком мне еще беспокоиться? — примирительно проговорила я, поцеловав смягчившуюся старушку в морщинистую щеку.

Наблюдая за тем, как бабуля с удовольствием запивает печенье чаем, я пообещала себе, что сделаю все, чтобы оградить ее от проблем. Сколько бы ни осталось Барбаре Колдвел на этой земле, ее жизнь не будет омрачена из-за промахов ее сына.

— Если тебе не назначат новую сиделку, нам придется ее нанять, — решала я, но вслух не сказала, что денег у нас на это нет.

Собственно, в этом и необходимости не было, потому, как бабуля и так это знала.

— Грейси, у нас нет на это денег, — покачала головой бабушка.

— Я что-нибудь придумаю, — с бодростью, которой не чувствовала, заверила я.

— Грейси, твоей единственной заботой сейчас должна быть учеба, — возразила бабушка. — Ты так много работала, чтобы поступить в университет.

— И я не собираюсь об этом забывать.

— Вот и хорошо. — Бабуля широко улыбнулась мне, считая тему закрытой. — А теперь налей мне еще чашечку чая.

Убедившись, что бабушка не в чем не будет нуждаться в ближайшие пару дней, я вернулась на кампус, с намерением найти Адама Эллингтона и... Ну, так далеко я не заглядывала. Мне просто необходимо было связаться с ним и убедить, что ни я, ни бабуля не знаем о местонахождении Патрика.

— Не так много, но кое-что есть об этом типе, — сообщила Лорен, ставя свой лэптоп на мою кровать. Она, как я и просила, поискала на него информацию, пока я отсутствовала.

Я с любопытством стала разглядывать фото Адама Эллингтона, которые выдал Гугл, пытаюсь определить, что он за человек. Признаться, он оказался моложе, чем я думала. На вид слегка за тридцать. Высокий, с привлекательной внешностью, которая буквально кричала о богатстве и превосходстве.

На самом деле я немного обалдела, узнав, что он занимал одну из лидирующих строчек в рейтинге богачей Америки. Каким образом мой папаша завел знакомство с такой шишкой? И другой вопрос — что такой состоятельный, успешный мужчина делал за одни карточным столом с моим непутевым родителем, ведь Патрик никогда не был птицей высокого полета.

— Трудно представить, что этот мужик охотиться за твоим папашей ради нескольких кусков баксов, — хмыкнула как всегда не слишком чувствительная Лорен. — Тут сказано, что у него своя инвестиционная компания. — Подруга прокрутила статью вниз. — Он богатый, очень. Зачем ему париться из-за нескольких тысяч?

Я в недоумении пожала плечами.

— Может, дело не столько в деньгах, а том, что Патрик сбежал, обманув его? — Я кусала ноготь большого пальца, как делала в моменты сильного душевного волнения.

— Возможно.

Мы с Лорен замолчали, продолжая внимательно рассматривать фото. Большинство было сделано на разных светских мероприятиях, и на каждом его сопровождала новая спутница.

Я предположила, что он, должно быть, пользуется успехом у женщин. И дело не в его толстом кошельке. Он действительно был по-мужски привлекательным мужчиной, стройным и подтянутым. Правда, было что-то в его лице, что заставляло меня ежиться, вглядываясь в него. Я не могла определить, что это, но одно слово приходило мне на ум: порочный.

Да, Адам Эллингтон казался очень порочным мужчиной, который спокойно предпочитает жизнь полную страстей и удовольствий.

— Его компания располагается в Уиллис-Тауэр, — сообщила Лорен, хотя я уже прочла это. — Если хочешь встретиться с ним, тебе нужно пойти туда. Ты можешь надеть то полупрозрачное платье, чтобы очаровать его.

Подруга поиграла бровями, на что я покачала головой.

— Я не собираюсь его очаровывать, он ищет моего отца. Возможно, чтобы причинить ему вред. — Я поежилась. — К тому же, он не в моем вкусе.

— Не в твоём вкусе?! — воскликнула Лорен, будто я только что призналась ей в том, что мучаю маленьких щенков. — Нет, я понимаю, он козел и мудака за то, что разыскивает твоего отца, но ты не можешь не признать, что он чертовски горяч.

— Проблемные парни по твоей части, — нараспев протянула я, направляясь на нашу маленькую кухню (просто уголок с микроволновкой и небольшим столом). — Я бы и близко не подошла к нему, не будь в том необходимости.

— Может, проблемные парни, и правда мне нравятся. — Лорен показала мне язык. — Но я бы не отказалась весело провести с ним время.

— Лор, он наверняка имеет дело с криминалом, — напредила я, высыпая горячий шоколад в порошок в чашки. — Это не очередной бунтарь в хиповском прикиде и гитарой за спиной. Очень может быть, что он убивает людей.

— Не думаю. Наверняка у него для этого есть специальные люди.

Лорен шутила, но мне было не до смеха. Я боялась, что все так, как она говорит.

Что будет, если люди Адама Эллингтона найдут Патрика? Я не хотела, чтобы ему причинили вред. Не хотела потерять своего отца, каким бы он ни был.

— Прости. Ляпнула, не подумав, — виновато вздохнула Лорен.

— Все нормально. — Я покачала головой. — К тому же, думаю, это в действительности так.

— Грейс, наверное, тебе все же не стоит ходить к нему. — Подруга серьезно посмотрела на меня. — Ты не знаешь, чего ожидать от этого человека. А вдруг ты добровольно отправляешься в логово льва?

— Очень красочное определение. — Я кисло улыбнулась. — Но разве у меня есть выбор? Если я сама не приду к нему, он пошлет своих людей к бабушке. Я не могу этого допустить.

Я видела, что Лорен против моего решения, но я и сама не была в восторге от того, что мне предстояло совершить. Я убедила себя, что у меня нет другого выбора. Отец мне его не оставил.

Когда позднее тем вечером Эмми вернулась с групповых занятий по экономике, мы посвятили ее в мой план. И опять подруга согласилась с Лорен, что мне не стоит идти к

Адаму Эллингтону.

— Возможно, он вас с бабушкой вообще не берет в расчёт, — предположила подруга, эмоционально жестикулируя. — А ты возьмишь и сама сдашься ему.

Я скептически хмыкнула.

— Если ему действительно нужен Патрик, то он в курсе о тех, кто может знать, где он. О Шерон ведь он знает. — Я развела руками. — Это только вопрос времени, когда они придут к нам. Я не хочу сидеть и ждать, сложа руки.

Я чувствовала, что должна что-то делать. Хотя что-то, потому что это ожидание неизвестного действовало на нервы.

— Окей, если ты решила идти, тогда я с тобой, — предложила Лорен.

— И я. — Эмми вскинула руку вверх, как на уроке.

— Спасибо, девчонки. — Я с признательностью посмотрела на подруг. — Но я должна сделать это сама. Не хочу, чтобы он нервничал, когда я приведу с собой группу поддержки.

— Тогда отзвонись нам сразу, как только уйдешь от него. — Лорен твердо посмотрела на меня, чтобы я и не думала возражать.

Я согласно кивнула.

— Конечно.

— Так, а ты ничего не забыла в свете последних событий? — Эмми выжидающе вскинула брови.

— Нет, если ты о моем свидании с Дином. — Я покачала головой. — Но сейчас это не главное.

— Завтра пятница, — напомнила Лорен. — Ты все еще собираешься пойти с ним?

Подруги с любопытством смотрели на меня. Мой энтузиазм по поводу свидания как-то поутих после известия о том, что мой папаша опять наладил. Но это не должно было мешать мне в моей личной жизни. Я все еще хотела встретиться с Дином.

— Да, собираюсь, — чуть с опозданием ответила я. — Но для начала я должна решить с этой проблемой.

Я рассчитывала с утра сходить в Уиллис-Тауэр и добиться встречи с мистером Эллингтоном. Я настроилась четко и по возможности спокойно объяснить ему, что ни я, ни наша семья не в курсе, где скрывается Патрик.

Надеюсь, он поверит моим словам и оставит нас в покое.

— Нет, сними этот свитер. Ты в нем на ученицу церковной школы похожа. — Лорен скривилась, посмотрев на темно-коричневый свитер, который я надела для встречи с человеком, который разыскивает моего отца. — Выбери что-нибудь с глубоким вырезом. К примеру... — Подруга прикусила губу и сосредоточенно принялась рыться на моей половине шкафа. — Вот, этот подойдет.

Лорен с удовлетворительным видом протянула мне сиреневый свитер с низким вырезом.

— Лор, я не на свидание собираюсь, а на встречу с противником.

Я не собиралась наряжаться, поэтому выбрала обычные, далеко не новые джинсы и этот наглухо закрывающий меня свитер.

— Поэтому тебе надо быть хитрей. — Лорен бросила на меня красноречивый взгляд, говорящий, что я многого не понимаю. — Отвлекающий маневр, вот что тебе нужно.

Я все еще сомневалась. Представив, что я заявлюсь в офис к незнакомцу с декольте, открывающим вид на мою грудь, меня охватило неприятное чувство.

Нет, я не думала, что Адаму Эллингтону будет какое-то дело до этого, но все же чем меньше моего тела он увидит, тем увереннее я буду себя чувствовать.

— Ты в этом пойдешь? — с ходу спросила Эмми, выйдя из ванной. В ее голосе улавливалось неодобрение.

Я закатила глаза, а Лорен усмехнулась.

В итоге, девчонки настояли, чтобы я переоделась. Коллективным умом мы выбрали джинсовую юбку и мятного цвета джемпер. Я все же отстояла свое нежелание светить областью декольте.

— Распусти волосы, — посоветовала Эмми, когда я стянула их резинкой в хвост.

Мои волосы были больной темой для меня. Не смотря на то, что они были густые, темно-каштанового цвета, но при этом жутко не послушными. Мне постоянно приходилось бороться с тем, чтобы они были хоть в каком-то порядке.

Я послушалась Эмми, а после того, как Лорен провела по ним несколько раз утюжком для волос, стало довольно не плохо.

Пока шли все эти сборы, я чувствовала себя очень неправильно. Создавалось такое впечатление, что я и правда, собираюсь на свидание. Но, наверное, Лорен была права, сказав, что я отправляюсь в логово льва.

Именно так я себя и чувствовала.

Второй день подряд я пропускала пары. Это не было хорошо, потому что все время учебы я была старательной студенткой, боясь потерять стипендию. Возможность обучения в университете не далась мне легко, поэтому я так крепко держалась за нее. Но эти вынужденные пропуски я пообещала себе восполнить после того, как разберусь с тем, что натворил мой родитель.

Попрощавшись с девчонками и получив напутствие в успехе, я вышла из общежития, повыше подняв воротник пальто из-за ветра. Он хоть и не сильно дул, но был холодным.

Лорен одолжила мне свой Шевроле, так как своей машины у меня не было. Слишком большая роскошь для меня. Сжимая ключи в руке, я направилась на стоянку нашего общежития, когда заметила их.

Два больших парня в черных дорогих пальто. Как и сказала тетя Шерон, каждый размером со шкаф. Я остановилась как вкопанная, когда они направились мне навстречу. В отчаянье оглянувшись, я прикинула, не броситься ли мне бежать. Но быстро сообразила, что так сделаю еще хуже. Не хочу, чтобы парни устрашающей наружности гонялись за мной по студенческому двору.

— Мисс Колдвел? — спросил один из них, когда мужчины подошли ко мне.

Я с осторожностью кивнула. Впрочем, и так было понятно, что они прекрасно осведомлены о том, как я выгляжу.

— Вы должны пройти с нами, мисс, — ровным, безликим тоном произнес все тот же мужчина, в то время как другой внимательно оглянулся по сторонам.

«Ну, вот и все» — пронеслось у меня в голове. Сейчас они забросят меня в какой-нибудь фургон и отвезут на какую-нибудь заброшенную ферму, где и убьют после пыток. Кажется, я видела такой сюжет в каком-то фильме.

И так некстати вспомнила.

— Могу я узнать, кто вы? — вздернув нос, деловито спросила я. Не знаю, для чего я решила разыграть это представление.

— Мисс Колдвел, наш босс, мистер Эллингтон хотел бы поговорить с вами, — по-

видимому, теряя терпение, отчеканил все тот же мужчина, который, очевидно вел все переговоры. Если эти парни вообще ведут с кем-то переговоры, прежде чем применить силу.

— Что ж, хорошо. — Я степенно кивнула, будто мы и правда были в равных условиях. — Скажите мне, где я могу найти мистера Эллингтона.

Мужчины быстро переглянулись. Думаю, не такой реакции от меня они ожидали.

— Мистер Эллингтон велел привезти вас, мисс.

— О! Понимаю. — Я закивала, чувствую себя мышкой, попавшей в ловушку. Отчего-то мне совсем не хотелось садиться в одну машину с этими парнями, но выбора особо не было.

Убедившись, что я не собираюсь сбежать, они отвели меня к черному джипу «БМВ», и Молчун (так я прозвала второго про себя) открыл заднюю дверь передо мной. Обреченно вздохнув, я забралась на сиденье.

Я не удивилась, когда мы подъехали к одной из элитных многоэтажек в районе Линкольн Парка и джип въехал на подземную парковку. Богатые люди и должны так жить. Правда, я ожидала, что меня отвезут в офис, но, очевидно, Адам Эллингтон пожелал оставить нашу беседу приватной.

Я только надеялась, что в этом доме находится его квартира, а не штаб для выбивания информации любыми путями.

Я безуспешно пыталась скрыть дрожь, когда в сопровождении двух неразговорчивых конвоиров вошла в лифт, который отвез нас на тридцать третий этаж. Всего их было пятьдесят восемь.

Мои руки вспотели от волнения и неопределенности, и, не смотря на холодное время года, мне стало ужасно жарко. Чтобы хоть немного охладиться, я расстегнула пальто. Мужчины и глазом не повели, продолжая смотреть прямо перед собой.

Наконец лифт остановился, и Молчун вышел первым, проверяя обстановку. Видимо, профессиональная привычка.

Мы оказались в небольшом холле из мрамора, перед единственной дверью с латунным номером 205.

Молчун отпер дверь, и мы вошли внутрь. Я старалась не пялиться так откровенно по сторонам, но это было очень сложно. Никогда прежде я не видела таких больших и дорого обставленных жилищ. Все здесь кричало о наличии денег. Современная мебель, темные тиковые полы, которые сверкали чистотой, новейшая техника. Я не успевала разглядеть все как следует, потому что мы быстро проходили через многочисленные коридоры и комнаты, пока не вошли в дверь, ведущую в кабинет-библиотеку.

— Оставайтесь здесь, — коротко велел мне Молчун (он все же говорил!) и я осталась одна, в ожидании не зная чего.

Когда мои провожатые удалились, я без смущения смогла оглядеть комнату, в которой оказалась. Странно, но современная мебель неожиданно хорошо сочеталась со шкафами, полными рядами книг, делая обстановку уютной. Я бы смогла это оценить, если бы не была столь напугана предстоящей встречей.

В комнате было два больших окна, делая помещение довольно светлым. Возле одного из них стоял огромный стол из темного дерева, и я предположила, что это рабочее место мистера Эллингтона.

Помимо кожаных диванов и шкафов с книгами, тут было много предметов искусства, ценность которого оставалась для меня тайной, ибо я не особенно в нем разбиралась. Я только могла догадываться, что оно стоит целое состояние.

Прошло уже не менее двадцати минут, а хозяина дома все еще не было. Я нервно поерзала на кресле, в которое села, устав стоять. Может, он специально заставляет меня ждать, чтобы я окончательно извела себя от беспокойства?

Я получила смс от Лорен, где она спрашивала, все ли со мной в порядке. Она видела, что ее Шевроле остался на месте. Я ответила, чтобы она не волновалась раньше времени, но на всякий случай скинула адрес, где меня искать, если вдруг я не вернусь.

Я только отправила ответное сообщение, как дверь позади меня чуть скрипнула и в комнату кто-то вошел. Не зная, что сделать лучше: оставаться на месте, или встать, я все же поднялась и обернулась, впервые воочию встретившись с Адамом Эллингтоном.

Мое вчерашнее впечатление о нем оказалось верным и теперь только усилилось. Лишь посмотрев в лицо этому мужчине, я уже знала, что это порочный и темный человек.

Все во мне кричало бежать от него и этого места как можно дальше. Ох, если бы я только могла!

А тем временем, пока я с видом запуганного кролика перед коброй смотрела на него, Адам Эллингтон чуть приподнял губы в улыбке, не коснувшейся его глаз, и сделал шаг в мою сторону.

— Мисс Колдвел.

Его голос звучал чуть теплее, чем температура льда, когда он протянул свою ладонь мне навстречу. Понимая, что не пожать ему руку будет верхом невежливости (что не в мою пользу), я ответила на пожатие. Его рука оказалась сухой и холодной, и когда она коснулась моей кожи, мне показалось, что вокруг моих запястий сомкнулись наручники.

Я умоляла себя не паниковать, но это было не просто. Я уловила странный блеск в его холодных, серых глазах, когда моя рука легла в его ладонь. Это было так быстро, мимолетно, что я тут же принялась убеждать себя, будто мне показалось. Что все дело в моей усиливающейся паранойе. Но чувство дискомфорта рядом с Адамом Эллингтоном не становилось слабее: казалось, оно растет с каждой секундой.

Он был хищником, я не сомневалась в этом.

И я не хотела стать его добычей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Присаживайтесь, мисс Колдвел. — Адам Эллингтон указал мне на кресло, на котором я сидела, когда он вошел, а сам устроился за своим рабочим столом.

Надеясь, что мое дыхание не слишком громкое из-за того, что я откровенно боялась его, я присела на краешек кресла, сцепив руки на коленях.

Мужчина не спешил переходить к делу, в упор глядя в мое лицо без какого-либо стеснения. Я же едва держалась, чтобы не ерзать перед этим смущающим, прямым взглядом. Казалось, что он изучал и оценивал меня. Это очень нервировало. К тому же, его лицо было столь бесстрастно, что невозможно было определить, о чем он думает.

— Мисс Колдвел, думаю, вы знаете причину, по которой находитесь здесь, — наконец начал он, откинувшись на спинку кресла. У него был низкий голос, с легкой хрипотцой.

«Лорен бы он понравился» — некстати подумалось мне.

— К сожалению, — не удержалась я.

К моему удивлению, мужчина хмыкнул.

— Наверное, я не ошибусь, если предположу, что ваш отец и раньше доставлял вам беспокойство. — Он расслабленным движением потер свой подбородок, неотрывно наблюдая за мной.

Я тяжело сглотнула, потому что во рту стало сухо, как в пустыне.

— Мистер Эллингтон, — решив, что тянуть достаточно, решительно начала я, — я не знаю, где мой отец. — Я поддалась вперёд, положив сцепленные руки на край стола. — Я не в курсе его дел и чтобы между вами не произошло, я ничего об этом не знаю.

Я старалась придать своего голосу как можно больше искренности. Адам Эллингтон должен был мне поверить и оставить нашу семью в покое. Потому что мне хотелось убраться отсюда как можно быстрее.

— Я верю вам, мисс Колдвел, — кивнул мужчина, чем удивил меня. — Но вот в чем суть: ваш отец попытался обмануть меня, а это то, чего я никогда не прощаю. — Он с бесстрастным спокойствием посмотрел на меня, отчего по моему телу прошелся неприятный холодок.

Я ему поверила.

— Патрик Колдвел должен мне определенную сумму денег.

Он был совершенно расслаблен и не повышал тона, но от этого было еще страшней. Такой человек не дрогнет, если захочет убить вас.

— Он знал, что может проиграть, когда садился со мной за покерный стол. — Его русая бровь чуть приподнялась. — Карточный долг — это дело чести, мисс Колдвел. Возможно, мы бы смогли договориться с вашим отцом, но он предпочел сбежать, оставив меня в дураках. — На его лице появилась жуткая улыбка. — И теперь, когда я найду его — а это случится в любом случае — он должен будет за это ответить.

Я больше не пыталась скрыть, что боюсь его. Его глаза смотрели с таким холодом и безразличием, а голос звучал так спокойно-обещающе, что я не сомневалась, что он убьет Патрика, когда найдет. Причем с удовольствием сделает это сам.

О Боже! Мой глупый, неудачливый отец, во что он ввязался, да еще и нас втянул.

— Сколько мой отец должен вам, мистер Эллингтон?

Я безуспешно пыталась подавить дрожание голоса. Возможно, если мне удастся отдать ему долг, он смягчится? Хотя, я почти не верила в это, так как не деньги были главным для этого человека. К тому же, какую бы сумму он не назвал, у меня нет никакой.

— Триста пятьдесят тысяч долларов, мисс Колдвел.

Я шумно выдохнула.

Твою ж мать!

— Некоторые не умеют во время остановиться. — Он криво усмехнулся, по видимому, finding это забавным. — У вас нет таких денег, мисс Колдвел, — дернув плечом, констатировал он. Ну, это было очевидно. — К тому же, я бы в любом случае не принял эти деньги от Вас. Не Вы мой должник, а Патрик.

— Тогда я не понимаю, чего вы хотите от меня? — Я начала раздражаться. — У меня нет таких денег, и я не знаю, где мой отец. Что я делаю здесь?

Он не спешил удовлетворять мое любопытство, продолжая внимательно осматривать меня. Я сдвинула колени вплотную и мысленно посчитала до десяти, чтобы успокоиться. Создавалось такое впечатление, будто я товар, который он присматривает.

Неприятное ощущение.

— Я хотел попросить вас, мисс Колдвел, — он как-то по-особенному выделил мое имя, что не могло не показаться странным, — если Ваш отец свяжется с вами, сообщить об этом мне.

— С чего вы решили, что я захочу это сделать?

Его губы растянулись в снисходительной улыбке. Этот тип точно был на несколько шагов впереди меня.

— Мисс Колдвел, если я не ошибаюсь, у вас есть пожилая бабушка, верно?

И что это значит, теперь он угрожает бабуле?

Господи, сотвори чудо и убей его на месте!

— Ну, вы же и так об этом знаете, мистер Эллингтон. — Я нашла в себе смелости прямо посмотреть в его глаза, при этом приподняв подбородок, давая понять, что меня не так легко запугать.

Ага, конечно. Внутри я буквально дрожала от ужаса.

— Вы правы. — Он коротко усмехнулся. — Ладно, Грейс, — он впервые назвал меня по имени, и мне не понравилось, как оно прозвучало из его уст, — оставим эти игры. Вы можете помочь мне, а можете отказаться. Это ваш выбор, и это вам разбираться с последствиями.

Нет Грейс, я не собираюсь мучать бедную старушку в темном подвале, — с долей веселья произнес он, очевидно разгадав мои мысли. — Но у меня есть это, — он швырнул на мой край стола какие-то документы, — и я непременно воспользуюсь этим, если Вы откажетесь от моих условий.

Я в недоумении взяла бумаги в руки и, читая, нахмурилась. Это оказалась закладная на дом бабушки.

Земля зашаталась под моими ногами. Технически, Адам Эллингтон был владельцем бабулиного дома и мог вышвырнуть ее на улицу в любой момент.

Только не это! Дом — последнее, что у нее осталось.

— Я выкупил ее, — ответил мужчина на мой немой вопрос. — Ваш отец имел глупость заложить дом пару лет назад. Вижу, Вы об этом не знали, — определил он по моему шокированному лицу.

Я действительно не знала этого. Почему бабушка ничего мне не сказала? Зачем, ради всего святого, отцу потребовалось закладная?

— Думаю, теперь вы понимаете, мисс Колдвел, что я не намерен шутить.

— Да, — с трудом выдавила я, хотя не думаю, что он ожидал ответа.

— Так я могу рассчитывать на Вашу помощь, Грейс? — Впервые за время нашего разговора его голос звучал почти мягко.

Я с усилием кивнула.

— Вот и хорошо, мисс Колдвел. Тогда, я думаю, мне не к чему связываться с вашей бабушкой и расстраивать ее тем, каким трусливым человеком оказался ее сын. Учитывая состояние ее здоровья это было бы лишним.

Я с нескрываемой ненавистью посмотрела в глаза мужчины. Он все знал о моей семье, хорошо подготовился к встрече.

— Я согласна на Ваши условия, мистер Эллингтон, — деревянным голосом вымолвила я, — но Вы должны пообещать мне, что ни при каких обстоятельствах моя бабушка не узнает о ваших делах с моим отцом.

Он медленно кивнул.

— Пока Вы будете выполнять свою часть сделки, можете быть спокойны на этот счет.

Я сомневалась, что спокойствие возможно для меня, пока Адам Эллингтон хоть как-то касается моей жизни. Этот человек будто излучал скрытую угрозу; гарантировал проблемы.

Когда он сказал, что на этом наша встреча окончена и меня отвезут назад в кампус, я не

смогла скрыть выражения облегчения на лице. Поездка в одной машине с суровыми парнями, привёзшими меня сюда, не казалась больше такой страшной вещью после общения с Адамом Эллингтоном.

Этот человек мог быть пугающим, ничего особо для этого не делая.

— Буду ждать от Вас новостей, мисс Колдвел, — напоследок сказал мне мужчина, прежде чем покинуть кабинет, вновь оставив меня одну.

Я оказалась в двоякой ситуации: чтобы уберечь бабулю, я должна была сдать этому типу своего отца. Я не хотела делать этого, и я не хотела, чтобы бабушка оказалась на улице.

Чертовски сложная ситуация.

— Что он тебе предложил?! — Черные брови Лорен взлетели едва ли не на лоб, когда я рассказала им о предложении Адама Эллингтона.

— Это... это неправильно, — растерявшись, пробормотала Эмми.

Мы с подругами сидели в университетской кафешке. Каждая взяла себе обед, но почти не притронулась к нему.

Я только кивнула, подтверждая, что они все правильно поняли.

— И он серьезно рассчитывает, что ты сдашь ему своего отца? — скептически хмыкнула Лорен.

— Да. — Я передернула плечами. Именно так он и думает. — Я должна буду это сделать, если не хочу, чтобы он выселил бабулю из ее дома.

— Ты знала, что дом твоей бабушки заложен? — спросила Эмми, помешивая свой манговый смузи трубочкой.

Я покачала головой.

— Нет. И она ничего мне об этом не говорила. Я не знаю, как Патрику удалось уговорить ее заложить дом. Не знаю, для чего ему это понадобилось.

Я была так зла на отца из-за этого. Как он мог так поступить? Как мог рисковать единственным жильем своей больной матери?

Попади мне сейчас отец в руки, я бы сама его убила.

— Если Адам Эллингтон найдет твоего отца, как думаешь, что он сделает с ним? — Эмми выжидающе посмотрела на меня.

Я и сама мучилась этим вопросом. Очевидно, что ничего хорошего. Но неужели он и правда убьет его из-за побега?

Мне не хотелось верить в это, но вспоминая жесткий, ледяной взгляд Адама Эллингтона, я понимала, что он сможет это сделать.

— Я не знаю. — Пожала плечами, отвечая на вопрос Эмми. — Но предполагаю, что ничего хорошего.

— Seriously, он что, убьет его из-за карточного долга? — Недоверчиво покачала головой Лорен.

— Понимаете, я не думаю, что дело в деньгах. — Я нахмурилась, пытаюсь объяснить подругам свои возникшие ощущения после встречи с Эллингтоном. — Если такой человек пойдет на убийство, то не по такой банальной причине, как деньги. Нет, он зол из-за того, что отец оставил его в дураках и скрылся. Он не прощает обмана. Это главная причина, по которой он хочет найти и наказать Патрика.

— Тебе не показалось, что у него проблемы с головой? — Лорен деловито скрестила руки на груди.

Я невесело улыбнулась.

— Нет. С головой у него все в порядке. А вот насчет души не уверена. Боюсь, ее у него попросту нет.

За нашим столиком воцарилось молчание, пропитанное тревогой и напряжением. Я ненавидела Адама Эллингтона за то, что он посеял смятение и страх в моей жизни. Еще вчера единственное, что внушало мне боязнь — это плохая подготовка к экзамену. А сегодня я приходила в ужас от мысли, что этот человек может разрушить мою жизнь.

— Ты все еще собираешься идти на свидание с Дином? — осторожно спросила Эмми, будто эта тема была под запретом.

Я кивнула.

— Да, конечно. А почему нет? То, что этот мудака усложняет мне жизнь, не значит, что я должна отказываться от встречи с хорошим парнем, верно?

Девчонки быстро закивали, поддерживая мой настрой.

— Попробуй не думать о нем хотя бы один вечер, — напутствовала меня Лорен. — Просто пойди и оторвись с Дином.

— Так и сделаю, — пообещала я, намерившись забыть об Эллингтоне на ближайшие... лет сто. Ну, так надолго, к сожалению, не получится, но этим вечером я точно не буду думать о нем и его шантаже.

— Это самый вкусный крем-брюле, который я когда-либо пробовала, — честно призналась я Дину, когда официант унес посуду.

Парень улыбнулся мне.

— Рад, что тебе понравилось.

Я кивнула со смущенной улыбкой. Свидание вышло таким, как я и мечтала. Был прекрасный ужин в хорошем ресторане, и мы много разговаривали, не чувствуя неловкости, как это часто бывает на первом свидании.

И я почти не думала о человеке, который хочет причинить вред моему отцу.

Почти.

Это свидание с Дином подтвердило, что он не зря понравился мне. С ним было так легко и уютно. Мы разговаривали как старые друзья, и при этом я видела, что нравлюсь ему.

Жаль только, что в этот период, когда моя личная жизнь готова расцвести яркими красками, есть нечто, добавляющее червоточину к этому.

— Какие дальнейшие планы? — плохо скрывая любопытство, спросила я, когда мы вышли из ресторана.

Дин таинственно усмехнулся и, взяв меня за руку, повел к своей машине — GMC Сьерра темно-красного цвета.

— Пусть это будет небольшим сюрпризом.

Я согласно кивнула. Мне нравилось чувствовать свою руку в его сильной ладони, и я не могла скрыть улыбки по этому поводу. Было так естественно прикасаться с ним кожа к коже, будто мы делали так много раз прежде.

Дин открыл дверцу со стороны пассажира, помогая мне сесть в машину. Он был хорошо воспитан, это было видно. Мне всегда нравились галантные, положительные парни. Я, в отличие от многих девушек, никогда не увлекалась плохишами. У нас не раз возникал спор с Лорен по этому поводу. Она утверждала, что хорошие парни скучны. Я не была с этим согласна, но каждому, как говорится, свое.

Я восторженно удивилась, когда оказалось, что место, куда мы направлялись, был ледовой каток в Миллениум — парке.

— Они только недавно залили его, — видя мою радостную улыбку, сообщил Дин. — Я видел твою фотку на Фейсбук, где ты на катке в школе, поэтому не стал спрашивать заранее, зная, что кататься ты умеешь.

Я кивнула, подтверждая его слова. Я немного больше, чем просто умела кататься.

— В школе я некоторое время занималась фигурным катанием, — призналась я. — Мне это нравилось.

— Ты до сих пор катаешься? — удивился Дин.

Я покачала головой с грустной улыбкой.

— Нет, давно уже не каталась.

— Что случилось?

Он с искренним интересом смотрел на меня. Я пожала плечами.

— Да просто не срослось.

Я не стала говорить, что мне пришлось уйти из фигурного катания, потому что у моей семьи не было денег на мои уроки. Отец всегда считал это глупостями, к тому же, его почти всегда не было дома. А бабушкиной пенсии едва хватало на жизнь.

— Готова повеселиться? — Дин с широкой усмешкой посмотрел на меня, и я радостно кивнула.

Мы взяли в прокате коньки, и целый час дурачились на льду. Оказалось, что Дин превосходно управлялся с коньками.

— Я из Миннесоты, — сверкнув белыми зубами, сообщил он. — За домом у нас был небольшой пруд, и пять месяцев в году он был покрыт льдом. Мы со старшим братом и младшей сестренкой едва ли не каждый день проводили на нем, катаясь без конца.

— Не знала, что у тебя есть брат и сестра, — сказала я, когда мы катились по краю катка, взявшись за руки. Я порадовалась, что надела плотные колготки под платье, иначе мне бы сейчас пришлось непросто.

— Да, Итон — ему двадцать семь, он живет в Кентукки с женой и сыном. Майи семнадцать, она учиться в выпускном классе. Тоже собирается поступать в Северо-Западный.

Дин мягко улыбался, рассказывая о своей семье.

Этот парень с каждой минутой нравился мне все больше.

— А как насчет тебя? У тебя есть братья, или сестры?

Я покачала головой, и волосы упали мне на лицо.

— Нет, никого. Я одна в семье.

— Наверное, не так плохо, да?

— Не очень. — Я состроила рожицу и Дин рассмеялся. — Я всегда хотела себе кого-нибудь, не важно, брата или сестру. В детстве мне было довольно одиноко.

Внезапно Дин затормозил и потянул меня на себя. Я оказалась в кольце его рук, и мое сердце забилось часто-часто.

— Надеюсь, теперь тебе не одиноко? — тихо проговорил он в нескольких сантиметрах от моих губ.

Я с усилием покачала головой. Как же я хотела, чтобы он меня поцеловал!

— Нет, теперь точно нет.

Медленно наклонив голову, Дин накрыл свои ртом мои губы. Поцелуй был таким нежным, словно изучающим. Но скоро темп изменился, и он увеличил глубину. Я таяла в его руках, прижимаясь своим телом к нему. Наш первый поцелуй не разочаровал меня,

напротив, мне тут же захотелось продолжения.

— Почему ты раньше не пригласил меня? — тихо спросила я у Дина, глядя в его глаза. Мы сидели в машине перед моим общежитием, и мои губы опухли после целой сессии поцелуев.

Он чуть смущенно усмехнулся и передернул плечами.

— Наверное, боялся, что ты откажешь.

Я чуть отстранилась, чтобы лучше видеть его лицо.

— Правда? — Я покачала головой. — Почему ты так думал?

Парень в волнении потер щеку.

— Не знаю, я не был уверен, что нравлюсь тебе.

— Ну и зря. — Я с нежностью посмотрела на него. — Ты мне давно нравишься. Думала, это очевидно.

— Тогда я полный идиот, потому что не сделал этого раньше.

Он поморщился.

— Не говори так. — Я потянулась к нему и легко поцеловала в уголок рта, и невинный поцелуй тут же перерос в полный страсти и желания.

— Кажется, пора притормозить, — разочарованно протянул Дин, когда мы, наконец, оторвались друг от друга.

— Угу. — Я закусила губу и уткнулась лбом в его плечо. — Это... слишком горячо.

Из его груди послышался короткий смешок.

— Точно.

Решив, что на сегодня хватит, мы с Дином, наконец, попрощались. Было уже поздно, и хотя завтра была суббота, у каждого имелись неотложные дела. Мне лично надо было проведать бабушку и пройти пропущенный материал.

С мечтательной улыбкой на лице я поднялась в нашу комнату. Эмми была уже в постели, поедая попкорн под «Дневник памяти», а Лорен отсутствовала. Эмми сообщила, что она ушла на вечеринку в одно из братств с девчонками из соседней комнаты.

— А ты почему осталась?

Я плюхнулась рядом с Эмми на кровать и взяла пригоршню воздушной кукурузы.

Подруга вяло пожала плечом.

— Настроения нет.

Я укоризненно посмотрела на девушку и покачала головой. Эмми смущенно отвела глаза. После ее расставания с Дерексом три месяца назад она до сих пор периодически впадала в хандру и избегала мест, где могла встретить его.

— Ты не можешь остаток года прятаться от него, Эм, — вскинув брови, мягко заметила я.

Подруга нехотя кивнула.

— Знаю. И я не прячусь. — Эмми сделала паузу. — Просто, правда, нет настроения.

— Ты все еще скучаешь по нему, — догадалась я.

В глазах подруги мелькнула боль.

— Не то чтобы. — Она тихо вздохнула. — Ну, возможно чуть-чуть.

— Эй, Дерек просто придурок, что порвал с тобой. — Я обняла Эмми за плечи и легонько встряхнула. — Уверена, он уже миллион раз успел об этом пожалеть.

— Ага. — Эмми скептически фыркнула. — Разве ему есть когда со всеми этими девицами, которые сами прыгают ему в койку?

— Они не ты. — Я крепче обняла Эмми, и она положила голову мне на плечо. Так мы и продолжили смотреть остаток фильма, а в конце обе разрыдались, когда Рейчел МакАдамс приехала со своими чемоданами к Райану Гослингу.

— Вот такие мужчины нам нужны, — шмыгая носом, заявила Эмми, когда пошли титры. — Кстати, я так и не спросила о твоём свидании. Давай, рассказывай.

— Ну, все было замечательно, — счастливо улыбнувшись, призналась я.

И я принялась описывать наше первое, идеальное свидание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошла неделя, и я больше ничего не слышала об Адаме Эллингтоне.

Или от него.

Это не могло не радовать, потому что и без него проблем у меня хватало. Я разрывалась между учебой, домом бабушки, подработкой в библиотеке университета и конфетно-букетным периодом с Дином. Последнее было тем, что окрыляло и поднимало настроение всякий раз, стоило об этом подумать.

У нас состоялось три свидания за неделю, и мы то и дело встречались на кампусе между парами, чтобы вместе выпить кофе в перерыве или просто чмокнуть друг друга, прежде чем побежать дальше по своим делам.

Дин нравился мне все больше и больше с каждой минутой. Я боялась, что начинаю влюбляться в него. Это было слишком быстро, и это пугало, но я понимала, что не могу это остановить. И если честно, не хотела.

Я знала, что мне придется принять решение, если отец даст о себе знать. Я должна буду сообщить об этом Эллингтону. Поэтому, просыпаясь каждый день по утрам, я молилась про себя о том, чтобы папа не звонил. Где бы он ни был, я надеялась, что у него хватит ума скрываться как можно дольше, не обнаруживая себя. Если когда-нибудь настанет такое время, когда ему будет безопасно вернуться в Чикаго.

Но закладная на дом бабушки все еще была в руках Эллингтона, и рано или поздно я должно буду заняться и этой проблемой. У меня не было денег выкупить закладную, и я сомневалась, что он так просто согласится ее продать.

Я не знала, что можно предпринять в данном случае, но одно я знала наверняка — бабушка не может лишиться дома, который построил для нее дедушка много лет назад.

Ровно через девять дней после моего вынужденного визита к мистеру Эллингтону, на мой телефон позвонил неизвестный номер. Я как раз возвращалась из библиотеки после работы и, увидев номер с незнакомым кодом, мое сердце взволнованно заколотилось. Нажимая зеленую кнопку, я скрестила пальцы, молясь, чтобы это был не тот, о ком я думаю.

Но, конечно же, это был он — мой отец.

— Грейси, привет, детка, — нервно, с фальшивой радостью поприветствовал меня родитель.

Я чертыхнулась про себя.

— Пап, что ты натворил?! — с ходу зашипела я на отца, прикрыв микрофон рукой и опасливо оглядевшись по сторонам. Мне казалось, что невидимая пара льдисто-серых глаз преследует меня.

— Мне жаль, Грейси, — запричитал отец.

Всегда он так! Наворотит дел, а потом делает вид, что раскаивается. В этом был весь мой отец — безвольный человек, неспособный сопротивляться своим порокам.

— Тебе жаль?! — Я почувствовала, как краснею от злости. — Ты подумал о бабушке,

когда сбежал, оставив ее и нас на расправу с бандитами Эллингтона? — Я настолько рассердилась, что посчитала — не страшно, если немного сгущу краски.

Пока отец бормотал свои нелепые извинения, я выговаривала ему все, что накипело во мне за последние дни.

— Как ты только додумался проиграть такому человеку? — От переизбытка эмоций я отчаянно жестикулировала. — Триста пятьдесят тысяч — серьезно? Господи, ты хоть о ком-то думаешь, кроме себя?

— Грейси, я знаю, что наломал дров, — дрожащим голосом промямлил Патрик, пока я остановилась, чтобы перевести дыхание. — Детка, если бы я только мог все исправить...

— Но ты не можешь! — жестко процедила я, не находя в себе ни грамма сочувствия к отцу.

Я устала от того, что он творил со своей жизнью и нашими.

— Когда ты успел заложить дом бабушки? — едва сдерживаясь, чтобы не начать орать на него, спросила я. — Зачем вообще ты это сделал?

На том конце трубки послышался долгий вздох.

— Мне нужны были деньги, Грейси, — заискивающе начал папаша, а я с трудом не потребовала у него прекратить меня так называть. Я давно перестала быть ребенком, намного раньше, чем было возможно и по его вине. — Была хорошая возможность заработать, но для начала необходимо было вложить крупную сумму. Что-то пошло не так и деньги пропали.

Я сжала челюсть, с трудом подавляя ярость внутри.

Да ну кто-бы сомневался! Что у него хоть когда-нибудь было так?

— Ты... ты невероятен, — полным разочарования голосом протянула я. — Ты хотя бы собирався выплачивать закладную?

— Детка, именно поэтому я и играл в покер, — живо отозвался Патрик, и я брезгливо поморщилась.

Господи, неужели это говорит взрослый человек?

— Я думал, что это хороший способ быстро сорвать денег. И сначала мне везло. Я выигрывал, но мне казалось, что могу сорвать куш побольше. Я вышел на этого парня, который играет только с крупными ставками. — Голос отца запнулся. — Я был слишком самоуверен. Он настоящий игрок, Грейси. Этот человек опасен, ты должна быть осторожна.

Я слышала неподдельный испуг в голосе Патрика. Страх толкнул его на этот безрассудный побег, и подставить нас под удар.

Обхватив рукой живот, я закусила губу, чтобы не закричать.

Боюсь, глупость отца еще дорого аукнется мне.

— Где ты? — каменным голосом спросила я, кое-как подавив панику.

— Грейси, будет лучше, если ты не будешь знать, — мягко ответил Патрик, и я беззвучно усмехнулась.

Лучше для кого?

— Он ищет тебя, и он требует, чтобы я сказала ему, где ты, иначе он выставит бабулю на улицу, — без экивоков сообщила я.

Вот, пусть знает, с чем он нас оставил.

— Ох, детка, мне так жаль. Но... если я вернусь, мне не жить, малышка.

Я знала, что, скорее всего так и будет. Но я дошла почти до того, чтобы требовать его возвращения, зная, что ожидает его здесь.

Я не стала делать этого. Все же, я бы никогда не простила себе, если бы моего отца убили по моей вине.

Нет, черт! Почему я всегда беру ответственность на себя? В данной ситуации виноват только мой папаша, но дьявол — я не хочу, чтобы ему причинили вред.

Скоро Патрик попрощался, пообещав что-нибудь придумать, но я не придавала этому особого значения. Я знала, что он ничего не сможет сделать, и в итоге я буду тем, кто станет решать проблему.

После разговора с отцом я долго стояла на краю дорожки, ведущей от библиотеки и рассеянно пялилась на телефон. Раздумывала, стоит ли мне сообщать о звонке Эллингтону, или нет. Собственно, ничего существенного он не узнает. Я могла только предоставить ему телефонный номер. Кстати, если я не ошибалась, код номера принадлежал Мексике.

Неужели Патрик был так напуган, что сбежал в Мексику?

В итоге я решила, что не стану ничего говорить Адаму Эллингтону. Пошел он в задницу! У меня был телефонный номер, который он дал мне, но я не собиралась на него звонить.

Прошло еще два дня, в течение которых я дошла до предела от чувства паранойи. Мне все время казалось, что за мной следят. Каждую секунду ожидала, что появится Эллингтон и обвинит меня в невыполнении сделки, а потом вышвырнет бабушку из ее дома.

Я настолько разнервничалась, что не могла ни есть, ни спать и все никак не могла сосредоточиться на обучении. Мое состояние так же не способствовало приятному общению с Дином. Он видел, что что-то тревожит меня, но когда спрашивал, я все время уклонялась от ответа.

От недостатка сна я плотно подседа на кофеин, от которого мои нервы буквально звенели, как натянутые струны.

— Он не знает, что Патрик звонил тебе, — голосом, должным меня вразумить, сказала Лорен, когда мы сидели в кафетерии. Я с нахмуренным видом смотрела в окно, но на самом деле ничего не видела перед собой.

— Лорен права, Грейс. — Эмми вскинула брови, тыкнув пластиковой вилкой в сторону Лорен. — В конце концов, он же не экстрасенс. Он не узнает, если ты не скажешь ему об этом.

— Я не собираюсь говорить ему, — устало проведя рукой по лицу, вяло пробормотала я. — Но я бы не была уверена в том, что он не узнает. — Я скептически хмыкнула. — Мне кажется, что он способен на все. Даже мысли читать.

Я вспомнила пронизательный, холодный и расчётливый взгляд Адама Эллингтона и меня передёрнуло.

Если бы меня спросили, как выглядит дьявол — я бы знала, как его описать.

— Ты придаешь ему слишком большое значение, — передернула плечами Лорен и я кисло посмотрела на нее. — Нет, серьезно, ты почти не знаешь его. Возможно, это только первое впечатление, которое он пожелал произвести на тебя, чтобы запугать.

— Лорен, когда он пообещал выкинуть бабушку из ее дома, если я не помогу ему найти отца, он явно не просто запугивал меня, — слишком эмоционально возразила я. — Он сделает это, я уверена в этом. А если ты и права, тогда у него хорошо получилось — я действительно напугана.

Смутившись, Лорен отвела взгляд, а Эмми с сочувствием вздохнула.

Я поднялась, чувствуя, что не могу больше сидеть здесь. Мне надо было на воздух.

— Мне пора на работу, — коротко заявила я, и, схватив свою сумку, поспешила к

выходу.

Четыре часа спустя я вышла из библиотеки, закончив заносить новые книги в каталоги. Погода ухудшилась, и я поглубже засунула руки в карманы куртки. Спустившись со ступенек, я в неожиданности остановилась, чувствуя, как мои ладони взмокли от страха и напряжения.

Прямо напротив центрального входа библиотеки стоял глянцево-черный Астон Мартин, который я узнала благодаря фильмам о Бонде. Явление не типичнее для нашего кампуса, и почему-то я сомневалась, что авто ожидает миссис Адельсон, нашу главную библиотекаршу.

Вот дверца со стороны водителя открылась и я практически не удивилась, когда Эллингтон ступил на асфальт.

Черт!

Волна паники ударила меня, едва не сбив с ног. Откуда он узнал, что Патрик звонил? А я не сомневалась, что так оно и было.

Не в силах скрыть страх, я в безысходности наблюдала, как мужчина приближается ко мне. Мои ноги будто налились свинцом и приросли к месту. Поверхностное дыхание клочками пара вырывалось сквозь губы, с головой выдавая мое волнение.

— Мисс Колдвел, — растягивая мое имя, негромко произнес мужчина, кивнув мне. Его глаза внимательно наблюдали за мной, по-видимому, оценивая мою реакцию на его появление. Я не сомневалась, что ему доставило удовольствие то, что он видел.

— Мистер... Эллингтон. — Мой голос предательски дрогнул. — Что Вы здесь делаете?

Затаив дыхание, я ждала обвинений с его стороны, но он не спешил говорить что-либо. Просто смотрел на меня, отчего мне хотелось провалиться сквозь землю.

Черт, уверена, так смотрят маньяки на свою жертву.

— У меня есть для Вас новость, мисс Колдвел, — наконец ответил он, пройдясь по мне очень нескромным взглядом вдоль всего тела.

И хотя на мне были джинсы и куртка, я чувствовала себя так, словно на мне ничего нет. Какого дьявола он делает?

— Но...новость? — Мое горло пересохло, и голос отказывался слушаться меня. — Какая?

— Это касается Вашего отца, Грейс.

Он вновь назвал меня по имени, и казалось, будто он пробует, как оно звучит у него на языке. Его губы приподнялись в кривоватой усмешке: ему понравилось произносить его.

Я шумно сглотнула.

Он пугал меня до дикости, а его фразы и взгляды, в которых было столько недоговоренности, столько скрытого смысла, значения которого я не понимала, сбивали с толку, вызывали чувство опасности.

— Давайте сядем в машину, потому что здесь чертовски холодно, — предложил он, указав рукой в сторону авто.

Я перестала дышать, в ожидании чего-то пугающего глядя на него.

Сесть с ним в машину?

Только не это. Но какой у меня выбор?

На ватных ногах я последовала за ним к автомобилю и на автомате села на переднее сиденье, когда он открыл передо мной дверцу.

Какой джентльмен, кто бы подумал!

Не будь я в таком помутненном от тревоги и неизвестности состоянии, я бы непременно оценила дорогой салон из светло-шоколадной кожи. Прежде мне не доводилось сидеть в

таких дорогих авто.

— Посмотри это, — протянув мне плотный коричневый конверт, повелительным тоном произнес мужчина.

Не понимая, что происходит (я-то ожидала немедленной расплаты за свое невыполненное обещание), я распечатала конверт. Внутри оказались фото — выполненные профессиональной камерой, которая запечатлела моего отца где-то возле дешевого мексиканского мотеля.

Все внутри меня заledenело, когда я поняла, что Эллингтон нашел его и без моей помощи.

Я несмело подняла голову и встретила с внимательно наблюдающим взглядом мужчины.

Его губы растянулись в самодовольной усмешке.

— Я всегда добиваюсь желаемого, Грейс, — дернув плечом, словно, между прочим, сообщил он.

О, я не сомневалась в этом!

— Я не понимаю... — надломленным голосом пробормотала я, — если Вы нашли его, то чего хотите от меня?

Для меня оставалась загадкой цель его приезда сюда. Если он нашел Патрика — то зачем ему я? Или он просто хотел лично сообщить мне о своей победе?

Рассматривая мое лицо странным, неопределённым взглядом, от которого мне хотелось бежать без оглядки, он не торопился удовлетворять мое любопытство. И от этого я нервничала еще больше.

Чего он тянет? Почему сразу не выложить всех карт? Ему что, так нравится мучать тех, кто явно слабее его?

Когда я уже готова потребовать от него ответа, он начал говорить. Его голос звучал не громко, с каким-то пугающим спокойствием. Но не тон его голоса был самым страшным, а его слова.

— Как ты уже успела понять, то, чего я хочу, я получаю. Теперь же я хочу тебя. И можешь быть уверена, — его губы искривились в циничной ухмылке, — ты будешь принадлежать мне. Скоро Грейс, очень скоро.

Его угроза-обещание стали последней каплей в моей выдержке. Трясущимися руками я нащупала ручку дверцы и едва не упала на асфальт, торопясь покинуть злосчастную машину и ее хозяина.

Мои легкие разрывало от недостатка кислорода, потому что я забыла дышать, находясь рядом с этим страшным человеком.

Сделав несколько шагов, я побежала, желая как можно дальше убратсья от Адама Эллингтона.

Больше всего пугало то, что я поверила ему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Грейс, я думал, что ты хочешь помочь своему отцу.

Донесшиеся позади слова заставили меня остановиться. Медленно я обернулась, заставляя себя смотреть в лицо Эллингтона. Казалось, он забавляется от создавшейся ситуации.

Этот человек получает наслаждение, причиняя боль другим — пронеслось у меня в голове.

Отлично, я попала в сети к психопату.

— Я даю тебе шанс, Грейс.

Раскинув руки в стороны, он не спеша шел в мою сторону. В черных слаксах и черном кашемировом двубортном пальто он выглядел по-настоящему дьявольски.

— Так воспользуйся им, — негромко, искушающим голосом договорил он, подойдя ко мне достаточно близко, чтобы я почувствовала аромат его дорогого одеколona.

Ближе, чем мне было комфортно.

— Вы больны? — обхватив плечи руками, резко спросила я.

Господи, разве человек в здравом рассудке станет преследовать девушку и делать такие пугающие заявления?

Мускул на лице мужчины дернулся, и его челюсти плотно сжались. Глаза опасно сверкнули, будто я приблизилась к линии, которую ни в коем случае нельзя было переступать.

В инстинкте самосохранения я отступила, испугавшись, что он может ударить меня.

— Нет, Грейс. — Когда он, наконец, заговорил, его голос сквозил холодом и едва сдерживаемой злостью. — Я тот — кто привык брать желаемое, чего бы это ни стоило.

— И сейчас это желаемое — я?

Я в недоумении смотрела на него.

Боже, ну зачем я ему нужна? Что во мне есть такое, чего бы он мог желать? Таких как я тысячи — обычная студентка. Он же мог иметь любую и, не прибегая к шантажу.

Красивый, богатый, уверенный (даже слишком) в себе. Что мешает ему найти ту, которую не надо будет силой заставлять?

Или, все дело как раз в этом? Все удовольствие от того, что он насильно подчиняет себе женщину?

Ох, от подобного вывода меня замутило.

— Сейчас — да, — кивнув, подтвердил он.

— Но мне это не надо. — Я покачала головой, стараясь вернуть себе самообладание. Возможно, если я буду держаться уверенней, он примет отказ?

Его губы тронула призрачная улыбка.

— Речь не о твоих желаниях, Грейс. Ты и не должна этого хотеть.

Я вновь едва не назвала его больным — нет, он точно псих! — но вовремя сдержалась.

— Тогда в чем смысл?

— В том, что я получу тебя. Во временное пользование. — Он говорил так обыденно и спокойно, будто мы разговаривали о чем-то вполне нормальном, о погоде или курсе валют, а не о том, что он хочет пользоваться мной определенное время.

И что это вообще значит? Какие отношения подразумевает это «временное пользование»?

— Я не понимаю.

Чего я действительно не понимала, так это почему я стою здесь и выслушиваю этот бред?

— Я хочу, чтобы ты стала моей собственностью, — четко артикулируя, словно разговаривая со слабоумной, пояснил он. — На время, один год. Взамен этого, я оставлю твоего отца в покое и верну закладную твоей бабушке. — Он передернул плечами. — Не плохой обмен, ты не считаешь?

Мои глаза стали огромными, как два блюдца. Он это серьезно — я должна на год стать

его собственностью?

Нет, этот человек точно повернут на всю голову.

— Мистер Эллингтон... — я сделала паузу, чтобы не назвать его помешанным придурком и извращенцем. — Более нелепого предложения я не слышала.

— Грейс, по-моему, ты забываешь, что я знаю, где прячется твой отец, — с обманчивым спокойствием напомнил он. — И поверь, я могу быть очень жестоким. — Последнее слово он выделил, не мигая глядя в мои глаза. — Твоему отцу не понравится, если я заставлю его ответить за то, что он сбежал от меня. Тебе это не понравится, Грейс.

Он сделал шаг в мою сторону, проникая в мое личное пространство, и я только усилием воли не оттолкнула его.

— Как думаешь, Грейс, что будет с твоей бабушкой, если она лишится своего дома?

Я вспомнила сморщенную старушку, которую любила больше всего на свете. Вспомнила, сколько всего хорошего она сделала для меня.

Бабушка стала для меня и отцом и матерью в одном лице. И сейчас она полностью беззащитна, ей не на кого рассчитывать. Если я не помогу ей, тогда кто?

Мои глаза наполнились слезами, и я отвернулась, смахнув их. Этот монстр не должен видеть, как легко он сломал меня.

— Зачем Вы делаете это? — Я с горечью посмотрела в бесстрастные глаза Адама Эллингтона. — Откуда столько жестокости? Вы ведь даже не знаете меня.

Он сделал еще один шаг ко мне, и теперь я могла чувствовать тепло, исходящее от его тела.

Я могла бы поклясться, что этот человек мертв и передвигается с помощью черной магии.

Нагнувшись к моему уху, он прошептал:

— Потому, что я так хочу, Грейс.

Он так хотел, вот и все. Хотел подчинить меня себе, и плевать, что это разрушит мою жизнь.

Я подумала о Дине, и мне захотелось завывать от отчаянья.

Что станет с нашими отношениями, если я соглашусь?

Стоп, неужели я всерьез думаю о том, чтобы согласиться?

Нет, я должна сказать, чтобы он убирался к черту со своим предложением. И тогда мой отец, скорее всего, будет мертв, а моя больная бабушка потеряет крышу над головой и окажется в отвратительном приюте для стариков, у которых нет ни гроша за душой. Или, что еще хуже — смерть сына ее уничтожит.

Я понимала, что у меня нет выхода. Единственный шанс исправить то, что натворил отец — согласиться на предложение этого монстра в обличье человека.

Я молила Бога, чтобы это оказался только ночной кошмар и я, наконец, проснулась, но, к сожалению — это была моя реальность.

— Я дам тебе время подумать, — внезапно смиловался Эллингтон, видя мои терзания. — До завтрашнего вечера, Грейс. И если ты не согласишься, последствия наступят тут же. — Он сделал короткую паузу, внимательно наблюдая за мной. Потом вздохнул и отступил, напомнив: — Завтра, Грейс. Я хочу услышать ответ завтра.

И после этого он ушел, оставив меня переваривать свое дикое, ужасное и пугающее предложение.

Нет, свой жестокий ультиматум.

Раздираемая злостью и негодованием, я долго торчала на холоде, кипя внутри и желая выплеснуть накопившийся гнев.

Как я могла влипнуть в такое дерьмо?! За что мне все это? Неужели мало паршивых вещей произошло в моей жизни?

Как вообще кто-то может предлагать другому человеку то, что предложил мне Эллингтон. В какое время мы живем?

О, этому ублюдку надо было родиться в девятнадцатом веке, дабы иметь у себя рабов.

Он, видите ли, хочет взять меня «во временное пользование»!

Нет, серьезно? Кто я, по его мнению, такая? Вещь, бездушный предмет, которому дела нет до того, что делает с ним хозяин?

Ох, я готова была завывать от ярости и... чувства отчаянья. Я знала, что должна отказать ему, но в таком случае он превратит наши жизни в кошмар.

Боже, я не хотела становиться игрушкой в руках этого страшного человека. Что он собирался делать со мной? Использовать меня как сексуальный объект для своих забав?

Фу! Меня затошнило и, испугавшись, что вот-вот вырву, я склонилась у края дорожки, глотая холодный воздух.

Одна только мысль, что он прикоснется ко мне, приводила меня в дикость, ну а о том, чтобы лечь с ним в постель...

Нет, лучше об этом не думать.

О том, чтобы сейчас вернуться в общагу, и лечь спать, не было и речи. Я точно не усну с атакующими мыслями в моей голове. И я не смогу удержаться и все разболтаю девчонкам, и конечно же, они начнут меня отговаривать, а мне и без того паршиво.

Поэтому, недолго думая, я отправилась в бар на территории студенческого городка. Несколько порций текилы помогут моим распатавшимся нервам.

Сев за стойку, я заказала выпивку и, опрокинув первый шот, тут же потребовала второй. Я не часто пила, только иногда с девчонками могла позволить себе вина или пива на вечеринке. Но сейчас мне очень, очень надо было надраться.

— Ублюдок проклятый, — зло прошипела я, берясь за третий шот. Бармен странно на меня посмотрел, но я проигнорировала его. Я не стала извиняться и объяснять, что это не относилось к нему. В данный момент мне не было дела до нежных чувств других людей.

Меня шантажирует больной на голову урод, и хочет сделать меня своей комнатной собачкой — есть над чем подумать.

— Грейс?

Я повернула голову, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы идентифицировать личность парня, который ко мне подсел. Это оказался Бред, мы с ним ходили вместе на политологию. Он казался удивленным, но улыбался мне.

— Бред! Привет! — Я уже достаточно захмелела, чтобы мой голос звучал громче обычного. Я ударила кулаком в плечо парню и его глаза стали еще больше от моего неадекватного поведения.

— Ты наливаешься здесь в одиночку? — Парень огляделся, убеждаясь, что со мной никого нет.

Я в торжественном жесте подняла новую порцию текилы.

— Как видишь.

— Мм... У тебя все нормально? — Он склонился ко мне чуть ближе, с беспокойством заглядывая в глаза.

Вау, неужели ему не все равно? Мы, в конце концов, не были друзьями.

— Нет Бред, я в заднице. — Я широко улыбнулась и залпом проглотила очередной шот. Который уже по счету?

— Я в полной заднице, — заплетающимся языком повторила я, подперев голову рукой.

— Если хочешь, можешь рассказать мне, — предложил парень, немного смущенно мне улыбнувшись.

О, такой милый! Он мне напомнил чем-то Дина. А вспомнив о Дине, мне захотелось заплакать. Из-за чокнутого Адама Эллингтона мои отношения с Дином закончатся, не успев начаться.

— Лучше выпей со мной, Бред. — Я жестом показала бармену повторить. — И ему тоже налейте.

В общем дальше я уже мало что помнила.

Обхватив рукой живот, внутри которого, очевидно происходило землетрясение, я каталась по кровати, периодически издавая стонущие звуки.

Ох, как же мне было хреново!

Ну, зачем, зачем я вчера так много пила?

Меня стошнило уже, наверное, раз пять. Земля кружилась перед глазами, и казалось, что если я вырву еще хоть раз, то лишусь своего желудка.

— Выпей. — Эмми с сочувствующим видом протянула мне стакан с водой. — Это просто минералка без газа с лимоном. Нужно восполнить водный баланс.

— Спасибо. — Дрожащей рукой я взяла стакан, стараясь ничего не расплескать, и с жадностью выпила половину.

— Ты уже в состоянии говорить об этом? — Подруга устроилась у меня в ногах, а я натянула подушку на голову, так мне было стыдно.

Я должна была как-то объяснить происшедшее. Собственно, то, что я напилась, было не самым худшим и постыдным.

Но как в этом признаться?

— Я вчера сделала кое-что. — Из-за того, что я говорила, накрывшись подушкой, мой голос звучал приглушенно. — Что-то не очень хорошее.

— Помимо того, что ты напилась вдрызг?

— Угу. — Я убрала подушку с головы и, пожевав губу в нерешительности, промямлила: — Ночью я занималась сексом. Не с Дином.

С Дином мы еще не дошли до этой стадии. Теперь же, как я боялась, уже и не дойдем.

— Что? — Глаза Эмми стали огромными, а рот застыл в форме буквы «О».

Да, я не была из тех девушек, которые в первый же вечер спят с парнями. Ну, раньше не была.

— Кто же он? — немного оправившись от шока, спросила Эмми.

— Один одноклассник, Бред. Ты его не знаешь.

— И как вы с Бредом дошли до секса? — Эмми чуть наклонила голову набок, вознамерившись разузнать все подробности. — Я-то думала, тебе Дин нравится.

— А он и нравится! — Я так резко вскинула руки, что мой слегка успокоившийся желудок болезненно сжался. — Я была пьяная и в отчаянье, и не очень соображала, что делаю. — Я страдальчески поморщилась.

А вот так мне и надо! Ну как, как меня могло угораздить переспать с Бредом?!

— Я с этой постели никогда больше не встану, — упрямо поджав губы, заявила я. —

Буду лежать тут, пока не умру. Так мне не придется встречаться с Дином, потому что я не смогу посмотреть ему в глаза. И мне не придется ходить на политологию, где я непременно увижу Бреда, что будет очень неловко.

— Давай ты это решишь, когда тебе полегчает, — усмехнулась Эмми. — И все же скажи мне, чего это тебя в бар понесло?

Поколебавшись, я все же рассказала Эмми о вчерашнем визите Эллингтона и том, что он нашел Патрика. А вот о его проклятом предложении я сказать не смогла.

Вспомнив, что сегодня мне нужно будет дать ему ответ, меня опять затошнило.

Чуть позже Эмми ушла на занятия, а я провалилась в тяжелый сон. Я не могла полностью расслабиться из-за измены Дину (мы еще не были официально парой, но все же я не могла воспринимать это иначе), и того, что к вечеру придется вновь встретиться с Эллингтоном и... согласиться.

Проснувшись я от телефонного звонка. Ужасно не хотелось выбираться из объятий сна, в котором хотелось забыться навечно.

Номер был мне незнаком, и я несколько мгновений разглядывала его, пытаюсь вспомнить.

Тяжело вздохнув, я нажала на «ответить».

— Алло! — Я тщетно попыталась подавить широкий зев. Чувствовала себя все еще не важно, но уже не казалось, что вот-вот умру.

— Мисс Колдвел? — спросил молодой женский голос.

— Да, это я.

— Мисс Колдвел, вас беспокоят из Окружной больницы Чикаго. Ваша бабушка, миссис Колдвел попала к нам с переломом бедра.

— Что?! — Я резко подскочила на кровати, отчего все во мне протестующе встрепенулось, и ковер в нашей комнате пошел волнами. — Она в порядке?

— Не волнуйтесь, мисс Колдвел, — успокоил меня голос на том конце. — Помимо бедра, с вашей бабушкой все в порядке. Мы позвонили вам, потому что миссис Колдвел назвала вас своим ближайшим родственником и дала ваш номер.

— Я сейчас же приеду, — борясь с душившими меня слезами, пообещала я.

Повесив трубку, я сползла с кровати и, держась за голову, поковыляла в ванную. Стараясь действовать быстро, насколько позволяло мое состояние, умылась и почистила зубы; расчесала спутавшиеся волосы.

Бедная моя бабушка! Как же могло так произойти?

Я тоже хороша! Нельзя было оставлять ее одну, пока нет сиделки.

Натянув первые попавшиеся слаксы, рубашку и куртку, я схватила сумку с кошельком и поспешила в больницу, каждую секунду борясь с остаточным похмельем.

Бабушка спала, когда я, наконец, добралась до больницы, поэтому я, не теряя времени, поговорила с ее лечащим врачом.

Прогноз был не слишком утешительным. Учитывая возраст и недавний инсульт, шансы на полное выздоровление были не так велики. Бабушке требовалась операция по тазобедренному протезированию и долгий период восстановления. Когда я услышала, что страховка практически не покроет предстоящую операцию и дальнейшее лечение, мне показалось, что я глубоко под водой и задыхаюсь от нехватки кислорода.

Почти вся медицинская страховка ушла на восстановление от инсульта, и теперь денег почти не осталось.

Когда доктор Эшбрук ушел, я забила в кресло в палате бабули и, глядя на то, как ее грудь медленно поднимается и опускается, заплакала.

Я действительно в глубокой заднице, и никто, кроме меня самой не сможет мне помочь.

Немного придя в себя, потому что не время было расклеиваться, я позвонила тете Шерон, и она пообещала приехать сразу же. К тому времени, как она ворвалась в палату, охая и причитая, бабуля уже проснулась и успокаивала меня, потому что я вновь начала разводить сырость.

— Мам, ну как же так, — покачала головой Шерон, взяв руку бабушки в свою ладонь.

— Я старая тетка, которую больше не слушается ее тело, — в своей благодушной манере проворчала бабушка. — Просто споткнулась и вот результат.

Пока бабушка и тетя разговаривали, я отошла в сторону, кусая губы от нерешительности. Я должна была это сделать, ради бабули. В первую очередь ради нее.

Я убеждала себя, что смогу это сделать. Да, будет трудно. Да, мне придется переступить через себя.

Ну и к черту! Если это поможет единственному человеку, который когда-либо любил меня и заботился обо мне, то пусть так и будет.

Тетя Шерон решила остаться с бабушкой, а я сказала, что поеду и соберу кое-какие вещи, которые могут понадобиться пациентке.

Выйдя из больницы, я поймала такси. Мне нужно было, как можно быстрее добраться до Уиллис — тауэр. Была почти половина пятого, и я надеялась, что Эллингтон все еще в своем офисе.

Я вошла в здание, стараясь не привлекать к себе внимание. Надеялась, что охрана не выпрет меня, потому как одета я была совсем не для этого центра, да и пропуска у меня не было. Но, к своему облегчению, я без проблем добралась до лифтов.

«Эллингтон групп» занимала восемьдесят третий и четвертый этаж. Я вышла на восемьдесят третьем и, чувствуя ужасную скованность и растерянность, огляделась. Казалось, все, кто был здесь — глубоко погружены в работу.

Да уж, Адам Эллингтон наверняка очень строгий руководитель, умеющий держать своих подчиненных в страхе.

Мимо проходила какая-то девушка, жутко делового вида, и я отважилась спросить у нее, где я могу найти мистера Эллингтона. Она немного недоуменно оглядела меня, очевидно задаваясь вопросом, как кто-то подобный мне мог тут очутиться, но все же отрывисто ответила, что мистер Эллингтон занимает следующий этаж.

Поднявшись этажом выше, я оказалась в большом холле, где на ресепшене сидела молодая женщина эффектной наружности. Увидев меня, женщина вскинула свои идеально выщипанные брови и голосом профессионала осведомилась:

— Я могу вам чем-то помочь?

Не сомневаюсь, что помощь мне не входила в топ-лист ее желаний, но, очевидно, работа на такого человека, как Эллингтон обязывала всегда быть предельно вежливой и деловой.

— Я бы хотела встретиться с мистером Эллингтоном, — держа голову прямо, ровным тоном ответила я. Нервничала я больше, чем показывала это.

И я все еще ожидала, что меня могут выпроводить в любую секунду.

— Вам назначено?

Если Аманда (а именно это имя стояло на ее бейдже), и была удивлена, то виду не

подала.

— Не совсем. — Я не знала, ожидал ли Эллингтон моей инициативы, или собирался связаться со мною позже. Но я не могла ждать. — Но у меня к нему срочное дело.

Бровь Аманды едва скептически выгнулась. Наверное, она приняла меня за несчастную прилипалу, которая приперлась со своим никчемным делом к ее большому боссу.

— Ваше имя, — сухо поинтересовалась женщина.

Я ответила.

— Минуту.

Она все же подняла трубку телефона и сообщила кому-то невидимому о том, что мисс Колдвел желает аудиенции у мистера Эллингтона.

Да, да, так и сказала.

Король блин, мать его так!

— Ожидайте, — коротко бросила Аманда, положив трубку и упершись взглядом в монитор компьютера.

Вот стерва!

Меня все еще кошмарило после прошедшей ночи, и я едва не рассмеялась вслух, представив, какой шок получит Аманда, если меня стошнит в ее стильное мусорное ведро.

Минут через пять ее телефон зазвонил, и с кивком выслушав своего собеседника, она с фальшивой улыбкой позволила мне войти, указав на нужную дверь.

За ней я оказалась в еще одной приемной, немного меньшего размера. Как и везде, здесь преобладали светлые, холодные тона. Мебели и украшений был самый минимум, ничего лишнего, только то, что выполняло какую-то функцию.

Видно, Эллингтон не любил окружать себя лишними, бесполезными вещами.

— Мисс Колдвел, мистер Эллингтон ожидает вас.

Мне навстречу поднялась такая же собранная, профессиональная секретарша. Гладко зачесанные пепельные волосы и серый костюм делали ее внешность строгой. На вид ей было не меньше сорока, что удивило меня, так как я ожидала, что личная секретарша Эллингтона непременно будет молодая блондинка с внешностью фотомодели.

Секретарша раскрыла передо мной двустворчатые дубовые двери кабинета, и я неуверенно ступила внутрь. Такой же огромный и впечатляющий, чем-то напоминающий его домашний кабинет-библиотеку.

Эллингтон стоял посреди комнаты, чуть склонившись к ослепительно красивой девушке, которая что-то шептала ему на ухо, и слегка улыбался. У нее были глянцево-черные волосы, идеально лежащие на спине и кожа цвета капучино.

Вот такие женщины и должны окружать его. И уж тем более странно, что он заинтересовался мной, если так можно выразиться.

Пока Эллингтон и девушка о чем-то шептались, я стояла в стороне, чувствуя себя донельзя глупо и неудобно.

Может, передумать, пока не поздно? Сбежать от сюда и никогда больше не возвращаться.

Жаль, непозволительная роскошь для меня.

— Было классно, Адам. — Девушка, наконец, отлепилась от Эллингтона и двинулась к выходу. Мимолетом бросила презрительный взгляд в мою сторону, и мне отчаянно захотелось показать ей средний палец. — Впрочем, как всегда.

Она одарила его буквально кричащим взглядом, проведя наманикюренными пальцами в

уголках рта, что не оставило у меня сомнений о том, что здесь происходило. Она явно не на деловую встречу приходила.

— Увидимся, Кассандра, — низким голосом произнес мужчина, проводив свою визитершу и закрыв за ней дверь.

Я едва подавила рвотный позыв.

Вот же два урода!

Стоило нам остаться в комнате одним, и атмосфера буквально изменилась, став тяжелой и напряженной. Я боялась пошевелиться, чувствуя спиной прожигающий взгляд хозяина кабинета. Послышались шаги позади: неспешные, словно ко мне приближался хищник, боясь спугнуть свою добычу.

Я оборвала красочное видение, призвав себя не думать о глупостях.

«Будь спокойна. Спокойна».

Мужчина прошел мимо меня, слишком близко, почти коснувшись, и я внутренне сжалась, испугавшись, что он захочет притронуться ко мне.

Не притронулся. Спокойно прошел на свое место за столом и жестом указал мне сесть в кресло напротив.

— Есть что-то, что ты хочешь сообщить мне, Грейс? — Он выжидающе посмотрел на меня, постукивая ручкой «Паркер» по столу.

Выпендрейщик!

— Я согласна. — Мне показалось, что голос принадлежит незнакомке, а не мне. Как только эти слова сорвались с моих губ, я почувствовала, что больше не принадлежу себе.

— Ты согласна? — Его брови слегка приподнялись, хотя он не выглядел удивленным. Не сомневаюсь, что он и так был уверен в успехе. Просто ему доставляло удовольствие услышать это от меня.

Я кивнула.

— Что ж, ты приняла верное решение.

Казалось, что мы заключаем деловую, вполне распространенную сделку, а не извращенную и явно нездоровую.

— Но у меня есть одно условие, — набравшись храбрости, заявила я.

— Условие? — Он приподнял губы в улыбке. — Ты считаешь, ты в том положении, чтобы ставить мне условие?

О, его голос звучал так надменно и самодовольно, что мне захотелось его ударить.

Нет, мне хотелось бить его и бить, до тех пор, пока его красивое лицо не превратится в кровавую кашу.

— Иначе я откажусь. — Я передернула плечами.

Что ж, все, или ничего. Другого выхода я не видела.

Несколько секунд он смотрел на меня, явно забавляясь, потом милостиво взмахнул рукой.

— Говори.

Я сцепила пальцы вместе, собирая все свое мужество.

— Это касается моей бабушки. — Мой голос почти не дрожал, с чем я себя и поздравила. — Ей требуется долгое и дорогое лечение. Вы оплатите ей его, если хотите, чтобы я согласилась.

Ух! Я смогла это сделать. Теперь оставалось дожидаться ответа Эллингтона. Если он откажется, всему конец.

Мужчина поддался чуть вперед, глядя мне в глаза своим прямым, смущающим взглядом. Казалось, он видит меня насквозь. Мне это не нравилось. Очень.

Пугающий до жути!

— Ладно. — Наконец кивнул он. — Это все?

Услышав его согласие, я сперва растерялась. Я-то ожидала, что он высмеет меня и пошлет к черту.

— С учетом ваших первоначальных обещаний — да, все.

— Тогда думаю, будет справедливо, если я так же озвучу свои условия.

Ну конечно, я же не думала, что все будет так просто.

— Конечно, — сухо пробормотала я.

— Никаких других мужчин, это первое и главное требование. — Он расслабленно откинулся на спинку кресла. — Нарушишь его — тут же будут последствия, для вас двоих. — Его голос звучал бесстрастно, но так многообещающе.

Я не сомневалась, что мне придется дорого заплатить за нарушение этого правила.

Представив, что мне придется попрощаться с Дином, я едва не расплакалась. Мое сердце болезненно сжималось от мысли, что придется сказать ему, что все кончено.

— Я не люблю делиться, Грейс, — тихим голосом произнес Адам, не мигая глядя в мои глаза. — С этим есть проблемы?

Я покачала головой и сдавленно прошептала:

— Нет.

— Хорошо. — Он удовлетворенно кивнул. — Второе требование, не менее важное. Всегда носить его с собой и следить, чтобы он был включен.

Он достал из своего стола коробку с мобильным и передал мне.

— Я должен иметь возможность связаться с тобой, когда мне это надо. В нем записан единственный номер — мой, и так должно оставаться. Не используй его ни для чего, кроме связи со мной.

Больной, повернутый, параноидальный псих!

— Если я захочу связаться с тобой, а телефон будет отключен, это так же будет иметь последствия.

Я едва не застонала. Нет, серьезно, почему этот человек еще не в сумасшедшем доме?

— Почему это так важно? — все же рискнула спросить я.

Он улыбнулся своей жуткой улыбкой.

— Потому, что я так сказал, Грейс. Тебе не надо знать мои мотивы, не пытайся понять. — Он дернул плечом. — Если сомневаешься, то откажись сейчас, потому что, выйдя из этой комнаты, назад дороги не будет. Ты не сможешь отменить договор, он будет расторгнут только в том случае, если кто-то из нас двоих будет мертв.

Что ж, если до этого момента я была недостаточно напугана, то после этих слов готова была хлопнуться в обморок.

Он сейчас что-то про смерть сказал? У меня не было никакого желания преждевременно попрощаться с жизнью.

— Я поняла.

Я кивнула, не показывая, что мне до одурения страшно.

«Помни, для чего ты это делаешь, Грейс».

— У тебя есть какие-то вопросы?

Я подумала, что у меня тьма вопросов, но он же все равно не станет на них отвечать.

Поэтому задала самый безобидный.

— Мы подпишем какой-то контракт?

Эллингтон усмехнулся, приложив пальцы к губам.

— Нет, Грейс. Никаких письменных контрактов. Ты и так будешь выполнять все, что я пожелаю.

Самоуверенный ублюдок!

Я знала, что мне не понравится делать то, что он пожелает. Но я уже так глубоко увязла в этом, что паниковать было поздно.

Я сама пришла к нему и согласилась на его извращенное предложение. Пути назад нет, потому что если я сейчас отступлю, дорогие мне люди пострадают.

— Так что теперь?

Я в полной растерянности смотрела на него. Теперь, когда мы заключили этот договор, как мне следовало вести себя?

Правда, я не знаю, что должны делать девушки, которых взяли во «временное пользование».

— А чего ты ожидаешь? — Он вскинул одну бровь, наслаждаясь моей растерянностью. — Что я тут же кину тебя на стол и оттрахаю?

О Бог мой! Мое лицо моментом запылало, и я опустила глаза под его откровенным взглядом.

— Нет, Грейс. Для быстрого переписки у меня всегда есть желающие шлюхи. — Его голос звучал жестко. — На тебя у меня другие планы, не стоит торопиться.

Мне хотелось уползти куда-нибудь в угол и умереть там.

— А теперь отправляйся домой и как следует выпись. Похмелье — паршивая штука.

Разве степень моего стыда может быть выше?

Еще как!

А ведь и виду не подал, что заметил мое состояние.

На непослушных ногах я поспешила к двери. Я бы бежала еще быстрее, если бы Адам (странно было думать о нем как просто об «Адаме») не пошел провожать меня. Протянув руку, он чуть наклонился, чтобы открыть дверь и его грудь коснулась моего плеча. Меня будто током прошибло, и я лишь чудом не подскочила, как ужаленная.

Для меня не осталась незамеченной скользнувшей по его губам усмешка.

— До скорой встречи, Грейс, — на ухо мне пошептал Адам, и словно в тумане я вновь оказалась в приемной, а дверь его кабинета закрылась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уйдя из «Эллингтон групп» я сразу же отправилась в дом бабушки, чтобы собрать ее вещи в больницу. Пока ехала в автобусе, я старалась не думать о том, на что только что согласилась.

На что вынуждена была согласиться.

Так я оправдывала свое решение. Разве у меня был какой-то выбор? Точнее, выбор то был, но не самый хороший.

Я знала, что еще не раз пожалею о том, что связалась с Адамом — параноидальным — психом — Эллингтоном. И скорее всего уже скоро. Но самым главным сейчас было выздоровление бабули. Если Адам выполнит свою часть сделки, то и я так же.

Когда я вернулась в больницу, то была удивлена, не обнаружив бабушку в ее палате. На миг мое сердце забилося быстрее от мысли, что с ней могло случиться что-то страшное, пока

я отсутствовала. Но медсестра, к которой я обратилась с вопросом, где делась бабуля, ответила, что ее перевели в палату-люкс этажом выше.

Я даже не пыталась скрыть недоумение.

С чего бы бабушку переводили в палату-люкс? Только если...

Я замерла посреди больничного коридора, покачав головой.

Неужели Эллингтон позаботился об этом? С чего бы ему это делать?

Но другого объяснения не было. Кроме него никто не мог оплатить люксовую палату и дополнительный комфорт.

— Я вернулась.

Я с улыбкой вошла в новую палату бабули, не выдавая того, что меня беспокоило. Бабушка как раз заканчивала ужинать, с удовольствием расправляясь с зеленым желе, а тетя Шерон внимательно следила за шоу «Холостяк» по огромному телевизору.

Палата, напоминающая отельный номер была огромной. Помимо новой больничной койки здесь стояла удобная на вид кушетка для посетителей, круглый столик со стульями и телевизор с кабельным подключением.

— Грейси, угадай, что произошло! — Бабуля радостно посмотрела на меня. — Час назад меня перевели в этот роскошный номер!

— Да, просто пришли и сказали, что кто-то позвонил и оплатил эту палату, а еще оплатил все лечение! — Тетя Шерон с безумным от восторга глазами закивала головой.

— Ух ты ж! — Я притворилась впечатленной. — Это же замечательно!

— Грейси, думаешь, это может быть твой отец? — спросила бабушка. Она поверила в сказку, что папа уехал по работе в другой город.

— Я так не думаю, — пробормотала я, с усилием подавляя в себе раздражение из-за выходки отца.

— И все же, кто мог сделать это? — Тетя Шерон в растерянности посмотрела на меня, будто я и правда могла знать ответ.

Я-то знала, но говорить им об этом не собиралась.

— Понятия не имею. — Я пожала плечами, схватив гроздь винограда из вазы с фруктами, чтобы занять чем-то рот и не отвечать на вопросы, на которые при всем желании не смогу ответить.

— Даже не догадываешься?

Тетя все не унималась. Я покачала головой, набив рот виноградинами.

Ну чего прицепилась?!

— Может, это кто-то из тех, кто тайно занимается благотворительностью? — предположила бабушка. — Я видела передачу про таких людей. Они не раскрывают себя, но оплачивают лечение тем, кто не может себе этого позволить.

Я чуть не подавилась, представив Адама Эллингтона эдаким тайным филантропом. Нет, уверена, этот человек ничего не делает просто так, если не ожидает для себя какой-то выгоды.

Чуть позже тетя Шерон ушла, потому что была ее вечерняя смена в закусочной, а я осталась с бабушкой, решив провести ночь в больнице. Удобная кушетка позволит мне нормально выспаться.

— Грейси, ты не обязана торчать в больнице со своей старой бабкой, — заявила бабуля, когда я сказала, что останусь. — Лучше отправляйся в общежитие и отдохни нормально в своей кровати.

— Бабуль, я...

— Серьезно, Грейси, я ведь не умираю. Со мной все будет в порядке. — Бабушка так авторитетно посмотрела на меня, что я поняла — спорить бессмысленно.

— Хорошо! — Всплеснув руками, я сдалась. — Но я приеду завтра.

На самом деле, я не очень хотела возвращаться в общежитие, потому что боялась встречи с Дином. Я знала, что мне как можно скорее необходимо поговорить с ним. Нужно решить эту ситуацию. Это как сорвать пластырь — чем медленней, тем больнее.

Поцеловав на прощание бабушку, я покинула больницу и села на автобус до кампуса. В дороге я начала зевать — день выдался суетливым, и я все еще немного мучилась результатами вчерашней попойки.

В нашей комнате никого не оказалось, когда я вошла — слава Богу. Я была не в состоянии объясняться с подругами, да и Лорен непременно начнет допытываться о прошлой ночи.

Воспользовавшись временным одиночеством, я долго принимала горячий душ — обычно, стоило только пустить воду, как ванна требовалась тут же еще кому-то. Чаще всего это была Лорен, которая любила подолгу собираться на свои многочисленные свидания.

После душа я натянула свою любимую, хоть и старую фланелевую пижаму и забралась в постель, мечтая поскорее уснуть. Мой взгляд упал на коробку с телефоном, которую я бросила на тумбочке у двери.

Ладно, посмотрим.

Взяв коробку, я вернулась в постель. Внутри оказался iPhone 5S.

Я с недоумением покрутила гаджет в руках. Зачем мне этот телефон, который при желании и ракету в космос запустит, если он предназначен только лишь для связи с одним придурком? Да уж, в сравнении с ним моя Моторола трехлетней давности, идущая бонусом к пакету подключения, казалась древним динозавром.

Как я и ожидала, в списке контактов был записан один-единственный номер, без имени. Я подписала его просто: «Мудак» и удовлетворенно улыбнулась.

Вспомнила, что Эллингтон сделал сегодня для бабушки, и на мгновение во мне проснулось угрызение совести. Правда, исчезло так же быстро, когда я подумала, чем именно он меня шантажировал.

Стоило ли мне написать ему смс с благодарностью?

Нет уж, еще чего! Я скривилась, подумав об этом. Не стану я его благодарить, в конце концов, это часть сделки и мне придется заплатить.

Вздыхнув, я спрятала телефон в ящик своей тумбочки — не хотелось лишних расспросов со стороны девчонок — и, выключив лампу, поудобней устроилась на кровати. Я надеялась, что усну тут же, но куда там! Конечно же, я долго ворочалась, обдумывая все, что произошло за последние дни в моей жизни.

Меня пугали предстоящие отношения с Адамом Эллингтоном. Пугал он и то, что он собирался сделать со мной. Боже, надеюсь, он не любитель колюще-режущих предметов в постели. Я боялась боли, боялась крови и... ну, я много чего боялась.

Я так и не смогла уснуть до того момента, как вернулись девчонки. Когда Лорен и Эмми вошли, я притворилась, что они разбудили меня и сонно моргая, начала ворчать.

— Прости. — Лорен без особого раскаянья развела руками и, шлепнувшись рядом со мной, выжидающе на меня посмотрела. — Рассказывай.

— Лор, отстань от нее. — Эмми улыбнулась мне, хотя любопытство в ее глазах было

более чем очевидно.

Я закатила глаза, понимая, что мне никуда не деться от расспросов Лорен и пересказала историю, которую утром поведала Эмми, опять умолчав о предложении Адама.

Я не находила в себе мужества сказать подругам об этом. И том, что я согласилась.

Вообще-то, я не знала, могу ли им рассказать. Хоть Эллингтон и не требовал держать наш договор в тайне, но все же, не хотела рисковать. Да и сказать об этом вслух — слишком стыдно и неловко. Откровенно говоря, я чувствовала себя продажной.

Такой я и была.

— Надеюсь, ты не собираешься во всем признаться Дину? — вскинула в мою сторону брови Лорен. — Это просто глупость по пьяни, с кем не бывает? Да у меня таких Бредов было... — Подруга запнулась, заметив наши с Эмми укоризненные лица. — Ладно, сейчас не обо мне.

— Я не собираюсь ничего рассказывать Дину, — чтобы успокоить Лорен, ответила я. — Но я решила порвать с ним.

Я опустила голову, разглядывая узор на своем покрывале, чтобы не смотреть в глаза шокированным подругам.

— Почему, Грейс? — наконец отозвалась Эмми, и ее голос звучал печально.

— Это из-за Бреда? Он так хорош в постели, что ты решила быть с ним? — Стараясь разрядить обстановку, пошутила как всегда грубоватая Лорен.

Я кисло усмехнулась.

— Нет, не из-за Бреда. Думаю, я еще не скоро смогу находиться рядом с ним и вообще, нужно бросит политологию. — Я всерьез подумывала об этом. — Просто сейчас не время заводить роман. — Я развела руками, выглядя донельзя жалко. — Скоро выпуск, и пора начинать работу над курсовой. И столько еще необходимо сделать, да еще и бабушка в больнице...

Подруги не были в курсе последних новостей, и я рассказала им о том, что бабуля неудачно упала и сломала бедро. Они мне посочувствовали, а после вновь вернулись к разговору о моем решении порвать с Дином.

— Грейс, думаю, ты совершаешь ошибку, — заявила всегда деликатная Эмми. — Этот парень нравился тебе больше года, и у вас все так хорошо стало получаться. Ты не думаешь, что торопишься с подобным решением?

— Эм, я не...

— Все это чушь, Грейс, — безапелляционно отрезала Лорен, когда я открыла рот. — Seriously, все дело в учебе и заботах о бабушке? — Она скептически смотрела на меня.

Ладно, согласна, мои отговорки звучали неубедительно. Но что я должна была сказать? «Я расстаюсь с Дином, потому что один сумасшедший, деспотичный кретин заставил меня стать своей игрушкой на год, и потребовал, чтобы других мужчин в моей жизни не было»?

Нет, я так не думаю.

— Это мое решение. — Я развела руками, давая понять, что не хочу больше говорить об этом. — Жаль, если вы не поддерживаете меня, но я думаю, что поступаю правильно.

Я едва не подавилась собственным языком, сказав это. Я врала подругам, и я сама не верила в причины, по которым делаю это.

Мне уже не нравилась та Грейс, какой я стала, когда решила пойти на условия Эллингтона.

Что же будет дальше?

Тем вечером я получила сообщение от Дина, в котором он спрашивал, как прошел мой день и не хочу ли я встретиться завтра. Я не стала отвечать, потому что струсилa, и на всякий случай отключила телефон. Я не готова была решать эту проблему прямо сейчас. Завтра я встречу с ним и тогда все скажу.

Это было труднее, чем я думала. Нет, я ожидала, что порвать с парнем, который мне нравится, будет не просто. Но не ждала, что все окажется плохо, очень плохо.

Дин воспринял новость о том, что нам больше не следует видаться так, будто я сказала ему, что случайно переехала его любимого пса. Он был поражен и шокирован. Спрашивал, что он сделал не так, ведь казалось, что у нас все идет хорошо. Я едва сдерживала слезы, неся этот бред про сосредоточенность на учебе и семейных проблемах.

Попрощавшись с ним, я поспешила в общагу и прорыдала в ванной за запертой дверью два часа, пока испуганные Эмми и Лорен уговаривали меня выйти, беспокоясь, что я наделаю глупостей.

Обессилив от слез, я стала понемногу успокаиваться, и меня начало клонить в сон. Наконец выйдя из ванной, я заползла в кровать, натянув на голову одеяло и отключилась.

А когда проснулась, была благодарна подругам, что они не донимали меня расспросами.

Мы съели на ужин суп из банки, побросав туда сухариков, а потом занялись учебой в полной тишине.

Я готовилась к тестовому срезу по политической социологии, постаравшись полностью уйти в текст учебника.

Моя жизнь все еще продолжалась.

Через пару дней бабушке сделали операцию по замене тазобедренного сустава. Доктор Эшбрук заверил меня, что все прошло успешно, и если дальнейшее заживление будет так же хорошо проходить, дней через десять бабушку выпишут.

Для собственного успокоения я сходила в бухгалтерию больницы и убедилась, что все расходы оплачены и мне не стоит беспокоиться. Бухгалтер Марсия, пышечка лет тридцати, радостно заметила, какой хороший и щедрый друг у моей бабушки, на что я только кисло улыбнулась.

Ага, как же.

После моей встречи с Адамом прошла почти неделя, а он так и не попытался связаться со мной. Мне бы радоваться, да я не могла. Это затяжное молчание нервировало и заставляло думать, что он что-то замышляет.

Что-то подлое и не приятное.

Собственно, а чего удивляться? Адам Эллингтон и есть подлый, неприятный тип.

Ну, может и не совсем неприятный. Я должна была признать, что он хорош собой. Да, его взгляд маньяка на охоте пронимал меня до дрожи, но думаю, многих женщин он очаровывал без труда.

Только вот на меня это не действовало.

Мое сердце все еще болело после разрыва с Дином, и я всячески старалась избегать мест, где могла встретить его. Думаю, он делал то же самое. Потому что пару раз мы все же оказались в поле зрения друг друга и оба, как по команде, развернулись и пошли в разные стороны.

Была еще досадная неприятность с Бредом. На политологии он попытался заговорить сс

мной, но покраснев, как помидор, я промямлила, что совершила ошибку, о которой хотела бы забыть. Бред был понятливый и больше не подкатывал.

Когда раздался сигнал нового сообщения, я не сразу сообразила, что это проснулся мой новый iPhone. Я уже забыла, что носила его с собой.

С тяжелым сердцем я открыла сообщение от Мудака.

«Машина будет ждать тебя после работы».

Коротко и повелительно, в стиле Адама.

Я показала язык телефону, выругавшись под нос, за что получила неодобрительный взгляд от миссис Адельсон. Она как раз подкатила мне тележку с книгами, которые я должна была расставить по своим местам.

Извинившись перед престарелой библиотечаршей, я сделала вид, что с головой ушла в работу.

Я любила книги, но предпочитала их читать, а не таскать тяжелыми стопками и монотонно расставлять по полкам. Но мне нужна была работа, и когда делать было нечего, я могла учиться.

В общем, помощник библиотекаря — не самая плохая работа, которая у меня была. Хоть и самая скучная.

Когда в восемь библиотека закрылась, мне пришлось собрать свои вещи и выйти на улицу. Я знала, что машина от Адама уже ждет меня — я двадцать минут пялилась на нее в окно, от волнения кусая ноготь большого пальца.

Это опять был «БМВ», наверняка с моими прежними конвоирами.

Я гадала, зачем я понадобилась Эллингтону и не собирается ли он сегодня перейти на более интимный уровень в наших отношениях. Я не была к этому готова (сомневаюсь, что вообще когда-то буду), но казалось странным, что больше всего меня беспокоит то, что на мне далеко не новое белье с дешевой распродажи.

Ругая себя за идиотизм, я спустилась по ступенькам и, не сбавляя темпа, направилась к авто, возле которого стоял — вот неожиданность то! — Молчун.

— Мисс Колдвел. — Мужчина кивнул мне и раскрыл передо мной заднюю дверцу.

Я забралась на сиденье и, нервничая, сжала руками кожаную обивку. Чем ближе была встреча с Адамом, тем больше я психовала.

Мы проделали тот же путь, что и три недели назад, а потом поднялись в лифте в квартиру 205. Я не заметила, как мой провожатый испарился, когда мы вошли внутрь.

— Да, Луис, завтра будет подписан окончательный контракт, — услышала я голос Адама, и он возник в моем поле зрения, показавшись из-за большой колонны с ровными линиями. — Теренс был в бешенстве, когда услышал, что произойдет с его компанией. — Он усмехнулся, и, заметив меня, сделал знак рукой входить. Я продолжала торчать в холле, переминаясь в нерешительности.

— Он сам виноват, я давал ему шанс, — сказал он своему собеседнику, наблюдая за тем, как я подхожу ближе. — Теренс знал, что будет, если не вытащит компанию из ямы за отведенный срок.

Он на некоторое время замолчал, слушая ответ, который я, естественно расслышать не могла.

Я ничего не могла сделать со смущением, которое испытывала под его внимательным взглядом. Его глаза были как сканеры, мне казалось, он видит меня насквозь. Чувствует мой страх и мою неуверенность; мою робость перед ним.

Ожидая, пока он закончит разговор, я отошла к окну, глядя на вечерний Чикаго. Небо уже полностью потемнело, и миллионы огней зажглись, чтобы осветить людям предстоящую ночь.

Через несколько минут Адам попрощался с тем, с кем вел разговор, и я повернулась к нему, осмелившись посмотреть в глаза.

— Здравствуй, Грейс.

Его губы приподнялись в подобие улыбки, и голос самоуверенного обладателя вернулся к нему. Я сразу уловила разницу — с человеком из телефона он говорил не так: более... человечно, нормально.

Я кивнула, но промолчала.

Теперь, ближе, я смогла рассмотреть недавний кровоподтек на его левой скуле.

Интересно, чьих это рук дело?

— Думаю, тебе интересно, для чего я позвал тебя?

На самом деле, он приказал мне быть здесь, но я не стала указывать ему на эту неточность.

— Было бы неплохо узнать, — съязвила я, поразившись собственной храбрости.

Адам усмехнулся и кивнул.

— Скоро узнаешь. Пойдем.

Он развернулся и направился куда-то по длинному коридору, и мне ничего не оставалось, как следовать за ним. Ни разу он не оглянулся, чтобы удостовериться, что я позади него.

Действительно, очень самоуверенный.

Конечно же, я нервничала, и мои ладони потели от неизвестности и ожидания чего-то, к чему я не была готова. Мы прошли несколько закрытых дверей, и, остановившись перед одной из них, Адам повернул ручку. Мой взгляд упал на его руки: костяшки пальцев были сбиты, и только начали заживать.

Нет, правда, кто тот человек, благодаря которому это случилось? Я хотела бы его поблагодарить.

— Проходи. — Он кивнул, чтобы я вошла первой.

Мое сердце колотилось где-то в районе горла, когда я делала шаг в комнату. Я ожидала чего угодно, но не того, что это окажется уютная спальня, а в ней... молодая женщина, которая улыбнулась, когда я вошла.

— Это Анджела Фергюсон, мой личный консультант по закупкам, — представил женщину Адам, отвечая на мой недоуменный вид. — Анджела, это мисс Колдвел, о которой я тебе говорил.

— Очень приятно, мисс Колдвел.

Анджела протянула мне руку, улыбаясь так, будто ей и правда очень приятно от нашего знакомства.

— Просто Грейс. — Я в некотором смущении ответила на рукопожатие, все еще не понимая, что здесь творится.

— Анджела снимет с тебя мерки, а потом купит все необходимые вещи, — сообщил мне Адам.

— У меня есть все, что мне нужно, — возразила я, не понимая, с чего это Анджела, какой-бы приветливой не была, должна что-то мне покупать.

— Грейс, — произнес Адам, и я уловила сдерживаемое раздражение в его тоне, —

иногда мы будем ходить в места, где твоя одежда не подходит. — Он дернул плечом, только что, не обозвав меня ободранкой и дешевкой. — Именно для этого Анджела и купит кое-что для гардероба на такие случаи.

Я не представляла, куда собрался водить меня Эллингтон, но спорить с хозяином (кретином) не входило в мои обязанности.

Да пофиг! Хочет наряжать меня, так тому и быть.

— Не буду вам мешать.

И после этого он вышел, а мы с Анджелой остались одни, только в отличие от меня, она, казалось не испытывала никакого неудобства.

Пока Анджела делала замеры моих параметров, меня так и подмывало спросить у нее, что случилось с Адамом. Откуда у него эти ссадины? Но это было бы совершенно неуместно, да и не факт, что она знает. К тому же, вполне возможно, что после она передаст Эллингтону наш разговор. Опасаясь этого, я решила не раскрывать рта и только односложно отвечала на редкие вопросы женщины.

Наконец, когда она сделала свою работу и ушла, я вернулась в большую гостиную, надеясь, что на этом мой визит будет окончен.

Адам сидел на диване, задрав одну ногу и читая газету. В руке у него был стакан из толстого стекла, с небольшим количеством янтарной жидкости. Скоч, или что там пьют миллионеры.

Пока меня не было, он успел сменить рубашку и брюки на свитер из тонкой шерсти и светлые джинсы, пережившие не одну стирку, и при этом был босиком. Неожиданно, чего я никак не ожидала, меня взволновало это зрелище.

А еще удивили очки в стильной черной оправе. Они действительно ему шли.

— Это все? — вдруг севшим голосом спросила я, когда он поднялся мне навстречу.

Нет, я что, растаю, увидев мужика без обуви и с очками, делающими его сексуальным?

Я явно теряю разум, если вдруг решила, что он сексуальный.

Да он просто сволочной тиран, который портит мне жизнь.

Не расслабляйся, Грейс!

— Так торопишься сбежать? — Он выгнул одну бровь, ухмыльнувшись.

Я не стала утруждать себя ответом: разве не понятно, что да?

— Ты напряжена, Грейс? — Он прищурился, подходя ко мне ближе.

Ну чего он прицепился?!

— Думаю, это очевидно, — сухо ответила я.

Адам кивнул.

— Да, более чем. Хочешь? — Он указал на стакан в своей руке.

Не то, чтобы алкоголь сейчас прельщал меня, но если это снимет напряжение с моих мышц, тогда почему бы и нет.

— Можно.

Я было сама лаконичность.

Адам подошел к бару, встроенному в стену и налил немного в стакан, после чего передал мне.

— Давай, расскажи мне о себе, — попросил он, облокотившись о спинку дивана.

— Зачем? — Я нахмурилась. — Разве вы и так не разузнали обо мне все, что было можно?

Его брови в удивлении приподнялись.

— Считаешь?

Я хмыкнула и сделала глоток: обжигаяще, но по телу тут же разлилось приятное тепло.

— Уверена. Лучше вы расскажите мне что-то о себе. — Я махнула рукой. — Я-то практически не знаю человека, который решил изгадить мне жизнь.

Он кивнул, проигнорировав мой выпад.

— Хорошо. И так: мне тридцать четыре, я всю жизнь провел в Чикаго, у меня есть своя инвестиционная компания, которая делает меня одним из самых богатых людей Америки. — Он развел руками, что, наверное, должно было означать, что ему нечего скрывать.

— Вы не рассказали мне ничего, чего я не узнала из Гугла, — фыркнула я. — Что-то, чего там не написано.

Странное дело: немного алкоголя и маломальский разговор и я немного успокоилась в его присутствии.

— Что ж, еще я эгоистичный, жесткий и деспотичный придурок, который не видит смысла скрывать очевидное. — Он усмехнулся, очевидно забавляясь собственным описанием.

Нашел чем гордиться!

— Ничего нового я не услышала, — закатила глаза я.

— Ладно, Грейс. Твоя очередь.

Он ожидал, что я начну говорить. Ну, как хочет.

— Мне двадцать три, я на выпускном курсе Северо-Западного университета, всю жизнь провела в Чикаго. И еще я в ужасе, растерянности и ярости от того, что один заносчивый, самовлюбленный, много думающий о себе ублюдок решил разрушить мою жизнь.

Я считаю, что я сошла с ума, когда согласилась на это грязное, извращенное предложение, на которое меня толкнул шантажист, угрожающий моей бабушке. — Я так разошлась, что уже кричала, в то время как Адам притих и нехорошо смотрел на меня.

Ох, не стоило мне заводить себя и злить его. Но эмоции, которые копились во мне последние дни, наконец, вырвались наружу.

— Грязный, долбанный ублюдок, которому плевать на жизни, которые он калечит! Потому что...

— Достаточно! — рявкнул Эллингтон, прожигая меня яростным, безумным взглядом. В мгновение он оказался рядом со мной, грозно наступая и я попятилась, пока не уткнулась спиной в одну из колон.

— Осторожней, Грейс, — злостно прошипел он, опершись одной рукой в поверхность за моей головой, а второй взяв меня за подбородок — Советую тебе очень тщательно выбирать слова, если инстинкт самосохранения все же не отсутствует в тебе.

Он был в настоящей ярости, и я уже сто раз успела пожалеть, что вывела его из себя.

Блин, что это на меня нашло?

— Когда ты пришла ко мне в офис, я сказал, что выйдя из комнаты, назад дороги не будет. Договор будет расторгнут в том случае, если кто-то из нас будет мертв. — Он с холодным бешенством смотрел в мои испуганные глаза. — А до тех пор ты моя. Моя, Грейс!

Его пальцы сильнее сжали мой подбородок, и я поморщилась.

— Ты моя собственность, Грейс. Я хочу слышать от тебя что-либо только в том случае, если я обращаюсь к тебе. Позволишь себе еще раз подобную выходку и увидишь, каким жестоким хозяином я могу быть.

Я ни на миг не усомнилась в его обещании. Никогда не стоит забывать, что я нахожусь

рядом с помешанным психом.

Его беспокойные глаза цвета арктической воды еще долго сверлили мое лицо, и когда я решила, что не выберусь от него живой, он отпустил меня, отступив на несколько шагов.

— А теперь убирайся из моего дома, — бесстрастно приказал он и, развернувшись, пошел прочь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я как раз помогла бабушке лечь в постель, когда в дверь ее дома позвонили.

— Бабуль, я пойду, открою, а потом приготовлю тебе обед. — Я заботливо поправила одеяло и повыше подняла подушку, чтобы бабуля устроилась поудобней. Мы только что вернулись из больницы, и я не могла не заметить, какой уставшей выглядит старушка.

— Грейси, я бы не отказалась от томатного супа и сэндвича с жареным сыром, — призналась бабушка, и я усмехнулась, закатив глаза.

— Конечно, ба. Все, что хочешь.

Выйдя из комнаты бабушки, я быстро прошла через кухню и гостиную, торопясь посмотреть, кто же там мог прийти.

За дверью стояла молодая женщина невысокого роста с волосами морковного цвета, собранными в косу.

— Добрый день. — Женщина добродушно улыбнулась мне. — Меня зовут Кимберли Мак-Грегор, я сиделка, которую мистер Эллингтон нанял для миссис Колдвел.

— Мистер Эллингтон нанял вас? — растерянno переспросила я, будто и забыла наш договор с Адамом.

Что ж, смотрю, он свою часть исправно соблюдает.

— Да. — Кимберли живо кивнула. — Вот мои рекомендательные письма. — Она протянула мне пачку конвертов, и я взяла их на автомате. — Я много лет работаю сиделкой, и я лицензированная медсестра. Поверти, я смогу профессионально позаботиться о миссис Колдвел.

Кимберли вытянула шею, будто бабуля могла оказаться у меня за спиной.

Ну, если Адам Эллингтон нанял ее, это уже должно было означать, что Кимберли — профессионал своего дела. Этот мужчина на меньшее не разменивается.

— Проходите. — Я отступила, давая Кимберли пройти. — Я Грейс, внучка миссис Колдвел, — представилась я, хотя судя по вежливому кивку женщины, ей это было известно.

Вообще-то, сиделка нам была просто жизненно необходима. Теперь, когда бабулю выписали, дома ей нужен постоянный уход, а из-за своей учебы я не могла часто находиться с бабушкой.

Следующий час у меня ушел в посвящение Кимберли в бабушкину ситуацию: она действительно оказалась профессионалом и все схватывала на лету. Первым делом я познакомила ее с бабулей, и по виду старушки определила, что новая сиделка пришлась ей по душе. После всех формальностей, осмотра дома и прочих тонкостей, я приготовила бабуле обед и с убеждения Кимберли, что у них с ба все будет отлично, отправилась в университет.

Я всерьез раздумывала о том, что мне стоит позвонить Адаму, или хотя бы послать ему сообщение с благодарностью. Несмотря на то, что он был полным засранцем, один плюс в его пользу все же имелся — он был человеком слова. Он пообещал мне, что бабуле будет предоставлен полный уход и нам не придется беспокоиться о счетах — и так оно и было.

Но я никогда не любила быть кому-либо чем-то обязанной; должной. И я должна была

так же начать выполнять свою часть сделки. Это было нелегко, учитывая, что я лишь туманно была посвящена в свои предстоящие обязанности. С тех пор, как Адам прогнал меня из своей квартиры, прошло уже несколько дней, и он не пытался связаться со мной.

Я так сильно взбесила его? Тем, что сказала правду о том, что думаю?

Мне на заметку: не бесить Адама Эллингтона, потому что в гневе он страшен, и... Ну, я правда не хотела бы ощутить те последствия, которыми он меня все время пугает.

В автобусе я достала из сумки мобильный, врученный контролирующим придурком Адамом и, повертев его в руках, засунула обратно. Нет, я не стану ему писать, и уж тем более звонить. Я не питала надежды, что он насовсем забыл обо мне — это было бы глупо, потому как помимо того, что он человек слова, еще он не прощает долги. И моя плата вскоре наступит.

Я была в душе, щедро намыливалась и пела одну из старых баллад Лайонела Риччи, когда Лорен затарабанила в дверь.

— Грейс, немедленно выбирайся оттуда!

— Лорен, я только-только вошла! — перекрикивая шум воды, заорала я.

Нет, серьезно, только ей можно по часу торчать в ванной, а другим стоит только войти — все, конец света?

— Выйду, когда закончу!

Но я должна была догадаться, что от Лорен так просто не отвяжешься: подруга оставила все церемонии и вошла в ванную, отодвинув клеёнчатую занавеску.

— Твою мать, Лорен! — заверещала я, пытаюсь прикрыться.

Знаю, у меня не была ничего такого, чего не имела сама Лорен, но я не привыкла щеголять голым задом перед подругами.

— Ой, да расслабься! — Отмахнулась ничуть не смущенная девушка.

Я в раздражении сузила глаза и, фыркнув, она вернула занавеску в прежнее положение.

— Там к тебе одна женщина приходила, принесла кучу брендовых пакетов и свалила, — сообщала подруга нетерпеливым голосом.

Представляю, чего ей стоило не сунуть в них нос, пока меня нет.

Я сразу догадалась, что это была Анджела Фергюсон. Больше никому.

Что ж, очевидно, мой новый гардероб, соответствующий мистеру Адаму Эллингтону прибыл.

Не знаю, отчего, но мои ноги вдруг стали слабыми.

— Грейс, с чего бы кому-то присылать тебе дорогие шмотки? — справедливо недоумевала Лорен, пока я в спешке смывала с себя пену.

— Не знаю, — невнятно промямлила я, понимая, как жалко звучит такой ответ.

— Грейс? — Раздался настороженный голос из-за занавески.

— Подай полотенце. — Я вытянула руку, морщась, зная, что Лорен меня не видно.

Черт, кажется, придется все ей рассказать.

— Пообещай, что Эмми не скажешь, — потребовала я, выбравшись из ванны. Я знала, что Лорен будет в шоке от моей новости. Но Лорен — это Лорен. Она не сентиментальная, порою черствая, часто грубоватая. Возможно, она найдет в этой ситуации нечто положительное.

Я, правда, не находила.

Но вот Эмми... Эмми решит, что я тронулась умом, продалась и потеряла всякий моральный облик.

Она будет права. А я и так знала, что полная дура, что согласилась.

— Не скажу. — Лорен кивнула с самым заинтригованным видом.

Я вышла из ванной, с тоской оглядев как минимум пару десятков пакетов из дизайнерских магазинов, заполонивших мою кровать.

— Они от Адама, — вздохнув, сухо призналась я.

Лорен с каким-то трепетом подошла к пакетам, выглядя при этом, как ребенок в рождественское утро рядом с подарками.

Ее реакция настала чуть позже: видно, изобилие дорогих тряпок сказалось.

— Адама? — Ее брови нахмурились. — То есть, Эллингтона?

Я кивнула, скрестив руки на груди.

— Грейс, ты ничего не хочешь мне рассказать? — Глаза Лорен сузились, и она подступила ко мне, собираясь выпытать все, даже если придется из меня клещами вытягивать.

Мне осточертело хранить эту тайну от подруг, и потому я во всем призналась Лорен. Подруга внимательно выслушала меня, и по мере того, как я говорила, ее челюсть отвисала все ниже.

— Ты согласилась? — Подруга с откровенным недоверием посмотрела на меня, когда я замолчала.

Я развела руками, показывая, что у меня не было выбора.

— Нет, то, что этот парень — псих, это понятно. Но, Грейс, я знаю тебя более трех лет. Ты не тот человек, который сможет терпеть выходки этого придурка. — Лорен покачала головой. — Что будет, когда ты воспротивишься ему?

Запустив руки в волосы, я издала тихий стон отчаянья.

Да, я могла быть довольно строптивой. Я не знала, смогу ли подчиняться, а именно это нужно Адаму. Насколько хватит моего терпения? Когда я дойду до предела и сорвусь, что, конечно же, причинит вред только мне.

— Лор, я просто не знаю, что сделать, чтобы избавиться от этого. Если бы был какой-то иной выход, не означающий, что моего отца убьют, а бабушка потеряет свой дом, поверь, я бы воспользовалась им.

Я посмотрела на Лорен, желая, чтобы она хотя бы попыталась меня понять.

К моему облегчению, я не видела в ней осуждения.

— Я знаю. — Лорен невесело усмехнулась. — Твоя проблема в том, что ты считаешь себя за все ответственной. Я понимаю твоё желание защитить бабушку, но твой отец сам виноват в своих проблемах, ты не должна отвечать еще и за него.

Я понимала, что Лорен права. Отец был тем, кто вечно вставал в неприятности. Разве человек в пятьдесят не должен хоть чему-то научиться и вынести какие-то уроки из своих прошлых ошибок?

С Патриком это никогда не срабатывало, а я не могла постоянно быть его спасательным кругом. Но и бросить его, когда у меня был шанс ему помочь, я не могла.

Я была в замкнутом круге, и не видела выхода из него.

— Ну, зато этот фрик щедрый, — присвистнула Лорен, обращая свое внимание на пакеты.

Видя мое подавленное состояние, она решила сменить тему, и я была ей за это благодарна.

Пока Лорен доставала мои обновки, я переоделась в серые треники и белую футболку,

успев замерзнуть в полотенце.

Что ж, я была впечатлена, действительно впечатлена. Никогда прежде у меня не было таких дорогих, красивых вещей. Как и большинство молодых девушек, мне нравилась хорошая одежда, и я могла бы в полной мере оценить ее, не достанься она мне таким путем.

Пока Лорен со слегка безумным блеском в глазах перебирала обновки, рассматривая брендовые бирки так, словно они были ценными произведениями искусства, я с легким изумлением сидела рядом, гадая, куда именно я должна буду ходить с Адамом во всем этом.

— О Боже! — Подруга с благоговением подняла комплект черного белья из тончайшего кружева от «Агент Провокатор».

Моя челюсть отъехала вниз.

Я не собиралась надевать ЭТО!

Хотя, стоит признать, белье было очень сексуальным, даже слишком.

— Знаешь, если уж ты попала в сети к этому сексуальному, неприлично богатому извращенцу, то единственное, что ты можешь, это получить удовольствие. — Лорен поиграла бровями, неприлично ослабившись.

Только она могла такое предложить!

— Кажется, тебя это забавляет, — сухо изрекла я.

— Нет. Но это вариант, как скрасить для себя период его властвования.

Я откинулась на подушку, закрывая лицо руками.

Почему слова Лорен звучат с таким похотливым подтекстом?

Или это у меня уже крыша едет от частой визуализации того, что захочет делать со мной Адам?

— Я просто предложила, — вздохнула Лорен, возвращая свое внимание к нижнему белью. Их было целых семь комплектов, один провокационней другого. — В конце концов, ты так давно ни с кем не встречалась, а ты молодая девушка и твой организм требует определенного внимания, — как ни в чем не бывало, болтала Лорен, пока я становилась от светло-розовой до пурпурно-красной. — Я не имею в виду Дина, вы же с ним так и не дошли до стадии...

Лорен резко замолкла, заметив, как я вмиг побледнела при упоминании Дина.

Да, это все еще причиняло боль, и я все еще не готова была говорить об этом.

— Черт! — Подруга хлопнула себя по лбу, виновато глядя на меня. — Прости, прости, прости! Я полная идиотка, и не должна была вспоминать о нем.

— Все в порядке.

Я заставила себя улыбнуться, хотя в желудке, словно камень лег.

— О, до меня только дошло! Так поэтому ты рассталась с Дином, из-за ультиматума Эллингтона?

Я только кивнула, подтверждая догадку Лорен.

Слава Богу, на этом она прекратила свои расспросы. Я чувствовала себя больной и разбитой, чтобы обговаривать эту тему.

После того, как все покупки были осмотрены, я запихала пакеты под свою кровать, гадая, что скажу Эмми, если она увидит их.

Рано или поздно, но я должна буду все ей рассказать.

Чуть позже Лорен ушла по своим делам, Эмми отсутствовала, потому что уехала на выходные к родителям, и я наконец-то осталась одна. Субботний вечер был свободен — результат отсутствия личной жизни — и я решила заняться стиркой. Не то, чтобы мне

больше нечего было надеть, и моя корзина была лишь заполнена на половину, но делать мне все равно было нечего.

Собираясь выйти из комнаты, я огляделась, чтобы убедиться, что никакой одинокий носок не затерялся в углу или под стулом, как слышала незнакомый рингтон телефона, раздающийся из моей сумки.

С тяжелым сердцем я достала iPhone. На огромном дисплее светилась надпись «Мудак». Адам впервые звонил мне и мои руки предательски дрожали, когда я отвечала на вызов.

— Да, — с протяжным вздохом вырвалось из меня.

Черт, ну почему я начинаю дико нервничать всякий раз, когда объявляется Адам?!

— Будь готова к девяти. И надень что-нибудь сексуальное.

Четкий и лаконичный приказ, после которого разговор был окончен.

Я в недоумении пялилась на молчаливую трубку, хотя он давно отключился.

И это все? Даже, какого-никакого приветствия там, или: «Эй, а что ты делаешь сегодня вечером»?

О нет, он же властный и жесткий хозяин. Мой хозяин.

Отлично! Если мне надо играть роль собачки, выполняющей команды хозяина, тогда я буду.

Пора платить по счетам, Грейс.

Стирка откладывалась. У меня было чуть больше часа, чтобы собраться.

Я достала пакеты из-под кровати и свалила их кучей на кровать. Адам повелел мне надеть что-то сексуальное. Ладно, получит он свое сексуальное.

Положа руку на сердце, большинство вещей, купленных мисс Фергюсон можно было назвать «сексуальными». Но мне особенно приглянулось короткое черное платье в облегающую с глубоким декольте и открытой спиной от «Виктория Сикрет».

Отлично, то, что надо.

Под него не полагался бюстгальтер, а потому все, что составляло мое нижнее белье — это трусики-танго из черного атласа. Облачившись в платье, я покрутилась перед зеркалом, внезапно ощутив неожиданной подъем и прилив смелости. Вещь сидела на мне идеально, облекая и выгодно подчеркивая каждый изгиб и каждую линию.

Если быть честной, то за все свои двадцать три года я не чувствовала себя более сексуально.

Окрыленная охватившей меня дерзостью, я натянула черные, тонкие, как паутинка чулки и черные туфли на шпильке от Кристиана Лабутена с фирменной красной подошвой. Я даже не хотела думать, сколько может стоить одна такая пара.

Долго раздумывать, что делать с моими своевольными волосами я не стала — просто завила плойкой крупные локоны и оставила в покое. Макияжем я так же старалась не злоупотреблять, но это был субботний вечер и один богатый извращенец требовал, чтобы я была сексуальной. Поэтому я постаралась не пожалела туши для ресниц и даже воспользовалась ярко-красной помадой Лорен, таким же цветом нарисовала ногти.

Черт!

Я с недоверием смотрела на свое отражение. Никогда прежде я не была такой... шикарной, соблазнительной.

Я засмеялась, покачав головой на подобные мысли. Все это только потому, что мне приказал Адам. Я выполняю волю хозяина. Только и всего.

Совсем не обязательно получать от этого удовольствие и искать плюсы в той ситуации,

в которой я оказалась — верно? Так что чтобы там он не задумал, я буду демонстративно показывать свое отвращение.

Приняв такое решение, я накинула тренчкот, обнаруженный в одном из пакетов и, сделав глубокий вздох, вышла из комнаты.

Выйдя из общежития, я сразу же заметила черный лимузин напротив входа. Он буквально кричал о высоком статусе своего хозяина, привлекая внимание всех немногочисленных студентов, оказавшихся поблизости в это вечернее время.

Я наклонила голову, стуча каблуками по бетонной дорожке, чувствуя прожигающие взгляды Моны и Полин, жутких сплетниц нашей общаги.

Все, уже через пятнадцать минут все наши четыре этажа будут гудеть о том, что Грейс подцепила какую-то шишку на лимузине.

Фу, гадость!

— Мисс Колдвел, — вежливым кивком приветствовал меня незнакомый мне мужчина в форме шофера, раскрыв передо мной заднюю дверцу.

Я готова была потерять сознание, когда садилась в машину, в тесное пространство, где меня ожидал Адам.

Интересно, он все еще бесится после того, как я вывела его из себя? И вообще, как мне стоит себя вести, если я не знаю, какое мое слово следующим заставит его взбеситься?

Стоило мне опуститься на сиденье, как Адам опустил смартфон, в который до этого был погружен и прошелся по мне оценивающим взглядом. Я не знала, о чем он думает, или в каком он настроении, потому что этот человек был полнейшей загадкой для меня и скупно выражал свои эмоции (если только не кричал на меня), но я была почти уверена, что он был удовлетворён проделанной мною работой.

— Хорошо, — коротко резюмировал он, вновь вернувшись к созерцанию своего гаджета.

Я и не заметила, как внутренне вся сжалась, ожидая его вердикта. И после его «хорошо» вдруг испытала разочарование.

Нет, серьезно, сейчас я выгляжу на просто «хорошо»? Вот же урод!

Поймав себя на том, что меня расстроила его более чем сдержанная реакция, я отвернулась к окну и насупилась.

Какого черта я вообще парюсь о том, что обо мне думает этот мудака?

Всю дорогу мы ехали молча, не глядя друг на друга. Ну, вообще-то, один раз я все же не сдержалась и бросила на него украдкой взгляд. Он же был полостью поглощён своим мобильным.

У него там что, голые женщины, что никак отлипнуть не может?

Я не могла не признать, что выглядит он тоже очень даже не плохо. Ну, на самом деле шикарно и стильно в черном приталенном пиджаке, белой футболке с глубоким вырезом и синих потертых джинсах, которые, как я подозревала, стоили как мои две зарплаты.

Мне захотелось себя укусить, да побольнее, когда до меня дошло, что я так же оцениваю его. Более того, мне нравится то, что я вижу.

Ладно, с внешностью у Адама Эллингтона все было в порядке. Но это не отменяло того, что душа у него была прогнившей и черствой.

Оставалось только гадать, что может сделать человека таким.

Я не сильно удивилась, что место, в которое мы приехали, оказалось ночным клубом. «Wild planet» был заведением того типа, в который пропускали только если у вас имелась

клубная золотая карта. Слишком претенциозно и дорого. Очень дорого. С моими скромными доходами все, на что бы мне хватило в таком месте — это в лучшем случае стакан диет колы.

Один.

Не стоит и говорить, что Адам был в списке постоянных клиентов. Его приветствовали вежливым «мистер Эллингтон», когда мы проходили охрану и поднимались на второй этаж в сопровождении невесты откуда взявшегося парня в фирменной черной футболке.

Пройдя по коридору вглубь, мы вошли в одну из дверей, за которой оказалась небольшая комната отдыха с мягкими кожаными диванами и приглушенным светом. На низком круглом столике стоял кальян, ведерко с бутылкой шампанского и два высоких бокала.

Ну, пока что все было похоже на то, что у нас с Адамом свидание. Что было смешно, потому что я не верила, что его желанием было устроить мне обычное свидание. Нет, за всем этим что-то стояло, и я собиралась быть начеку.

Адам велел мне сесть, указав на тот же диван, на котором устроился сам (все, с чем этот человек обращался ко мне, имело форму приказа) и я присела, сохраняя между нами расстояние, которое позволяли размеры дивана.

Все же, это было ближе, чем мне хотелось бы. Я слишком отчетливо ощущала его присутствие, чувствовала его запах и к моей досаде, его сила и мощь имели на меня влияние.

Я не хотела этого. Не хотела чувствовать к Эллингтону ничего, кроме ненависти и презрения, и потому я напомнила себе, что он был тем, кто пытался разрушить мою жизнь; кто так бесцеремонно и нагло вторгся в мой мир.

Меня бесило, что я вынуждена постоянно напоминать себе это из-за страха, что могу потерять бдительность рядом с ним, и меня утянет в этот водоворот его способа жизни, чуждый мне.

После того, как официант (или кем был этот парень) разлил нам шампанское по бокалам, он удалился, и я успела заметить, как Адам чуть кивнул ему, прежде чем тот вышел.

Интересно, чтобы это могло значить?

— Можешь смело пить, Грейс, — криво усмехнулся Адам, после того, как он протянул мне бокал с охлажденным шампанским, но я не торопилась пробовать его. — Это просто шампанское, ничего более.

Он дернул плечом, отпив из своего бокала. Неужели моя напряженность была так очевидна? Чтобы немного расслабиться, я сделала небольшой глоток: шампанское оказалось восхитительного вкуса, и холодные пузырьки щекотали нёбо, оставляя после себя приятную свежесть. Мне настолько понравилось, что я уже смелее отпила еще немного.

— Ты думала о нашем соглашении? — посмотрев на меня с легким прищуром, спросил он.

Признаться, я не ожидала такого вопроса. И его откровенный, слишком интенсивный взгляд, устремленный на меня смущал... и волновал.

Трудно было помнить о ненависти, когда на тебе платье, едва прикрывающее тебя, и рядом мужчина, который смотрит на тебя с такой откровенной похотью и вожделением. Казалось, все равнодушие и отчужденность Адама остались за дверью этой комнаты.

— Я много о нем думаю, — тихо призналась я, отведя взгляд и делая вид, что увлечена разглядыванием легких занавесок.

— У тебя возникли вопросы, на которые ты бы хотела услышать ответ? — Его пальцы обхватили меня за подбородок, на этот раз мягко, и он повернул мою голову к себе,

заставляя меня смотреть на него. — Есть догадки, что именно мне нужно от тебя?

Я тяжело сглотнула, уловив в его голосе красноречивый подтекст. О, я догадывалась, что ему было нужно от меня. По крайней мере, именно сейчас это было более чем очевидно.

— Я не ребенок, Адам. — Не знаю, откуда у меня только взялась храбрость назвать его по имени и не заикнуться. — Так что да, догадки есть.

Он усмехнулся и лениво откинулся на спинку дивана, выпустив из рук мое лицо.

— В тебе столько строптивости. — Он выгнул одну бровь, в упор глядя на меня. — Это будет еще интересней.

— Для тебя это только игра? — Я нахмурилась. — И какой у меня номер, ведь очевидно, что я всего лишь твой подопытный элемент?

— Ты бы удивилась, — уклончиво изрек он, прежде чем сделать еще глоток из бокала.

Мне до ужаса захотелось размозжить его голову бутылкой от шампанского, и чтобы не наделать глупостей, я сжала руки в кулаки.

— Но ты права. — Он вновь усмехнулся, но его глаза смотрели жёстко. Поддавшись ко мне, он намотал мой локон себе на кулак и притянул меня к себе. Это не было больно, только благодаря тому, что он не пытался причинить мне боль. Во всяком случае, не физическую. — Ты — моя. Моя, Грейс!

Он так смотрел на меня, что я бы и не вздумала спорить. Себе дороже.

— Клянусь Богом, Грейс — позволишь другому мужчине трахнуть себя, и я тебя убью.

Его слова звучали настолько зловеще и безумно, а взгляд немигающих глаз заставлял мою кровь стынуть. Мой пульс участился, и дыхание сбилось от волнения. Мы были настолько близко друг от друга, и его горячее дыхание скользило по моим губам. Он пугал меня, приводил в отчаянье, заставлял мое сердце как бешенное биться в груди.

Я верила, что его обещание — правда. Верила, что если нарушу его чертово правило, то дорого заплачу.

Но еще больше пугало и сбивало с толку не то, что он говорил, а то, что мое тело странно реагировало на него. На его близость и низкий тембр его голоса.

Я не знала, в чем именно была причина: в интимности обстановки, долгом отсутствии сексуальной активности или в том, что мужчина, который сейчас удерживал меня силой — имел какую-то дьявольскую, сверхъестественную силу влиять на разум и здравый смысл.

— Почему я? — приглушенно спросила я, облизнув пересохшие губы. Наверное, зря я это сделала. Серые глаза вспыхнули, растапливая лед, и его взгляд переместился на мои ярко-красные губы.

— Потому что ты — то, чего я захотел сразу же, как увидел, — хрипло ответил он, все еще с вожделием глядя на мои губы. — Я хочу обладать тобой, хочу подчинить тебя себе. Грейс, ты даже не представляешь, как сильно.

Его свободная рука легла мне на горло, опустилась чуть ниже и слегка придавила в месте, где бился мой пульс.

Он мог бы убить меня прямо сейчас, сдавив мое горло посильнее и перекрыв мне воздух. Было в нем что-то дикое, что-то безумное, при всем его внешнем лоске и холодности большую часть времени. Но в данный момент, когда его ладонь лежала на моей яремной вене, и я была полностью под его контролем, мой страх испарился. Он просто исчез, уступив место чему-то темному и безрассудному во мне, о существование чего я даже не подозревала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Такая невинная. — Его кулак разжался, и его длинные пальцы прошли сквозь мои волосы. — Мне почти жаль, что ты согласилась. — Костяшки погладили мою щеку, а голос звучал с непривычной теплотой. — Почти.

Мое сердце билось где-то в районе горла. Я предала саму себя и забыла об осторожности, обещании быть начеку и выказывать ему свое отвращение. Вместо этого я, как загипнотизированная сидела рядом с ним, слушая его, наслаждаясь звуком его голоса, получая некое извращенное удовольствие в его словах, неадекватно реагируя на его угрозу.

А ведь он даже не был в моем вкусе!

Или же, когда дело касалось такого, как Адам, не могло быть никаких ограниченных стандартов? Я начала сомневаться, что найдется в мире женщина, способная устоять перед ним. Даже я, которая должна ненавидеть его всей душой — сейчас готова добровольно отдаться ему.

Меня смущала реакция моего тела: ему не пришлось прилагать особых усилий, но я уже будто была наэлектризована. По моим венам несся горячий поток, а внизу ощущалась знакомая пульсация, что происходило со мной не так часто, потому что признаться, не многим парням, с которыми я имела дело, удавалось так сильно возбудить меня.

Это со мной какие-то проблемы? С каких пор меня заводят откровенно опасные, помешанные типы?

Эй, я же всегда была девочкой, которой нравились исключительно хорошие мальчики. Так что случилось? Почему вдруг такой результат?

Его пальцы все еще рассеянно гладили мое лицо, а его светло-серые глаза не спеша рассматривали меня, но он не делал иных попыток коснуться меня. И отчего-то это разочаровывало. Мое тело желало ощутить его сильные руки на себе. Я поняла, что хочу испытать как это — чувствовать его прикосновения и получать от этого удовольствие. Наслаждаться им.

Да, я была в его власти, и буду принадлежать ему еще в течение следующего года. Да, он ублюдок, который шантажировал меня и угрожал моей семье. Но я могла взять максимум из этих странных отношений.

Если бы я только позволила себе, то могла бы почувствовать удовольствие.

Смогу ли я? Хватит ли у меня смелости на это?

— Почему жаль? — после долгого молчания рассеянно спросила я. Мой взгляд блуждал по его губам, оказавшимся такими соблазнительными вблизи. Нижняя была чуть полней верхней, и мне отчаянно хотелось захватить ее зубами и слегка потянуть, посасывая.

Мое воображение пошло дальше, и я представила, как эти губы касаются меня... везде. Особенно там, где уже стало влажно и горячо.

Моя голова кружилась, но не от шампанского, а от близости мужчины, который хотел подчинить меня себе.

Сейчас я была согласна даже на это.

— Потому, что я сломаю тебя, — прозвучал откровенный ответ, и его ладонь легла мне на затылок. Он слегка надавил, приближая меня к себе, хотя мы и так находились друг от друга на расстоянии пары сантиметров. Его губы, которые вызывали во мне откровенные фантазии, неторопливо шептали напротив моих губ: — Это не станет красивой сказкой о любви, Грейс. Плохой мальчик не станет хорошим во имя любви к милой девочке, в конце не зазвучат свадебные колокола, и они не будут жить долго и счастливо. — Его губы презрительно искривились, и тон стал жёстче, отрывистой. — Я буду использовать тебя для

своего удовольствия, буду подвергать тебя вещам, из-за которых, возможно, тебе захочется убить меня. Я буду иметь тебя так, как захочу, где захочу и когда захочу. А потом, когда время соглашения истечет, мы разойдемся. Ты получишь свободу, если, конечно, все еще будешь хотеть быть свободна от меня.

Я не успела опомниться, как моя ладонь уже оставила яркий отпечаток на его щеке. Голова Адама лишь немного дернулась, но моя рука горела огнем после пощечины, в которую я вложила всю силу.

Черт! И я еще хотела, чтобы он отымел меня прямо на этом диване?!

Тупица! Ты тупица, Грейси!

Я дрожала от злости, и, не помня себя, залепила ему вторую пощечину. Не знаю, почему он сразу не остановил меня, но когда я замахнулась в третий раз, его ладонь перехватила мою занесенную руку и с силой сжала запястье.

Точно останутся следы.

— Ублюдок! — выплюнула я ему в лицо, клокоча от негодования и гнева. — Ублюдок, чертов ублюдок!

— Но еще две минуты назад ты готова была раздвинуть ноги перед этим ублюдком, не так ли, Грейс? — зло оскалился Адам, крепко удерживая уже оба мои запястья. Я трепыхалась, пытаюсь выкрутиться и хоть как-то причинить ему боль.

— Ненавижу тебя! — прошипела я, испепеляя его уничижительным взглядом. Все, на что я была способна в моем положении.

— Ты и должна! — выкрикнул мне в лицо Адам, словно я была идиоткой, которая забыла о нечто важном.

По сути, так оно и было.

— Ненавидь меня, проклинай меня. Легкая победа не имеет вкуса, Грейс. Я хочу, чтобы ты сопротивлялась. — Он холодно усмехнулся. — Поверь, это доставит мне огромное удовольствие. Это то, для чего ты нужна мне. Твое обожание мне ни к чему!

Он все еще держал меня, но я почти перестала сопротивляться. Во-первых: бесполезно, во-вторых: а хрен ему! Это только еще больше повеселит его.

Внезапно он переместился, оказавшись сверху меня, и освободил одну свою руку, другой без проблем держа меня в плену. Мое короткое платье не позволяло больших маневров, но я плотно сдвинула ноги, прижав колени друг к другу.

— Твоя ненависть еще не делает тебя неуязвимой от меня, Грейс. — Губы Адама растянулись в алчной усмешке. Наша перепалка возбудила его, и его глаза светились вожделением, а дыхание участилось. — Это не значит, что твое тело не может получать того, чего желает.

Его свободная ладонь легла на внутреннюю поверхность моего бедра, и все, что нас разделяло — это тонкий шелк моих чулок.

Низ моего живота отяжелел, и внутри все заныло от вновь проснувшегося желания. Я ненавидела себя за слабость, но не могла подавить это в себе.

— Раздвинь ноги, — велел Адам, потому что я все еще плотно сжимала бедра, хотя мои ноги и дрожали.

Я упрямо покачала головой.

— И не подумаю!

— Грейс, это приказ. — Он не повышал голоса, но тон, которым были произнесены эти слова, вызывал холодные мурашки на моем позвоночнике.

Понимая, что другого выхода у меня нет, и проклиная себя за беспомощность, я послушно разжала бедра, немного разведя их в сторону. Этого было достаточно, чтобы показались мои черные трусики-танго.

Да, не слишком много места для воображения.

Я зажмурилась и откинула голову на спинку дивана. Не хотела видеть то, что он собирался делать, и не хотела, чтобы он видел в моих глазах... желание этого.

Мое белье было уже достаточно влажным, чтобы он ощутил это, когда его ладонь накрыла меня.

— Разве нужны другие доказательства того, что ты хочешь быть оттраханной мной? — Низким голосом, в котором чувствовалось удовлетворение, произнес Адам.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. А еще я хотела, чтобы он не останавливался. Желая создать трение, я слегка поддалась бедрами вперед, прижимаясь к его горячей ладони.

Мое лицо пылало от стыда и вожделения; желания прикосновений Адама; желания почувствовать его в себе.

Я ненавидела его всеми фибрами своей души, но казалось, что моему телу нет до этого дела. Оно жило своей жизнью, требуя к себе внимания.

— Такая горячая и влажная, — пробормотал Адам, надавив большим пальцем на мой клитор сквозь тонкую материю белья.

Я вскрикнула и до боли закусила губу, тщетно пытаюсь сдержаться. Мои бедра толкнулись навстречу его руке. Мне хотелось, чтобы он прекратил и чтобы никогда не останавливался. Моя плоть жаждала его прикосновений, не ограниченных какой-либо одеждой.

— Тебе нравится это, Грейс. Не так ли? — Его пальцы слегка помассировали самое ноющее место, но давали недостаточно, чего я хотела, в чем нуждалась и о чем готова была умолять. — Тебе стоит только попросить, Грейс, — искушающим голосом предлагал Адам, касаясь и легко похлопывая мой клитор пальцами: это не приносило желаемой разрядки, но не позволяло возбуждению схлынуть.

— Попроси меня и я дам, что ты хочешь. Я позволю тебе кончить, детка.

Твою мать! Как же сильно, отчаянно я хотела этого! Мое тело было натянуто, как сжатая пружина, но где-то там, глубоко внутри я чувствовала эту готовность разрядиться. Пока еще маленькую волну, грозящую накрыть меня цунами удовольствия.

Мне всего лишь надо было попросить его. Но мне казалось, что уступи я, и тогда он победит.

Я не рассчитывала, что мне когда-либо удастся обыграть этого мужчину, но сдастся уже сейчас?

Нет, я смогу протянуть дольше. Если не взорвусь от перевозбуждения.

— Выбор за тобой, Грейс. — Он потер всей ладонью, касаясь всей промежности.

Так хорошо и так мало!

— Я хочу это услышать.

Из моего горла вырывались стонущие звуки удовольствия. Мои руки были у меня над головой, ограничивая мою свободу. Я выгибалась ему навстречу, держа глаза все еще плотно закрытыми.

Он не должен был видеть поражение и отступление в моих глазах. Хватало и того, что мое тело предало меня.

— Считаю до трех, Грейс, — предупредил Адам, потому что я так и не произнесла умоляющих слов, после которых окончательно потеряю себя.

Он начал отсчет, неторопливо кружа вокруг моего пульсирующего клитора. Мое бельё полностью промокло, и он не мог не чувствовать этого. Наверное, это должно было еще больше смутить меня, но сейчас мне было плевать.

Между нами шла борьба. Я не могла позволить ему победить, не так скоро. Как бы сильно мне не хотелось получить желаемый оргазм, который позволит моему телу расслабиться и мои нервы перестанут звенеть от напряжения, я знала, что должна выдержать.

Чтобы сдержать мольбы о ласке, я до крови прикусила губу.

— ... три, — закончил отсчет Адам, и его руки покинули мое тело.

Я едва не закричала от разочарования и странного чувства утраты. Длинный вздох сорвался с моих губ, и несмело я открыла глаза, встретившись с прямым и как всегда откровенным взглядом Адама.

Мне хотелось плакать от того, что мое тело ныло в неудовлетворенности. Я никогда, никогда прежде еще не была такой заведенной. Мне требовалась разрядка.

Срочно.

Я села прямо, сжав кожаное сиденье пальцами. Мои горящие глаза были устремлены на Адама.

Чёрт, он тоже хотел меня! Это было очевидно: его грудь быстро поднималась и опускалась от поверхностного дыхания, и натянутая материя в зоне его ширинки не оставляла сомнений.

Мы тяжело дышали, смотря друг на друга, как два противника, которые не желают уступить друг другу.

Сколько еще я смогу выдержать, прежде чем сдамся и начну умолять его?

Наш молчаливый поединок был прерван появлением девушки-танцовщицы и парня, который ранее провожал нас. Он раскурил кальян и вновь удалился, а девушка начала танцевать под негромкую музыку, льющуюся из невидимых динамиков.

Все еще в разобранном состоянии, я с недоумением наблюдала, как девушка плавно извивалась под музыку, танцуя перед Адамом.

Казалось, он и забыл о моем присутствии, переключив все внимание на полуголую красотку. А она действительно была хороша: высокая, стройная, но не щуплая, а со всеми женственными изгибами. Ее обнаженная грудь то и дело мелькала перед лицом Эллингтона, едва не задевая его.

Я была в шоке.

Что, черт возьми, все это значит? Он привел меня сюда, чтобы довести до предела и бросить, занявшись стриптизершей?

Мне хотелось встать и убежать, но я не принесу ему такого удовольствия. Нет, я не сбегу, испуганно поджав хвост.

Я попыталась расслабиться, свободно устроившись на удобном диване, закинув ногу на ногу и потягивая шампанское, бесстрастно наблюдая за развернувшимся шоу.

На самом деле, мне с трудом удавалось сохранять видимое безразличие. Это смущало, и неожиданно заводило. То, как девушка двигалась под звуки музыки, соблазняя Адама, было очень эротичным.

Он расслабленно устроился на диване, свободно расставив ноги, что позволено было

только мужчинам. Его глаза были полуприкрыты, но он не отводил внимательно взгляда от красоти, которая встала на колени перед ним и крутила головой, отчего ее ярко-рыжие волосы метались в беспорядке.

Вот ладони девушки легли на его бедра, скользя по джинсовой ткани вверх и сойдясь на ширинке, осторожно помассировали заметную выпуклость. Сквозь его губы вырвался тихий низкий стон, но он ничего не сделал, чтобы остановить танцовщицу, или наоборот — поощрить ее.

Мое лицо горело от вида развернувшейся сцены передо мной. Словно я стала невольным наблюдателем чужого сексуального соития. Это было настолько постыдно, и настолько волнующе. Я и не заметила, что дышу с трудом.

И вдруг я испытала зависть к этой нимфе, которая могла так возбудить мужчину только лишь двигаясь перед ним. Мне хотелось выставить ее за дверь и занять ее место, чтобы я, а не она вызывала эти стоны удовольствия в Адаме. Чтобы на меня он смотрел так, как сейчас смотрел на нее.

Девушка поднялась, оседлав Адама, и принялась двигаться. Это выглядело так, словно они уже занимались сексом. Его ладони легли на ее оголенные бедра и сжали, а ее упругая грудь касалась его торса, и только материя футболки была преградой между ними.

Голова девушки склонилась и ее язык, порхая, прошелся по шее Адама, которую он подставил ей для удобства. Его голова была повернута в мою сторону и его прикрытые глаза внезапно распахнулись, обжигая меня взглядом, в котором плескалась страсть, похоть и что-то темное, неудержимое.

Я вздрогнула, с трудом заставляя себя отвечать на его взгляд и не отвернуться.

Он хотел, чтобы я видела, как он и эта девица в итоге займутся сексом? Или планировал, что мы сделаем это втроем?

Черт, я не могла пойти на это. Даже если он прикажет, я скорее умру, чем перешагну через себя.

Нет, я не могу. Или все же...

Мои мысли путались от повышенного возбуждения, неудовлетворенности и напряженного томления.

Что этот дьявол творит со мной? Откуда эти темные, запретные фантазии, которые ранее были неведомы мне?

Казалось, сам воздух был пропитан сексуальным напряжением и чувственным желанием.

А между тем, пока мои спутанные мысли метались в смятении, девушка вновь опустилась на колени и, взявшись за ходунок молнии на джинсах Адама, потянула вниз. Но тут его ладонь перехватила ее руку, останавливая.

Девушка растерянно посмотрела на мужчину, очевидно, не ожидая его отказа.

— Уходи, — негромко, но повелительно обронил Адам, и послушно склонив голову, девушка встала и тихо вышла за дверь.

Поднявшись, Адам не спеша подошел ко мне и, нагнувшись, оказался лицом к лицу со мной.

Я ждала, затаив дыхание.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Руки Адама обхватили меня за талию и приподняли, потянув на себя. Я и не думала сопротивляться, ожидая, что сейчас его губы накроют мои. Я хотела ощутить вкус его

поцелуя, ни на секунду не сомневаясь, что это доставит огромное удовольствие.

Но он не поцеловал меня, хотя его взгляд задержался на моих приоткрытых, приглашающих губах, прежде чем он развернул меня, ставя коленями на диван.

Я в смятении оглянулась, не понимая, что он задумал.

— Упри руки в спинку, — скомандовал мужчина, перекидывая мои волосы на левое плечо, оголяя мою шею.

Я послушно вытянула руки и уперлась ими в спинку дивана. Я была напугана, взволнованна и в нетерпении ожидала его дальнейших действий.

Должна была признаться, что хотела его. Хотела того, что должно было произойти. Не знаю, как я дошла до того, что вопреки моей ненависти к Адаму, я с такой силой желания хотела этого пропащего мужчину.

Его ладони легли мне на живот и потянули, пока мой зад не уперся в его ширинку. Сквозь мои губы вырвался резкий вздох, и меня словно обдало горячей волной.

Могла ли я быть более заведена? Никогда прежде сила моего возбуждения не была сильнее, ярче.

Между тем, руки Адама сжали мои бедра; большие пальцы дразнили кожу над краем чулок. Он усилил давление, плотнее вжимая меня в себя, и я с силой закусил губу, но это не помогло сдержать рвущийся стон.

— Да ты уже вся горишь, Грейс, — склонившись к моему уху, приглушенно прошептал Адам. Его теплое дыхание щекотало нежную кожу за ухом, посылая мурашки по всему телу. — Такая податливая. — Его пальцы пробежались по позвонкам на моей спине, и я изогнулась, настолько интенсивными мне казались любые прикосновения.

Мое тело будто превратилось в один сплошной нерв.

Носом он прошелся по моей шее, глубоко вдыхая, будто вбирая мой запах в себя.

Мои веки отяжелели, и я закрыла глаза, про себя молясь, чтобы эта пытка закончилась. Пусть просто наконец-то сделает это! Займется сексом со мной, закончив эти муки.

— Ты даже не представляешь, что я хочу сделать с тобой, — пробормотал он, запуская руку мне под платье и сжимая одну из моих ягодиц.

— Ну, так сделай, — не выдержав, выдохнула я. От высокого накала мой голос прозвучал резко.

Сзади послышался короткий смешок Адама.

— А вы нетерпеливы, мисс Колдвел.

Я хотела сказать, чтобы он заткнулся и прекратил свою игру. Но он был хозяином положения, и я должна была подчиняться. К тому же, сегодня я и так потеряла все свое достоинство.

— Такая нежная, — негромко говорил Адам, продолжая гладить мои ягодицы и бедра. — Я был уверен, что у тебя нежная кожа.

От жара мои колени прилипли к коже дивана. Мой пульс делал невообразимые скачки, сердце быстро и громко бухало в груди. Отчаянно хотелось пить.

Сколько еще продлится эта пытка? Я чувствовала, насколько возбужден сам Эллингтон, но он не торопился переходить дальше моего соблазнения. Если он хотел меня распалить — ему это удалось. Если заставить меня мучаться — тоже.

Его ладонь прошла между моих ног, слегка задевая чувствительное место и... потом все закончилось. Он просто отступил от меня, и я даже не сразу поняла, что его руки больше не касались моего тела.

— Достаточно на сегодня, — как ни в чем не бывало, заявил он. — Пошли, тебе пора домой.

Что?! Нет, что?!

Серьезно? После всего, что он проделал, чтобы довести меня до температуры кипения, он просто собирается отвести меня домой?

Я развернулась и посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Это такая шутка? — Я растерянно заморгала. — Потому что знаешь, не смешно. Для чего это все было, если ты не собирался...

— Не собирался что? — Адам вскинул брови, выглядя совершенно бесстрастно.

Разве может нормальный человек, который еще минуту назад был охвачен желанием, сейчас быть таким спокойным и безэмоциональным?

— Знаешь что, забудь! — Я взмахнула рукой, тщетно пытаюсь унять дрожь в теле.

Ублюдок просто играет со мной, и я ведусь, как последняя идиотка.

— Это будет маленькое испытание для тебя. — Он подошел ближе, но так как наша разница в росте была ощутимой, смотрел сверху вниз на меня. — Неудовлетворение может доставить определенные неудобства. — Он криво усмехнулся. — Считаю, что я сделал это в целях воспитания. И еще кое-что. — Он явно получал удовольствие сейчас. — Никакого самоудовлетворения. Не трогай себя, Грейс. Это приказ. — Он сделал небольшую паузу, пока я пыталась убить его своим пылающим взглядом. — Я узнаю, если ты ослушаешься. Поверь мне.

— Пошел к черту! — яростно фыркнула я, и с трудом сдержавшись, чтобы не показать ему средний палец, вышла из комнаты.

Утром следующего дня я проснулась рано, и чтобы хоть немного сбросить накопившуюся во мне энергию, вышла на пробежку.

Я была взвинчена, раздражена и беспокойна. А все благодаря этому чертовому мудаку, который просто поиздевался надо мной!

Сунув наушники в уши, я включила свой айпод на полную громкость и побежала. В парковой зоне университета в это раннее воскресное утро было малоллюдно, только ранние птички, которые так же вышли на пробежку.

Я выжимала из себя все силы, желая устать так, чтобы сил не было думать о вчерашнем вечере и последовавшим после соблазнения разочаровании. В лимузине мы с Адамом не разговаривали, даже не смотрели друг на друга. Я сидела, насупившись, отвернувшись к окну. После того, как меня высадили у общежития, Адам сухо сказал, что скоро свяжется со мной и после этого уехал.

Проклиная его большую часть своей пробежки, я решила, что ему больше не удастся сделать со мной такое. Чего бы мне это не стоило, я больше не растекусь лужицей перед ним, и на все, чтобы он не делал, буду реагировать сдержано.

Но вспомнив, как его руки касались меня, как его горячее дыхание опаляло мою кожу, я засомневалась, что выдержу. Недавние воспоминания вернули уже знакомое волнение, и я даже сбилась с ритма.

Топнув от досады ногой, я обхватила голову руками, чувствую свою беспомощность. Парень, который в этот момент пробежал мимо, посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Наверное, я и была такой, если позволила Адаму Эллингтону так увлечь меня.

Я знала, что наше соглашение не будет простым. Знала, что год с ним покажется вечностью, но чего я не подозревала, это своей слабости рядом с ним. Не знала, что так

быстро предам себя, сгорая от желания почувствовать его в себе.

Он даже не нравился мне! Но я хотела его. Разве в этом есть логика?

Я сомневалась.

Мне потребовалось еще пара километров, чтобы в моей голове созрел кое-что похожее на план. Пусть моя воля была ограничена, пусть этот дьявол дергает за ниточки, привязанные ко мне, но я тоже могла попортить ему кровь, главное не перегибать палку.

Окрыленная этим решением, я вернулась в общежитие, решив, наконец, что бега на сегодня с меня хватит.

Лорен недавно встала и только приготовила кофе, когда я ворвалась в нашу комнату.

— Случилось что-то серьезное? — подозрительно посмотрела на меня подруга после обмена приветствиями.

Дело в том, что бегала я в основном только в моменты душевного беспокойства, так что ее быстрые выводы можно было понять.

Я вкратце посвятила Лорен в события прошлого вечера, прихлебывая в перерывах кофе. Когда я закончила, подруга воскликнула:

— Ну и засранец!

Я кивнула, соглашаясь.

— Какую игру он затеял?

— Не знаю. Свести меня с ума? — Я дернула плечами. — Он делает что хочет, я уже поняла, что Адама Эллингтона ничего не волнует кроме самого Адама Эллингтона. — Я скривилась, вспомнив его самоуверенное лицо и лишенный эмоций голос.

— Но, очевидно, не все было так плохо, да? — Лорен поиграла бровями, вгоняя меня в краску. — Он не настолько отвратителен тебе, как ты утверждала.

Я промолчала, не собираясь подтверждать слова веселящейся подруги. Да все и так было очевидно.

— Физическое влечение еще ничего не значит, — наконец произнесла я. — Это не отменяет того, что он, сволочь, которая по неизвестным мне причинам решила поиграть с моей жизнью. И я серьезно подозреваю, что здесь он болен. — Я ткнула себя пальцем в голову. — Он... такой переменчивый. Никогда не знаю, что он выкинет в следующую минуту. И это утомляет, постоянно следить за тем, что говорю, боясь его гнева.

— Так ты собираешься что-то делать? — Лорен крутилась на компьютерном кресле. Я серьезно боялась, что рано или поздно она его сломает. — Или будешь плыть по течению?

Я усмехнулась, приложив указательный палец к губам.

— Нет, я не хочу быть в роли жертвы, Лор.

Я не стала рассказывать подруге об обещании Адама убить меня, если я свяжусь еще с каким-нибудь парнем. Она бы заставила меня обратиться в полицию. Угроза жизни не была баловством, я и сама это понимала.

— Что ты собралась делать? — Глаза Лорен горели азартом.

После того, как я посвятила ее в свой план, Лорен посмотрела на меня так, словно увидела впервые.

— Грейс, ты же понимаешь, что и сама можешь влипнуть?

Я покачала головой. Да, мне потребуется вся моя смелость, но если у меня получится, я заставлю Адама заплатить за то, что он втянул меня в свои жестокие забавы.

— Этого не случится, Лорен, — пообещала я. — Я буду в порядке. И заставлю пожалуй Адама, что вообще связался со мной.

Судя по виду Лорен, она не была так уверена в моих словах. В отличие от меня самой.

Во всяком случае, в тот момент я верила, что заставлю Адама Эллингтона потерять голову от любви ко мне и при этом остаться невредимой.

Остаток воскресенья я посвятила стирке, которая так вчера и не состоялась, потом обложила учебниками, хотя сосредоточиться на учебе было сложно. Когда моя голова уже пухла от артиклей французского языка, я отодвинула книги, протяжно выдохнув.

Мой взгляд упал на лэптоп Лорен, оставленный на столе. Пододвинув его к себе, я открыла браузер и ввела имя Адама в поиск. Я хотела найти какую-нибудь личную информацию о нем или его семье.

Когда на первой странице всплыли его фотографии, я показала язык экрану, но не удержалась и кликнула на фото. В итоге, я добрых минут десять пялилась в его изображение, пытаюсь рассмотреть каждую черточку. Почему-то так получалось, что чем больше я смотрела на него, тем больше мне нравилось то, что я видела.

Психанув, я закрыла фото и стала искать статьи личного характера.

Так я узнала, что он единственный ребенок в семье известного в свое время финансиста Роберта Эллингтона и Саманты Эллингтон-Барклай, дочери бывшего сенатора штата Иллинойс.

Писали, что Роберт Эллингтон сбежал с одной из своих любовниц куда-то в Южную Америку, прихватив большую часть активов компании, оставив жену и сына. С тех пор его никто не видел.

Мне удалось найти фото родителей Адама, но очень давнишние. Качество было не слишком хорошим, но мне показалось, что похож Адам был на мать. Саманта Эллингтон была высокой, стройной женщиной с резковатыми, но красивыми чертами лица и светло-русыми волосами, подстриженными по моде тех лет, когда сделали фото.

После бегства отца, Адам, которому на тот момент было девятнадцать, сам занялся управлением компании, в итоге сделав ее одной из крупнейших инвестиционных компаний в Америке. Он был охарактеризован как «бизнесмен с жесткой хваткой и негибкостью в мире финансов».

Я пыталась отыскать еще что-нибудь о его матери, но ничего, кроме того, что она была убита горем после предательства мужа, сказано не было. Для меня так и осталось тайной, жива мать Адама, или уже нет.

Переваживая полученную информацию, я откинулась на спинку кресла и покрутилась, как ранее Лорен.

Что ж, то, что я узнала, пролиvalo мало света на то, кем являлся Адам Эллингтон, и в какой момент жизни он стал таким. Может, в этом вина его отца, бросившего семью ради любовницы, а может он просто тот, кто он есть.

Я вздохнула и закрыла лэптоп, гадая, смогу ли когда-нибудь разгадать этого мужчину.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Пообещай, что не откажешь.

Я опустила журнал, который читала и настороженно посмотрела на Лорен. Подруга едва не пританцовывала от нетерпения и возбуждения.

— Как я могу пообещать, если не знаю, о чем речь? — осторожно произнесла я. Если Лорен сначала требовала согласиться, значит, это было что-то серьезное.

— Грейс, это очень, очень важно. Ты — мой единственный выход.

Я закатила глаза и, сдаваясь, махнула рукой.

— Хорошо, я согласна. Так в чем дело?

— Спасибо, Грейси! — Подруга бросилась мне на шею, и мы обе повалились на мою кровать.

— Серьезно, Лор, в чем дело? — смеясь, спросила я, когда мне удалось выпутаться из объятий девушки.

— Сегодня вечером моя смена в ресторане, а мне очень, очень надо быть в другом месте.

Мои брови в недоумении взлетели на лоб.

— Ты хочешь, чтобы я вышла за тебя на работу?

Лорен с заискивающим видом кивнула.

— Да. Ты моя последняя надежда. Я уже обзвонила всех официантов, которые сегодня выходные, но никто не согласился. Все такие занятые. — Лорен скривилась. — Мне больше не к кому обратиться.

— И только потому, что я когда-то работала официанткой, ты просишь меня? — уточнила я.

— Не только поэтому. В первую очередь, потому что ты моя подруга.

И как я могла ей после этого отказать? Вообще-то, я уже как-то подменяла Лорен в ресторане, когда ей лечили зуб, и она долго не могла отойти от наркоза. К тому же, мне не помешает дополнительный заработок.

— Ну и куда ты собралась? — улыбнувшись, поинтересовалась я. Наверняка дело было в очередном парне.

— Помнишь Райана, о котором я тебе рассказывала?

Я кивнула. Как я могла забыть, когда Лорен нам с Эмми все уши прожужжала?

— У них с группой сегодня выступление в баре и он пригласил меня. Это их дебют, а музыканты — они такие ранимые, и ему важно, чтобы я присутствовала. — Подруга закатила глаза, бурно жестикулируя. Я видела, что она и сама очень хочет там быть.

— Ладно, я заменю тебя.

— Грейс, ты лучшая! — вскрикнула Лорен и, вереща, вновь кинулась меня обнимать.

Лорен уже второй год работала официанткой в ресторане La Scarola, три вечера в неделю. Заведение было дорогим, предлагающим итальянскую кухню. Основную часть посетителей составлял зажиточный слой Чикаго. Мне доводилось работать официанткой, правда, это был «Хутерс» и я не слишком гордилась той работой. Впрочем, лишилась я ее довольно скоро — когда вывалила содержимое подноса на голову посетителя, распутившего руки.

Ближе к вечеру я облачилась в форму Лорен — белую рубашку и черную юбку-карандаш, волосы затянула в тугий хвост, нанесла немного макияжа — я же хотела получить чаевые. Лорен любезно предоставила мне свой автомобиль, поэтому я не торопилась, радуясь тому, что не придется трястись в автобусе.

За пять минут до начала смены я была в ресторане. Меня все еще помнили после того раза, когда я замещала Лорен, а потому я быстро включилась в работу. Мне предстояло отбегать пять часов, после которых я надеялась стать немного богаче. Был вечер пятницы, и два обеденных зала были заполнены до отказа.

— Тебе надо устроиться к нам на постоянную работу, — посоветовал Лиам, молодой симпатичный официант, пока мы ждали напитки у бара. — Нам нужны молодые красивые девушки. — Парень подмигнул мне, на что я улыбнулась.

— Окей, сообщи, как появится вакансия, — пошутила я.

— А и сообщу, — с рвением кивнул Лиам. — Я был бы рад, если у нас появилась такая официантка.

Смущенная, я покачала головой. Лиам еще в прошлый раз пытался флиртовать, правда я не воспринимала это всерьез. Теперь-то в этом тем более нет смысла. Любому парню безопасней будет держаться от меня подальше.

Получив свой заказ, я нацепила на лицо фирменную улыбку и, стараясь сохранять равновесие, понесла к столику. Раздав напитки, я, как и положено хорошей официантке убедилась, что у клиентов все есть, прежде чем двинуться дальше. Мне нужно было на кухню, забрать заказ, и я как раз проходила недалеко от входа, когда они вошли.

В первое мгновение я замерла, не зная, что делать: бежать и прятаться, или сделать вид, что все в порядке.

Дело в том, что новыми посетителями были Адам и еще какие-то двое мужчин с ним. Чего-чего, а этого я никак не ожидала.

Почему в единственный вечер, когда я подменяла Лорен, он приперся именно в этот ресторан? В Чикаго больше поесть негде?

Я слишком долго мешкала, и бежать куда-либо было поздно, потому что Адам, которого радушно встречал швейцар Тони, поднял голову, будто почувствовав мой взгляд, и заметил меня. На его лице отразилось удивление, во всяком случае, приподнятая бровь говорила об этом.

Я так и стояла на месте, будто ждала команду, что делать дальше. Тем временем Адам что-то сказал швейцару, при этом указав на меня. Двое его спутников, как и Тони, посмотрели в мою сторону.

Ну, класс! Мое лицо вспыхнуло, но мои ноги, наконец, отлипли от пола, и я двинулась в сторону кухни, усиленно делая вид, что ничего не происходит.

Забрав заказ и неся его к столику клиентов, я старательно контролировала дрожь в теле, хотя это было не просто. Мои руки дрожали так, что я едва не упустила тарелки. Я не знала, но догадывалась, о чем Адам говорил Тони.

Мои опасения подтвердились, когда взволнованный Лиам подскочил ко мне, сообщив, что за мой столик только что сели.

— Грейс, будь очень внимательна, — внушительно посмотрев на меня, предупредил Лиам. — Видишь того блондина? — Он незаметно указал в сторону Адама, занятого разговором со своими спутниками.

Я одеревенело кивнула.

— Нужно постараться угодить ему. Неприятный тип, но при этом большая шишка. Если что-то пойдет не так, достанется и тебе и Лорен. Вообще-то странно, что он сел за тот стол, — Лиам нахмурился, — обычно он сидит за другим.

А вот я ничего странного в этом не видела. Он просто нашел еще один способ, как ко мне докопаться.

Мои руки и затылок покрылись испариной от напряжения и скручивающего живот беспокойства. Но я смирилась с мыслью, что должна буду пройти через это. Расправив плечи и нацепив улыбку на лицо, я направилась к столику номер одиннадцать, моля Бога про себя, чтобы не свалиться в обморок.

Стоило мне подойти к мужчинам, и слова сами полились сквозь мои губы:

— Добрый вечер! — Я очаровательно улыбнулась. — Меня зовут Грейс, и сегодня я

буду обслуживать вас. — Я бросила быстрый взгляд на Адама, который внимательно следил за мной. — Готовы сделать ваш заказ?

Я перевела внимание на двух других мужчин, намеренно избегая смотреть на Адама, хотя мою кожу покалывало от его пронизывающего взгляда. Стараясь слишком не пялиться, я рассмотрела его спутников. Оба были примерно его возраста. Тот, что сидел слева от Эллингтона, был худощав, с черными как смоль волосами. Довольно симпатичный, даже красивый, но взгляд его ярко-голубых глаз вызывал чувство тревоги, заставляя держаться на расстоянии. Такое же чувство у меня возникло, когда я впервые увидела Адама.

Второй был добродушней на вид, хотя так же производил впечатление прожигателя жизни; широк в плечах и выющимися каштановыми волосами.

— Вы новенькая? — с интересом осмотрев меня, спросил шатен.

Я дернула плечом с лучезарной улыбкой.

— Можно и так сказать.

— Знал бы, что тут работают такие девушки, заходил бы чаще, — пошутил мужчина, видимо желая, сделать мне комплемент.

Я польщенно улыбнулась, вновь осмелившись посмотреть на Адама. Он расслабленно откинулся на спинку кресла, постукивая пальцами по столу.

Наконец, мужчины заказали напитки: Адам виски Макаллан, а его спутники Чивас Ригал. Из еды все выбрали мясные блюда, и я с облегчением пошла пробить заказ, радуясь небольшой передышке.

Я мысленно поздравила себя с тем, что не блеяла и не падала в обморок перед ним. Напротив, я держалась довольно непринужденно, что стоило мне душевных усилий. Возможно, этот вечер не станет одной большой катастрофой.

Отнеся напитки, я прошлась по другим своим столикам, убедившись, что у всех клиентов все есть. В приподнятом настроении я отправилась в сторону кухни за заказом Эллингтона и его друзей, как вдруг чьи-то руки схватили меня за локоть и потянули в сторону пустого коридора.

Я извернулась, собираясь врезать тому, кто напал на меня, но наткнувшись на тяжелый взгляд Эллингтона, застыла с занесенной рукой.

— Какого черта ты делаешь? — прошипела я, оглядываясь, проверяя, никто ли не заметил нас.

— То же самое хотел спросить у тебя, — резко бросил мужчина, и я с трудом не закатила глаза. — Что ты здесь делаешь?

Я скептически вскинула брови.

— Очевидно, что работаю, если ты еще не понял по моей униформе и тому, что я брала у вас заказ, — дерзко ответила я, гадая, не перегибаю ли палку.

Взгляд Адама стал грознее тучи.

— Грейс, ты играешь с огнем, — предупредил он, вновь взяв меня за локоть и подтянув к себе.

— Я просто подменяю подругу, — сквозь зубы процедила я, тоже нахмурившись.

Где он научился быть таким тираном?

— Что, тебе не нравится, что ты оказывается, не все знаешь обо мне? — едко сказала я, хотя и не стоило рисковать.

Адам был не тем, с кем можно было быть наглой и дерзкой, но я не могла побороть в себе это желание побесить его.

Хотя во всем хороша мера.

— Я мог бы наказать тебя за твой вольный язык, — угрожающе прошептал мужчина, взяв меня за лицо и прижав к стене.

— Конечно, можешь, хозяин, — вновь не удержавшись, съязвила я.

Глаза Адама полыхнули дьявольским огнем, свободной рукой он схватил меня за бедро и закинул мою ногу себе на пояс. Моя юбка была довольно узкой и слишком высоко задралась при этом.

Его голова склонилась ко мне; большим пальцем руки он ласкал кожу моей щеки; проводил по губам. Намереваясь придерживаться своего плана, я соблазнительно покусывала нижнюю губу, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. Дыхание с шумом вырывалось из груди.

Рука Адама спустилась по моей шее, остановившись над вырезом рубашки, и нырнула под материю, погладив атласную чашечку моего бюстгалтера. Его серые глаза заволокло поволокой, а дыхание было поверхностным и частым.

От его хладнокровия и следа не осталось.

В душе я ликовала своей маленькой победе, но в тоже время не могла отбросить то, что и сама теряю контроль.

Пальцы Адама задели уже ставший чувствительным сосок, и я издала тихий низкий звук, выгнувшись ему навстречу.

Наконец, он притянул меня еще ближе и его губы раскрылись, собираясь слиться с моими в горячем, жарком поцелуе. Именно в этот момент некстати появился Лиам.

— Грейс? Что здесь происходит? Ты в порядке?

Голос парня был наполнен тревогой и недоумением. Адам отпустил мою ногу и, поправляя съехавший на бок хвост, я с покрасневшими от стыда щеками посмотрела на Лиаму.

— Убирайся, — сквозь зубы приказал Адам, бросив на парня предупреждающий взгляд. Его тело напряглось, а лицо окаменело.

— Грейс? — Лиам посмотрел на меня, видимо не зная, как поступить. Я понимала его нежелание связываться с Эллингтоном, но была признательна, что он остался ради меня, а не сбежал.

— Лиам, все нормально. — Я сделала попытку улыбнуться. — Не беспокойся.

— Ты уверена?

— Ты ее слышал? — Адам начал терять терпение и я уже серьезно боялась за Лиаму, который не должен страдать из-за наших с Эллингтоном игр в кошки-мышки. — Проваливай! — Адам махнул в сторону зала.

— Грейс, тебя звали за девятым столом, — быстро отчеканил Лиам и, бросив на меня неодобрительный взгляд, поспешно удалился.

— Мне надо идти, — быстро поправляя одежду, пробормотала я.

Адам резко вздохнул, будто собираясь мне что-то сказать, но видно передумал и, обойдя меня, вернулся к своим друзьям.

Немного уняв сердцебиение, я вернулась к своим обязанностям.

— Грейс.

Я обернулась и увидела Лиаму, который переминаясь с ноги на ногу, стоял у меня за спиной.

— Да?

Я дружелюбно улыбнулась парню, чувствуя свою вину перед ним. После инцидента в коридоре он избегал меня и даже в глаза не смотрел.

Я сильно удивилась, что он вообще подошел ко мне.

— Что у тебя с этим парнем, Эллингтоном?

Я растерялась, не зная, что ответить. Должна ли я вообще что-то говорить? Нет, мне нравился Лиам, он был милым парнем, но я видела его всего второй раз за все знакомство. Я не собиралась посвящать его во все тонкости наших странных отношений с Адамом.

— Да ничего особенного, — с опозданием вздохнула я, дернув плечами.

— Не думай, что я просто сую нос не в свое дело, — вдруг смутившись, пробормотал Лиам. — Просто мне бы не хотелось, чтобы ты пострадала. — Парень подошел ко мне ближе и понизил голос. — Этот человек опасен, Грейс. Тебе лучше держаться от него подальше.

Я нахмурилась. От слов Лиама мне стало не по себе.

— Почему ты говоришь все это? Ты что-то знаешь о нем?

Взгляд парня вдруг забежал, как если бы он пожалел, что сболтнул лишнее.

— Знаю только, что одна девушка, которая была связана с ним, серьезно пострадала. Это все. — Лиам начал суетиться, и быстро попрощавшись со мной, ушел.

Ресторан уже закрылся, и я была свободна. Время близилось к часу ночи. Я вымоталась и хотела только одного — добраться до своей постели и вырубиться. Забрав сумочку и надев пальто, я попрощалась с оставшимся персоналом и вышла на заднюю стоянку, где поставила Шеви.

Предупреждение Лиама не шло из головы.

О какой девушке шла речь? И что с ней случилось? Пострадала ли она из-за того, что нарушила одно из чертовых правил Адама?

Достав ключи из сумки, я подняла голову и, сбившись с шага, остановилась. Уже знакомый Астон Мартин стоял на обочине, а его хозяин, прислонившись к дверце, ожидал меня.

— Мы не закончили, — даже не сдвинувшись с места, произнес Адам.

Я едва не застонала. Во мне не было энергии на очередное столкновение с ним. И какую бы пакость на этот раз он не задумал, я не думала, что смогу выдержать это.

— А это не подождет до следующего раза? — особо не рассчитывая на успех, хмыкнула я.

Адам оттолкнулся от машины и неторопливо подошел ко мне. Непроизвольно я отступила, когда он стал возвышаться надо мной.

— Садись в машину, Грейс, — на удивление терпеливо велел мужчина. — Это приказ, который не подлежит обсуждению.

— Слушаюсь! — Я сделала вид, что отдаю ему честь и, не дожидаясь его, направилась к машине. Дернув дверцу (чтобы позлить его), я скользнула на переднее сиденье, громко захлопнув дверь за собой.

Адам сел за руль, повернулся ко мне и взгляд его глаз мне отчего-то не понравился.

Так, Грейс, кажется, ты погорячилась.

Но было поздно.

Его рука оказалась у моей головы быстрее, чем я успела сообразить, в чем дело. Он намотал мои волосы на кулак (да что у него за прикол с этим?) и ощутимо дернув, притянул к себе. Я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Никогда больше так не делай, — угрожающе прошипел он. Его губы двигались в

миллиметре от моего лица. — Я не собираюсь играть в твои игры, поняла?

Мне отчаянно хотелось заплакать, не так от боли, как от обиды. Крепко сжав губы, я молчала.

— Я не слышу, Грейс. Ты поняла? — Он не повышал голоса, но в нем не было ни грамма теплоты.

— Да, — горя желанием убить его, проскрежетала я.

— Что «да»?

Он сильнее сжал кулак, отчего мои волосы натянулись еще больше.

— Да, я поняла! — не выдержав, выкрикнула я. — Поняла!

Он тут же разжал руку, а я, оказавшись на свободе, отшатнулась к окну, чтобы быть как можно дальше от него.

Ублюдок! Гребаный деспотичный ублюдок!

Обхватив себя руками, я подняла голову и с отвращением посмотрела на него.

— Ненавижу тебя.

Он хмыкнул и повернул ключ.

— Это только твоя проблема, Грейс. Только твоя.

В полном молчании мы доехали до его дома и поднялись в квартиру. Казалось, он и забыл о моем существовании. Внутри я кипела, желая причинить ему боль, настоящую физическую боль. Никогда прежде, ни одному человеку я не желала таких мук, как для Адама Эллингтона.

Я была в клетке, и единственный ключ принадлежал этому монстру.

Как, ради всего святого, я выдержу год рядом с этим человеком?

Год сейчас казался мне вечностью, которая никогда не закончится.

Что он там говорил — соглашение будет расторгнуто в случае смерти кого-то из нас двоих? Прямо сейчас я готова была спрыгнуть с крыши какой-нибудь высотки. Или еще лучше, столкнуть с нее его.

— Подожди меня здесь, — велел Адам, сбросив с себя пальто и кинув его на спинку кресла.

Казалось, его совершенно не заботит, что я грознее тучи и вот-вот готова сорваться.

Он ушел, а я осталась в гостиной, дожидаясь его, как и положено послушной комнатной зверушке.

Может, сбежать, пока есть возможность? Ну что он сделает — только найдет и убьет меня, вот и все. Во всяком случае, не придется терпеть его издевательства еще целый год.

Побег был заманчивым решением, но не слишком умным. Поэтому я сделала несколько глубоких вдохов, стараясь немного успокоиться, и тоже сняла пальто.

Я прошлась по комнате, осматривая ее, потом подошла к окну и посмотрела вниз. Моя голова тут же закружилась. Я боялась высоты, из-за этого даже никогда не поднималась на верхние этажи центра Джона Хэнкока.

Услышав шаги за спиной, я обернулась, и тут мой желудок сделал кульбит, а сердце буквально остановилось.

Адам стоял в нескольких шагах от меня, и его взгляд буквально припечатывал меня к месту. Из одежды на нем остались только черные слаксы с низкой посадкой, открывая вид на его твердый пресс. Сложен он был едва ли не идеально.

Но все, что я видела, это черный шелковый шарф, который он накручивал на руки, или что-то, что было похоже на шарф.

Я с трудом сглотнула, не в силах отвести взгляд от его рук, играющих с шарфом. Надеюсь, он не задушит меня им собрался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Разденься, — вкрадчиво приказал Адам, не делая попыток приблизиться ко мне.

После инцидента в машине я все еще злилась. Мне претила его жестокость. По своей воле я бы никогда не задержалась рядом с таким человеком, несмотря на мощное притяжение между нами.

Но я должна была играть по его правилам. Поэтому подняв руки, я стала вынимать пуговицы рубашки из петель, стойко выдерживая взгляд мужчины. Вслед за рубашкой я расстегнула молнию юбки, и она скользнула вниз по моим ногам. Осторожно скинула лодочки без каблучков.

— Белье оставь, — низким голосом распорядился он. Его серые глаза, сейчас ставшие почти черными, буквально имели меня взглядом.

Я замерла в ожидании его следующего приказа. Но он не последовал. Вместо этого, мужчина подошел ко мне, и, встав за спину, завязал шарфом мои глаза.

Мой мир погрузился во тьму. Лишенная возможности видеть, я чувствовала свою беспомощность, которая неожиданно оказалась волнующей, пропитанной эротизмом.

Руки Адама легли мне на плечи, легко касаясь, спустились на лопатки и, двигаясь дальше, остановились на бедрах, прижав мою спину к его торсу, который словно полыхал жаром. Дрожь пробежала по телу, окатывая от макушки до голых стоп.

Мое дыхание стало неровным и поверхностным. Положившись на его волю, я полностью отдавала себя ему. Я бы и хотела удержать еще недавно кипевшую злость во мне, но иные чувства и эмоции выталкивали ее из меня, завладевая телом и разумом.

Я чувствовала его возбуждение, доказательство которого упиралось мне в поясницу. В порыве желания коснуться его руками, я сжала ладони в кулаки, впивая ногти в кожу.

— Ты была такой дерзкой, Грейс, — опаливая мою кожу горячим дыханием, негромко протянул Адам. — Я обязан наказать тебя, ведь ты заслужила. Знаешь, мне не понравилось, как ты флиртовала с моими друзьями.

Одной ладонью он обхватил меня за горло и легонько сжал.

Мое дыхание сбилось. О чем он говорит? Когда это я флиртовала с его друзьями? Или обычная вежливость тоже в списке запрещенных действий?

— Этого нельзя делать, Грейс. — Его рука легла на мои губы, и они непроизвольно раскрылись. Указательный палец скользнул внутрь моего рта, и движимая инстинктом, я облизнула его, прикусив подушечку.

Сквозь зубы Адама вырвалось шипение.

— Из-за тебя у меня возникло разногласие с Джейсом, а это не хорошо, Грейс. Мне пришлось объяснить своему другу, что право на твою маленькую киску имею только я.

Мои щеки, горевшие и так, стали макового цвета от его непристойностей.

— Я не флиртовала с..., - решив, что должна объясниться, начала я, но Адам оборвал меня.

— Тсс. Я не хочу слышать оправданий, Грейс.

Спорить с ним сейчас было не самым правильным решением, потому я благоразумно прикусила язык. К тому же, мои мысли путались от охватившего тело сексуального возбуждения, так что не думаю, что мне удалось бы связно сказать хоть пару предложений.

Неожиданно Адам переместился и, встав передо мной, поднял меня на руки,

поддерживая под ягодицы. Я перекрестила ноги, обхватив его ими за пояс, пока он нес меня куда-то.

Не в состоянии видеть; не зная, куда он несет меня, я запаниковала.

Наконец, мы остановились и, отперев дверь, он занес меня в какую-то комнату. Сделав еще несколько шагов, он поставил меня на ноги, и мои икры уперлись в кровать.

Мы были в спальне? Если это спальня, то чья, Адама, или просто гостевая? Мне стало любопытно взглянуть на место, где спал этот мужчина. Место, где он был наиболее уязвим, если такое вообще можно было представить.

— Повернись, — не повышая тона, сказал Адам, и я послушно развернулась.

Его пальцы ловко расстегнули застежку моего бюстгалтера и спустили лямки с плеч. Оказавшись практически голой, я ощутила внезапную уязвимость. Едва не закрыла руками грудь, но вовремя сдержалась.

Ладони Адама накрыли мои груди, окуная их в приятное тепло. Это было столь сладостно, что я даже не пыталась сдержать сорвавшийся с губ стон.

— Такая совершенная, — пробормотал он, потирая мои соски между пальцев. Его ласка была похожа на сладкую пытку; он то пощипывал маленькие бусины, то покручивал, перемежая с нежными поглаживаниями.

Острые волны наслаждения прокатывались по телу, заставляя меня извиваться и постанывать. Где-то в уголке сознания, который еще сохранил проблески ясности, зрела мысль, что так не должно быть. Мое тело не должно с такой охотой отвечать на его прикосновения, желая еще больше наслаждения.

Отчего его близость не противна мне? Почему я становлюсь как мягкий пластилин в его руках, забывая о его жестокости и желании сломать меня, как он сам это сказал.

Эти мысли не могли привести к хорошему результату, поэтому я подавила их, мысленно заперев на ключ, но пообещав позже к ним вернуться.

— Ложись, — развернув меня к себе, хрипло произнес Адам.

Я опустилась на кровать, коснувшись спиной прохладного хлопка простыни. Для моей разгоряченной кожи это было наградой.

Мое дыхание замерло в ожидании того, что должно было вот-вот случиться. Я так сильно желала его, и мое тело буквально ломилось от острой потребности почувствовать его в себе.

Адам не торопился присоединяться ко мне, но я слышала, как он двигается по комнате, явно чем-то занимаясь. Я слышала, как расстегнулась молния его брюк, и как он откинул их, или бросил на что-то.

— Ты принимаешь что-нибудь для защиты?

Его вопрос раздался вблизи от меня, заставив мои щеки залиться краской. Я лежала практически голой перед ним, но стыдилась такого невинного вопроса.

Ну, может и не совсем не невинного.

— Нет. — Я помотала головой. В отсутствии регулярной половой жизни в этом не было необходимости.

До моего слуха донеслось, как тихо открылся ящик стола, или это была тумбочка, а потом как зашуршала фольга.

Это могло иметь только одно значение. Я глубоко втянула воздух через нос; мышцы моего живота невольно напряглись.

Упругий матрас прогнулся под давлением Адама. Его колено коснулось моего бедра, а в

следующий миг его руки обхватили меня за икры и подтянули к себе. Взявшись за последнюю преграду между нами — мои трусики — он стянул их, и я приподняла бедра, помогая ему.

Из груди Адама раздался резкий выдох.

После он склонился ко мне — я почувствовала это, когда меня обдало горячим теплом. Его ладонь легла на мою грудную клетку, прошла по ребрам, опустившись вниз, там, где сходились мои бедра.

Вскрик сорвался с моих губ, когда большой палец Адама принялся потирать мой клитор. Я приподнялась, шумно втягивая воздух, и вновь беспомощно упала на спину. Я чувствовала, что оргазм близок, но как только я готова была кончить, рука Адама замирала, а после возобновляла пытку. Извиваясь под ним, я толкала бедра вверх, прижимаясь к его руке, желая ощутить долгожданную разрядку.

— Мне нравится твоя готовность, Грейс, — одобрительно произнес Адам, ускорив движения. Неожиданно его средний палец проник в меня, двигаясь по кругу. — Ты заслужила награду.

Моя голова металась в стороны, тяжелое дыхание толчками вырывалось из груди. Сгребая пальцами простынь, я выгнулась, дрожа всем телом, когда мощный оргазм взорвал мое тело.

Меня все еще сотрясало от пережитого оргазма, когда жёсткие, резкие слова Адама раздались над моей головой.

— А теперь, Грейс, я буду трахать тебя, пока сознание не покинет тебя.

Следующее, что я почувствовала, это как он вошел в меня одним сильным толчком. Он был таким твердым и большим, полностью заполняя меня.

Я боялась, что мое тело просто не выдержит такой интенсивности: не после того, как я только что бурно кончила, и мои ладони непроизвольно уперлись в его грудь в попытке оттолкнуть.

Он обхватил мои запястья и задрал мои руку вверх, прижав их к постели.

— Не дергайся, иначе мне придется связать тебя! — отрезал он.

Когда он начал двигаться, быстро и глубоко проникая в меня, я с удивлением обнаружила, что легко подхватываю его ритм, а мои бедра движутся ему навстречу. Я слышала тяжелое дыхание Адама, и мне отчаянно хотелось впиться пальцами в его ягодицы, почувствовать его сильные мышцы, но мои руки все еще были в его хватке.

Я не думала, что это возможно, что повторный оргазм наступит так скоро, но чувствовала, как он зреет глубоко во мне.

Никогда не замечала за собой особой громкости в постели, но в тот вечер я не сдерживалась, своими вскриками и стонами оглашая степень своего удовольствия.

Неожиданно Адам вышел из меня, но лишь для того, чтобы переместить нас. Он поднял меня, усаживая на себя сверху, и вновь скользнул в меня. Изменив угол проникновения, он оказался еще глубже, хотя это и казалось невозможным.

Внезапно я почувствовала, как на мою шею что-то накинута. По ощущениям это была широкая атласная лента. Она лежала свободно, но стоило Адаму слегка потянуть меня вперед, и лента сдавила мою шею, не сильно, но этого было достаточно, чтобы моя паника вернулась.

— Адам, — испуганно позвала я, собираясь сорвать шарф с глаз, но он завел руки мне за спину и опутал мои запястья еще одной лентой.

— Тише, Грейс. — Его голос на удивление звучал мягко, почти ласково. — Ты должна довериться мне.

Довериться ему? Нет, я не доверяла ему, но я пошла на этот риск. Он легко мог заставить меня, действуя куда грубее.

А потом, когда его движения возобновились, я потерялась в ощущениях, и страх ушел на задворки сознания. Адам удерживал меня, одна его рука сжимала мое бедро, а другая затылок. Мы двигались, и лента на моей шее то натягивалась, то ослабевала. Казалось, что лишенное полного доступа кислорода, мое тело острее переживает все грани удовольствия.

Это было похоже на сумасшествие, безумие, эйфорию. Я поднималась и оседала, полностью вбирая его в себя. Стоны Адама; то, как он втягивал воздух с шипением сквозь стиснутые зубы, едва сдерживаясь, чтобы не кончить, были услугой для меня. Я хотела подарить ему это сладкое переживание, чувственное наслаждение, которое он испытает благодаря мне. Во мне.

С последним движением я достигла пика, глотая воздух, содрогаясь от импульсов, которые разносил всплеск оргазма по моему телу. Обессилив, я упала на грудь Адама; лента ослабла и больше не сдавливала меня.

Казалось, что я действительно потеряла сознание, неясно ощущая, как пальцы Адама зарылись в мои мокрые волосы; его тело подо мной содрогнулось в момент, когда он достиг собственного оргазма.

Я проснулась, когда за окном была еще темно. Не помнила, как уснула, полностью обессилив от умопомрачительного, дикого и опасного секса с Адамом Эллингтоном.

Лучшего секса, который когда-либо был у меня.

Шарф с моих глаз исчез и, нащупав лампу на прикроватной тумбочке, я включила свет. В постели я была одна: очевидно, Адам ушел, когда я уснула. Отчего-то мне стало грустно от этой мысли, но я тут же хмыкнула, прогоняя ненужные сантименты.

Я не должна привязываться к этому жестокому, сумасшедшему тирану.

Оглядевшись, я бегло осмотрела комнату. Довольно большая, с современной мебелью светлых оттенков. Огромная кровать, на которой все и случилось, напротив комода с большим зеркалом, две тумбочки и два небольших кресла с низким стеклянным столиком у окна. Вот и все.

Выбравшись из постели, я отперла дверь внутри комнаты, надеясь, что за ней ванная. Я не ошиблась, и довольная улыбка скользнула по губам.

Отчаянно хотелось в туалет и в душ, который, кстати, не шел ни в какое сравнение с душем в общежитие. Просто произведение искусства.

Стоя сразу под несколькими струями умеренно горячей воды, я едва не мурчала от удовольствия. Так и должны жить богачи.

Вспомнив, что совсем недавно произошло между нами с Адамом, я покраснела, и другие мысли напрочь покинули голову.

Да, меня волновали эти игры с дыханием, и не уверена, что хотела бы это повторить. Хотя... только если еще раз. Теперь, когда узнала, что стремление Адама не убить меня — во всяком случае, не с помощью удушения во время секса — я испытывала к нему чуть больше доверия. Хотя червячок сомнения во мне и говорил, что зря.

Вытершись насухо невероятно мягким полотенцем, обнаруженным на стальном поручне, я завернулась в банный халат, на вид новый, висящий у двери и решила, что можно выйти из комнаты и разведать обстановку. Сон мой пропал, а сидеть на месте не

представлялось возможным.

Я не знала, что скажу Адаму, или как буду смотреть ему в глаза, когда увижу. Как мы вообще теперь будем вести себя? Секс все меняет, так всегда. Период всегда делится на «до» и «после», но ожидания не всегда оправданы.

Я не обольщалась насчет Адама, и не думала, что раз позанимавшись сексом, он станет добрей ко мне, или терпимей. Но возможно, только возможно лед между нами немного подтаает?

Ступая по коридору в сторону гостиной (я надеялась, что иду в правильном направлении), я вдруг слышала какие-то неясные звуки, казавшиеся неправильными в тишине квартиры. С каждым шагом звуки звучали отчетливей, и еще до того, как я это увидела, то уже знала их характер.

Я замерла на пороге большой комнаты, с отвращением и внезапной болью наблюдая, как Эллингтон расслабившись, сидит в кресле, а какая-то девушка на коленях перед ним усердно работает, чтобы удовлетворить его. Руки Адама лежали на голове коленопреклоненной, контролируя ее движения.

Меня замутило, и глаза защипало от представшей картины. Не знаю, почему я тут же не убралась оттуда, но, видно, почувствовав мой взгляд, Адам поднял голову, встретившись с моим взглядом. И если до этого я думала, что хуже быть не может, он опроверг это тем, что равнодушно выдерживал мой взгляд, ни на мгновение, не прерывая своего занятия.

Мы играли в гляделки до тех пор, пока я не развернулась, чтобы уйти.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Проснувшись следующим утром, я обнаружила свою выстиранную и выглаженную одежду на одном из кресел. Тут же лежала моя сумка.

Одевшись и приведя себя в порядок, я долго стояла в ванной перед зеркалом, хмуро глядя на свое отражение, набираясь храбрости, чтобы выйти и встретиться с Эллингтоном лицом к лицу.

После того, как я застала его с девицей, которая так усердно обрабатывала его член, все, что я чувствовала, это опустошение. Это напрочь стерло то прекрасное ощущение после ночи с ним.

Вернувшись в комнату, я долго не могла уснуть, тупо пялясь в темный потолок. Если бы Шеви не остался на парковке у ресторана, я бы тут же уехала. Но чем дольше я лежала, изводя себя мрачными мыслями, тем сильнее во мне крепла уверенность, что ему не удастся так легко сломать меня.

Да, мое тело принадлежит ему, но мою душу он никогда не получит. Я не покорюсь. Не сломаюсь. Я смогу выдержать все дерьмо, которое он приготовил для меня, а когда срок моего заключения истечет, уйду не оглянувшись, чтобы навсегда оставить этот кошмар в прошлом.

Тирания Адама Эллингтона не будет определять всю мою дальнейшую жизнь.

Вздохнув полной грудью, я повыше подняла подбородок, расправила плечи и вышла из комнаты. Мне почти удалось подавить дрожь в ногах, но как оказалось, я могла бы так и не нервничать. Тем утром мне не суждено было встретиться с Адамом.

— Доброе утро, мисс Колдвел, — раздался почтительный голос у меня за спиной, когда я вышла в холл. Быстро обернувшись, я увидела пожилого высокого мужчину, который вежливо улыбался мне.

— Доброе утро.

Я растерянно смотрела на незнакомца, и он поспешил прийти мне на помощь:

— Я Найджел, личный помощник и дворецкий мистера Эллингтона.

Дворецкий? Мои брови едва не подскочили в удивлении, но я удержалась, потому, как это было бы грубо.

— Что желаете на завтрак, мисс? — невозмутимо спросил Найджел, пока я продолжала молчать, не зная, что ему сказать.

— О, да не стоит беспокоиться, — опомнившись, быстро покачала головой я. — Я только хотела бы забрать свое пальто, мне уже пора уходить.

— Мистер Эллингтон настоятельно просил, чтобы вы позавтракали мисс, — все еще уважительно, но непреклонно возразил мужчина, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним на кухню.

— А где сам мистер Эллингтон? — поморщившись, пока Найджел не видел, спросила я.

— Хозяин рано утром улетел в Японию, мисс. Командировка. Сахар?

Известие о том, что Адам улетел, даже не пожелав увидеться со мной неприятно поразило (хотя не должно бы уже), и я не сразу среагировала, о чем меня спрашивает дворецкий.

— Да, одну ложку. — Я вымучено улыбнулась. — Спасибо.

— Сливки?

Я покачала головой.

— Что мисс желает на завтрак? — поинтересовался Найджел, поставив чашку с кофе передо мной.

Есть совершенно не хотелось, но я все же попросила тосты, чтобы Найджел больше не тыкал меня носом в приказания своего хозяина.

Нашего хозяина.

Мужчина чинно передвигался по кухне, без резких движений и лишней суеты, напомнив мне Альфреда, верного помощника Брюса Уэйна. Вот только Адам не Бэтмен, борющийся со злодеями Готема. Скорее, он сам один из этих злодеев, любителей терзать человеческие души.

Окончательно загрустив, я вяло отреагировала на поданный завтрак, хотя помимо тостов с золотистой хрустящей корочкой на столе стояло несколько видов джема, меда, сыра и свежих ягод. Чтобы не обижать Найджела (он казался приятным человеком, и я не понимала, как он может добровольно работать на такого, как Эллингтон), я все же съела один тост и пару клубник.

— Спасибо за завтрак, Найджел. Но мне действительно пора. — Я поднялась, с благодарностью посмотрев на мужчину.

— Пожалуйста, мисс Колдвел, — кивнул мне дворецкий.

Я гадала, все ли любовницы Эллингтона поутру достаиваются завтрака и такого любезного обходительного обращения?

— Ваше пальто, мисс. — Найджел принес мне пальто, перекинутое на руку. — И ключи от автомобиля, он ждет вас на подземной парковке.

Что ж, хоть этому можно было порадоваться. Не придется добираться до ресторана, чтобы забрать Шевроле.

Найджел провел меня до выхода и, попрощавшись с ним, я спустилась на парковку уже знакомым лифтом. В машине я проверила свой телефон и обнаружила пропущенные звонки от Эмми и Лорен, а так же несколько смс с требованием позвонить.

Решив, что скоро и так буду в общежитии, звонить я не стала.

На всякий случай я так же проверила айфон, но не было ни звонков, ни сообщений. Я убрала телефон с глаз долой, не понимая на что вообще рассчитывал.

Что он напишет извинения, и как ему жаль, что я увидела его оральный секс с другой девушкой? Не настолько я глупа. Да и какая мне разница, что он спит с другими (уверена, их более чем одна), в конце концов, он не давал мне клятву верности. Только лишь потребовал ее от меня, пригрозив убить в случае неповиновения.

Выведя Шеви из подземной парковки, я злорадно усмехнулась, представив, как намеренно нарушу это его чертово правило. Пусть знает, что помимо него я и с другими могу трахаться. Хотя, стоит ли игра свеч? Все же жизнь мне дороже, чем его ущемленное самолюбие.

Чтобы не разбудить девчонок, которые любили в субботу поспать подольше, я тихо вошла в нашу комнату, но тут же ураган в виде двух обезумевших подруг набросился на меня.

— Грейс! — вскрикнула Эмми, стоило мне переступить порог. — Какого черта? Где ты была? Почему не позвонила?

— Может по вопросу за раз? — Я выставила руки в защитном жесте, пока Эмми возмущенно сверкала глазами.

— Мы тебе полночи пытались дозвониться. — Даже Лорен укоризненно смотрела на меня. — Могла бы чиркнуть смс, что жива и здорова.

Я вздохнула, совсем не в силах еще и с подругами разбираться. Этой ночью мне было как-то не до написания сообщений.

— Извините. — Мой голос звучал немного раздраженно. — Мне жаль, что заставила вас поволноваться, но не думала, что обзавелась двумя мамочками.

Подруги в недоумении переглянулись.

Да, я вела себя как сука. Чего никогда не позволяла себе подобного прежде.

— Я не хотела. — Я устало вздохнула и потерла глаза. — Просто паршивое настроение.

— Грейс, это правда, что ты и Адам Эллингтон заключили сделку? — Эмми, с ее большими добрыми глазами сейчас смотрела на меня с недоверчивым укором. — Ты с ним была?

— Лорен! — Я в возмущении развела руками. — Какого черта?

— Прости. — Подруга виновато пожала плечами. — Но я должна была как-то объяснить то, что тебя нет всю ночь. Эмми уже хотела в полицию звонить.

Класс, просто класс. Я до последнего тянула, не решаясь рассказать Эмми. Сегодня мне еще и за это придется оправдываться?

— Грейс, ты сошла с ума! — заявила Эмми, на что я безрадостно хмыкнула.

— Да Эм, я знаю. Но, видишь ли, бывает и такое, что тебе не оставляют выбора. Мне его не оставили. — Махнув рукой, я горько улыбнулась. — Я не прошу тебя понять, но не осуждай меня, хорошо? — В моих глазах стояли слезы. — Только не ты, не вы. — Я указала на них по очереди. — Мне нужна ваша поддержка, потому что это и так чертовски тяжело. Я чувствую себя дешёвкой, которая продалась и я сама осуждаю себя, хотя и понимаю, что выбора не было. И я бы вновь пошла на это, потому что так моя бабушка не окажется на улице и сможет иметь нормальный уход и лечение, а мой никчемный отец сохранит свою жизнь. — Я так разошлась, выплескивая эмоции на подруг, что не заметила, как мой голос звучит буквально на пределе. — Так что, пожалуйста, не говорите мне, какая я сумасшедшая идиотка, достойная порицания. Я знаю это. Просто будьте моими подругами, и все. — Я

покачала головой, и уже тише повторила: — И все.

— Я не осуждаю тебя. — Эмми шмыгнула носом и кинулась обнимать меня. — Я просто волнуюсь за тебя.

— Мы обе волнуемся.

Лорен подошла и обняла нас обеих.

Я улыбнулась, чувствуя, как напряжение последних часов отпускает меня.

— Я буду в порядке, — пообещала я. — Со мной все будет хорошо. Со всеми нами.

После такого сентиментального момента мы с девочками собрались и отправились в наше любимое кафе на поздний завтрак. Я была благодарна подругам, что они не спрашивали меня о подробностях прошлой ночи и не затрагивали тему Адама Эллингтона. В то утро мы были просто тремя подругами, тремя беззаботными студентками, обговаривая скорый выпуск, наших друзей и знакомых, смешных преподавателей и глупых парней из братств, мнивших себя крутыми неотразимыми мужчинами.

Я запретила себе думать об Адаме, как если бы его не было в моей жизни. И мне это неплохо удавалось. Впервые за последний месяц я много улыбалась и смеялась, и не чувствовала, что надо мной повис тяжелый рок.

Чуть позже я отправилась к бабушке, собираясь провести у нее остаток выходных. Кимберли как раз хотела взять выходной, а я немного побыть с бабулей. В ее доме, рядом с ней я чувствовала в безопасности, прям как в детстве. Чувствовала, что меня искренне любят и знала, что бабушка никогда не осудит меня.

— Тупая курица! — в сердцах выкрикнула бабушка, да так, что попкорн со рта полетел.

Дело в том, что в этот момент мы смотрели «Джеопарди» и одна из участниц не смогла ответить на довольно простой вопрос, чем и рассердила бабулю.

— Ба! — Я изобразила искреннее изумление, но не выдержала и рассмеялась, когда щеки бабушки покраснели. — Ну, ты даешь! Ты же уже смотрела этот выпуск. Синди все равно продует. — Я махнула в сторону экрана — камера как раз показывала выше озвученную женщину.

— И всякий раз она меня бесит. — Старушка поджала губы. — Как можно не угадать Уоррена Битти? Он самый сексуальный мужчина времен моей молодости.

— Ты дедушке об этом говорила? — лукаво вскинула брови я: бабушка отвела взгляд, сделав вид, что расправляет юбку.

— Ну, знаешь, в мое время женщины не говорили своим мужьям о таких вещах, — пробормотала старушка.

Я усмехнулась и, прижавшись к здоровой руке бабушки, положила голову ей на плечо.

— Я волнуюсь за тебя, Грейси, — неожиданно серьезным тоном вздохнула бабушка, прижавшись губами к моей макушке.

Я подняла голову, чтобы посмотреть в ее обеспокоенные глаза.

— Почему?

— Просто чувствую, что с тобой что-то происходит. — Бабушка положила ладонь мне на щеку, и я прижалась губами к морщинистой руке.

— Тебе не о чем волноваться. — Я заставила себя улыбнуться, но не уверена, что мне удалось успокоить старушку. — Со мной все в порядке. Правда.

Уже второй раз за день я убеждала, что я в порядке и со мной все хорошо. Но так ли это на самом деле? Верила ли я сама в то, что это правда?

— Я не могу не беспокоиться о тебе, Грейси. — Бабуля ласково произнесла мое имя. —

Твои несчастные родители оказались неспособными дать тебе нормальную семью и счастливое, беззаботное детство. Ты так много была лишена.

Я распахнула глаза шире, сдерживая слезы.

— Ба, это не так. Вы с бабушкой дали все это мне. Не думай, что я была чего-то лишена.

Мое сердце сжималось при мысли, что бабушка могла думать так, считая, что чего-то не дала мне.

— Но мне недолго осталось на этой земле, Грейси. — Бабуля печально улыбнулась. — Мне страшно становится, когда подумаю, что когда меня не станет, ты останешься сиротой. Я люблю своего сына, — бабушка покачала головой, — но из него не получился хороший отец.

— У меня есть ты. — Я крепко обняла бабушку. Слезы стекали по моим щекам, так мне стало грустно и страшно, что однажды все так и случится, как описала старушка. Больше всего я боялась потерять ее. — И всегда была. Большого мне и не надо.

— Грейси.

Здоровой рукой бабушка гладила мои волосы, пока я, совсем как в детстве прижималась к ней. Я могла проявить свою уязвимость рядом с этой женщиной, и получить утешение. Здесь была обитель моего спокойствия; место, где я могла почувствовать себя ребёнком, когда хочется, чтобы тебя пожалели и приласкали.

— Ну же, скажи. Скажи, — смеясь, настаивала Лорен. — Разве мы зря пошли? Разве здесь не весело?

Закатив глаза, я кивнула, признавая свое поражение.

— Да, весело. Мне весело, Лор! — Я схватила подругу за руку, и мы обе рассмеялись, под влиянием шумной атмосферы ночного клуба, звуков музыки и людских голосов вокруг.

Я сперва отказывалась, когда Лорен на пару с Эмми начали уговаривать меня пойти в ночной клуб, но в итоге была рада, что согласилась.

Вечер с подругами был мне просто необходим.

— Нам надо чаще отрываться! — Эмми закинула руки нам с Лорен на плечи, усмехаясь хмельной улыбкой. — И к черту этих мужиков! К черту Дерека! Он лузер, что упустил меня!

— За это надо выпить!

Лорен щелкнула пальцами, привлекая внимание бармена.

Я чувствовала себя такой свободной! Такой живой! Наверное, пара тройка текил поспособствовали этому, но какая разница, в конце концов?

Мы смеялись, танцевали и флиртовали с парнями, желающими познакомиться с нами. На мне было одно из платьев, купленным Эллингтоном — короткое черное с молнией по центру — делающее меня смелой и раскованной.

Была и хорошая новость — уже две недели Адам не объявлялся. Я надеялась, что его самолет разбился где-нибудь над океаном, и обломки никогда не найдут.

Протанцевав подряд несколько ритмичных треков, вспотевшие и вымотанные мы вернулись к бару, чтобы промочить горло.

— Мне минеральную воду.

Я предупреждающе вскинула руку вверх, когда Лорен потребовала еще три текилы.

— Это что за дезертирство?! — Охмелевшая подруга хлопнула ладонью по стойке, отчего на нас стали поглядывать.

— Да Грейс, мы все в од... одной связке, — икнув, поддакнула Эмми.

Воздев руки к потолку, я сдалась.

— Окей, только если я опять напьюсь и пересплю с каким-нибудь неудачником, вы в этом в ответе! — заявила я, беря в руки шот.

Парень с лева повернулся ко мне, скабрёзно усмехнувшись.

— Красотка, я совсем не неудачник, но готов развлечь тебя.

Мы с подругами переглянулись и прыснули от смеха.

Если бы не алкоголь, я бы никогда не сделала того, что случилось в следующую секунду.

Взяв парня за подбородок, я притянула его к себе и томным голосом прошептала:

— Красавчик, я еще не настолько пьяна.

Друзья парня заржали, а он, вместо того, чтобы смутиться, шлепнул меня по заднице.

Знаю, я должна была возмутиться, но вместо этого залпом опрокинула текилу и, прижавшись к уху парня, быстро кое-что шепнула. Он с энтузиазмом посмотрел на меня и закивал.

— Грейс, что ты делаешь?! — в один голос закричали ошарашенные Лорен с Эмми, когда с помощью парня я забралась на барную стойку.

Ладно, возможно, я была более пьяна, чем думала.

Но мой маневр был встречен поощрительными криками и свистами, и подбадриваемая толпой, я принялась танцевать, соблазнительно (я надеялась), двигаясь под музыку. Парень, который помог мне взобраться, начал тянуться ко мне, но я шлепнула его по руке, пригрозив пальцем.

Я в жизни так не веселилась и не чувствовала такой раскованности и отваги.

Всесильная текила!

— Грейси жжет! — засвистев, крикнула Лорен, подбадривающе показав мне два пальца вверх.

Я встряхнула волосами и, сделав поистине рискованное движение, опустила колени на стойку, эффектно закончив танец. Раздались громкие аплодисменты и крики: «давай еще».

Счастливо улыбаясь, я случайно посмотрела на Лорен. Ее голова была повернута назад, а поза выдавала напряжение. Проследив за взглядом подруги, я поняла почему.

В нескольких метрах от барной стойки стоял Адам, криво улыбался мне и лениво похлопывал в ладони.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ох, я должна была испугаться.

Чертова текила!

Вместо этого я вытянула руку, указав пальцем на Адама, который как раз подошел ближе и издевательски-покорным тоном выкрикнула:

— О, а вот и злой и страшный серый волк. — Я усмехнулась, когда челюсти Адама сжались. — Хозяин в ярости? — Я прикусила уголок губы, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. — Хозяин накажет плохую Грейс?

Я слышала, как Лорен присвистнула, а Эмми начала бормотать что-то о том, чтобы я слезла и заткнулась.

Внезапно, чего я никак не ожидала, Адам улыбнулся, и это была первая настоящая улыбка за время нашего знакомства. Впрочем, исчезла она так же быстро, как и появилась.

Мое сердце екнуло.

Долбаный сукин сын, с долбанной сексуальной, очаровательной улыбкой.

— Ты закончила представление? — Его голос звучал обманчиво спокойно.

Мне вдруг расхотелось устраивать сцену, и я кивнула.

Он протянул руки ко мне и оперевшись на его сильные плечи, я оказалась на твердом полу.

— Эй, это кто еще такой?

Мой недавний помощник, о котором я уже успела забыть, решил наехать на Адама.

— Угомонись. — Эллингтон хладнокровно посмотрел на выпятившего грудь моего невольного защитника. — Ты почти в шаге от того, чтобы я сломал тебе руку, которую ты недавно распустил.

Мой рот раскрылся в форме буквы «О». Неудобно получилось.

— Чувак, все нормально. — Я примирительно посмотрела на парня. Он не заслужил того, чтобы на себе испытать каким мстительным может быть Эллингтон. — Я вроде как принадлежу ему. У нас все равно ничего бы не вышло.

Чертов мой язык! И куда делись мозги, когда они так нужны?

— Что?

Парень и сам был нетрезв, и недоуменно уставился на нас.

Взгляд Адама не предвещал ничего хорошего для глупца. Ну, спасибо, хоть не на меня он так смотрел. Его губы были сжаты в жесткую линию, но плечи оставались расслабленными.

Обманчивое впечатление.

— Думаешь, можешь притащиться сюда и командовать?! — Парень стукнул себя в грудь, сделав шаг в сторону Адама.

Кто-то вскрикнул — кажется, это была Эмми. А я опомниться не успела, как Адам схватил правую руку парня, вывернув кисть под неестественным углом. Несчастный закричал, и его друзья дернулись, чтобы помочь ему.

Угрожающий голос Эллингтона заставил их остановиться:

— Двинетесь, и перелом станет открытым.

Пока парень кричал, Адам без труда удерживал его сломанную руку. Я поразилась, как легко он покалечил человека, и при этом даже мускул на его лице не дрогнул. Разве можно быть таким равнодушным? Наверное, только если ты мертвый.

— Адам, прекрати! — морщась от криков моего глупого защитника, закричала я. — Ему же больно!

Мужчина опалил меня таким тяжелым взглядом, что я попятилась. В нем вновь проступила эта необузданность и неконтролируемая ярость, которую я уже видела прежде.

— Грейс, не лезь, — опасно шепнула мне на ухо Лорен, схватив меня за руку.

Я не обратила на нее внимания, выдерживая поистине пугающий взгляд Адама. Наконец, он прояснился, и глаза стали спокойней. Оттолкнув уже просто поскуливающего парня, мужчина широким шагом направился к выходу, на ходу бросив мне:

— На улицу. Немедленно!

— Грейс, не ходи за ним, — попросила умоляюще Эмми, когда Адам уже не мог слышать.

— Грейс, он же псих. — Лорен выглядела полностью ошеломленной.

Я обернулась убедиться, что пострадавшему парню уже оказывают помощь, потом посмотрела на подруг.

— Не ждите меня. Все будет в порядке.

Схватив свои вещи, я поспешила вон из бара, слыша, как вслед мне несутся протестующие слова подруг.

Мое пальто было у меня в руках, поэтому, оказавшись на улице, ощутила весь холод декабря. Я сжала губы, когда холодный ветер ударил в лицо.

Вечер, который начался так хорошо, обернулся катастрофой. Или только собирался ей стать.

Я боялась оставаться наедине с Адамом, не зная, что еще взбредет ему в голову. Так просто он мою выходку не оставит.

Он ждал меня возле машины. Поразительно спокойный. Мне это уже не понравилось. Затишье перед бурей, уверена.

— Садись.

Он открыл передо мной дверцу, махнув рукой внутрь.

Чем дальше он оставался внешне спокойный, тем больше я боялась.

— Злишься? — Я бросила на него осторожный взгляд, когда мы мчались по ночному городу.

Он хмыкнул.

— Должен?

Я не могла понять в каком он настроении. Никогда не смогу разгадать этого мужчину, это точно.

— Это было просто веселье, невинная шутка. — Я провела рукой по волосам, встряхивая их. — Этого не было в списке твоих запретов, не так ли?

— Ты боишься, что я накажу тебя? — вместо ответа расслабленным голосом спросил он, бросив на меня странный взгляд.

Он казался таким уверенным, ведя Астон Мартин на большой скорости сквозь немногочисленный поток ночного движения. Одна рука властно держала руль, а другая переключала скорости. Настоящий властелин всего, что окружало его.

— А ты хочешь? — принимая правила игры, тихо спросила я.

Сто раз готова проклясть текилу. Ну, я убеждала себя, что смелостью и игривостью обязана ей.

Скинув ботильоны, я подняла ноги на приборную панель, немного разведя бедра и легкими движениями поглаживая нежную кожу на внутренней стороне.

Взгляд Адама скользнул вниз и переместился на мое лицо.

Моя голова лежала на подголовнике, и я смотрела на него томным взглядом. Тихое дыхание вырывалось сквозь приоткрытые губы.

Я знала, что играю с огнем. Но как же мне хотелось завести его, играя по своим правилам! Я хотела вкусить хоть маленькую власть над ним, хоть на пять минут.

Неважно!

Хотела показать ему, что и он может быть уязвимым.

Губы мужчины приоткрылись, дыхание участилось.

Я готова была петь от ликования.

Но это было только началом.

— Коснись себя, — севшим голосом проронил он. — Я хочу, чтобы ты потрогала свою киску.

Твою ж мать! Это так заводит, потому что я все еще пьяна?

Наблюдая за ним, я выполнила его желание. Скользнув рукой в свои трусики, я ощутила,

какой горячей и мокрой уже стала.

Я так хотела, чтобы это он касался меня там.

Неожиданно Адам свернул авто на обочину, затормозив.

— Дай мне свою руку, — потребовал он.

Мое сердце перестало биться, когда его губы обхватили мои пальцы, только что побывавшие ТАМ и стали посасывать. Я застонала, выгнувшись на кресле.

— Все еще боишься? — Он криво усмехнулся мне.

Я неуверенно покачала головой.

Кто был этот мужчина напротив меня? Незнакомец, сексуальный искуситель, чувственный бог любви. Но никак не холодный и равнодушный тиран.

— Сними свое белье.

Он следил за мной, пока я послушно снимала трусики. Сегодня на мне был один из купленных им комплектов от «Агент Провокатор». Поистине, дорогое красивое белье могло повысить самооценку.

Адам обхватил меня за талию и, приподняв, посадил на себя. В таком положении я могла смотреть на него сверху вниз, и я смотрела, чувствуя, как мой рот наполняется слюной при виде его губ.

Я поймала себя на мысли, что еще не чувствовала поцелуя этих чувственных, сексуальных губ. Внезапно поцеловать его показалось таким важным, жизненно необходимым. Приложив пальцы к его губам, я осторожно погладила, изучая. Такие твердые и теплые; совершенные.

Он не пытался остановить меня, позволяя руководить. Я не обольщалась, и не рассчитывала, что он потерял бдительность, отпустив контроль. Нет, но сейчас, в этот момент, он был более человечным со мной, позволив заглянуть за маску властного тирана.

Нагнувшись, я, словно пробуя, коснулась своими губами его рта. И в этот момент сдержанность и неторопливость мужчины испарились. Зарывшись пальцами в мои волосы, он обхватил меня за затылок, поворачивая мою голову под нужным углом, сталкивая наши рты в порыве взбесившейся страсти.

Поцелуй — жадный, дурманивший, возбуждающий, сладкий. Он лишал последних связных мыслей, пробуждая глубокие инстинкты, наполняя салон автомобиля жарким дыханием.

Моя голова кружилась, но уже не от выпитого ранее алкоголя, а от опьяняющего поцелуя с Адамом. Поцелуя, который мог спалить эту машину к чертям.

Его губы посасывали, вбирая меня в себя; язык глубоко проникал в мой рот, сталкиваясь в чувственной пытке с моим языком; дыхание слилось с моим дыханием.

Терпеть больше не представлялось возможным. Если он сейчас же не окажется во мне, я точно воспламенюсь и превращусь в пепел. Опустив руки, я приподнялась, расстёгивая его ремень и молнию джинсов.

— Я на таблетках, — призналась я едва слушающимся языком, когда Адам достал из кармана презерватив.

Чуть больше недели назад я посетила своего гинеколога, и она выписала мне противозачаточные. Мне не нужны были неприятные неожиданности.

Он посмотрел на меня взглядом, значение которого осталось для меня тайной, и кивнул.

Он был более чем готов, когда я обхватила его руками, чувствуя шелковистую горячую плоть.

— Грейс!

С протяжным стоном мое имя сорвалось с его губ в момент, когда направив его, я приняла его в себя.

Я задохнулась и на секунду замерла от переизбытка ощущений, чувства наполненности им; чувства нашего единения. Один только звук его голоса, выкрикивающее мое имя был способен довести меня до предела. А потом я начала двигаться, беря контроль над ним, который он временно передал мне.

Его руки расстегнули молнию на моем платье, приспустили бюстгальтер, и я прогнулась назад, когда его голова склонилась, а влажные уста обхватили мои соски, лаская их поочередно.

Мои пальцы с силой сжимали его волосы, пока я доводила нас до крайней черты. Чувствуя, как близка к финишу, я ускорила, со всей силы обхватывая его руками, словно могла утонуть, если отпущу.

И с его именем на губах моя голова упала на его грудь, когда оргазм с неистовой силой взорвался во мне. Пальцы Адама впились в мои бедра в момент, когда он кончил, изливаясь и наполняя меня собой.

Сознание медленно возвращалось ко мне.

Господи, что только что произошло? Безумный, крышесносящий, умопомрачительный секс. Секс, после которого возникла дикая мысль, что отныне ни один мужчина в моей жизни не сможет затмить Адама. Чувство, что мне всегда будет мало его, неприятно ужалило, вызывая чувство тревоги.

И чтобы опровергнуть свои абсурдные, пугающие ощущения, я саркастически хмыкнула:

— И как скоро ты вызовешь одну из своих шлюх, чтобы она отсосала у тебя?

Я тут же успела пожалеть о своих словах, но было поздно.

Еще секунду назад расслабленное тело Адама окаменело, и меня будто холодом обдало.

— Нет, Грейс. Ты это сделаешь.

Не слишком осторожно он пересадил меня, быстро застегнул джинсы и бросил на меня не предвещающий ничего хорошего взгляд.

Мне захотелось треснуть лбом о приборную панель.

Идиотка!

— Любишь танцевать, да, Грейс? — Он зло усмехнулся мне, и озноб прошелся по моей коже. Я знала, что за этим вопросом последует что-то плохое для меня. — Отлично. Я знаю одно место, где оценят твой талант.

Я поняла, что попала в настоящую задницу, когда Астон Мартин остановился возле стриптиз клуба «Падшие Ангелы». Ну, была только одна причина, по которой мы могли приехать сюда.

Кляня на чем свет стоит, свой болтливый язык, я поплелась за Адамом внутрь. Внутри все так и распирало от тестостерона. Мужчины, самых разных возрастов и положения пускали слюни и теряли деньги, исчезающие в трусиках жарких танцовщиц, оголяющих свои прелести за вознаграждение.

Я с удивлением узнала, что клуб принадлежит одному из друзей Эллингтона, шатену из ресторана. Он как раз о чем-то ворковал с какой-то девицей в форме официантки (лифчик и короткие шорты, больше напоминающие трусы), когда мы вошли.

Увидев Адама, шатен приветственно хлопнул его по руке, а после легонько шлепнул официантку по заднице, отправив работать. Девица бросила призывной взгляд на

Эллингтона, после чего взмахнула черными бутафорскими крылышками и унеслась.

Да, все женщины реагировали на него одинаково.

— Рад видеть в моей обители. — Шатен, которого, кстати, звали Эрик, театрально развел руками, слегка поклонившись мне.

Я кисло улыбнулась, опасливо поглядывая на Адама. Плохое предчувствие завязало мой желудок в узел.

— Так что привело вас сюда?

Эрик бросил вопросительный взгляд на своего друга. Наверняка он не ожидал, что Эллингтон притащит меня в это место.

Адам лениво облокотился на барную стойку, окинув меня долгим, откровенным взглядом.

— Грейс хотела потанцевать, не так ли, Грейс? — Он насмешливо хмыкнул. — Так давай, иди, танцуй. — Он махнул рукой в сторону сцены, где девушка уже избавившись от всего, кроме микроскопических трусиков, изгибалась у пилона.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Ты это серьезно? — Мой голос едва слушался. Такая боль и обида охватила меня. Я не понимала, как после того, что случилось десять минут назад в его машине, он мог требовать от меня прилюдного унижения.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, но голос понизился на несколько градусов.

— Я всегда серьезен, Грейс.

Между нами словно шла безмолвная борьба; наши злые взгляды прожигали друг друга. Я знала, что у меня нет шансов на победу. Пока еще нет.

— Как скажешь, хозяин, — с издевкой усмехнулась я, пытаюсь скрыть то, как я была уязвлена его приказом.

— Ты уверен? — Эрик с сомнением вскинул брови на Адама.

Эллингтон перевел взгляд на друга и бесстрастно отрезал:

— Уверен.

Эрик вздохнул и приглашающим жестом указал мне следовать за ним.

Он хочет стриптиз в моем исполнении? Что ж, он его получит!

Эрик отдал распоряжение, что в программе произойдут небольшие изменения. И когда предыдущая девушка ушла со сцены, объявили мой выход.

Раздираемая диким волнением и странным возбуждением, я ступила на сцену, под приветственные и неприличные выкрики мужчин. Соблазнительно улыбнувшись, послала воздушный поцелуй в толпу и, встретившись с глазами Адама, наблюдавшего за мной у стойки, подмигнула ему. Он отсалютовал мне стаканом, державшим в руке.

Заиграла выбранная мной музыка — Lana Del Rey Gods and Monsters, которую я часто слушала в последнее время на своем айподе.

Окей. Я собралась. Я покажу ему шоу.

Да, детка, я покажу тебе такое шоу, и ты еще пожалеешь, что принял это решение.

Я подошла к пилону, чувственно двигаясь под музыку, призывно улыбаясь мужчинам, смотрящим на меня. Я спутывала свои волосы, кусала и облизывала губы, сексуально ползала по сцене, крутилась у пилона. В общем, делала все те штуки, которые проделывали танцовщицы.

Я не была новичком в этом. Нет, я никогда не танцевала профессионально, но одно время я встречалась с парнем, ради которого взяла несколько уроков стрип дэнса, и они

пригодились мне сейчас. С Джеком мы расстались довольно быстро, но он оценил мои старания.

Лицо Эллингтона стоило того, чтобы выйти на сцену и раздеться на обозрение пропитанных похотью мужчин.

Да, я разделась, потому что без этого эффект не был бы таким сильным. Когда музыка смолкла, единственное, что осталось на мне — это черные прозрачные трусики, и еще я разбогатела на... ну, мне некогда было считать, но купюр было ни мало.

И хотя вокруг было много мужчин, танцевала я для одного. Того, кто прищуренным взглядом серых глаз прожигал меня насквозь.

Эрик, который стоял возле Адама, что-то сказал ему со смешком, отчего взгляд Эллингтона стал еще грозней.

Выкуси, засранец!

Закончив выступление, я собрала свои вещи, послала еще один поцелуй в толпу и удалилась, сверкнув едва прикрытыми ягодицами.

Я не спешила возвращаться в зал, пройдя через гримерку, где переодевались девушки. Некоторые смотрели на меня с недовольством, другие поздравляли с дебютом. Одевшись, я вышла в коридор, привалившись к стене.

Черт, меня всю колотило! Адреналин бил в моих венах мощным потоком. Неужели я действительно сделала это? Нет, правда? Откуда только у меня смелость взялась?

Я усмехнулась, покачав головой, словно отрицая саму мысль, что отважилась на это. Около сотни мужиков видели мою обнаженную грудь, засовывали купюры мне в трусики. Но это не беспокоило меня.

Это было даже весело. Интересный опыт, который, правда, скорее всего я не отважусь повторить.

У дверей послышалось тихое покашливание, и я повернула голову, вскинув брови.

— Понравилось представление?

Адам усмехнулся, но ничего не ответил. Подойдя ко мне, он облокотился на одну руку, нависнув надо мной. Его пальцы поигрывали с моим локоном.

Только что он заставил пройти меня сквозь испытание, которое по сути своей было довольно унижительным. Он просто выставил меня напоказ, не заботясь о чувствах, которые я при этом испытаю. Но, в разрез с любой логикой, все, о чем я могла думать, это его невероятно притягательном, сексуальном запахе, и его пальцах, играющих с моими волосами. Я хотела, чтобы он взял меня прямо у этой стены.

— Пошли. — Адам улыбнулся и кивнул, поманив меня за собой.

Я не стала задавать вопросов, послушно следуя за ним. Мы поднялись по металлической лестнице, и зашли в большую комнату, очевидно служившую кабинетом.

— Это кабинет Эрика, — подтвердил мою догадку мужчина, — он любезно предоставил мне его на время.

Я остановилась посреди комнаты, ожидая, что за этим последует. Очевидно, эйфория ослабила мои сигналы тревоги, которые всегда отлично работали в его присутствии. Я не сразу догадалась, что он в очередной раз решил макнуть меня лицом в дерьмо.

— Ты кое о чем забыла. — Он обманчиво ласково улыбнулся и, опустив руки, стал расстегивать свой ремень.

И мне все стало ясно. Глаза вдруг обожгло невыплаканными слезами. Он был все тем же монстром. Ничего не изменилось.

Тупая, тупая Грейс!

— Давай, Грейс. — Его губы искривились в презрительной усмешке. — Приступай.

Стиснув зубы, удерживая в себе злость, обиду и боль, я подошла к нему и опустилась на колени. Губами обхватила его твердую плоть, проведя языком по головке.

— Ну же, Грейси, — хрипло простонал Адам. — Ты же способная, так покажи мне это.

Я действовала на автомате, ублажая его, вызывая стоны удовольствия в нем, а внутри был холод и пустота. Его руки держали мою голову, пока он полностью проникал в мой рот.

Кончив, он застегнул джинсы, вновь став равнодушным и отчужденным; бездушным дьяволом, которому нет дела до простых смертных.

Я же все еще сидела на коленях, понимая, что если встану и посмотрю в его глаза, то точно не удержусь и расплачусь. Чувствовала я себя сейчас не значимей использованного кондома.

— Держи, — коротко бросил он, и белый носовой платок приземлился у моих ног.

Через секунду я услышала, как дверь позади меня захлопнулась.

АДАМ. ЧАСТЬ 1

Чикаго, 1998 год

Женщина шатается, спотыкается и в поисках опоры хватается за его руку.

— Прости, милый.

Он натянуто улыбается, пытаясь подавить нервозность. Он не уверен, что поступил правильно, согласившись пойти к ней домой. Но ведь он хотел этого, верно? Хотел понять, что в ней есть такого особенного. На вид она была обычной, разве только хорошенькой. Но хорошеньких женщин полно, так почему именно она?

Может, в ней есть какой-то секрет; что-то, что отличает ее от большинства? Пока он не видел этого отличия, но надеялся, что узнав ее ближе, поймет это.

От женщины пахло дешевой парфюмерией, и одежда ее пережила несколько стирок, но это не умаляло ее привлекательности. Он без стеснения подошел к ней в баре и предложил угостить выпивкой, а она с радостью согласилось.

Через час она пригласила его к себе, и он согласился. Он для того и пришел в тот бар, с намерением познакомиться с ней. Не рассчитывал, что удача будет благоволить к нему и женщина сама предложит провести ночь вместе.

Он видел, что нравится ей. Ему только исполнилось девятнадцать, но еще с пятнадцати лет он стал пользоваться успехом у девушек. А она не просто девчонка, а женщина, которая призывно улыбается ему и хочет его.

Только вот он все не может понять, что же в ней такого особенного?

— Ты разобьёшь ни одно женское сердце, красавчик, — хмельно усмехнувшись, погрозила мананекюрным пальцем женщина.

Искусственная улыбка вновь трогает его губы. Пьяные женщины не особенно привлекали его, но он должен остаться, чтобы попытаться разгадать тайну.

Она долго роется в сумочке, наконец, находит ключ, и с третьей попытки попав в замочную скважину, отпирает облупившуюся дверь старого коттеджа. Приглашает его войти.

Он делает шаг в ее дом, обставленный старой мебелью с распродаж. Женщина скидывает туфли и вновь спотыкается.

— Какая неуклюжая, — жеманно хохочет она.

Он поднимает голову, чувствуя чье-то третье присутствие. В пролете между этажами стоит девочка лет семи в длинной ночной рубашке, прижимая плюшевого медведя к груди.

Ее каштановые волосы спутались и торчат в беспорядке.

Женщина тоже замечает девочку и недовольно хмуриться.

— Грейс, немедленно иди спать! — раздраженно рывкает она. Хрупкие плечики девочки вздрагивают, но она не двигается с места.

— Подожди здесь, я быстро, только ее уложу.

Женщина бросает на него заискивающий взгляд, а потом уводит девочку наверх.

Он садится на потертый диван в маленькой гостиной, раздумывая, не уйти ли, пока еще можно. Но нет, тут же отметаает эту мысль.

На покосившемся столике стоит фотография девочки, счастливо улыбающейся на ледовом катке. Ее рука гордо держит синюю ленточку.

— Извини, что заставила ждать.

Женщина возвращается, бросая на него заманчивые улыбки. Она подходит к нему и, обхватив руками за шею, целует. Ее соблазнительное тело прижимается к нему, и он больше не думает о том, чтобы уйти.

Кажется, он разгадает ее тайну.

Он тихо спускается по лестнице, собираясь незаметно исчезнуть. На улице все еще темно, но скоро наступят предрассветные сумерки. В гостиной светиться экран телевизора. Девочка сидит на диване, держа в руках стакан с молоком.

— Ты почему не спишь? — тихо спрашивает он, надеясь, что не напугал ее.

Но ее глаза смотрят с пытливостью, в них нет страха.

— Под моей кроватью монстры, — просто отвечает она, — они мешают мне спать.

Он вздыхает и присаживается на корточки перед ней.

— Тебя Грейс зовут?

Она кивает.

— А меня Адам. — Он улыбается ей. — Монстров не существует, Грейс, — со спокойной уверенностью произносит он.

— Мама говорит, что существует, — упрямо возражает она, — и что если я буду плохо себя вести, они утащат меня в свое подземелье.

— Взрослые выдумывают монстров, чтобы дети их слушались.

Кажется, его слова зарождают в ней зерно сомнения в словах матери.

— А теперь иди спать, Грейс. И не бойся никаких монстров. — Он легонько ерошит ее волосы, а потом поднимается.

Он и так здесь задержался.

— Ты обещаешь, что монстров не существует?

Он кивает.

— Обещаю.

— Я тебе верю, — чуть подумав, решает она.

— Спокойной ночи, Грейс.

— Спокойной ночи, Адам.

И улыбнувшись ей напоследок, он уходит.

Вода, окрашиваясь красным, стекает в раковину, но кровь на его руках никак не исчезнет!

На его руках кровь! Кровь!

Он в панике смотрит на свое отражение в зеркале.

Кровь, потому что он только что закопал ее труп в землю. Ее мертвые глаза смотрели на него, когда он заматывал ее в полиэтилен и бросал в землю, чтобы навсегда скрыть преступление.

Он с силой, неистовством трет руки мылом, смывая следы преступления. Как только его руки станут чистыми, он выкинет это из головы, забудет, запечатает. Похоронит эту тайну с ней, в той могиле, которую никто никогда не должен обнаружить.

Он смотрит в свои светло-серые глаза, приказывая себе собраться и не поддаваться страху. Его не поймают, не изобличат. Эта тайна навеки останется под землей.

Никто никогда не узнает, что он совершил.

Наконец-то его руки чисты. На них больше нет крови.

И правда никогда не будет раскрыта.

Чикаго, 2008 год

Его руки уже подрагивали от количества кофеина, выпитого за эту ночь.

Парадокс — он страдает бессонницей и литрами пьет кофе.

Ночь для него становится настоящей пыткой. Уже десять лет, как он не может спать. Быстрый поверхностный сон, длящийся час или два, держит его в живых, но при этом превращает в зомби. Иногда, когда больше нет сил держаться и, кажется, что душу готов продать за долгий сон, он принимает лекарства, проваливаясь в глубокий сон без сновидений. Но лекарства вызывают привыкания, а он не хочет стать зависимым наркоманом.

Ему нужен контроль над жизнью и своим телом.

Сейчас два часа ночи. В небольшом кафе почти нет посетителей, только он, да еще каких-то два бездомный. Но вот дверь открывается, и шумная компания молодых парней и девушек вваливается внутрь, своим смехом и шутками нарушая его шаткий покой.

— За выпуск две тысячи восемь! — вскинув руку вверх, кричит какой-то парень из новоприбывшей компании, и друзья встречают его клич одобрительными криками и аплодисментами.

— Школа Линкольна лучшая! — подхватывает второй.

Он устало трет глаза. Когда же наступит рассвет, чтобы он мог немного вздремнуть. Только на рассвете его мозг сдается и ненадолго отключается.

Молоденькая официантка подливает ему еще кофе, смущенно улыбаясь. Он здесь частый клиент, и она уже не в первый раз смотрит на него с такой надеждой. Он думал о том, чтобы скоротать несколько часов в ее обществе. Он многое мог бы ей показать. Но она казалась такой юной, на вид едва ли больше восемнадцати.

Для ее же блага держаться от него подальше. Он уничтожает все живое, что тянется к нему.

Он благодарит ее за кофе, но больше ничего не добавляет и она разочарованно уходит.

Сквозь шум и смех, он слышит один, который не вызывает раздражения в нем. Этот смех даже приятный.

Он смотрит в толпу, выискивая источник звука.

Девушка, одна из выпускниц. Она смеется, когда недавний оратор что-то шепчет ей на ухо. Ее голова запрокидывается и в ее смехе столько естественности, задора.

Она настоящая.

И она кажется знакомой ему.

Нет, это не возможно, он похоронил ее десять лет назад. На том месте уже давно возвышается новое здание.

Конечно это не она, но так похожа. Правда моложе; сама свежесть и чистота. Ее каштановые волосы собраны в высокий хвост, а простое белое платье в желтый цветок делает ее самой неотразимой девушкой в компании.

Но возможно ли такое сходство? Словно один и тот же человек...

— Эй, Грейс, не позволяй Сэму пудрить тебе мозги! — кричит одна из девушек, и все вновь смеются.

И тогда он вспоминает. Он уже видел ее прежде, когда она была ребенком. Она ее дочь. Дочь той, кого он похоронил много лет назад, но так и не смог забыть.

Он долго сидит за столиком, наблюдая за ней. Как она улыбается, общается с друзьями, что-то шепчет парню, рука которого по-хозяйски обнимает ее.

Он представляет, как берет эту руку и ломает ее.

В их единственный разговор она спросила его про монстров, обещает ли он, что их не существует. И он ответил, что обещает.

Но он солгал, монстры вполне реальны. Он — один из них.

Он поднимается из-за столика, бросая крупную купюру на поверхность. Идет по проходу, не спуская с нее внимательного взгляда. И она это чувствует. Поднимает голову, смотрит на него, и внезапно смутившись, с улыбкой отводит взгляд.

Его пульс зашкаливает, когда он выходит в теплую июньскую ночь Чикаго. Натягивает бейсболку на голову, прячет руки в карманы и постепенно отдаляется от кафе, чтобы завтра вновь вернуться.

В его голове бьется навязчивая мысль: «Школа Линкольна. Грейс. Я найду тебя и сотру улыбку с твоих уст».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Не знаю, сколько прошло времени, но я вновь услышала звук открываемой двери: в комнату вошли, сзади послышались шаги.

Передо мной кто-то опустился.

— Ты как? — Глаза мужчины смотрели участливо.

Я с удивлением увидела второго друга Адама из ресторана. Не знала, что он тоже в клубе.

— Нормально. — Надеюсь, мой голос звучал правдоподобно.

Но я лгу. Ни хрена я не нормально. Хочется залезть в какую-нибудь яму и сдохнуть там.

Я вновь позволила ему одурачить себя. В который раз!

Возможно, если бы я не думала постоянно, что он может стать лучше, то и не чувствовала бы такого разочарования, а с ним и раздражающую боль?

— Он может быть таким уродом. — Внезапно хмыкнул мужчина.

Я недоверчиво вскинула бровь.

— Разве он не твой друг?

Он дернул плечами.

— Это не мешает ему быть уродом.

Поняв, что он хочет развеселить меня (непонятно только зачем это надо), я слабо улыбнулась.

— Между прочим, я Джейс.

— Вроде бы слышала о тебе. — Тот, из-за которого у Адама вышел спор из-за меня. —

Грейс.

— Знаю, — с кивком просто сказал он.

Интересно, что Адам сказал своим друзьям обо мне? Что нашел себе интересную забаву, с которой можно творить что угодно?

А впрочем, неважно.

— Давай помогу.

Джейс протянул мне руку, и после секундного замешательства я приняла ее, вставая с пола.

Я поправила платье и попыталась пригладить непокорные волосы.

Вдруг устыдившись своего состояния, смущенно улыбнулась, опустив глаза вниз. Наверняка он знает, что только что произошло в этой комнате.

— Спасибо за... Просто спасибо.

Мужчина понимающе кивнул.

Я направилась к выходу, не представляя, как сейчас буду находиться рядом с Адамом; как сяду с ним в одну машину. Как сдержаться, чтобы не наброситься на него с желанием убить?

— Он уехал.

Моя рука замерла на полпути к двери. Так значит, Адам решил просто уехать, после того, как удовлетворил свое желание унижить и растоптать меня. Я не знала, радоваться мне, что он не ждет меня, или нет.

— Просил, чтобы я подвез тебя.

О, отлично, решил просто спихнуть меня на другого мужика!

— Не хочу быть обузой, — ради приличия покачала головой я. Хотя выбора-то у меня все равно не было — куда я денусь в два часа ночи? Не пешком же домой идти.

— И не будешь, — заверил Джейс. — Пошли.

Наверное, он чувствовал мое напряжение, или как-то понял, что я не сильно горю желанием возвращаться в зал, поэтому вывел меня через черный вход. Мы шли по парковке, и я немного отставала за ним, имея возможность рассмотреть его получше. Ну, его спину.

Все его движения выдавали в нем сильного и уверенного в себе человека. Этим он напомнил мне Адама, отчего я тут же скривилась. Не хотела сейчас думать о нем.

Но Джейс казался более... нормальным, не таким ублюдочным засранцем, каким был Эллингтон. Хотя, я не спешила делать выводы. Я практически ничего не знала о нем, к тому же, внешность часто бывает обманчива.

— Ого! — не сдержавшись, присвистнула я, когда он остановился возле белого Jaguar XJ.

Мужчина хмыкнул.

— Да, неплохая машина.

Неплохая? Я посмотрела на него с нескрываемым изумлением. Она, наверное, целую гору денег стоит! Но, собственно, чему я удивляюсь? В конце концов, в мире таких людей, как Адам и Джейс деньги не являются проблемой, потому что их много. Наверное, даже слишком.

Я не могла отделаться от чувства скованности, пока мы ехали к Эванстону. Но спасибо Джейсу, он не пытался завязать нежелательный для меня разговор, а просто молча вел машину, пока я тихо предавалась гложущему чувству тоски и безнадежности.

Я не понимала жестокости Адама. Знала, когда соглашалась на его условия, что это не

будет просто. Но я настроила себя, что смогу пережить то, что он захочет сделать со мной. Мне казалось, что богатый, пресыщенный удовольствиями мужчина просто нашел игрушку для своих забав; от скуки, любопытства или еще почему, но он выбрал на эту роль меня. Теперь же все казалось куда сложнее и опасней. Потому что ему не только мое тело надо было. Он хотел завладеть моей душой, хотел властвовать, унижать, издеваться и мучить. Держать на поводке, чувствовать мой страх и полностью руководить мной.

Я чувствовала себя словно кукла на шарнирах, которой управлял злобный кукловод. Он ловко дергал за ниточки, и я подчинялась.

Наш договор имел временной ограничитель — один год. На данный момент оставалось чуть больше десяти месяцев. Какой бы дикой, странной и сумасшедшей не стала моя жизнь с появлением Адама, она все же не прекратилась, двигалась вперед и время шло. Но страх, что даже по истечению срока я не стану свободной, не желал отпускать меня.

Нет, я не думала, что Адам захочет видеть меня рядом с собой вечно. Когда-нибудь я надоем ему, и он найдет себе другую игрушку. Только вот в каком состоянии я буду к тому времени?

Рано или поздно все куклы ломаются, но вот вопрос — можно ли будет меня починить?

Я не заметила, как дорога пролетела: вот авто затормозило перед Эмбри-Холлом. Мечтала добраться до своей постели, заснуть и проспать десять часов подряд без сновидений, в которых Адам терзает меня снова и снова, всякий раз выдумывая изощрённые наказания, несущие и боль и удовольствие.

— Спасибо, что подвез, — поблагодарила я Джейса, желая поскорее остаться одна. Если Лорен и Эмми уже вернулись, я залезу под душ и вволю поплачу от жалости к себе. Я знала, что выплакавшись, выпустив это из себя вместе со слезами, я почувствую облегчение. Мне станет лучше. До следующего раза.

— Пожалуйста.

Мужчина кивнул, слегка улыбнувшись.

Для меня оставалось загадкой, почему Адам попросил именно Джейса подвезти меня домой. Если, правда, то, что у него был спор с ним из-за меня, то его действия более чем странные. Или это какая-то проверка? Возможно, он решил испытать меня? Неужели подумал, что оставшись с его другом наедине, я могу нарушить, его чёртово правило не спать с другими мужчинами?

Очевидно, я для него и правда, не значительней земляного червя.

— Спокойной ночи, Джейс, — уже ступив на асфальт, произнесла я и захлопнула дверцу.

Он не спешил уезжать, очевидно, решив подождать, пока я войду в здание. Что ж, с этим могли возникнуть проблемы, потому что только сейчас яхватила своей сумки. А ее со мной не было.

Черт! Я вспомнила, что оставила ее в машине Адама. А там же были мои телефоны и главное, ключи от входа и комнаты.

Самой большой сейчас проблемой было попасть в общежитие. Без ключ-карты сделать это невозможно, если кто-нибудь не откроет мне. Только вот в три часа утра поблизости никого, кто мог это сделать, не было.

Мои плечи поникли, и я издала хнычущий стон. Что, на сегодня испытаний с меня недостаточно?

— Что случилось?

Джейс вышел из машины, видя, что я не тороплюсь заходить внутрь.

— Моя сумка с ключами осталась в машине Адама. — Обхватив плечи руками, сконфужено пояснила я.

— Ясно, — понимающе протянул он. — Хочешь, чтобы я позвонил ему?

Ну, уж нет, этого я точно не хотела. Мое желание сейчас видеть Эллингтона равнялось желанию быть искусанной бешеным псом. Я просто не выдержу более минуты рядом с ним, после того, как этот деспот обошелся со мной.

— Нет, не надо ему звонить, — даже не пытаясь скрыть отвращение на лице, отрезала я. Да пусть я лучше замерзну под дверью общежития, чем стану просить его привезти мою сумку.

К тому же, не удивлюсь, если этот хренов Казанова именно в эту секунду имеет очередную цыпочку.

От подобной мысли меня затошнило, и я тут же задвинула ее куда подальше.

Не мое дело, скольких еще девок он трахает.

— Я могу тебе чем-то помочь?

Было похоже, что Джейс искренен в своих намерениях. Если он хотел мне помочь, я не собиралась строить из себя гордую птицу, чтобы потом морозить задницу остаток ночи, пока кто-нибудь не выйдет, или не зайдет в здание.

— Можешь дать свой телефон?

— Конечно. Держи.

Он подошел ко мне ближе, протягивая мобильник. Поблагодарив его, я набрала номер Лорен, и через гудков шесть она ответила.

То есть, я думала, что это она. Но когда в трубке прозвучал мужской голос, и очевидно не совсем трезвый, я поняла, что позвонила очень не вовремя.

Расслабленным и едва разборчивым тоном Райан (я надеялась, что это он, а не еще одно новое увлечение подруги), сообщил, что Лорен в ванной. Мешать утехам сладкой парочке не хотелось, поэтому я не стала просить позвать ее к телефону.

Следующей я набрала Эмми, но она так и не ответила. У Эмми была привычка отключать звук на ночь. Я предполагала, что подруга давно в царстве Морфея, куда улетела, хорошо угостившись текилой.

Я вернула телефон Джейсу, покусывая губу в раздумьях. Я могла бы попросить его отвезти меня к бабушке, но если она увидит меня в таком виде поздно ночью (или рано утром), то ее точно второй удар хватит.

Картина для меня вырисовывалась не радужная: либо Эллингтон, либо холодная лавка перед общежитием.

— Поехали, переночуешь у меня, — кивнув на Ягуар, сказал Джейс.

Я с сомнением вскинула брови. Не лучшая идея. К тому же, если кое-кто узнает, что я ночевала в доме мужчины, который вроде как проявлял интерес ко мне (я подозревала, что Адам мог это выдумать, потому что сейчас Джейс не выглядел заинтересованным), мне очень не поздоровится.

А с другой стороны — это казалось заманчивым. Позлить Адама, рискуя вызвать его гнев, было так привлекательно. Я боялась, что однажды доиграюсь в своем стремлении идти наперекор ему. Но игра стоила свеч. Сбить с этого напыщенного осла его налет невозмутимости и равнодушия — что могло быть слаще для уязвимого самолюбия?

— Не стоит, наверное. — Все же, я колебалась. — Ему это не понравится.

Джейс хмыкнул.

— Переживет.

Я в замешательстве улыбнулась. Странными они были друзьями.

— Все равно тебя стеснять не хочу, — уже менее уверенно вздохнула я.

Джейс склонил голову на бок, снисходительно улыбнувшись.

— В моей квартире три спальни, которые пустуют. Ты не такая большая, так что тебе придется постараться, чтобы стеснить меня.

Прыснув от смеха, я кивнула, соглашаясь.

Так я и оказалась у Джейса, с интересом разглядывая его типично мужское, но роскошное жилье. Квартира с высокими потолками была меньше, чем у Адама, но не казалась такой холодной, с некой атмосферой обреченности.

— Хочешь чего-нибудь?

Джейс кинул ключи от машины на кухонную стойку, подходя к огромному стальному холодильнику.

Я умираю от жажды и попросила воды.

Мужчина протянул мне бутылку, не сводя с меня пристального взгляда.

Мне стало не по себе. Уж не зря ли я согласилась остаться у него?

— Что? — наконец не выдержав, смущенно спросила я.

Он покачал головой, наконец, перестав так прямо смотреть на меня.

— Пошли, я покажу тебе комнату.

Если честно, я с некоторой опаской шла за Джейсом. Я не могла понять, что он за человек. Он был такой же загадкой, как и Адам. Наверное, все же подобное притягивает подобное. Я не могла отделаться от чувства, что мужчина хотел мне что-то сказать, пока мы были в кухне, но в итоге передумал.

Сплошные тайны с этими двумя!

Когда Джейс пожелал мне спокойной ночи и вышел из комнаты, я не сдержала облегченного вздоха. И для собственного успокоения заперла дверь. Хотя, если бы он хотел причинить мне вред, никакая дверь бы его не остановила.

День выдался долгим, ночь еще дольше. Ужасная усталость вдруг навалилась на меня, и я с вожделением посмотрела на большую кровать, покрытую темно-синим покрывалом.

Только начала расстегивать молнию на платье, как в дверь постучали.

Насторожившись, я повернула защелку и слегка приоткрыла дверь.

— Подумал, что тебе будет удобней спать в этом. — Джейс протянул мне белую футболку. — Полотенце и все необходимое найдешь в ванной.

— Спасибо. — Я кивнула с легким нетерпением. Но он больше не стал задерживаться и ушел, а я, вновь заперевшись, отправилась в ванную.

После расслабляющего душа, облачившись в мягкую футболку Джейса, я забралась в удобную постель и, устроившись, почти сразу заснула.

Мой сон был мирным и спокойным, и никакие деспотичные тираны, наблюдающие за мной своими серыми опасными глазами, мне в ту ночь не снились.

— Где она?!

Голос, больше похожий на раскат грома разбудил меня ровно за две секунды до того, как в дверь принялись тарабанить.

Мой сон как рукой сняло. Просыпаться с бешено колотящимся сердцем не может хорошо сказаться на здоровье. Я в панике огляделась, не сразу вспомнив, где я вообще

нахожусь.

— Грейс! — Нетерпеливый голос Адама позвал меня из-за двери. — Открой эту чертову дверь!

Ух ты, ну сейчас-то он точно не спокойный и невозмутимый. Кажется, я своего добила, он был зол.

Очень.

Я слышала, как более спокойный голос Джейса что-то говорит Эллингтону, пытаюсь его вразумить.

Выбравшись из постели, я бросила мимолетный взгляд в зеркало на стене, но спутанные волосы и следы сна на лице как-то мало сейчас озаботили меня.

Резко дернув дверь, я настежь распахнула ее, оказавшись под грозовым взглядом моего кукловода.

— Что? — Я в раздражении смотрела на него, выдерживая угрожающий взгляд.

— Джейс, ты не оставишь нас одних? — даже не взглянув в сторону друга, обманчиво тихо попросил Адам.

Мой желудок камнем рухнул вниз.

Ой, что сейчас будет!

— Только не поубивайте друг друга, — после недолгого колебания сухо произнес хозяин квартиры и, развернувшись, удалился.

Эллингтон прошел в комнату, с громким стуком захлопнув дверь. Я попятилась, благоразумно предпочитая держаться от него подальше. Только сейчас заметила ссадину на его скуле и разбитую губу.

Уже второй раз я видела его в таком состоянии. Любопытство разбирало меня, но я не собиралась спрашивать его сейчас.

О, в данную минуту у меня были проблемы понасушней.

Он продолжал молчать, не сводя с меня тяжелого взгляда. Это нервировало, и в попытке отгородиться, я обхватила себя руками.

— Почему ты не позвонила мне, когда заметила, что этого нет? — Он поднял руку с моей сумочкой-клатч, швырнув ее на постель. Он не кричал, но по желвакам на его лице было видно, что он едва сдерживается.

Я глубоко вздохнула, призывая Всевышнего дать мне сил.

— Не хотела, — сквозь стиснутые зубы ответила я.

Он казался растерянным. Моргнув, Эллингтон сделал шаг ко мне, и я опять отступила.

— Не хотела? — наконец тихо переспросил он. — Ты не хотела?

Я молчала.

— Что ж, видимо, провести ночь с Джейсом показалось тебе более привлекательным, так? — Он усмехнулся, но по-прежнему смотрел зло.

— Я не проводила ночь с Джейсом, — махнув рукой, возмутилась я. — Я переночевала в его гостевой комнате. Выбора другого не осталось. Тебе ли не знать, что это такое, верно?

То, каким яростным взглядом он хлестнул меня, должно было заставить меня заткнуться. Но нет, я не искала легких путей.

— Ты сам виноват! — Я ткнула пальцем в его сторону. — Это ты свалил из клуба сразу же, как использовал меня! Очевидно, так торопился уехать, что не заметил мою сумку в машине. Что мне оставалось делать? — Я развела руками. — Замерзнуть на улице? Прости, но здохнуть раньше времени в мои планы не входит.

Я так разошлась, что не заметила, как подозрительно притих Адам. А зря. Его глаза, наконец, перестали буравить меня своим убийственным взглядом, зато теперь смотрели немного ниже. Я в замешательстве опустила взгляд, пытаюсь понять, что не так.

— Удобно было спать в футболке Джейса? — вкрадчиво поинтересовался мужчина, сделав еще несколько шагов в мою сторону.

Все мои сигналы тревоги приняли боевое положение; холодок пробежался по спине. Не хорошо.

— Предпочел бы, чтобы я голой спала в его постели?

Ох, только сказав это, я поняла, как двояко прозвучали мои слова. Зрачки Адама расширились и полыхнули дьявольским огнем.

— Нет, Грейс. — Его голос зазвучал неожиданно мягко, но я не купилась на это. Нет, больше он меня не проведет. — Только в моей постели.

Я тяжело сглотнула, когда поняла, что отступать мне больше некуда. Мои ноги уперлись в подоконник, а Эллингтон был уже возле меня. Слишком близко.

— Никаких чужих футболок. — Прорычал он, берясь за горловину обеими руками и разрывая материю на две половины. — Считай это новым правилом.

Мою кожу обдало жаром, хотя должно бы наоборот, ведь я стояла совершенно обнаженной перед ним. Медленным взглядом Адам прошелся по мне вверх и вниз; протянув руку, погладил мою щеку разбитыми костяшками пальцев.

— Агрессивная попалась шлюшка, да? — едко спросила я, не удержавшись.

К моей неожиданности, Адам усмехнулся, и мое предательское сердце пропустило удар. Вид его разбитой губы показался мне таким сексуальным, и мой рот непроизвольно наполнился слюной.

Я даже зажмурилась, пытаюсь прогнать эти ненужные, пугающие, совершенно неадекватные мысли и желания.

Серьезно, после того, что было ночью, я все еще могла этого хотеть?

Кто я? Что он делает со мной? Почему рядом с ним я превращаюсь в безвольное существо, желание которого лишь в том, чтобы он приласкал меня?

— Открой глаза, — мягко приказал Адам и я послушалась.

Наши взгляды встретились, и его больше не смотрел на меня так, будто хотел убить. О нет, этот взгляд хотел многого, но не причинения боли. Разве только боли ради удовольствия.

Внезапно, как вспышка, меня пронзило видение того, как мои глаза закрывает черный шарф, а мои руки стянуты веревкой. Я безвольная, полностью подчинена власти этого мужчины, который сейчас с такой обжигающей страстью смотрит на меня, отдаваясь его воле, моля о чувственном наслаждении, которое он может подарить.

Его руки зарылись в мои спутанные волосы и, наклонившись ко мне, он прошелся носом по моему виску, делая глубокий вдох.

Наверное, стоя совершенно голой, я должна была бы беспокоиться из-за этого. Но собственная нагота в присутствии Адама больше не казалась неправильной. Это было... естественно.

Меня поразила нежность, с которой он действовал в этот раз. Он полностью руководил процессом, но не был резок, груб или нетерпелив. Впервые мы не трахались, а занимались любовью. Он посадил меня на подоконник, и мои ноги обхватили его, привлекая его, делая наши тела ближе.

Руки Адама ласкали меня, посылая по моему телу восхитительные волны удовольствия, заставляя меня изгибаться, в невысказанной мольбе делать так снова и снова. Кончики пальцев, его губы, язык — они доводили меня до дрожи, до помутнения сознания, до громких стонов, которое блаженство срывало с моих уст.

Если бы была лучшего мнения о нем, то решила, что так он извиняется за случившееся в «Падших ангелах». Но, возможно, это и был его способ загладить свою вину?

Он мастерски довел нас до пика и, обмякнув, я положила голову на его плечо, восстанавливая дыхание. Его руки, которые только что заставляли мое тело петлять, словно я была скрипкой в руках виртуоза, все еще прижимали меня к себе.

И тогда чтобы уж добить меня, его губы прижались к моему влажному виску, даря нежный поцелуй.

А потом, с одной фразой, все вернулось на свои места.

— Это ничего не меняет, — прошептал Адам, но при этом не сделал попытки отпустить меня.

— Знаю. — Я прикрыла глаза, и тихо вздохнув, повторила: — Я это знаю.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Радует, что вы живы, и мой дом остался цел, — скептически хмыкнув, заметил Джейс, когда мы с Адамом вышли из комнаты.

Я не знала, куда глаза деть: уверена, Джейс знал, что случилось между нами в спальне.

— Спасибо, что позволил остаться у тебя, — заправив прядь волос за ухо, поблагодарила я.

— Обращайся, когда он еще что-нибудь натворит. — Джейс кивнул в сторону друга.

— Потом с тобой поговорим, — сдержанно ответил Адам, но едва заметная усмешка скользнула по его губам.

Попрощавшись с Джейсом, мы спустились на парковку, сохраняя полное молчание в лифте, которое, впрочем, не было напряженным и сели в машину.

— Любишь блинчики?

— Что? — Я растерянно посмотрела на него. Впрочем, меня можно было понять, я не ожидала такого обыденного вопроса от ЭТОГО человека.

— Блинчики на завтрак любишь? — Ничуть не смутившись, повторил мужчина, бросив на меня быстрый взгляд.

— Ты меня на завтрак приглашаешь? — Прищурилась я.

Эллингтон с легким недовольством передернул плечами.

— Что тебя удивляет? По-твоему, я пал настолько, что не могу пригласить девушку в ресторан?

Не удержавшись, я рассмеялась.

— Только обычно это делают до того, как уложить девушку в постель.

— Грейс, это было бы слишком просто, — с нехарактерным весельем для него протянул он. — А просто — это скучно. Терпеть не могу скуку.

Я закатила глаза, отворачиваясь к окну.

— Я все равно никуда не смогу пойти в этом платье.

Он нахмурился.

— Что не так с платьем?

— Ты серьезно? — Я с возмущением посмотрела на него. — В ночной клуб — да, конечно. В кафе на завтрак — нет, точно нет. — Я поморщилась. — Не хочу, чтобы меня

приняли за проститутку.

— Ну, хорошо, — вздохнув, сдался Адам.

Я решила, что он смирился с моим отказом, но мы ехали явно не в направлении университета. Через несколько минут он свернул перед «Нейман Маркус».

— Зачем мы здесь?

— Ты, кажется, говорила, что не согласна идти в этом платье на завтрак, — снисходительно напомнил Адам, — так что мы купим тебе другую одежду, которая подходит для утренних походов в бистро.

Двигаясь в полном согласии со своим телом, он вышел из машины и, обойдя, открыл дверцу с моей стороны.

— Я деспот и тиран, но правила хорошего тона мне не чужды, Грейс, — сухо прокомментировал мой удивленный вид мужчина.

— Ты слишком самокритичен, — скептически протянула я.

И вновь он принял мое замечание с улыбкой.

До ужаса странный тип!

Я старалась не слишком глазеть по сторонам, но я впервые была в магазине «Нейман Маркус». С моими скромными доходами делать здесь было попросту нечего. Яркость, роскошь и красота буквально ослепили меня. Мои глаза разбегались от обилия модной, красивой одежды и аксессуаров.

Это как ребенку попасть в кондитерскую. Волей неволей, но улыбка на моем лице выдавала меня с головой.

Увидев Адама, к нам тут же подскочила продавец-консультант, горячо приветствуя «мистера Эллингтона», и скользнув по мне быстрым, оценивающим взглядом, тут же потеряла интерес к моей скромной персоне.

— Чего желаете, мистер Эллингтон? — Дита — а именно это имя стояло на ее бейдже — едва не заглядывала в рот моего спутника.

— Все, что пожелает эта леди, — взяв меня за руку, деловым тоном ответил Эллингтон.

У меня чуть челюсть не отпала. Очевидно, у Диты (готова была поспорить, что настоящее ее имя Дейзи, или что-то около того) тоже, потому что прежде чем вернуть на лицо свою профессиональную вежливую улыбку, она пару раз недоуменно моргнула.

— О, конечно же. — Для большей драматичности она всплеснула руками. — Как я могу обращаться к вам, мисс?

Она с переслащенной улыбочкой посмотрела на меня, и мне захотелось попросить ее так не делать.

— Гр...

— Мисс Колдвел, — ровным голосом большого босса отчеканил Адам, когда я только хотела ответить.

— Что ж, мисс Колдвел, что бы вы хотели?

Я не могла избавиться от чувства скованности, пока Дита суежилась вокруг меня, предлагая один вариант одежды за другим.

— Я думала, что мы только хотели выбрать что-нибудь для завтрака.

Я вскинула брови на Эллингтона: он расслабленно сидел в кресле и потягивал апельсиновый сок из высокого бокала. Дита унеслась куда-то за очередным ворохом шмоток.

— Грейс, тебя часто приглашают в «Нейман Маркус», предлагая брать все, что тебе хочется? — скушаясь отозвался Адам.

Я решила, что на это даже отвечать не стоит.

— Чувствую себя Джулией Робертс из «Красотки», — пробурчала я.

— Только ты не проститутка. — Он с неожиданной твердостью посмотрел в мои глаза.

Я отвела взгляд, сделав вид, вид, что заинтересовалась какой-то вещью.

Именно так я себя часто и чувствовала.

Дита вернулась, и потянулись бесконечные примерки. Прежде чем что-то отложить на покупку, я получала одобрение Эллингтона. Казалось, ему приносит удовольствие, как я кручусь перед ним, как какая-нибудь модель. Я делала это с кислым видом, в душе радуясь возможности примерить все эти умопомрачительные вещи.

Черт, я могла выбирать все, что мне нравилось, не заботясь о цене.

Ладно, то, что проходило контроль моего хозяина.

Я как раз сняла очередное платье, когда шторка примерочной дернулась. Я думала, это Дита вернулась с новым нарядом, но ошиблась.

За моей спиной стоял Адам.

— Зачем ты вошел? — обернувшись, зашипела я. — Даже приказав, ты не добьешься секса со мной в примерочной.

Адам фыркнул, подняв глаза к потолку.

— Считаешь меня таким примитивным? Я всего лишь принес это. — Он протянул мне белое летнее платье с желтыми цветами. — Примерь его.

— У меня когда-то было похожее. — Взяв платье, я не удержалась от улыбки. Адам странно посмотрел на меня, но я не придавала этому значения. — Конечно, стоило оно раз в десять дешевле, — присвистнула я, увидев цену.

— Уверен, тебе подойдет.

Я вздохнула и, скрестив руки на груди, с сомнением посмотрела на него.

— Ты же в курсе, что на улице декабрь, а платье летнее?

— Возьми, пусть подождет до лета, — просто сказал он и вышел из примерочной.

— Откуда разбитая губа и пальцы? — не выдержав, проявила любопытство я, когда чуть позже мы сидели в бистро у реки Чикаго.

Адам заказал нам блинчики, которые мы оба с удовольствием ели, запивая кофе.

О нет, я не потеряла бдительности! И не думала, что отныне мы будем жить долго и счастливо. Я открыла для себя, что Адам может быть обычным человеком и приняла это. Это будет длиться ровно столько, сколько он позволит, прежде чем дерьмо в его голове вновь не напомнит о себе.

— Хотела бы узнать, да? — Он криво улыбнулся, глядя на меня из-под полуприкрытых глаз.

Издевается!

— Это что, тайна такая? — Я отправила в рот кусок блинчика (восхитительно вкусного и воздушного), раздраженно жуя.

Адам передернул плечом.

— Нет, но не хочу говорить об этом.

Я поняла, что больше на эту тему он ничего не скажет. Тщетно спрашивать, только разозлиться может. Ну и пусть, все равно узнаю!

После «Нейман Маркус», купив поистине целую гору одежды, большинство из которой мне просто некуда будет надеть, я чувствовала усталость и жуткий голод.

Представляю, что будет, когда я притащу домой этот миллион пакетов. Лорен удар

хватит, она еще та шмоточница!

Я чувствовала себя стильно и очень комфортно в черных штанах-дудочках и вязанном бежевом свитере без горловины. И хотя признаваться себе в этом было неприятно, но в черном худи и стильных потертых джинсах он смотрелся не менее привлекательно, чем в своих дорогих костюмах. На него вообще было приятно смотреть, когда он не вел себя как задница.

— На следующей неделе я лечу в Нью-Йорк, — Адам отпил свой черный кофе, пока я ждала, что за этим последует, — ты полетишь со мной.

Мои брови взлетели вверх.

— Зачем?

Он непроницаемо посмотрел на меня.

— Потому что я так сказал, Грейс. Этого достаточно.

— И как я могла это забыть? — Я прищурилась, зло глядя на него.

Его это не проняло.

— Вылет в пятницу, в воскресенье вечером вернемся. Будь готова к шести, машина будет ждать тебя возле общежития.

Он отдавал четкое распоряжение, совершенно не заботясь о том, что у меня могли быть другие планы.

— Означает ли это, что до пятницы я буду избавлена от твоей отвратительной персоны? — ядовито спросила я, не зная, какого ответа жду больше.

О, это уже совсем плохо, если я начинаю расстраиваться от мысли, что не увижу его в течение недели.

— Скучать по мне будешь? — Адам вскинул одну бровь, явно забавляясь.

Я отвернувшись, демонстративно зевнув.

— Размечтался.

— Можешь не делать вид, что тебе это не нравится. — Он поддался вперед, переходя на интимный шепот. — Твое тело выдает тебя с головой, Грейс. Ты можешь ненавидеть меня, но ты ничего не можешь сделать с тем, что желаешь меня. — Его губы растянулись в дьявольской усмешке, вгоняя меня в краску. — Ты намокаешь, стоит мне прикоснуться к тебе, твои соски твердеют от желания, чтобы я приласкал их. Я заставляю тебя кончать так оглушительно сильно, как никогда прежде в твоей жизни. Так что можешь говорить что угодно, но не лги мне в этом, Грейс.

Он откинулся на спинку дивана, с видом полного триумфа на лице наблюдая за мной.

Это разозлило меня, предавая храбрости. Ах, так! Ну, в эту игру могли играть двое.

— Это работает в обоих направлениях, мистер Эллингтон. — Я мило улыбнулась, и поставила локти на стол так, чтобы была видна ложбинка между грудями. Как я и ожидала, его взгляд спустился вниз. — Ты сам-то не слишком держишь себя в руках рядом со мной. Ты хочешь меня, нравится тебе это, или нет. — Я обмакнула палец в кленовый сироп и демонстративно облизала, наслаждаясь вызванным эффектом. Взгляд Адама потемнел, и похоть в его глазах с головой выдавала его. — Разве сейчас ты не хочешь трахнуть меня, мечтая быть на месте этого пальца?

Я победно усмехнулась, бросая ему вызов.

Ну и что ты будешь делать с этим, самоуверенный засранец?

От собственной смелости и пошлостей я и сама завелась. Знакомое покалывание появилось внизу живота, но я постаралась прогнать собственные ощущения. Нам нужно

было притормозить, но своей провокацией мы явно двигались не в том направлении.

Мы играли в гляделки, прожигая друг друга тяжелым, наполненным вождения взглядом. Любой предмет, попавший между нами, мог воспламениться.

Телефон Адама ожил, прерывая нашу дуэль и рассеяв интимную атмосферу.

— Эллингтон, — рявкнул в трубку мужчина, ответив на звонок.

Я опустила глаза, пытаясь скрыть улыбку, прикусив губу.

Он был очень расстроен, что нас прервали.

— Да, я слушаю, — нахмурившись, уже спокойней произнес он. С обеспокоенным видом он выслушал, что ему говорил его собеседник, потом встал из-за стола, чтобы отойти, где его не будет слышно.

Все же, мне удалось услышать, как он отрывисто спросил:

— Как это случилось, они должны были...

Это было все, он был далеко, чтобы я могла что-нибудь подслушать. Но я видела, как он хмурится и чем-то явно возмущается.

Не хотела бы я быть тем, кто принес ему плохие новости.

Когда несколько минут спустя он вернулся к столу, его недавнее настроение полностью испарилось.

— Пошли, мне пора ехать. — Он достал из бумажника деньги и швырнул на стол. Потом, не дожидаясь меня, направился к выходу, выглядя грознее тучи.

Я последовала за ним тут же, не желая, чтобы его гнев обратился на меня.

— Я тороплюсь, так что возьми такси. — Адам всунул мне в руки две стодолларовые купюры, даже не глядя на меня.

Я не стала открывать ему глаза на то, что такси стоит в десять раз дешевле.

Меня раздирало любопытство, что же случилось, что он тут же сорвался, и даже подвезти меня ему некогда.

Но спросить возможности не было: Эллингтон запрыгнул в машину и, визжа шинами, сорвался с места. Благо, как раз в этот момент к бистро подъехало такси, высадив какого-то мужчину. Я шлепнулась на заднее сиденье, велев водителю следовать за Астон Мартин.

Я чувствовала себя чертовой Нэнси Дрю, решив разгадать хоть одну тайну Адама.

Его авто долго петляло улицами, пока не выехало на автостраду. Я попросила таксиста держаться за несколько машин от него, потому что если попадусь, то мне плохо придется.

Оказалось, что Адам направлялся в Уиннетка, одни из дорогих пригородов Чикаго. Я гадала, что такого страшного могло приключиться в таком замечательном месте, пока таксист не повернулся ко мне с сообщением, что приехали.

Астон Мартин в метрах десяти от нас остановился перед высокими коваными воротами, которые автоматически раскрылись, пропуская авто. Когда он проехал на территорию, ворота тут же закрылись.

Я нагнулась к окну, читая надпись на большой латунной табличке на заборе.

«Психиатрическая больница Анны Фокс».

Что же он мог делать в таком месте? Ничего не понятно. И я ни на шаг не приблизилась к разгадке тайны под названием «Адам Эллингтон».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Психиатрическая больница? — Эмми выглядела не менее растерянной, чем я, когда увидела, как Адам въехал на территорию лечебницы. — Интересно, что он мог делать там?

— Отмечался у своего доктора? — съязвила Лорен, выпуская дым в открытую форточку.

Я закатила глаза, покачав головой. Лорен такая... Лорен.

— Не знаю, по какой причине он поехал туда, но он был очень расстроен и раздражен после того звонка.

Я взяла только что закипевший чайник и заварила себе чай с мятой.

После событий последних суток нужно было успокоиться.

— И как долго он пробыл в больнице? — Вид Эмми говорил о том, что она горит желанием докопаться до истины.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Я не стала ждать.

— Грейс, не стоит тебе лезть в это. — Лорен прыгнула с подоконника, серьезно посмотрев на меня. — Дела этого парня не должны касаться тебя. Чем меньше вас будет связывать, тем легче будет избавиться от него.

Я рассеянно улыбнулась, понимая, о чем говорит Лорен. Но я боялась, что предупреждения уже не актуальны. Я погрузилась в эти извращенные отношения глубже, чем рассчитывала. Хотя себе стоило признать, что я получаю некое болезненное удовольствие от встреч с Адамом. Это и пугало и волновало одновременно.

— А я считаю, что Грейс имеет право знать, что за человек этот Адам, — возразила Эмми. — Он поставил ее перед таким выбором, и при этом ничего не рассказал о себе. Он же может быть кем угодно! — Эмми поджала губы. — Откуда ты можешь знать, что он не маньяк, который любит медленно мучить молоденьких девушек, прежде чем покончить с ними?

— Спасибо, Эм. — Я кисло посмотрела на подругу. — Твои слова обнадеживают.

— Извини, я не хотела тебя пугать. Но, в самом деле, мы же совершенно ничего о нем не знаем!

— Кроме того, что он охренительно хорош собой и заставляет пульс нашей Грейси сходить с ума, — вставила Лорен, усмехнувшись мне.

— Что? — Я с возмущением вскинула брови. — Лорен, что ты...

— Да ладно, ты бы видела себя в клубе. — Подруга махнула рукой. — Ты была как зачарованная, когда он появился. Стоит ему только пальцем поманить, и ты за ним на край света отправишься.

Слова Лорен звучали неприятно, но голос глубоко в сознании шептал, что она права. Неужели я действительно становлюсь такой?

Когда? В какой момент это случилось?

— У нее просто выбора нет! — встала на мою защиту Эмми, нахмурившись на Лорен. — Ты вообще его видела? У него глаза сумасшедшего, попробуй такому пойдти наперекор.

Я поморщилась, пряча лицо за чашкой с чаем. Мне не понравилось, что Эмми назвала Адама сумасшедшим.

Черт!

— Лор, ты помнишь, где живет Лиам? — чтобы отвести разговор немного в сторону, спросила я. Вообще-то, я уже давно думала поговорить с Лиамом. Я не забыла его слова с девушке, которая пострадала из-за Адама. Теперь же, после поездки до психиатрической больницы, я решила все узнать об этой несчастно. Если она и правда существовала в реальности.

— Да. — Подруга подозрительно посмотрела на меня. — А тебе зачем?

— Кажется, он знает кое-что об Адаме, — уклончиво ответила я. Прежде чем я не выясню подробности, не стану делиться своими домыслами с подругами. С меня и так хватало их предположений о том, что Адам мог оказаться сумасшедшим маньяком.

Я не исключала такую возможность.

— Лиам? — Лорен недоверчиво хмыкнула. — Откуда?

Больше ничего не объясняя, я пожала плечами. Я и сама не знала, откуда ему это известно.

— Хочешь, чтобы я поехала с тобой? — предложила Лорен, когда я стала собираться к выходу.

— Мы можем поехать. — Голова Эмми высунулась из ванны.

Я улыбнулась, но отрицательно покачал головой.

— Возможно, если я приеду одна, Лиам будет более разговорчивым, — выразила надежду я.

В прошлый раз я не могла не заметить, с какой опаской парень рассказывал мне об Эллингтоне. Лиам не хотел нажить себе врага в лице Адама, и я понимала его.

Лорен без проблем одолжила мне Шеви в очередной раз, снабдив адресом Лиамы. Не в силах избавиться от волнения и чувства, что за мной следят — никак моя паранойя прогрессирует — я оставила авто на парковке жилищного комплекса, в котором жил парень и поднялась к нужной квартире.

Была середина воскресенья, и я надеялась, что он дома. Стоило прежде позвонить, но я побоялась, ведь по телефону он мог легко отказать мне. Лицом к лицу сделать это будет трудней.

— Грейс? — Лиам с нескрываемым изумлением моргнул, увидев меня за дверью.

— Привет! — Я несколько напряженно улыбнулась. — Не помешала?

— М-мм... Да нет, все нормально, — замямвшись, покачал головой коллега Лорен. — Проходи.

Он отступил, давая мне войти.

— Извини, тут небольшой беспорядок.

Я отмахнулась.

— Все нормально. Ты бы нашу комнату видел, — усмехнулась я. Да, мне постоянно приходилось пилить Лорен, чтобы не раскидывала свои вещи по всей комнате.

— Садись. — Лиам суетливо смахнул одежду с дивана, освобождая для меня место.

Как любой вежливый хозяин, он предложил мне кофе, но я отказалась. Не хотелось напрягать его, я и так заявила без предупреждения.

— Грейс, не прими за грубость, но что привело тебя ко мне?

Я не могла не заметить, что Лиам выглядит нервным. Видно, после того, как он увидел меня с Адамом, решил, что лучше держаться от меня подальше.

Это не могло не беспокоить.

— Помнишь, в ресторане ты говорил мне, что знаешь что-то о девушке, которая пострадала по вине Адама Эллингтона? — стараясь не давить на него, напомнила я.

Из груди парня вырвался длинный вздох. Он откинулся на спинку кресла, с колебанием глядя на меня.

— Грейс, я не хочу вмешиваться в это, — прямо признался он.

— Ты и не будешь! — Я поддалась немного вперед, с обещанием посмотрев в его глаза. — Просто расскажи мне, что знаешь об этом. Никто не узнает.

— Знаешь, для твоего же блага было бы держаться от него подальше. — Парень неодобрительно покачал головой. — Много слухов ходит об этом человеке. Не хороших слухов, Грейс.

Я постаралась скрыть, что слова Лиам пугают меня. Одно дело мои собственные ощущения, и совсем другое, когда кто-то подтверждает мои страхи.

— Что ты имеешь в виду?

Лиам потер лоб, хмурясь, потом взмахнул руками, сдаваясь.

— Еще до Лорен в ресторане работала одна девушка, Мария. У нее была младшая сестра, которая связалась с Эллингтоном. Я не знаю как, — быстро произнес парень, предвидя мой вопрос, — но это случилось. Девушку, которая еще недавно на отлично училась в колледже, была волонтером в церковном приходе и вообще, душой компании, как подменили. Мария постоянно выражала беспокойство за сестру, обвиняя в этих изменениях человека, с которым она встречалась. Говорила, что у них странные отношения, и чем больше Камилла в них погружалась, тем больше она менялась, стала агрессивной и беспокойной. Никакие убеждения на нее не действовали, а отношение Эллингтона к ней было отвратительным. — Лиам сделал паузу, видя, как побледнело мое лицо. — Во всяком случае, так говорила Мария. Сам я Камиллу видел только однажды. — Он вдруг нахмурился. — Вы, кстати, чем-то похожи.

Так вот, однажды в ресторан Марии позвонили, чтобы сообщить, что с ее сестрой случилось несчастье. Девушка покончила с собой, прыгнула с моста. Какие-то бездомные выловили ее труп, когда его вынесло к берегу.

Лиам продолжал говорить, но я уже почти ничего не слышала. Сердце набатом грохотало в груди.

Значит, я не первая жертва Адама? Прежде уже была несчастная, которую он довел до отчаянья, и она решила покончить с собой. Это само по себе было жутким, а ведь Лиам еще упомянул о нашей схожести.

Моя голова кружилась, дыхание было трудным и казалось, что я задыхаюсь.

О, Господи! Как меня угораздило попасть в ловушку к этому ужасному созданию, который питается чужими страданиями!

— Грейс, ты в порядке? — заметив мое состояние, обеспокоился Лиам.

Я с трудом кивнула.

— Да. Да, рассказывай дальше.

Мой собеседник развел руками.

— А дальше ничего. Камилла покончила с собой, притянуть кого-нибудь к ответственности не возможно. Но Мария проклинала Эллингтона, утверждая, что это он убил ее сестру. Если он и не столкнул ее с моста, то точно довел до этого.

Мне удалось узнать у Лиам новое место работы Марии, хотя парень вновь отговаривал меня от расспросов на эту тему. Советовал бежать от Адама, пока еще возможность есть. Я едва не рассмеялась с истерикой.

Поздно. Мне было поздно бежать от него. Не тогда, когда все козыри у него в руках.

Поблагодарив Лиам и еще раз заверив, что никто не узнает о нашем разговоре, я словно в тумане села в машину и отправилась по адресу, который он дал мне.

Всю дорогу я чувствовала, как паника охватывает меня. Возможно, слова Эмми не так и ошибочны? Возможно, Адам самый настоящий псих, получающий извращённое удовольствие, терзая молодых девушек, сводя их с ума, доводя до безумия и в итоге

наблюдая, как они полностью пропадают?

Сколько было таких Каммил, о которых я еще не знаю? И нет никакой гарантии, что в итоге я не стану очередным пунктом в числе его сгинувших жертв. Он уже имел на меня такое влияние, о котором и подумать было страшно. Что же будет к концу?

Мне повезло: у Марии как раз была смена в ресторане, который указал мне Лиам. Время было раннее, посетителей практически не было, и девушка смогла уделить мне несколько минут. Она согласилась поговорить со мной, когда я сказала, что являюсь знакомой Лиамы.

— Так о чем вы хотели поговорить? — Мария подкурила сигарету, когда мы вышли в небольшой переулок за рестораном. Она была красивой девушкой с темными, как смоль волосами и карими миндалевидными глазами. Но при этом выглядела печальной.

Я не знала, как правильно начать разговор. Боялась, что услышав имя Адама, просто не захочет говорить со мной.

— Мария, я знаю, что случилось с вашей сестрой, — решив не ходить вокруг да около, сказала я. — И я знаю, что перед тем, как она умерла, у нее были отношения с одним человеком, Адамом Эллингтоном.

Стоило мне произнести его имя, как лицо девушки с ненавистью перекосилось.

— Да, это так. А вам что до этого? — резко спросила Мария.

Я в молчании посмотрела на нее. Но она и так догадалась.

— Значит, и вы тоже? — Она сочувствующе вздохнула. — Этот выродок имеет поистине дьявольское влияние на девушек. Моя бедная сестра просто увяла рядом с ним. Каждый день ее жизнь будто утекала, и потом она просто стала пустой.

Мария глубоко затянулась, притулившись к стене. Ее взгляд блуждал где-то далеко от этого места: глаза наворачнулись влагой.

— Они... Они долго были вместе? — с трудом выдавила я.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшую.

— Вместе? Едва ли это можно так назвать. Он просто держал ее при себе, используя как собачонку: то приласкает, то поколотит. — Девушка пожевала губу, думая о чем-то своем. — Я пыталась вразумить ее, смотреть на нее было больно. Нервное, затравленное существо, которое ни о чем другом не думало, кроме своего мучителя и желания угодить ему. Это уже была не моя сестра, не та, какой я ее знала. — Мария смахнула скатившуюся слезу со щеки, и я отвернулась, давая ей время взять себя в руки.

— Ее ничего не интересовало. Друзья забылись, к родителям почти не приходила. Сидела и ждала, пока он призовет ее. А потом, когда он наигрался ей, просто вышвырнул из своей жизни. И она не выдержала. Была настолько зависима от него, не знала, что делать, когда стала не нужна ему. — Мария надолго замолчала, пока я тихо умираю внутри, пытаюсь осмыслить то, что узнала.

— Мой вам совет — бегите без оглядки от него. — Темные глаза девушки пронзительно посмотрели на меня. — Если ваша жизнь и здоровье вам не безразличны, оставьте этого человека.

— Мария, у вас есть фото вашей сестры? — деревянным голосом спросила я, приказывая себе держаться. Позже, я поплачу позже. И паниковать сейчас тоже было не время.

О Господи, Боже мой!

— Да, есть. — Мария кивнула. — В телефоне.

Она достала мобильный из кармана и, включив, протянула мне.

— Это фото было сделано незадолго до того, как этот монстр появился в жизни Ками, чтобы разрушить ее.

С фотографии на меня смотрела молодая, симпатичная девушка-брюнетка. Ее немного смущённая улыбка и ясный взгляд зеленых глаз выдавали в ней доброго, жизнерадостного человека.

Я не могла поверить, что этой девушки больше нет. Что она решила закончить свою жизнь, сбросившись с моста в реку.

Но больше всего меня поразило наше сходство с ней. Мы и правда, были похожи.

Поблагодарив Марию за откровенность, я решила вернуться в университет. Не помню, как доехала до кампуса, а потом оказалась в нашей комнате.

Эмми с Лорен отсутствовали. Это и хорошо, мне нужно было пространство, чтобы подумать и разобраться во всем.

Ох, что же делать? Что делать?

Я в отчаянье запустила руки в волосы, судорожно дыша. Кажется, мой лимит исчерпан, и я больше не могу сдерживать рвущиеся наружу рыдания.

Глотая воздух, я опустилась на пол, привалившись спиной к кровати.

Я не хотела закончить так, как сестра Марии. Но если эти отношения продолжаться, что-то плохое непременно случится.

Чтобы заглушить истерический голос в голове, я нацепила наушники и врубил айпод на всю громкость. Я надорвала горло, пока подпевала исполнителям. Закрыв глаза, раскачивалась из стороны в сторону и пела дрожащим голосом.

Не думать! Просто отключить сознание и не думать, представлять то, что случилось. То, что еще могло случиться.

Я не сразу почувствовала, что в комнате еще кто-то есть. А когда почувствовала, в панике распахнула глаза, встречаясь с ледяным, устрашающим взглядом Адама.

Я закричала, но его ладонь тут же зажала мне рот.

— Заткнись!

Сорвав с меня наушники, Адам подтянул меня, ставя на ноги, и швырнул на мою постель. Я тут же подобралась и, забившись в угол кровати, дикими от ужаса глазами смотрела на него.

Прикрыв глаза, он сделал глубокий вдох через нос, видимо пытаясь, успокоится. С бешено колотящимся сердцем я ждала расплаты, которая непременно последует.

— Узнала, что хотела, Грейс? — Обманчиво тихим голосом спросил Адам, и я бросила испуганный взгляд на его кулаки, которые сжимались и разжимались.

— Пожалуйста, — умоляюще пробормотала я, не зная, о чем молю. Я не хотела, чтобы он делал мне больно. Не хотела, чтобы он показал мне всю свою ярость, на которую способен.

— Пожалуйста? — Он зло усмехнулся и сделал шаг к кровати.

Я всхлипнула, подтянув колени к груди.

— Ты маленькая, любопытная сучка, которая делает все, чтобы вывести меня из себя. — Его колени стали на постель, и схватив меня за лодыжки, он резко подтянул меня к себе. — Ты должна знать, что зля меня, ты должна будешь за это ответить. И ты ответишь, Грейс. Обещаю тебе.

Его губы искривились в безжалостной улыбке.

Адам занес руку над моей головой и в попытке защититься, я зажмурилась и отвернулась,

моля Бога, чтобы он не убил меня.

АДАМ. ЧАСТЬ 2

Чикаго, 2009 год

— Простите.

Девушка виновато улыбается ему, прежде чем подруга утягивает ее в толпу двигающихся под оглушающую музыку людей.

Он оборачивается ей вслед, внимательно наблюдая, чтобы не упустить. Все его внутренние сигналы настроены на ее поиск. За последние месяцы он научился находить ее даже среди сотен людей.

Именно с той ночи, когда увидел ее в закусочной, его жизнь изменилась. Он решил разыскать ее, и у него появилась цель. Сначала было простое любопытство: насколько она похожа на мать кроме поразительной внешней схожести. Переняла ли способность без угрызений совести рушить чужие семьи, жизни? Но чем больше он погружался, тем глубже его затягивало. Она стала его необходимостью, потребностью, в которой он нуждался, как в воздухе или воде.

Впервые за долгие годы он вновь мог спать, благодаря ей. Однажды уснул, лежа в постели, рассматривая фотографии, на которых была она, не подозревающая, что за ней следят. В ту ночь она снилась ему, улыбалась ему, манила его. Она, не ее мертвая мать, которая десять лет с укором приходила в его сновидениях, стоило ему ненадолго отключиться. Проснувшись утром, он почувствовал, что появился некий смысл в жизни. Что-то, что держало его.

Нет, его личные демоны не исчезли, они всегда были рядом с ним. Но они больше не рвали его душу в клочья, каждую ночь, возвращаясь, в извращенном желании причинить боль ему, насладиться его муками. Они затаились в предвкушении более желанной добычи, чья агония станет музыкой и усадой для них.

Днем он оставался властным руководителем, безжалостным и жестким бизнесменом, как окрестили его журналисты. Без жалости закрывал компании, не оправдавших его ожиданий. Дробил на части, продавал по кускам, не заботясь о тысячах людей, потерявших работу. Оставлял руины после себя и шел дальше, не оглянувшись. Он умел быть жестоким, в мире, где правят деньги, нет места жалости и мягкости.

Ночью же превращался в сталкера, одержимый идеей обладать ей. Он знал, что уничтожит ее, стоит ей попасть в его сети. Такое радостное и светлое существо сгинет рядом с ним и тьмой в нем. Но он пожертвует ей. Слишком велико искушение, чтобы отказаться.

Позже. Придет время и он станет ее богом, тем, кому она будет поклоняться.

Он поднимается на галерею. Сверху следит за тем, как она танцует. Как двигается ее тело, как ее глаза закрываются, когда она отдается музыке. Представляет, как она будет извиваться в его руках, кричать и стонать от дикого удовольствия, отдаваясь ему, покоряясь, признавая его своим полным обладателем.

Время переваливает за полночь. Она прощается с друзьями, выходит из клуба, ловит такси. Незаметный, он держится в тени, следуя за ней. Останавливает машину на небольшом расстоянии от ее дома, ждет, пока она войдет внутрь. Потом становится на уже знакомое место, с которого лучше всего видно окно ее комнаты.

Ему повезло — сегодня занавески не задвинуты, и он видит, как она двигается по комнате, снимает короткую юбку, майку, оставаясь в своем белом белье. Она встряхивает волосами, стоя перед зеркалом. Это заводит его.

Его кровь кипит, несется по венам, дышать становится тяжело. Сердце быстро бьётся в груди; кажется, что еще чуть-чуть и разорвет.

Он закрывает глаза, опуская голову на подголовник, и глубоко дышит в попытке справиться с навязчивыми видениями. Как связывает ее, делая беспомощной, покорной, беззащитной, слабой.

Снова и снова погружается в ее тело, трахая до потери сознания.

«Моя. Моя. Ты моя. Только моя».

Дрожь проходит по телу. Накрывает ладонями лицо, издает низкий рык. Монстр в нем хочет ее сейчас, немедленно!

Он заводит машину и, срываясь с места, едет прочь от ее дома. Нет, еще рано. Спешка все испортит. Он найдет жертву для демонов, чтобы они на время заткнулись!

Возвращается в клуб, подходит к бару и заказывает виски. Неторопливо оглядывается и наконец, находит. И близко не так хороша, как Грейс. Бледное подобие, но на раз сойдет.

Уже через пятнадцать минут он выводит ее из клуба. Заходят в темный переулок между зданиями. Девушка смеется, и он хочет закрыть ладонью ее рот, чтобы заткнулась.

Молча толкает ее на стену, окидывая тяжелым взглядом.

— Такой нетерпеливый. — Она соблазнительно облизывает ярко-красные губы.

— Заткнись! — не повышая голоса, приказывает он, и она подчиняется. Его грубость ее заводит.

Он разворачивает ее лицом к стене, задирает короткое платье, без жалости срывая белье. В момент, когда входит в ее тело, с силой хватая за волосы, дергая на себя. Девушка вскрикивает, но не делает попытки сопротивляться. Она дрожит от возбуждения и дикой похоти, которую вызвал в ней этот незнакомец.

Он с силой пронзает ее, представляя другую, желая другую, и зная, что однажды это ее голос будет кричать от удовлетворения и страсти.

Когда все заканчивается, он равнодушно отталкивает свою случайную спутницу и, развернувшись, уходит. Слышит, как она зовет его, просит назвать себя, но не реагирует. С ней покончено. Она никто. Ее лицо не сохранилось в его памяти.

Садится в машину, прислушивается к ощущениям.

Монстр в нем притих, чтобы вскоре вновь поднять свою уродливую голову.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Кулак Адама приземлился в сантиметре от меня, впечатавшись в матрас. Я судорожно, с облегчением выдохнула, все еще отворачиваясь от его уничижительного взгляда.

— Зачем ты лезешь в то, что тебя не касается?! — Заорал он, больно хватая меня за лицо и поворачивая к себе. — Знаешь, что бывает с любопытными, Грейс? Ничего хорошего, ничего хорошего, Грейс! — Его руки встряхнули меня, моя голова запрокинулась так, что зубы громко клацнули. Глаза обожгли горячие слезы.

— Я больше не буду, — словно маленькая девочка, захныкала я. Я готова была умолять его со слезами на глазах, только бы он не причинял мне боли.

— О, Грейс, конечно, ты не будешь. — Его рот растянулся в безжалостной усмешке; глаза полыхнули злым огнем. — Я позабочусь об этом.

— Вставай, — резко приказал он, неожиданно отпустив меня.

Мое лицо выражало недоумение вперемешку со страхом, когда я сползла с кровати и, не справляясь с дрожью, встала перед ним.

— Даю тебе десять минут привести себя в порядок. Не заставляй меня ждать. А

попробуешь сбежать, — он сделал паузу, окинув меня тяжелым, жёстким взглядом, — найду и на цепь посажу.

И с этими словами он вышел, с силой хлопнув дверью.

Всхлип сорвался с моих губ, но я тут же зажала рот рукой. Меня колотило от только что пережитого, и его последние слова заставляли мои волосы на затылке шевелиться.

Посадит меня на цепь? Что это, только угроза, чтобы я и не думала убежать, или обещание, которое он выполнит, если послушаюсь?

У меня не было никакого желания проверять. Еще больше злить Адама означало создать себе новые проблемы, а у меня их и сейчас хватало с лихвой.

Я была в глубокой заднице!

Забежав в ванную, я посмотрела на свое отражение в зеркале и поморщилась. Волосы спутались от его трепки, под глазами туш размазалась. А лицо было таким бледным, что в гроб краше кладут. Чтобы немного оживить цвет, пару раз похлопала по щекам. Умывшись, расчесала волосы, собрав их в узел. Вернувшись в комнату, переоделась в джинсы и клетчатую рубашку. Потом быстро нацарапала записку девочкам, чтобы не волновались, если ночью не вернусь. Я подозревала, что Адам не отпустит меня быстро, а позвонить подругам у меня может не быть возможности.

Мои внутренности скручивало от страха и неизвестности. Он и раньше выходил из себя при мне, но то, в каком состоянии он был сегодня... Это наполняло меня холодным ужасом, и хотелось бежать на край света без оглядки. Только вот он и там меня найдет.

На ватных ногах спустилась вниз. Затылок покалывало от нехорошего предчувствия; ладони взмокли, и я потрясла ими, прежде чем толкнуть дверь, оказавшись под холодным ветром декабрьского вечера.

— Грейс, что это за красавчик на крутой тачке? — обратилась ко мне Мона, бросив плотоядный взгляд на Адама, с хмурым видом ожидающего меня возле авто. Ее верная подпевала Полин топталась рядом, посиневшими губами пыхтя сигаретой.

Воскресенье был «мертвым» днем в университете, и из-за отсутствия вечеринок скучающие девушки торчали возле общежития, в надежде узнать пикантную сплетню.

— Псих один, — буркнула я, не сбавляя шага. Девушки оторопело уставились мне вслед: с удовольствием поменялась бы местами с одной из них.

Адам проследил, чтобы я села в машину и только после этого сел сам. Дверь передо мной не открыл: манеры джентльмена в нем явно спали глубоким сном.

За всю дорогу я не произнесла ни слова, периодически с опаской поглядывая на него. По плотно сжатой челюсти и грозовому взгляду было ясно, что успокаиваться он не собирается.

Когда мы добрались до квартиры, Найджел был там, а увидев злого и раздраженного хозяина, и едва сдерживающую испуг меня, даже бровью не повел.

Вот это выдержка!

— Можешь быть свободен. — Отрывисто сказал Адам, когда дворецкий поинтересовался, надобно ли хозяину чего-нибудь. Посмотрев на меня долгим, пронизывающим взглядом, медленно добавил: — Сегодня ты больше не понадобишься.

Мое сердце камнем рухнуло вниз. Отсылает Найджела, чтобы не осталось свидетелей?

Как и всякий вышколенный слуга, Найджел тут же последовал распоряжению хозяина: уже через пару минут его не было в квартире. И мы остались одни.

Я, как неприкаянная стояла посреди комнаты, боясь взглянуть на Адама, но чувствовала

его тяжелый взгляд. Мои глаза смотрели куда угодно, только не на него. Я чувствовала, как над моей головой сгустились тучи: вот и расплата за неумное любопытство.

Не сказав ни слова, Адам вышел из комнаты, а когда через минуту вернулся, в его руках я увидела уже знакомый мне шарф.

Черт!

Мое предательское тело сжалось в предвкушении: в кровь поступил мощный выброс адреналина. Вперемешку со страхом получалось странное и опасное сочетание.

Чувствуя себя донельзя растеряно, я переступила с ноги на ногу, от волнения покусывая губу.

Собственные ощущения смущали меня. Я не понимала, как могу затаив дыхание с предвкушением ожидать того, что он собирался делать со мной, подключив к помощи черный шарф. Как такое возможно после того, что я узнала о нем и девушке, которая уже стала его жертвой?

Никак я уже начала сходить с ума, другого объяснения я не видела. Мои желания шли против всякой логики! Разве я не ненавидела его за то, как он поступал со мной? Разве его агрессия не доводила меня до жути, до дрожи в коленках?

Тогда почему, почему все внутри меня замирает, как вспомню касания его рук, поцелуи, сладкую пытку губ, дразнящие прикосновения пальцев. Еще только раз, хотя бы раз испытать все те яркие ощущения, пережитые благодаря ему!

— Пришло время платить по счетам, Грейс. — Губы Адама искривились в злой усмешке, и это было последнее, что я видела. Он завязал шарф, и я погрузилась во тьму.

Он куда-то вел меня, и я не могла понять, в какой части его огромной квартиры мы находимся. Его твердая прохладная рука крепко, но, не причиняя боли, держала меня, направляя по нужному пути. Ноги по прежнему плохо слушались меня, и пару раз я спотыкнулась, но он удержал меня. Я буквально чувствовала, как его тело вибрирует мощнейшей темной энергией.

Что ему стоило сдерживать себя, сохраняя равновесие? Я хотела забраться ему в голову, просочиться под кожу, чтобы понять, хотя бы попытаться понять то, что движет им. То, что заставляет его быть таким.

Не знала, куда он привел меня, но наконец, мы перестали двигаться, по всей видимости, оказавшись в какой-то комнате. Я слышала, как хлопнула дверь за нами.

Адам выпустил мою руку и, притихнув, я слушала, как он ходит по комнате, что-то делая, что оставалось тайной для меня. Где-то рядом звякнула цепь, и в моем горле тут же образовался комок.

Цепь? Черт возьми, что он собрался с ней делать? Не меня ли на нее посадить?

В томительном ожидании время размыло свои рамки, и казалось, минуты растягиваются в тревожную бесконечность. Лишенная зрения, я напрягла слух до предела своих возможностей, но понять, что делает Адам, было сложно. Что-то, что, скорее всего мне не понравится. Что-то, что должно будет научить меня не совать нос, куда не надо.

— Знаешь, мы можем обойтись без этого, — хватаясь за последнюю соломинку, дрогнувшим голосом пробормотала я. — Я и так поняла, что не стоит лезть в твои дела. — Я шумно сглотнула: голос плохо подчинялся мне. — Тебе не обязательно доказывать мне это другими способами.

Я слышала, как тихо хмыкнул Адам. Подойдя ко мне, он крепко обхватил пальцами мое лицо, с нажимом провел по губам, наверняка смазав помаду.

— Думаешь, мы можем обойтись без дополнительных мер? — обманчиво-уступчивым тоном спросил он.

Я знала, что он играет со мной, желая продлить мои терзания. Не верила, что он передумает. Слишком велико было его желание воплотить задуманное, чем бы это ни было.

Здесь, сейчас, он был полным обладателем моего тела, моей воли. Я полностью принадлежала ему, и только от него зависело, что будет со мной. Тщетно просить, умолять, плакать. На него не подействует, не стоит тратить силы.

— Нет, Грейс, это необходимо, — не дождавшись от меня ответа, негромко проговорил он. — Для меня это необходимо.

Я старалась не принимать близко к сердцу мрачные нотки, прозвучавшие в его словах. Слишком обреченным казался его голос.

Для него это необходимо? Разве это делается не ради наказания, чтобы я усвоила урок? Нет, конечно же. Он делал это, потому что нуждался в этом, а мое наказание было лишь прикрытием для его извращенного желания.

Я сжала челюсти и старалась не проронить ни звука, когда его руки коснулись моей рубашки, рывком сорвав все пуговицы. Он желает видеть мои страдания, как я буду молить его о пощаде, дрожать от страха перед ним, теша его темное нутро, питающееся муками незащищенных жертв?

А вот хрен ему! И как бы все внутри меня не замирало от ледящего душу ужаса, как бы паника не скручивала мой желудок, я не доставлю ему удовольствия, показав это. Буду стойко молчать, пока сил хватит. Пока смогу терпеть!

Не торопясь, без суеты, он полностью раздел меня, сняв даже ботинки и носки. Он не трогал мое тело без необходимости, как мне показалось, специально избегая прикосновений. Чего он боялся? Что может сдаться раньше, что его намерение причинить боль мне может пошатнуться?

— Подними руки, — ровным, лишенным эмоций голосом велел он, и я послушно подчинилась.

Он сомкнул на моих руках кожаные широкие наручники, а потом прицепил их на что-то, чего я не могла увидеть. Но я больше не могла опустить руки. Я знала, что скоро они затекут, и мышцы будут ныть от такого положения, но все равно стойко молчала. Пусть хоть всю ночь так продержит, не стану умолять его!

Адам подтянул цепи, и мои голые ступни едва касались паркета.

Черт, а вот это уже совсем не хорошо! Если он оставит меня так надолго, мне трудно придется.

— А теперь, Грейс, хорошенько подумай над тем, что ты совершила, — удовлетворенно произнес он. — Я дам тебе для этого достаточно времени.

Дверь хлопнула, и я почувствовала, что осталась одна.

Он даст мне достаточно времени? Сколько: час, два, три, день, неделю?

Нет, столько я не протяну. Так и помру, прикованная наручниками к потолку.

«Так, Грейс, держись! Не кисни, только держись! Все будет хорошо, и ты выберешься из этого дерьма».

«Пусть бесится, пусть изворачивается, как хочет в попытке довести тебя до помешательства, ничего у него не выйдет. Ты сильная, ты не Камилла, ничто не заставит тебя покончить с собой».

Нет уж, я слишком дорожила своей жизнью, я любила жить. Кончать жизнь

самоубийством из-за разыгравшегося придурка не для меня.

Не знаю, сколько прошло времени, как он ушел, но скоро мои мышцы начали затекать, а еще через короткий промежуток уже нещадно, болезненно ныли. Не самые приятные ощущения, когда твое тело вытянуто, как струна, и невозможно расслабиться, прогнать это зудящее напряжение.

Чтобы скоротать время и хоть как-то отвлечься от неприятного ощущения в теле, я стала тихонько напевать под нос.

Да что ж такое, сколько он собрался держать меня здесь? Садист проклятый!

Ужасно хотелось опустить руки, но стоило потянуть наручники, как они плотнее стягивали запястья. Терпеть с каждой секундой было все трудней, и я даже тихонько захныкала, мечтая о том, чтобы размять тело и расслабиться. А еще я немного замерзла. В комнате не было холодно, но я была полностью обнажена, и моя кожа покрылась мурашками.

По моим ощущениям, хотя думать ясно становилось все трудней, прошло не менее двух часов, когда я вновь услышала звук открываемой двери.

Я не знала, радоваться мне этому, или пугаться еще больше. Хотя, благодаря долгому пребыванию в подвешенном состоянии, жуткой ломоте в теле, ноющей боли в мышцах я просто отупела, и страх как-то померк, отступив на задний план. Пошел он к черту, пусть делает что хочет, только снимет меня отсюда.

— Ну что Грейс, с тебя достаточно? — Его вкрадчивый, милостивый голос раздался прямо передо мной. — Надеюсь, ты не потратила это время зря и переосмыслила свои сегодняшние действия?

По всей видимости, он ждал ответа. Я готова была ему в чем угодно признаться, да хоть в покушении на президента, только бы избавиться от наручников и вновь иметь возможность управлять своими конечностями.

— Да, — предательски дрогнувшим голосом выдавила я, — я подумала над своим поведением.

— И что же?

О Боже, ну что за ужасный человек!

— Я была неправа, — стиснув зубы, процедила я. — Больше никогда не повторю этого. Он тихо засмеялся.

— Ну, ну, Грейс. Не слишком раскаявшись, звучит твой голос. — Он поцокал языком, как какой-нибудь строгий учитель. — Думаю, ты не до конца усвоила, что можно делать, а чего нельзя никогда и не при каких обстоятельствах.

О, нет, только не оставляй меня еще тут висеть! Я больше не выдержу!

Я не понимала, что еще он собрался делать, но, очевидно сжалившись, Адам немного спустил цепь, и мои ноги свободно встали на пол, получив небольшое послабление.

Не выдержав, я издала вздох облегчения.

— Наверное, твои руки ужасно болят, — заметил он, совершенно спокойным голосом.

Внезапно что-то коснулось моего лица. Что-то округлое и очень гладкое на ощупь.

— Это трость, — пояснил Адам, хоть я и не спрашивала. — Знаешь, она может быть очень убедительной, — с неким торжеством признался он.

О, нет! Он собрался побить меня тростью? Этого только не хватало!

Я по-прежнему оставалась безмолвной, но мое прерывистое дыхание выдавало мой испуг. Я боялась физической боли. Даже мои не самые хорошие родители никогда не

поднимали руку на меня.

— Ты дрожишь, — нагнувшись к моему уху, прошептал Адам. Его горячее дыхание опалило кожу. — Страх буквально сочиться из твоих пор, но ты не хочешь показывать его мне, не так ли? — Он довольно усмехнулся, решив, что разгадал меня.

Он был прав, но я не собиралась говорить ему об этом.

— Грейс, Грейс, ты даже не представляешь, как сладок для меня твой вид сейчас, — хриплым голос пробормотал мужчина, проводя тростью по моей груди, животу и бедрам. — Будь послушной, Грейс, и я не причиню тебе боли.

Я едва не фыркнула. Он уже причинял мне боль, заставляя мою душу корчиться от унижения и горькой обиды. Я не могла не желать ему мучительных пыток в отместку за то, что он заставлял меня переживать. За то, что он уже проделывал раньше с беззащитными девушками.

Трость, путешествующая по моему телу, коснулась меня между бедер, и я дернулась в сопротивлении.

— Не надо, — задохнувшимся голосом прохрипела я. — Разве тебе мало моих унижений?

— Ты тоже имеешь предел, — усмехнулся он. — Ты сильная, но сломать тебя не так трудно.

Я до боли прикусила губу, чтобы не послать его, не наговорить гадостей, которые в итоге обернутся против меня.

Ублюдок! Конченный ублюдок!

До моего слуха донеслось, как он отбросил трость, и она с резким звуком упала на пол.

Адам обошел меня, становясь за спину. Звякнула пряжка его ремня.

— Сейчас я трахну тебя, быстро и жестко. Не для твоего удовольствия, а ради себя. Поняла?

Его голос звучал отрывисто, грубо. Я кивнула, моля Бога, чтобы все поскорее закончилось, и он отпустил меня.

— Я спросил, поняла? — рыкнул он, схватив мои волосы и дернув назад.

Воздух с шипением вырвался из груди, на глаза навернулись жгучие слезы обиды и унижения.

— Да, поняла! Я поняла!

— Грейс, я не слышу, — нараспев протянул он, медленно оттягивая мою голову назад.

— Да, хозяин! — с трудом выдохнула я, лишь каким-то чудом не скуля от боли.

— Так-то! Соображай быстрее, Грейс.

Он ослабил хватку, но не выпустил волосы из захвата.

Его ладони легли на мои бедра, и не слишком осторожно он нагнул меня, ставя в удобное ему положение. А потом, совершенно не заботясь тем, что я была не готова, одним толчком вошел в меня.

Я до крови прикусила губу, сдерживая крик.

Это было довольно болезненно. Но физическая боль казалась ничем рядом с той, что рвала мое сердце и душу изнутри.

Он сразу же начал двигаться, жестко и глубоко проникая в меня, выполняя обещание. О моем удовольствии, или хотя бы комфорте речи ни шло.

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Черт, только не плачь! Пожалуйста, не плачь! Не сейчас, не при нем.

Я ненавидела его, ненавидела себя, потому что в какой-то момент боль во мне трансформировалась в нечто иное, доставляя странное, необъяснимое, постыдное удовольствие. Я обещала себе, что не пикну, но во мне больше не было сил. Я не чувствовала себя от долгого подвешивания, и когда уже знакомое чувство близкого оргазма стало накатывать на меня, обещая поглотить и утащить за собой на глубину, я сдалась и издала громкий, длинный стон.

Адам тихо выругался, но не остановился, продолжая двигаться в прежнем темпе. Все мое тело сотрясало под его ударами, крупные капли пота стекали по коже.

Я коротко вскрикнула, кончая со слезами на глазах. Соленая влага омыла мои губы, пока я переживала свою маленькую смерть.

Мой крик и моя пульсация вокруг него довели моего мучителя до пика, и я почувствовала, как его тепло растекается во мне, пока его рот в попытке заглушить собственный крик прижимается к моему обнаженному плечу.

А потом я отключилась.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Я не хотел, чтобы она умерла, — так тихо, что я едва расслышала его, произнес Адам.

Он сидел на полу ванной, привалившись к стене и запустив руку в волосы, с какой-то обреченностью смотря на меня.

Я же лежала в горячей ванне, которую он наполнил для меня.

После того, как потеряла сознание, в себя пришла, только когда он занес меня в большую ванную комнату и осторожно посадил на стул, пока бежала вода с густым паром. Потом, вновь взяв меня на руки, он опустил меня на дно, щедро добавив восхитительно пахнущую пену. Но уходить не спешил: опустившись на пол, долго молчал, прежде чем нарушить молчание.

Мне было совершенно все равно, здесь он, или нет. Я была настолько измотана, подавлена, что плевать хотела на все.

Я чувствовала себя пустой.

— Не думал, что она может покончить с собой. — Он дернул плечом. — Этого не должно было случиться.

Я отвернулась и прикрыла глаза, позволяя воде исцелить мое ноющее тело. Жаль, что так легко нельзя излечить раненую душу и гордость. Смотреть на Адама было тошно, поэтому заговорив, я все еще держала глаза закрытыми:

— Этого не случилось бы, не попадись ты на ее пути, — бесцветным голосом промолвила я. — Ты просто сломал ее, и тебя не заботило, что будет с ней после того, как она приелась тебе.

Я ожидала вспышки раздражения с его стороны, или хотя бы отрицания, но он молчал. Я скосила глаза на него: Адам прижал голову к стене, не мигая глядя в потолок.

Что это, запоздалое раскаянье? Если он вообще способен на подобное чувство.

Я прислушалась к внутренним ощущениям. Я не была злопамятной, слишком вредной и предпочитала отпускать негатив в своем сердце, но сейчас я не чувствовала сочувствия к нему, даже не смотря на то, что ему похоже жаль того, что случилось с Камиллой.

— Я не такая, как она. — Я пересилила себя и прямо посмотрела на него. — Я не стану зависимой, не стану страдать, когда надоем тебе. — Мой взгляд был равнодушным, слова звучали уверенностью, пока он внимательно слушал меня. — Когда срок соглашения закончится, ты уберешься из моей жизни и жизни моих родных. И я больше никогда, никогда

не пожелаю тебя видеть.

Сейчас мне было плевать, если он вновь подвесит меня на цепях за дерзость. Бунт во мне, чувство непослушания, желание задеть его было слишком велико.

Ни один мускул на лице Адама не дрогнул. Он долго смотрел на меня с каким-то непонятным выражением, потом кивнул и поднялся.

— Пусть так и будет. — Он взялся за ручку и, отвернувшись, произнес: — После того, как закончишь, приходи на кухню.

И вышел.

Я еще долго лежала в ванне, апатично глядя в потолок. Когда вода остыла, и я стала замерзать, насухо вытерлась полотенцем и завернулась в уже знакомый халат.

— Садись за стол.

Адам махнул в сторону небольшого стола со стеклянной столешницей у окна, на котором уже стояла миска с салатом, когда я вошла в кухонную зону. Он как раз вынимал пасту из микроволновки.

Признаться, я была в некотором недоумении. У этого человека раздвоение личности? Еще полчаса назад он истязал меня, прикованную наручниками, наслаждаясь моей беспомощностью. А теперь ведет себя, как ни в чем не бывало.

Как ему удастся сохранять баланс между извращенным садистом и обычным вполне себе нормальным мужчиной?

Может он и мог так быстро переключаться, но я нет.

— Садись за стол, Грейс, — терпеливо повторил Адам, так как я не сдвинулась с места.

Он поставил тарелки на столешницу и указал мне на стул.

Нахмурившись, я села на указанное мне место, сверля его взглядом.

— Что? — Адам вскинул бровь на меня, накручивая пасту на вилку.

— Ты серьезно думаешь, что я смогу просто сидеть с тобой и есть после того, что было?

Он передернул плечами.

— Да. — Мужчина вздохнул. — Грейс, у нас впереди еще десять месяцев, и у меня большие планы на это время. Не все из них тебе понравятся. — Он отпил глоток вина из бокала, со спокойствием смотря в мои глаза. — Так что чем скорее ты согласишься с этим, тем легче тебе будет.

Я чуть тарелкой в него не запустила.

О, правда? Смирюсь, и станет легче? Что это вообще за бред?!

— Ешь. — На удивление сдержанным голосом велел мой тиран, и мне ничего не оставалось, как взять вилку в руку.

Видимо, он чувствовал себя вполне комфортно и расслабленно, расправляясь с ужином, пока я, не чувствуя вкуса еды, насупившись сидела напротив.

— Как ты узнал, что я была возле клиники и разговаривала с Марией?

Желание узнать, как ему удастся все, и всегда знать обо мне пересилило мое отвращение, и я заговорила первой после долгого молчания.

Адам бросил на меня быстрый взгляд.

— Это не важно, Грейс. Главное, чтобы ты помнила, что я всегда узнаю о том, что ты делаешь.

Я в раздражении фыркнула. О, ну еще бы! Не удивлюсь, если он приставил слезку за мной.

— Зачем тебе это? — Я откинулась на спинку стула, взяв свой бокал с белым вином.

— Что именно? — Он слегка нахмурился, с интересом посмотрев на меня.

— Желание полностью контролировать меня. — Я дернула плечом. — Разве мало того, что ты и так заполучил меня в полное пользование? Я совершенно не могу распоряжаться своей жизнью, ты можешь делать со мной все, что хочешь. Так в чем дело? Зачем тебе знать, чем я постоянно занята? Чего ты боишься?

Я внимательно наблюдала за ним, и с удовлетворением заметила, что ему неуютно от моих вопросов.

Ха! Неужели мне удалось смутить неприступного Адама Эллингтона?

— Я контролирую все, что мне принадлежит, Грейс, — наконец произнес он, прямо посмотрев на меня. — Ты не исключение.

Хмыкнув, я покачала головой.

— Кто находится в лечебнице?

Я решила, что спрошу, даже если ответа не получу. Он уже знает, что я была там, и я уже была наказана за это. Так почему не спросить?

Адам долго смотрел на меня, видимо раздумывая, говорить или нет. И когда я уже решила, что он так и не ответит, негромко произнес:

— Моя мать. Там моя мать, Грейс.

Я не ожидала такого ответа. Думала, он скажет, что там одна из его бывших пассий. Мне стало не по себе, и чувство вины, которое я испытала, мне не понравилось.

Блин, как я могу чувствовать что-то подобное после его обращения?

— Что с ней?

Адам поставил локти на стол и приложил пальцы к губам.

— Помешалась, — сухо ответил он. — Когда отец бросил ее ради любовницы, она не смогла пережить этого и сошла с ума.

Он без всякого выражения смотрел на меня, и от этого становилось неуютно. Да, я помнила, что писали, будто его отец сбежал из страны с любовницей, забрав активы компании.

— А сегодня что случилось?

Я спрашивала осторожно, будто прощупываю почву. Не знала, до какого момента он станет отвечать на мои вопросы.

Адам потер бровь, прежде чем ответить, и в этот момент показался мне очень уставшим. Будто то, что случилось с его матерью, было ношей, которую он постоянно нес на себе.

Я мысленно чертыхнулась. Я не хотела жалеть его! Не хотела испытывать сочувствие к этому человеку, но как заставить свое сердце закаменеть? Что должно случиться, чтобы способность сопереживать исчезла?

— Она периодически пытается нанести себе физический вред. — Его голос звучал скупой, но я видела, что ему нелегко говорить об этом. — Обычно персонал следит, чтобы к ней не попадало ничего опасного. Но за завтраком ей как-то удалось спрятать пластиковую вилку, и она расцарапала свои запястья.

Теперь не удивительно, что он сорвался утром, словно чертями гонимый.

— Она в порядке? — тихо спросила я.

Адам кивнул, не глядя на меня.

— Да, ей успели оказать своевременную помощь.

Остаток ужина мы молчали. Я чувствовала, что он замкнулся и больше ничего не

скажет. Да и говорить не хотелось. Казалось, что после последних событий между нами установился шаткий мир.

Я не простила его за недавнее испытание, да ему и не нужно было мое прощение. Но я знала, что должна буду двигаться дальше. Если хочу пережить эти месяцы с ним.

Вскоре я отправилась спать в комнату, которая негласно стала моей. На время. Несмотря на усталость, я долго ворочалась без сна, пытаюсь анализировать все, что узнала об Адаме. Не так много, но кое-что мне все же открылось.

Что, если Адам перенял от матери ее болезнь? Пусть в легкой форме, но этим можно было объяснить его неустойчивое состояние. Возможно, уход отца из семьи и на него подействовал разрушающе? Он не смог помешать тому, что их семья распалась, и именно теперь желает все контролировать?

Я вздохнула и, взбив подушку, перевернулась на другой бок.

Одно я узнала точно — он любил свою мать и я видела боль в его глазах, когда он рассказывал о ней, как бы он не пытался скрыть это за бесстрастным тоном. Значит, его душа еще способна испытывать сострадание и способность любить ему так же не чужда. А значит, была надежда, что он еще не полностью пропал.

Может быть, и для такой беспокойной души, возможно, достичь мира при определенных усилиях?

Я в раздражении приподнялась и упала на спину.

О чем я только думаю? Зачем, зачем тешу себя пустой надеждой на... На что? Что мне вообще за дело до него? Пусть поступает со своей жизнью, как знает. Мне не вечно быть рядом с ним. Десять месяцев, всего лишь десять месяцев и я верну себе свою жизнь.

И забуду Адама Эллингтона, словно его и не было никогда.

Следующим утром меня разбудил короткий стук в дверь и, не дожидаясь моего ответа, Адам вошел в комнату.

— Ты говорила, что у тебя занятия с утра.

— Угу. — Я сонно заморгала, сев в постели и прикрыла рот, зевнув.

Он вновь был уверенным и невозмутимым хозяином, выглядя великолепно в сером костюме-тройке. И я задавалась вопросом: жалеет ли он о своей вчерашней откровенности?

— После завтрака Квентин отвезет тебя в университет. — Без тени неудобства он смотрел на меня, запрятав руки в карманы идеально выглаженных брюк. — И не забудь насчет пятницы.

Я кивнула: разве я могла?

После того, как Адам ушел, я еще некоторое время провела в постели, положив голову на колени. За последние недели моя жизнь изменилась самым кардинальным образом. Даже при том, что я не хотела этого, но никак не могла повлиять на эти изменения.

Встав с постели, я привела себя в порядок (Найджел принес мне пакеты с моей новой одеждой, которые вчера так и остались в багажнике Астон Мартин), надев оливковые скинни и полосатый свитер с укороченным рукавом. Позавтракав в одиночестве — Найджел по большей части молчал, словно его и не было — я спустилась на подземную парковку, где меня уже ожидал Квентин, водитель Адама.

Мужчина почтительно приветствовал меня, и я ответила ему вежливой улыбкой.

Стоило мне войти в аудиторию и занять свое место, как я тут же выкинула мысли о моем неуправляемом тиране из головы. Мой средний балл не должен был страдать из-за того, что в моей личной жизни творился полный бардак. Хотя бы здесь я могла сохранить

порядок.

— Как прошли выходные? — Раста, мой сосед справа плюхнулся на сиденье, одарив меня веселой улыбкой.

— Замечательно. — Я вернула ему такую же веселую улыбку и кивнула. — Просто замечательно.

— Как думаешь, зачем он берет тебя с собой в Нью-Йорк? — спросила Эмми, пока я оглядывала комнату, чтобы ничего не забыть.

— Не знаю. — Я опустилась на колени и достала из-под кровати ботинки, которые собиралась обуть в полет. — Он никогда ничего не говорит и не объясняет.

Сдунув прядь волос с лица, я быстро натянула обувь, бросив тревожный взгляд на часы. У меня было не более десяти минут до выхода. И только за час до указанного Адамом времени я принялась собирать багаж.

Всю неделю я только то и делала, что училась и работала; два раза наведала бабушку. Мне некогда было думать об Эллингтоне, и от этого было легче. Забывая о нем, я словно возвращала себе свою жизнь, которую никто не пытался подстроить под себя, и никакой узурпатор с неустойчивой психикой не контролировал меня.

На самом деле, это чувство было призрачным. Я знала, что все, что я делаю, становится известно Адаму. Подозревала — да что там, была уверена — что в телефоне, который он дал мне, установлен какой-нибудь «жучок». У меня была мысль обратиться к ребятам с факультета электроники, чтобы они вытащили эту штуку, но сделав так, я бы заработала себе большие проблемы.

Оно мне надо?

Я решила плыть по течению. Чем покладистей я буду, тем меньше будет психовать мой временный хозяин, а это в итоге на руку мне самой.

— Он уже здесь! — Запыхавшаяся Лорен влетела в комнату со скоростью небольшого урагана. — «Мерседес» Эллингтона, в смысле, не он сам, — поторопилась добавить подруга, заметив мелькнувшую панику на моем лице.

Черт, надо поторопиться! И почему я заранее не собралась?

— Позвони нам, как приземлитесь, — напутствовала меня Эмми, когда я схватила небольшую дорожную сумку.

— Обязательно! — Прищурившись, Лорен ткнула в меня пальцем. — Если от тебя не будет новостей, мы с Эмми последуем за тобой.

Я усмехнулась и кивнула, пообещав отзвониться. На душе стало тепло от заботы подруг. Обняв их на прощание, я поторопилась к ожидающему меня автомобилю.

В аэропорту «Чикаго Мидуэй» я прошла через «бизнес-терминал» к Boeing Business Jet который принадлежал компании Эллингтона. Высокий стюард с белоснежной улыбкой и кофейного цвета кожей помог мне подняться на борт, и моя челюсть едва не отпала от открывшейся мне роскоши.

Пол устилал ковер с толстым ворсом, у одной стены размещались комфортабельные кресла из бежевой кожи, у другой диваны с художественно разбросанными подушками. В углу висел телевизор с огромным экраном.

Я буквально в ступор впала: ничего удивительного, впрочем, в этом не было. За свою жизнь я всего лишь дважды летала самолетом и, конечно же, обычным эконо-классом. Тут и сравнивать нечего.

— Чего желаете, мисс Колдвел? — Стюард, который представился мне как Лайонел, в

ожидании посмотрел на меня.

Я напустила на себя важный вид: не хотелось показаться невеждой.

— А что у вас есть?

Едва заметная улыбка тронула губы мужчины.

— Все, что мисс пожелает.

— Колу-лайт, безо льда.

Лайонел принес мне напиток и сказал, что если мне только что-то понадобится, тут же обращаться к нему.

Все еще в легкой эйфории, я взяла один из журналов, разложенных на столике и, потягивая колу, принялась листать страницы. Адама все еще не было, и периодически я поглядывала на вход. Ничего не могла поделать с волнением, которое испытывала перед встречей с ним. Мне удавалось дистанцироваться от отношений с ним в течение недели, но когда я должна была вот-вот увидеть его, мой пульс разогнался, и меня стало кидать то в жар, то в холод.

Ну что ж это такое? Что за предательская реакция, и это после всех его издевательств? Ведь обещала себе, что останусь непроницаемой ко всему, что касается этого человека.

Я была в процессе самобичевания, когда мой личный деспотичный диктатор поднялся на борт. Мы сдержанно поздоровались друг с другом, хотя мое сердце и ускорилося при виде него.

Я не могла отрицать, что он был хорош собой, даже слишком. Отрицание этого факта было бы глупым. В темно-синем костюме и галстукe он был не просто привлекательным, а уверенным в себе руководителем, правителем не только своей жизни, но и всех, кто окружал его.

«Твоей-то уж точно» — фыркнул язвительный голосок глубоко внутри.

Пилот объявил о том, что полет наш продлится около двух с половиной часов и самолет поднялся в воздух.

Как только мы набрали высоту, Адам включил свой МакБук и погрузился в работу.

Чтобы прогнать нежелательные мысли, я достала книгу, которую прихватила с собой и попыталась сосредоточиться на романе. Это оказалось непросто, я то и дело отвлекалась, и потому каждую страницу приходилось перечитывать по три раза. В итоге это настолько утомило, что я решила включить телевизор.

Адам бросил на меня быстрый взгляд, когда экран ожил, но тут же вернулся к своему компьютеру.

— Ты не против? — Имея в виду работающий телевизор, спросила я.

— Нет.

Он покачал головой, не отвлекаясь от монитора.

Я состроила рожицу, потому что он все равно не мог увидеть. Я не знала, почему тихо бешусь. Неужели из-за того, что он не обращает на меня внимания? Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! Я сама себя не понимала. Разве не должно быть наоборот, разве я не должна радоваться, что ему нет до меня дела?

Чуть позже нам подали ужин: лосось в сметанном соусе и карамельный чизкейк на десерт. После того, как Лайонел унес посуду, Адам вновь вернулся к работе, а я уткнулась в какое-то дурацкое юмористическое шоу.

К половине двенадцатого мы добрались в отель «Уолдорф Астория», заняв президентский люкс. Огромный номер с двумя спальнями, двумя ванными, персональной

кухней и личным спортзалом, столовой и гостиной. Еще чуть-чуть и я начну привыкать к такой жизни.

Оглядывая великолепие вокруг себя, я напредила себе, что все это временно, и мне не стоит слишком расслабляться. Главное, не терять бдительность. Как бы не поражаа меня стиль жизни Адама.

Я поняла, что у нас будут разные комнаты, когда Адам сказал, что я могу выбрать себе спальню. Я была благодарна за это, потому что мне требовалось собственное пространство, особенно, когда рядом такой человек, который удушает своим надзором.

Устроившись в очень красивой комнате в приятных лимонных тонах, я упала на ужасно удобную кровать и набрала номер Эмми.

Учитывая разницу во времени, в Чикаго сейчас было только одиннадцать часов. Наверняка подруги были на какой-нибудь пятничной вечеринке. Эмми ответила уже после второго гудка. Она обрадовалась, когда я сказала, что в полном порядке и просила передать Лорен, чтобы не волновалась за меня.

Попрощавшись с подругой, я решила исследовать свою роскошную ванную. Стоило моему взгляду упасть на гидромассажную ванну, как я тут же захотела оказаться в ней. После утомительной недели это был неплохой способ расслабиться.

Я как раз сняла свитер и расстёгивала джинсы, когда совершенно без предупреждения дверь открылась, и Адам вошел в комнату. Я вздрогнула и бросила на него убийственный взгляд.

— Ты ничего не забыл? Обычно люди стучат, прежде чем войти туда, где кто-то может как раз переодеваться, — едко заметила я.

Он вскинул на меня брови и его красноречивый взгляд сказал мне, что эти условности последнее, из-за чего он станет беспокоиться.

— Это для завтрашнего вечера.

Он положил большую бежевую коробку на постель. Потом не спеша подошел ко мне, коснувшись кончиками пальцев моего лица. Мое предательское сердце замерло, а во рту вмиг пересохло.

Черт возьми, почему его близость так действует на меня?!

Не хочу, а чувствую, как все внутри с трепетом сжимается, когда он рядом, вот как сейчас и не смотрит так, словно хочет убить.

Затаив дыхание, я ждала, что произойдет дальше. Вот Адам наклонился к моему уху и, щекоча теплым дыханием кожу, прошептал:

— Хорошо выпиcь. Завтра тебе понадобятся силы.

И улыбнувшись напоследок, вышел, прикрыв за собой дверь.

О Господи Боже!

На ватных ногах я подошла к кровати и, опустившись на покрывало, сняла крышку с коробки. Внутри оказалось умопомрачительное вечернее платье из черного кружева и черная бархатная маска.

Ну и что он задумал на этот раз?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Как ни странно, той ночью я спала хорошо. Даже прекрасно. После долгой расслабляющей ванны, стоило моей голове коснуться подушки, как сон тут же сморил меня.

Никакие тревожные сновидения не мучали меня, хотя накануне я долго рассматривала маску, принесенную Адамом, и гадала, что она должна означать.

Мы отправимся на костюмированный вечер? Но куда? И если уж честно, я не думала, что в случае Адама все будет так банально. Простой маскарад и он...

Маловероятно.

Тем ни менее, проснувшись утром следующего дня, я почувствовала себя как следует отдохнувшей. Не знала, какие планы у него были на день, но надеялась, что мне удастся погулять по городу. Прежде я уже бывала в Нью-Йорке, но с тех пор прошло шесть лет. В старшей школе на рождественские каникулы наш класс был здесь на экскурсии, но за два дня многое осталось так и не увиденным.

Набросив шелковый халат, который появился у меня так же благодаря Эллингтону поверх ночной сорочки, я вышла из комнаты, оказавшись в гостиной. Возле окна стояла покрытая белоснежной скатертью тележка, уставленная разными блюдами, графином с апельсиновым соком и кофейник.

Как человек, который каждое утро начинает с чашки кофе, я улыбнулась при виде последнего и, взяв кофейную чашку из фарфора, налила себе горячий напиток. Я успела сделать несколько блаженных глотков, когда появился Адам.

— Доброе утро. — Он одарил меня широкой, соблазнительной улыбкой. Я что-то пробормотала в ответ: совершенно не купилась на смену его настроения. Чувствовала, что Адам что-то задумал, а потому была начеку.

Неужели у него такое хорошее настроение из-за предстоящего вечера?

— Хорошо спалось?

Он бросил на меня быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц, наливая себе кофе.

— Угу.

Я медленно кивнула, совершенно сбита с толку. Его вид отвлекал меня, хотя мне и приходилось постоянно отдергивать себя.

А отвлечься было на что. Потому что мужчина только что вышел из спортзала, где, по всей очевидности интенсивно занимался. Его серая майка была со следами пота, а темно-синие адидасовские штаны сидели довольно низко, делая картинку неожиданно привлекательной.

Я тихо выдохнула, пряча покрасневшее лицо за чашкой. И почему она такая маленькая, совершенно ничего не скрывает!

— Ни о чем не хочешь спросить? — Он вскинул брови, с некоторым вызовом посмотрев на меня.

Ну, конечно же, он имел в виду маску! Наверняка думает, что я мучаюсь от любопытства. Я не собиралась доставлять ему такое удовольствие.

— Нет. — Я покачала головой, напустив на себя скучающий вид.

Адам ухмыльнулся.

— Хорошо. — Он отбросил белое полотенце, висевшее у него на шее, и быстро скинул спортивную майку, оставшись в одних штанах.

Я едва не издала стон.

Я такая слабачка!

— Пошли. — Он забрал чашку из моих рук и поставив ее на тележку, притянул меня к себе.

— Ку...куда? — Мой предательский голос дрогнул, стоило его рукам коснуться меня.

— Хочу, чтобы мы приняли душ вместе, — низким голосом пробормотал он, зарываясь пальцами в мои волосы.

Нет, правда, у этого человека раздвоение личности! Иначе как объяснить то, что в нем уживается темная жестокость, которую он уже не раз показывал мне и чувственная нежность, которую он так же периодически проявляет!

Это спутывало мои мысли. Я никогда не знала, чего ожидать от него. Не знала, каким он будет в следующий момент: нещадным тираном или ласковым любовником. Чем он одарит меня: кнутом или пряником.

Если это была его стратегия, то она срабатывала. К моему сожалению.

Адам отвел меня в свою ванную и, поставив лицом к зеркалу, стал мне за спину. Его руки не спеша развязали пояс моего халата, в то время как глаза ни на мгновение не оставляли моих глаз. Он наблюдал за мной и моей реакцией на то, что он делал со мной.

— Мне нравится твоя грудь, — тихим, интимным шепотом произнес он. Его руки приспустили шлейки сорочки, и моя грудь легла в его ладони, идеально помещаясь. — Она словно создана для моих рук.

Его теплое дыхание щекотало мою шею, и мурашки предвкушения разбегались по коже. Хорошо знакомое желание тянуло низ живота. Я чувствовала себя такой незащищенной и безвольной рядом с ним. Хотела бы я ничего не чувствовать, не ощущать сильнейшее возбуждение, которое он вызывал во мне. Но как подавить в себе это? Что еще ужасного он должен совершить, чтобы меня напрочь отвратило от него и его прикосновений?

Я боялась, что таких вещей просто нет. Я знала, что он был ужасным человеком. Разумом понимала, что с ним что-то не в порядке, что та тьма в нем должна заставить меня бежать на край света от него. Мои инстинкты должны кричать держаться подальше от этого мужчины с беспокойной душой. Но, черт возьми, я не могла!

Напротив, меня тянуло к нему. Все мое существо, каждая клеточка моего тела стремилась к нему в неизменном желании ощутить его ласку, удостоиться его внимания. Я становилась как та собачонка, которая ластиться к хозяину, который периодически поколачивает ее.

Было ли это нормально? Нет! Я знала, что то, что происходит далеко от нормального или понятного. То, что вызывал во мне Адам, пугало, заставляя мучаться угрызениями совести, стыдиться себя, но при этом желать этого больше и больше.

В этом не было логики. Но собственные чувства давно шли вразрез со здравым смыслом.

Шелк легко скользнул по телу, и сорочка упала на пол, к моим ногам. Руки Адама, умелые, искусные, путешествовали по телу, оставляя огненные следы там, где касались. Они гладили, ласкали, дразнили, вызывая во мне тихие тоны наслаждения.

— Чтобы между нами не происходило, Грейс, твое тело никогда не лжет. — Его потемневший от желания взгляд, словно проникал сквозь меня. — Ты хочешь меня, жаждешь моих ласк, и удовольствие, которое испытываешь, поглощает тебя с головой. Ты боишься, но знаешь, что уже ничего не можешь сделать с этим. Назад дороги нет. И ты никогда не будешь прежней.

Я хотела возразить, заявить, что он ошибается. Ложь, которую он легко разгадает. Так стоит ли тратить усилия? Ничего не значащие слова в пустоту, которые тут же будут опровергнуты реакцией моего тела, которое буквально льнет в поисках его прикосновений.

Адам развернул меня к себе, обрушая свой рот на мои губы в поглощающем, несдерживаемом поцелуе. Отчаянно, быстро, сминая мои губы, он целовал меня, подчиняя себе, вбирая в себя. Язык ворвался в мой рот, вступая в схватку с моим языком.

Его слова: правдивые, пугающие, безжалостно бьющие — они были не только обо мне. Все это происходило и с ним. Мы оба — грозящие потерять рассудок в этих ненормальных, странных отношениях. И если Адам уже был во власти своего безумия, то та же участь могла настичь и меня.

Неизбежность, против которой я боялась не выстоять.

Со мной на руках Адам вошел в душевую кабину, включив воду, и сильный поток брызг обрушился на нас. Поставив меня на пол, он взял бутылочку с гелем и, выдавив себе на ладонь, принялся осторожными, нежными движениями растирать по моей коже.

Ох, противоречивый, странный, сбивающий с толку Эллингтон. Что я была против него? Когда ни собственное тело, ни разум не желали слушаться, стоило ему проявить немного тепла и милости.

Его руки скользили по моему телу, задевая самые чувствительные точки, вызывая тихие стоны во мне. Он мягко прижал меня к стене душевой, опустившись на колени передо мной. Его взгляд: темный, дерзкий, вызывающий скользнул по моему покрасневшему лицу, прежде чем он закинул одну мою ногу себе на плечо, раскрывая меня.

Сквозь стиснутые зубы я втянула воздух в себя, которого так отчаянно не хватало. В поисках опоры уперлась руками в противоположные стенки душевой, покрытые конденсатом. Я вздрогнула и прикусила губу, чтобы не закричать, когда его язык коснулся нервной точки между разведенных бедер.

Он умело ласкал меня, то увеличивая напор, то ослабляя, кружа языком по зоне вокруг клитора, посасывая губами пульсирующий сгусток. Это заставляло меня дрожать от острого удовольствия, но не давало достигнуть пика. Стоило оргазму назреть в готовности накрыть меня с головой, как он тут же менял интенсивность, делая касания поверхностными, ленивыми.

Единственный парень, с которым у меня был подобный секс — это Джек, тот самый, ради которого я брала уроки стрип-дэнса. Не могу сказать, что все было замечательно, на самом деле, больше неловко. Поэтому мы не часто практиковали оральные ласки. Мне постоянно казалось, что Джек отправился в неизведанные воды и не знает, что делает. Его жесткий подбородок постоянно утыкался во вход, причиняя болезненные ощущения, но мне все время было неловко ему об этом сказать.

Сейчас подобных мыслей даже не возникало. О, Адам определенно знал, что делать и он делал, доводя меня до состояния кипения. Чувствовала, словно мое тело превратилось в желе, и может в любой момент растаять.

Не знаю, сколько времени длилась эта сладкая пытка, мой мозг отказывался соображать связно. Ноги грозили не выдержать и подогнуться, и я схватилась за плечи Адама, стараясь сохранить равновесие. Отчаянно не хватало воздуха, во рту пересохло от быстрого, жадного дыхания.

— Я... больше... не могу! — делая короткие паузы между словами, всхлипнула я. И тогда Адам сжалился надо мной, быстро доведя до конца. Сильный, сбивающий оргазм захлестнул меня, и мой рот открылся в немом крике.

Адам поднялся, подхватив мое дрожащее тело и приподнял, легко проникая в меня одним движением.

По моим щекам катились слезы, когда через несколько минут все повторилось, только на этот раз Адам разделил со мной невероятной силы блаженство и эйфории, охватившей нас в момент достижения полного удовлетворения.

И я безмолвно благодарила небеса, что мы в душе и моих слез не видно сквозь потоки воды.

Я ничего не могла с собой поделать, но без конца косилась на Адама, пялясь на него. Наблюдать за тем, как он глубоко задумавшись, рассматривает работы великих мастеров, было интересней, чем смотреть на сами картины. В белом вязаном джемпере, коричневых слаксах и своих очках в черной оправе он был невероятно стильным и привлекательным. А когда так увлеченно любовался картинами в Средневековом отделе Метрополитен-музея, еще и чертовски сексуальным.

Утренний совместный душ расслабил меня, хотя я и ругала себя. Периодически. Но как же легко было поддаться и просто получать удовольствие от города, стиля жизни, компании Адама, который превратился в обходительного, очаровательного и внимательного мужчину.

После того, как он вынес меня из душа, заботливо вытерев полотенцем, мы позавтракали в расслабляющей тишине и он предложил мне прогулку по городу. Не ожидая, что он пожелает тратить на меня целый день, я согласилась, плохо скрывая радость. Он удивил меня еще больше, разрешив выбирать места, куда я захочу отправиться. В первую очередь мне хотелось попасть в музей Метрополитен, но сейчас я совершенно не могла сосредоточиться на том, что окружало меня.

Со страхом я осознавала, что этот мужчина плотней занимает все мое внимание. Я готова была принимать от него все, как ласку, так и наказания. И то и то имело свою привлекательность, вызывая дрожь и волнение, оголяя каждый мой нерв.

Это было плохо. Плохо для меня, но что, если я больше не хотела отказываться от этого? Что, если его влияние на меня набрало ту силу, когда я больше не хочу избавляться от него?

Я почувствовала, как рука Адама коснулась моей, и он переплел наши пальцы вместе. Паника всколыхнула мою душу.

Мне понравилось чувствовать свою руку в его руке, понравилось, как наша кожа касается друг друга, как крепко и уверенно он держит меня!

Грудь словно стальным обручем сдавило, стало трудно дышать.

Господи, разве не должна я испытывать отвращение и ненависть к нему? Почему все внутри млеет от такого невинного, доверительного прикосновения? Почему пульс сходит с ума, а сердце пропускает удары?

Адам бросил на меня странный взгляд, но промолчал, отвернувшись почти сразу.

Он тоже это почувствовал? Разгадал, какой эффект имел на меня?

Не разговаривая, мы ходили среди прекрасных картин с вековой историей, поражающих своей красотой. Работы Халса, Ван Дейка, Тьеполо и Пуссена, а я не видела ничего. Голова шла кругом, хотелось забиться в темный угол и плакать и плакать от отчаянья, беспомощности, чувства уязвимости.

— Что ты делаешь со мной? — тихо прошептала я, в растерянности посмотрев на него.

— Чувствуешь, как твое сердце предает тебя, а разум упорно молчит, как бы ты не взывала к нему? — Он положил ладонь над моей левой грудью, но сейчас в этом не было ничего сексуального. Его голос и взгляд были серьезным.

Я молча кивнула; горло сдавил спазм, слезы задрожали на кончиках ресниц.

— Я уже давно испытываю это, Грейс. — Его губы дрогнули в невеселой улыбке. — Но не спрашивай меня, почему. Я не знаю ответа.

Я внимательно всматривалась в его глаза, пытаясь уловить ложь, лукавство, понять, не очередная ли это игра. Но нет, он казался таким искренним, как никогда прежде.

Его тоже волновало это, его потребность в этих болезненных отношениях. Необходимость, толкающая на жестокие поступки, вынуждая причинять муки.

— Почему я, Адам? Ведь твой выбор не был случайным?

Догадка: ранящая, тревожная, пугающая пронзила меня, словно поражающая стрела. Его глаза были ответом на вопрос, в то время как губы хранили печать молчания.

Я попятилась, вырвав руку из его ладони.

— Грейс. — С некой мольбой, которой ранее не было в его голосе, тихо позвал он, но не сделал попытки остановить меня.

Не оглядываясь, я поспешила к выходу из зала, а через несколько шагов сорвалась и побежала. Вырвавшись на улицу, сбежала по ступенькам, с каждой секундой все дальше отдаляясь от музея. Всего лишь раз оглянулась назад: Адам стоял на верхних ступенях, глядя мне вслед. Он мог бы догнать меня, бросившись за мной, но не стал этого делать.

С колотящимся сердцем, глотая морозный воздух, я завернула за угол и только тогда сбавила шаг. Мое пальто осталось в музее, и только когда перестала бежать, почувствовала проникающий сквозь свитер холод.

Слезы жгли щеки, и я утирала их рукавом, но они все катились и катились. Натыкалась на прохожих, спотыкалась, но продолжала двигаться дальше. Не знала, куда иду и что делать дальше, да и неважно было сейчас.

Чувствовала, что меня затягивает и я тону. Теряю себя, растворяюсь в этих сумасшедших отношениях, которые он предложил мне. Нет, просто навязал! Погружаюсь глубже и глубже без шанса когда-либо вынырнуть.

Слабачка! Всего два месяца потребовалось, чтобы сбить тебя с намеченного пути. Всего два месяца и ты уже боишься — да, да, боишься, хоть себе не лги! — того времени, когда надоешь ему, когда он выкинет тебя.

Что ты станешь делать? Помешаешься, попадешь в сумасшедший дом, спрыгнешь с моста, намылишь веревку?

Я с отвращением поморщилась. Нет, этого не случится. Только не так. Будет больно, я знаю. Я буду сломана, но жизнь не закончится. Я смогу подняться.

Черт возьми, я сильная! Жизнь столько раз била меня, но разве это лишило меня способности радоваться каждому дню, хотя по-настоящему радостных дней было не так много?

Я смогу жить дальше: без его присутствия, звука его голоса, прикосновений рук, которые опускают небеса на землю. Без его запаха, от которого внутри все сладко ноет.

Не знаю, сколько я так бродила, умываясь слезами от злости и беспомощности. Когда стало невыносимо холодно, зашла в какую-то небольшую кофейню, заказав большую порцию кофе. Я поняла, что заблудилась, но не спешила звонить Адаму. Он и так наверняка знает, где я.

Странно, что он еще не появился, кипя от гнева за мою выходку, и не тащит в комнату с цепями. Уверена, даже в отеле он может это устроить.

Только когда вторая порция моего кофе стала остывать, я достала телефон из кармана джинсов и набрала единственный имеющийся там номер.

Добравшись в отель, я тут же заперлась в своей комнате и, проглотив снотворное, которое мне доставили в номер, тут же провалилась в сон, предварительно поставив будильник на восемь вечера.

В машине мы с Адамом не разговаривали, он казался таким же замкнутым, как и я. Не

злился, не раздражался из-за моего побега, чего можно было ожидать от него. Прежде чем я ушла к себе, обронил, что в половине десятого мы должны выехать и на этом все.

После недавнего всплеска я чувствовала эмоциональное опустошение. Хотелось отгородиться от всего и Адама в первую очередь.

Моя жизнь катилась к чертям, мой мир переворачивался, всю меня, словно вывернуло наизнанку. И я не знала, как нажать на тормоз, чтобы остановить это, или хотя бы замедлить то, что неизбежно приведет к катастрофе.

Проглотив одну таблетку, я забралась в постель и накрылась с головой. Не заметила, как уснула, но казалось, что только прикрыла глаза, а будильник уже возвещает о том, что пора просыпаться. Действуя на автомате, приняла душ, высушила волосы, нанесла вечерний макияж. Вернувшись в комнату, осторожно надела приготовленное платье. Оно было длиною в пол, с длинным рукавом и глубоким декольте, одновременно и элегантное и сексуальное.

Мне нравилось, и я гадала, сам ли Адам выбрал его, или кто-то сделал это за него.

Доведя волосы до идеально гладкого состояния с помощью утюжка, я собрала их в низкий хвост, закрепив заколкой с сияющими камнями, конечно же, не настоящими, но от этого не менее красивыми. Подарок от Лорен на последний день рождения.

— Ты очень красивая.

Наши взгляды встретились в отражении зеркала. Я не стала ругаться, что он вновь вошел без стука. Это была такая ерунда по сравнению с тем, что случилось сегодня.

— Спасибо. — Мои губы едва дрогнули в улыбке. — Ты тоже хорошо выглядишь.

И это было преуменьшением, потому что в черном смокинге, белоснежной сорочке и галстук-бабочке он выглядел неотразимо.

Адам оттолкнулся от дверного проема и, пройдясь по комнате, поднял маску с постели.

— Я сохраню ее до нужного момента.

И скользнув по мне взглядом, смысл которого остался тайной для меня, он вышел из комнаты, позволив мне закончить приготовления.

Лимузин остановился возле трехэтажного особняка, освещенного мягким светом фонарей. Поездка напоминала проделанную сегодня днем: мы молчали, погружившись в свои мысли. Я чувствовала, как утренний настрой Адама пропал. Больше не было предвкушения и веселья. Хотела бы я знать, что происходило в его голове. Хотя, скорее всего, мне бы это не понравилось.

Прежде чем выйти из машины, он повязал маску на мое лицо, после чего надел свою.

Шофер раскрыл дверь, и Адам выбрался первым, подав мне руку. Придерживая меня за спину, провел сквозь кованые ворота, которые привратник распахнул перед нами. Мое сердце забилось быстрее, когда мы поднимались на каменное крыльцо. У высоких дубовых дверей стояло еще двое привратников, встречавших гостей. Адам показал им приглашение из плотной кремовой бумаги, достав его из внутреннего кармана.

Мы вошли в огромный мраморный холл, окунувшись в атмосферу таинственного праздника, где гости, облаченные в вечерние наряды с лицами скрытыми за масками, улыбались друг другу, ведя неспешные беседы.

В воздухе словно витало что-то греховное, некое предвкушение запретного.

Я чувствовала уверенность, исходящую от мужчины: очевидно, он не впервые был здесь. Несколько пар глаз обратилось к нам, проявляя интерес. Рука Адама все еще по-хозяйски лежала на моей талии, выдавая в нем собственника.

Я догадалась, что это за место. К своему прискорбию. Где-то в глубине дома слышались сладострастные стоны и вскрики. Но поняв, куда он привел меня, я мало удивилась.

Кажется, то, как живет этот человек все меньше и меньше поражает меня. И это не могло не волновать.

Адам взял два бокала с шампанским, поднесенным официантом в черной маске, коротких черных шортах и галстук-бабочке. Собственно, это все, что было надето на парне с телом атлета.

Я сделала два глотка, мечтая напиться, чтобы завтра не вспомнить этот дом и того, что еще увижу здесь.

Не верила, что Адам заставит меня заняться сексом с каким-нибудь незнакомцем. Нет, это же было одно из его чертовых запретов. Никаких других мужчин. И это был мой предел. Я просто сбегу отсюда, если он все же потребует это от меня.

Грациозно двигаясь и покачивая бедрами, к нам подошла высокая стройная женщина с блестящей черной гривой роскошных волос. Ее ярко-красное платье отливало сиянием в мягком приглушенном свете, а лицо скрывала маска из красного атласа, украшенная драгоценными камнями.

— Рада тебя видеть на своем вечере, дорогой, — грудным голосом обратилась она к Адаму, и они обменялись легкими поцелуями в щеку.

— Разве я мог его пропустить, Миранда? — Вежливым, светским тоном ответил ей Адам, и я с неким удивлением посмотрела на него.

Сколько граней скрыто в этом мужчине? Сколько еще мне предстояло открыть в нем для себя?

— Миранда, это Грейс, моя спутница. Грейс, это Миранда Уитер, хозяйка этого дома.

— Прекрасная молодая девушка. — Белоснежные улыбка женщины показались мне оскалом хищницы, когда она окинула меня долгим взглядом, от которого по коже прошелся мороз. — Невинный ангел, которого ты решил развратить? — Она игриво взглянула на моего спутника, и едва заметная улыбка скользнула по его губам. — Что ж, прошу. — Ее рука с длинными алыми ногтями махнула в сторону распахнутых двустворчатых дверей, сквозь которые лилась спокойная, размеренная музыка. — Будьте моими гостями и получите удовольствие от предстоящего вечера.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сказать, что я была в шоке, когда под руку с Адамом вошла в большую залу — это не сказать ничего. Никогда прежде я не видела ничего подобного, и надеялась, что никогда больше не увижу вновь.

— Что скажешь, дорогая? — Миранда одарила меня улыбкой, в которой читался скрытый вызов. — Бьюсь об заклад, даже в самых смелых фантазиях ты не видела ничего подобного.

Черт возьми, она была права!

До встречи с Адамом многие вещи даже не приходили мне в голову. А уж о том, что можно заниматься сексом в комнате, полной людей, которые с алчностью и жадной похотью пялятся на тебя... об этом и говорить не стоило.

Я почувствовала, как тошнота подкатила к горлу. Не знала, куда глаза деть, лицо стало пунцовым. И лишь внимательный, оценивающий взгляд Адама, устремленный на меня, не давал мне сбегать и спрятаться. Ведь именно этого он и ждет, моей капитуляции. Позорного побега, подстегнутого стыдом таким сильным, что не справиться.

Что ж, я готова была принять вызов. Справившись с первой волной отвращения, я вернула Миранде хладнокровную улыбку.

— Это верно. — Мой голос имел лёгкий оттенок игривости. — Но я открыта для новых горизонтов.

Я чуть не подавилась собственными словами, и лишь усилием воли не отвела глаз от парочки девушек, которые ублажали друг друга, лежа на столе, в то время как несколько десятков зрителей наблюдали за ними. Собственно, они были не единственными действующими героями в этой комнате. На одном из диванов полулежал мужчина среднего возраста, и маска была единственным предметом на нем. Его лицо корчилося от плотского удовольствия, в то время как молодая девушка обрабатывала его член.

Я знала, что никогда не решусь на такое. Да я скорее перегрызу себе вены на руках, чем займусь чем-то подобным на виду всех этих людей.

Но мне удалось сохранить лицо, и вскинутая в удивлении бровь Адама стояла того. Он уж точно не ожидал, что я так быстро возьму себя в руки. Возможно, рассчитывал, что ему придется принуждать меня, заставляя силой смотреть на чужие публичные сношения.

Я только надеялась, что Адам не бросится тут же открывать эти новые горизонты передо мной. С меня и этого было достаточно.

— Смелая девочка. — Миранда кивнула Адаму, признавая мою выдержку. Не думаю, что она купилась на мои слова, но оценила мою попытку не ударить лицом в грязь. — Не потеряй ее, дорогой. Она заслуживает более пристального внимания.

Я бросила украдкой взгляд на Адама, но он казался невозмутимым, пригубив свое шампанское. Если слова Миранды и подействовали на него, то он этого не показал. И заметив, что он практически не проявляет интереса к разыгравшимся порнографическим сценам, я внезапно ощутила радость.

Нет, на самом деле было здорово, что он не онанировал, как это делали некоторые мужчины.

Девушки, которые ублажали друг друга, наконец, закончили свое занятие, огласив приход оргазма громкими криками, и их место заняла другая парочка, уже не молодых мужчины и женщины.

— Супружеская пара, — доверительным шепотом поведала мне Миранда, — тридцать лет в браке. Кто знает, были бы они все еще вместе, если бы не этот клуб? — Она плавно повела плечом, усмехнувшись мне.

Я только молча кивнула: нет, ну а что тут можно было сказать?

— Дорогой, ты не против, если я ненадолго украду твою замечательную спутницу? — Сладким голосом поинтересовалась у Адама хозяйка вечера, взяв меня под руку.

Моим первым порывом было вырваться, но, не желая проявлять грубость, делать этого не стала.

Я бросила на Адама беспомощный взгляд: совершенно не хотелось уходить с Мирандой. Вообще отходить от него. С Эллингтоном хоть какое-то чувство защищенности.

— Конечно. — Его губы растянулись в кривой усмешке: он проигнорировал мой молчаливый сигнал, легко убрав ладонь с моей талии.

Мне ничего не оставалось, как последовать за Мирандой. Она провела меня через залу, и через арочный проход мы вышли в смежную комнату, по всей видимости, служившей бильярдной.

Ох, а здесь-то что творилось! Двое парней устроили настоящий «бутерброд» на

бильярдном столе, а зрелого возраста женщина служила начинкой. Еще какой-то молодой мужчина засаживал рыжей барышне прямо у стены.

Это было настолько отвратительно, пошло и неприятно, и я не знала, откуда беру силы не закрыть глаза. К моему облегчению, мы не стали задерживаться в той комнате, а прошли дальше, выйдя на застекленную веранду. Там, в большом джакузи, резвились парни и девушки, устроив настоящую оргию, и трудно было разобрать, где, чьи тела.

— Шокирует, не правда ли? — Миранда внимательно смотрела на меня, в то время как я не могла отвести взгляд от джакузи.

— Немного, — пробормотала я, чувствуя себя не в своей тарелке.

Черт возьми, что я делаю тут? Почему все еще продолжаю смотреть на эти извращения, а не бегу как можно дальше?

Тоненький противный голосок в глубине сознания шепнул, что мне все же любопытно. Наверное, все люди в той или иной мере любят наблюдать, но смелости признаться хватает не у всех.

Подумав так, я тут же отдернула себя.

Нет, никакого любопытства, никакого интереса! Это отвратительно, гадко и противно! Только полные психи идут на такое!

— Но, очевидно, это важно для Адама. — Миранда все еще продолжала без всякого стеснения смотреть на меня. Услышав его имя, я в ожидании продолжения посмотрела на женщину. — Ты первая, кого он привел сюда. — Ее глаза сверкнули веселым лукавством.

Ну, это стало настоящей новостью для меня. Даже не знаю, как это и расценивать. Но не думаю, что тут есть повод для радости.

Я хотела спросить, что же Адам делал в прежние свои посещения, но вовремя прикусила язык. Не уверена, что Миранда станет отвечать — наверняка все действия клиентов полностью конфиденциальны. Да и просто не хотелось высказывать чрезмерное любопытство.

— Как далеко ты готова пойти, Грейс? — Миранда с нескрываемым интересом посмотрела на меня. — Есть что-то, что ты хотела бы сделать в стенах этого дома?

— Думаю, я пока просто посмотрю, — нейтральным тоном ответила я. Не собиралась посвящать хозяйку вечера в то, что с радостью убралась бы отсюда немедленно.

— Что ж, я так и думала. — Она добродушно улыбнулась мне. — Пошли, у меня есть кое-что для тебя.

Мы вернулись в дом и, пройдя еще череду комнат, в которой разворачивались сцены достойные Содомы и Гоморре, вошли в кабинет Миранды.

— Человеку, который впервые оказался в месте, подобном этому, просто необходимо расслабиться с помощью этой удивительной штуки, — показав мне скрученную сигарету, взятую из небольшой шкатулки, засмеялась Миранда.

Женщина подкурила самокрутку и, сделав две большие затяжки, протянула мне.

Я в нерешительности смотрела на сигарету. Воздух наполнился характерным запахом травки.

— Это обычная марихуана. — Миранда дернула плечом. — На самом деле, очень хорошая марихуана. Мне ее предоставляет один благодарный клиент. Это поможет тебе успокоиться и не чувствовать себя такой напряженной.

Прежде я никогда не пробовала курить травку, хотя на вечеринках, которые посещала, некоторые ребята увлекались этим делом. Но сейчас, по сравнению с тем местом, где я была,

марихуана казалась довольно невинным делом.

Мне и правда, не мешало немного расслабиться, чтобы пережить этот вечер.

Решившись, я взяла сигарету и сделала первую осторожную затяжку. Легкие тут же запекло, и я закашлялась.

— Осторожней, не торопись. — Миранда пару раз хлопнула меня по спине.

Послушавшись, я неторопливо и глубоко затянулась, и так же плавно выдохнула. Через десять минут от сигареты почти ничего не осталось, причем большую часть выкурила я.

Ух ты ж, вот это я понимаю, новые горизонты! Мир передо мной словно потерял свои четкие очертания и поплыл. Или это я поплыла. Стало легко и отчаянно хотелось смеяться. Я полностью расслабилась, казалось, даже кости стали мягкими. Мое тело будто стало невесомым, и легчайший порыв ветра мог унести меня за облака.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Другое дело, правда? — Миранда, лицо которой так же стало какой-то абстракцией, с улыбкой смотрела на меня.

— Да! — Я резко тряхнула головой и, испугавшись, что она отвалиться, хихикнула. — Спасибо. — Я с такой признательностью посмотрела на Миранду, словно она пожертвовала мне одну свою почку. — Это здорово. Правда, здорово.

Я точно не знала, что имею в виду, но в данный момент мне было так хорошо и легко, что я готова была благодарить и обнимать каждого, кто встретиться мне на пути.

— Думаю, пора вернуться к Адаму. — Женщина подмигнула мне, и я прищурилась, потому что мне серьезно показалось, что у нее появилась лишняя пара глаз. — Он наверняка ждался тебя.

Тем же путем мы вернулись в большую залу и вид совокупляющихся тел больше не вызывал отвращение. Он завораживал, привлекал, казался чем-то невероятным, заманчивым.

— Они такие смелые, — с чувством призналась я своей новой знакомой, и улыбка скользнула по ярким губам женщины.

Я ощущала, как нечто первобытное, неудержимое, темное просыпается во мне. Словно все самые темные мысли разом вышли наружу, подчиняя своей воле. Оковы рушились, рассыпаясь в пепел, освобождая дикие, смелые фантазии.

Разум уснул, балом правили эмоции и инстинкты. Внутренний тормоз исчез и уверенность, что мне подвластно все, затопило от макушки до самых стоп.

Глазами отыскала Адама. Он стоял в обществе статной блондинки в длинном серебристом платье и такой же маске с перьями. Их головы были близко придвинуты друг к другу, а разговор казался очень интимным. Он что-то прошептал ей на ухо и, откинув голову, девушка довольно рассмеялась.

Жгучая, яростная волна ревности нахлынула на меня, поглощая с головой. В ушах заревело.

Сука! Тварь! Как смеет она тереться об того, кто ей не принадлежит! Нет, драная ты коза, он мой! Мой!

Вскинув голову, решительным шагом направилась в их сторону. Адам поднял голову, заметив мое приближение, и я с ликованием уловила изумление в его глазах.

Я налетела на него, схватив за волосы, обрушая свои губы на его рот. Быстро и яростно целовала, и он отвечал, тут же включившись в игру. Мы, словно обезумевшие, сумасшедшие, изголодавшиеся целовались, поглощая друг друга, выпивая до дна. Комната, звуки в ней, люди исчезли, растворились и пропали. Не было ничего. Обрушья небеса на землю в этот

момент, мы бы и не заметили.

Тело Адама придавило меня к стене, горячие ладони скользили по телу, обжигая кожу даже сквозь ткань платья. Я выгибалась, желая быть ближе, чувствовать его всего, желая слиться с ним, впиться в него.

Я сходила с ума от сильного, чистого желания обладать этим мужчиной. Желания, чтобы он обладала мной, отдаться ему без остатка. Пусть выпьет меня до капли, пусть осушит до дна. И если потом я стану пустой, то сейчас, эти мгновения блаженства и экстаза стоят этой цены.

— Давай, покажи мне то, зачем мы здесь. — Я с трудом оторвалась от Адама, чтобы глотнуть воздуха. Моя грудь быстро поднималась и опускалась от поверхностного, учащенного дыхания. Облизнула губы, и он проследил за этим движением с голодным, темным выражением на порочном лице. — Для тебя важно это, не так ли? — Я с вызовом смотрела на него. Придвинувшись к его уху, быстро зашептала. — Это место, где ты можешь не сдерживать свои самые запретные, самые грязные и порочные фантазии. Я хочу узнать о них. Покажи мне себя, Адам.

Он взглянул на меня сквозь полуопущенные ресницы, криво усмехнулся и кивнул.

— Мы здесь не ради меня, Грейс, — тихим низким голосом прошептал он. — Это все, — он обвел рукой комнату, — чтобы испытать твои пределы. На что хватит твоей смелости? — Он схватил меня за хвост и, не причиняя боли, притянул к себе. Его теплое дыхание щекотало мне шею. — Как далеко ты готова зайти?

Его голос звучал так интимно, искушающее. И если бы не выкуренная марихуана, отключившая мои тормоза, я бы никогда не решилась на то, что случилось дальше.

— Так испытай меня. — Я нахально взглянула в его глаза и, поддавшись вперед, просунула колено между его ног. — Я хочу этого.

Серые глаза Адама полыхнули греховным блеском. Он развернул меня лицом к комнате, встав мне за спину. Его руки легли на мою талию и, склонившись к моей шее, он прошептал:

— Выбери любую. Кто тебе нравится. Та блондинка, или возможно, шатенка на кресле? — Он по очереди указывал мне на девушек. — А может, эта рыжая, вид которой буквально кричит о том, чтобы ее трахнули?

Он был как самый настоящий змей-искуситель, который предлагал мне запретный плод. Я никогда не замечала за собой тяги к девушкам, но сейчас, когда он предлагал мне выбрать, все внутри меня сжалось от странного предвкушения запретного. Трепет прошелся по телу, я была во власти самых темных, низменных инстинктов, но не могла протестовать им.

Я не хотела сопротивляться.

В волнении приоткрыв губы, чувствуя мягкие поглаживания Адама, я рассматривала девушек. Все они казались красивыми, и любая могла подойти нам.

— Она. — Я указала на шатенку. Девушка, расслабленно восседавшая в кресле, со спокойствием наблюдала за тем, как один мужчина стегал другого плеткой.

Дьявольская улыбка тронула губы Адама, прежде чем он неторопливо подошел к девушке и нагнувшись, что-то шепнув ей на ухо. Она бросила любопытный взгляд на меня и кивнула.

Мое сердце чуть из груди не выскочило, когда Адам вернулся и, взяв меня за руку, вывел из залы. Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж, оказавшись в длинном коридоре. Некоторые двери в комнаты были открыты и, проходя мимо, я видела, как пары и группы людей предаются сексуальным утехам.

Это рассмешило меня и, не сдерживаясь, я смеялась так, что Адаму едва не тащить меня пришлось.

Мы вошли в одну из свободных комнат. Он тут же захлопнул дверь за нами, и с грацией хищника приблизился ко мне.

— Кажется, кто-то выкурил слишком много марихуаны, не так ли? — Он снисходительно выгнул брови на меня, и я закусил губу, чтобы вновь не зайтись в приступе смеха.

— Совсем чуть-чуть. — Я покачала головой, бросая на него соблазнительные, провокационные взгляды.

— Ты совсем не умеешь врать. — Адам усмехнулся, притягивая меня к себе. Стянув с меня заколку, он взъерошил мои волосы, зарываясь в них пальцами.

— Нет, — согласилась я, извиваясь в его руках и облизывая губы. — Совсем не умею.

— Ты нравишься мне такой. — Выдохнул он в мои волосы. — Безрассудная и дерзкая. Это заводит.

Его голос был насыщен похотью, откровенным желанием. Адам спустил верх моего платья, лаская грудь сквозь тонкий атлас бюстгальтера. Откинув голову, я прикрыла глаза, наполняя комнату тихим стоном.

Сейчас я нуждалась в нем как никогда прежде. Я жаждала его прикосновений, его ласк, его слов, сказанных шепотом в момент, когда он будет двигаться во мне.

Раздался тихий стук в дверь, прервавший нас. Оставив меня, Адам пошел открывать. Я едва подавила протестующий звук.

Я уже и забыла про девушку, которую сама выбрала. А это была именно она. Адам впустил ее, но возвращаться ко мне не торопился.

— Я Моника, — приятным голосом представилась незнакомка за темно-синей маской. У нее была хорошая фигура с женственными формами, которые соблазнительно облегал атласное платье цвета электрик.

— Грейс. — Я улыбнулась новой знакомой, чувствуя подъем и эйфорию от того, чем мы собирались заняться.

Мы были незнакомцами, которые встретились для одного вечера, в котором нет запретов и условностей, чтобы возможно больше никогда не увидеться.

Девушка приблизилась ко мне и, протянув руку, коснулась моей щеки. Потом нагнулась и в легком поцелуе коснулась моих губ.

Дрожь восторга пронеслась по телу. Одна мысль о том, что Адам увидит, как мы с ней ласкаем друг друга, возносила меня на небеса.

Я отбросила последние крупы стыда и нерешительности, отвечая на поцелуй Моника, прижимаясь к ее телу, поглаживая ее крепкую грудь.

Она убрала мои волосы с одного плеча, мягкими поцелуями покрывая мою шею. Я стояла лицом к Адаму, который расслабленно сидел в кресле, сквозь полуприкрытые глаза наблюдая за нами.

— Этого ты хотел? — хриплым голосом спросила я, выдерживая его взгляд. — Это тебе нравится? — Мои губы искривились в вызывающей ухмылке. — Хотел проверить мои пределы? Ну, так смотри.

И отвернувшись от него, я схватила свою случайную спутницу за затылок, сминая ее губы в страстном поцелуе, проникая языком в ее рот, толкая в сторону кровати.

Я испытала настоящее ликование, чувство победы, прежде чем ощущения захватили

меня, унося все связные мысли прочь.

Возвращение на землю было болезненным. Мой разум прояснился, а с ним вернулся и стыд с глубоким чувством вины.

Господи, что же я наделала? Как теперь смотреть на собственное отражение, после того, что сделала?

Я забилась в угол лимузина, желая провалиться сквозь землю, исчезнуть, не быть.

Как я могла? Заниматься сексом с девушкой, незнакомкой! На глазах у этого монстра, желая что-то доказать ему.

Молодец, доказала так доказала!

— Прекрати это, — коснувшись меня, со вздохом произнес Адам.

— Отвали от меня! — рывкнула я, отталкивая его руку. — Ты, гребаный извращенец! — Со слезами на глазах я зло взглянула на него. — Если бы не потащил меня в этот притон, ничего бы не случилось!

— Случилось что? — Он дернул плечом, повысив голос. — Не делай из этого трагедию. Считай это просто экспериментом, опытом, выходящим за узкие рамки ограниченности. — Он в волнении провел рукой по волосам. — Какого черта ты психуешь?

— Какого черта я психую? — Мой голос сорвался на визг, глаза опалили его ненавистным взглядом. — Ты, чья жизнь один порок и разврат может, и не понимаешь, почему я психую! Но это было отвратительно! Мерзко и если бы не твоя долбаная Миранда с ее марихуаной, я бы никогда не докатилась до такого!

Я зажала рот ладонью, больше не сдерживая слез. Я была разбита, зла и взвинчена. Адам был не единственный, кого я обвиняла. Я, я сама была виновата в этом так же! Зачем я согласилась выкурить тот косяк, который на время сделал меня невменяемой?! Несколько часов мнимой свободы от предрассудков не стоили того, чтобы сейчас корчиться в муках совести.

— Тебе понравилось! — Сорвавшись, заорал Адам. — Твою мать, тебе это понравилось! Не говори сейчас, что это не так! Не будь долбаной ханжой, Грейс. Я не толкал тебя в койку к этой девке. Я не заставлял тебя трахаться с ней! Мне на хер не нужно сейчас твое чувство позднего стыда и раскаянья! Оставь это дерьмо при себе!

Он зло смотрел на меня, пока я, зажимая рот рукой, тихо вышла от глубокого отчаянья. В этот момент лимузин затормозил перед отелем и, не дожидаясь шофера, я распахнула дверцу, побежав к входу. Я промчалась по вестибюлю, забежав в первый свободный лифт, и дрожащими руками стала нажимать все кнопки подряд.

Слезы заливали лицо, когда я добралась до номера, но ключ-карта была у Адама, и мне ничего не оставалось, как ждать его. Привалившись к стене, я сползла вниз, обхватив руками колени и уткнувшись в них лбом.

Я чувствовала себя грязной и мерзкой. Таким же уродом, каким был Адам.

Медленно, но я становилась похожа на него. Становилась такой, какой он хотел меня видеть.

— Войди внутрь, — отперев дверь, велел мужчина.

Я все еще сидела у стены и лила слезы в тонкий материал своего платья.

Когда я не послушалась, он сгреб меня и особо не церемонясь, втащил в номер. Поставил меня на пол, и отошел, раздраженно глядя на меня.

Его плечи дрожали от напряжения, тяжелое дыхание вырывалось из груди.

— Бл*дь! — сквозь зубы выругался Адам, с силой стукнув кулаком в дверь своей

спальни.

Я вздрогнула. Он был таким злым, а мне было так хреново и гадко, что плевала я на его злость. Мне нужен был конфликт, потому что иначе я захлебнусь в раскаянье от того, что пала так низко сегодня вечером.

— Объясни мне, почему ты такой урод? — Я усмехнулась сквозь слезы, разведя руками в стороны. — Откуда в тебе это извращение, желание всех вокруг себя развратить и испоганить? Потому что я не понимаю! Я, мать твою, не понимаю тебя! — Я срывала голос, крича на него. — Почему ты не можешь быть нормальным? Почему ты такой еб*тый на всю голову извращенец?

Взгляд Адама стал темнее грозового неба, на скулах выступили желваки. Он упер руки в боки, тяжело дыша сквозь ноздри.

— Грейс, — предупреждая, с тихой угрозой в голосе произнес он мое имя. — Остановись.

— Пошел к черту! — Я вытянула руки, толкая ладонями его в грудь. Я почти хотела, чтобы он дал сдачи мне, наказал меня. Я заслужила это! Сейчас я чувствовала, что заслужила это. — Пошел к черту, — сквозь зубы с вызовом повторила я. — Давай, ну же, ударь меня! Тебе же хочется, давай, ударь!

Я еще раз толкнула его, вложив всю свою силу, но он лишь качнулся.

— Мерзкий, никчемный урод! — презрительно выплюнула я.

Глаза Адама были сумасшедшими, безумными. Я усмехнулась, считая, что сейчас он точно ударит меня.

Не ударил. Одной рукой толкнул так, что я полетела на диван, стоящий сзади. Дрожа всем телом, клоча от злости, он нагнулся ко мне, схватив за волосы и больно дернув. Я была на таком взводе, что почти ничего не почувствовал.

— Сука, закрой пасть! — сквозь зубы прошипел Адам, и грубо оттолкнув меня, ушел на кухню.

Нет, я еще не готова была закончить схватку. Ярость кипела во мне, адреналин бежал по венам. Я не знала, чего именно добиваюсь. Просто хотела причинить ему боль. Сделать так же больно, как было мне.

— Думаешь, стоит тебе приказать, как я заткнусь? — насмешливо фыркнула я, последовав за ним. — О, ты привык, что тебе подчиняются, прыгают так высоко, как ты велишь. Не так ли? Знаешь кто ты? — Я сделала несколько шагов в его сторону, с отвращением глядя на него. — Ты — никто. Ты — это пустая оболочка, красивая, но бездушная оболочка без содержания. Ты кичишься своей властью, своим положением, запугиваешь людей, подчиняя их силой. Но внутри ничего нет. Ради чего ты живешь? — Я дернула плечами, безжалостно усмехнувшись. — Самоутверждаешься за счет менее сильных, и в этом твоя слабость. Ты просто слизняк, который ничего не заслуживает кроме презрения и жалости. Больной на всю голову сумасшедший, место которому в лечебнице!

Адам бросился ко мне, схватив за горло, и со всей силы припечатал меня к стене. Горящие дикостью глаза сверлили мое лицо, и если бы взгляд мог убивать, я бы уже была мертва.

Я не могла дышать, в поисках воздуха открывала рот, но он передавил горло. Хрипела, пытаюсь отцепить его сжатые пальцы, удерживающие меня.

— Тварь, я убью тебя! — с яростью зарычал он, не реагируя на то, что я задыхалась. — Вышибу твои дерьмовые мозги, сука!

Мужчина схватил меня за волосы, дернув так, что я упала на колени. Слезы боли обожгли глаза, но я наконец-то могла дышать. Закашлявшись, я жадно глотала воздух. Горло саднило и пекло.

Он протащил меня по полу, крепкой хваткой держа за волосы. Приличный клочок точно останется в его руке. Каблуки запутались в платье, разрывая его.

Отшвырнув меня в угол, словно я была мешком с мусором, он нагнулся, размахнувшись, чтобы вклепить пощечину.

И я сломалась. Обхватила голову руками, рыдая навзрыд. Вопль страха и боли вырвался из моего горла, меня затрясло в накатившей истерике.

Удара не последовало. Адам отшатнулся от меня и, закричав в бессильной ярости, схватил самый большой нож из набора на кухонной стойке. Его тяжелый взгляд безумных глаз был устремлен на меня. Мои глаза в ужасе распахнулись, и я забилась в угол, моля Бога, чтобы он спас меня.

Господи, он собирался зарезать меня этим ножом!

Несколько секунд мы в полном молчании смотрели друг на друга, и только наше тяжелое дыхание нарушало тишину. Время словно замерло, все вокруг остановилось.

Мысленно я уже прощалась с жизнью, но то, что случилось в следующий момент, я никак не ожидала.

Сжав челюсть, Адам приложил нож к своей ладони, и крепко зажав лезвие, резко дернул вниз. Его лицо исказилось, но он не издал ни звука, прикрыв глаза.

Я перестала дышать, наблюдая, как алая кровь заливает его одежду и пол под ногами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Вот и все.

Доктор Флетчер, работающий при отеле, закрыл свой медицинский чемоданчик и поднялся со стула.

— Главное теперь не напрягайте руку, чтобы швы не разошлись. И не увлекайтесь алкоголем. — Доктор серьезно посмотрел на Адама поверх очков-половинок. — Меняйте повязку каждый день.

Это уже относилось ко мне, и я кивнула с понимающей улыбкой. Не стану же я объяснять этому седовласому мужчине в возрасте, что наши встречи с унылым пациентом в кресле носят периодический характер.

— Пусть выпьет две таблетки, когда укол пройдет, — протянув мне баночку с обезболивающими таблетками, наставительно произнес доктор.

— Спасибо, доктор Флетчер, — с искренней признательностью сказала я, провожая его к двери. Прежде чем доктор удалился, я дала ему чаевые и, попрощавшись, закрыла дверь.

Я боялась этого момента, когда мы вновь останемся наедине. После того, как Адам порезал руку, наш запал полностью пропал. Словно из воздушного шарика вмиг воздух выпустили.

Немного отойдя от шока, я бросилась к нему, зажав рану чистым полотенцем, и позвонила на ресепшен, чтобы прислали врача. Моей злости как не бывало, я думала только о его раненой руке и как ему должно быть больно. Но реакция Адама просто поражала. Он казался полностью безучастным, никак не выдав, что ему больно, хотя и не противился моей помощи.

Я не могла понять, зачем он сделал это. Это было таким... ненормальным, пугающим. Какой человек в разуме станет намеренно резать себя?

Сейчас, когда в номере были только я и он, невозможно было игнорировать случившееся. Я долго смотрела на него, но он казался таким отстраненным, словно был где-то далеко отсюда.

— Зачем ты сделал это? — сделав несколько шагов к нему, тихо спросила я.

Он скользнул по мне пустым взглядом, но тут же отвернулся, приложившись к бутылке со скотчем.

Я вздохнула, прекрасно понимая, что он не хочет говорить со мной. Да, сегодня я перегнула палку, сыпая обвинениями на него. Я уже раскаивалась в том, что упомянула сумасшедший дом в запале. Наверняка в свете того, что его мать пациентка лечебницы, эта тема для него особенно болезненная.

Даже к Адаму я не хотела относиться с такой агрессией.

— Извини меня, — опустив голову, виновато произнесла я. Мне нелегко было озвучить эти слова, но я знала, что он должен услышать их.

Он хмыкнул, но ничего не ответил. Поднявшись с кресла, отправился к себе в комнату, на ходу расстегивая одной рукой испачканную в крови рубашку.

Я поморщилась, следуя за ним. Это не будет легко. Вот чего я не ожидала, так это того, что стану просить прощение перед Адамом. Но мне важно было, чтобы он простил меня. К сожалению, это так, и признавшись себе в этом, я поняла, что данное обстоятельство не слишком пришлось мне по душе.

— Ты злишься, я понимаю. — Я старалась не выдавать своего сочувствия, видя, как морщиться Адам, переодеваясь в футболку. — Ты имеешь право. Но ты должен знать, что мне жаль из-за тех слов, что я наговорила тебе в запале.

Он наконец-то посмотрел на меня, и к моей радости, в его взгляде мелькнули хоть какие-то эмоции.

— Грейс, я не злюсь, — покачав головой, спокойно возразил Адам.

Я нахмурилась, не понимая, зачем он лжет.

— Злишься, не отрицай. — Я взмахнула рукой. — И я повторю, что ты имеешь полное право на это. Мои слова были не допустимы и...

— Грейс, — твердо посмотрев на меня, перебил мужчина, — я, правда, не злюсь. Если бы я злился... — Он сделал паузу, покачав головой, — мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

— Ладно, тогда скажи мне, что это было. — Я дернула плечами в полной растерянности.

— Я не хочу говорить об этом. — Он сел на кровать, непреклонно посмотрев на меня.

Мне не хотелось создавать новый спор, ведь вечер и ночь выдалась еще те. Адаму требовался отдых, да и мне тоже. Слишком много эмоций было пережито за последние несколько часов, и мы оба были изрядно измотанными.

Но я так же знала, что не смогу уснуть, пока он хоть как-то не объяснит свой поступок. Потому что я совершенно не готова была к тому, что он сделал. И я хотела знать, чего в дальнейшем стоит ожидать. Не носит ли это систематический характер?

— Послушай. — Я подошла к нему и, положив руки ему на плечи, осторожно села на колени. Радовало и то, что он не спихнул меня тут же. — Ты напугал меня, очень напугал, — мягким голосом призналась я. — И я просто хочу знать, стоит ли мне ждать подобного в будущем? — Я нервно усмехнулась под внимательным взглядом Адама. — Это было... Не знаю, ты сделал подобное впервые?

Я наблюдала за лицом Адама, и поняла сразу же, что это не был первичный случай.

Вот черт!

И тогда мне еще кое-что стало понятно. Это было только лишь предположение, а потому я с опаской спросила у него:

— Адам, ты порезал себя, чтобы не причинить вред мне?

— Грейс, я, правда, очень, очень не хочу говорить об этом.

Его губы вытянулись в жесткую линию, и он ссадил меня со своих колен, но я успела заметить уязвимость, мелькнувшую на его лице.

В этот момент Адам Эллингтон стал мне ближе. Я прямо почувствовала это, что-то теплое в сердце по отношению к этому сложному, непонятному и на самом деле, несчастному мужчине.

Поднявшись, он прошел к окну, проведя в нервном жесте здоровой рукой по волосам.

Кажется, я нащупала его слабое место. Это одновременно и расстраивало меня и радовало. Все же хорошо было узнать, что у такого человека есть свои слабые места. Да, я бы предпочла, чтобы они выражались в чем-нибудь другом, но Адам был непростым мужчиной и уж точно не похожим ни на одного из тех, кто когда-либо встречался мне. И я готова была спорить, что больше никогда и не встретиться.

Он стоял спиной ко мне, совершенно отчужденный. По тому, как натянулась ткань футболки на мышцах, я видела, в каком напряжении он находится. Что ж, сейчас я могла только уйти и оставить его наедине со своими мыслями.

Прежде чем выйти, я помедлила у двери, а потом сказала:

— Мы не сможем долго балансировать на грани, Адам. В один момент мы просто сгорим.

Я знала, что он слышал меня, хотя ничего не ответил.

Вздохнув, я вышла, тихо прикрыв дверь за собой.

Следующее утро выдалось совсем не таким, как предыдущее. Я долго не могла уснуть ночью, ворочаясь с боку на бок, под атакой назойливых мыслей. Адам тоже спал плохо, я слышала, как он несколько раз выходил из комнаты. Надеялась только, что не из-за походов к бару. Я оставила пузырек с таблетками на его тумбочке у кровати, в надежде, что он выпьет их, когда станет больно, а не будет, как мазохист терпеть мучения.

Теперь, когда его личность открылась мне немного больше, я бы этому не удивилась.

Из кровати я выбралась с ощущением, что по мне проехался мусоровоз, а может, и не один. Добравшись до ванной, долго простояла под горячим душем. Прохладный был бы сейчас предпочтительней, но я с трудом переносила холод.

Я пыталась блокировать воспоминания вчерашнего вечера. То, что случилось клубе. Это все еще беспокоило меня, но выходка Адама с ножом как-то отстранило все на задний фон. Взяв волю в кулак, я пообещала себе, что пока дам себе передышку в самобичевании за то, что совершила с совершенно незнакомой девушкой.

Я должна похоронить это как одну из самых глупых ошибок, закапав ее так глубоко, как только смогу.

Знаю, что обвиняла во всем Адама, но, в конце концов, что он сделал — привел меня в это странное место? Не он заставлял меня выкуривать ту марихуану, и не он настаивал на сексе с той девушкой. Да, он предложил, но ведь не заставлял.

На эмоциях я наговорила ему так много того, что сегодня хотела бы забрать. Но было поздно, и теперь мы просто должны были двигаться дальше, сделав вид, что ничего не

случилось.

Я не знала, как у нас это получится. Но если мы застрянем на этом, то к чему в итоге придем?

Приведя себя в порядок и надев голубые треники с белой футболкой — надевать что-то более привлекательное настроения не было — я вышла из комнаты, почувствовав, как мое сердце предательски замерло. Я не знала, в каком состоянии и настроении обнаружу Адама. Жизнь рядом с этим человеком была похожа на пороховую бочку, которая периодически взрывалась. Но странным было то, что я уже начинала привыкать к такому положению.

Завтрак уже ждал меня, а потому я сразу же налила себе кофе и взялась за все еще горячий круассан, только теперь почувствовав, как сильно проголодалась.

Признаков присутствия Адама нигде не наблюдалось. Я решила, что в номере его вообще нет, но минут через пятнадцать, когда я уже заканчивала завтракать, он вышел из своей комнаты, при полном параде. Светло-серый костюм с галстуком и белоснежной рубашкой, как и все сидели на нем идеально.

Я подозревала, что все его костюмы сшиты на заказ у дорогого портного.

— Мне нужно уехать по делам, — даже не взглянув на меня, сообщил Адам. — Рейс в семь, из отеля нужно выехать в пять. До того времени можешь быть свободна.

Я закатила глаза: полностью контролирующей себя, хозяин всех и вся вновь вернулся. Но теперь я понимала причину тому. Адам был смущен тем, что я догадалась о причине его поступка, и я видела на мгновение проступившую уязвимость. Он не был бездушным, каким хотел показаться.

Теперь я это знала.

— Вот, это если захочешь куда-то пойти. — Он положил золотую кредитку передо мной, впервые взглянув на меня.

Я молча кивнула, даже не став спорить. Не хотелось показывать, как я была разочарована тем, что он оставляет меня одну. Еще неделю назад я бы обрадовалась возможности погулять по городу без его присутствия; просто тому, что он оставил меня в покое.

Адам ушел, а я еще долго сидела над чашкой с остывшим кофе, кусая губы в растерянности и смятении. Я была расстроена, подавлена, и просидеть целый день в номере было плохой перспективой.

Чтобы совсем уж не поддаваться хандре, я переоделась в джинсы с кроссовками и отправилась на прогулку по Манхэттену, купив сувениров для бабули, Лорен и Эмми. Зашла в фотогалерею, где была открыта выставка молодого фотографа и для поднятия настроения купила одну черно-белую фотографию вида раннего утра над озером.

Погода выдалась морозной и скоро я решила вернуться в отель, собираясь посетить СПА-салон. В последний раз я так баловала себя больше года назад. Нам тогда с девчонками подарили скидочные сертификаты в один только что открывшийся массажный салон, и мы не пропустили такую возможность.

Странно, у меня была золотая кредитная карта Адама и я могла тратить деньги, потому что он дал на это свое разрешение, но мне абсолютно не хотелось ничего покупать. Красочные витрины магазинов, брендовые бутики манили к своим дверям покупателей, но я равнодушно проходила мимо, не чувствуя в себе никакого желания войти.

Мое обычно оптимистическое настроение было на нуле.

Проведя несколько часов в шикарном СПА-салоне при отеле, и воспользовавшись

практически всем спектром услуг, мой дух немного воспрянул.

Чувствуя, как напряжение ушло из моих мышц, я решила не останавливаться на этом, и следующим местом моего назначения был салон красоты. Чудный мастер Паоло, который не давал мне заскучать своими остротами и расспросами о Чикаго сотворил нечто удивительное с моими своевольными волосами. После его работы они стали очень мягкими и гладкими, как шелк. Он придал им немного другую форму, а после осветлил несколько верхних прядей.

Сердечно поблагодарив его, я оставила щедрые чаевые — грех было бы не оставить, с золотой кредитной картой-то — и поднялась в номер. До отъезда оставалось чуть более часа, и мне еще нужно было собрать вещи.

Чувствуя легкий подъем от прошедшего дня, я открыла дверь, надеясь, что Адам уже вернулся. Я хотела преодолеть это его отчуждение, возникшее после вчерашнего вечера. Чувствовала, что мне самой это надо.

Из гостиной послышался смех и я насторожилась. Смех был женским. С замершим сердцем пошла на звук, боясь того, что увижу.

Ничего ужасного, во всяком, случае, Адам и молодая девушка, лицо которой показалось мне знакомым, были одеты. Они сидели на диване, достаточно близко, но не касались друг друга. Адам улыбался, а она хохотала так, словно он сказал нечто забавное.

Игла ревности кольнула в сердце: плохи мои дела, это я уже поняла.

— А вот и Грейс, — заметив меня, без тени смущения произнес Адам.

Девушка посмотрела на меня и широко улыбнулась.

— О, привет! — Она легко вскочила с дивана и подала мне руку. — Адам рассказывал о тебе.

Я с натянутой улыбкой перевела взгляд на мужчину и не удержалась от скептического замечания:

— Неужели?

— А я Джиллиан.

— Очень приятно, Джиллиан.

Я с преувеличенным восторгом затрясла ее руку. Девушку я узнала, она была фотомodelью, которую я часто видела в модных журналах горами скупаемыми Лорен.

— К сожалению, не могу похвастаться тем же, Адам о вас ничего не рассказывал. — Я в упор посмотрела на Эллингтона, скрывая боль, которая раздирала меня изнутри.

— Ну, я бы с удовольствием еще задержалась и поболтала с вами, но мне пора бежать. — Джиллиан состроила забавную мордашку и развела руками. — Съёмки.

Наблюдая за тем, как она наклонилась, чтобы поцеловать Адама в щеку на прощание, я поняла, что завидую ей. Куда мне было тягаться с такой девушкой? Чертовски красивая, сексуальная фотомodelь, которая так легко и задорно смеется в обществе Адама. Очевидно, свою темную сторону он показывает только мне.

— В следующий раз, как приедешь в Нью-Йорк, позвони мне пораньше, — подмигнув ему, пропела Джиллиан и, махнув мне на прощание, унеслась прочь.

Потухшим взглядом я смотрела на мужчину, ожидая, что он хоть что-нибудь скажет мне. Он должен как-то объяснить то, что тут произошло!

Я не думала, что Джиллиан приходила только за тем, чтобы поболтать с ним.

Адам долго выдерживал мой взгляд, но я не собиралась сдаваться, и ему пришлось заговорить.

— Что? — Он поднялся и сделал несколько шагов в мою сторону. Серые глаза смотрели бесстрастно. — Хочешь узнать, трахнул ли я ее? — Его брови издевательски приподнялись. — Да, дважды. Но можешь не волноваться, — он вплотную приблизился ко мне и, нагнувшись, прошептал на ухо: — ты единственная, кого я трахаю без кондомов.

И после неторопливо вышел.

Я прислонилась к стене и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Чувствовала такое унижение и обиду, но как ни странно, я не была шокирована. Хотела наброситься на него с кулаками, за то, что так поступает со мной, но смогла сдержаться. Я и так была эмоционально истощена после недавнего запала.

Но, Господи помоги мне, я ревновала его! Дико, до боли в желудке, до дрожи в теле. Места себе не находила от собственных чувств и мыслей. Впервые я оказалась в таком положении, и мне не нравилось то, что твориться со мной.

Это было таким абсурдом: ну как можно ревновать кого-то подобного? Адам был такой личностью, который никогда не сможет принадлежать одной женщине. Своевольный, необузданный, плюющий на условности, создающий свои собственные правила, по которым заставлял жить людей вокруг себя. К тому же, наш характер отношений не предполагал наличия ревности, с моей стороны уж точно. Но это было, и я не могла заставить свое сердце перестать болезненно сжиматься при мысли о том, как он проводит время в объятьях других девушек. Не могла стереть эти терзающие образы из сознания.

Он не принадлежал мне, но я принадлежала ему. Эти отношения имели довольно таки ограниченные возможности.

Полет в Чикаго прошел так же, как и в Нью-Йорк: Адам всю дорогу просидел за своим ноутбуком, отвлекшись только на ужин, а я уткнулась в книгу, строчки которой расплывались перед моими глазами. Хотелось спрятаться в какое-нибудь темное место и тихонько, от души повыть.

Было гадко, муторно и вообще казалось, что мир вокруг неожиданно стал весь серый.

Мои чувства к Адаму набирали страшный оборот, это терзало меня, но я боялась, что уже ничего не могу изменить. Этот человек, со своими демонами в голове; проблемный, тяжелый, неуравновешенный — он так глубоко проник в мое сердце и разум, зацепившись там слишком сильно. Он пугал меня, приводил в ужас; поднимал меня на небеса и с бешеной скоростью бросал на самое дно, заставлял балансировать на острие, и эти эмоции, самые разные эмоции были самыми яркими, которые когда-либо случались со мной за все двадцать три года моей жизни.

Я наконец-то признала это. Лгать самой себе смысла больше не было. Я получала удовольствие от этих ненормальных отношений, затаивши дыхание, ждала, что он откроет для меня в следующий раз.

Так чем я была лучше него? Разве вправе я была его осуждать?

Наши дороги разошлись в аэропорту: Адам велел Квентину отвести меня на кампус, а сам взял такси, потому что ему еще требовалось куда-то заехать. Я только могла догадываться, не было ли это связано с очередной девицей.

Стоило мне войти в комнату, как девчонки окружили меня, отвлекая от невеселых мыслей. Они наперебой расспрашивали меня про поездку, а я отвечала довольно размыто, потому что и под дулом пистолета не призналась бы, в какое место он водил меня и какой опыт я там получила.

Я подарила сувениры подругам, ненадолго отвлекая их от требования более полного

отчета. Во мне просто не было сил рассказывать о том, каким засранцем вновь показал себя Эллингтон, отыграв в нашем номере фотомodelьку, пока меня не было. И я так же не знала, как объяснить то, что он порезал себя, когда хотел причинить боль мне.

Это было самым трудным. Тут чувствовалась глубокая психологическая проблема, с которой я не хотела делиться даже с самыми близкими подругами. Это было слишком личным и принадлежало только Адаму. Я не считала себя вправе говорить о его проблемах кому-либо.

— То есть, он просто так взял тебя с собой в Нью-Йорк? — Брови Лорен с недоверием изогнулись.

Я пожалала печами.

— Да. У него были там какие-то дела, вот он и решил меня взять. Наверное, чтобы я тут не осталась без его присмотра. — Я закатила глаза, усмехнувшись. Надеюсь, подруги поверят. Эмми казалась вполне убежденной таким объяснением, но не Лорен.

У меня так же было подозрение, что Адам посетил Нью-Йорк ради встречи с Джиллиан, но и в это посвящать подруг я так же не собиралась.

Мы все еще болтали, приготовившись ко сну, когда в дверь постучали. Эмми, чья кровать стояла ближе всех к двери, пошла открывать. Это оказался Митчелл, второкурник со второго этажа.

— Тут конверт для Грейс передали.

Услышав свое имя, я вскочила с постели и подбежала к двери.

— Конверт мне? — Удивилась я, забрав белый конверт без марок и штампов из рук художавого парня. — Кто?

— Посыльный просто отдал его мне, потому что я как раз был на улице и просил передать Грейс Колдвел в 189 комнату. — Митчелл, немного нервный молодой человек, дернул острым плечом.

Это было странно. Очень.

— И расписаться не просил?

Митчелл покачал головой.

— Ничего.

— Ладно, спасибо, Митчелл. — Я на прощание улыбнулась парню и закрыла дверь.

Не слишком осторожно распечатав конверт, на котором отпечатанными буквами стояло мое имя, заглянула внутрь, извлекая содержимое.

— Что это?

Лорен с Эмми с любопытством обступили меня; в руке я держала сложенный вдвое обычный белый лист.

С замершим в нехорошем предчувствии сердцем я развернула послание.

«Как много ты знаешь о том, с кем спишь?»

Черные буквы, отпечатанные большим шрифтом, подействовали как удар под дых. Лист выпал из рук; мой растерянный взгляд перебегал с изумленных лиц подруг.

Что, ради всего святого, это должно значить?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мои руки мелко подрагивали, пока лифт поднимал меня на тридцать третий этаж, к квартире Адама. Нервное напряжение не отпускало меня вот уже три дня, с тех пор, как получила то анонимное послание. Я долго раздумывала, что мне делать с ним и не знала, как должна реагировать на подобное. Ничего странного, потому что у меня не было опыта в

получении пугающих анонимок.

Кто бы ни послал эту записку, я не думала, что он сделал это из лучших побуждений, чтобы предупредить меня насчет Адама. Нет, я пришла к выводу, что сделал это человек, который что-то затаил на Эллингтона. Ничего удивительного, у него наверняка найдется пара-тройка недоброжелателей. Вот только мне совсем не хотелось иметь с этим дело. Но моего мнения никто не спрашивал. Меня просто тыкнули носом в эту короткую фразу, за которой на самом деле могло таиться много нехорошего и неприятного.

Ведь я и правда практически ничего не знала об Адаме. Я не знала, каким человек он был, кроме того, что он сам позволял мне увидеть. Но я подозревала, что это не все. Нет, этот мужчина был куда глубже, чем просто богатый, развращенный мазохист, портящий молоденьких девушек. Он воздвиг такую огромную стену вокруг себя, сквозь которую не возможно было пробиться. И я не знала, зачем вообще пытаюсь это сделать. По логике вещей, мне не должно было хотеться этого. Но я хотела, хотела хоть одним глазком заглянуть за эту стену, потому что мне было любопытно. И не было все равно.

Каким-то образом, но Адаму удалось привязать меня к себе сильнее, чем просто хитрой уловкой и шантажом.

Проведя три дня в колебаниях, я все же решила, что должна показать ему записку. Если ее послал кто-то из его врагов, он имеет право знать об этом, чтобы предпринять необходимые меры.

Проанализировав, я пришла к выводу, что тот, кто прислал конверт, должен быть из близкого окружения Адама. Откуда-то ведь он (или она) узнал о нашей связи. А мы не особенно афишировали то, что происходило между нами. Немногие знали о том, что нас что-то связывает.

Я надеялась, что Адаму удастся разобраться в этом, потому что я не хотела иметь к его конфликтам с кем бы то ни было никакого отношения. Мне хватало и того, что он постоянно выносил мне мозг.

Двери лифта открылись, и я вышла в холл, внутренне настраивая себя к встрече с ним. Мне не хотелось придавать значения тому, что мое сердце забилось быстрее, и пульс сделал резкий скачек от того, что скоро увижу его. Прошло три дня, как мы разъехались в аэропорту и откровенно, я уже чувствовала нехватку его в моей жизни.

Я ругала себя из-за этого, обвиняла в слабости, но мои мысли то и дело возвращались к нему. Мне больше не удавалось дистанцироваться от наших отношений на время учебы, или когда я приезжала к бабушке, ходила с девчонками на ланч или работала в библиотеке.

То и дело вспоминала звук его голоса; как его руки касались меня; как греховный взгляд серых глаз проникал меня, когда мы занимались сексом. Умопомрачительным, лишаящим разума, фантастическим сексом.

Я сходила с ума. Маялась, не в состоянии ни на чем сосредоточиться. Я была напугана тем, что творилось со мной.

Так вот как это происходит? Девушка попадает в его сети, медленно и верно лишается разума, растворяясь в нем, и в итоге оказывается выброшенная из его жизни, совершенно не представляя, как собрать свою жизнь по кусочкам после той разрухи, что он оставил?

Я была противна сама себе из-за подобных чувств, и все, что мне оставалось, это постоянно твердить себе, что я справлюсь, не пропаду, когда все это закончится.

Хотела ли я, чтобы наша связь закончилась? Еще недавно я бы, не раздумывая выкрикнула, что да, конечно. Но теперь...

Теперь я не была так в этом уверена.

Я не стала предварительно звонить Адаму, решив застать его врасплох. Ну, сначала мне казалось это довольно забавной идеей. Но теперь, когда я стояла перед дверью его квартиры, стала сомневаться.

Волнуясь, я принялась кусать ноготь большого пальца — дурацкая привычка родом из детства. Может, все-таки стоило ему позвонить? Что, если он занят, или его нет дома, или он не один?

По моему позвоночнику прошелся озноб, как представила, что как раз сейчас он может быть с девушкой. Я не хотела лицезреть сцену того, как его ублажает очередная девица — или наоборот — боюсь, моей выдержки не хватит на это.

Так, ладно, нельзя вести себя так глупо!

Я тряхнула головой, мысленно говоря себе, что я смелая, ну и прочую мотивирующую лабуду. Не зря же я проделала весь этот путь.

Вздохнув полной грудью, взялась за латунное кольцо с головой льва и с уверенностью — во всяком случае, я так надеялась — ударила несколько раз. К моему удивлению, дверь тут же распахнулась. От неожиданности я даже вздрогнула. Не ожидала, что он так быстро откроет.

— Отлично, я уже думал, ты никогда не решишься, — насмешливо заявил Адам, закатив глаза.

Я не сразу обрела речь. Откуда он знал, что я тут мнусь в колебании?

— Камеры, — покачав головой, вздохнул он, отступая, чтобы я вошла.

Ну да, конечно, камеры! Как я не догадалась!

Кивнув, я прошла в квартиру, и он захлопнул дверь за мной. Засунув руки в карманы тренировочных штанов, он вскинул брови на меня, очевидно ожидая, что я объясню свой визит.

А я вдруг почувствовала жуткое смущение, которое часто накатывало, когда он был рядом. Трудно было не пялиться на его сильные плечи и бицепсы, не прикрытые потому, что на нем была темно-синяя майка.

С каких пор я стала такой? Пускаю слюни на привлекательного мужика с развитыми мышцами и крепким прессом. Таких парней полно, но раньше я в себе особой падкости не замечала.

Никак теряю последние мозги!

Соберись, тряпка!

— Ты, наверное, удивлен, что я приехала, — придав голосу деловитость, начала я. — Но я по делу. Возникло одно... недоразумение. — Я кивнула, хотя сомневалась, что выбранное слово подходило к тому, из-за чего я была здесь.

Адам слегка нахмурился, не сводя с меня внимательного взгляда. Он что, сомневался, что я, правда, тут из-за серьезного дела? Думал, что я примчалась, заскучав по нему?

Мне стало плохо от того, что он мог так подумать.

Я не собиралась показывать ему, что мне вроде как нравятся некоторые вещи, которые мы делали. О, это было бы совсем не хорошо.

— Пошли в мой кабинет. — Видно придя к выводу, что я серьезна, решил он.

— Так что случилось? — спросил Адам, когда мы вошли в его кабинет и сели по разные стороны стола.

Я достала из сумки конверт и протянула ему.

— Это прислали мне, но я не знаю, кто.

Нахмурившись, он достал лист из конверта и развернул. Несколько секунд в молчании смотрел на надпись, потом перевел взгляд на меня.

— Кто это доставил?

Я коротко рассказала, как конверт попал ко мне. Выслушав, Адам понимающе кивнул.

— Когда это случилось?

— В воскресенье, вскоре после того, как Квентин привез меня из аэропорта, — немного замявшись, сообщила я.

Взгляд Адама стал недовольным.

— И ты только теперь говоришь об этом? Спустия три дня?

Я передернула плечами, отведя глаза в сторону. Мне не нравилось, что он отчитывал меня.

— Ну, я не сразу решила прийти к тебе. Думаю, в этом нет ничего удивительного. — Я нервно сцепила пальцы на коленях, чувствуя себя некомфортно под его укоризненным взглядом.

— Грейс, если кому-то приходит в голову слать тебе анонимные послания, касающиеся меня, ты сразу же должна ставить меня в известность, — на удивление терпеливым тоном произнес мужчина.

Я молчала, опустив голову. Seriously, почему я чувствую себя как провинившаяся девчонка перед ним?

— Я разберусь с этим, — вздохнув, пообещал Адам. Меня поразила теплота, звучавшая в его голосе. — Не волнуйся из-за этого. Кем бы ни был тот, кто прислал это, я найду его.

— У тебя есть предположения, кто бы это мог быть? — Я несмело взглянула на него. — Возможно кто-то, кто настроен против тебя, или... — Я замолчала, прикусив губу. Губы Адама дрожали в едва сдерживаемой усмешке.

— У меня много врагов, Грейс, — с неожиданным весельем заявил Адам. — Даже слишком много. Круг подозреваемых может быть очень велик.

— Должна была догадаться. — К своей неожиданности, я улыбнулась ему. Адам был единственным знакомым мне человеком, кто с такой легкостью говорил о большом количестве людей, которые его ненавидели. Очевидно, ему было совершенно плевать на это. — Но тот, кто прислал конверт, знает обо мне. Как много людей в курсе, что мы... Ну, ты понимаешь. — Я передернула плечом, не зная, как можно одним словом описать то, что происходило между нами.

— Я не особенно распространяюсь о своей личной жизни. — Он слегка выгнул брови. — Но и тайну из этого не делаю. Любой мог видеть нас вместе.

— Понятно. Значит, это может быть кто угодно, — скептически хмыкнула я, стараясь подавить в себе страх от того, что какой-то таинственный противник Эллингтона шлет мне тревожные анонимки.

Внезапно Адам поднялся из кресла и, обойдя стол, сел передо мной, с нежностью коснувшись ладонью моего лица. Мои глаза удивленно распахнулись.

— Послушай, кто бы это ни был, он не навредит тебе. Я обещаю. — Его голос звучал с непривычной мне теплотой и заботой. — А пока приставлю к тебе одного из своих охранников. Тебе нечего бояться, Грейс.

Мое предательское сердце сжалось: ну что ж ты делаешь со мной? Как было бы легче ненавидеть тебя, будь ты все время отвратительным монстром! Но нет, ты не упрощаешь мне

задачу!

— Мне не нужен охранник, — воспротивилась я, но без обычного запала. Когда его рука ласково касалась моей кожи, мой разум подводил меня. — Хватает и того, что ты полностью контролируешь меня.

Я думала, что Адам разозлиться, но он вновь удивил меня: улыбнувшись, он приблизил свое лицо к моему и прошептал:

— Согласись, иногда тебе это нравится.

Его горячее дыхание коснулось моих губ, пошатнув и так слабую волю.

— Нет, не нравится. — Я не слишком убежденно покачала головой.

— Не умеешь ты врать, Грейс, — с добродушной улыбкой хмыкнул Адам, и в следующее мгновение его губы накрыли мои.

Ох, мамочки, моя голова кружилась, и последние крупницы стойкости разлетались со сверхзвуковой скоростью. Этот человек контрастов вгонял меня в полнейшую растерянность, и я не знала, что вообще думать. В один момент он был дьяволом, карающим меня, причиняющим боль, а в следующий богом, возносящим на небеса. Как же здесь сохранить душевное спокойствие и не сойти с ума?

Его поцелуй был наполнен нежностью и чувственным желанием, и в нем напрочь отсутствовала его обычная агрессия. Я не заметила, как стала отвечать, раскрыв губы, впуская его внутрь.

Я все еще чувствовала боль после того, как он притащил ту модель в номер и переспал с ней, пока меня не было. Это терзало меня, но я знала, что не могу предъявить ему никаких претензий. Я должна проглотить это молча, потому что Адам не принадлежит мне. Но в такие минуты, как сейчас, он был моим. Всего лишь иллюзия, обман восприятия, и скоро все вернется в свое исходное положение.

— Мне надо идти, — бессвязно пробормотала я в его губы, перебирая пальцами его волосы. — Завтра лекция с утра.

— Нет. — Адам покачал головой, прикусив мою нижнюю губу. — Не сейчас.

Я чуть не застонала от отчаянья, капитулируя так быстро. Ему стоило проявить немного ласки и теплоты, как я полностью растаяла, сдаваясь.

Он стащил меня с кресла и подхватил на руки. Мои ноги скрестились на его бедрах. Продолжая целовать меня, он вынес меня из кабинета и понес по коридору.

Его настроения сменялись так быстро, и я не успевала за ними. В воскресенье мы расстались не на самой лучшей ноте, а сейчас он ведет себя так, словно мы обычная пара, в отношениях которой нет никаких странностей.

Я не понимала его, но не могла не признать, что мне нравится тот Адам, каким он был сейчас.

Мы поднялись на второй этаж, и он занес меня в большую комнату с огромным панорамным окном во всю стену. Мне некогда было осматриваться, но мой взгляд уловил, что из мебели здесь был только самый минимум, после чего мои ощущения захлестнули меня с головой.

Адам поставил меня на пол и, не спуская с меня своего темного, искушающего взгляда, принялся расстегивать пуговицы на моей кофте. Спустив ее с плеч, словно случайно провел рукой по напряженному соску, проступившему сквозь лифчик и нижнюю майку. Я содрогнулась и приоткрыла губы, задышав чаще.

Удовлетворенная улыбка скользнула по губам Адама. Взявшись за края майки, он

потянул ее вверх, и я подняла руки, помогая ему. Моя кожа покрылась мурашками, но не от холода, а от нетерпеливого желания.

— Ты такая красивая, — охрипшим голосом пробормотал он, положив ладонь на мою шею, и нежным поглаживанием спустился на ключицу.

Он вновь поцеловал меня, глубоко проникая в мой рот, языком лаская мой язык и небо, вызывая дрожь по телу. Мое сознание затуманилось, и я с готовностью отвечала ему, отдавшись на волю ощущений.

Руки Адама потянули молнию на моих зауженных штанах вниз; опустившись передо мной на колени, осторожно снял с меня ботинки, а после спустил слаксы по ногам. Схватившись за его плечи, я переступила через одежду.

Он не торопился подниматься, и вид коленопреклоненного Адама действовал как самый лучший афродизиак. Горячее, сильное желание прокатилось по телу, разливаясь в каждой клеточке, и сосредотачиваясь между ног, отдаваясь знакомой ноющей пульсацией.

Взглянув на меня затуманенным взглядом, Адам поддался вперед и слегка покусывая, проделал дорожку вверх по внутренней стороне одного бедра, потом второго.

Я шумно сглотнула; в горле пересохло, ноги стали ватными. Он умел распалить меня, слишком сильно, не прикладывая особых усилий к этому. Мое тело становилось сверхчувствительным под его руками и охотно откликалось на него.

Однажды я окончательно потеряю голову по его вине.

Его путешествующие губы коснулись моего живота и мышцы тут же напряглись, а давление внизу усилилось. Я дышала часто и сбивчиво, в нетерпении желая, чтобы он полностью заполнил меня, прогоняя это мучительное томление, даря неземное наслаждение.

— Такая нежная, — прикусив зубами кожу вокруг моего пупка, пробормотал мужчина. Его пальцы буквально полыхали огнем, касаясь меня.

Поднявшись, он снял с меня белье, действуя неторопливо, что лишь еще больше распалало меня. Кажется, он испытывал нас обоих: его серые глаза потемнели от неприкрытой страсти и набравшего силу желания.

— Знала бы ты, сколько часов я провел без сна, мечтая касаться твоей кожи, — зарывшись в мои волосы, надломившимся голосом прошептал он. — Сгорая от желания погрузиться в тебя, ощутить твою влагу на своих пальцах, слышать твои стоны, когда заставлю тебя кончать. Желал тебя до боли, до помешательства, полностью теряя себя.

Тихий всхлип сорвался с моих губ. Его слова звучали с неким фанатичным поклонением: это пугало и в тоже время вызывало необъяснимый, безумный восторг.

— Я здесь, — дрогнувшим голосом выдохнула я. — Я с тобой, Адам.

Мое сердце оборвалось, когда слова слетели с губ: такие простые, но несущие в себе тайный смысл; пробирающие до самой глубины, с привкусом обреченности.

Адам взглянул на меня, обжигая своим взглядом, а потом порывисто притянул к себе, обрушая свои губы на мои. От его выдержки и неторопливости не осталось и следа.

Он подхватил меня на руки и положил на середину огромной кровати. Быстро стянул с себя майку и избавился от спортивных штанов. Приподнявшись на локтях, я наблюдала за ним, с трудом сдерживаясь, чтобы не поторопить его.

Я так сильно хотела его, что казалось, будто ломит и выкручивает каждую клеточку тела.

Наконец-то он опустился на постель, накрывая меня своим телом. Я просунула руки

между нами, проведя ногтями по его твердому животу, вверх по ребрам и груди. Согнув колени, плотно прижала их к его бедрам.

Чувствовать его — сейчас это было самым важным, что имело значение для меня. Как-то так вышло, что моя потребность в нем стала непреодолимой. Я не заметила момента, когда это случилось. Но теперь казалось, что так было всегда.

— Ты нужна мне, — склонив свою голову к моему лбу, с дрожью выдохнул Адам. — Ты не представляешь, насколько ты нужна мне.

Вместо того чтобы что-то говорить, я схватила его за волосы, выплескивая в поцелуе все, что чувствовала в данный момент. Страсть, желание, томление по нему. Наш темп изменился, он стал более резким с признаками нетерпения. Руки Адама обхватили меня под ягодицы, и я приподняла бедра навстречу ему, почувствовав, насколько он уже готов и хочет меня.

— Как мне нравится, что ты уже вся мокрая для меня, — низким тембром прошептал Адам, коснувшись меня между ног. — Уже только от этого я могу кончить.

Его пошлость больше не вгоняла меня в краску: напротив, это заводило еще больше. Сделав движения вверх-вниз, я потерлась о его ладонь, издавая тихие стоны.

Это было так восхитительно, но в тоже время мало. Имитация, которая никогда не сможет сравниться с тем, что его плоть делает со мной, наполняя меня собой.

Дыхание Адама тяжелыми толчками вырывалось из его груди, пока он работал над тем, чтобы удовлетворить меня.

Потирая большим пальцем мой клитор, и двигая указательным и средним во мне, он быстро довёл меня до острого, захлёстывающего оргазма.

— Прости, детка, но черт, я больше не выдержу, — сквозь зубы прошипел он, одним сильным толчком полностью заполнив меня, пока я все еще вздрагивала от только что пережитого финала.

Адам на миг замер, а потом начал двигаться, буквально сотрясая всю меня своими ударами. Ощущения были такими яркими и острыми, что мне казалось, я не выдержу. Каждый нерв будто накалился и звенел: еще немного и я умру!

Комната наполнилась моими бессвязными выкриками, стонами и всхлипами. Я сходила с ума, горела в огне и погружалась на огромную глубину. Он был таким большим и твердым, и с каждым ударом растягивал меня, но, черт возьми, это было идеально! Лучшего просто не может быть.

Слезы радости и восторга выступили на глазах: я двигала бедрами в его ритме, ударяясь о его бедра, желая стать максимально близкой с ним. В поисках хоть какой-то опоры вытянула руки над головой, схватившись за спинку кровати.

Наши тела стали мокрыми, покрывшись капельками пота; влажные волосы липли к лицу.

— Сильней, Адам, — как в бреду бормотала я, кусая губы от предчувствия близкой разрядки. — Да... Вот так. О, Господи!

Я приподнялась и изогнулась, кончая. Адам закрыл мой рот атакующим поцелуем, поглощая мой крик.

Мое тело сокращалось от вновь наступившего оргазма; тепло разливалось в каждой клеточке. Казалось, что меня уносит ураганный ветер куда-то далеко-далеко.

— Грейс! — Выдохнул в мой рот мужчина и, содрогнувшись всем телом, мощно кончил, наполняя меня собой.

Мир потихоньку становился прежним, и мой взгляд вновь обрел возможность фокусироваться. Я потеряла счет времени, забыв на миг где я.

Смахнув с лица налипшую прядь, перевернулась на бок, чувствуя сильнейшую истому во всем теле. Блаженная улыбка как приклеилась к лицу, не желая сходить.

Вытянув руку под головой, я смотрела на Адама. Он лежал на спине, прикрыв глаза; его дыхание постепенно выравнивалось.

Я знала, чувствовала, что и для него это был не просто секс. Нечто большее, сильное, словно мы достигли некоего переломного момента в наших отношениях.

— Не думаю, что смогу отпустить тебя, — повернув голову и с какой-то растерянностью посмотрев на меня, пробормотал Адам.

Ленивая улыбка появилась на моих губах.

— Тебе придется, — расслабленно промолвила я, рисуя на покрывале хаотичные узоры. Адам резко поднялся, садясь на постели лицом ко мне. В его взгляде появилась жесткость.

— Не хочу, чтобы нечто подобное ты делала еще с кем-то. — Его серые глаза проникали сквозь меня. — Мысль о том, что еще чьи-то руки будут трогать тебя, приводит меня в дикость.

Я с удивлением вскинула брови. Немыслимая откровенность для него. Он и прежде запрещал мне даже думать о других мужчинах, но только в этот раз в его словах было больше чувств, даже какая-то паника.

— Адам, но это смешно. — Я тоже села, чуть склонив голову набок. — Рано или поздно, но наше время выйдет. И мы оба знаем, когда это будет.

— Не можешь этого дождаться, не так ли? — Его глаза сузились и с уже хорошо знакомой злостью впились в меня.

Я чуть не закричала от отчаянья. Ну что он за человек! Зачем портит такой хороший момент между нами!

— Ты серьезно? — Я с недоумением посмотрела на него. — Ты хочешь поссориться сейчас? Даже и пяти минут не можешь провести без конфликта?

— Ты просто ответь мне — тебе так плохо со мной? — Его голос звучал требовательно. Я уже поняла, что сладкий миг прошел. — Все так ужасно, что ты дни в календаре вычеркиваешь, да? Считаешь минуты, когда сможешь избавиться от меня и моего контроля?

Я, не веря смотрела на него: этого просто не могло быть на самом деле.

— Ты, правда, хочешь говорить об этом сейчас? — Я взмахнула руками, нервно усмехнувшись. — Потому что знаешь, никто не заводит такие разговоры через пять минут после того, как довел девушку до оргазма. Дважды.

— Но тем ни менее, тебе этого мало. — Он придвинулся ко мне, беря пальцами мое лицо. — Даже после того, как я по полной оттрахал тебя, ты все еще думаешь о ком-то.

Моя челюсть едва не отпала от услышанного. Да что с ним вообще такое?

— Что? Знаешь что... — Я запнулась, кипя от гнева. — Просто сделай одолжение, иди к черту!

Меня как ветром снесло с кровати, и я так быстро, как могла, принялась одевать свои вещи.

— Что, скажешь, что до сих пор не думаешь о том слишком застенчивом спортсмене, который год исходил слюной по тебе, но так и не смог уложить на спину? — Обвинительно бросил Адам, тоже поднявшись и натянув свои штаны.

Мое лицо побагровело: казалось, что вот-вот пар из ушей повалит.

— Заткнись! — Не беспокоясь о том, что он еще больше разойдется, крикнула я. — Ты просто бесчувственный идиот, вот кто ты! — Я ткнула в него дрожащим пальцем. — Между мной и Дином ничего нет с тех пор, как ты вынудил меня на эти отношения с тобой. И ты как никто другой знаешь, что происходит в моей жизни. Бесишься, что не можешь мысли мои контролировать? — Я ядовито усмехнулась ему. — Ну, так смирись, с этим ты ничего не сможешь сделать.

— Так значит, ты признаешь, что все еще сохнешь по нему, да?

Я закатила глаза от беспомощной злости. Боже, помоги мне!

— Я забыла о нем! — сорвавшимся на крик голосом рывкнула я. — Ты же буквально душишь меня, и разве я могу хоть о ком-то еще думать, если ты пробрался в мою голову и засел там, вытеснив все собой! — Кипя от гнева, выплевывала я жесткие слова, положив руки на голову. — Ты параноик, Адам. Жизнь с тобой — это как постоянные скоростные гонки без возможности остановиться. И ты, правда, все еще считаешь, что в таком ритме я могу думать о других мужчинах?

Я разошлась уже не на шутку, а вот мой параноидальный хозяин как-то притих и даже выглядел более спокойным. На самом деле, я бы сказала, что даже довольным.

Задохнувшись от быстрого потока слов, я сжала кулаки и зарычала.

Он точно сведет меня с ума! Причем скоро.

Но сказанные в запале слова были на самом деле правдой. Я действительно в последнее время не вспоминала Дина, просто не до этого было. Если честно, то я уже и забыла, когда видела его в последний раз.

Я не успела опомниться, как вновь оказалась прижата к телу Адама, под напором его атакующих губ.

Ох, полностью сумасшедший, иррациональный, беспокойный мужчина. Мужчина, от которого я практически потеряла голову.

— Нельзя в один момент кричать на девушку, а в другой так целовать ее, — пробормотала я, пока моя голова еще немного работала. Предательская слабость вновь просочилась в тело, лишая последней воли.

— Можно, если эта девушка — моя, — усмехнулся Адам, подхватывая меня на руки и бросая на кровать.

Прежде чем вновь вернуться к поцелуям, он положил ладонь на мою левую грудь и с нажимом произнес:

— Моя!

Спорить я не стала. Просто не до того было.

Ну и, в конце концов — да, я была его.

АДАМ. ЧАСТЬ 3

Он был в смятении. Его разум и душу будто вывернули наизнанку, пропустили через пресс и разорвали на части. А потом сожгли.

И всему виной она. Ведь это ради нее он порезал себя впервые за долгие годы. Когда дьявол стал сгрызать его внутренности, воя и рыча, требуя, чтобы он присмирил ее, наказав за ядовитый язык, причинив боль; сдавить так, чтобы хрустнула каждая косточка и каждый позвонок в ее хрупком теле, он смог дать ему отпор. Бросил монстру обгладывать кость, чтобы заткнулся и не требовал ее мучений.

Он сделал выбор, выбор не в свою пользу. Но в тот момент, когда готов был разорвать

ее, одна мысль, только лишь мысль, что может уничтожить ее, навредить, или сломать окончательно заставило его сердце, которое очерствело слишком давно, корчиться в адских муках. Иссошенное, почерневшее сердце как дитя забилося в угол, с надрывом крича о том, чтобы не трогал ее.

Ее глаза, широко распахнутые в страхе стали зеркалом для него, и он увидел лик монстра. Отвратительного, жаждущего страданий, мучений и агонии. Падаль, которая поселилась в нем той ночью, когда он похоронил своего отца и ее мать. И ребенка, которого она носила под сердцем.

Три души, ищущие отмщения, незнающие покоя, пока виновник не будет наказан. Они стали его вечными спутниками, с укоризной взирая на него, требуя справедливости. Терзали каждый день и каждую минуту, сводя с ума. Дьявол, пробудившись в его душе, шептал ему, что может помочь, стоит только попросить. Сможет изгнать его личных катов, которые каждый день медленно и мучительно казнили его, разрывая по кусочку.

За избавление от мук совести он заплатил большую цену, и платил ее до сих пор. Он позволил монстру стать хозяином его души, полностью лишившись прав. Стал рабом демона, жадный голос которого все чаще и чаще требовал новых жертв.

Чаще он сам становился этой жертвой.

Демон любил видеть физическую боль, чувствовать ее и смаковать ею. В угоду ему он впервые порезал себя ножом, выбрав для этого зону предплечья. Тогда еще у него не было опыта и рану в итоге пришлось зашивать. Но злобный голос внутри ликовал, радуясь его страданиям.

Прошло совсем немного времени, когда демон изголодался. Он взвыл внутри, когтями раздирая его на части, требуя добавки. И он уступил. Но уже был умней. Взял лезвие, нанося тонкие поверхностные порезы. Их не требовалось зашивать, и ему не приходилось объяснять, как он получил их. Тонкие порезы заживали быстрее, и он мог делать это чаще, удовлетворяя потребность своего невидимого мучителя.

Старая мука сменилась другой, но физическая боль казалась ничем по сравнению с тем, когда его совесть сгрызала живьем за то, что три души были загублены по его вине.

Он научился быть глухим к голосу совести, научился не замечать его. Его душа огрубела, и постепенно умирала день за днем. До тех пор, пока он не встретил ее.

В тот момент что-то изменилось. Душа словно очнулась, и где-то совсем далеко, на самых задворках его прежнего «я» зародилась мысль, что он может искупить свою вину. Не полностью, но некую часть ноши можно будет снять. И лишь только надежда робко проклюнулась к свету, как тут же была уничтожена дьяволом, который был слишком силен, чтобы ему сопротивляться.

Он жаждал ее, всю ее. Он хотел полностью подчинить ее своей власти, сделать ее своей собственностью, своей работой и игрушкой. Хотел мучать ее, ломать, чинить для того, чтобы вновь и вновь проводить по своим темным лабиринтам, сжигая в адском пламени ее плоть. Он хотел ее криков боли, вдохнуть ее запах страха и испить ее горячей крови, умыв в ней свою звериную морду.

Монстр в нем просил ее каждый день, протягивая к ней свои жадные лапы. Но он знал, что стоит ему заполучить ее, как пойдет обратный отсчет. Все будет кончено в тот момент, когда демон доберется до нее. И он отстрачивал этот час так долго, как мог. Давал ей возможность жить своей мирной жизнью, издали наблюдая за ней, готовясь к тому, что рано или поздно, но ему придется сдаться. Потому что когда он больше не сможет сопротивляться

и уступит, ее жизнь будет разрушена. Он не оставит ей ничего, принеся с собой лишь разруху и страдания.

А пока он еще мог удерживать эту злобную тварь в себе, пытался на время заглушить его требования, выбирая менее желанных жертв. Находя похожих на нее девушек, он пытался обмануть дьявола, но замена недолго удовлетворяла. Очень скоро они приедались ему; их дух ломался так быстро, что это не приносило никакого удовольствия. Покорные, безвольные существа, желание которых было только угодить ему, готовые целовать землю, по которой он ходил.

Какое удовольствие от охоты, если добыча сама бежит тебе в руки?

Нет, чем дальше, тем хуже это срабатывало. Девушки, похожие на нее сменяли друг друга так быстро, что он перестал различать их имена. Кто они были, кем они были? Его не интересовало это, ведь они не были ЕЮ.

Только она могла стать идеальной добычей.

Монстр в нем умел убеждать.

Разве не хотел он отыграться на дочери той, которая разрушила его семью? Той, которая мучала его даже после смерти, пользуясь его угрызениями совести, превратив его жизнь в ад и сведя его с ума.

О, он предвкушал момент, когда ее неуспокоенная душа увидит, что он делает с ее единственным ребенком. Тем, которому суждено было родиться. Как ее немой голос будет кричать в агонии, когда он будет истязать ее плоть и кровь, будет ломать и рвать на части. Так же, как и она делала это с ним после своей смерти.

Он отомстит стерве, пусть она уже давно в могиле.

Он ничего не мог сделать для того, чтобы изменить то, что привело к их смерти, так почему они не оставили его в покое? Почему продолжали возвращаться, требуя раскрытия правды?

Что ж, он просил их уйти, оставить его, потому что не в его силах было что-то менять. Они не послушались. И он нашел свой выход.

Смотри, сука, как я разотру ее в порошок и развею по ветру, словно ее никогда и не было.

Он придумал план, который сработал. Для него не составило труда все выяснить про нее и ее семью. Пяти лет было более чем достаточно. Ее никчемный отец то и дело попадал в неприятности, и сначала он просто наблюдал за ним издалека, раздумывая, как это можно будет использовать.

Все оказалось до смешного просто. Мало того, что этот идиот заложил дом своей матери, за который не смог выплачивать, так еще и заядлым картежником оказался. В нужное время он задействовал необходимых людей, которые постарались сделать так, будто вывели ее отца на него, игрока с крупными ставками. А он и правда, всегда играл только по крупному. Ему, убудку везло во всем, что было связано с деньгами и риском. Дабы затянуть удавку на шее ничего не подозревающего Патрика Колдвела, он дал ему возможность выиграть несколько раз. Это сработало, потому что жадность, владеющая неудачником, побудила его играть дальше, поднимая ставки в несколько раз, и в итоге он захлопнул ловушку, оставив пораженного мужчину с долгом в триста пятьдесят тысяч долларов.

Карточный долг всегда был для него делом чести. И прежде он никогда и никому его не прощал. Те же, кто отказывались выплачивать, в итоге горько из-за этого раскаивались. У

него были свои методы убеждения. И эти методы были по вкусу демону.

Но в этот раз не долг был его целью. А нечто куда более ценное и желанное. Он успел уже хорошо узнать эту семью, и знал, что ее дочь всегда приходила на выручку своему никчёмному отцу. А ее преданность и любовь к старой бабке просто поражала, и даже не могла не восхитить.

Он обнаружил, что здесь они были похожи.

Да, он тоже знал, что такое быть преданным. Преданным настолько, что приходится жертвовать собой.

И это ее качество должно было стать ключом к клетке, которую он приготовил для нее. Ему не составило труда выкупить закладную на дом, по которой оплаты не было более года. Это был его козырь. Она никогда не допустит, чтобы старуху вышвырнули из дома. И согласится заплатить ту цену, которую он назовет.

Сбежав из страны, Патрик Колдвел оказал ему услугу. Теперь, когда этого труса не было поблизости, его дочь осталась совершенно одна, и дорога к ней была расчищена. Он закинул пробную удочку, когда вызвал ее к себе, потребовав сообщить ему, если ее отец появится.

Это было даже забавно, потому что он с первого же дня знал, где тот скрывается. От него просто невозможно сбежать.

В тот день, когда она впервые оказалась лицом к нему, заговорив с ним — стал один из лучших дней в его пустой жизни. Он сидел напротив нее, наблюдая, как она дрожит, как расширены ее зрачки от страха перед ним, и вкушал ее эмоции, внутренне ликуя тому, что, наконец, получил ее. Но он боялся, что она сдастся, как и другие, слишком быстро. А когда она ошетичилась, показав характер, он увидел непреклонную силу в ее глазах и едва сдержался, чтобы не рассмеяться в голос.

О да, она была такой, как он и ожидал. Игра с ней не станет скучной, не превратится в обыденность и ему не захочется избавиться от нее слишком быстро. Нет, она станет изысканным лакомством, от которого он ничего не оставит.

Из аэропорта он отправился в Чайнатаун. Тут располагалось место, куда он изредка приходил посмотреть и лишь дважды принимал непосредственное участие. В моменты, когда ничто из привычного не давало того адреналина, которого он жаждал. Такие всплески хоть и ненадолго, но озаряли его бессмысленное существование. А именно так он и расценивал свою жизнь. Возможно, если бы не его ответственность за мать и не его природный эгоизм, он бы уже давно избавил человечество от своего присутствия.

Он проходит в переулок между рестораном и химчисткой, следуя до глухой кирпичной стены. На первый взгляд, кажется, что дальше тупик, но это только для тех, кто не посвящен в тайну этого места. Этого особенного места, где находят приют потерянные, страждущие души. Здесь происходит переосмысление пройденного пути, обретается новый смысл жизни, зарабатываются деньги и находят свой вечный покой.

У каждого свои причины прийти сюда.

Узкие каменные ступени ведут вниз, к подвалу. Ступая по ним, он вспоминает ее образ; ее напуганные, полные отчаянья и ужаса глаза, когда решила, что тот нож он взял для нее. В тот момент он впервые испугался, испугался того, что делал с ней, через что заставлял ее пройти. Возможно, после сегодняшнего вечера она станет свободна. И пойдя на это в третий раз, он сделает ей неоценимый подарок, навсегда избавив от своей тирании?

Он поднимает руку и стучит три раза с одинаковыми интервалами. Почти тут же дверь

приоткрывается, и огромный китаец смотрит на него из-под нахмуренных бровей. Тогда он показывает ему поднятую вверх раскрытую ладонь — знак принадлежности к клубу. В полном молчании привратник отступает, пропуская его внутрь

Далее он идет по узкому полутемному коридору, который несколько раз делает поворот. В отдалении слышится гул голосов, становясь громче с тем, как он углубляется. Наконец он выходит к широкому проходу, за которым и разворачивается главное действие. Всё, ради чего они все тут собираются.

Он входит в большое помещение с низким потолком, где уже присутствует около тридцати человек. Составляющая этого уникального клуба не слишком велика, так как не многие находят подобные зрелища приемлемыми. И только единицы принимают участие в игре.

Играть в русскую рулетку станет только тот, кто в привычном мире не считается нормальным.

Что ж, он как раз был таким.

Он дважды играл в эту смертельно опасную игру, и дважды ему везло. Или нет, с какой стороны посмотреть. Всякий раз, поднося револьвер с шестизарядным барабаном, в котором затаилась единственная пуля, он мысленно молился о том, чтобы она досталась ему. И когда этого не случалось, чувствовал разочарование. Он испытывал свою судьбу, потому что не боялся умереть. Вся его жизнь была сопряжена с риском, и только это еще держало его в этом мире.

Ставки здесь были высокими, и многие приходили сюда в поисках богатства. Те, кому нечего было терять, брали в руки револьвер и либо в итоге богатели, либо их мозги соскребали с грязного пола и стен.

В его первый раз среди шестерых участников оказался один отец, чей сын нуждался в дорогой и срочной операции. Мужчина нервничал больше остальных, обливаясь потом и дрожа. Но он пошел на это ради своего единственного ребенка.

Пуля нашла его, разmozжив его голову в кровавое месиво. Наверное, оружие чувствует самый сильный запах человеческого страха.

На следующий день он нашел семью погибшего и оставил в их почтовом ящике сто тысяч, завернутые в обычный мусорный пакет. Он не считал это подвигом со своей стороны. У него было слишком много денег, которые могли удовлетворить любой его каприз и прихоть. Но деньги были всего лишь бумагой, за которые на самом деле можно было купить не все.

Он знал это слишком хорошо.

Вейдж Ло, основатель клуба, вышел в центр круга, взяв слово:

— И так, пятеро смелых, или глупых, — пожилой китаец противно усмехнулся под рокот зрителей, — вызвались принять участие в игре. Есть ли шестой желающий, чтобы мы могли начать?

Он медленно оглядел толпу, выискивая последнего претендента на тот свет. Участников всегда должно было быть шесть, чтобы шансы у всех были равны. Но люди обычно не рвались расстаться с жизнью.

Даже большое вознаграждение не могло послужить движущим стимулом, только если в человеке не было сбоя, который стирал чувство страха и ослабевал инстинкт самосохранения. Порой зависимость человека от адреналина была такой сильной, непреодолимой, что это толкало на участие в игре. Иногда с летальными последствиями.

— Я буду шестым, — ровным голосом вызывается он, выходя в круг.

В нем давно нет этого стопора, который срабатывает в самые опасные моменты, чтобы сохранить свою шкуру. Еще не известно, что будет лучшим для него: смерть или то, что он именовал своей жизнью.

— Удача улыбалась тебе дважды, но ее благосклонность не будет вечной, — хихикнул Вейдж, подергав себя за жидкую бороду. Он никогда не забывал тех, кто приходил в его клуб.

— На это и расчёт, — сухо отзывается он, холодно встречая испытывающий взгляд Вейджа.

Он сюда не за мудрыми речами пришел.

Он сказал ей, что их договор будет расторгнут в случае смерти одного из них. Она не поняла, что он имел в виду себя.

Шестеро мужчин разных возрастов и социальных положений стали в круг. На лицах четверых читалось напряжение, и только еще один парень был совершенно спокоен, как и он, не боясь умереть от пули.

Вокруг стало тихо, зрители замерли в предвкушении жестокого зрелища и трагедии, которая вот-вот развернется.

Шансы у всех были равные. После каждого выстрела барабан несколько раз проворачивали, и все они были в одинаковом положении.

— Сейчас барабан пуст! — громко огласил Вейдж, подняв вверх револьвер с ручкой из слоновой кости и показывая, что в патроннике нет патронов. — Одна пуля, шансы один к шести.

В другой его руке показался патрон, который он вставил в барабан и после несколько раз прокрутил его.

— Кто начнет первым, покажет жребий. Тот, кто вытянет бумажку с единицей, начнет игру.

Молоденькая девушка прошлась по кругу, держа в руках глиняную миску. Каждый по очереди взял по одному сложенному листу.

— А теперь разверните их, — скомандовал Вейдж.

Ему досталась тройка; единица же выпала его хладнокровному сопернику.

— И так, пусть начнется игра! — торжественным голосом воскликнул Вейдж, бережно передав револьвер в круг.

Первый оказался холостым. Барабан прокрутили и пустили дальше дальше.

Второй так же холостой.

Прокрутили, протянули ему. Пар тридцать глаз не мигая уставились на него.

Тяжесть горячего металла легла в его ладонь. Крепко сжал пальцы, поднеся к виску. Пульс ускорился, адреналин ударил в кровь.

Вот оно. Тот момент. Момент, когда он может побороть своего демона, забрав у него главную жертву. Себя. Больше не будет разрушенных судеб, чужой боли, угрызений совести, которое действует как молния — бьет редко, но с поражающей силой. После этого либо забвение, либо все как прежде.

До следующего раза.

В нем нет страха, нет колебания. Если ему повезет, его пуля найдет его. Один миг и все закончится.

Один поражающий выстрел и она будет спасена.

Он прикрывает глаза, моля о том, чтобы третий раз стал последним. Жмет на курок и... И ничего. Холостой.

Он, везучий ублюдок, который заслужил получить пулю в голову. Заслужил за все, что делал и еще сделает.

Монстр в нем ухмыляется в злорадной усмешке. Нет, их путь вместе еще не окончен.

И внезапно, сквозь свое разочарование и веселье демона внутри, он чувствует нечто новое. Облегчение.

Облегчение от того, что остался жив? Что единственная пуля не досталась ему? Но разве это не противоречит его желанию? То, ради чего он пришел сюда?

Он хмурится, пытаясь понять, что это. Откуда эти новые изменения? Что послужило тому, что вопреки желанию найти вечный покой, сейчас он испытал радость того, что этот день не стал последним его днем на земле?

И тогда озарение снисходит на него.

Грейс.

Он не готов, пока не готов. Из-за нее. Мысль, что он еще увидит ее, услышит ее голос, прикоснется к ней и вызвала это облегчение.

Он не готов отпустить ее, и в этот раз не из-за желания дьявола внутри него. Он не отпустит ее ради себя, потому что впервые за долгие годы он увидел иной путь.

Возможно разрушение — это не все, на что он способен?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Это было странное ощущение — проснуться в постели Адама. Между нами существовали физические отношения вот уже почти два месяца, но технически мы еще не спали друг с другом.

Сегодняшняя ночь стала началом чего-то нового. Я чувствовала это, некое изменение в нем. Адам не говорил об этом, а я и не спрашивала. Просто что-то было иначе. И дело было не только в том, что он захотел заниматься любовью в своей спальне, и позволил мне спать с ним в его постели.

Так, стоп — я сказала «заниматься любовью»? Странно было думать так, но мы и правда, делали это. Мы не трахались, а занимались любовью, совсем как в тот единственный раз в его машине. Правда, события, последовавшие после, были далеко не самыми приятными в моей жизни, и я надеялась, что повторения нам удастся избежать.

Ночью я спала очень крепко и, проснувшись на следующее утро, почувствовала себя отдохнувшей и расслабленной! Адам очень, очень хорошо постарался, чтобы я уснула полностью удовлетворенной. Хороший секс делал тело бодрым, а мысли умиротворенными. Ну, хотя бы за это я могла сказать спасибо своему тирану.

Адама рядом не обнаружилось, но я уже знала, что он был ранней птичкой. Наверное, все крупные бизнесмены в мире, капитал которых насчитывает миллиардные состояния, не могут позволить себе долго и беззаботно валяться в постели.

Когда же тогда они будут деньги зарабатывать?

Приподнявшись на локтях, я обвела сонным взглядом комнату. Вчера мне было совершенно не до оглядывания по сторонам.

Дизайн меня не удивил, он был как раз под стать Адаму. И стены и немногочисленная мебель были выдержаны в светло-серых тонах. На первый взгляд казалось, что такое цветовое решение выглядит холодным, но я подумала, что слово «успокаивающий» более точно отражает суть комнаты.

Конечно же, главной достопримечательностью здесь было огромное панорамное окно во всю стену, как раз напротив кровати, которая так же поражала размерами.

Отбросив одеяло, я вскочила с кровати, оглядевшись в поисках своих вещей. Их не было, но зато на спинке кресла аккуратно висела белоснежная рубашка, рядом с которой лежала записка с единственным словом: «Надень».

Не удержавшись, я усмехнулась, покачав головой. Это точно был тонкий намек на мое недавнее щеголянье в футболке Джейса. Очевидно, Адама задело это сильнее, чем я думала.

Быстро посетив ванную, я накинула поверх обнаженного тела рубашку Адама: мягкий хлопок приятно льнул к коже. Подкатав рукава, я подошла к окну и осторожно посмотрела вниз.

Ух! Моя голова тут же закружилась, а во рту появилась сухость. Нет, такая высота — это адское испытание для меня. Каким бы прекрасным ни был вид, я предпочитала держаться подальше от окон, сквозь которые отчетливо видно, как далеко над землей я нахожусь.

Затаив дыхание в ожидании того, что на этот раз Адам приготовил моим бедным нервам, я вышла из комнаты и спустилась на первый этаж. В кухне я обнаружила Найджела, засмущавшись своего внешнего вида, скомкано поздоровалась с ним. Дворецкий Адама невозмутимо кивнул мне, пожелав доброго утра.

Интересно, как часто он видит девушек своего хозяина в его рубашках?

Эти мысли не могли не испортить настроение, и я быстро отодвинула их на задворки.

— А где мистер Эллингтон, Найджел? — потягивая предложенный мне апельсиновый сок, спросила я.

Надеюсь, Адам не уехал в офис или не улетел в очередную командировку, потому что тогда его пожелание, чтобы я надела его рубашку было бы бессмысленным.

— Хозяин в своем кабинете, — не отрываясь от приготовления завтрака, сообщил мужчина.

Я пробормотала какие-то слова благодарности — Найджел как-то подавляюще действовал на меня — и отправилась на поиски Адама. Я чувствовала в себе некую непреодолимую потребность увидеть его, просто чтобы почувствовать рядом.

Иррациональные мысли и желания, которые я даже больше не пыталась понять.

Дверь кабинета была приоткрыта, но я все равно тихо постучала, прежде чем войти. Адам как раз разговаривал с кем-то через бютус гарнитуру. Взглянув на меня, он дал мне знак войти, не прекращая разговор, который, кстати, велся на испанском языке.

Меня не могло не впечатлить, что говорил он довольно бегло и уверенно.

Интересно, сколько еще загадок в этом мужчине?

От меня так же не укрылась вспышка в глазах Адама, когда он увидел, в чем я одета, но он быстро вернул себе сосредоточенное выражение лица, более не отвлекаясь.

Я не понимала ни слова из того, что он говорил, так как в школе иностранным языком выбрала итальянский, а потому прислушиваться не стала. На противоположной от стола стене работало сразу несколько плоских телевизоров, ранее не замеченных мной, по всей видимости, из-за того, что были скрыты раздвижной панелью. Все они передавали бизнес новости со всех уголков мира.

Присев на диван, я бросила взгляд на часы, но так как утро у меня было свободным, я могла не торопиться. Вчера я солгала Адаму про утреннюю лекцию, в попытке улизнуть, за что теперь почувствовала маленький укол совести.

Минут через десять он, наконец, завершил разговор и, выключив сразу все экраны

одним нажатием кнопки на пульте, не торопясь приблизился к дивану и сел рядом со мной.

— Мне нравится, как эта рубашка смотрится на тебе, — прищурившись, одобрительно проговорил он.

Я усмехнулась и вскинула брови.

— Хорошо, тогда надеюсь, ты не станешь ее рвать. — Я состроила серьезное лицо. — Было бы очень жаль.

Он улыбнулся и покачал головой. У меня от сердца отлегло — кажется, он был в хорошем настроении.

— Как спалось? — Он протянул руку, легонько ухватившись пальцами за мой локон.

Я кивнула, пытаюсь справиться с вдруг возникшим волнением.

— Хорошо. На самом деле отлично. — Мне пришлось приложить усилие, чтобы не отвести глаз, выдерживая его проникающий взгляд.

Мне так хотелось спросить, что послужило его изменению в отношении меня, но я прикусила язык, боясь спугнуть это, чем бы оно ни было.

— Учитывая, что ты не торопишься, я делаю выводы, что слова о твоей утренней лекции были неправдой? — Он слегка приподнял брови, беззлобно глядя на меня.

Я смущенно пожала плечами.

— Ох, Грейс. — Он усмехнулся и, наклонившись ко мне, уткнулся носом в мои волосы. — Ты неисправима.

Я замерла, в смятении покусывая уголок губы. Поведение Адама было таким... нормальным, будто Адам был вовсе не Адамом, которого я знала. Мне нравилось, что он был добродушен со мной и его близость, в которой была некая ранее скрытая нежность.

И все же, я напомнила себе, что не стоит слишком расслабляться. В дальнейшем это может выйти мне боком. Я уже не раз получала горький урок, только вот плохо его усвоила.

Но вместе с тем, что он мог быть жесток, и порой даже очень, он так же мог быть очарователен, когда хотел этого. Это действовало не лучшим образом на мое твердое убеждение не размякать рядом с ним. В Адаме был некий магнетизм, очень сильный, и он работал в обоих его состояниях: когда он был засранцем, и когда таким обаятельным мужчиной.

— Тебе удалось узнать что-нибудь о том, кто мог послать мне анонимку? — дабы мой здравый смысл напрочь не уплыл, с трудом спросила я. Думать связно, когда его теплые пальцы ласкали мое бедро, а лицо было зарыто в мои волосы, казалось очень тяжелой задачей.

Адам нехотя отстранился, чтобы иметь возможность посмотреть на меня.

— Давай ты не будешь думать об этом, хорошо? — Он вздохнул, когда я поджала губы в несогласии. — Грейс, я обещал тебе, что выясню все, так что оставь это мне. У тебя наверняка есть дела куда важнее.

— Да, но это мне прислали записку с довольно таки тревожным содержанием, не находишь? — Я вскинула брови, отклонившись назад, чтобы полностью видеть его. — И как-то так получается, что я думаю об этом. Было бы странно и глупо не думать.

Он смотрел на меня в раздумье несколько секунд, потом кивнул, сдаваясь.

— Ладно. Как только мне что-то станет известно, я сообщу тебе. А теперь пошли, пора завтракать.

Он потянул меня за руки, поднимая и не выпуская мою ладонь, вывел из кабинета.

— Я не хочу, чтобы ты еще спал с кем-то, помимо меня, — заявила я, прямо посмотрев

на Адама. Он поднял голову от утренней газеты, выглядя немного удивленным. — На время соглашения, конечно, — дернув плечами, добавила я.

Я нашла в себе смелость сказать об этом вслух, потому что его секс с другими девушками ранил меня, и я больше не хотела молча давиться своей обидой. Адам довольно долго молчал, и я едва не начала ерзать под его взглядом, пожалев, что заговорила об этом сейчас.

Все, теперь он точно разозлиться и такое хорошее утро будет испорчено.

— Хорошо, — наконец кивнул он, тут же вернувшись к своей газете.

Хорошо? Просто «хорошо» и все? Вот так запросто?

Мой рот в изумлении приоткрылся, так как если честно, я не ожидала, что он согласится.

Нахмурившись, я отправила в рот кусочек вафли, сосредоточенно жуя.

Нет, так дело не пойдет.

— Хорошо? — Я поддалась вперед, требовательно посмотрев на мужчину. — Ты же понял, о чем я спросила тебя, да?

Глубоко вздохнув, он опустил газету и медленно кивнул.

— Да, Грейс, я правильно понял тебя. Твое заявление было довольно четким, и я еще не научился понимать английский язык.

Его голос звучал с иронией, что заставило меня еще больше насупиться.

— И ты даже спорить не станешь? — Подозрительно прищурилась я, все еще ожидая подвоха с его стороны.

— Зачем? — Он с недоумением пожал плечами. — Я согласен, не вижу смысла спорить.

— И ты сможешь десять месяцев обходиться только мной? — никак не сдавалась я.

Едва заметная усмешка скользнула по его губам.

— Странно, что тебя это удивляет, — он покачал головой, отпив свой кофе, — потому как с сексом у нас нет проблем. Меня все устраивает. Более чем.

Закатив глаза, я опустила голову, слегка покраснев от его слов. Ну да, это правда, эта сторона наших отношений была единственной, где у нас не было проблем.

— Ладно, если так хочешь, у меня все же есть одно условие, — вдруг произнес Адам.

Я мысленно усмехнулась: ну вот, так и знала!

— Слушаю. — Я махнула рукой, ожидая чего-нибудь дикого, достойного Адама.

— Если уж я не сплю с другими женщинами, то и ты тоже. Эта улица с двухсторонним движением.

Мой рот в возмущении распахнулся, но заметив, как его губы дрожат в едва сдерживаемом смехе, мне захотелось его и прибить и расхохотаться.

— Ауч! — Я кивнула, признавая, что ему удалось подколоть меня.

Странно и в тоже время интересно было обнаружить, что у него есть чувство юмора. Но более удивительным было то, что я искренне смогла улыбнуться на его шутливое замечание.

— И так, какие планы на завтра? — спросил он после того, как мы почти закончили с завтраком.

Еще одна странность — он никогда не спрашивал меня про мои планы, и если уж чего-то хотел от меня, то мое мнение его не интересовало.

— На самом деле планов нет. Завтра последний день перед зимними каникулами, все на месяц разъедутся кто куда. Наверное, к бабушке поеду.

Жизнь с Адамом меня так закрутила, что я почти забыла, что вот-вот наступит Рождество. А зря. Мне еще нужно было пройтись по магазинам в поисках подарков, съездить на елочную ферму, потому что в доме бабушки всегда стояла живая ель на Рождество и переделать мелкие дела, которые вечно откладываешь до самых праздников.

— Завтра открывается мой новый ночной клуб, — потеряв бровь, сообщил Адам. — Я хочу, чтобы ты пришла на открытие.

Я уловила в его нотках возможность для меня отказаться, но идея пойти с ним на открытие ночного клуба вдруг показалась мне заманчивой.

— Окей, — кивнув, просто согласилась я. — Наверное, это будет интересно.

Адам передернул плечами, с видом «что там может быть интересного, просто очередной клуб открывается». Ага, конечно, это он привыкший к подобным мероприятиям, но не я.

— И сколько у тебя таких ночных клубов? — стараясь не слишком афишировать свое любопытство, спросила я, отправив в рот кусочек сладкой дыни.

— Это будет шестой, если мы говорим о лично моих. Еще пятнадцать, в которые я инвестировал деньги.

— Ясно. — Я с трудом удержала удивленный свист. — Почему именно ночные клубы? Снисходительная улыбка тронула его губы.

— Ночные клубы — это лишь малая часть, очень малая того, во что делаю вклады. Люди всегда ищут хорошее место, чтобы отдохнуть и расслабиться после трудовой недели, отметить какое-нибудь знаковое событие в жизни, да просто оторваться, в конце концов. Индустрия ночных заведений приносит хорошую прибыль. Было бы глупо избегать этого.

Я и не заметила, как заслушалась Адама, пока он рассказывал мне, чем занимается его компания и какие последние проекты были у него в приоритете. Мне, в самом деле, было интересно, к тому же, он оказался хорошим рассказчиком. Я, которая мало что понимала в финансовой кухне, ловила каждое его слово. Если бы Адам когда-то решил преподавать курс бизнеса в университете, его класс был бы забит до отказа. Я невольно сравнила его со своим профессором экономики со второго курса, у которого даже самые активные студенты засыпали на лекциях.

Время завтрака пролетело быстро, слишком быстро. Оказывается, мы могли нормально разговаривать, без споров и смущающих фраз. И когда Адам сказал, что ему пора ехать в офис, я невольно испытала разочарование.

Впрочем, мне так же пора было возвращаться в университет, если не хотела опоздать на послеобеденный тест. Завтра у меня должно было состояться два экзамена, и после месяц свободы.

— Завтра в девять, — напомнил мне Адам, когда я выходила из машины перед общежитием. — И Грейс, надень что-нибудь сексуальное, — усмехнулся мужчина, поиграв бровями.

Я закатила глаза и отвернулась, прикусив губу, чтобы не расплыться в идиотской улыбочке.

Ох, мамочки, я вот-вот пропаду, и никого нет рядом со спасательным кругом!

Следующим вечером, за полчаса до назначенного времени, я была полностью готова, чувствуя себя больше раздетой, чем одетой в откровенном и горячем платье красного цвета — так же купленным Адамом.

Но он же сам заказывал «сексуально», верно? Куда уж более.

Я рассчитывала хорошо и весело провести время в компании «нового» Адама. Надеюсь, что те изменения, по какой бы причине они не произошли, все еще действуют и сегодня со мной в клуб отправится не старый, сварливый, сумасшедший тиран.

— Он кипятком описается, увидев тебя в этом платье, — одобрительно закивала Лорен, наблюдая за моими приготовлениями.

Эмми уже уехала домой на каникулы, а вот Лорен завтра предстояла последняя пересдача, задержавшая ее на кампусе.

— Спасибо, наверное, — я засмеялась, как всегда оценив ее выбор слов. — А ты сегодня никуда не собираешься?

Я красноречиво посмотрела на подругу, валяющуюся на постели в старых трениках и хрустящую печеньем с шоколадной крошкой.

— Неа. — Лорен кисло скривилась. — Сейчас мертвый сезон, почти все свалили, ни одной даже самой зачуханной вечеринки.

— А с Райаном вы не встречаетесь?

Присев на кровать, я обула черные лаковые ботильоны.

— Да мы вроде как вообще больше не встречаемся, — передернула плечом Лорен, но при этом отвела взгляд, что было не характерно для нее.

— Что?! — Я распахнула рот от удивления и, вскочив, плюхнулась на покрывало рядом с ней. — Почему? Что вообще произошло?

— Райан оказался тем еще куском дерьма. Знаешь, что он мне предложил? Групповушку со всей группой. — Она безрадостно усмехнулась. — Как тебе?

Моя челюсть шокировано отпала. И почему я не знала этого? Или эта карусель под именем Адам Эллингтон так захватила меня, что я уже перестала обращать внимание на личную жизнь подруг?

Мне это не нравилось.

— Мне жаль, дорогая. — Я погладила Лорен по плечу, стыдясь того, что стала такой эгоисткой. — Почему ты сразу не сказала?

— Не знаю. — Она развела руками. — Ну, я вроде как не слишком заморачиваюсь по поводу потери очередного парня, правда? Что значит еще один?

Хоть Лорен и старалась говорить беззаботно, но я видела, что ее это гложет. Не могла же я бросить ее в такой депрессивный момент.

— Собирайся! — Встав на ноги и посмотрев на подругу сверху вниз, скомандовала я.

Лорен в полной растерянности округлила глаза.

— Куда?

— Ты поедешь с нами в клуб.

— Грейс, Эллингтон взбесится, — фыркнула подруга, но по ее блеску в глазах я поняла, что ей хотелось этого.

— Не взбесится, — возразила я, хотя все же имела сомнения на этот счет.

Не важно! Позвоню Адаму и поставлю его перед фактом, а будет против, скажу, что и сама не поеду.

— Давай, приводи себя в порядок, у тебя двадцать минут, — поторопила я все еще колеблющуюся Лорен. Сдавшись, она побежала в ванную, а я достала смартфон и сделала то, чего не делала еще никогда — я позвонила Адаму.

— Грейс? — Не тратя время на приветствие, настороженно произнес он. Да, видно ему так же было странно, что я звоню.

— Привет! — Я начала слишком бодро, пытаясь побороть волнение и тут же поморщилась. Я все еще не знала, как вести себя с Адамом, в любом его проявлении.

— Что-то случилось? — голосом, не скрывающим озабоченность, спросил мужчина.

Ну вот, мой восторг заставил его тут же подумать о чем-то нехорошем!

— Нет, нет, все нормально. На самом деле, я хотела попросить тебя, если ты не против (ха-ха, а как же намеренье поставить его перед фактом?), чтобы моя соседка по комнате поехала в клуб с нами? — Нервничая, я на автомате принялась кусать ноготь большого пальца. — Знаешь, я бы не хотела сейчас оставлять ее одну.

Адам ответил не сразу, и я буквально слышала, как он раздумывает. От напряжения даже начала постукивать ногой по полу.

— Хорошо, пусть едет, — наконец вздохнув, решил Адам. — Просто знаешь, у меня были планы на лимузин и тебя, — вдруг понизившимся голосом сообщил он.

Я прикрыла глаза, беззвучно чертыхнувшись. Уже почти пожалела, что пригласила Лорен с нами.

— Но помни, Грейс, — продолжил Адам, потому что я молчала, не в состоянии и слова вымолвить, — тебе придется отблагодарить меня за это.

И усмехнувшись, он отключился.

К тому моменту, как лимузин Адама заехал за нами, мы с Лорен были при полном параде. Подруга справилась в рекордные сроки, выглядя просто отпад в открытом серебристом платье и высоко зачесанными черными как смоль волосами.

Я подбадривающе сжала ее руку, когда мы шли к лимузину. Квентин уже открыл для нас дверцу и приветственно поклонился нам. Я улыбнулась мужчине, поздравив с наступающими праздниками.

Лорен, какой бы бойкой она ни была, все же нервничала перед встречей с Адамом. Я столько рассказывала ей про него, что было бы странно обратное.

Адам поздоровался с нами, когда мы забрались в машину, и я с трудом скрыла довольную улыбку, потому что он выглядел довольно приветливо, а не сидел с видом плюющей на всех задницы. Я представила ему Лорен, и он кивнул ей, при этом даже слегка улыбнувшись.

Ух ты, неужели мы делали прогресс?

— Шампанское? — Адам достал из бара бутылку «Кристалл», чуть выгнув бровь на нас с Лорен.

— Было бы отлично, — с улыбкой отозвалась подруга, а я просто кивнула.

— Грейс. — Адам как-то по особенному произнес мое имя, протянув мне бокал с шампанским. Он чуть наклонился в мою сторону и взгляд его серых глаз смотрел очень греховно и возбуждающе: он оценил мое платье, когда я сняла пальто.

— Спасибо. — Я тяжело сглотнула; наши пальцы на миг соприкоснулись, когда я забирала бокал. В горле пересохло, и я сделала большой глоток, невольно сжав бедра.

Я не могла не думать о том, чем мы могли бы заняться в лимузине, будь тут одни.

— Хорошо сдала экзамены? — испытывая меня своим дерзким взглядом, спросил мужчина.

Я даже не стала спрашивать, откуда ему об этом известно. Напрасная трата времени и слов.

— Да, более чем. — Я кивнула с улыбкой на губах.

Черт, это в машине так жарко, или я просто горю только от того, как он смотрит на

меня? Я слегка нахмурилась, отпивая из бокала. Мое белье определенно увлажнилось, отчего мои щеки покраснели.

— Большое ожидается открытие, мистер Эллингтон? — с интересом спросила Лорен, видно решив прийти мне на помощь. — Возможно, кто-то из знаменитостей?

— Будет пара-тройка, — приподняв уголки губ, сдержанно отозвался Адам, переведя взгляд на Лорен и наконец, перестав «иметь» меня взглядом. — И можно просто Адам, без мистеров.

Фух! Я готова была расцеловать свою бесстрашную подругу, которой все же удалось преодолеть свое волнение.

Наконец лимузин сделал последний поворот и остановился. Сквозь затемненные окна я видела огромную толпу людей собравшихся перед входом клуба. Были тут и репортеры с щелкающими затворами фотокамер и красная ковровая дорожка. Видно, открытие и правда ожидается грандиозное. Это вам не занюханный клуб для студентов.

Мы подождали, пока Квентин откроет дверцу лимузина. Адам вышел первый, тут же попав под обстрел фотовспышек. Господи, можно подумать, мы на «Оскаре»!

Он протянул руку и, вложив в нее свою ладонь, я ступила на дорожку. Следом он так же помог выйти Лорен. Чувствуя себя неловко под объективами, я попыталась отойти за спину Эллингтона, но он твердо сжал мою ладонь, притянув к себе.

Что ж, когда эти снимки появятся в прессе, сомнений в наших отношениях не останется. — Грейс, — пробормотала Лорен, незаметно пихая меня в бок.

Я посмотрела на нее, и она сделала движение головой, мол: «посмотри вверх». Приподняв глаза, я оторопела. В буквальном смысле.

— «Темная благодать»? — Я с трудом заставила себя говорить, в полном недоумении посмотрев на Адама. — Ты назвал клуб «Темная благодать»?

Ничуть не смутившись, он передернул плечами.

— Расслабься. Название клубу было придумано задолго до того, как я тебя встретил.

Что ж, мне хотелось верить в такое объяснение. Да, такое возможно, просто совпадение. В самом деле, он же не назвал клуб в честь меня, считая меня темной Грейс, верно?

Наконец мы вошли в клуб, дизайн которого был выполнен в акустическом стиле. Мне здесь очень понравилось, о чем я и сказала Адаму. По улыбке, появившейся на его губах, я поняла, что ему мои слова были приятны.

Завидев Адама, к нам тут же подскочил менеджер, которого нам представили как Фредерико. Невысокого роста симпатичный итальянец, с уложенной гелем прической сутился вокруг босса, докладывая о текущих событиях. Адам внимательно его слушал, кивал и задавал короткие вопросы, касающиеся по части организации вечера. Я же, задрав голову, с восторгом любовалась подсвеченными акриловыми нитями, свисающими с потолка. Они меняли свой цвет, реагируя на музыку.

— Охринеть! — придвинувшись ко мне, выдохнула Лорен.

— Ага. — Кивнула я.

— Смотри, это же вроде та актриса из популярного сериала! — указав пальцем в компанию молодых людей, сидящих в зоне отдыха, зашептала моя восторженная подруга. — Говорят, она уже дважды лечилась от наркозависимости.

Я шикнула на Лорен, чтобы она не тыкала пальцами в людей. Не хватало еще, чтобы Адам за нас краснел. Но стоит Лорен увидеть какую-никакую знаменитость, как она впадает в экстаз.

В сопровождении Фредерико, мы поднялись на второй этаж, который являлся ВИП-зоной. Там, на длинных белых диванах уже собралась большая компания. Джейса и Эрика я узнала сразу, а вот еще одного мужчину и трех девушек я видела впервые. Адам представил нас друг другу, но имена незнакомцев тут же вылетели из головы.

— Какие красотки! — посмеиваясь, воскликнул Эрик. — Эл, тебе две не много?

— Заткнись, — беззлобно покачал головой Адам на выпад друга.

Я в удивлении посмотрела на Адама — Эл? Это что, вроде его прозвища?

— Мы тебя уже ждали, Адам, — неприятно гнусавым голосом заявила одна из девиц, тощая блондинка с подозрительно длинными ресницами.

Ну да, я была предвзята! И мне не нравилось, что она с видом голодной лисы смотрела на моего спутника.

— Ну, вот я здесь, Фиона, — едва взглянув на девуцу, произнес Адам, усаживая меня рядом с собой.

Фиона бросила на меня злобный взгляд, но тут же поджала губы и отвернулась к Эрику, сделав вид, что срочно хочет ему что-то сказать.

Я обвела присутствующих неторопливым взглядом, стараясь слишком не выказывать интерес, а дойдя до Джейса, который наблюдал за мной, улыбнулась ему и слегка приподняла ладонь, приветствуя.

Мужчина кивнул, но смотреть перестал. Я б на его месте тоже престала, учитывая тяжелый взгляд Адама, направленный на него.

Девушки были похожи на моделей: все высокие, худые и красивые. Я не знала, кем они приходились мужчинам и с кем именно пришли. Но две облепили Эрика, который буквально купался в их внимании.

Мужчина, которого я видела впервые, казался чуть моложе Адама и его друзей; едва ли за тридцать. Наверное, он все же был с девушкой, которая не вешалась на Эрика, хотя и тут не скажешь наверняка.

Официант, который примчался так быстро, как позволяли ему его ноги, принял у нас заказ, и в скором времени мы уже потягивали свои коктейли. Я заказала «Секс на пляже», и, смакуя эту вкусноту, пришла к выводу, что я могла бы и привыкнуть так жить.

Рука Адама лежала на моем голом плече, пальцы рассеянно поглаживали кожу. Это отвлекало и не позволяло совсем уж расслабиться.

Да, я помнила о том, что позже должна буду «отблагодарить» его. Уже не могла дождаться.

Я не вникала в разговор между мужчинами, потому что обсуждаемые люди и события были мне не знакомы. Девушки тоже все больше молчали, вставляя периодически какие-нибудь замечания, но не Фиона. О нет, эта «зажигалка» смеялась громче всех, стараясь везде вставить, свои пять копеек, и флиртуя одновременно со всей мужской частью. Мы с Лорен красноречиво переглядывались, ведя молчаливый диалог на тему этой пигалицы.

Надо отдать ей должное, она явно не хотела смириться, что Адам пришел не один и сидел со мной, не обращая на нее внимания. Кидала на меня уничижительные взгляды, а ему сладко улыбалась и хлопала ресницами, то и дело выдавала какую-нибудь льстивую чушь. Уже через пятнадцать минут мне хотелось хлопнуть ее лицом об стол.

Скоро появился Фредерико, что-то шепнул на ухо Адаму и мой спутник отлучился, обещав скоро вернуться. Я все понимала: он хозяин клуба, и сегодня дебют заведения, и он обязан уделить внимание гостям, но все же, мне не хотелось, чтобы он оставлял меня.

— Все нормально?

Стоило Адаму уйти, как Джейс подсел ко мне, чем удивил меня.

— Да. — Я кивнула, надеясь, что моя реакция не слишком очевидна.

— Знаешь, не обращай внимания на Фиону, — нагнувшись к моему уху, так, чтобы только я слышала, вдруг сказал он. — Она просто любит строить из себя стерву.

— Все в порядке. — Я улыбнулась, показывая ему, что меня это не беспокоит.

Интересно, зачем он говорит мне все это? Неужели это просто проявление некой заботы?

Но с чего бы?

— Эй, Грейс, пошли, подергаемся! — Лорен вскочила с дивана, качнувшись от выпитого алкоголя, и потянула меня за руки.

Я не прочь была потанцевать: все же лучше, чем сидеть и ждать, пока Адам решит свои дела.

Шампанское, выпитое в лимузине, а позже коктейли дали о себе знать и поддавшись атмосфере, мы протанцевали несколько треков, пока не начали задыхаться. В какой-то момент я почувствовала, как чьи-то руки обвивают меня и, решив, что это Адам, обернулась с улыбкой на лице.

Это не был Адам, а какой-то совершенно незнакомый мне тип, который скабрёзно скалился, похотливо пялясь на меня. Я дернулась, скидывая его руки, готовая заехать ему по лицу, если не уgomонится.

Впрочем, это и не понадобилось. Потому что буквально за пару секунд два накаченных охранника в черных футболках обступили моего незадачливого ухажера и, взяв под руки, поволокли на выход.

— Вот это сервис, — перекрикивая музыку, засмеялась Лорен.

Я только пожала плечами, сомневаясь, что все дело в сервисе. Оглянувшись по сторонам, я подняла голову на галерею и встретила взглядом с Адамом.

Знала, что это его рук дело!

Усмехнувшись, я отвернулась, продолжив танцевать. Музыка, которая играла в этот момент, была неспешной, с чувственными нотками и я очень постаралась в движениях своего тела показать ему, что я не забыла про его слова, сказанные по телефону.

Когда через пару минут сильные руки легли мне на талию, я даже не сомневалась, кому они принадлежат. Я продолжала двигаться, а тело Адама все сильнее прижималось ко мне. Он обхватил ладонями мои бедра и резко потянул на себя; мой зад прижался к его ощутимой твердости в брюках.

Мое дыхание участилось; это было так волнительно, чувствовать его возбуждение посреди клуба, полного людей.

Я еще тесней прижалась к телу Адама, откинув голову ему на плечо. Его горячие губы обхватили мочку моего уха, слегка посасывая. Пол под моими ногами зашатался; веки отяжелели и стали закрываться. Сквозь губы раздался тихий стон.

Я и так была взвинчена от его откровенных взглядов, а теперь, когда он касался меня, готова была воспламениться.

— Хочу оттрахать тебя, жестко и глубоко. Больше не стану ждать и минуты, — на ухо прорычал мне Адам, отчего мое нижнее белье промокло насквозь.

Он крепко взял меня за руку, выводя из толпы. Я только успела заметить, что Лорен уже танцевала с каким-то парнем.

Я вся дрожала от нетерпения и возбуждения, едва не улыбаясь, как дурочка от его грубых, пошлых, но таких сексуальных и заводящих слов.

Я больше не понимала, в кого я превратилась, но честно, сейчас мне было совершенно плевать на это.

Адам завел нас в какой-то коридор, ведущий к помещениям для персонала и, провел ключ картой по слоту возле одной, после чего мы оказались на складе. Здесь стояли стеллажи в несколько рядов, уставленные самыми разными барными товарами и алкоголем.

Медлить он не стал, тут же притянув меня к себе, обхватывая затылок одной рукой и поворачивая мою голову под удобным для него углом для поцелуя. Он буквально впечатал свои губы в мои, целуя меня яростно, до одурения. Мне и самой было не до нежности. Наши рты поглощали друг друга, словно соревновались, кто кого выпьет до дна.

Адам не сильно подтолкнул меня к стоящему у стены столу, посадив меня поверх столешницы. Мое короткое платье задралось, обнажая бедра и открывая ему трусики-танга, когда я развела ноги, чтобы обхватить его за пояс.

— Красивые, но мешают, — дьявольски усмехнулся мне Адам, без сожаления сорвав с меня нижнее белье.

Я охнула и прикусила губу; все мои нервные окончания буквально гудели от силы чистого, неприкрытого желания.

Черт, на нем было столько одежды! Желая почувствовать его гладкие, сильные мышцы, я стянула с него пиджак и, вытащив полы рубашки из-под пояса, запустила ладони под одежду. Совершенно некогда было разбираться с пуговицами, а в такой лихорадке я просто сорву их с концами.

Я чувствовала, как сокращаются мышцы Адама под моими руками и, чувствуя подъем, прошлась ногтями по его спине и животу. Он покачал головой, улыбнувшись мне с горящим взглядом серых глаз.

— Детка, ты охренительно сексуальная, — севшим голосом пробормотал он в мои губы, удерживая меня за затылок. — Самая красивая и желанная в этом чёртовом клубе. Но только я могу иметь это. — Он прикусил свою губу, жестко посмотрев в мои глаза, прижав ладонь мне между ног. — Только я могу иметь мою Грейс.

И следующее, что он сделал, это расстегнул свою ширинку, сжал мои бедра и одним рывком оказался во мне.

Я зажала зубами ребро ладони, чтобы не закричать от яркости и силы ощущений. Переживая каждое восхитительное движение Адама; как он касается чувственных точек внутри меня, я хотела и смеяться и плакать. Он творил нечто удивительное, сумасшедшее и прекрасное не только с моим телом, но и с моей душой.

Это была моя погибель.

Мое возрождение.

Это была новая я, незнакомка, которая и нравилась мне, и пугала меня.

Я вспомнила недавние слова Адама, сказанные им в его комнате.

Да, я так же не думала, что и через год захочу, чтобы он отпускал меня.

Мы с Адамом уже приводили свою одежду в порядок, когда дверь склада внезапно открылась, и оторопевший Фредерико захлопал глазами на нас.

Неловко.

Я в смущении опустила голову, прячась за спиной Адама. Он же был ничуть невозмутим, будто нас и не поймали на «горячем».

— Ты что-то хотел, Фредерико? — терпеливым, как для него тоном, спросил Адам.

— Прос... Простите, мистер Эллингтон! — на одном дыхании выпалил менеджер клуба, очнувшись. — Я не хотел побеспокоить вас, сэр. — Мужчина так тяжело сглотнул, что мне и на расстоянии видно. — Если бы я только знал, сэр...

— Так ты здесь по определенной причине? — перебил словесные излияния итальянца Адам, видно решив, что так мы тут долго простоим.

— Всего лишь взять шампанское, сэр, — с жаром откликнулся Фредерико, наткнувшись взглядом на меня, но тут же поспешно отвернувшись.

— Хорошо, делай, что должен. Мы уходим.

Приобняв меня за талию, Адам вывел меня из помещения.

Мое лицо просто пылало от стыда.

— Ты в порядке? — Он обхватил ладонями мои щеки, прижав меня к стене в коридоре. В его глазах плясали лукавые смешинки.

Ох, так его эта ситуация позабавила?

— Да, наверное, в порядке. — Я слабо улыбнулась, решив, что ничего страшного не произошло. — Неловко просто.

Мужчина хмыкнул.

— Грейс, и как в тебе уживается это? — Он выразительно выгнул одну бровь на меня. — Ты можешь быть и очень развратной, и очень стеснительной.

Я только пожала плечами: нет, что можно сказать в ответ, когда тебя называют развратной?

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросил Адам, когда мы вернулись на второй этаж.

Я кивнула, ответив, что буду мохито. Беспокоясь о Лорен, я написала ей смс, чтобы дала о себе знать.

Адам назвал наш заказ подоспевшему официанту, а я тем временем старалась не встречаться ни с кем взглядом, потому что мне казалось, что все в курсе, чем мы занимались пять минут назад. И еще приходилось внимательно следить за ногами и держать их сдвинутыми: я была без белья, которое порвав, Адам засунул себе в карман брюк.

Наверное, будет не лишним носить с собой запасное.

Адам с Джейсом завели разговор о гонках. Я удивилась, когда выяснилось, что Джейс был гонщиком НАСКАР. Ну, надо же, никогда бы не подумала!

— Да, Джейс у нас знаменитость, — хлопнув друга по колену, усмехнулся Эрик. — Девочки сами сбрасывают с себя трусики, чтобы добиться внимания крутого парня.

Эрик как всегда веселился, но я уловила гордость за друга в его голосе. Улыбнувшись, Джейс посоветовал тому не нести чушь.

Скоро вернулась Лорен, раскрасневшаяся и жутко довольная. Она сделала большой глоток из моего стакана и, помахав рукой, попросила сходить с ней в уборную.

— Куда это вы с Эллингтоном пропали? — Подруга проказливо посмотрела на меня, когда мы вошли в пустую туалетную комнату, отделанную розовым гранитом. — Трахались небось где-нибудь в темном углу, да?

— Лор! — толкнув подругу в бок, возмущенно воскликнула я. — Ты то чего такая довольная? — надеясь отвлечь ее, поинтересовалась я.

Лорен мечтательно закатила глаза.

— Ну, я познакомилась с одним классным парнем. Так что вечер определенно удался. Спасибо, что взяла меня с собой.

Она с признательностью посмотрела на меня.

— Да не за что. — Я махнула рукой, и наклонилась к зеркалу, проверяя макияж.

В этот момент дверь открылась, пропуская Фиону и ее вторую половину. Кажется, девушку звали Эльза.

Я сразу сникла. Ну, вот не хотелось мне оказаться в такой ситуации. Наверняка же сейчас что-нибудь ляпнет.

— Гвен, правильно? — Фиона приторно улыбнулась мне, старательно делая вид, что пытается вспомнить мое имя. — Ой, Грейс! Точно, Грейс.

Ну, все, понеслась.

Мы с Лорен переглянулись, без слов поняв друг друга.

— Прости, просто никак не могу запомнить имена девушек Адама, — она натянуто улыбнулась. — Просто их так много, ты должна понять. Только запомнишь одну, как появляется уже другая.

— Ты что-то хотела, Фиона? — Я вся невольно напряглась, чувствуя себя примерзко. Не слишком приятно, когда тебя тычут носом в то, какой кобель мужчина, с которым у тебя вроде как отношения.

— Да просто предостеречь. — Она склонила голову набок, выдав мне сочувствующий взгляд. — Мы, девочки, должны помогать друг другу, а как иначе?

— А еще мы девочки иногда бывает такими суками, — делано-понимающим голосом вздохнула Лорен, положив руки мне на плечи.

Фиону аж перекосило.

— Я, правда, только лишь хотела предупредить. — Она раздраженно передернула плечами. — Адам отвратительно относится с такими девушками, как ты. — Она смерила меня жалостливым взглядом.

У меня кулаки чесались съездить ей по физиономии, и я лишь с трудом сдерживала себя.

— У Эла точно какой-то пунктик на девушек такого типа. Скажи, Эльз?

Спутница Фионы старательно делала вид, что занята разглядыванием своего лица в зеркале.

— Ведь, правда, Грейс похожа на тех его предыдущих? Как их там звали, уже и не вспомню.

— Фиона, пошли. — Эльза, у которой видно благоразумия было больше, нетерпеливо взглянула на подругу.

— Я не хотела тебя расстроить, Грейс. — Фиона приложила ладони к груди, выпятив нижнюю губу. — Но знаешь, лучше знать, что скоро на твоём месте появится другая. Так что не привыкай к Адаму, не совершай ошибку.

После этих слов Фиона, наконец, утомилась и последовала за подругой.

— Не обращай на нее внимания. — Лорен улыбнулась мне, подбадривая. — Она просто бесится и ревнует, это же слепому понятно.

— Значит, у нее было что-то с ним, если она так изводится. — Я поджала губы, удерживая подступившие слезы. Я была дико зла на Фиону, но разве ее слова не та самая грязная, отвратительная правда?

— Грейс, просто забей.

— Эта Фиона конечно та еще сука. — Я безрадостно усмехнулась, ткнув пальцев в сторону двери. — А я идиотка, самая настоящая.

Внутренне кипя, я вышла из уборной, решив кое-что выяснить у Адама. На этот раз ему не отвертеться.

Адам разговаривал с каким-то мужчиной, стоя у лестницы, а заметив мое гневное приближение, хлопнул его по плечу и двинулся навстречу мне.

— Что случилось? — Нахмурился он.

Я скрестила руки на груди, и не в силах скрыть свою уязвимость, требовательно спросила:

— Так какая я по счету, Адам? Какой номер у этой игрушки?

Прим. автора: Имя Грейс означает "благодать", потому что она и удивилась названию клуба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Какая муха тебя укусила? — сердито спросил Адам, как только дверь его кабинета захлопнулась за нами. Стоило мне спросить про его прежних девушек, как его взгляд похолодел и, процедив, что он не станет выяснять отношения при зрителях, привел меня сюда.

— Это правда, что ты следуешь какому-то определенному типу в выборе девушек? — Я скрестила руки на груди, храбро вскинув подбородок.

Не собираюсь показывать ему, как боюсь, что он вновь может стать сумасшедшим и жестоким.

— Кто тебе это сказал? — Его глаза прищурились, а взгляд стал колючим и испытующим.

— Не важно. — Я дернула плечом. — Так это правда? У тебя какая-то особая тяга к таким девушкам, как я? Это вроде твоего хобби — заводить отношения с молодыми брюнетками, развлекаться с ними и потом бросать, меняя на новую?

Адам молчал продолжительное время, и трудно было не заметить, как ему не по душе весь этот разговор. Удивительно, что он еще не накричал на меня, требуя заткнуться и отвалить.

— Окей, мне нравятся зеленоглазые девушки с каштановым цветом волос, стройные, среднего роста. Это вдруг стало преступлением? — Он вопросительно выгнул брови, очевидно ожидая ответа от меня.

Было похоже, что он обороняется. Значит, я попал в точку. Он и правда, следовал определенному шаблону. Не всегда, но его предпочтения были более чем ясны.

— Нет, это не преступление. Преступление причинять боль тем, кого ты привязываешь к себе. — С неожиданным чувством произнесла я, но тут же замолчала.

Зачем я порчу такой еще шаткий мир между нами? Мне ведь совершенно не хочется, чтобы он вел себя как прежде. Но все же, есть вещи, о которых я больше не могу молчать.

Адам выругался сквозь зубы, проведя рукой по волосам.

— Какого хрена на тебя нашло? — Он в недоумении смотрел на меня. — Это Фиона? Она что-то сказала тебе, что ты взбесилась?

Я усмехнулась, покачав головой.

— Ты очень проницательный. — Мои губы цинично изогнулись. — Она злится, что ты пришел не один. Ты ведь и ее трахал, да? — Я против воли поморщилась. — Она одна из твоих брошенных бывших?

— Грейс, — его голос стал вкрадчивым и тихим, что было сигналом к капитуляции, — это, мать твою, совершенно не твое дело!

Адам недобро улыбнулся мне, отчего по позвоночнику холодок прошелся.

«Спокойно, Грейс. Спокойно».

— Но могу тебя уверить, Фиона больше не побеспокоит тебя.

Его глаза вспыхнули угрожающим блеском.

— Ответь: какого черта ты позвал меня сюда, если ее так же пригласил? — Я обвинительно ткнула пальцем в его сторону. — Чего ты добивался этим, Адам?

Откровенно, меня не так задевали их прошлые отношения, как то, что он до сих пор общается с ней.

— Я не приглашал ее! — раздраженно бросил мужчина. — Она, к чертям собачьим, сестра Джейса! — Адам с досадой махнул рукой. — Только поэтому она здесь.

Я изумленно раскрыла рот.

— Сестра Джейса?

Вот уж чего я никак подумать не могла.

— Но они совершенно не похожи. — В растерянности покачала головой я.

— Они сводные брат и сестра.

Адам устало потер глаза, и мне вдруг стало жаль его. Сегодня он должен был разбираться с делами клуба, еще и я со своими ревностями.

Еще одна неприятная правда для меня: я ревновала Адама и не могла справиться с этим чувством.

— Ладно, извини, что начала сейчас этот разговор, — поколебавшись, все же сказала я.

Брови Адама удивленно изогнулись, и только он собрался что-то ответить, как раздался громкий звук, будто что-то взорвалось, а пол под ногами задрожал как при землетрясении. Большое окно, открывающее обзор на первый этаж, разлетелось мелкими осколками.

Оглушенная, я закричала, не понимая, что случилось. То ли и правда землетрясение, то ли где-то произошел взрыв.

— Грейс!

Крик Адама доносился, словно сквозь вату. Пригнувшись, потому что с потолка сыпалась штукатурка, он бросился ко мне. Схватив за плечи, толкнул в угол комнаты, прикрывая своим телом.

Внизу кричали люди, но второго взрыва не последовало. Мы оба с трудом дышали, и тревожные глаза Адама вглядывались в мои, полные страха и шока. Я чувствовала дезориентацию, в панике хватая ртом воздух.

Господи, что же это только что произошло? Где мы, в центре Чикаго, или на поле военных действий?

Как вообще такое возможно?!

— Ты в порядке? — хриплым голосом спросил Адам, осмотрев меня с головы до ног на наличие повреждений. — Черт, у тебя кровь!

Я отупело уставилась на свою правую ногу, по которой вилась красная лента из моей крови.

Адам присел, осматривая рану, а меня заколотило с новой силой.

— Что... что это было? — заикаясь, с трудом выдохнула я. Горло саднило от поднявшейся пыли.

— Не знаю, но где-то хорошо рвануло, — нахмурено пробормотал мужчина. — Порез вроде не глубокий, но надо чтобы врач осмотрел. Болит? — Он поднял голову, с беспокойством всматриваясь в меня.

Я с трудом покачала головой. Наверное, из-за шока и адреналина я пока и не

чувствовала ничего.

— Надо остановить кровь.

Адам поднялся и, скинув пиджак, снял с себя рубашку. Потом оторвал длинный лоскут и перевязал мою рану. Я только молча наблюдала за всем, что он делал

— Лорен, — прошептала я дрожащими губами. — Я должна найти Лорен.

— Грейс, мы найдем ее, — пообещал Адам, обхватив мое лицо ладонями. — Все будет в порядке. Хорошо?

Наверное, я выглядела хуже, чем чувствовала себя, потому что он как-то странно смотрел на меня.

Я кивнула, думая только о том, чтобы моя подруга осталась жива. Крики внизу не замолкали, и оставалось только догадываться, сколько людей пострадало от взрыва.

— Если с ней что-то случилось, это я виновата, — пробормотала я, чувствуя, как мое горло сдавило от подкативших рыданий. — Я настояла, чтобы она пошла с нами.

— Грейс! — Адам легонько встряхнул меня, твердо посмотрев в мои глаза. — Все с ней будет в порядке. Все наладится, детка. — Он досадливо поморщился, когда первая слеза скатилась по моей щеке. — Ну же, ты нужна мне. Соберись, Грейс!

Я зажмурилась, смахнув слезы со щек. Я услышала его, и глубоко вздохнув, приказала себе не поддаваться отчаянью.

— Ладно, я в норме. — Я еще раз глубоко вздохнула. — Порядок.

— Хорошо. Сейчас ты останешься здесь, и пока я не вернусь, никуда не выходи, поняла?

— Адам, нет...

— Грейс! — В его глазах вновь появилась сталь. — Будь здесь, это приказ. Я хочу убедиться, что внизу безопасно. Как только смогу, я приду за тобой.

Хоть и нехотя, но я сдалась. Меня трясло, и словно могла развалиться на части, я обхватила себя руками.

— Пожалуйста, найди ее, — умоляюще молвила я и Адам кивнул.

— Адам, — позвала я, когда он уже почти вышел за дверь.

Мужчина обернулся.

— Будь осторожен, — прошептала я, испытывая страх за него.

Ничего не ответив, он послал мне еще один кивок и закрыл дверь за собой.

Ожидание — чертовски паршивое состояние. Особенно когда ты не знаешь, что именно произошло, кроме того, что что-то очень нехорошее. Когда одна из твоих лучших подруг там, в хаосе, и ты не знаешь, жива ли она или нет. Не знаешь, сколько жертв оставил после себя взрыв, которого просто не должно было быть.

Почему? Откуда? За что?

Осторожно переступая осколки стекла и куски штукатурки, я со страхом подошла к окну, смотря на безумие, творившееся внизу. Пожарные, полиция и скорая уже были здесь. Те, кто мог, уже выбежал из клуба. Пострадавших выносили на носилках, а тем, кто в состоянии был передвигаться сам, помогали выйти.

Люди кричали, пытаясь отыскать своих друзей; девушки плакали. Я прижала ладонь ко рту, даваясь рыданиями. Боль в ноге только дала о себе знать, и казалось, что место пореза горит в огне.

Еще недавно красивый, нарядный интерьер клуба превратился в руины. Пожарные уже успели погасить пламя, не успевшее набрать силу.

Я с досадой вспомнила, что моя сумочка с мобильными осталась возле столика, иначе

могла бы позвонить Лорен. Взглядом поискала телефон на столе Адама, заваленный кусками обвалившегося потолка. Ступая осторожно, взяла уцелевшую трубку, но связи не было: скорее всего, линия была повреждена.

Тревога и беспокойство съедали меня, и я уже готова была нарушить приказ Адама, как дверь открылась. Я с облегчением бросилась вперед, рассчитывая увидеть Адама, но это был Джейс.

— Грейс, ты в порядке?

Мужчина озабочено посмотрел на меня. Переступая руины, он двинулся ко мне.

— Адам сказал, ты ранена? — Его быстрый, цепкий взгляд прошелся по мне, выискивая повреждение.

— Нога немного, больше ничего. — Я помотала головой, стараясь не морщиться от боли. — Где Адам?

Джейс махнул себе за спину.

— Разбирается со всем этим дурдомом. Приехали саперы, всех эвакуируют. Давай, пошли, я отвезу тебя.

Джейс протянул ко мне руки, но я покачала головой.

— Нет. Я не могу уехать, пока не найду Лорен.

— Грейс, она в порядке. — Джейс слабо улыбнулся мне. — Лорен ждет на улице, ее немного поцарапало, и медики уже оказали ей помощь. Твою рану тоже надо осмотреть.

У меня от сердца отлегло, когда он сказал, что Лорен жива и здорова. Джейс закинул мою руку себе на плечо, помогая спуститься по лестнице, потому что ступать на раненую ногу было все больней. Я хотела увидеть Адама, но Джейс сказал, что надо покинуть клуб как можно скорее. Он накинул свою куртку на мои плечи, и мы вышли через аварийный выход; обойдя здание, оказались в толпе, которую пытались успокоить полицейские. Сразу несколько скорых оказывали помощь пострадавшим на месте.

Я глазами отыскала Лорен. Мы одновременно увидели друг друга и бросились обниматься, с трудом сдерживая слезы. Подруга куталась в выданное ей согревающее одеяло.

— Ты как? — Я чуть отстранилась, чтобы видеть ее лицо.

Лорен кивнула.

— Нормально. А ты?

— Тоже.

— Грейс, тебя надо осмотреть, — напомнил мне Джейс. Взял меня за локоть и подвел к только что освободившейся скорой.

Молодой медик осмотрел мой порез, решив зашить рану. Обезболивающее лишило меня чувствительности, но вид того, как игла протыкает мою кожу вызывал тошноту.

Как ни старалась, я не могла ни замечать черные мешки, которые выносили из клуба, оправляя в машину коронера. Мысли о том, что эти люди, которым повезло меньше всего, были чьими-то близкими, любимыми; имели планы и надежды в жизни, теперь мертвы, вызывали желание безудержно плакать и плакать.

Когда какой-то парень выбежал из здания, кидаясь к черному мешку, который только что вынесли копы, издавая полные боли и мучений крики, умоляя Кейти вернуться, мы с Лорен не выдержали и расплакались, прижавшись, друг к другу.

— Джейс, что там произошло? — шмыгнув носом, прохрипела я. — Это был несчастный случай, или что?

Я предполагала, что это мог взорваться газ на кухне, или еще что-нибудь подобное, но

слабо верила в это. Не может быть, чтобы в клубе такого человека, как Адам не соблюдалась техника безопасности. Для него очень важен был контроль, во всем, что касалось его, чтобы допустить такое.

— Кто-то заложил бомбу, это все, что я знаю, — нехотя произнес Джейс, напряженно посмотрев на меня. — Грейс, вам с Лорен надо отдохнуть и прийти в себя. Пойдемте, я отвезу вас в квартиру Адама.

— Я подожду его. — Я упрямо замотала головой, наблюдая за главным выходом в надежде увидеть Адама.

Что если будет еще взрыв, а он все еще внутри?

— Грейс, он еще долго будет занят. — Джейс глубоко вздохнул. — Здесь куча копов, саперов и еще невесть кого. Адам хозяин клуба, он надолго застрял.

— Я останусь с тобой.

Лорен ободряюще улыбнулась мне, показывая, что примет любое мое решение. Но Джейс был прав: Адам может пробыть здесь до самого утра, а заставлять Лорен мучаться вместе со мной, было бы неправильно.

— Хорошо. — Я кивнула, соглашаясь. — Поехали. Нам всем надо отдохнуть.

После того, как Джейс привез нас, почти сразу и уехал, сказав, что вернется в клуб. Он передал нам слова Адама, чтобы мы пользовались всем, что нам понадобится. Я даже не стала спрашивать, почему он не отвез нас в общежитие.

Мне хотелось быть тут, когда Адам вернется.

Я отвела Лорен в комнату, которую занимала, когда была здесь и все ей показала. Пока она принимала душ, я поднялась в спальню Адама и взяла из комода одну из футболок.

Надеюсь, он не будет против.

— Как думаешь, кто это сделал? — тихо спросила Лорен после того, как надела футболку, что я дала ей.

— Я не знаю.

Глубоко вздохнув, я спрятала лицо в ладонях.

Я все еще была в напряжении и беспокойстве из-за моего несносного тирана. Сердце замирало от мысли, что с ним может случиться плохое. Только теперь, немного придя в себя, я вспомнила то, с какой заботой он перевязал мою рану и как его глаза с волнением и тревогой смотрели на меня.

— Не знаю, — шепотом повторила я, испугавшись, что это мог сделать тот, кто прислал мне анонимное послание.

— Я рада, что мы остались живы, — печально посмотрев на меня, призналась Лорен. — Мне жаль, что все те люди погибли, но я рада, что мы не пострадали.

— Я понимаю, Лор.

Мы с Лорен в очередной раз за вечер обнялись, радуясь тому, что можем это сделать. Я, правда, понимала, о чем она говорит. Не возможно не испытывать боль из-за тех смертей, которые произошли сегодня, но мы все еще были живы. Мы пережили взрыв и остались невредимыми.

И Лорен и я валились с ног от усталости. Я пожелала подруге спокойной ночи, а потом вернулась в комнату Адама. Хотела дождаться его здесь. Сомневалась, что вообще смогу уснуть до его возвращения.

Мне пришлось постараться, чтобы не намочить повязку, когда принимала душ. Потом я надела ту же самую рубашку, которую носила вчера. Она все так же висела на спинке кресла,

где я и оставила ее, когда сняла.

Забравшись под одеяло, я попыталась расслабиться, но не удавалось. Мысленно вновь и вновь возвращалась в тот кошмар. Слезы снова подступили к глазам, и я даже не пыталась сдерживать их. Выплакавшись, только тогда почувствовала, что меня немного отпустило. А потом и не заметила, как уснула.

За окном уже светало, когда сквозь сон я почувствовала чье-то присутствие рядом. Сонно моргая, открыла глаза, встретившись взглядом с Адамом. Он выглядел измотанным: покрасневшие глаза и всклокоченные волосы безошибочно указывали, что ночь у него была тяжелой.

— Привет.

Он улыбнулся мне уголками губ и мое сердце тоскливо сжалось. Я до последнего сомневалась, не разозлится ли он, что я осталась в его постели, но он совершенно не казался злым или недовольным.

— Привет.

Я ответила ему сонной улыбкой и, подтянувшись, села на постели, потеряв глаза, прогоняя остатки сна.

— Как ты? — Я не могла скрыть сожаление, глядя на него.

Адам молча покачал головой, а потом к моей неожиданности нагнулся ко мне, прижав к себе в крепких объятьях.

— Я рад, что ты здесь, — с каким-то надломом пробормотал он. Чуть отстранился, прикоснувшись пальцами к моему лицу, будто проверяя, реальна ли я.

— Эй, все нормально? — Я прижалась к его ладони, запустив руку в его волосы. Его одежда была растрепана, и пахло от него гарью, кое-где даже виднелась сажа, но все равно, он был самым привлекательным мужчиной для меня.

— Теперь да. — Он слабо улыбнулся, но я видела глубокое переживание в его глазах.

— Адам, ты знаешь, почему это сделали?

— С целью причинить вред. Разрушить что-то, что принадлежит мне. Ради мести. — Он устало потер веки. — Это я понимаю, но эти люди... — Он с недоумением и скорбью покачал головой. — Они просто пришли в клуб, в мой чертов клуб. — Боль в его словах рвала мне сердце. — Они не должны были погибнуть от того, что какой-то ублюдок посчитал возможным заложить бомбу в месте, полном невинных людей.

Я впервые видела его таким ранимым. Адам Эллингтон прежде был, каким угодно, но не беспомощным, как сейчас. И в этот момент он показался мне более человечным, чем когда либо. Он искренне страдал из-за того, что в месте, которое принадлежало ему, погибли люди. Он не знал их, но переживал их трагическую смерть.

— Знаешь, там был один парень. Его девушка... — Он с трудом сглотнул, посмотрев на меня. — Ей не повезло, и он был буквально убит. Он остался жив, но казалось, что в тоже время умер вместе с ней.

Я кивнула, вспомнив молодого человека, о котором он говорил. По моим щекам покатались беззвучные слезы. Я задавалась вопросом, почему именно этот случай запомнился ему? И представлял ли Адам себя на месте этого парня.

Впрочем, это вряд ли.

— Мне так жаль, — пробормотала я, не зная, что еще тут можно сказать. Мне хотелось бы найти нужную фразу, чтобы успокоить его, но ее не было. Эта трагедия, которую всем нам надо будет пережить.

Адам кивнул, потом поднялся, направляясь в ванную.

Пока он был в душе, я включила телевизор. В новостях уже передавали о взрыве в только что открывшемся клубе. Камера оператора засняла ту неразбериху, что творилась возле ночного заведения; раненых людей, растерянных и убитых горем тех, кто кого-то потерял. Вновь видя весь этот ужас, я снова тихо заплакала, чувствуя глубокую печаль и беспомощность.

Репортер передавал, что восемь человек погибли, еще тридцать получили ранения разной степени тяжести. В основном это были те, кто ближе всех находился к эпицентру взрыва. Сообщили так же, что С-4 с дистанционным управлением была заложена на складе заведения.

Мороз прошелся по моей коже. Склад располагался как раз за баром, и всего за пятнадцать минут до взрыва мы с Адамом были там.

Что если бы детонатор сработал в тот момент, когда мы были внутри?

Я выключила новости, когда Адам вернулся в комнату. Надев серые пижамные штаны и белую футболку, он лег рядом со мной, закинув руку за голову. Его светлые волосы потемнели от воды, и пахло от него его гелем для душа, который мне так нравился.

— Как твоя нога? — заботливо спросил он, посмотрев на повязку, наложенную на рану.

— Жить буду, всего лишь несколько швов, — улыбнулась я.

Мы ненадолго замолчали, погруженные в свои мысли, после чего я сказала:

— Тебе нужно отдохнуть.

Перевернувшись на бок, я положила руку под голову, с тревогой глядя на него.

— Я хочу, чтобы ты осталась, — тихо произнес Адам, посмотрев на меня, но его слова прозвучали как просьба, а не как приказ.

Я кивнула.

— Хорошо. Я никуда не спешу.

Вскоре после того, как дыхание Адама выровнялось, и он наконец-то уснул, я приподнялась на локте, залюбовавшись им. Даже во сне его лицо сохраняло следы напряжения. Влажная прядь упала на лоб и, протянув руку, я осторожно, чтобы не разбудить, убрала ее.

Этот сильный, беспокойный мужчина, который перевернул мою жизнь с ног на голову, был важен для меня. Теперь это были не просто вынужденные отношения, от которых поскорее хотелось избавиться. Нет, в какой-то момент это стало нечто большим, весомым. Что-то, что я хотела сохранить; что-то, чем я дорожила.

Я прижала пальцы к губам, наблюдая за ним с легкой улыбкой.

Я все еще не понимала его, но я хотела понять и узнать. Разгадать Адама Эллингтона вдруг стало тем, что я должна была непременно сделать.

Усталость и переживания взяли верх, и вскоре я вновь уснула, чувствуя рядом тепло Адама.

Два часа спустя я проснулась, и хотя время было еще ранее, поняла, что больше не могу спать. Чтобы не разбудить Адама, тихо выскользнула из постели. Достав из комода одни из спортивных Адама, надела их, затянув веревку и подкатав штанины, в которых утопала. Но лучше так, чем еще раз появится перед Найджелом в одной рубашке, рискуя сверкнуть голым задом.

Мне требовался кофеин, без которого утро было бы окончательно испорчено. А куда уж хуже, после вчерашних событий.

К своему облегчению, дворецкого я на кухне не обнаружила. Да и любых следов его присутствия не наблюдалось. Решив похозяйничать, я сварила кофе, и налив чашку для Лорен, отправилась будить подругу. Она не должна была пропустить передачу теста, чтобы там ни было.

Лорен еще спала, когда я поднесла дымящийся напиток к ее лицу, призывая проснуться. Она всегда с трудом и позже всех просыпалась по утрам.

— Эй, соня, пора вставать.

Я улыбнулась, когда Лорен приоткрыла глаза, недовольно что-то заворчав. Потребовалось несколько минут, чтобы она пришла в себя и определила, где находится.

— Держи.

Я протянула ей кофе, когда она с кряхтением села на постели, облокотившись на спинку кровати.

— Спасибо. — Она сделала два небольших глотка, сонно посмотрев на меня. — Прощая ночь мне не приснилась?

Я с сожалением покачала головой.

— Хотела бы я, чтобы это был только сон.

Лорен кивнула, с такой силой обхватив чашку, что побелели костяшки пальцев.

Через полчаса подруга ушла, отказавшись от завтрака. Я вызвала ей такси, пожелав удачи на тесте. Потом вернулась в кухню и налила себе вторую чашку кофе.

Сколько раз я была в квартире Адама, а всю ее так и не видела. Решив устроить себе экскурсию, я прошла по комнатам, с интересом осматривая все, что имело отношение к его жизни. На самом деле, мне казалось странным, что нигде не было никаких личных фотографий. Но возможно он просто не хочет, чтобы снимки напоминали ему об их семейной трагедии и предательстве отца, из-за которого мать помутилась рассудком.

Углубившись в коридор на первом этаже, я заглянула в пару комнат, которые оказались обычными гостевыми спальнями.

Не понимаю, зачем одному мужчине такая огромная квартира.

Я дошла до конца коридора, повернув ручку последней двери, но неожиданно она оказалась заперта. Помимо воли это насторожило меня. Интересно, что за ней? Случайно это не та комната, в которой он подвешивал меня?

Вспомнив о подвешивании, я нахмурилась, не желая сейчас думать об этом. Я надеялась, искренне надеялась, что подобное больше не повторится. У нас с Адамом явно наблюдался прогресс, я не хотела потерять это, и вернуться туда, откуда мы начали. Потому что начало у нас точно не задалось.

— Что ты делаешь?

Я вздрогнула, услышав его настороженный голос за спиной. Нацепив на лицо улыбку, обернулась, покачав головой.

— Просто осматривала квартиру. Надеюсь, ты не против?

Адам стоял в нескольких метрах от меня, чуть склонив голову набок, с неким подозрением во взгляде. Мне стало не по себе. Не совершила ли я ошибку, проявив любопытство?

— Эта дверь заперта, — наконец тихо произнес он, неспешно направившись в мою сторону.

Я инстинктивно отступила, с усилием сглотнув.

— Да, вижу. Что там?

Его реакция пугала. Он явно что-то скрывал.

— Просто комната.

Мужчина пожал плечами, ни на секунду не прерывая наш зрительный контакт.

— Ты же не прячешь там убитых жен, да? — нервно усмехнулась я.

Сказка о Синей бороде так некстати вспомнилась мне в этот момент.

Губы Адама криво усмехнулись, но глаза остались сосредоточенными и предостерегающими.

Понятно, пора закруглятся с вопросами.

— Это всего лишь запертая комната, Грейс, — повторил он с обманчивым спокойствием. — Обещаю, что там нет никаких убитых жен.

Я чувствовала напряжение в воздухе, и как бы мне не хотелось узнать, что он скрывает, решила отступить.

Заставив себя улыбнуться как можно более непринужденно, я кивнула, принимая ответ.

— Пошли.

Адам взял меня за руку, уводя от запертой комнаты, тайна которой с каждой секундой все больше и больше овладевала моим разумом.

Придет время, и я узнаю правду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Тебе идет моя одежда, — одобрительно хмыкнул Адам, подойдя ко мне со спины. Его руки легли мне на бедра, слегка надавив.

Я оглянулась через плечо, улыбнувшись ему. Адам убрал волосы, прикрывающие шею и, склонившись, коснулся губами моей кожи. Легкая дрожь пробежала по телу; прикрыв глаза, я наклонила голову, облегчая ему доступ.

— Знаешь, я тут пытаюсь завтрак нам приготовить, — облизав вмиг пересохшие губы, пробормотала я.

Как сообщил мне Адам, у Найджела был выходной, и на волне расшалившихся чувств я вызвалась приготовить ему вафли на завтрак.

Разве могла я подумать еще недавно, что стану готовить для Адама? Но вот она я, стою на его кухне, делая тесто для вафель.

Ох, пытаюсь это делать, но его отвлекающие губы и руки препятствуют.

— К черту завтрак, — низким тембром отозвался мужчина, развернув меня к себе. Его пальцы скользнули в мои волосы, привлекая меня к себе. — Грейс, я мог потерять тебя! — с чувством, с обреченностью, которую не привыкла слышать от него, выдохнул он. — Вчера я мог потерять тебя!

Он опустил свой лоб на мой, заглядывая в глаза с такой глубиной всепоглощающих эмоций! Кончики пальцев прошли по щекам, подбородку, векам, бровям и застыли на губах. Будто в этот момент он был скульптором, а я его произведением искусства.

— Все хорошо.

Я улыбнулась дрогнувшими губами, чувствуя потребность успокоить его. Столько смятения и беспокойства было в его глазах цвета арктического льда, которые в этот момент совсем не казались холодными.

— Адам, я в порядке. — Я приподнялась на носочки, обхватив его голову ладонями. — Мы в порядке!

Я видела, как что-то очень тяжелое гложет его. Не знала, все ли дело только во взрыве, или есть что-то еще. Но ведь это был Адам, а с ним всегда есть что-то еще.

Он был такой беспокойной, мечущейся душой. Я могла только догадываться, сколько плохого случилось в его жизни, что привело его к тому, что он имел на данном этапе.

Он был несчастлив. Не знал мира сам с собой. Теперь, спустя некоторое время нашего знакомства я видела это; чувствовала. Удивлялась, как раньше не разглядела, а ведь все это на поверхности. Он будто кричал о том, что ему нужна помощь. Уже давно он нуждался в человеке, который сможет протянуть ему руку и вывести из тьмы на свет.

Была ли я этим человеком? Или я могла им стать. Не знаю, кто из нас окажется сильнее. И стоит ли мне вообще пытаться состязаться с тем, что так сильно держит его.

Мои чувства еще так призрачны, и нет никакой уверенности. Что, если это ложное? Что, если решив бороться за него, скоро пойму, что ошиблась и мне это не нужно? Как тогда поступить без того, чтобы не навредить еще больше?

Кажется, мои слова оказали эффект на Адама. Всполохи яркого пламени отражаются в его глазах перед тем, как его губы сливаются с моими. Они двигаются в слаженном ритме, умело распаляя меня, заставляя мое дыхание срываться, а сердце стучать как сумасшедшее.

Мои губы открываются навстречу его языку, впуская его в себя, признавая его полным своим обладателем. Вся я — это то, что абсолютно, всецело принадлежит этому мужчине. Во всяком случае сейчас, в этот момент моей жизни это так, и я не хочу с этим бороться.

Наш поцелуй глубок, со вкусом чувственной обреченности; признания безысходности. Мы уже окунулись друг в друга так глубоко, что может не хватить дыхания вынырнуть на поверхность.

Руки Адама развязывают шнурок на штанах, и они падают у моих ног. После он подхватывает меня под ягодицы, удерживая в вертикальном положении и не прерывая поцелуя, несет меня к ближайшему дивану. Садиться и я опускаюсь сверху, прижав колени по обе стороны от него.

Мои пальцы перебирают его волосы, пока наши губы продолжают чувственную, искушающую прелюдию к тому, что сулит взрывом ощущений и удовольствия.

Я двигаюсь сверху него, и сквозь его пижамные штаны чувствую, как сильно он заведен. Стон Адама проникает мне в рот, и я улыбаюсь, но не потому, что это забавно. Нет, мне хорошо. Мое сердце словно увеличивается в размерах, будто вот-вот лопнет. Мне и страшно и радостно, потому что я чувствую нечто новое, замечательное; что-то, что переживаю впервые в своей жизни.

Эти эмоции настолько яркие, что я боюсь не выдержать.

Что, если меня просто разорвет?

В такие моменты мне хочется вернуться к прежней жизни только лишь потому, что там безопасно. Там я могу доверять себе, не боясь, что мой разум откажется подчиняться мне; что мое сердце похитят. Но выбирая между реальной возможностью возвратиться к прежнему, без Адама, я понимаю, что не готова. Пока еще не готова.

Возможно, однажды я буду, но не сейчас.

— Скажи мне, — бормочет Адам, осыпая мое лицо и шею обжигающими, легкими поцелуями. Его руки сжимают мои спутанные волосы, но это не причиняет боли.

Я выдыхаю, держа затуманенные глаза едва полуоткрытыми. Ток несется по моему телу, заряжая каждое нервное окончание. Кожа горит огнем от сильного, ослепляющего желания.

— Сказать что? — Мои губы едва слушаются меня. Голова идет кругом: кажется, что еще немного и между нами затрещат искры. Я все еще продолжаю двигаться, касаясь своим самым чувствительным местом ткани его штанов.

Господи, как же хорошо!

Вижу, как Адам с трудом сглатывает, прежде чем хрипло ответить.

— Скажи, как хочешь, чтобы я взял тебя. — Он облизывает свою нижнюю губу, на которую я смотрю с жадностью, желая укусить ее, а потом облизать. — Расскажи, что чувствуешь, когда я касаюсь тебя.

Я трясую головой, прижавшись лбом к его плечу. Разве я смогу? Точно не сейчас, когда все мои нервы на пределе, и верх берет только одно желание — почувствовать его глубоко в себе.

— Адам... — Я все же нахожу в себе силы и, подняв голову, смотрю в его грешные, такие желанные глаза, которые лишают меня всякой воли. — Это... слишком много всего. — Я уязвимо улыбаюсь. Так боюсь раскрыться перед ним. Нет, боюсь того, что потом будет больно. — Ты... — Я обхватываю его лицо ладонями, не в состоянии говорить связно. — Ты — это так много всего.

Он смотрит на меня из-под ресниц, и только сейчас я замечаю, какие они длинные. Спускает рубашку с моего левого плеча, и прижимается губами к оголенной коже. Россыпь легких, как перышко поцелуев покрывает мое плечо, ключицу и зону над грудью.

Расстегивает пуговицы на рубашке, раскрывая меня своему горящему, полному вожделения взору. Склоняет светловолосую голову, подвергая мои затвердевшие соски чувственной пытке, лаская языком и губами. Я прогибаюсь в спине, удерживая его за волосы, и не сдерживаю тихих стонов.

Секс между нами — не только половой акт ради удовольствия. Так мы показываем то, что нуждаемся друг в друге. То, что чувствуем. Потому что пока мы еще не научились говорить об этом вслух. Мы боимся того, что происходит между нами. И страх Адама не менее сильный, чем мой.

Но я верю, что придет время, когда это измениться.

Позже я все же довела задумку с вафлями до конца. Когда они были готовы, мы сели завтракать, и это еще одно нормальное звено между нами.

— После завтрака мне надо будет вернуться в клуб. Тебя отвезет Маркус, с сегодняшнего дня он твой водитель и охранник.

Адам говорил собрано и по-деловому. Будто я его секретарша, которой он отдает распоряжения. Признаться, мне нравится, когда он такой. Но еще больше, когда он такой, каким был тридцать минут назад. Чуткий, сексуальный любовник.

Глуповатая улыбка тронула мои губы и чтобы скрыть ее от Адама, я схватила стакан с соком и поднесла к лицу.

— Что? — Он тоже улыбнулся, с любопытством посмотрев на меня.

— В смысле? — Я притворилась, что не поняла его вопроса.

— Ты улыбнулась. — Его глаза пытливо прищурились. — О чем ты подумала?

Мои щеки покраснели, выдавая меня с головой. Прикусив губу, я посмотрела в сторону, но все же ответила:

— О тебе и то, каким ты был совсем недавно, — пробормотала я, в последний момент, посмотрев на него.

Брови Адама удивленно выгнулись, а губы дрогнули в усмешке.

— И каким же я был?

Ух, он меня своими вопросами просто доконает, это точно! Боюсь, что мои чувства лежат на самой поверхности, и он уже их увидел. А ведь я так хотела скрыть от него то, что

мое отношение к нему изменилось!

— Хм... Терпимым, — напустив на себя задумчивости, протянула я. — В отличие от того, каким ты бываешь обычно.

К моей неожиданности, он рассмеялся, с кивком приняв мой ответ. Было приятно увидеть его улучшившееся настроение после того, как утром он вернулся полностью подавленным ночными событиями.

— Так что там с личным водителем и охранником? — Я слегка нахмурилась, потому что идея восторга не вызывала. — Неужели нельзя обойтись без этого?

Взгляд Адама стал твердым; серьезность вновь проступила на лице.

— Грейс, пока какой-то псих бродит с целью навредить мне, ты будешь под постоянным присмотром профессионального телохранителя. Я не хочу, чтобы ты оказалась под ударом. Так что это даже не обсуждается.

По правде, его слова заставили меня поежиться. И в самом деле, из-за нашего чувственного момента я успела забыть об опасности. А ведь тот, кто взорвал бомбу все еще на свободе и вряд ли остановиться.

— Как скажешь, — не находя в себе ни сил, ни желания спорить, согласилась я.

Адам удивленно посмотрел на меня, видно не ожидая такой легкой капитуляции.

Через полчаса мы спустились на подземную парковку, где Адам представил меня высокому статному мужчине в черном костюме. Это и был Маркус, который отныне должен был стать моим постоянным спутником.

— У меня есть кое-что для тебя, — вдруг сказал Адам, когда я уже сидела на заднем сиденье черного «Ленд Ровера».

Он открыл дверцу «Астон Мартин» и, взяв что-то из машины, вернулся ко мне.

— Второй этаж почти не задело, так что она уцелела. — Мужчина протянул мне мою сумочку-клатч. — Я вбил номер Маркуса, он идет сразу перед Мудаком.

Адам говорил совершенно обыденным тоном, но смешинки плясали в его глазах.

Я с трудом подавила стон, покрывшись ярким румянцем. Все собиралась изменить имя, но так и забыла.

— Не грузись, — усмехнулся Адам. Нагнувшись ко мне, он быстро поцеловал меня в лоб и прежде чем уйти, хмыкнул: — Я и правда, тот еще мудака.

Следующие несколько дней я провела в доме бабушки, занимаясь подготовкой к Рождеству. Посетила елочную ферму, ездила по магазинам в поисках подарков и всего, что понадобится к праздничному столу. Теперь, когда у меня есть личный водитель с машиной, многое в моей жизни упростилось.

Порой мне самой не верится, что у меня есть свой шофер!

Пришлось объяснить бабушке, что у меня отношения с мужчиной, который заботиться о моей безопасности, отсюда и наличие Маркуса. Бабуля, конечно, была в полном изумлении. Принялась расспрашивать о том, что за человек, которого я выбрала (уточняя, что сама я его не выбирала, я не стала), хорошо ли он ко мне относится. Мне пришлось уйти от многих вопросов, где-то ответить уклончиво, где-то солгать. Я не могла рассказать бабули всю правду, потому что она ее просто убила бы.

Бабушка спросила, не Адам ли тот человек, который оплатил ее медицинские счета, и пришлось признаться, что это так.

Не думаю, что ба понравился мой ответ. Тяжело вздохнув, она поинтересовалась, не потому ли я встречаюсь с ним, чтобы он помогал нам финансово. Я начала горячо заверять

ее, что это не так, при этом, едва не давясь словами. Хотя сейчас уже это не единственная причина.

Все предпраздничные дни я ничего не слышала от Адама, и меня не могло это не беспокоить. В новостях иногда мелькали сюжеты о взрыве, но ничего существенного не сообщалось. А через три дня после трагедии Адам лично дал пресс-конференцию, где сообщил, что семьям погибших и пострадавшим будет возмещен ущерб от «Эллингтон групп». Я не могла не поразиться сумме компенсации, за каждого погибшего он готов был заплатить по два миллиона долларов.

Конечно, даже такие деньги не могли вернуть человеческие жизни. Мне казалось, что Адам делает это в первую очередь для того, чтобы облегчить свое чувство вины. А то, что оно держало его, я ни сколько в этом не сомневалась.

Понимала, что сейчас он полностью занят с последствиями взрыва и ему не до меня. Но мне не хватало его. Я была в месте, которое всегда служило мне домом, рядом с бабулей и готовилась к своему любимому празднику. Но мне все равно было тоскливо и даже в моменты, когда улыбалась, думала о том, как бы хотела, чтобы он был сейчас рядом.

На Рождественский ужин к нам пришла тетя Шерон, и мы обменялись подарками. Нас трое, и это вся моя маленькая семья. Ловлю себя на мысли, что напрочь забыла про отца, но чувство вины не длится долго.

Этот человек сделал все возможное, чтобы я не думала о нем, как о своем родном человеке.

Скоро после ужина бабушка отправляется в постель, потому что она все еще слаба и ей требуется много отдыха и покоя. Тетя Шерон тоже уезжает, а я мою посуду и навожу порядок, хотя это занимает мало времени. Еще пару дней назад я вымыла дом снизу доверху.

Еще довольно рано и я сажусь в маленькой гостиной, наблюдая за разноцветными гирляндами на елке, прихлебывая горячий шоколад с кусочками зефира. Смартфон лежит рядом на диване, и периодически я бросаю на него колеблющиеся взгляды.

Почти неделю я не разговаривала с Адамом, не видела его. Это слишком долго. Все внутри меня тянется к нему, и в итоге я не выдерживаю и пишу ему:

«С Рождеством! □ Мне стоит беспокоиться из-за твоего молчания? Потому что я волнуюсь. Напиши, как сможешь, или позвони».

Отправив сообщение, я уже раздумываю, не погорячилась ли. Кажется, я слишком прозрачно даю понять, что он стал значить для меня многое. Слишком многое.

Мои возникшие чувства, хоть мне еще пока трудно подобрать им определение — это одно дело. Другое, что я пока еще не готова сказать о них Адаму. И вообще вполне возможно, что никогда не буду готова. У меня нет для этого достаточной смелости и уверенности. Потому что нужно быть по-настоящему бесстрашной, или безголовой, чтобы связать себя с ним долгосрочными отношениями со всеми вытекающими обязательствами.

Я пытаюсь отвлечься и не ждать ответа. Кто знает, может, он сейчас занят? И вообще, я же не знаю, где именно Адам проводит праздник.

Включаю телевизор, кладая пультом в поисках чего-нибудь интересного, и в итоге останавливаюсь на «Светлое Рождество», которое мы с бабушкой смотрели раз двадцать пять.

Я погружаюсь в атмосферу праздника и веселья, но все же то и дело поглядываю на экран телефона.

Отлично, и в кого я превратилась! Сижусь, как несчастная девица в ожидании того, что

парень соизволит ей позвонить.

Никуда это не годится.

Чтобы немного себя взбодрить, совершаю набег на кухню, отрезав себе кусок вишневого пирога, и возвращаюсь к танцам и песням на экране. Уже почти приканчиваю кусок, как мой телефон, наконец, оживает.

На экране всплывает имя Адама — я все же сменила его.

— Привет! — Я начинаю говорить первая, из-за чего досадливо морщусь. Но скрыть радость от его звонка очень тяжело.

— Привет.

Его голос звучит слегка приглушенно и кажется, что утомленно. Могу только предположить, какая неделя у него выдалась.

— С Рождеством.

Я слышу слабую улыбку в его голосе и тоже улыбаюсь.

— И тебя.

Адам молчит, а я замерла в ожидании. Хочу спросить, почему он так долго не выходил на связь, но не решаюсь. Наконец он нарушает молчание, тихо спросив:

— Можешь сейчас приехать?

Я не колеблюсь, когда отвечаю согласием.

Следующим вечером мы с Адамом направились на праздничную вечеринку, устраиваемую одним из членов совета директоров «Эллингтон групп». Он сказал, что вынужден был принять приглашение, потому что подобные церемонные мероприятия важны в мире бизнеса, и отказаться не всегда возможно.

Он пожелал взять меня с собой как свою спутницу, и я согласилась. Никогда прежде не посещала званые вечера богатых и могущественных. Я волновалась и то и дело проверяла, в порядке ли мой наряд и прическа.

На мне длинное темно-синее облегающее платье с длинным рукавом и голой спиной. Элегантно и сексуально, но со вкусом. Не вульгарно. В этом платье я чувствую себя на миллион долларов.

Прошлым вечером Маркус привез меня к Адаму, и мы провели несколько замечательных часов вместе, как самая обычная пара. Смотрели фильмы, ели разные вкусности, а потом занимались любовью, пока не уснули в одной постели.

На тему взрыва почти не разговаривали. Адам только сказал, что того, кто подложил взрывчатку, еще ищут. Самое странное, что на камерах, которыми был утыкан клуб, ничего нет. Но несколько часов за три дня до открытия стерты, очевидно, что в этот промежуток и была заложена бомба.

— Так значит, тот, кто бы это ни был, имел доступ к серверам? — неприятно удивилась я.

Адам нахмурено кивнул.

На этом мы закрыли тему.

Адам так же рассказал, что днем ездил в больницу проведать мать, после чего был расстроен. Ее состояние ухудшалось. Она становилась все более агрессивной и могла причинить вред не только себе, но и персоналу больницы.

Это было ужасно, и я очень ему сочувствовала, хотя и не выражала этого. Адам был не из тех людей, которые допускали жалость к себе. Он просто поделился частичкой своих личных переживаний, не ожидая, что я кинусь тут же утешать его.

Я с трудом удерживаю рот прикрытым, когда вижу вокруг себя знаменитых политиков и общественных деятелей Чикаго. Кажется, весь высший свет города собрался в этом трехэтажном викторианском особняке и я не могу чувствовать себя здесь спокойно и комфортно. Я постоянно боюсь, что сделаю что-нибудь не то, или еще как-нибудь опозорюсь сама или опозорю Адама. Поэтому я предпочитаю молчать, стоя рядом с ним, пока он, выглядя совершенно естественно, беседует с разными людьми, сменяющими друг друга без остановки.

Все настолько официально, что мало похоже на уютную праздничную вечеринку.

— Адам, как я рада видеть Вас, да еще и со спутницей!

В нашу сторону двигается элегантная статная женщина неопределённого возраста. То ли сорока, то ли пятидесяти, а может и всех шестидесяти лет. Кто ж их разберет, если все они пользуются услугами самых лучших хирургов и косметологов, в погоне остановить время.

— Селина. — Адам вежливо склонил голову, и прикоснулся губами протянутой руки женщины.

— Грейс, позволь представить тебе Селину Чайлд, гостеприимную хозяйку дома. Селина, это Грейс Колдвел, моя прекрасная спутница.

Я едва сдержала удивление, когда он назвал меня своей «прекрасной спутницей», при этом держа мою руку в своей ладони.

— Очень приятно, Грейс. — Женщина послала мне улыбку, в которой не было ни грамма искренности. Кажется, она не представляет, как так получилось, что я рядом с таким мужчиной, как Эллингтон.

Нет, я вовсе не страшилище с кривыми зубами и лицом, усыпанным прыщами. Моя внешность всегда более-менее меня устраивала. Я знаю себе цену и никогда не пыталась принизить свои достоинства. Я не синий чулок, на которого Адам по взмаху волшебной палочки вдруг обратил внимание. Но в сравнении с этими людьми я была настолько простой, едва заметной, одной и многих. У меня не было ни денег, ни связей, ни громкого родового имени. Так что я понимала изумление Селины.

— Не обращай внимания на чертову стерву, — тихо сказал мне Адам, когда Селина умчалась к вновь прибывшим гостям. Он смотрел на меня со смешинкой во взгляде. — Она пустая, ограниченная сплетница, смысл жизни которой в этих приемах.

Я не ожидала от него таких слов, но мне захотелось расцеловать его за них. Я улыбнулась и покачала головой.

Он мог быть милым и приятным, когда хотел.

— Как долго нам необходимо находиться здесь? — придвинувшись вплотную к Адаму, шепотом спросила я.

— Еще не более часа, а потом можем уйти и заняться чем-нибудь более интересным. — Его глаза посмотрели на меня с таким страстным обещанием, что мне стало жарко.

Покусывая губу — это как-то по-особенному действовало на него — я посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц. Из груди Адама раздался низкий рык.

— Или можем не ждать целый час.

Схватив меня за руку, он стремительно повел меня к выходу из большой залы, на ходу поставив недопитый бокал с шампанским на поднос официанта. Я практически не замечала взгляды, которыми нас провожали.

Интересно, что эти люди подумали по поводу нашего поспешного ухода?

Хотя... Ох, да плевать!

Вопреки моим ожиданиям, мы не вышли из дома, чтобы уйти, а поднялись по широкой витой лестнице на второй этаж. Видимо Адам не впервые был в этом доме, потому что шел уверенно, зная, куда направляется. На втором этаже мы свернули в правое крыло и, отперев одну из многочисленных дверей, оказались внутри огромной ванной комнаты из розового мрамора.

Без лишних слов он оттеснил меня к стойке с фарфоровыми раковинами, обрушив свои губы на мои в сминающем поцелуе.

— Тебя не волнует, что эти старые сплетницы сейчас перемывают нам кости? — усмехнулась я, когда мы прервали поцелуй, чтобы перевести дыхание. Мои губы припухли и пылали от его атаки, которая ударила по всем моим нервам.

Было нечто особенно возбуждающее в том, чтобы сделать это в ванной рафинированной Селины Чайлд.

— Грейс, что меня волнует в данный момент, это твой сладкий рот и твоя горячая киска, — с дьявольской ухмылкой протянул Адам. — Это все, детка.

Его слова устроили всплеск моему либидо, хотя я уже была заведена. Схватив его за волосы, теперь уже я набросилась на него с жаркими поцелуями, языком глубоко проникая в его рот. Толкнув Адама в грудь, я удовлетворенно улыбнулась, когда он оказался прижатый к двери.

Желание доставить ему удовольствие, почувствовать его вкус на своем языке было таким сильным, что внутри меня все трепетало от нетерпения. Я опустилась на колени перед ним, ничуть не заботясь тем, что могу помять платье.

Вынимая его ремень из шлевок, я смотрела снизу вверх на своего мужчину, и видела в его глазах пламя бушующего пожара. Его губы приоткрылись; дыхание тяжелыми толчками вырывалось из груди. Я так хотела его, каждую чертову минуту каждого чертова дня я хотела его!

И не представляла что будет, когда уже не смогу получить его.

Высвободив уже полностью твердый член Адама, я прошлась языком по головке и обхватила губами. Я обрабатывал его шелковистую плоть, меняя интенсивность, заставляя его издавать тихие стоны удовольствия. Мои губы, язык и руки в слаженном темпе ублажали его, подвергая ласкающей пытке.

Руки Адама лежали на моей голове, направляя меня; двигаясь так, что он упирался мне в заднюю стенку горла.

— Хватит Грейс, иначе я сейчас кончу тебе в рот.

Воздух с шипением вырвался из его груди, когда он мягко отстранил меня.

— Если ты хочешь, не останавливайся. — Я улыбнулась ему, давая понять, что не имею ничего против.

Я настолько была поглощена этим мужчиной, что готова была все принять от него.

— Позже, детка. — Его губы искривились в усмешке. — Сейчас у меня есть другие планы. Встань!

Последнее слово прозвучало как приказ, а взгляд стал жестким и угрожающим. Я поднялась с колен, чувствуя, как внутри все связало узлом.

Дрожь окатила тело.

Могу ли я хотеть его еще больше?

— Развернись и упири руки в стойку.

Даже и не думая послушаться, я выполнила его распоряжение. Темный взгляд Адама следил за мной, как хищник перед тем, как напасть на добычу.

Во рту все пересохло, голова кружилась, а между ног стало еще больше горячо и влажно. Чувствуя пульсацию, я сжала бедра, и это не укрылось от глаз Адама.

— Ноги! — резко произнес он, шлепнув меня по заднице, и я ойкнула.

Взгляд прищуренных глаз ни на секунду не оставлял моего покрасневшего лица. Мне не надо было уточнять, что именно он хотел от меня, и насколько позволяло платье, я раздвинула ноги.

Пальцы Адама пробежались по моему оголенному позвоночнику, словно оставляя легкие ожоги. Я изогнулась, отчего мой зад еще больше выдвинулся, уткнувшись в него.

— Грейс, ты похотливая маленькая девчонка, — довольно протянул Адам, поцокав языком. — Скажи, что ты хочешь, чтобы я сейчас с тобой сделал?

Он внимательно следил за моим лицом в зеркале, легкими круговыми движениями поглаживая мои ягодицы сквозь материю платья.

Я же так завелась, что едва не готова была умолять его взять меня немедленно.

— Хочу, чтобы ты трахнул меня, — едва слышно прошептала я, покрываясь предательским румянцем.

Его губы растянулись в снисходительной улыбке.

— Что-что? Грейс, скажи это громко, я не расслышал.

Я чуть зубами не закричала: как же, не расслышал он!

— Я хочу, чтобы ты оттрахал меня! — выдохнула я, испугавшись, что слишком громко. Надеюсь, никто не стоит под дверью и не прислушивается.

— Хорошо попроси, Грейс, — покачал головой мой мучитель.

Я чуть не заскулила.

Ну, в самом деле!

— Пожалуйста, оттрахай меня. Я уже полностью промокла и хочу, чтобы ты жестко отымел меня.

Я не знаю, откуда взяла смелость сказать это, но решила, что так же могу поиграть с Адамом.

И, черт возьми, это имело эффект! Его глаза стали по-настоящему дикими, а выражение лица таким, будто он готов был сию же минуту разложить меня на полу и затрахать до смерти.

— Держись крепко, — сквозь зубы процедил он, резко задрал платье, оголяя мой зад.

Тонкий шелк моих трусиков затрещал, когда нещадные руки Адама разорвали его.

— О да, детка, ты и правда вся мокрая и горячая, — удовлетворенно хмыкнул он, потрогав меня между ног. Его пальцы потеряли мой клитор, а потом легко скользнули внутрь, двигаясь с мучительной медлительностью.

Я втянула воздух, до боли закусив губу, чтобы не стонать. Боюсь, меня не хватит надолго, и я могу привлечь весь дом своими звуками удовольствия.

— Нравится так? — Хрипло пробормотал Адам, совершая круговые движения, перемежая их с легкими толчками.

Я только лишь кивнула, не в состоянии и слова вымолвить. Это было больше, чем «нравится». Фантастически, великолепно, потрясающе. И еще миллион восторженных эпитетов. Но мне было мало, хотелось, чтобы его член заполнил, растянул меня изнутри и сотряс своими мощными ударами.

Просунув одну руку, я взяла его твердую плоть в ладонь и погладила пальцем влажную головку.

Адам со свистом втянул в себя воздух и сердито прорычал:

— Я кому сказал руки на стойку?!

Облизав пересохшие губы, я вернула руку в прежнее положение.

А вот и вернулся мой контролирующий, сумасшедший тиран.

Стоило мне только об этом подумать, как Адам еще ниже нагнул меня, ставя в удобное для себя положение, и одним сильным толчком вошел во всю свою длину. Я ахнула и сжала плотно губы, потому что удерживать горловые звуки больше не могла.

Он начал двигаться, загоняя себя полностью, сильными ударами проникая в мое тело. Мои ноги дрожали, грозясь подкоситься, и я сильнее ухватила за мраморную стойку, да так, что побелели костяшки пальцев. Я чувствовала каждый миллиметр его плоти в себе, как он касался и потирал самые чувствительные места во мне.

— Достаточно сильно для тебя, Грейс? — безжалостно ударяя, крепко сжимая меня за талию, сквозь стиснутые зубы выдохнул он.

— Да! — Я издала длинный стон, чувствуя себя на грани. — Господи, да, да!

Кажется, я даже начала плакать от той силы ярких ощущений и экстаза, которая накрыла меня.

— Адам, вот так... — Я бессвязно бормотала, перестав соображать, что происходит вокруг, и где мы вообще находимся. — Да, как же хорошо!

И в этот момент мое тело разрядилось, давая волю оргазму, накрывшего меня с головой. Адам зажал мой рот ладонью, не сбавляя темпа двигаясь во мне, пока я превратилась в тряпичную куклу, едва не потеряв сознание. Скоро и он достиг своего пика, с силой изливаясь в меня.

Стоило ему выпустить меня из рук, как я тут же сползла на пол, прижавшись головой к стойке. Тяжело дыша как после марафона, Адам опустился рядом со мной.

Постепенно восстанавливая дыхание, мы повернулись лицом друг к другу, в полнейшем молчании смотря друг другу в глаза.

Нам не нужны были слова, чтобы понять, что эта страсть и потребность между нами никогда не перегорит.

Но она может спалить нас дотла, ничего после себя не оставив.

В лимузине было тихо, даже пугающе тихо. После случившегося в ванной Чайлдов ни я, ни Адам особо не разговаривали, и почти не встречались взглядами. Я чувствовала, что его что-то грызет, но так боялась узнать правду, что предпочитала прятать голову в песок.

Все стало слишком. Слишком интенсивно. Слишком близко и глубоко. Слишком откровенно. Мы пришли к тому, на что и не рассчитывали в самом начале. И это доводило до пугающей дикости не только меня, но, по всей очевидности и Адама.

Я удивилась, и неприятно, когда Квентин остановил лимузин, и оказалось, что мы подъехали к дому бабушки. Значит, Адам не хотел, чтобы и эту ночь я проводила в его квартире. В его постели.

Это уязвило меня, но я никогда бы не дала ему этого понять.

Лимузин стоял, но Квентин не торопился открывать дверь. Я видела, как Адам колеблется что-то мне сказать. Клещи ледяного страха сковали мою грудь, мешая дышать.

— Говори уже, — тихо произнесла я, посмотрев на него с опаской.

Эллингтон раздраженно вздохнул и провел рукой по волосам, приведя их в еще больший беспорядок.

— Завтра я улетаю из города. — Его голос звучал скупой, и мне не понравилось, что он не смотрел мне в глаза. — Еще точно не знаю, на сколько. Так что какое-то время не увидимся.

— Понятно. — Я кивнула, надеясь, что он из-за своего собственного волнения не заметил, как я поморщилась, будто мне со всего размаху впечатали кулак в живот. — Командировка?

Мой голос звучал словно деревянный, но я все же спросила его. Ладно, он бизнесмен, который много времени проводит в разъездах. Я могу это понять.

— Нет, мы летим в Аспен, как делаем это каждый год. Лыжи и все такое. — Он передернул плечами, едва взглянув на меня.

Я говорила, будто мне заехали в живот? Нет, но вот сейчас это точно случилось.

— Мы?

— Эрик, Джейс, еще пара приятелей, ты их не знаешь. Думаю, нам пойдет на пользу сбавить обороты и немного передохнуть друг от друга.

Я едва не хмыкнула, хотя хотелось плакать. И он даже не смотрел мне в глаза!

Я хотела спросить, что же я такого сделала, что он так поступает, но решила, что хоть немного достоинства, но сохраню.

— Ладно. Удачной поездки. — Я улыбнулась дрогнувшими губами.

Адам только кивнул. Постучав по панели, он подал знак Квентину и тот вышел, чтобы открыть дверцу передо мной.

Он даже не посмотрел на меня, когда я вышла из машины. Квентин сел в авто, и скоро лимузин стал все дальше отдаляться по улице.

Я стояла на дорожке дома своей бабушки, чувствуя, как беззвучные слезы катятся по холодным щекам, наблюдая огни машины, скрывшейся за поворотом.

Простояв так еще какое-то время и замерзнув, я развернулась и медленно побрела к двери, чувствуя, что он уже выкинул меня из своей жизни.

Вот так, в очередной раз, он швырнул меня с небес на мерзлую, жесткую землю, даже не смягчив приземление.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Посмотри на это с другой стороны. — Махнула рукой в мою сторону уже захмелевшая от пива Эмми, — Теперь ты вновь свободна и можешь делать что хочешь, не боясь, что какой-то псих... я хотела сказать, мужчина с тяжелым характером, — тут же исправилась подруга, потому что я укоризненно посмотрела на нее, — контролирует всю твою жизнь.

Это же хорошо, что ты избавилась от него, да? — Эмми не уверенно посмотрела на меня. — Разве ты не этого хотела?

Ничего не ответив, я втянула голову в плечи, ниже сползая на сиденье. Чего я хотела, так это чтобы Адам все же вспомнил о моем существовании, и если уж решил, что между нами всему конец, то сказал об этом мне в глаза, а не отмалчивался.

Прошел уже почти месяц, как мы виделись в последний раз, когда он оставил меня перед домом бабушки, подавленной новостью о том, что он уезжает.

Я знала, что он уже давно вернулся в город, потому что видела в интернете ролик открытия нового крыла детской больницы, построенное на деньги Эллингтона. Он был на

церемонии и разрезал красную ленточку, улыбаясь в камеру своей обаятельной улыбкой.

Да, да, я стала такой жалкой, что просматривала новостные сайты, на которых упоминалось его имя.

С тех пор прошло две недели, а он так и не появился. Даже не позвонил.

— Господи! — простонала Лорен, уткнувшись лбом в поверхность стола, чем привлекла внимание некоторых посетителей ирландского бара, в котором мы сидели. — Да что ты к ней прицепилась? Не хочет она от него избавляться, ясно?

Эмми смутилась вспышкой Лорен, торопливо отпив из бокала с пивом.

— Грейс тащится от этого парня, неужели не видно?

Мои щеки вспыхнули румянцем: порой я не соглашалась с выбором слов Лорен, но тут она попала в точку. Правда, я все равно решила возразить:

— Я не тащусь от него, — довольно вяло вздохнула я. — Но в общем да, я вроде как еще не готова к тому, чтобы наши отношения закончились. Правда он, кажется, все решил за нас.

Я слабо улыбнулась подругам, но судя по их жалостливому выражению лиц, похожа я была на выброшенного под дождь обиженного щенка.

— Я этого не понимаю. — Лорен нахмурилась, покачав головой. — Совершенно же очевидно, что он голову от тебя потерял. Черт, парень назвал твоим именем клуб. Такого не делаю, если ничего не испытывают к девушке.

— Лор, он не в мою честь его назвал.

Я уже устала повторять об этом Лорен. Правда, я и сама все еще колебалась на этот счет. Если это и было совпадением, то довольно странным.

— Хватит уже об этом. — Я красноречиво посмотрела на подругу, желая прекратить эти разговоры, потому что это как поворачивать отверткой в ране.

— Прости. Ладно, оставим тему с названием. Но я видела, как он смотрел на тебя. И между прочим, — она поджала губы, внушительно посмотрев в мою сторону, — его взгляд похож на взгляд сексуального маньяка, но как знаток в отношениях мужчины и женщины, могу откровенно сказать, что кроме тебя его точно никто не волновал. Вообще.

— Я тоже так думала, — тихо призналась я, разглядывая людей вокруг, потому что не могла выносить жалостливых взглядов подруг.

На какой-то миг мне показалось, что это, в самом деле, так. Но когда Адам сообщил о поездке, поняла, что навывдумывала себе что-то. Я и на минуту не сомневалась, что в Аспене он развлекался в компании девушек, которые наверняка согревали его постель.

— Грейс, ты прости меня. — Эмми виновато посмотрела на меня. — Я не хотела расстроить тебя. Просто так паршиво видеть, как ты все это время страдаешь из-за него.

— Эм, все нормально. — Я кивнула подруге, успокаивая ее. — Ладно, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Подобравшись, я расправила плечи, понимая, что моя хандра вводит в депрессию и моих подруг.

— Серьезно, хватит мне уже киснуть. Господи, да еще пару месяцев назад я бы визжала от радости, что он забыл про меня. — Я изобразила легкомысленную улыбку, что оказалось не так просто. — Все, забыли. Сегодня ведь пятница, давайте сходим на какую-нибудь вечеринку.

Лор, — я посмотрела на подругу, которая сидела с недоверчивым выражением на лице, — ты все знаешь о вечеринках в студгородке. Есть сегодня куда пойти?

— Вообще-то да. — Лорен кивнула. — Но ты уверена, что хочешь?

— Да. — Я быстро кивнула. Возможно, даже слишком быстро. — С тех пор, как вы сами знаете, кто влез в мою жизнь, я вообще не была ни на одной студенческой тусовке. А мы ведь скоро окончим университет, и такие развлечения останутся в прошлом, так что надо пользоваться моментом, разве нет?

Я так старалась изображать восторг и энтузиазм, что в итоге это сработало. Расплатившись по счету, мы поймали такси и уже через двадцать минут были в доме одного из студенческих братств, где в разгаре была вечеринка.

— Так, есть проблема, — усмехнувшись, заявила я, прежде чем мы вошли в дом.

— Какая? — Лорен, идущая впереди, обернулась.

— А я поняла. — Эмми поморщилась. — Дин состоит в этом братстве.

Я кивнула, подтверждая слова Эмми. Я не разговаривала с Дином с тех пор, как бросила его. Если мы встретимся здесь, это будет неловко.

— Черт! — выругалась Лорен. — Я и забыла. Хочешь уйти?

— Нет. — Я покачала головой. Не так давно я сама советовала Эмми не избегать ее бывшего, а теперь сама стану спасаться бегством, боясь неловкой встречи?

Нет, этого не будет.

— Все в порядке. Вперед, веселиться!

Четырехэтажный кирпичный особняк буквально сотрясаясь от мощных битов репа. Я не была фанаткой этого стиля музыки, но атмосфера вечера все же захватила меня. Мне удалось немного расслабиться и почти не думать об Адаме.

Ладно, вру. Я все так же думала о нем, но теперь уже не о том, как я хочу его увидеть и еще хотя бы раз почувствовать его руки на своем теле и вкус его поцелуя, хотя одного раза мне будет недостаточно, и я все время буду хотеть еще и еще.

Нет, я думала о том, как же так получилось, что за короткий промежуток времени я буквально растворилась в этом мужчине. Я больше не узнавала себя, не понимала, кто я и куда делать Грейс, какой я была все двадцать три года, прежде чем узнала о том, кто такой Адам Эллингтон. Прежде чем он появился с какой-то неясной целью и жуткими обещаниями. И как я не старалась противиться его влиянию, меня все равно засосало.

Я не могла не думать о Камилле. Чувствовала ли она себя так же, когда он оставил ее? И в какой момент отчаянье стало таким непреодолимым, что она решилась на крайний шаг?

Нет, мысли о самоубийстве не посещали меня. Ничего подобного. Я знала, что выкарабкаюсь. Знала, что грусть по этим ненормальным отношениям не будет вечной. Придет время и я встречу парня, которого смогу полюбить и который не будет таким маниакальным придурком, как Адам.

Просто... я боялась, что те чувства и эмоции, которые ему удавалось вызвать во мне, больше никому вызвать не будет под силу.

А потом в какой-то момент между этими угнетающими мыслями, двумя или тремя большими стаканами пива и зажигательных танцев с подругами, я разозлилась.

Я так разозлилась на Адама и его власти надо мной. Его постоянному желанию меня контролировать, хотя я не знала, актуально ли это все еще. Но Маркус все еще был рядом со мной, и я подозревала, что он все докладывает своему хозяину.

Собственно, докладывать было нечего. Все каникулы я провела в доме бабушки, сгрызая себя своими далеко не радостными мыслями. Даже отказалась пойти на новогоднюю вечеринку, на которую меня звали школьные друзья. Я просто легла спать, совершенно не находя в себе настроения и сил что-то праздновать.

В чем был смысл его появления в моей жизни? Зачем я вообще согласилась на эту связь? Разве не было бы проще встречаться сейчас с обычным парнем вроде Дина и не чахнуть от неразделенных чувств абсолютно ненормального мужчины?

К сожалению, у меня как-то не получалось, чтобы было просто.

Я с завистью оглядела парней и девушек вокруг себя, которые пили, веселились, смеялись, целовались и делали еще много разных вещей, которые положено делать студентам. Почему я не могу быть такой? Не могу беззаботно смеяться, флиртовать, заигрывать с парнями, ходить ни к чему на не обязывающие свидания.

Почему какой-то повёрнутый на всю голову тип должен мне указывать, что делать?

Черт возьми, я свободный человек! Такой же, как и все в этой стране. Если я захочу вести себя безрассудно, или завязать интрижку с парнем, пусть и на одну ночь, то так и будет. И плевала я, что по этому поводу думает и говорит какой-то там Адам-мать-его-Эллингтон. К тому же, я сомневаюсь, что его это все еще хоть немного волнует!

Стоило мне прийти к этому выводу, как я заметила Дина у стеклянной двери на улицу. Он стоял рядом с какой-то девушкой и, по всей очевидности они мило беседовали.

Наблюдая за ним, я улыбнулась, потому что он все еще вызывал во мне теплые чувства. Ведь я была влюблена в этого парня целый год, и то недолгое время, что мы были парой, принесло мне искреннюю радость и легкость. Это то, чего не было между мной и Адамом. Да, была страсть, ураган эмоций, чувства на грани, но как бы это не нравилось мне, долго так не протянешь.

С Дином все было бы по-другому. Он не подавлял меня, и моя голова оставалась ясной. Он не причинял мне боли, и я уверена, что не причинил бы в дальнейшем. Во всяком случае, не намеренно, как это делал Адам.

Я колебалась, прежде чем решиться подойти к Дину. Что, если он все еще злиться на меня? Но пока я сомневалась, стоит ли это делать, он повернул голову в мою сторону и, заметив меня, на мгновение замер, а потом улыбнулся. Немного неуверенно, но я видела искренность в его глазах.

Чуть приподняв руку в приветственном жесте, я улыбнулась ему в ответ.

Дин что-то сказал девушке, а потом подошел ко мне, выглядя при этом несколько насторожено. Будто я могла прогнать его. Забавно, ведь это был его дом.

— Привет.

— Привет. — Я не в силах была сдержать улыбку, глядя в его ярко-голубые глаза. Этот парень все еще волновал меня, не смотря на всю сложность моей личной жизни. Тяжело разом избавиться от чувств, которые крепили во мне целый год.

— Это неловко? — Он смешливо изогнул свою темную бровь. — Или все нормально?

Я не верила, что он спрашивает меня об этом. Это же я разорвала отношения с ним! Этим я была гадиной, которая поступила таким отвратительным образом. Почему он волнуется из-за этого?

— Неловко должно быть мне. — Я в смущении покачала головой. — Не была уверена, не расстроишься ли ты, что я здесь. Если ты считаешь, что я зашла на твою территорию, только скажи и меня здесь не будет.

Я так разволновалась, что дыхание перехватило.

— Грейс, перестань. — Дин легко прикоснулся к моей руке, но тут же отдернул ее, смутившись. — Извини.

После такого самоуверенного и наглого типа, как Адам, было приятно говорить с

парнем, который не считает себя центром вселенной. Хотя обаяния у Дина просто море, и это не может не подкупать.

Постепенно, преодолев неудобство и стеснение, мы разговорились и не отходили друг от друга остаток вечера. Я вспомнила, как легко и тепло мне было с Дином, и какой он замечательный человек.

И в какой-то момент у меня даже мелькнула мысль, что для нас еще возможен второй шанс. Это наваждение под именем Адам пройдет, и я стану прежней, той, которая была влюблена в милого Дина Мэтьюза.

Разве это так нереально?

— Что ты делаешь? — улучив момент, когда Дин пошел принести мне воды, негодуя спросила Лорен.

Не понимая, о чем она, я растерянно нахмурилась.

— Грейс, ты опять хочешь разбить ему сердце? — Слова Лорен звучали довольно жестко, что мне не понравилось. — Ты не можешь быть с ним, так зачем давать надежду?

— Правда, не могу? — Я вскинула подбородок, словно бросая вызов ее словам. Мне надоело, что все говорили мне о том, что я могу, а что нет. — Почему?

Подруга смотрела на меня как на ненормальную.

— Ты забыла про сама знаешь кого и вашем договоре? Или у тебя внезапный приступ амнезии?

— Кое-кто сам о нем забыл. И меня уже порядком напрягает, что я должна беспокоиться о том, что подумает, сама знаешь кто, — я не могла с ехидством не подумать, что мы прям в какой-то версии Гарри Поттера, боимся произнести имя Адама как какого-нибудь Волдеморта, — когда совершенно очевидно, что ему на меня глубоко наплевать. И если уж нас ничего не связывает, то, какого черта я должна принимать решения с оглядкой на него и его тупые правила?

В задницу его и его правила!

Я не на шутку разошлась, повысив голос, чем привлекла к себе внимание. Почувствовав досаду, я стала выбираться из толпы к выходу во внутренний двор. Нужно было подышать свежим воздухом и успокоиться.

На заднем дворе у ребят был огромный бассейн, сейчас, правда, закрытый, так как был не сезон. По всей видимости, бывшие братья, хорошо спонсировали общину, потому что содержание такого особняка влетало в копеечку.

Я села в один из шезлонгов, обхватив себя руками, рассеянно глядя перед собой.

— Грейс, у тебя все в порядке?

Я подняла голову, слабо улыбнувшись Дину, который с беспокойством смотрел на меня. Я не заслуживала такого отношения к себе. Не с его стороны.

— Теперь да, — вздохнув, кивнула я.

— А если серьезно? — Он присел на соседний шезлонг, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Если серьезно, то нет. — Я безрадостно усмехнулась, пожав плечами. — Но будет, уверена, что скоро будет.

— Если я могу тебе чем-то помочь...

Он запнулся, глядя на меня своими прекрасными голубыми, печальными глазами и мне захотелось крепко обнять его и поцеловать.

Что я и сделала. Потянувшись к нему, я положила ладонь на его гладковыбритую щеку и

прижалась своими губами к его губам. Первые пару секунд он не двигался, очевидно, не ожидая от меня такого, но быстро справился с замешательством и стал отвечать на поцелуй.

Через минуту, чуть отстранившись от него, чтобы вдохнуть воздуха, я тихо пробормотала:

— Так помоги, Дин. Помоги мне.

— Ты уверена? — Он все еще колебался, хотя я уже была полностью раздетой, а в руке он держал презерватив.

Я ободряюще улыбнулась ему и кивнула.

То, что мы собиралась сделать, должно было случиться между нами уже давно. И это бы случилось, если бы не...

Но о нем думать сейчас я не собиралась.

В общем, хоть и с опозданием, но мы пришли к этому. И я была уверена в том, что делаю.

Ведь я уверена, правда?

Так, прочь сомнения. Дин мне нравится, и я просто хочу убедиться, что Адам (все равно никак не удастся, не думать о нем!) не единственный, с кем я могу испытывать удовольствие, и кто может завести меня.

Ну да, в данный момент я не очень заведена, но может тут как с аппетитом, придет во время еды? Целоваться с Дином мне нравится, и его прикосновения тоже приятны. Пусть они не вызывают шквал ощущений и трепета, и не кажется, что мир перевернулся с ног на голову, и сердце не останавливается, но такое вообще ведь редко бывает. Иногда и за всю жизнь не случается. Лучше бы и у меня не было, теперь бы не парилась, что не все так радужно, как было с другим.

О Боже! Ну, о чем я думаю?! Парень сидит между моими разведенными ногами, с уже надетым презервативом, а я тут себе мозги выношу!

Ладно, надо просто расслабиться.

Я улыбаюсь Дину, вложив в улыбку сексуальность, и изобразив желание. Тянусь к нему, обхватив за шею, и игриво прикусываю подбородок. Он тяжело дышит, и я чувствую дрожь его тела под моими ладонями.

— Грейс, я так хочу тебя, — возбужденным шепотом бормочет Дин. — Я пытался не думать о тебе эти месяцы, но ничего не вышло. — Он смотрит на меня с ранимостью во взгляде, и ком встает у меня в горле.

Мне совестно, что его чувства ко мне оказались сильнее, чем мои к нему. Ведь я практически забыла о нем, пока была с Адамом.

Точнее, пока он позволял мне быть рядом.

— Все хорошо. — Я обхватываю его лицо руками и, целуя, стараюсь вложить в поцелуй как можно больше страсти. — Иди сюда.

Дин накрывает меня своим телом, и я обхватываю его ногами, прикосновениями и поцелуями распаляя его и себя. Наконец-то мое тело выдает хоть какую-то реакцию, и я стараюсь зацепиться за нее, боясь упустить.

Почему так сложно разбудить в себе сексуальное желание, если рядом не Адам? Почему для него я всегда готова, стоит ему слегка прикоснуться ко мне, но когда со мной парень, который вызывает во мне больше симпатии, чем Эллингтон, я практически заставляю свое тело двигаться в нужном направлении?

Я должна избавиться от этого. Потому что не важно, будет это Дин, или кто-то другой, я

не смогу в полной мере почувствовать все хорошее, что может быть, пока мою голову засоряют мысли об Адаме.

— Грейс, ты такая сексуальная, такая красивая, — прерывающимся голосом бормочет Дин, осыпая поцелуями мою шею и грудь.

Его пальцы касаются меня между ног, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не дернуться. Но когда он начинает стимулировать мой клитор, тело, будто живя своей жизнью, реагирует, и мое дыхание тоже учащается.

Это и близко не похоже на то, что со мной творится, когда я занимаюсь сексом с Адамом. И я мысленно ругаю себя из-за того, что бесконечно сравниваю свои ощущения, и это убивает едва возникшее возбуждение.

Да что со мной за проблема такая!

Дин не замечает, какие раздирающие мысли одолевают меня. Он уже так завелся, что его кожа стала буквально температуры кипения. Мне жарко и я едва не прошу его чуть отодвинуться, чтобы дать мне немного воздуха.

Не так я представляла наш первый раз. Боюсь, что он же станет и последним.

Все не так, не правильно! Но что же тогда правильно? Я теперь остаток жизни буду всех с Адамом сравнивать? И все заведомо будут в проигрыше, и в итоге я останусь старой и одинокой, потому что не будет никого достойного ему. Буду жить, как сейчас живет Шерон, которая и через пять лет после предательства мужа не смогла разлюбить его!

Эти мысли вводят меня в отчаянье и у меня начинается приступ паники, и в этот момент Дин входит в меня с длинным стоном. Я задыхаюсь, мне отчаянно не хватает воздуха. Толкаю руками его в грудь, пытаюсь спихнуть с себя. Чувствуя его в себе как нечто чужое, нежеланное, то, от чего хочу немедленно избавиться.

— Слезь с меня! — Я срываюсь на крик и не замечаю, что уже плачу.

Испуганный Дин скатывается с меня, и я вскакиваю с постели, прижимая руки к груди, делая жадные вздохи.

— Грейс, что случилось?

Дин с ужасом смотрит на меня, пока я в лихорадке собираю свою одежду. Натягиваю юбку, кофту, целую вечность вожусь с колготами.

— Прости. — Я едва смотрю на него, желая поскорее убраться из этой комнаты и этого дома. — Я не должна была... Мне жаль. — Я судорожно вздыхаю, чувствуя, как новый потом слез вот-вот брызнет из глаз.

Чувствую себя никчемной тварью.

Господи, что же я натворила? Зачем все это было, ведь я с самого начала не хотела!

— Я совершила ошибку, не должна была... — Я трясую головой, прижав руку ко лбу. — Пожалуйста, прости.

С этими словами я выбегаю из комнаты, торопливо спускаюсь по лестнице, расталкивая поредевшую толпу. Меня тошнит, и я зажимаю рот ладонью, боясь, что меня на кого-нибудь вырвет.

Я даже не думаю о том, чтобы найти Лорен или Эмми, чтобы предупредить, что уйду. Меня колотит как в лихорадке, и я давлюсь слезами, без конца твердя, какая я мразь.

Наконец-то дверь!

Я хватаю за ручку, рывком распахиваю ее и мчусь вниз по ступенькам с крыльца. Поднимаю залитое слезами лицо и замираю.

Адам стоит на противоположной стороне дороги, склонившись над крышей «Астон

Мартин» и в упор смотрит на меня. Он не двигается, не сходит с ума от злости, не кричит и не бросается на меня с кулаками.

И это до ужаса, до одурения пугает меня. В его взгляде нет ничего. В нем нет надежды для меня, и я готова броситься бежать на край света, потому что знаю — это мой конец.

Я видела его в любом состоянии, он не раз пугал меня. Но даже в тот раз с ножом мой страх не был и близко таким, как сейчас.

Господи, это даже не был взгляд живого человека!

Я поняла, что приговор мне уже вынесен и обжалованию не подлежит.

Озноб окатил меня с головы до стоп, когда он, наконец, оттолкнулся от машины и, обойдя ее, стал приближаться ко мне. Я инстинктивно сделала шаг назад, на что Адам только предупреждающе покачал головой, вынуждая меня остановиться.

Господи, как он узнал? Нет, я не сомневалась, что ему станет известно, но так скоро?

Он месяц не вспоминал обо мне, так почему сейчас?

— Пошли в машину, Грейс, — взяв меня за локоть и больно сдавив, бесстрастно приказал Адам.

Я едва не задохнулась от того мрака и безнадёжности, которые увидела в его глазах.

— Я не хочу, — так, словно мое горло было набито лезвиями, прохрипела я. Пусть убьёт меня здесь, чем я окажусь с ним один на один в закрытом пространстве.

Адам понимающе кивнул, а потом резко схватил меня за волосы обеими руками и, притянув к себе, прижал свой лоб к моему.

Я вскрикнула от боли, и если бы уже не плакала, то сейчас бы расплакалась точно.

— Садись в машину, Грейс, — сквозь зубы повторил он. — Иначе я сейчас войду в этот дом и вышибу ему мозги. Ты этого хочешь, Грейс?

Он с ледяным спокойствием смотрел на меня, и я не сомневалась, что если я не послушаюсь, он выполнит обещание. Я не могла рисковать Дином. Пусть я получу весь гнев Адама, но Дин не должен пострадать из-за меня.

На едва слушающихся ногах я дошла до машины и опустилась на сиденье. Адам завел авто и не глядя на меня, отъехал от обочины.

Его молчание и ледяное спокойствие заставляло мою кровь стынуть в жилах. Я хотела узнать, как он узнал, но не рискнула и рта раскрыть.

Может, если я притворюсь мертвой, он меня не тронет?

Мы ехали минут тридцать, и напряжение в салоне было хоть ножом режь. Когда выехали на хайвэй, я впала в полное отчаянье, решив, что он везет меня куда-нибудь в лес, где и закапает после того, как подвергнет пыткам.

Меня всю трясло, но Адам был совершенно безучастен к моему состоянию, и казалось, напрочь забыл, что я рядом.

Ох, если бы так!

Когда он съехал с хайвэя, завернув на какую-то темную, скорее всего заброшенную дорогу, я приготовилась к тому, что сейчас ад обрушится на землю.

Адам вышел из «Астон Мартин», и, обойдя машину, распахнул дверцу передо мной.

— Выходи, — лишенным эмоций голосом скомандовал мужчина.

На негнущихся ногах я кое-как выбралась из машины, перепугано оглядевшись. Люди тут явно не часто появляются. По обе стороны разбитой дороги расстился лес.

Перестав дышать, я с замершим сердцем наблюдала за Адамом. Он прошелся по дороге туда и обратно, разминая шею и делая глубокие вдохи. Мне это не нравилось. Очень, очень

не нравилось.

Наконец, он подошел ко мне, глядя в упор в мои глаза и сделав еще один глубокий вздох, размахнулся и влепил мне звонкую пощечину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Моя голова завернулась от силы удара, и я пошатнулась, но все же удержалась на ногах.

Ненадолго. Потому что уже в следующую секунду Адам вцепился в мои волосы на затылке крепкой хваткой и, придавив, поставил меня на колени. Острые осколки разбитого бетона впились в кожу, царапая ее сквозь тонкий материал колготок. Моя щека пылала огнем, а дыхание сбилось от недавно пережитого потрясения и сковывающего ужаса перед его гневом.

— Ну как, тебе понравилось, Грейс? — Адам, или тот, кто владел сейчас его телом, склонился ко мне, задрав мою голову вверх, свободной рукой больно сдавив подбородок. — Понравилось раздвигать ноги перед этим молокососом, который кончает в штаны от твоего вида?

Его голос, полный желчи и презренного отвращения резанул по натянутым нервам.

— Как ты... узнал? — Голос едва слушался меня, но я все равно спросила, рискуя еще больше разгневать его.

Но, Господи помоги мне, куда еще больше?!

— Отвечай! — рявкнул он, с неслабой силой потянув волосы вниз, отчего моя голова еще больше задралась, а кожа на лбу больно натянулась. Кажется, я даже услышала, как вырываются мои волосы с корнями.

— Адам, пожалуйста, не надо! — умоляюще выдохнула я и зажмурилась, потому что слезы слепили глаза.

— Я сказал, отвечай, сука! — сквозь стиснутые зубы процедил он, прожигая меня убийственным взглядом. — Ну же, скажи, как это было? Это стоило того, Грейс? — Его губы изогнулись в злой, циничной усмешке, но глаза все так же сверлили мое лицо тяжелым взглядом. — Стоило того, чтобы терпеть сейчас все это?

Я в отчаянье сглотнула, панически соображая, что же ему сказать, чтобы хоть немного успокоить?

Я знала, что поступила как полная идиотка, решив переспать с Дином только ради того, чтобы доказать себе, что быть с другим парнем — НЕ с Адамом — для меня не проблема. Возможно, подсознательно я так же хотела доказать ему, что его слово для меня не такой уж и указ и я могу делать со своим телом все, что хочу.

И хуже всего, что я использовала для этого Дина. Милого, доброго парня, который был одним из самых хороших людей, которых я встречала в своей жизни. Неужели мало было того, что однажды я уже причинила ему боль, порвав отношения, которые только-только завязались?

О Боже, только за то, как я поступила с Дином, я заслужила весь этот гнев и всю эту боль, которую чувствую сейчас!

— Нет, не стоило! — давясь чуть стихшими слезами, выкрикнула я, вложив все свои силы в эту фразу. — Я поняла, что совершила ошибку. Это закончилось раньше, чем успело начаться.

Я не верила, что это сможет успокоить Адама. Уже немного зная его, я понимала, что он не будет разбираться, как далеко мы с Дином успели зайти.

— Правда? — Адам прищурился, внимательно рассматривая мое лицо, будто надеялся

увидеть там всю правду и ложь.

Где-то внутри меня сработал датчик тревоги, оповещающий, что он приготовил для меня хитрую ловушку и я как раз на прямом пути к ней.

— Грейс, ты же не пытаешься меня обмануть? — Он выгнул одну бровь; его глаза блеснули с неким злорадством.

Наверное, я слишком сильно хотела избежать его мести, а потому, не подумав, выпалила:

— Нет! Адам, я не...

Я замерла, не закончив фразу, когда он достал из заднего кармана джинсов смартфон и включил. Наши с Дином голоса, записанные на его телефон, неожиданно раздались в ночном воздухе.

— **Знаешь, ты так много раз снилась мне за эти месяцы.**

Бормотание Дина, на удивление было четким. А так же шорох одежды и тяжелое дыхание парня в пустой комнате.

Осознание того, что Адам слышал все, ВСЕ, что произошло в комнате Дина часом ранее, окатило меня ледяной волной. Как это могло произойти? Неужели я не заметила, как нечаянно нажала на кнопку вызова на смартфоне и сама того не ведая, позвонила Адаму?

Кто-то там не верху слишком зол на меня, не иначе!

— **Я думал о тебе, никак не мог забыть,** — продолжал откровенничать Дин, а я тем временем расправлялась с пряжкой его ремня. — **Друзья называли меня идиотом, но я все не верил, что между нами больше никогда ничего не будет. Грейс,** — его голос в волнении сорвался. Я вспомнила, что как раз в этот момент он обхватил меня ладонями за щеки и поцеловал, — **я так хочу тебя. Сейчас и всегда.**

Я прикрыла глаза, не находя в себе смелости и дальше выдерживать этот жестокий, безжалостный взгляд, в котором читала вынесенный мне вердикт о не помиловании.

— **Я тоже хочу тебя.** — В моем голосе послышалась улыбка. — **Сейчас, пожалуйста, займись со мной любовью.**

Далее шли звуки того, как мы избавляемся от остатков одежды перемежающиеся с довольно громкими звуками поцелуев. Вот я легла на кровать, и из груди Дина послышался длинный выдох.

— **Ты прекрасна!**

Я прижала ладонь ко рту, подавляя рвущиеся рыдания.

Нет, я далеко не прекрасна. Я отвратительный и ужасный человек, вот кто я!

— Пожалуйста, хватит, — едва слышно попросила я.

Адам зло хмыкнул.

— Нет, давай дослушаем до конца. Разве это не интересно?

Он, словно мазохист, наблюдал за моей реакцией, пока шла запись. И мы прослушали ее полностью, до того момента, где раздался громкий стон Дина в момент, когда он вошел в меня. После запись оборвалась.

— Ну, так как, Грейс? — Он присел передо мной на корточки, пытая меня своими потемневшими, бездушными глазами. — Ты все еще утверждаешь, что не пытаешься обмануть меня?

Я не стала ничего отвечать, потому что в этом не было смысла, не было никакого шанса, что он услышит меня и сменит гнев на милость. Все, что мне оставалось, это стерпеть то, что он уготовил мне.

— Ты лживая, грязная шлюха! — уничтожительно выплюнул Адам, словно щенка схватив меня за шиворот и швырнул на машину. Грубо нагнул над капотом, с силой придавив мою голову. Все еще горевшая после пощечины щека вжалась в холодный металл.

— Такая же, как и все! — обвиняющее продолжал мужчина, а его нещадные руки тем временем рвали мои колготки и нижнее белье. — Сука, достойная своей матери!

В его словах было столько злобы и ненависти, фанатичности, которой я не замечала ранее. Его пальцы больно впивались в кожу, на которой, скорее всего, останутся синяки.

Но в этот момент меня волновало другое. Я просто хотела пережить эту ночь, хотела, чтобы все поскорее закончилось. От страха дрожали ноги, и если бы он не придавливал меня, я бы свалилась на землю. Мои слезы смешивались со слюнями, потому что мне тяжело было дышать из-за придавленной груди, и я никак не могла перестать плакать.

Унижение, боль и обида, а еще чувство отвращения к себе, потому что я сама допустила то, что происходило сейчас. Пока Адам срывал мою одежду, я ощущала свою беспомощность и уязвимость, и в этот момент мне хотелось оказаться в доме моей бабушки, прижаться к ней как в детстве и почувствовать себя под защитой. Чтобы единственный человек, который когда-либо любил меня дал мне чувство безопасности, успокоил и стер слезы с моих щек.

Но моя реальность была здесь, во власти этого дьявола, который нещадно выкручивал меня и трепал так, будто я была бездушным предметом, созданным только для его использования.

Прежде многое происходило между нами с Адамом, и он часто причинял мне боль, в том числе и физическую. Но ни разу за все это время это не было физическим насилием, во всяком случае, мой мозг не воспринимал это таким образом.

Сейчас...

Сейчас он сделал это впервые, впервые изнасиловал меня, намеренно грубо проникая так, что каждый удар словно раздирал меня изнутри. В этом не было ничего сексуального, возбуждающего и чувственного, как это было прежде. Единственное, что я чувствовала, это чувство унижения, неприятия и боль.

Я захлебывалась в слезах отчаянья, умоляя его перестать, остановится. Но он был глух к моим слезам, моим мольбам. Рычание срывалось с его губ, пока он продолжал насиловать мое тело, убивая мою душу с каждым мучительным движением.

Я не знаю, сколько это продолжалось. Мне казалось, что целую вечность. Когда сил умолять не осталось, я просто притихла, про себя повторяя, чтобы все поскорее закончилось. Даже мои слезы прекратились от обессиливания.

Казалось, что я впала в некий транс, потому что перестала воспринимать происходящее. Но наконец-то он отпустил меня, злобно выругавшись. Он так и не кончил, несмотря на то, что все продолжалось долго, слишком долго, как по мне.

Ноги не держали меня, ноющее тело отказывалось слушаться. Дрожа с головы до ног, я опустилась на корточки, обхватив поцарапанные до крови колени, пустым взглядом уставившись перед собой.

Мечась словно, разъярённый зверь в клетке, Адам завел руки за голову, в ярости выплевывая ругательства, а потом со всего размаху ударил кулаком по окну машины, пробив его насквозь.

Не желая видеть хаоса, которым он окружал себя, я прикрыла глаза, пытаюсь отгородиться от всего. Мне нужно было это оупение, пустота и безучастность, потому что в противном случае я просто рассыплюсь на кусочки.

Сколько всего может выдержать человек? Когда наступает та грань, когда, кажется, что душа умерла и начинаешь мечтать о настоящей смерти? Когда не остается сил и желания бороться.

Когда ты жалеешь, что вообще родился на свет.

Этот момент стал для меня таким.

Я слышала его тяжелое дыхание возле своего лица, когда он нагнулся, поднимая меня, чтобы продолжить свои беспощадные пытки. Я даже не сопротивлялась, когда он затолкнул меня назад в машину, чувствуя абсолютное равнодушие к тому, что со мной будет дальше.

Время размыло для меня свои рамки, поэтому я не имела представления, через сколько минут или часов «Астон Мартин» притормозил перед огромным трехэтажным домом, погруженным в ночную темноту.

Я не двигалась, пока все тем же грубым, небрежным образом Адам не вытянул меня из машины, избегая смотреть на меня. Впрочем, я делала тоже самое.

Он буквально поволок меня к дому, отпер тяжелую входную дверь. Мы оказались в большом холле с высоким потолком. Двигаясь широким, размашистым шагом, Адам быстро тащил меня по мраморному полу вглубь первого этажа. Я мельком успела заметить накрытую белыми простынями мебель, когда мы проходили мимо комнат с широкими проемами.

В конце коридора он, наконец, остановился и, удерживая меня за локоть одной рукой, другой отпер узкую дверь. Дернул за выключатель и наверху загорелся неяркий свет лампочки.

Ступени лестницы вели вниз, в подвал, куда Адам и привел меня. Только теперь, оказавшись здесь, чувство страха вернулось ко мне. Внутри будто произошел сдвиг, и я с остервенением принялась вырываться из его хватки, но безуспешно.

— Прекрати дергаться! — заорал он, швырнув меня на пол, поставив ногу в ботинке на мою шею, лишая возможности пошевелиться без того, чтобы не задохнуться от нехватки кислорода.

— Грейс, я хочу, чтобы ты была покорной, — сверху вниз глядя на меня злым, холодным, как арктическое море взглядом, произнес Адам. — Если ты надеешься когда-нибудь увидеть дневной свет, то я очень советую тебе не рыпаться и делать так, как того хочу я. — Его губы зазмеились в жуткой усмешке. — И возможно я помилю тебя. Но не раньше, чем ты сполна ответишь за нарушение моего приказа.

Его голос стал обманчиво мягким, будто он предвкушал удовольствие от предстоящего наказания.

Наконец он убрал ботинок с моего горла и, закашлявшись, я с жадностью втянула воздух в легкие.

Смена настроения была слишком быстрой. Его зрачки стали почти черными, когда он вновь схватил меня за волосы и потащил к стене, где оказалась дверь, за которой располагалась небольшая ванная.

Даже не сняв с меня одежду, а точнее остатки от нее, он затолкал меня в душевую кабину и, включив душ, стал поливать меня горячей водой.

— Следует хорошо тебя вымыть, Грейс. Потому что ты еще та грязная, маленькая шлюха. Ну же, скажи это. — Свободной рукой он с силой провел по моему рту, хотя помады там уже не осталось. — Я хочу услышать, как ты признаешься в том, кто ты есть. Убеди меня в том, что ты понимаешь, какая ты отвратительная, мерзкая дрянь.

Я с ужасом смотрела на него, понимая, что он ведет себя как ненормальный. Я думала, что изнасиловав меня, он успокоится и отпустит, но нет, кажется, он решил истязать меня дальше, и в итоге похоронить в этом подвале.

— Говори, Грейс! — Он стиснул челюсти, поливая мое лицо и волосы большим напором воды.

— Я отвратительная, мерзкая дрянь, — заикаясь, пробормотала я, избегая смотреть в его глаза.

— Не верю. — Он обхватил всей пятерней меня за подбородок, заставляя посмотреть на себя. — Убеди меня, давай, сделай это, если хочешь помочь себе.

Он был полностью поглощен своей яростью и ненавистью, и я видела жуткие признаки удовольствия на его лице от моего мучения и унижения.

— Я грязная, мерзкая шлюха! — заорала я с неожиданной яростью. — Да, я нарушила твой приказ. Я трахалась с другим, и ты ничего уже не сможешь сделать с этим! — Я усмехнулась ему в его перекошенное, безумное лицо. — Хочешь наказать меня? Давай, убей меня, изнасилуй, мне плевать! Слышишь, мне все равно!

Последнюю фразу я буквально выплюнула ему в лицо. Адреналин несся по моим венам, лишая чувства самосохранения и опасности, но я знала, что когда он сгорит, я пожалею о своей вспышке.

Я прямо смотрела на него, ожидая его реакции. Захочет убить, пусть убивает, во всяком случае больше не придется терпеть его измывательства.

— Смерть для тебя стала бы легкой участью, — неожиданно спокойно произнес Адам, вернув себе свое самообладание. — О нет, Грейс. Ты еще будешь молить о ней, но у меня есть кое-что более интересное в запасе.

Его слова прозвучали как злорадное обещание чего-то, что обернется для меня чем-то очень нехорошим, неприятным. И это неведение, ожидание того, чего я еще не знала, но что точно гарантировало мне боль и страдания, было самым ужасным в ситуации, в которой я оказалась.

Адам вытащил меня из душа, сорвав с меня полностью всю одежду, и мы вернулись в основное помещение, которое было оборудовано под комнату. Мне некогда было осматриваться, но видно было, что все здесь обустроили для жизни.

Холод сковал тело, а в желудке, словно камень лег.

Когда он успел все здесь подготовить? Неужели этот подвал уже давно дожидался меня, и он ждал только повода притащить и запереть меня здесь?

Адам толкнул меня в сторону дивана и, достав из комода полотенце, швырнул мне.

— Нам не надо, чтобы ты заболела и умерла. Это было бы слишком просто и разочаровало меня.

Он жутко усмехнулся, чуть склонив голову на бок, окидывая меня ничего не выражающим взглядом.

Я прижала полотенце к груди, словно оно могло нести в себе защиту от его устрашающих глаз; от нещадных, жестоких рук.

Адам отвернулся и прошел в угол комнаты, нагнулся и что-то взял. Оставленная, наконец, без его пристального внимания, я поднялась с дивана и бросилась к лестнице, в призрачной надежде убежать.

Не знаю, на что я надеялась, но он так быстро метнулся ко мне, что я едва достигла ступеней лестницы, как он схватил меня за лодыжки и дернул. Упав, я больно ударилась

скулой и локтем.

Я застонала от разливающейся боли, которая казалось, распространяется по всему ушибленному телу. Адам не обратил никакого внимания на то, что я не слабо приложила к деревянным ступеням и поволок меня назад, с силой усадив на диван.

— Дернешься, будет больно, — жестко предупредил он.

Больше я не делала попыток даже пошевелиться, прикусив губу от острой боли в раненой скуле. Я чувствовала, как по моему лицу течет кровь.

Сначала я услышала звук цепи, а потом увидела, когда он вернулся ко мне, держа ее в руках. Цепь была не тяжелая на вид, но длинная. На таких обычно сажают пса, чтобы он мог свободно передвигаться по отведенному ему периметру.

Адам же решил посадить на нее меня.

— Не надо, — пересилив себя, попросила я. — Я не стану убегать, обещаю.

Мужчина хмыкнул.

— Нет, Грейс, это совершенно необходимо. Ты заслужила это. Вытяни ногу! — приказал он, и я послушалась, потому что бороться с ним не было ни сил, ни желания.

Я чувствовала себя такой измотанной, что хотелось только одного — чтобы он, наконец, оставил меня в покое, пусть и прикованную цепью.

Я не понимала, почему же я не падаю ему в ноги и не умоляю о помиловании, чтобы облегчит свою участь. Неужели все дело в том, что где-то глубоко-глубоко я считаю, что заслужила все это? Не только потому, что нарушила его правило, хотя он четко предупреждал меня о последствиях, но и потому что, так жестоко обошлась с Дином? Неужели отношения с Адамом довели меня до того, что теперь, совершив ошибку, я считаю необходимостью понести за это наказание?

Собственные мысли пугали меня почти так же, как то, что делал Адам.

— Как долго ты собираешься держать меня здесь? — едва слышно спросила я, когда руки Адама защелкнули наручник, обтянутый кожей на моей щиколотке.

Он бросил на меня взгляд, значение которого осталось для меня тайной, но ничего не ответил.

— Адам, ты не можешь держать меня здесь вечно! — повысив голос, воскликнула я. — Я не твое животное, меня будут искать. Как думаешь, когда мои подруги хватятся меня? Скоро они заявят в полицию и меня объявят в розыск.

— Иногда людей ищут годами и не находят, тебе ли не знать этого, Грейс? — Он издевательски приподнял бровь на меня. Потом протянул руку, по которой все еще сочилась кровь после того, как он разбил ею окно и провел пальцами по моей раненой скуле, стирая мою собственную кровь. Его взгляд при этом казался замороженным тем, что он видел. — Полиция до сих пор не нашла твою мать, так что я бы на твоём месте не слишком рассчитывал на их помощь.

Когда он упомянул об этом, мое сердце болезненно сжалось, разрушая последние остатки надежды. Тема моей матери всегда была тяжелой для меня, и я старалась как можно реже вспоминать об этом. С годами делать это становилась все легче. Но сейчас мои глаза вновь обожгли слезы, потому что он напомнил мне, что у меня не так много людей в этом мире, которых озаботит моя пропажа.

— Когда я вернусь завтра, то хочу увидеть, как сильно ты раскаиваешься, — напоследок произнес Адам, прежде чем подняться по лестнице, оставляя меня одну в пугающем подвале, в доме, который находился неизвестно где, наедине со своими паническими мыслями.

АДАМ. ЧАСТЬ 4

Со стороны бассейна слышался смех и пьяные выкрики, вызывая во мне раздражение. Я едва удерживал себя от того, чтобы не выйти к нарушителям своего такого шаткого спокойствия и не велеть заткнуться, а еще лучше свалить с виллы, закончив затянувшееся веселье.

Надоело. Все, что связано с этой нелепой поездкой, на которую Эрику каким-то чудом удалось меня уговорить. Надоели бесчисленные полуголые девицы, шатающиеся по дому с глупыми улыбками, ожидающие, что их кто-нибудь трахнет и при этом оплатит развлечение.

Эрик всегда легко велся на любые хитрости таких искательниц, хотя их манипуляции были шиты белыми нитками. Вот и сейчас собрал вокруг себя стайку потаскух, которые непременно разведут его как несмышлёного ребенка.

Сквозь стеклянные стены я смотрел на то, как веселая компания резвится в бассейне, от которого поднимался пар.

Вилла, которую мы снимали уже не первый год, располагалась на возвышенности холма, а пейзаж, открывающийся за окном, всякий раз захватывал дух. Снежные пики горы Аякс казались такими величественными и, глядя на них я думал, как на самом деле мелок и слаб человек по сравнению с природой и тем, что создано ней.

Это было одно из немногого, что еще могло поразить меня в этом мире.

Раньше я любил приезжать сюда, на пару недель сменить цейтнот Чикаго на более спокойную атмосферу горнолыжного курорта. Казалось, что здесь мне и дышится легче, а все тяжелые мысли, являющиеся моими спутниками на протяжении долгих лет, словно засыпают.

И в этот раз я ждал чего-то подобного, решив взять передышку после двух насыщенных, но изматывающих, вводящих в растерянность месяцев с Грейс. Думал, приеду и, выкинув ее из головы, забуду обо всем, кроме отдыха с друзьями, что на самом деле является редкостью для меня. Я не могу надолго выпадать из мира финансов; мира, в котором правят жестокие правила, потому что всегда есть те, кто как шакалы ожидают любого твоего неверного шага, потери внимания, дабы отобрать то, над чем ты так долго и упорно трудился.

Но декабрь — мертвый сезон, и наконец-то после целого года непрерывной усердной работы, которая чаще похожа на схватку разъяренных быков, я могу позволить себе немного сбавить обороты.

И так было бы, если бы с тех пор, как мы приехали в Аспен, я каждый чертов день, час и минуту не думал о Грейс.

Я уже давно понял, что происходит что-то, чего я не планировал и чего на самом деле не хочу. Это не могло не волновать, потому что в моем случае привязанность, чувства... Это было лишнее; то, что мешало и раздражало. Я жил, без каких либо чувств и привязанностей всю свою сознательную жизнь, и меня это устраивало.

Черт, я знал, что ни одна женщина в здравом уме не захочет быть со мной, когда узнает меня. В самом деле, увидит, какой я. Не то, каким я позволяю увидеть себя; не властного, безжалостного бизнесмена Адама Эллингтона, любящего жесткий контроль и хороший трах, который клал на все, кроме собственных пожеланий; которому нет никакого дела до того, что думают о нем окружающие.

Я сам создаю правила, удобные мне и заставляю жить по ним всех, кто окружает меня, кто зависит от меня.

Мудака, как сказала бы Грейс.

Я усмехнулся, вспомнив это прозвище, которым она окрестила меня. Одно слово — но такое меткое и верное.

Это все было на поверхности, и каждый, кто решался подступить ко мне ближе, мог без труда увидеть это. Многим хватало ума сбежать сразу же. У некоторых не было выбора, как в случае с девушками, которые временно заменяли для меня Грейс. И они терпели все, что я вываливал на них, при этом прося еще и еще, хотя порой я сам удивлялся, как долго можно терпеть такое скотское отношение?

Но они терпели, и в итоге все оказывались в моих ногах, что лишь раздражало, и не вызывало никакой жалости или сочувствия к опустившимся, несчастным созданиям.

Они становились неинтересны мне так быстро, что я перестал запоминать их имена. Я без сожаления давал им отставку, не волнуясь, как они будут налаживать свою жизнь после того, как я превратил их жизнь в хаос. Между нами все было честно с самого начала, и я никогда ни одной не обещал каких либо серьезных отношений с обязательствами.

Для меня это было не возможно.

Я был потребителем, а они товаром. Без оговорок.

Смерть Камиллы стала полной неожиданностью. Я знал, что она была в плохом состоянии, когда я прекратил всякий контакт с ней. Но суть в том, что я просто плевал на это. В моей жизни больше не было места для этого человека, и я без колебаний вычеркнул ее из нее.

А потом она покончила с собой, прыгнув с моста. Я испытал сожаление, даже почувствовал некий сдвиг внутри, но быстро взял себя в руки, потому что это больше не было моей проблемой. На моей совести уже лежали три загубленные души, и я не собирался брать на себя еще одну. С годами я научился блокировать одолевающее чувство вины, и я поступил так и в этот раз.

Наши отношения были завершены и меня это больше не касалось. Я слишком долго был мертвым внутри, чтобы убиваться из-за глупой девчонки, которая решила так оборвать свою жизнь.

С Грейс с самого начала все было иначе. Она не была бледной копией, которая всего лишь ненадолго заменяла прекрасный оригинал, к которому я пока не имел доступа. Она и была тем самым оригиналом, драгоценностью в прекрасной огранке. Долгое время я любовался ею издали, превратившись в настоящего маньяка, отслеживающего свою жертву. Наблюдение за ней стало тем, что скрашивало мою бессмысленную, пустую жизнь. Утром я просыпался с мыслью о том, что в конце этого паршивого дня я увижу ее, хотя она и не будет об этом знать. Я сделаю ее фото, запечатлею ее улыбку и повешу в специально отведенное для нее место. Я буду созерцать ее в самых разных моментах ее жизни, лелея мысль, что однажды она окажется в моих руках, и я буду делать с ней все, что пожелает моя темная, пропащая душа.

А желал я многого. И эти мысли порой были такими темными, такими жестокими, окрашенные в багрянец, что мне и самому становилось не по себе от собственных желаний. Но всякий раз, когда голос разума говорил во мне, я всячески затыкал его и мне это удавалось.

Я хотел ее. Хотел до одурения, до сумасшествия, до зуда в ладонях, дрожи в теле. Чтобы мои руки сжимали ее плоть, оставляя следы на нежной коже. Сдавить ей горло, перекрыв кислород, и видеть, как она будет хватать ртом воздух, пока я буду до одури трахать ее.

Трахать так, как никто прежде и никогда после.

Я хотел ее покорности, ее бунтарства; непослушания и полной капитуляции. Хотел сжимать ее тело до хруста в костях; целовать ее губы до крови, слизывая ее как сладкий нектар. Хотел выжечь на ней свое тавро, чтобы каждый вокруг знал, что она принадлежит мне и любого, кто посмеет посягнуть на нее, ждет неременная расплата.

Но пока она не была моей, и мне приходилось умирять монстра, который просыпался во мне всякий раз, когда в ее жизни появлялся очередной ухажер. Неудачники, недостойные ее, на которых она по непонятной мне причине обращала внимание.

Ни одна ее связь не длилась долго — мне приходилось заботиться об этом. Я находил способы убеждать тех глупцов, которые смели вступать с ней в отношения, что им же лучше прекратить это.

Я мог форсировать события, мог сделать ее своей намного раньше, чем это случилось, но тем самым я бы лишь приблизил конец. Ведь теперь, когда она в моей власти, и у нее нет выхода, кроме как подчиниться мне, лишь вопрос времени, когда все будет кончено.

Я знаю, что уничтожу ее, по-другому и быть не может. Но я так же буду уничтожен. Это то, что должно в итоге случиться.

Порой лишь невероятные усилия останавливали меня от убийства. Я был в агонии при мысли, что кто-то — НЕ Я — находится рядом с ней, касается ее и имеет ее как хочет.

Однажды я не выдержал и превратил ее очередного друга в боксерскую грушу. Кожа на моих костяшках содралась до мяса, пока я отделявал этого ублюдка, который трахал ее, который посмел замахнуться на то, что было ему не по зубам. К тому моменту как я закончил, он стал похож на кусок сырого мяса и надолго отправился на больничную койку, но больше его не было рядом с ней.

Я готов был устранить любого, кто подберется к ней.

Но я так же был угрозой для нее. На самом деле, я был самой страшной угрозой для нее.

Потому что все молокососы, которые были у нее прежде не могли соперничать со мной. И они не могли причинить ей ту степень боли, которую причиню я. Сомневаться в этом было бы равносильно глупости.

Теперь, по пришествии определенного времени я был уверен, что мысли Грейс заняты только мной и ни один другой мужчина не волнует ее. Я напрочь стер их из ее головы и сердца. Это та цель, которую я преследовал. Я мог радоваться успехам, но радости не было. Потому что я и сам попал в ее сети. Намеренно ли расставленные, или нет, но я чувствовал, как все сильнее и глубже вязну в этом.

Охотник вдруг стал добычей.

Мне это нахер не было нужно. Я не мог позволить какой-то девчонке овладеть моим разумом, моим черствым сердцем и моей жизнью. Лучше убить себя сразу, чем позволить этому случиться.

Стеклянная дверь открылась, впуская одну из девиц, крашеную блондинку с искусственной грудью, едва прикрытой микроскопическим купальником. Ее вторжение отвлекло меня от погружения в далеко не самые веселые и спокойные мысли, на которые у меня было много времени с момента прилета.

Точно не помню, как ее зовут. То ли Лаура, то ли Либерти.

— Я решила, что тебе не помешает компания. — Лаура/Либерти посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц, надув розовые губы.

Она искренне верит, что эти глупые уловки сексуальны?

— Почему ты сидишь в одиночестве, а не идешь к нам в бассейн?

Я смотрю на нее тяжелым взглядом, который означает: «свали отсюда нахер», но на нее это не действует. Покачивая бедрами, она приближается ко мне и опускается на колени перед креслом, в котором я сижу. Ее руки с длинными ногтями, похожими на когти хищной птицы ложатся на мои ноги и ползут вверх, пробираясь к ширинке. Я не реагирую. Мне даже интересно, почувствую ли я что-нибудь.

Она вульгарная, вызывающе сексуальная, откровенно похотливая. И большинство мужиков не преминули бы разок отыметь ее. Но она совершенно не трогает меня. Мой член никак не реагирует на ее прикосновение; ее коленопреклонённый вид.

Я едва удерживаюсь, чтобы не пнуть ее своим ботинком.

— Ты такой угрюмый. — Девушка облизывает свои губы в попытке расшевелить меня. — Давай Лола поднимет тебе настроение.

Так значит Лола. Не угадал.

Похер.

Я по-прежнему не шевелюсь, в упор глядя на нее, когда Лола тянется к моему лицу. В ее глазах смятение и мелькнувший страх: я знаю, что могу быть пугающим, но не собираюсь облегчать ей задачу.

Ее лицо напротив моего лица. Она улыбается, пытаясь скрыть свою неуверенность. Склоняется, пытаясь поцеловать меня. В момент, когда ее губы в миллиметре от моих, я нарушаю молчание:

— Свали отсюда.

Мой голос спокойный и холодный, но в нем отчетливо проступает угроза. Лола отшатывается, шокировано хлопая глазами. С мгновение смотрит на меня, а потом вскакивает и убегает прочь. Раньше я бы не стал колебаться, разложил ее на полу и отымел. Плевать на то, кто она, как ее зовут и чего она хочет. Для меня она просто тело, как и все остальные.

Но не Грейс. Я согласился не спать с другими, пока она рядом. Черт возьми, ее условие — я все еще не верил, что она посмела поставить мне условие, но более того — я согласился! И я собирался сдержать свое слово, потому что не в моей натуре рушить обещания.

Но это не единственная причина, по которой я не стал трахать эту искусственную шлюху, или любую другую. Мне не хотелось. Они вызывали во мне отвращение одним своим видом. Вот до чего довела меня маленькая Грейс Колдвел. Она полностью выносила мне мозг, и я желал ее до одурения; она творила со мной нечто, что ставило меня в полнейший тупик, заставляя вести себя так, как я и подумать никогда не мог.

Она была чертовым противоречием, моей слабостью и за это порой я хотел убить ее. Но я знал, что никогда не пойду на это. Я мог причинить ей боль, но я всегда учитывал ее приделы. Ранее желание сломать ее постепенно стиралось из моего сознания, заменяясь другими чувствами, иными, куда более сильными эмоциями.

Во мне происходил переворот: медленно, но необратимо меня ломало и в местах разломов проступало что-то новое, более светлое, яркое. Что-то, чему я был обязан Грейс.

Я готов был убить за нее. Почувствовал это в тот момент, когда увидел, что она ранена после взрыва в клубе. Кем бы ни был тот, кто пошел на это, и какую бы цель он не преследовал, я поклялся себе, что отыщу его и уничтожу. Сама мысль, что кто-то может угрожать ей; кто-то, кого я пока не знаю, приводила меня в бешенную ярость и заставляла испытывать паршивое чувство беспомощности, уязвимости. Чувства, которые я давно похоронил в глубинах своего подсознания.

— Какого черта ты делаешь?

Джейс, мрачнее тучи спустился с лестницы, злобно уставившись на меня.

Я поднялся ему навстречу, в мгновение сгруппировавшись. Намечался конфликт, и я готов был отразить нападение, хотя и не знал его причину.

— О чем ты? — Я хмуро посмотрел на друга, гадая, что могло произойти за тот час, что мы не виделись.

— Грейс!

— Что «Грейс»? — Я почувствовал раздражение, стоило ему произнести ее имя. Даже с ним я не хотел обсуждать ее.

— Ты же знаешь кто она, да? — Во взгляде лучшего друга я отчетливо видел обвинение и разочарование.

Наши отношения всегда строились по принципу: «Без осуждений», потому что у обоих из нас были свои слабости. Да, я был более повернут и я никогда не пытался скрыть это от Джейса. На самом деле, он был едва не единственным, кто знал меня настоящего. Но даже ему я не рассказывал о Грейс.

Я не хотел выслушивать моральные нотации от Джейса.

— Это не твое дело, — сквозь зубы процедил я, предупреждая поймав его взгляд. — Не лезь в это.

— Не мое дело? — Джейс недоверчиво приподнял брови. — Нет, мое. И ты знаешь об этом! — Он ткнул пальцем в мою сторону. — Что, если она узнает? Ты подумал о последствиях? Чем ты вообще думал, Эл?

Я ругаюсь, запустив руку в волосы. Надеялся, что Джейс не узнает, но он сложил два и два.

— Она не узнает, — разведя руками, заверяю я. — Никто не узнает.

— Это опасно! — Он едва сдерживается, чтобы не кричать. — Остановись, пока не поздно. Ты должен держаться от нее подальше.

Я качаю головой, протестуя глядя на него. Нет, это не возможно. Держаться от нее подальше? Оставить ее? Я не смогу. Больше нет. Это зашло слишком далеко.

— Твою мать! — раздраженно ругается Джейс, видя, что я не собираюсь прекращать это.

— Как ты узнал?

— Мне с самого начала показалось, что я ее где-то видел, — признался друг. — Это не давало мне покоя. И я навел справки. Можешь представить, как я удивился, когда узнал, кем была ее мать?

Его взгляд прожигает меня, но я прямо выдерживаю его. Если Джейс хочет противостояния, он его получит. Никто не станет указывать мне, что делать. Все будет так, как я сам хочу. И закончится это тогда, когда я решу.

— Почему она, Эл?

Я не знаю, что ему ответить. Даже если бы и хотел, у меня нет ответа на этот вопрос.

Правда, почему она? Все ли дело только в том, чьей дочерью она является? С самого начала так и было, но чем ближе я узнавал Грейс, тем больше я отделял ее от образа, который укоренился во мне. Она другая, я понял это. И теперь она интересовала меня как отдельная личность, без привязки к Морган.

— Я не собираюсь отчитываться! — отрезал я. — Все, что тебе надо знать — это то, что она не узнает ни о чем. Никто не узнает. Все под контролем.

Я смотрел в глаза Джейса и видел там сомнение. Мы не говорили об этом почти пятнадцать лет. Все это время он был уверен, что все надежно укрыто. Я пообещал ему это. Обещал, что никто ничего не узнает. Мы оба поклялись друг другу хранить тайну той ночи. И теперь в лице Грейс он чувствует угрозу. Ее появление может пустить все к чертям. Я не собирался допустить, чтобы это случилось. Но и отказаться от нее не мог.

— Все под контролем? — после продолжительного молчания переспросил Джейс. — Правда? Потому что я вижу обратное. Она не просто очередная девка, которую ты пропускаешь через свою койку. На этот раз все иначе. Я знаю тебя Эл, и я вижу это.

Джейс усмехнулся, покачав головой.

— Ничего не иначе, — возражаю я, внутренне кипя.

Меня бесит, что мое отношение к Грейс так очевидно для окружающих. Достаточно и того, что я сам с трудом принимаю это. Но если это увидел Джейс, то и Грейс тоже. Она почувствовала, что я дал слабинку. Я позволил этому случиться. И это сделало ее уверенней в отношении меня. Именно поэтому она и поставила свое условие. Да, пока одно, но я не верил, что она остановится на этом. Женщинам всегда нужно больше и больше, как только мужчина теряет бдительность и ослабляет контроль.

— Грейс такая же, как и все. — Я, не мигая смотрю на друга, и моя ложь звучит убедительно. — Скоро и она останется в прошлом. Так что тебе не о чем волноваться.

На этом я заканчиваю разговор, и выхожу из комнаты. Надеваю куртку и покидаю дом.

Мне нужен холодный воздух, чтобы проветрить мозги. Мне нужно больше свободы от Грейс и мыслей о ней. Она отравя для меня. Я должен придумать способ удержать свои долбанные чувства под контролем!

Я не могу позволить себе расслабиться с ней. Иначе Джейс может оказаться прав и правда выплывет наружу. Есть люди, о которых я должен подумать в первую очередь. Кто-то, что что-то значат для меня. В случае раскрытия пострадаю не только я.

Я знаю, что балансирую на грани. Знаю, что близость с Грейс опасна. Кажется нелепым, что эта девочка может быть опасна для меня. Так же опасна, как и я для нее. Наше положение не равно, потому что она не знает о своем преимуществе.

Если бы она только знала, что может разрушить наши жизни. Как бы она поступила, если бы правда оказалась в ее руках?

В первую неделю нового года я возвращаюсь в Чикаго с чувством облегчения. Все прошло хуже, чем я ожидал, и я понимаю, что время потрачено впустую.

Я не пожелал разделить веселье с Эриком и бесконечной чередой девиц, которых он приводил на виллу. В наших отношениях с Джейсом появилось напряжение, и мы практически не общались после того разговора. Единственное, что скрасило эту поездку, это катание на лыжах. Я не мыслил свою жизнь без экстрима и адреналина, который получал. Это то, что требовалось мне как воздух, которым я дышал. В такие моменты я чувствовал, что все еще жив, не смотря ни на что.

По приезду меня ждал неприятный сюрприз. Технологический отдел компании сообщил мне, что базу данных «Эллингтон групп» пытались взломать. Попытка не удалась, но нельзя было закрывать глаза на происходящее. Кто-то пытался добраться до меня. Этот человек не остановился перед взрывом в клубе, который унес жизни людей. Эти жертвы еще одним грузом легли на мои плечи. Я не мог не чувствовать, что несу ответственность за это.

Если бы я более внимательно отнесся к тому, что происходило перед открытием, возможно, трагедии удалось бы избежать. Но я был слишком занят, в том числе мыслями о

Грейс.

Она явно мешала моей высокой функциональности.

Наличие Грейс в моей жизни делало меня уязвимым. Привязанность к ней делала меня более доступной мишенью. Если бы не она, ко мне трудно было бы подступиться. И у моего невидимого противника не было бы рычагов давления на меня. Но она стала моей слабостью, не только в плане душевного спокойствия, коего я и так был лишен. Если тот, кто совершает свои атаки на меня, узнает о ее роли в моей жизни, то может использовать это против меня.

Я не мог этого допустить. Ни того, чтобы ей причинили вред, ни того, чтобы кто-то мог влиять на меня таким образом.

Я приставил к ней Маркуса, одного из лучших в своем деле. Он сможет защитить ее и будет моими глазами при ней. Я все еще не мог доверять ей, и не был уверен, что она не выкинет что-нибудь такое, что выведет меня из себя и заставит причинить ей боль.

Это потребность сидела во мне слишком глубоко и за долгие годы она так укоренилась, что вытравить ее из себя не казалось возможным. Я должен был жить с этим, и я должен был подавлять эти ужасные желания каждый день; каждый чертов раз, когда при взгляде на нее мне хотелось сделать ей больно; увидеть отметины своих рук на нежной коже; услышать ее крик.

Я как никто лучше знал, что я еб*тый на всю голову ублюдок, который вынужден держать себя в узде, иначе могу натворить то, что невозможно будет исправить. Я так же понимал, что если случится так, что я больше не смогу сдерживать себя и в какой-то момент захочу сделать с ней то, что будет слишком для нее, то лучше всажу себе нож в живот, чем допущу это.

Первым моим порывом после того, как самолет приземлился в аэропорту, было позвонить Грейс. Я хотел увидеть ее, потребность в этом пугала меня. Мы так паршиво расстались, и я до сих пор корил себя за ту муку, которую видел в ее глазах, когда сообщил о своем отъезде. Я испытывал вину. Впервые из-за того, что причинил душевные муки девушке, с которой меня что-то связывало. В этом было еще одно отличие Грейс от остальных. Никто прежде не заставлял меня испытывать подобные колебания.

Мои чувства и мысли были в полном раздراиве. Я не редко был неустойчив, но сейчас причина была другая. Я все еще не разобрался в своих новых ощущениях, непривычных эмоциях. И только отдалившись от Грейс, я надеялся вернуть себе хоть какую-то стабильность, прежнюю непрошибаемость. Каждый день я получал отчеты Маркуса и знал, что почти все каникулы Грейс провела в доме бабушки, редко покидая его.

Я был чертовым эгоистом и мысль, что она не развлекается где-либо, радовала меня.

Была еще причина, по которой я решил временно держаться от нее на расстоянии. Тот, кто хотел причинить мне вред не должен думать, что нас с ней связывает больше, чем просто интрижка. Пусть урод, который станет покойником в скором времени решит, что она больше не интересует меня. Это так же был способ защитить ее, потому что на данном этапе рядом со мной было небезопасно.

Я вернулся к своим делам и так прошел почти весь январь. Я усилил охрану, нанял специально обученную группу для отлова взрывателя. Эти парни были полными отморозками, но я знал, что в таких делах они — это лучшее, на что можно рассчитывать.

Это был вечер пятницы, когда я получил тот большой белый конверт. Я только вернулся из офиса, чувствуя себя полностью вымотанным после трех часов переговоров с Токио,

собираясь позвонить Маркусу и узнать, что сегодня делала Грейс. Ее каникулы уже закончились, и она вернулась в университет. Я хотел быть в курсе всего, что происходило с ней. Я так же хотел убедиться, что никто подозрительный не отирался рядом с ней.

Она должна была быть в безопасности.

Найджел отдал мне всю корреспонденцию, пришедшую за день. Обычно я не сразу просматривал ее, но тот конверт отличался от большинства. На нем не было никаких штампов, просто чистая белая бумага. Внутри ощущалось что-то плотное.

Испытав непонятную тревогу, я достал содержимое. Это были фотографии, на каждой из которой была Грейс. Грейс с подругами возле Старбакс. Грейс на выходе из библиотеки университета. Грейс возле своего общежития.

Горячая волна ударила в мое лицо. То, чего я боялся, произошло. До меня пытались добраться через нее. Хотели вывести из себя, прислав ее фото в качестве угрозы.

И это сработало.

Во мне всколыхнулась ярость, желание с особой жестокостью убить ублюдка, который посмел использовать ее.

Еще недавно я сам был таким же: снимал ее, ничего не подозревающую, чтобы потом часами разглядывать ее фото, лелея мечту, что однажды она окажется в моих руках. Я был ее тайным преследователем, и теперь кто-то следует по моему пути.

Я должен был прекратить это.

Я допросил Найджела, который лишь подтвердил мои догадки: конверт прислали курьерской службой. Совершенно ясно, что тот, кто это сделал, не глуп, дабы лично принести его. Он умеет замечать следы.

Едва справляясь с раздражением, я тут же связался с Маркусом и узнал, что сегодня Грейс не требовались его услуги. Но датчик слежения в ее смартфоне, связанный с моим телефоном показывал, что она не на кампусе. Навигатор определил, что это был один ирландский бар в трех милях от Северо-Западного университета.

— Маркус, какого черта ты не с ней? — накинулся я на своего подчиненного, едва не рыча от злости. — Ты должен был ее сопровождать!

— Мистер Эллингтон, мисс Колдвел сказала, что не собирается сегодня куда-либо выходить, — сохраняя профессиональное спокойствие, отчеканил Маркус.

Я выругался сквозь зубы, распаляясь еще больше из-за выходки Грейс. Она знала, что должна была сообщить Маркусу, если хотела куда-то сходить. Она должна была быть в его сопровождении, но решила улизнуть. Если бы не беспокойство за нее, я бы уже обдумывал способы, которыми накажу ее.

— Твою мать, Маркус! Если хоть волос упадет с ее головы, я с тебя шкуру спущу! — рыкнул я и отключился.

Быстро переодевшись в джинсы и кожаную крутку, я спустился на подземную парковку, взяв «Астон Мартин». Несмотря на поздний вечер, уличное движение все еще было плотным. Останавливаясь на светофорах, я в бессильной ярости бил по рулю, выплевывая проклятия. Я собирался задать трепку Грейс. После того, как сотру ее губы в поцелуе, трахну до остановки дыхания и заставлю кричать от оглушительного оргазма.

Все эти недели я сходил с ума от желания увидеть ее, держать ее тело в своих руках, целовать и брать снова и снова. Никто кроме нее не мог утолить это желание. Я с удивлением понял, что дело было не в том, что мне нужен был секс. А в том, что он нужен мне только с Грейс.

Я хотел услышать ее голос, ее смех; увидеть ее улыбку и блеск зеленых глаз.

Я проверял себя, испытывал свою выдержку, и не поддавался соблазну поехать к ней или вызвать ее к себе. Но в ту минуту, когда фотографии оказались в моих руках, я знал, что должен мчаться к ней. Должен убедиться, что она в порядке и ей ничего не угрожает в конкретный момент.

Мой навигатор показывал, что она движется. Я был возле дома студенческого братства через десять минут после того, как она вошла внутрь.

Я знал, что здесь живет тот парень, с которым у нее были недолгие отношения перед тем, как она пошла на сделку со мной. В доме проводилась вечеринка, но я надеялся, что она не задержится надолго. Было тяжело не войти в дом и не увести ее оттуда. Оставшись в машине, я решил подождать, что будет дальше.

Я был параноиком и мысль, что она там, рядом с ним сгрызала меня изнутри.

Маркус так же появился вскоре после меня, но я отослал его. Я не собирался уезжать, пока не буду уверен, что Грейс добралась до своей комнаты.

Как и прежде, я вел наблюдение, вновь став ее сталкером. В прошлом я провел не один час, наблюдая за ней, пока она проводила время со своими друзьями. Она давно стала частью моей жизни, даже когда сама еще не знала об этом.

Прошло менее часа, как Грейс была внутри, когда мой телефон ожил. Я испытал удивление, но так же внезапный душевный подъем, увидев ее имя на дисплее. Втайне я ожидал, что она позвонит, но ее гордость не позволяла сделать этого. Я сильно обидел ее тем вечером после приема, и это явно читалось на ее лице.

Могла ли она заметить меня из дома? И не потому ли звонит?

Я нажал на кнопку, ожидая услышать ее голос. И я услышал голоса, но это было не то, на что я рассчитывал.

Шок, неверие, прозрение и ослепляющая ярость. Бешеное желание стереть с лица земли, сломать, раздавить, разорвать на ошметки.

Уничтожить.

Я вышел из машины, шумно дыша сквозь ноздри, до боли в скулах стиснув зубы. Меня распирало изнутри, разрывая все хорошее, что я позволил чувствовать к ней. Все было сломано, растоптано и обращено в прах. Не было ничего кроме тьмы и ненависти, кровожадного желания истерзать, причинить боль, такую, чтобы не выдержала. Чтобы сломалась без возможности восстановиться.

Я горел в адском огне. Я бился в агонии. Я рычал и выл. Все внутри. Глубоко в своем прогнившем насквозь нутре я снова и снова умирал и возрождался только лишь затем, чтобы вновь с жестокостью познать мучительную смерть.

Я ошибся. В ней нет ничего особенного. Она такая же, как и те, с кем любит развлекаться Эрик. Похотливая сучка, заслуживающая скотского обращения.

На моих глазах пелена, окрашенная в багрянец. Я дышу быстро, поверхностно, но воздуха все равно не хватает. Расстёгиваю молнию куртку, но не помогает. Упираю руки в крышу машины, опускаю голову и считаю про себя. Чувствую, как остатки контроля ускользают, и я проваливаюсь в темноту. И когда это произойдет, я ворвусь в дом и вышибу мозги этому уеб*у, который распустил руки на то, что принадлежит мне.

Меня трясет, хочется ломать и крушить все, что вокруг. Плевать на последствия. К черту!

Сеять хаос, сходить с ума, причинять боль, видеть кровь на своих руках.

Все.

Я вижу, как она выбегает из дома, поднимает голову и в ужасе останавливается, заметив меня. Ее лицо залито слезами.

Отталкиваюсь от машины, иду к ней, удерживая тяжелым взглядом.

Скоро я заставлю тебя пожалеть, и тогда ты поймешь, что прежде не знала настоящих слез горечи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Внутри меня пустота. Прислушиваюсь к собственным ощущениям, но ничего нет. Полнейшее отупение. Все скованно льдом. Умерло. Выжжено дотла.

Наверное, все еще последствия шока. Скоро он пройдет и весь ужас ситуации, в которой оказалась, обрушится на меня. Когда меня накроет, никого не будет рядом, чтобы удержать и не дать захлебнуться в приливе отчаянья, горечи и безысходности.

Я должна бы бояться. Но не боюсь.

Я заслужила это? Или нет? Неужели время, проведенное с Адамом, его влияние на меня вылилось в результат того, что сейчас я, в самом деле, обдумываю, а не справедливое ли наказание он мне уготовил?

Свихнулась, наверное, не иначе.

Нет, нет, я не могу сидеть в этом подвале! У меня есть обязательства. Помимо учебы, которую не могу пропускать, когда до выпуска остаются считанные месяцы, у меня есть работа и больная бабушка, и она станет волноваться, если я не позвоню ей.

Подумала о бабушке, и сразу стало плохо. Сердце сдавило, глаза защипало от слез.

Ну вот, началось. Скоро плотину прорвет, и тогда я сама себе не завидую.

Я поднялась с дивана, придерживая брошенное Адамом полотенце на груди. Цепь, сделавшая меня рабыней, звякнула, стоило мне двинуться. Посмотрела вниз, пытаюсь определить, что чувствую, глядя на этот символ неволи.

Ничего. Странно, но нет, казалось бы, ожидаемого отвращения и неприятия.

Оглядев комнату, прошла к комоду и, порывшись, достала теплый бежевый свитер крупной вязки. Натянула на голое тело. Исследовала все полки на предмет нижнего белья — тщетно. Либо он не все продумал, либо наоборот, оно тут не планировалось изначально. Хорошо хоть свитер довольно длинный, прикрыл все светящиеся места.

Вновь опустила глаза; приподняв ногу с наручником, нахмурено разглядела новоприобретённый аксессуар.

Нет, все как раз таки продуманно — надеть белье, когда к твоей ноге прикована цепь в несколько метров, не представляется возможным физически.

Ладно. Сейчас у меня есть куда более насущные проблемы.

Я обшарила каждый закуток, куда могла дотянуться на наличие чего-нибудь острого, чем можно было бы открыть наручники. Осмотрела кольцо, к которому крепилась цепь, но оно было намертво ввинчено в бетонный пол.

Я не собиралась сидеть здесь до скончания веков, или того момента, когда Адам соизволит меня выпустить.

Если это вообще входит в его планы.

Не важно, что там происходит в моем предательском мозгу, который вдруг решил, что наказание-то и не лишним будет. Заслужила, как ни как.

Нет, я должна, во чтобы-то ни стало выбраться отсюда. Если не ради себя, то ради человека, который будет меня ждать и беспокоиться, если я исчезну. Я не могла позволить,

чтобы с бабушкой случился еще один удар, или не дай бог что серьезней, потом что кое-кому захотелось поиграть в тюремщика.

Все, хватит! Завязываю. Со всем, что относится к Адаму.

Вот только выберусь отсюда (придумать бы только как) и покончу с ним раз и навсегда.

Мои поиски не увенчались успехом. Впрочем, я и не рассчитывала особо. Он какой хочешь, но не глупый, и не оставит ничего, что может мне помочь. Видно же, что основательно подготовил подвал к моему заселению. И ванна здесь есть, и одежда и мебель. Живи, не хочу.

Только вот я как раз и не хочу.

Долбанный псих!

Как долго он носил в себе план упечь меня сюда? Явно, что местечко уже давно меня дожидалось. А если бы не сглупила и не легла в постель к Дину, что тогда?

Уверена, нашел бы подходящую причину спустить меня в этот подвал.

Я уперла руки в боки, сосредоточенно разглядывая два узких окна, находящихся довольно высоко. Проверая, хватит ли цепи, попыталась подойти к ним, но нет, не дотянутся. Около метра не хватает.

Представила, как он ходил тут, отмеряя метраж цепи, чтобы и свободно могла ходить по комнате и до окон не достала.

Хотя толку-то? Цепь все равно никуда не денется. Разве только что покричать, но насколько я успела заметить, пока он волок меня к двери, соседей вокруг не наблюдалось.

Стоит ли удивляться?

Вариантов не было. Во всяком случае, пока. И это не могло не вогнать в полное уныние.

Похоже, я действительно тут застряла. И теперь все будет зависеть от Адама и его степени помешательства.

Мои руки безвольно упали вдоль туловища, и я опустилась на пол, вперившись тусклым взглядом в вентиляционную решетку в стене. Никто не знает, что я тут. Никто кроме человека, который ненавидит меня со всей своей лютой яростью.

Мои шансы не слишком обнадеживали. По сути, я так мало знала о том, кто такой Адам, что было бы не удивительно, окажись он маньяком, пытающим здесь своих жертв перед тем, как убить.

Я уткнула лицо в колени и всхлипнула. Всхлипнула еще раз. И еще. А потом разревелась. В голос, от души, до икоты. Но если обычно после таких всплесков наступает определённый покой, то сейчас его не было. Устав плакать, я легла на пол, затуманенным взглядом уткнувшись в темный потолок.

Обхватила себя руками, словно меня и правда надо было поддерживать физически, чтобы не развалилась.

Я пыталась вспомнить, за что еще недавно испытывала нежные чувства к Адаму. Пыталась отыскать в себе хоть крохи чего-нибудь хорошего по отношению к нему.

Не находила. Не чувствовала. Сама себе удивлялась.

Как я могла быть такой слепой? Почему не замечала этих тревожных признаков его сумасшествия? Или замечала, но себе не признавалась? Не хотела признавать, потому что тогда пришлось бы что-то делать, а мне и так было хорошо.

Да, да, сейчас-то можно себе уже не лгать. Мне было хорошо с ним. Я получала кайф от его взрывного характера. Любое его проявление заставляло каждую мою клеточку дрожать от предвкушения и экстаза. Будь то ласка или жесткость, я все принимала, потому что это

несло в себе несказанное, запретное, но желанное удовольствие.

Что со мной не так? Что заставляло меня желать этого?

Нет, что во мне заставляло получать от этого наслаждение, с которым ничто не сравнится?

Но все же, и у меня был предел. Удивительно, что он не был достигнут намного ранее.

В памяти невольно всплыла сцена изнасилования, но мой лимит слез был уже исчерпан, а иначе я бы непременно расплакалась.

Отвратительно. Тошнотворно. Жестоко.

Жестоко даже для него. И даже ему я не прощу этого. Не смогу простить.

И не хочу. Буду всякий раз вспоминать об этом, хоть и больно, зато это не даст мне вновь потерять голову из-за него. Пора вновь становится разумной, ответственной. И думать о том, чтобы выбраться из этого кошмара.

Это будет меня держать, когда отчаянье попытается утянуть меня на свое болотистое дно.

Подняла руку, коснувшись разбитой скулы. Кровь запеклась и взялась корочкой. Больно. Вот и хорошо. Лучше держаться за физическую боль, чем вариться в душевной, которая намного опасней.

Физическая боль заставляет бороться дальше, душевная грозит поглотить и полностью лишит остатков надежды.

Лежа на полу подвала в состоянии, подобного анабиозу, я вдруг ощутила ужасную усталость — результат стрессового, изматывающего вечера. Казалось, что меня перекрутили в центрифуге: ломило каждую клеточку тела; кости ныли от тупой боли.

Сон был бы для меня настоящим временным спасением. Я бы и хотела уснуть, но не представляла, как это возможно после пережитого. Мои нервы были натянуты как струна, грозясь вот-вот порваться.

Все же я поднялась и забралась на кровать, придвинутую к лестнице. Положила голову на подушку и попыталась расслабиться, но все дело дрожало от напряжения.

Перекошенное яростью лицо Адама и его злые слова всплывали в услужливой памяти, терзая меня как бешеный пес. Я зажмурилась и уткнулась лицом в подушку, но это не помогло. Я вновь и вновь переваривала все, что случилось после того, как выбежала из дома братства.

Сколько ненависти и презрения было в словах Адама. И он что-то говорил о том, что я оказалась такой, как все.

Что это значит? Разве он считал меня иной? Разве я чем-то отличалась для него от той вереницы девиц, которая у него была до меня?

Впрочем, уже не важно.

Внезапно я еще кое-что вспомнила.

Я резко села на постели и нахмурилась, пытаясь дословно восстановить в памяти его оброненные в запале слова.

Он сказал: «Сука, достойная своей матери». Что, черт возьми, это должно значить?

Он, правда, это сказал, или может разум меня подводит? Может, я не так расслышала? В том состоянии, в котором я прибывала в тот момент, было бы ничуть не странно.

А если все же верно, что он хотел этим сказать?

Что ему вообще известно о моей маме?

Я еще долго гадала над этим вопросом, но ничего вразумительного в голову не

приходило. Единственный способ выяснить, это спросить у него, когда придет. Не факт, что он станет мне отвечать, но я должна попытаться.

Наконец мой организм почувствовал полное истощение и меня начало клонить в сон. Я не знала, который сейчас час и как давно я сижу тут. Часов в подвале не было — и верно, зачем заключенному знать время, если торопиться ему все равно некуда.

Проснувшись я от странного ощущения чьего-то присутствия. Открыла глаза и встретила с прожигающим взглядом серых, словно арктический лед глаз. Он сидел в кресле, уткнув локти в колени и даже не пошевелился, когда я проснулась.

Остатки сна как рукой сняло. Резко сев, я инстинктивно забила в угол кровати, настороженно глядя на Адама.

Я боялась его. Боялась, как никогда прежде, потому что теперь понимала — он на все пойдет, чтобы добиться своего.

Во мне мелькнула слабая надежда, что он успел пожалеть о своем поведении и теперь раскаивается за то, что был так жесток со мной. И что теперь он меня отпустит. Но надежда испарилась слишком быстро, стоило мне внимательней приглядеться к нему. Не было в его чертах никакого раскаянья или сожаления. Ничего не было, кроме равнодушного беспристрастия. Я так же рассмотрела свежие ссадины и успевший проступить синяк на скуле с рассечённой бровью.

Давно уже подозревала Адама в участии в каких-нибудь боях. И сейчас это предположение только укрепилось.

— Давно здесь сидишь?

Я первой нарушила молчание, потому что сидеть в полной тишине под этим пугающим безучастием взглядом было неуютно и жутко. Я старалась, чтобы мой голос не дрожал, но он все равно подвел меня и звучал сдавленно, будто что-то мешало мне говорить.

Я решила быть как можно более спокойной и уравновешенной и не выказывать ему свои истинные чувства. Не стоит еще больше его злить. Возможно, если я буду мягкой и покажу, что раскаиваюсь, он отпустит меня?

Мне бы только на волю выбраться и я больше никогда не останусь с ним наедине, не давая ему возможность причинить мне вред.

Долгое время Адам молчал, все так же рассматривая меня, только еще стал поигрывать серебряной зажигалкой, которую держал в руке.

Странно, не замечала, чтобы он курил. Впрочем, сигареты видно нигде не было.

Он так и не ответил на мой вопрос. Неожиданно поднялся, прошел на середину комнаты к небольшому столику у дивана и взял что-то. Когда вернулся, я поняла, что у него в руках фотокамера.

О Господи, что еще он задумал?

— Что... ты собираешься с этим делать? — Я даже не пыталась скрыть испуг и волнение в голосе.

Он лишь криво усмехнулся, глядя на меня не сулящим ничего хорошего взглядом и не спеша подошел к кровати. Протянул руку и откинул с меня одеяло. Его взгляд неторопливо прошелся по моим голым ногам, одну из которых украшал наручник с цепью.

Во рту у меня пересохло, и я на миг даже перестала дышать. Сейчас он как никогда был похож на психа, который задумал изощренную пытку, собираясь сполна насладиться ею и муками своей жертвы.

Поднеся камеру к лицу, Адам открыл затвор и, наведя объектив на мои ноги, несколько раз щелкнул. Потом чуть отошел, чтобы я полностью попала в кадр и еще несколько раз сфотографировал.

Это было не просто странно. Это было до одури дико и заставляло кровь в моих венах леденеть от рокового предчувствия.

— Зачем ты делаешь это? — надломлено прошептала я, когда он, наконец, отложил чертову камеру.

Я думала, что он вновь промолчит, будто он дал себе некий обет молчания рядом со мной. Адам подошел к кровати и, поставив колени на матрас, протянул руку, взяв меня за спутанные волосы (еще несколько таких захватов и мне придется делать наращивание волос) и притянул мою голову к себе.

Наклонившись, прошептал мне на ухо:

— Я делаю это, потому что мне нравится.

И после этого не слишком осторожно оттолкнул меня от себя.

Ему нравится. И что тут скажешь?

У меня не было слов, одни эмоции.

— Встань!

Он не повысил голоса, но властный тон не давал возможности воспротивиться. Он стоял в метре от кровати, широко расставив ноги, презренно испепеляя меня своим взглядом с высоты своего внушительного роста.

Я поднялась с кровати, обреченно поглядывая на своего мучителя. Я готова подыгрывать ему, если в итоге он все же выпустит меня. Я должна, обязана вытерпеть все, чтобы иметь возможность оказаться на свободе!

Наша разница в росте всегда была внушительной, и не потому, что я была низкой — мой метр шестьдесят восемь позволял мне считать себя среднего роста — а потому что Адам был высоким мужчиной. Едва менее двух метров. И сейчас он возвышался надо мной как башня, подавляя своей мощью и властью. Могла ли я быть ему достойным соперником?

Нет, конечно же, нет. Только если я не буду действовать хитрей, а на это нужно огромное хладнокровие и спокойствие. И вот это представляло существенную проблему, потому что моим самым сильным желанием было запрыгнуть на него и разодрать его смазливое лицо своими ногтями до крови. А еще лучше до самого мяса.

Выдрать его чертovy глаза, чтобы больше никогда и никого не пугал ими, а в особенности меня.

— Иди, ешь. — Адам резко махнул себе за спину, где только сейчас я заметила бумажный пакет на столике.

Ну, это было не то, что я ожидала. Хотя, он же сказал, что не хочет моей смерти. Сейчас, во всяком случае. Вот и подкармливает свою зверушку, чтобы от голода не умерла и развлечение ему не испортила.

На моем языке крутились фразы по типу: «Сам жри свою еду», или «Да лучше я с голоду сдохну, чем что-то приму от тебя», но я благоразумно заткнулась и поплелась к столику, звеня моей отныне постоянной спутницей — цепью.

Это было так унижительно, и все во мне переворачивалось от отвращения к происходящему, но я натянула на лицо маску уныния, и взяла большой картонный стакан с немного остывшим кофе. Значит, где-то здесь неподалеку есть кофейня, если напиток еще не успел стать холодным. И это так же означало, что Адам не слишком долго наблюдал за

тем, как я сплю.

Я не собиралась умереть от голода, хотя мне и хотелось сделать красивый жест и швырнуть ему в лицо сдобные, свежие булочки. Мне нужны были силы, чтобы иметь возможность бороться с ним. Не физически, конечно, но мне нужна была по возможности ясная голова, а без еды мозговая активность довольно жалкая.

Я с удовольствием выпила кофе — ему я этого не показала — и съела пару булочек, вкус которых смогла бы оценить по достоинству, если бы не моя печальная участь. Пока я ела, Адам не спеша прохаживался по комнате, играя со своей дурацкой зажигалкой, чем безумно нервировал меня. Спасибо и за то, что не сидит и в рот не заглядывает. Тогда бы я точно подавилась.

Когда я закончила с завтраком, он сел в кресло напротив дивана и взглядом приказал оставаться мне на месте.

Впрочем, выбора большого у меня не было.

— Нам предстоит разговор, Грейс, — негромко начал Адам, расслабленно устроившись в кресле, пока я, вытянувшись как палка от напряжения застыла на диване. — Я хочу, чтобы ты была откровенна со мной. — Небольшая пауза и внушающий взгляд, чтобы я отнеслась серьезно к его словам. — От этого будет зависеть твое дальнейшее будущее.

Одна его бровь приподнялась — видно, ожидал моего ответа. Я с усилием кивнула.

— Хорошо. И знай, что я почувствую, если ты попытаешься солгать мне.

Я вновь кивнула, поглядывая на его уже ставшую ненавистной мне зажигалку, которой он постоянно щелкал. Кажется, она ничуть не отвлекала его, в отличие от меня — я готова была выхватить ее и затолкать чёртову штуку ему в глотку.

— Ответь мне, сколько всего мужчин имели счастье е*ать тебя? — ничуть не изменившись в лице, задал он первый вопрос. Его голос звучал ровно, без насмешки или агрессии.

Такого я точно не ожидала, хотя стоит ли удивляться?

Жар дикого стыда полыхнул мне в лицо. Зачем ему знать, сколько мужчин...

Нет, даже мысленно было противно повторять это.

— Это обязательно? — проскрипела я, моля, чтобы случилось чудо и мне не пришлось отвечать на этот вопрос. Вообще, чтобы что-то спасло меня от этого разговора, тема которого приводила меня в мандраж.

— Да. — И бровью не повел. — Я жду, Грейс.

О Боже, как меня только угораздило вляпаться в такое?! Мало того, что сижу в подвале на цепи, еще и должна отвечать на интимные вопросы этого психопата.

Ровно так же, как мне было неудобно и неловко, Адам был собран и терпелив. Казалось, что вчерашний сорвавшийся с цепи цербер мне приснился. Хотя, когда дело касалось этого мужчины, я не знала, что хуже — его ярость, или его ледяное спокойствие. Оба эти состояния пугали меня и сулили... ничего хорошего.

— Мм... Ну... Четверо, — начала мямлить я, уткнувшись взглядом себе в колени. — С тобой четверо.

Мужчина скептически хмыкнул.

— Это с тем молокососом, который в тебя вчера засадил, или его ты упустила?

Была бы я мышей, вырыла бы себе норку и сдохла там. Всяко лучше, чем этот разговор.

Судя по виду Адама, он никуда не спешил и настроился на долгий, утомительный разговор. Вчера он изнасиловал мое тело, а сегодня решил так же поступить с моим мозгом.

— Мы не... мы не занимались сексом, — едва взглянув на него, пробормотала я.

— Правда? — Он поддался вперед, сцепив пальцы рук между широко расставленными ногами. — Что тогда означала та запись, его слова и ваши стоны? — Мужчина оскалился, вновь одаривая меня взглядом «Убью, сука».

— Да, мы собирались! — в волнении повысив голос, призналась я. Я решила сказать ему, как было на само деле, а там пусть сам решает. — Но ничего не вышло. Я остановила это.

— Ты была в его комнате? — Его голос вновь звучал как механический, в котором не было никаких человеческих эмоций.

Помедлив, я кивнула.

— Ты пошла туда, зная, что он хочет отыметь тебя? — Он вновь стал играть со своей проклятой зажигалкой. — Или ты сама предложила ему пойти к нему, чтобы там он мог вые*ать тебя?

Я опустила голову, буквально пылая от его таких грубых, обнажающих самое откровенное слов.

— Правду, Грейс! — чуть более резко напомнил он, пока я медлила.

— Это я предложила пойти к нему, — тихо призналась я. Что ж, я не могла переложить всю ответственность на Дина, потому что он сразу поймет, если я солгу. К тому же, я хотела по возможности защитить парня от гнева и отмищения Адама. Боялась, что он и с ним решит расправиться.

Ожидая реакции Адама, я несмело взглянула на него, внутренне приготовившись к тому, что он сейчас вскочит и придушит меня. Его челюсти были плотно сжаты, а в глазах плескалась такая лютая ненависть, что только от этого сводило ноги от страха. Его руки с такой силой сжали подлокотники, что побелели израненные костяшки.

Но Адам не набросился на меня. На мгновение прикрыл глаза, после чего вновь испытывающее уставился на меня.

— Ты была раздета? Он трогал тебя? Его член успел побывать в тебе?

Я захлебывалась в чувстве унижения, но хуже всего казалось то, что я не могла избежать ненавистных вопросов своего инквизитора. Я, родившаяся в современном обществе, со всеми правами и свободой, вынуждена была сидеть здесь, прикованная цепью и отвечать на его ужасные вопросы.

Он хотел правды. Мне придется дать ее, если надеюсь поскорее покончить со всем этим.

— Да.

Не знаю, где у меня взялись силы произнести это короткое слово и при этом не отвести взгляда от его лица.

Мне показалось, что глаза Адама на миг угрожающе сверкнули, но маска полного самоконтроля тут же вернулась на место.

— Кто лишил тебя девственности?

Это была медленная, пыточная смерть. Я согласна была на то, чтобы он рвал и метал, тряс меня, и даже стерпела бы пощечину. Но только не говорить с ним об этом.

Как много он захочет узнать?

— Рей Питерс, — после заминки все же ответила я. — Он был на два года старше меня и учился в выпускном классе, когда мы начали встречаться.

— Ты любила его?

Я передернула плечами, не зная, что ему на это ответить. После того прошло уже семь лет, и те давние чувства сейчас представлялись в другом свете.

— Тогда мне казалось, что да. Но теперь понимаю, что это было просто юношеское увлечение.

— Как это произошло?

Адам приложил пальцы к губам, внимательно наблюдая за мной. Ему, правда, хотелось знать каждую деталь из моей интимной жизни.

— Почему ты спрашиваешь? — нервно усмехнувшись, не выдержала я. — Зачем тебе знать о каждой личной подробности?

— Грейс, ты забываешь, что здесь я задаю вопросы, — вкрадчивым, предупреждающим тоном напомнил он. — Я спрашиваю — ты отвечаешь.

Я на мгновение прикрыла глаза, борясь с подступившими слезами.

Почему он мучает меня? Что заставляет его получать удовольствие от того, что испытывает меня?

Я чувствовала, что недолго смогу выдерживать все это. В итоге свернусь на полу в позу эмбриона и займу от безысходности.

— Это был день рождение Рея, — сделав глубокий вдох, с усилием продолжила я. — У него дома была вечеринка по этому случаю, а когда гости разошлись, мы пошли в его комнату и сначала просто целовались. Потом... потом это случилось.

— Опиши это.

Чертова зажигалка вновь клацнула.

Он и в самом деле был конченным извращенцем.

Ладно, будут ему подробности.

Я поднялась с дивана и, стараясь сохранить достоинство — что не просто с постоянно звякающей цепью на ноге — пересела на низкий столик перед креслом, в котором восседал Адам. Расстояние между нами сократилось, и я могла чувствовать ненавязчивый запах его одеколона, который всегда заставлял мою голову кружиться и наталкивал на грешные мысли. Но сейчас былой реакции не было, чему я обрадовалась.

— Хочешь самых подробных деталей? — Я чуть поддалась вперед, призывая себя не робеть перед ним. — Хорошо. Мы очень долго целовались, лежа на его постели. Он был сверху, и его рука шарилась у меня под блузкой. Гладила живот, грудь сквозь бюстгальтер, а потом он осмелел и запустил ее внутрь, играя с сосками. Я не сопротивлялась, потому что мне хотелось этого. Мне хотелось, чтобы его пальцы проникли в мои трусики, которые уже были мокрыми. Они часто становились влажными, когда мы целовались и ласкали друг друга. Мне было шестнадцать, и я знала о сексе только понаслышке. Реакция собственного тела порой сбивала с толку, между ног словно пылало и отчаянно хотелось прикосновений. — Я криво улыбнулась, наблюдая за каменным лицом Адама. — Он сказал, что хочет меня, но поймет, если я не готова. Но я была готова, и я ответила, что тоже хочу его. Он был обалденно красивым футболистом, по которому половина девчонок в школе сходила с ума. Но ему нравилась я, и это не могло не покорить.

Мы раздели друг друга, и он вновь накрыл меня своим телом, только на этот раз наша кожа была прижата друг к другу и я чувствовала его жар. Чувствовала, как его твердый член упирается в мое бедро. Он спустил с меня трусики и стал гладить пальцами между моих ног. Это был чистый восторг, потому что мое тело, наконец, получило желаемое. Я возбуждалась еще сильнее, когда он ввел в меня свои пальцы, действуя осторожно, потому что я все еще

была девственницей, и он знал это.

Я была полностью готова, истекая в его руках, и хотела большего. Хотела, чтобы он заполнил меня собой, проник во всю свою длину. Он достал презерватив из тумбочки и раскатал его по своему внушительному размеру. Потом удобно устроился между моих широко разведенных бедер и стал медленно проникать внутрь моего тела. — По моим губам скользнула удовлетворенная улыбка: Адам диким зверем смотрел на меня. Долбаная зажигалка, наконец, была оставлена в покое.

Он ведь сам хотел всех деталей, пусть получает.

— Боль была чудовищной, но я терпела, пока он полностью не заполнил меня, сделав меня женщиной. Казалось, что внутри меня скребут когти животного, но постепенно, с каждым его движением, сквозь боль проступало нечто новое, еще неиспробованное, но определенно приятное. Что-то, что в итоге могло стать источником чистого удовольствия.

Я слегка откинулась назад, собираясь закончить свой поток откровения. Наэлектризованные волны, излучаемые телом Адама, достигали меня, вызывая во мне мелкую дрожь.

— Потом он кончил, и хоть я в тот раз так и не познала оргазма, мне было приятно, что ему было хорошо со мной. Что на какой-то момент мы стали одним целым. И предвидя твой вопрос, скажу, что мы трахались при любой удобной возможности, вплоть до его отъезда в колледж.

Я замолчала, чувствуя, как адреналин от брошенного ему вызова проходит, сменяясь ощущением полного опустошения. Я была выжата и выкручена.

Адам был взбешен, и это не скрывала даже его маска «Я контролирую все вокруг». Его серые глаза стали цвета грозового неба; на скулах проступили желваки. Я исполнила его желание, была полностью честна с ним, чем, скорее всего только усугубила свое положение. Но сейчас, в этот конкретный момент у меня был чертов дефицит эмоций. Я не чувствовал ничего. Мне было совершенно наплевать, как он отреагирует.

Отстраненно я обратила внимание, как он сжимает и разжимает кулаки, но внутри не было ничего, кроме сплошного равнодушия.

— Встань туда и сними свитер, — негромким, обманчиво-уравновешенным голосом велел мужчина, кивнул на пол возле столика.

Выдерживая его тяжелый взгляд, я поднялась и, не разрывая зрительного контакта, стянула с себя единственный предмет одежды, отбросив на диван. Мою кожу покалывало от его пронзительного, угрожающего взгляда, в котором читалось неприкрытое желание садиста.

Адам встал с кресла, медленно пройдясь по мне глазами снизу доверху. Его руки легли на ремень и без суеты принялись расстегивать пряжку.

Я ожидала, что он захочет секса. Это было еще одним пунктом, который я не могла избежать, пока он властен надо мной. Я готова была смирить свою гордость, засунуть свое отвращение к нему глубоко-глубоко, если в итоге это поможет мне.

Любым способом я хотела выбраться из этого подвала и рук моего поработителя.

Я попыталась отрешиться от всего, что он будет делать с моим телом. Попытаться не участвовать в этом разумом. Думать о чем-нибудь, что когда-либо приносило мне радость и счастье. Просто перетерпеть.

Пока я пыталась мысленно отгородиться, Адам вытащил свой ремень из шлевок и, накрутив его на руки, двинулся ко мне. Остановился только лишь тогда, когда расстояние

между нами было не более двух сантиметров.

— Наш разговор не окончен, и позже мы продолжим, — хладнокровно пообещал он. После закинул мне ремень на шею и затянул ровно настолько, чтобы я не чувствовала удушья. — Не делай резких движений, иначе задохнешься, — предупредил мужчина, показательно потянув за конец ремня, который держал в руке. Я тут же ощутила, как полоска кожи плотнее стягивается на моей шее.

— Скажи, что ты поняла, — потребовал Адам, и приглушенным голосом я утвердительно ответила.

Он нажал на мои плечи, заставляя меня опуститься на колени.

— Вытяни руки и упрись ладонями в ковер, — сквозь тяжелое дыхание скомандовал он.

Я выполнила команду, став как никогда более похожа на собачонку на поводке.

Гребаный ублюдок! Как же он, наверное, кайфует сейчас.

Как бы я ни старалась закрыться от происходящего, полностью не чувствовать я не могла. И я варилась в адском котле с содержимым из унижения, отвращения, обиды и ненависти. Горькое отчаянье проникало в каждую клеточку моего тела, нанося ранящие уколы в каждый уголок моего сердца и души.

По глупости и наивности я решила, что в этом человеке еще не умерло хорошее и доброе, и даже допустила, что могу полюбить его.

Господи, как же я ошибалась!

Нет в нем ничего хорошего, только чистое зло. Любить его — это обречь себя на верную, медленную и мучительную смерть.

Я слышала, как расстегнулась молния на брюках Адама. Аура агрессии, смешанная с похотью волнами исходила от него. Горячая ладонь легла на мое бедро, привлекая меня к нему.

— Шире! — сквозь зубы, отрывисто произнес он, просунув руку между моих ног.

Стиснув зубы, я шире развела бедра, открываясь его взгляду, который жег мне спину. Головка его члена уткнулась к моему входу, но дальше не продвигалась. Действуя инстинктивно, я дернулась, и ремень вокруг моей шеи затянулся, затрудняя дыхание.

— Еще раз дернешься, выдеру тебя этим ремнем до крови, — угрожающе прошипел Адам, возвращая меня в прежнее положение.

С моего языка чуть не сорвались запальчивые слова, чтобы он засунул свой ремень себе в задницу, но я удержалась. Сжала губы, в душе проклиная этого изверга.

— Признай, Грейс, что ты просто похотливая шлюха, которая течет при мысли, чтобы ей засадили, — с противной усмешкой протянул Адам, водя своим членом по моему входу, но, не проникая внутрь. — Даже ненавидя меня, ты готова была расставить ноги, истекая в желаний, чтобы я вы*ал тебя. Ты билась в экстазе, когда я засаживал в тебя; кончала так, как никогда прежде. Я знаю, что никто из твоих прежних сосунков не трахал тебя так, как это делал я. Никто никогда не будет трахать тебя так, как я. Но ты по-прежнему осталась обычной дрянной сукой.

Он накрутил мои волосы на кулак, оттянув мою голову назад и выделяя каждое слово, произнес:

— Я решаю, что будет с тобой. От меня зависит, выйдешь ли ты когда-нибудь отсюда, или нет. Я буду трахать тебя как угодно, когда угодно и куда угодно. Столько, сколько захочу. Твои желания не имеют значения. Здесь у тебя нет никаких прав, и твоя судьба в моих руках. Никто не найдет тебя здесь, не надейся на это. Ты — это сосуд, в который я буду

спускать свою сперму. Ты — ничто. Усвой это.

С этими словами он ворвался в меня, одним толчком, на всю длину и, не медля принялся яростно двигаться, так и не отпустив мои волосы из захвата.

Слезы обожгли глаза, заструившись по щекам. Пока он вбивался в меня со всей своей гневной мощью, я хотела одного — умереть. Мою душу раздирало на кровавые кусочки; на огромной скорости я летела в бездну глухого отчаянья.

Полная безнадежность.

Выхода нет.

Помощи ждать не откуда.

Я всецело, абсолютно и безоговорочно принадлежу ему. Против своей воли, но никого это не волнует.

У меня не может быть своей воли, потому что как он и сказал — я ничто. Сейчас именно так и было.

Будет ли когда-то иначе?

Больше я в это не верила. Он отобрал у меня последнюю надежду, заставив полностью поверить в его жестокие обещания.

Когда он кончил, излившись в меня, встал и, восстанавливая дыхание, стал застегивать свои брюки. Он оставался одетым, в то время как я полностью обнаженная, как физически, так и морально, лежала на ковровом покрытии, немигающим взглядом уставившись на свои скрюченные пальцы.

Присев возле меня, он снял свой ремень с моей шеи, после чего выпрямился, оставляя меня в распластанном положении.

Сквозь полуприкрытые веки я видела его идеальной чистоты черные ботинки перед своим лицом.

Интересно, если я притворюсь мертвой, он уйдет?

Впрочем, проверять мне не пришлось. Скоро он ушел, а я еще долго продолжала лежать в своей полусогнутой позе, слыша звенящую тишину в воспалённом мозгу.

Я была сломана. На этот раз это ему удалось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Мне снился сон. Такой реальный, настоящий, но тем ни менее, я понимала, что сплю. Или мне просто казалось, будто я смотрю старую запись.

Не знаю точно.

Мне семь или восемь лет. Трудно определить. Я сижу в нашей маленькой гостиной старого дома, в котором живу с мамой. За окном темно, скорее всего, уже поздняя ночь. Но я не сплю. Мне кажется, что под моей кроватью кто-то есть, и я боюсь оставаться в своей комнате. А к маме нельзя, мама не одна и если я потревожу ее, она очень разозлится.

Мама всегда злиться, когда я не сплю и выхожу из своей комнаты, когда у нее гости.

Но я все же послушалась и спустилась вниз, чтобы посмотреть телевизор. С ним мне не так страшно, потому что так я не чувствую себя совсем одной.

Из мамочкиной комнаты я слышала ее смех, когда на носочках пробиралась к лестнице. Надеюсь, завтра у нее будет хорошее настроение, и мы сходим в зоопарк. Мама уже давно обещала, что мы сходим, но каждый раз у нее находились более важные дела.

Мне сильно захотелось молока и, хотя я боялась, что могу привлечь маму и ее нового друга своим шумом, все же пошла на кухню и взяла себе стакан молока с печеньем, а после, стараясь не дышать, вернулась в гостиную. Звук на телевизоре уменьшила до минимума.

Пусть мамочка думает, что я послушалась ее и легла спать, и тогда может быть, мы все же пойдем в зоопарк.

Я сижу долго, смотря одну передачу за другой. Но спать мне не хочется. Я боюсь, что если усну, то монстры, которые живут под моей кроватью, заберут меня к себе.

Мамочка сказала, что если я не буду слушаться ее, то монстры обязательно утащат меня в свое подземелье.

Я боюсь монстров, но все равно иногда не слушаюсь мамочку.

На лестнице слышались шаги, но я знала, что это не мамы. Она ходит шумно и торопливо. Эти же были спокойными, не суетливыми, и под ними наша старая лестница не скрипела так ужасно.

Это был мамин новый друг. Он вошел в комнату и заговорил со мной. Прежние мамы друзья никогда не разговаривали со мной, только делали вид, что меня нет.

Он другой. Взрослый, но моложе остальных. Те настоящие старики. У него добрые глаза и голос приятный, не такой противный и резкий, как у других.

Он мне нравится. Но мне грустно, потому что я знаю, что больше его никогда не увижу. Мамочкины друзья редко появляются больше одного раза.

Он называет свое имя, но я никак не могу его расслышать. Его губы открываются, но я не слышу. Будто на одно короткое мгновение мой слух пропал.

Я рассказываю ему про монстров, которые живут у меня под кроватью, и он убеждает, что монстров не существует.

Я ему верю. Он не похож на обманщика. Впервые я думаю, что мамочка, возможно, все придумала, чтобы я послушно себя вела.

А потом он говорит, что ему пора идти. Мне грустно, и я хочу попросить его побыть со мной еще чуть-чуть. Я не хочу оставаться одна. Одной быть не весело и грустно.

Но я молчу, потому что если мамочка нас увидит, то разозлится, а мне очень страшно, когда мама злится на меня. И поэтому я молча смотрю, как он уходит, как дверь нашего маленького дома закрывается за ним и знаю, что больше никогда его не увижу.

Я прижимаю своего плюшевого медведя к груди, вновь возвращаясь к развлекательной викторине на экране.

Если герои реальны, то я знаю, как выглядит один из них.

Я проснулась с пульсирующей головной болью. Не знаю, который сейчас час, но за узкими окнами подвала темно. Тусклая лампочка под потолком служила единственным источником света. Я не стала ее выключать, потому что здесь мне и так не по себе, а уж в полной темноте...

Морщась, спустила ноги с кровати, направившись в ванную. В горле пересохло и хотелось в туалет.

Цепь тащилась следом, но к ней я уже стала привыкать.

Не должно ли это настораживать?

Сделав свои дела, я уставилась на свое отражение в небольшом зеркале. Выглядела я, по меньшей мере, ужасно. Лицо осунулось, вокруг губ залегли глубокие линии — хотя может это лишь игра моего воображения? — глаза украшали темные тени. Волосы спутались и напоминали мочалку. Губы пересохли и потрескались.

Приподняв край свитера, я обнаружила отчетливые синяки на бедрах и талии — следы его рук. Отодвинула широкую горловину — такие же следы имелись на груди. Умывшись

холодной водой, я воспользовалась найденной тут же щеткой и, кривясь от неприятных ощущений, привела волосы в сносный вид.

Впрочем, для чего? А вернее — для кого? Кого волнует, как я выгляжу? Меня больше нет, а ему чем хуже, тем лучше. Потому что отчетливо проступающие на моем лице страдания только питают его болезненное желание причинить мне муки.

Я не хотела видеть то, в кого превратилась. Это замученное, затравленное существо в отражении не вызывало ничего, кроме жалости и недоумения.

Как я дошла до такого?

Вздрыгнув, я швырнула щетку в белоснежную раковину и, отвернувшись, опустилась на кафельный пол. Если мой разум еще не подводит меня, я была здесь ровно сутки. Но по внутренним ощущениям казалось, долгие недели, если не месяцы.

Сколько мне придется пробыть в этом месте? Сколько я выдержу, пока не сойду с ума?

После того, как он ушел сегодня, мне казалось, что я уже перешагнула за грань разумного. Долго лежала на полу, в состоянии протрации, полного безучастия к своей судьбе. Не знаю, откуда взялись силы все же собрать себя в кучу, но я заставила себя подняться.

Мне казалось, что меня раздробили на миллион осколков, и как не склеивай, цельной больше не буду. Всегда будет не хватать нескольких кусочков, без которых прежней не стать. Что-то умерло во мне и, осознавая это, мне хотелось безудержно, безостановочно плакать.

Самым страшным было не то, что он посадил меня в этот подвал, сделав своей пленницей; не то, что пользовался моим телом против воли. Худшим были его слова и его голос; то, как он звучал. Так, словно я не была живым человеком, не имела чувств, которые могли быть задеты.

Нет, для него я просто бездушный, бесправный предмет, у которого не может быть своих желаний.

Как он и сказал, я сосуд, в который он будет спускать свою сперму.

Грубо, отвратительно, но так оно и есть.

Правда, против которой не попрешь.

Этим же днем он еще раз вернулся, только чтобы завести мне обед, а после тут же уехал, даже не взглянув на меня. Впрочем, я никак не отреагировала на его появление, сжавшись в углу кровати, не мигая глядя в одну точку.

Я не стала есть, и пакет с обедом так и остался там, где он его положил. Чувствовала, что если съем хоть кусочек, то непременно вырву. Меня тошнило, и голова кружилась. Я довольно долго просидела, склонив голову над унитазом в рвотных позывах, но в итоге меня так и не стошнило.

Замерзнув, я поднялась с пола и, пересилив себя, вновь посмотрела на свое отражение. Мой потускневший взгляд, выражение запуганного зверька на лице мне не нравились. Они вызывали во мне отвращение.

Я вызывала в себе отвращение тем, что так быстро смирилась со своей участью.

Ну, нет! Нет, я никогда не была слабачкой. Возможно, я не смогу одолеть его физической силой. Да что там, наверняка. Но и уничтожить себя не дам. Чтобы он там себе не задумал, чтобы не решил на мой счет, у него не выйдет.

Сегодня я дала слабину и теперь стыдилась этого. Я должна бороться. Ради своих близких. В конце концов, я не одна в этом мире, хотя порой так кажется.

Но самое главное — я только сейчас это признала, глядя в глаза той девушке, которую

не узнавала в зеркале — я должна бороться ради себя. И я буду.

Стиснув зубы, я кивнула своему невзрачному отражению.

Буду держаться, и противостоять ему до тех пор, пока бьётся мое сердце, пока мои легкие вдыхают кислород, пока кровь бежит по моим венам.

Следующим утром Адам пришел вновь с очередным бумажным пакетом. Бросил недовольный взгляд на мой нетронутый обед, но промолчал.

Я делала вид, что мне нет дела до его появления. Сидела на диване, поджав под себя ноги, и выглядела безучастной к его присутствию. На самом деле, стоило его шагам послышаться на лестнице, все внутри меня перевернулось от нехорошего предчувствия.

Он обещал, что наш вчерашний разговор не закончен. Пройти еще раз через такое было настоящей пыткой. Если он захочет повторить, я вынуждена буду подчиниться.

Он прошел к креслу, в котором допрашивал меня вчера и опустил в него, наблюдая за мной.

— Ты решила умереть от голода? — негромко спросил мужчина, слегка выгнув одну бровь. — Мне не нужен твой труп, Грейс. — Короткая пауза. — То, что я буду делать с тобой, требует хоть какой-то твоей энергии, иначе ты будешь ни на что негодна.

— Будь я мертва, тебя бы и это не остановило, разве нет? — прямо посмотрев на него, осмелилась съязвить я.

Глаза Адама сузились, но во взгляде не было угрозы. Скорее казалось, словно он оценивает меня.

Он ждал, что я окончательно пала духом и сломалась после того, что он сделал вчера? Что ж, я и сама так считала, но быстро опомнилась и взяла себя в руки.

Я ведь еще не мертва, верно? А значит еще не поздно выбраться из того дерьма, в которое меня окунули.

— Съешь это.

Наконец он перестал испытывать меня своим пристальным взглядом, протянув мне пакет.

Чувствуя сильное раздражение — а как иначе, если мной полностью руководит долбанный псих! — я все же съела испанский омлет и выпила кофе. Когда я закончила, Адам достал из кармана куртки мой мобильный, но отдавать мне его не торопился.

— Твоя подруга очень надоедлива, — досадливо покачал головой мужчина. — Она постоянно звонит тебе, и даже сообщение, что я отправил от твоего имени, ее не успокоило. Поэтому сейчас я дам телефон, чтобы ты позвонила ей. Скажи, что ты со мной и что все в порядке. — Адам протянул мобильный мне, но не спешил разжимать руку. — Но Грейс, если ты попытаешь выкинуть какой-нибудь фортель, я сделаю тебе больно. Очень больно.

Он предупреждающе посмотрел на меня своими холодными, почти прозрачными глазами и сомнений у меня не осталось.

— Ты поняла меня?

Я кивнула.

— Да.

— Тогда звони. — Он вложил мобильный в мою ладонь. На миг наши пальцы соприкоснулись, но я тут же отдернула их, действуя инстинктивно.

Я не хотела, чтобы он касался меня.

Думаю, Адам это заметил, но виду не подал.

— И помни, без сюрпризов.

Странно было держать в руках телефон — свой путь к спасению и не иметь возможности должным образом воспользоваться им. Только в кино я видела, когда герои попадали в такие ситуации.

К сожалению, моя жизнь — это не фильм. Тут нет повторных дублей, если уж неудачный, то никто не даст тебе возможности его перезаписать. И если попал в задницу, то изволь из нее выбираться со всеми неприятными последствиями.

Я просмотрела историю пропущенных звонков. Лорен и правда обо мне беспокоилась, от нее было более пятидесяти звонков за последние два дня. Эмми так же звонила, но без фанатизма Лорен.

Хотела прочесть входящие сообщения и посмотреть, что Адам отослал от моего имени, но он смотрел на меня таким настороженным взглядом, готовый выхватить трубку в любой момент, поэтому я просто набрала номер Лорен и стала ждать.

Мое сердце колотилось как бешенное, пока шли гудки. Я хотела придумать способ дать ей понять, что попала в беду, но не знала, как это сделать, чтобы он ничего не заподозрил. Скоро Лорен ответила и времени на разработку плана не осталось.

— Грейс?!

Голос подруги звучал облегченно-встревоженно. Она и в самом деле переживала за меня, и от этого мое горло сдавило нервным спазмом.

Неужели я думала, что обо мне и правда никто не станет беспокоиться, если я пропаду?

— Привет! — Я предприняла попытку придать своему тону беззаботности, чтобы моя ложь с Лорен сработала. — Прости, что не ответила сразу на твои звонки, — затараторила я, чтобы избежать ее расспросов. — Просто... Я была занята. — Я бросила короткий взгляд на Адама, в напряжении наблюдавшего за мной.

— Ты видела, сколько раз я тебе звонила? — укоризненным голосом спросила Лорен. — Господи, Грейс, мы уже не знали, что и думать. Ты так неожиданно исчезла, и Дин была сам не свой. — Лорен на мгновение замолкла, а я прикрыла глаза, подавляя рвущиеся рыдания. — Что между вами произошло?

Теперь ее тон звучал сочувственно, и от этого было еще хуже. Я не заслуживала жалости за то, как поступила с Дином.

— Ты была права, Лор, — с трудом справляясь с дрожью в голосе, вздохнула я. — Я не должна была давать ему ложную надежду. Я ошиблась. — Я вновь быстро взглянула на Адама, но его лицо было совершенно бесстрастным. — Это было чертовски глупо.

— Что между вами произошло? — с несвойственной ей осторожностью поинтересовалась Лорен.

Адам выразительно посмотрел на меня, давая знак заканчивать.

— Не хочу говорить об этом по телефону, — уклончиво ответила я. — Просто знай, что я... — Мне не просто было сказать, что со мной все хорошо. Потому что это было не так. — Я в порядке.

— Ты с Эллингтоном?

Туманные ответы никогда не срабатывали с Лорен. Ох, если бы я только дала ей возможность зацепиться пусть за самую маленькую подсказку. Но я должна была очень внимательно следить за своими словами, иначе он заставит меня жестоко за это ответить.

Я не хотела дать ему новый повод сделать мне больно.

— Да, с ним, — сухо и лаконично ответила я.

— Но как так вышло?

— Лор, я, правда, не могу сейчас говорить, — я специально придала своему голосу оттенок нетерпения. — Когда увидимся, я тебе все расскажу. И передай Эмми, чтобы не беспокоилась обо мне.

Я отключилась, чувствуя, словно у меня отобрали спасательный жилет, а я в самом центре штормового моря. Я пообещала Лорен, что расскажу ей все подробности при личной встрече, но как я могла знать, состоится ли она когда-нибудь?

— Мне нужно позвонить бабушке, — тихо сказала я, когда Адам протянул руку за телефоном. — Она будет волноваться, когда я не приеду к ней сегодня, а ей нельзя этого делать.

Я старалась говорить очень кротко, потому что мне очень, очень надо было, чтобы он разрешил мне позвонить бабуле. Пока она будет уверена, что я в полном порядке в университете, мне легче будет держаться здесь.

Я видела колебания на лице Адама, но он все же кивнул, соглашаясь.

— Только быстро, — предупредил мужчина, пока я ожидала, что трубку в доме бабушки поднимут.

Наконец Кимберли подошла к телефону, и я попросила отнести трубку бабуле.

Я давилась беззвучными слезами, и изображаемая радость в моем голосе причиняла мне вполне реальную боль. Но я лгала напропалую, уверяя бабулю, что у меня куча заданий и я не смогу приехать к ней в ближайшие несколько дней.

Любимый голос ба уверил меня, что нет в этом ничего страшного. Что я должна заниматься, потому что я, как сказала бабушка, всегда была ответственной, серьезной девочкой. Это почти окончательно добило меня, и когда я завершила звонок, мои глаза уже блестели от слез.

Бабушка была обо мне лучшего мнения, но оно не соответствовало действительности.

Если бы я, правда, была ответственной и серьезной, то никогда бы не попала в такую ситуацию. Никогда бы угодила в его руки, не потеряла бы осмотрительности, не растворилась бы в нем, не желала его близости.

Не, не, не! Одни сплошные не по своей глупости и легковёрности.

Стараясь не встречаться глазами с Адамом, я вернула ему телефон. Было так паршиво и гадко на душе, и единственное, чего хотелось, это забраться под одеяло с головой и повыть всласть.

— Это была игра для меня? — Вскинув на меня бровь, ровным голосом спросил Адам. — Твои слова Лорен?

Я глубоко вздохнула, не сразу сообразив, о каких словах речь.

— Какие именно?

Его губы едва дернулись в усмешке.

— Ты, правда, считаешь, что совершила ошибку с этим парнем? Или сказала так лишь потому, что я слышал?

Я вяло хмыкнула.

— Знаешь, мне все равно, слышал ты или нет, — честно сказала я. — Я сделала это, потому что так чувствовала. Не все крутится вокруг тебя, хотя ты так и не думаешь.

Я допускала, что Адам разозлится, но он постоянно находит повод, чтобы выйти из себя. Да, я не хотела, чтобы он причинял мне боль, но еще больше я не хотела, чтобы он думал, что окончательно одержал верх надо мной.

Не знаю, почему сейчас, но вдруг я ощутила прилив внутренних сил, невесть откуда

взявшихся. Вскинула голову, прямо отвечая на его пристальный взгляд. В глазах Адама мелькнуло недоумение, правда, он тут же справился с ним.

Но я видела его озадаченность, и мне было этого достаточно.

— Да, я жалею, что совершила то, за что сейчас сижу в этом подвале, — твердым голосом начала я. — Я сожалею, но не потому, что нарушила твое правило. — Я поднялась, сверху вниз глядя на мужчину, который не отводил от меня внимательного взгляда. Обхватив себя руками, прошлась по ковру. — Мне жаль, что я использовала Дина, потому что он не заслужил такого отношения. Этот парень всегда искренне, по-доброму относился ко мне. Он никогда не пытался причинить мне вред, и я никогда не сомневалась в его намереньях. Он был открытым со мной. То, чего ты никогда не делал. — Я с горькой усмешкой посмотрела на молчавшего Адама. — Его чувства ко мне понятны, и они настоящие. А я воспользовалась этим и да, из-за этого я раскаиваюсь.

Но не жди, что я стану раскаиваться перед тобой. — Я покачала головой. — Этого не будет.

Ну вот, мое стремление быть кроткой и покорной разлетелось в пух и прах. Я все же не выдержала и поддалась своему темпераменту.

Ну и пусть. Зато высказавшись, я почувствовала определенное облегчение и напряжение, в котором пребывала последние пару дней, немного отпустило меня.

Наконец Адам поднялся и не спеша подошел ко мне. Мои инстинкты кричали мне отстраниться от него, но я и не подумала двинуться с места, когда он протянул свою руку и положил мне ее на горло.

— Почему ты не...

Он замолчал, в неприкрытой растерянности смотря в мои глаза. Я не знала, что он хотел сказать, но очевидно, что он передумал и не стал продолжать фразу.

— Ты знаешь, что твоя жизнь в моих руках, — прищурившись, медленно произнес он. — Думаешь, я остановлюсь, если захочу убить тебя?

Его глаза были холодны, но в них не было злости. Скорее изумление, которое он пытался скрыть.

И тогда я сделала то, на что немногим ранее не решилась бы.

Что ж, мое положение делало меня отчаянной.

Я подступила к нему еще ближе и убрала волосы с плеч, открывая шею. Ему бы не составило труда задушить меня.

Наши взгляды скрестились, как при поединке.

— Ты можешь убить меня, — ничуть не дрогнувшим голосом произнесла я. — Но ты не захочешь. — Медленно покачала головой и тише повторила: — Ты не захочешь.

Нахмурившись, Адам молчал. Казалось, что впервые ему нечего сказать. Впервые я поставила его в тупик.

Чувствовала ли я радость? Нет, даже видя его растерянность, я ничего не чувствовала внутри.

— Ты перестала бояться, — после затянувшегося молчания усмехнулся он. В его глазах светилось некое восхищение. — Почему ты перестала бояться?

Он чуть отступил, окидывая меня каким-то новым взглядом.

Я молчала. Не думаю, что я перестала его бояться, но если он так решил, пусть так и будет. Я, правда, не знала что лучше, чтобы он думал, что я по-прежнему его боюсь, или больше нет.

Я все еще была его пленницей в этом подвале, на цепи, без каких-либо прав. Я все еще хотела выбраться отсюда. Хотела, чтобы эти дни стали далеким, страшным сном.

Но я больше никогда не хочу думать, что он сломал меня. Не хочу, чтобы верил, что ему это удалось.

Слова бабушки придали мне силы. Она верит в меня. Всегда верила. И я не могу сдаться сейчас.

Пока я жива, все еще можно изменить.

— Ты думаешь, тебе больше нечему бояться? — усмехнулся вдруг Адам, когда я так и не ответила. — Думаешь, что как бы ты не выводила меня из себя, я никогда не применю того, что будет выше твоих пределов? — Его губы искривились в снисходительной улыбке. — Тогда ты лучшего мнения обо мне, чем я того заслуживаю.

— Поверь, мое мнение о тебе не может быть хуже, — прошептала я, взглядом давая понять, что думаю о нем.

— Грейс, Грейс. — Его рука переместилась на мое лицо и погладила по щеке. Я не поверила этой ласке. Чувствовала, что после нее последует нечто плохое, но я не собиралась впадать в панику.

Чтобы он не придумал, я это вынесу.

— Ты совершенно ничего не знаешь обо мне, — пробормотал он у моего уха. — И ты ошибаешься, если считаешь, что тебе больше не надо меня бояться.

Я не сопротивлялась, когда он снял с меня шерстяное платье-свитер и подвел к стене, из которой торчали два металлических кольца. Достал из кармана джинсов два отреза шпагата и привязал ими мои руки к кольцам. Металл был холодным и неприятно касался кожи. Кажется, я начала дрожать, но мысленно приказывала себе не паниковать и сохранять спокойствие.

Мой страх будет для него слишком большой наградой.

Он уже подвешивал меня на цепях и заставлял висеть несколько часов подряд. Не думаю, что в этот раз может быть хуже.

Я очень на это надеялась.

Мои руки были надежно привязаны к кольцам, но боли я не испытывала. Закончив с веревками, Адам отошел от меня на несколько шагов, и слегка наклонив голову, окидывая меня медленным взглядом с головы до ног.

— Это истинное удовольствие, видеть тебя такой.

Он усмехнулся, нагло глядя в мои глаза. Я ни словом, ни взглядом не выразила, что думаю по этому поводу.

— Думаю, это следует оставить на память, — заметил мужчина, достал из кармана смартфон и навел его на меня, фотографируя.

У него явно пунктик с этими фотками. Я только надеялась, что эти кадры не попадут в интернет. Впрочем, если я хоть что-то знала о нем, то могла не переживать по этому поводу.

О нет, делиться снимками, где я раздетая, униженная и покоренная им он не станет.

Закончив фотографировать, он отложил телефон и стал раздеваться. Сначала избавился от свитера, после снял серую футболку, но джинсы оставил.

Ясно, сначала решил поиграть, прежде чем перейти непосредственно к делу.

Мои глаза оставались безучастными, когда я смотрела на обнаженный торс Адама. Сложен он был превосходно, но если бы не занятия в спортзале, не было бы этих сексуальных рельефных мышц и отчетливо проступающих кубиков пресса.

Прежде, глядя на его тело, я всегда в тайне мечтала быть накрытой им. Не раз во время занятий сексом — точнее сказать траханьем — я настолько теряла голову от сумасшедшего удовольствия, что оставляла борозды от ногтей в его упругой, гладкой коже. Когда моя фантазия заходила слишком далеко, а голову затуманивало возбуждение, я представляла, как вылизываю языком это умопомрачительное тело с головы до ног.

Идиотка!

Адам подошел ко мне, и я приготовилась, что сейчас он сделает что-нибудь отвратительное, причинит мне боль ударом по лицу или сдавит так, что появятся новые синяки. Старалась дышать ровно и глубоко. Рано или поздно он наиграется, и со мной все будет в порядке.

Я справлюсь.

Но он не стал меня бить, выкручивать или применять что-либо из приемов садиста. Едва касаясь, провел пальцами по коже в местах, где остались его следы, словно замороженный рассматривая синяки.

— Нравится своя работа? — не скрывая презрения, спросила я.

Он поднял глаза на меня, долго смотрел, ничего не говоря, но потом все же нарушил молчание:

— Это не самое худшее, что я мог сделать с тобой, — без тени насмешки, серьезно произнес он.

Едкий ответ замер на моих губах, когда я всмотрелась в его глаза. В них не было его обычного раздражения, ярости или чрезмерного, непоколебимого превосходства. Но я видела печать обреченности, уверенности в неотвратимости. Будто было что-то гораздо страшнее, что он мог сделать со мной.

Что-то, чего он и сам боялся.

Это открытие поразило меня.

Адам боится? Боится того, что собирается сделать со мной, или того, что только хочет? И если уж он сам испытывает страх по этому поводу, то не стоит ли и мне начать?

— Ты бы была в ужасе, если бы я раскрыл тебе немного из того, что порой мне хочется сделать с твоим телом, — негромко пробормотал он, проведя своим длинным указательным пальцем вниз по моей груди, ребрам и животу, который невольно напрягся. — Считаешь меня монстром, который мучает тебя, испытывает, подвергает страданиям? — Его губы изогнулись в невеселой усмешке. — Да, я монстр, и я получаю удовольствие, ломая тебя, заставляя тебя покоряться, не оставляя другого выбора.

Но, Грейс, я никогда не теряю контроль. — Он постучал пальцем по своему виску, с ярким блеском в серых глазах следя за моим выражением на лице. — Я срываюсь и схожу с ума. Но если бы я полностью перестал контролировать себя... — Он запнулся, покачивая головой. — Так что синяки — это меньшее, что может быть.

Невольно, я тяжело сглотнула, чувствуя трепет в теле от его слов. Я верила ему. Верила, что могло быть хуже. И я не хотела, чтобы он полностью отпустил себя, делая все, чего желает его порочная душа.

Не знаю, что заставляло его желать этого. Но не могла не замечать, что он пытается бороться с этим.

— Сейчас я покажу тебе, — отступив от меня, вкрадчиво сказал Адам. — Самую поверхность, но это даст тебе отчетливо понять, что я даже не приблизился к крайней линии.

Я уже откровенно дрожала, от страха и к своему возмущению от любопытства. Нездорового, чертова любопытства! По всей логике я не должна была хотеть, чтобы он показал мне тот хаос, что творился в его голове. Но, мой разум уже не раз мне изменял, когда дело касалось Адама. Вот и сейчас я затаила дыхание, ожидая, что же он собрался делать.

Это был шанс заглянуть в его душу, или что было там, внутри его оболочки. Я столько раз пыталась, хотела понять его. И сейчас мне представилась такая возможность.

Адам взял свою куртку и что-то вынул из нее. Он стоял спиной ко мне, и я не могла разглядеть, что это за предмет. Вытянула голову, сгорая от любопытства.

Сильнейшее волнение охватило меня, отчего я даже перестала чувствовать свои ноги.

Все затихло, как перед надвигающимся штормом.

Адам развернулся, и я наконец-то увидела, что было в его руке. Это был складной нож, лезвие которого он вынул, вернувшись ко мне.

Нож?!

Черт возьми, зачем ему нож?!

Я дернулась, расширившимися глазами наблюдая за ним.

— Ты решила, что я дошел до края в своем желании наказать тебя, навредить тебе, — хрипло заговорил Адам. Его зрачки стали такими широкими, что закрыли почти всю радужку. — Это не так, Грейс. Все может быть еще хуже.

— Я верю! Я тебе верю! — закричала я, когда он поднес нож к моей груди. — Давай остановимся на этом. — Я облизнула пересохшие губы, испуганно глядя на него. — Я поняла, что ты имел в виду. Пожалуйста, не надо больше.

Адам глухо хмыкнул, с обреченным взглядом серых глаз посмотрев на мое затравленное лицо.

— Нет, ты не поняла. Но я хочу, чтобы ты увидела.

Я перестала дышать, когда холодное лезвие коснулось кожи между моими грудями. Он надавил, сделав поверхностный порез в пару миллиметров. К моему удивлению, боль была терпимой. Главное, чтобы ему не показалось мало.

Я испытала кратковременное облегчение, когда он сложил нож и отложил в сторону. Но когда из ранки выступила кровь и побежала вниз, образуя тонкую дорожку вдоль моей грудной клетки и живота, я готова была впасть в настоящую панику.

Что, черт возьми, он собрался делать с этим?

И уже в следующую секунду я знала ответ. Наклонив голову, он притянул меня за бедра к себе, языком слизывая дорожку крови. Тело Адама вибрировало от возбуждения и удовольствия, пока он смаковал моей кровью.

О Господи!

Это все реально? Это, правда происходит со мной?

Я закусила губы, чтобы не закричать. Это было полное помешательство. Настолько сумасшедшее, что просто в голове не укладывалось.

Он всех своих девушек резал, а потом слизывал их кровь? Или только мне такая «честь» выпала?

Я дрожала, пока его язык ласкал мою грудь и живот в своей извращенной, безумной манере. Мое дыхание участилось, и внезапно я отчетливо ощутила знакомую пульсацию между ног.

Нет! Нет, нет, нет! Только не это. Я не могу заводиться после того, что он делал со

мной. Не от такого! Это мерзко, отвратительно, грязно и полностью нездорово.

И все же, вопреки всему меня это завело.

Я готова была плакать. Слезы навернулись на моих глазах от чувства беспомощности, отвращения к себе.

Я такой же урод, если это хоть немного меня завело.

Адам выпрямился, пылающим взглядом встречаясь с моими блестящими от слез глазами. Его губы были красными от моей крови, а в глазах стояла такая неприкрытая похоть и тьма, что я непроизвольно всхлипнула.

— Я хотел этого с первого дня, как увидел тебя, — как в бреду пробормотал он, взявшись пальцами за мой подбородок и притянув к себе, поцеловал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Нет, заклеил своими губами. Язык, горячий, с привкусом моей крови как полный обладатель ворвался в мой рот, в дикой схватке сталкиваясь с моим языком.

Я не сразу сообразила, что отвечаю ему. А когда опомнилась, ужас холодной волной захлестнул меня.

— Нет, я не хочу, — отвернувшись от него, жалко протянула я.

Я так боялась. Боялась не Адама, и даже не его желаний, а себя.

Я предавала себя, потому что вновь откликалась на него. И не просто, а на ужасные вещи, которые он показал мне.

Я готова была зайти в истерику. Неужели я так низко пала, что могу испытывать сексуальное желание от того, что его рот в моей крови?!

— Ложь! — Адам прижался к моему лбу в быстром, лихорадочном поцелуе. — Ты хочешь. Черт возьми, Грейс, тебя это завело.

Казалось, он и сам удивился моей реакции.

Я чувствовала абсолютное, поглощающее унижение.

Может он не так уж не прав, называя меня похотливой сукой?

Разве нормальная девушка смогла бы возбудиться от его дикой выходки после того, какой тварью он был?

Со мной определенно что-то не так!

Слезы унижения стекали по моим щекам, когда Адам отвязал мои руки от колец и перенес меня на кровать. Я закрыла глаза и отвернула голову, когда он начал ласкать меня между ногами. Нежно, с небольшим напором, не желая ранить.

Я захлебывалась в глубоком отчаянье, но мое тело словно жило своей жизнью. Оно словно забыло о том, что эти руки еще недавно терзали его. Оно откликалось на его прикосновение, жаждало их. Молило о них.

Я не заметила, как изогнулась навстречу ему. Наши тела касались друг друга, и не успевшая высохнуть кровь с каждым нашим движением окрашивала его и мою кожу. Бледно-красные пятна не давали забыть, в какой тьме живет Адам.

Тьме, которая слишком близко подобралась ко мне.

В какой-то момент всего этого безумия он вошел в меня, и я издала длинный стон.

Я не могла контролировать свое тело, и я не могла контролировать свой разум. Поэтому я просто отпустила ситуацию. После у меня будет много времени биться головой от раскаянья.

Позволив себе расслабиться, я начала отвечать на действия Адама, подхватив его ритм. Я позволила себе получать удовольствие от его поцелуев, от чувства его тела во мне.

Да, он был психом на всю голову, и да, он приводил меня в ужас. Но по какой-то необъяснимой причине только он, со всем своим сумасшествием мог вознести меня на небеса.

Впрочем, так же само он низвергал меня в сущий ад.

Наш оргазм случился одновременно, но Адам не сразу вышел из меня. Несколько мгновений мы лежали в сплетении, и разобрать, где чье сердцебиение и дыхание не представлялось возможным.

Когда же он скатился с меня, то не стал подниматься и одеваться. Лег рядом, повернув голову в мою сторону. Я тоже повернулась, наблюдая за тем, какими спокойными и мирными стали его глаза.

— Нас обоих удерживает цепь, — на удивление ровным голосом произнесла я. — Просто твоя цепь не видимая.

Промолчав, Адам прикрыл веки, а я отвернулась, чтобы он не видел, как из уголка моего глаза скатилась одинокая слеза.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Адам уснул. Я и не ожидала такой удачи, но через несколько минут услышала его равномерное, глубокое дыхание. Отключился, будто несколько дней провел без сна, но усталость, наконец, дала о себе знать.

Это был мой шанс сбежать. Меня все еще сдерживала цепь, но я могла позвонить девчонкам и сказать правду, где я и что со мной.

Насчет «где» я погорячилась, потому что на самом деле не знала, в какой части города — или в не его — мы находимся. Но я так же могла позвонить в полицию, и тогда они вынуждены будут искать меня.

Мое доверие к полиции было довольно шатким, но выбор у меня был не большой.

Боясь дышать, я немного приподнялась, разглядывая лицо Адама. Я не была уверена, что он не притворяется спящим. Возможно, это его очередная уловка? Дать мне призрачную надежду на спасение, а когда я попадусь на крючок, поймать на попытке к бегству, и вдобавок еще наказать за это.

Не слишком радужная перспектива, но я должна рискнуть. Должна использовать любую возможность выбраться из этого места.

Морщась от напряжения, я сползла с кровати и, замерев, оглянулась на Адама. Он даже не пошевелился, и его дыхание не изменилось.

Он, правда, спал.

Так, сейчас моей проблемой была цепь. Если она будет звенеть, то обязательно разбудит Адама.

Закусив губы и мысленно молясь о том, чтобы он не проснулся, я взяла цепь в руку и натянула так, чтобы она не касалась пола.

Готово. Теперь осталось преодолеть несколько шагов до телефона.

Я взглядом прикинула расстояние. Смартфон Адама лежал на столике, где он его оставил после того, как фотографировал меня. Мой же мобильный находился в кармане его куртки, и хотя она лежала ближе, но пока я буду в ней рыться, он может проснуться.

Да, я становилась настоящим параноиком. Или же просто очень осторожной, потому что это мог быть единственный мой шанс выбраться на свободу.

Ступая так тихо, как только была способна, я подошла к столику, глянула еще раз в сторону Адама, и подняла его смартфон.

И тут я растерялась. В моей руке был путь к спасению, а я не знала, что с ним делать. По всей логике я должна была позвонить в службу спасения, но, черт возьми! я, будто в ступор впала. Если в это вмешается полиция, то Адам окажется на скамье подсудимых.

Я хотела спастись, но хотела ли я, чтобы он сел в тюрьму?

Я очень сильно колебалась по этому вопросу. Черт, почему я раньше не продумала насчет этого? У меня нет времени раздумывать сейчас, необходимо моментально принимать решение.

«Грейс, твою мать, просто позвони! Пусть полиция разбирается с ним! Он не должен быть твоей проблемой!»

Прикусив губу до крови, я, наконец, решила, что мне делать. Быстро набрала текст и начала вводить номер, как вдруг, телефона больше не было в моих руках.

Вскрикнув, я оглянулась и уткнулась в широкую грудь Адама. Подняла испуганный взгляд на его лицо, встретившись с сонными, хмурыми глазами моего тюремщика.

Вот уж кто мастер подкрадываться бесшумно!

— Я не удивлен, — хриплым после сна голосом произнес Адам, проверяя, успела ли я отослать смс Лорен. — И не разочарован. — Он тряхнул головой, собираясь с мыслями. — Сам идиот, что позволил себе расслабиться. С твоей стороны было бы глупостью не воспользоваться моим промахом.

Я едва не распахнула рот от изумления. Никак не ожидала, что он так это воспримет. То, что будет рвать и метать, или захочет оторваться на мне — это было ожидаемо. Но такая реакция полностью сбивала с толку.

Убедившись, что его тайна все еще сохранена, Адам начал быстро одеваться. Я тоже решила накинуть на себя халат, хотя собственная нагота при нем уже давно не беспокоила.

— Адам, посмотри на меня, — тихо попросила я, потому что он упорно не желал этого делать.

Я не могла не заметить, что после того, что произошло менее часа назад, странно повлияло на него. Что это было, я затруднялась определить. Но, кажется, что в таком смятении я его прежде не видела.

Это не было похоже на то, каким он был обычно. Казалось, будто я нащупала его слабую сторону, и теперь я не сомневалась, что она была у него. Он позволил мне заглянуть внутрь его сознания, ненамного, но приоткрыл дверцу в его потаенный мир. Я боялась представить, что там у него происходит.

О чем он думает? Чего желает? Ради чего встает по утрам? Неужели только для того, чтобы находить себе живых игрушек и превращать их в безвольные, лишенные какого-либо собственного желания предметы?

Судя по тому, что он делал со мной, это казалось верным выводом, но я упорно, даже после того, что произошло в последние несколько дней, отказывалась верить в это.

Я не хотела видеть в нем только лишь мрак, но еще недавно сама решила, что нет в нем ничего светлого.

Почему я отказывалась принять это как неизбежность? Почему всякий раз воскрешала надежду, что с ним все не так однозначно, просто я еще не смогла разгадать то, что он старательно скрывает ото всех? С чего вообще решила, что я стану тем, кому он откроется?

Но то, что он сделал сегодня... Это было пугающе, но в тоже время я увидела, насколько он сам уязвим. Открыв мне свое желание, которое долго подавлял, он, словно просил о помощи.

Черт, не знаю, почему я вообще думала об этом. Я не хотела, чтобы его проблемы становились моими проблемами. Мне и своих хватает. Но я никак не могла отмахнуться от этих мыслей.

— Что?

Наконец он посмотрел на меня, но я не могла не видеть, что он лишь усилием не отводит взгляд. Он был в растерянности, так же, как и я сама. Мы словно попали в замкнутый круг и не знаем, как выбраться из него.

— Ты должен отпустить меня. — Я постаралась придать голосу всю возможную мягкость, на какую была способна. — Адам, этого уже достаточно. — Я обвила рукой помещение подвала.

Он молчал, но слушал меня, и поэтому я продолжила, боясь, что его настроение может измениться.

— Так не может длиться дальше. У меня есть жизнь за пределами этого дома, и я должна вернуться к ней. — Приободрённая его вниманием, я сделала шаг ему на встречу, взвешивая каждое свое слово. — Завтра начинается мой последний семестр в университете. Я не могу пропускать занятия, возможность учиться далась мне с трудом. Мне это нужно, потому что только с хорошим баллом я смогу рассчитывать на приличную работу. — Мои губы едва дрогнули в печальной улыбке. — Понимаю, для тебя это не имеет значение, но от этого многое зависит в моей жизни. Я несу ответственность за дорогого мне человека, и от меня зависит, каким будет остаток жизни моей бабушки.

Ты же знаешь, что значит быть ответственным, — тихо добавила я, имея в виду его заботу о матери.

Глаза Адама чуть расширились при этих словах, а плечи напряглись.

Неужели он и из-за этого будет злиться?

— Что ты имеешь в виду? — с несвойственной ему осторожностью спросил Адам.

Я не понимала сути его подозрительности, которую он излучал. Разве в моих словах было что-то необычное?

— Ничего, только то, что тебе известно, как это опекать близкого тебе человека, — ответила я. — Ты долгие годы несешь ответственность за свою маму и должен понимать, что я чувствую.

Казалось невероятным, что мы разговариваем с Адамом почти нормально сейчас, что казалось невозможным еще недавно. Не после того, что он сделал. Да, в первую очередь это была моя необходимость, потому что таким образом я надеялась заставить его выпустить меня. Но все же, прислушавшись к своим внутренним ощущениям, я с изумлением обнаружила, что больше не чувствую той ненависти и черной злобы к нему, которая еще вчера сжигала меня.

Не думаю, что когда-то смогу забыть, или простить — разве такое возможно? — но я не ненавидела его. Именно поэтому не стала звонить в полицию.

Некоторое время Адам сохранял молчание, будто над чем-то раздумывал. Я видела колебание на его лице. Странно, неожиданно, но он больше не казался тем монстром, которого я увидела за последние два дня. Будто вновь произошел обмен, и тот Адам, которого я помнила, вернулся.

Я не могла разобраться в нем, не могла постичь все грани этого человека. Он мог быть очень жестоким, как и ласковым, заботливым, ответственным. Я поняла это не сразу, но у меня было время, чтобы заметить все эти черты в этом сложном мужчине. Возможно,

именно поэтому я так и не смогла возненавидеть его.

— Если я отпущу тебя, как все будет? — наконец нарушил долгое молчание он. От меня не ускользнуло, что его голос звучал устало. — Ты и я... — Он запнулся, проведя ладонью и без того по спутанным после сна волосам. — Что теперь?

Я не удержалась и открыла рот в изумлении.

Он спрашивал меня об этом? С каких пор он хочет знать мое мнение? Даже не так. Сейчас создавалось такое впечатление, будто он оставляет выбор за мной. Но так ли это на самом деле? Не ложное ли это чувство?

— Я... не знаю, — в растерянности разведя руками, честно ответила я. — Разве не ты контролируешь ситуацию?

— Контролирую? — Он невесело хмыкнул, потеряв левую бровь в заметном волнении. — Ты, правда, думаешь, что я еще что-то контролирую? Черт возьми, Грейс, я перестал владеть ситуацией уже давно. Был настолько самоуверен и до последнего убеждал себя, что все так, как и должно быть; что все еще зависит от меня.

Но это ложь, самообман! — Тон его голоса повысился и эмоции, которые так часто подавлял, вышли наружу. — От меня больше ничего не зависит. Ничего!

— Это... это не так, — негромко возразила я. — Ты говорил мне, что тебе постоянно приходится контролировать свои желания. — Я не знаю, откуда во мне нашлись силы заговорить об этом. На самом деле, я так боялась узнать то, чего на самом деле хотел Адам, что предпочла бы никогда не поднимать эту тему.

Это как если бы передо мной стояла запертая шкатулка, и меня раздирали желания открыть ее или выкинуть с глаз долой. Потому что то, что внутри может оказаться смертельно опасным, но при этом ответить на множество изводящих вопросов, которые не дают покоя.

Нахмурившись, Адам посмотрел на меня внимательно, ожидая, что я продолжу объяснять.

— Ты причинил мне много боли, — прямо заявила я, но не ради того, чтобы обвинить его, а только донести свою мысль. — И это было ужасно. Но когда ты говорил, что все могло быть хуже, я тебе верила. Знаю, что так оно и есть. Но ты удержался, верно? Если бы больше ничего не зависело от тебя, стал бы пресекать себя?

Не знаю, удалось ли мне убедить Адама, но мои слова, кажется, подействовали на него. Мне нужно было убедить его, что он по-прежнему хозяин положения и если отпустит меня, это не измениться.

— Почему ты не позвонила в службу спасения? — неожиданно спросил Адам, чем поставил меня в тупик.

Я могла, как угодно оправдывать свое решение, но сама себе боялась признаться в правде. А правда была в том, что если бы Адама посадили, я бы потеряла его. И я не хотела этого.

Я не хотела быть привязанной к нему, и я хотела свободы от этого человека, но мысль, что я полностью утрачу возможность когда-либо, если вдруг захочу иметь с ним какие-бы то ни было отношения, приводила меня в панику.

Никто никогда не должен будет узнать о том, что происходило тут. Теперь я даже радовалась, что так и не успела отослать смс Лорен.

Одно дело оправдывать его перед самой собой, и другое перед своими близкими. Я знала, что ни Лорен, ни Эмми, чье мнение мне было важно, никогда не простили бы Адама.

— Я не хочу ввязываться в это дело полицию, — вздохнув, честно признала я. — И я обещаю, что я не позвоню им, если ты выпустишь меня. Более того, обещаю, что никто и никогда не узнает, что здесь произошло.

— Мне надо идти, — вдруг заторопился Адам, вновь избегая моего взгляда.

Я хотела кричать от досады, хотела встряхнуть его и потребовать тут же, немедленно отпустить меня! Но не стала. Сохранила самообладание на лице, с упавшим сердцем наблюдая, как он вновь уходит, а я по-прежнему остаюсь здесь, прикованная цепью узница.

Я открыла глаза и прислушалась. Непонятное чувство тревоги разбудило меня. За окнами стояла полнейшая темнота, была глубокая ночь.

Что же заставило меня проснуться?

Наверху послышался какой-то шум, будто кто-то ходил.

Так вот что меня разбудило!

Мой пульс участился, а тело взмокло от напряжения и вмиг охватившего страха.

Я напрягла слух, успокаивая себя тем, что мне могло все просто послышаться. Дом не новый и периодически, наверное, поскрипывает, создавая иллюзию чьего-то присутствия.

Некоторое время стояла тишина, и я нервно улыbnулась — ну точно, показалось! Но тут шаги раздались вновь — неторопливые, будто крадущиеся, и я зажала рот рукой, чтобы не закричать от сковывающего ужаса.

О Боже, кто? Кто это может быть?!

Я даже на миг не допускала, что это Адам. Не знаю, почему была так уверена в том, что это не он. Наверное, просто определила, что шаги не принадлежат ему — оказывается, не так плохо я его изучила.

Может просто бездомный забрался и рыщет чем бы поживиться? Если я права, то надеюсь, что он не станет спускаться в подвал.

Меня трясло от дикого ужаса, и я продолжала прижимать ладонь ко рту, чтобы случайно не вскрикнуть.

Так, стоять! В доме наверняка установлена совершенная система безопасности. Я в этом не сомневалась. Разве обычный бездомный смог бы забраться внутрь без того, чтобы не сработала сигнализация?

Дышать, нужно дышать и не впадать в панику. Хотя куда тут! Разве можно сохранять спокойствие, когда сидишь на цепи, и рядом нет ничего, чем можно было бы защититься, а в это время неизвестный бродит по дому и в любой момент может добраться до тебя!

Нехорошо! Очень, очень плохо!

Сквозь усиливающуюся тревогу и испуг, я настороженно прислушивалась к передвижениям неизвестного этажом выше. Иногда шаги замирали, а вскоре вновь возобновлялись. Что за комната была надо мной? Что этот человек, кем бы он ни был, искал там?

Вдруг шаги начали отдаляться, но уже через минуту кто-то принялся дергать ручку подвала.

Я всхлипнула и покрепче зажала рот; биение моего сердца чувствовалось где-то в районе горла.

Очевидно, Адам запер подвальную дверь, и сейчас я испытывала огромную благодарность к нему из-за этого. Нет, я так же хотела убить его из-за того, что вообще оказалась в такой ситуации по его вине. Желание смерти смешанное с благодарностью —

странное сочетание.

Но главное сейчас было пережить этот кошмар. Я молилась о том, чтобы человек за дверью удовлетворился запертым замком и убрался от дома и от меня как можно дальше.

Мне показалось вечностью, пока ручка перестала дергаться. Прислушавшись, я ничего не слышала. Казалось, что тот, кто ходил наверху, ушел, потому что звуков шагов больше не было.

Тем ни менее, я еще долго не могла успокоиться. Забившись в угол кровати, прижала колени к груди, с широко распахнутыми глазами таращась в сторону лестницы и напрягая слух до предела. В итоге у меня разболелась голова, и меня тошнило от недосыпа. Когда за окнами стал занимать рассвет, я сдалась усталости и незаметно для себя отключилась, впад в поверхностный, тревожный сон.

Адам появился около полудня: молчаливый и мрачнее тучи. Я тут же сообщила ему о ночном визитере, на что получила короткое: «Я знаю. Не волнуйся об этом больше».

Правда? Он хочет, чтобы я не волновалась, когда я заперта в этом подвале, а по дому шастают неизвестные, и вполне возможно опасные личности?

Легко сказать.

Но мысли о ночном инциденте как-то отодвинулись на задний план, когда Адам ничего не объясняя, снял с меня наручник.

Вот так вот я вновь была свободна. Ну, почти.

— Ты отпускаешь меня?

Я огромными глазами смотрела на Адама. Только сейчас заметила темные круги вокруг его глаз, отпечаток глубокой усталости и терзаний на лице.

— Разве не этого ты хотела? — Его голос звучал сухо, а взгляд был бесстрастным, но я не могла не почувствовать, что это все напускное.

— Да, но... Почему?

Наверное, я была настоящей тупицей, если спрашивала его об этом. Какая разница, если значение имеет только то, что он выпустит меня из этого подвала? И разве я не должна испытывать ликование внутри от вновь обретенной свободы?

Странно, но я чувствовала только удивление и любопытство.

— Неважно, — отрезал Адам. — Ты вновь свободна, это все, что должно тебя волновать.

Вот, надень это, — Он протянул мне большой коричневый пакет, при этом намеренно избегая прикасаться ко мне.

В полной растерянности я взяла пакет и ушла в ванную. Внутри обнаружилась одежда: белая майка, синий свитер и черные джинсы. И к моей радости, нижнее белье в наличии.

Переодевшись, я вернулась в комнату, настороженно поглядывая на Адама. Я не знала, что он задумал, но чувствовала, будто он принял для себя какое-то важное решение, о котором пока умалчивает.

Не знаю, в чем была причина, но когда он посмотрел на меня долгим взглядом, в котором отчетливо проступало сожаление и неведанная ранее грусть, мое горло сжало спазмом. Будто он готовился поведать мне печальную новость.

— Пошли, — наконец отведя от меня взгляд и отвернувшись, негромко скомандовал мужчина.

В каком-то тягостном молчании мы вышли из дома. Я посмотрела по сторонам и

убедилась, что поблизости нет соседей, только высокие деревья окружали особняк. Да, размер строения не позволял использовать уменьшительное определение.

Такая же гнетущая тишина сохранялась и в машине, и от нее просто хотелось выть.

Черт возьми, да что со мной такое?! Почему я не радуюсь, почему не ощущаю облегчения? А напротив, чувствую неприятное, давящее чувство, причину которого и сама не знаю.

В милях десяти от особняка Адам свернул к придорожной закусочной и так же лаконично сообщил, что мы тут пообедаем. Я не стала спорить, только кивнула. Тревога и непонятное беспокойство скручивало мой желудок узлом, и я не была уверена, что смогу хоть что-то съесть.

Тем ни менее, чтобы не вызвать его недовольство, я заказала себе пару сэндвичей с салатом, а сам Адам ограничился только черным кофе. Судя по всему, ему тоже было не до еды.

— Что происходит? — наконец не выдержала я, когда официантка с бейджем «Люси» принесла нам заказ, не преминув похлопать ресницами в сторону Адама. Впрочем, ее маневр остался проигнорированным.

— О чем ты? — Адам слегка приподнял брови, как если бы и правда, не понимал моего вопроса.

Я невесело усмехнулась.

— Не надо делать вид, что не понимаешь. Еще вчера ты... — я понизила голос и огляделась по сторонам, хотя людей вокруг было немного, и каждый занимался своими делами, — готов был и дальше держать меня на цепи, а сегодня без всяких пояснений отпускаешь?

Мой взгляд сквозил недоверием.

— Но ты же вчера так старалась убедить меня, что я должен отпустить тебя. — Уголки его губ приподнялись в кривой усмешке. — Считаю, что тебе это удалось.

Я ни на мгновение не поверила ему. Нет, я не была в претензии, но я не могла не чувствовать, что что-то не так.

— Ты знаешь, кто был ночью в доме? — Решила зайти я с другого угла.

— Нет. — Адам твердо посмотрел на меня. — Грейс, просто... Не лезь в это. Это не твоя проблема.

— Что, если бы ему удалось отпереть дверь подвала? — Я вскинула брови, скептически посмотрев на него. — Если бы этот человек увидел меня там? Это все еще была бы не моя проблема?

— Ты больше не там, — сжав челюсти, негромко, но отчетливо произнес мужчина. — Тебе ничего не угрожает. Так что просто выкинь из головы.

Я не верила своим ушам, что слышу это. Но спорить с ним смысла не имело. Поджав губы, я уставилась в окно, окончательно потеряв аппетит.

Вокруг нас находились простые люди: старики, работяги, зашедшие на обед, семьи с детьми и влюбленные подростки. Глядя на любого из них, я завидовала каждому, потому что еще недавно моя собственная жизнь была простой и понятной. До тех пор, пока Адам не появился в ней, чтобы внести полный хаос своим присутствием.

— Я в уборную, — коротко сообщила я, встав из-за стола.

Адам не стал меня останавливать, хотя внутренне я и приготовилась к этому. Последствия недавней неволи.

На самом деле мне не надо было в туалет, но мне требовалось сбежать на несколько минут от Адама. Я не могла успокоиться от сводящего волнения, причины которого я не могла определить.

Плеснув в лицо водой, с минуту напряженно разглядывала свое отражение, которое отчего-то казалось лицом незнакомки.

Сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, подготовившись вернуться в зал. Подошла к двери и, повернув ручку, наткнулась на Адама. Не медля, он шагнул внутрь, заперев дверь за собой.

— Адам, что...

Мой вопрос потонул в его неожиданном, сминающем поцелуе. Обхватив мой затылок ладонью, Адам прижал меня к двери, продолжая неудержимо, глубоко целовать. Я чувствовала во всем этом горький привкус отчаянья, и от этого становилось еще тревожней. В попытке избавиться от нехорошего предчувствия, я стала отвечать ему со всей пылкостью, которую он вызвал во мне.

Прижатая его сильным, твердым телом, я чувствовала, что он уже полностью готов, и это еще больше подхлестнуло меня, превращая кровь в моих венах в горячую лаву.

Не было никаких прелюдий и нежности. Только нетерпение, подгоняемое сумасшедшей страстью. Желание Адама передалось мне, и я вспыхнула, как спичка. Дрожащими руками растегнула молнию на его брюках, в то время как он, то же самое проделал с моими джинсами.

Заниматься сексом стоя, одетой в штаны не слишком удобно. Поэтому Адам помог мне, торопливо стянув с меня одну штанину и буквально разорвав на мне нижнее белье. Это могло бы показаться нелепым и забавным, если бы не всепоглощающее, безумное желание и нависшее над нами плотное напряжение и предчувствие надвигающихся изменений.

— Прижми ногу ко мне, — хрипло пробормотал Адам, закидывая мою освобожденную ногу себе на пояс.

Едва я встала в нужное положение, как он без промедления, одним сильным движением оказался во мне.

Я закусила губу от яркости ощущений, впившись пальцами в его плечи, обтянутые тонким трикотажем свитера.

Наши бедра двигались навстречу друг другу, и с каждым толчком он глубже проникал в меня, заставляя мое сердце колотиться как бешенное, а мое дыхание срываться с приоткрытых губ. Очень скоро, в глубине своего тела, я почувствовала сладкое зарождение оргазма, который обещал быть потрясающе сильным.

Теплое дыхание Адама обжигало мне шею, отчего мой пик стремительно близился. Я знала, что не выдержу долго, и меня вот-вот перекинёт за край.

Одна его рука была у меня под свитером и отнюдь не нежно, но безумно приятно ласкала мою грудь; другая удерживала меня, помогая сохранить равновесие.

Мои веки тяжело опустились, когда яркие вспышки близкого оргазма заплясали перед глазами. Я потерялась между измерениями; громкие стоны моего удовольствия наполнили помещение, эхом отскакивая от кафельных плит.

Словно сквозь несколько слоев ваты я слышала, как в дверь принялись стучать, что отдалось вибрацией в моей спине.

Адам вновь запечатал мой рот поцелуем, заглушая рвущиеся из горла стоны. А мне было так удивительно хорошо, что я совершенно не думала о тех, кто стоит по ту сторону и

наверняка слышит, чем мы тут занимаемся.

Терпеть больше не было сил, как и необходимости, и я позволила своему телу и разуму расслабиться. Мой оргазм и правда, был сильный, крышесносящий, умопомрачительный. Сладкие импульсы пронзали тело, которое обмякло в руках мужчины, подарившего ему такое блаженство.

Адам кончил почти сразу после меня, но не стал тут же отпускать. Несколько секунд держал в своих объятьях, потом убрал налипшие волосы с моего лица и, посмотрев в мои глаза, волнительно пробормотал:

— Ни с кем и никогда... И близко не так.

После этой сбивчивой фразы, от которой тут же видимо, пожалел, он отпустил меня, застегнул молнию на брюках, и быстро взглянув на меня, тут же отвел взгляд.

— Буду ждать тебя за столом.

И больше не глядя в мою сторону, отпер дверь и стремительно вышел, не обращая внимания на возмущения пожилой женщины.

Теперь, когда мою голову не затуманивала страсть и сексуальное возбуждение, я ощутила стыд, оказавшись под осуждающим взглядом маленьких блекло-голубых глазок. Старуха поджала губы и с видом горделивой царицы промаршировала мимо меня, громко захлопнув дверцу кабинки.

Мои щеки пылали, когда я подошла к зеркалу. Вновь умывшись, я привела себя в надлежащий вид, хотя без расчески совладать с волосами было проблемно. Кое-как пригладив их пальцами, я решила, что и так сойдет.

Другое обстоятельство волновало меня куда больше. Это состояние Адама не нравилось мне. А так же то, что меня это вообще волновало. Я просто хотела вернуться к своей жизни, и я не думала, что отныне в ней будет место Адаму.

Да, наверное, думать так абсурдно после того, как мы имели по-настоящему феерический секс, но это не более чем страсть и похоть.

Конечно, все будет зависеть только от решения Адама. В конце концов, он не отменял условий нашего договора.

С такими сбивчивыми мыслями я вернулась в зал, но подойдя к нашему столику, Адама там не застала. Я огляделась по сторонам; следов его присутствия нигде не было.

— Мисс!

Я обернулась, когда наша официантка окликнула меня. Девушка неискренне улыбалась мне, протягивая большой плотный конверт.

— Это вам оставил мужчина, который был с вами.

Я не могла не заметить, как ее глаза вспыхнули при упоминании Адама.

Пробормотав что-то в ответ, я взяла конверт, пребывая в полном недоумении.

Неужели Адам уехал и оставил меня здесь?

Присев за стол, дрожащими руками разорвала плотную бумагу и вынула содержимое.

Я не могла поверить своим глазам, держа в руках закладную на дом бабушки, владелицей которого являлась я. Мне нужно было только поставить свою подпись в указанных местах. Но это было еще не все — чек на триста тысяч долларов просто взорвал мои мозги.

Как? За что? И вообще, что все это должно означать?

В полном недоумении я заглянула в конверт, надеясь найти хоть что-то, что бы пояснило все это. И я нашла короткую записку от Адама.

Развернула непослушными руками и прочла короткое, прощальное послание: **«Грейс, с этого дня ты свободна. От меня и от всех прежних обязательств. Адам».**

Вот так, в один момент я получила все, о чем мечтала. Но меня это совершенно не радовало.

Я чувствовала, будто утратила нечто важное, ценность чего до последнего не понимала.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Все! Я больше не могу! — затормозив и сложившись пополам, выдохнула Эмми.

— Эм, еще совсем немного, — ободряюще заявила я, взглянув на свои спортивные часы. — Всего одна миля осталась.

— Мила? — Эмми в ужасе посмотрела на меня, хватая ртом воздух. — Смерти моей хочешь? Я больше никогда, никогда не пойду с тобой на пробежку! Ты становишься одержимой, когда одеваешь свои треники.

Подруга обвинительно ткнула в меня пальцем, который подрагивал от усталости.

— Ты сама вызвалась составить мне компанию, — отмахнувшись, закатила глаза я. — К тому же, бег отлично проветривает мозги и убирает все ненужное отсюда.

Я постучала пальцем по виску.

Бег всегда был для меня такой себе формой релаксации, но в последнее время я вплотную занялась подготовкой к университетскому марафону, который должен состояться в мае и ежедневно пробегала по пять миль. Это помогало сосредоточиться на определенной цели и не думать о том, о чем думать совсем не хотелось, потому что это приносило боль.

Я определенно решила одержать победу в марафоне и прикладывала для этого все усилия.

— Знаешь, дальше я пойду пешком. Потому что сегодня вечером все же хочу пойти со всеми в бар, а не лежать на постели изображая труп.

— Ладно, как хочешь. Тогда увидимся дома.

И помахав Эмми на прощанье, я вернулась к бегу.

Бегать по университетскому парку было одно удовольствие, потому что в это время года, в апреле, все цвело и зеленело. Наконец-то зима закончилась, забрав с собой снег, слякоть и холод. Все чаще яркое солнце не просто светило, но и пригревало.

Не возможно было не радоваться, наблюдая за тем, как природа вновь возрождается.

Было ранее утро субботы и многие студенты выбрались в парк: кто-то, как и я для занятия спортом, а кто-то просто отдохнуть. Мало кому хотелось сидеть в комнате, когда все манило на улицу.

Мимо пробежал Герри, с которым мы вместе ходили на социальную географию в прошлом семестре и мы приветственно помахали друг другу.

Остановилась я только возле общежития. Глотнула воды из бутылки и по лестнице стала подниматься на свой этаж.

Я немного устала, но это была приятная усталость. Мне не хотелось завалиться на кровать и несколько часов приходить в себя. Я собиралась принять душ и отправится на открытый семинар профессора Вилсон.

— Привет!

Я улыбнулась Лорен, войдя в комнату. Подруга как раз смотрела телевизор, но моментально выключила его, стоило мне появиться. Она так торопилась, что пульт из-за спешки выпал из ее рук и проехался по полу.

Странная реакция подруги насторожила меня. Было похоже, будто Лорен застучали с поличным.

— Что происходит?

Я удивленно вскинула брови на побледневшую Лорен. Вот уж совсем на нее не похоже.

— Ничего... Я тут...

Лорен замялась, не найдя нормального пояснения своему поведению и вздохнув, замолчала.

Подняв пульт, я вновь включила телевизор, надеясь найти ответ на более чем странное поведение подруги.

— Мистер Эллингтон, — Патриша Локейн, ведущая «Доброе утро, Чикаго» очаровательно улыбнулась Адаму своей улыбкой в миллион долларов, — к своим тридцати четырем годам Вы имеете многомиллиардное состояние и процветающую компанию. Можно сказать, что Вы уже достигли пика в мире бизнеса. — Очередная идеально отработанная улыбка, рассчитанная на гостя и публику. — Но если позволите, мы сейчас поговорим о Вашей личной жизни. Уверена, у такого мужчины просто нет отбоя от женщин.

Ведущая кокетливо потрогала свою совершенную причёску и бросила на Адама более чем откровенный взгляд из-под ресниц.

Совсем не профессионально.

— Знаете, Патриша, мне не на что жаловаться, — чуть кивнув и вежливо улыбнувшись, уклончиво ответил Адам.

Я и не заметила, как раскрыла рот, наблюдая за передачей.

Так вот что Лорен хотела скрыть от меня.

— Прости. — Подруга встала с кровати и, подойдя ко мне, забрала пульт из моих рук. — Если хочешь, я выключу.

— Нет! — Я быстро покачала головой, принудительно улыбнувшись. — Оставь.

Я не могла заставить себя отвернуться от экрана, рассматривая Адама, пытаюсь анализировать, что он чувствует и в каком настроении. Словно через эту картинку на экране я смогу понять, как и чем он жил эти два месяца.

Но в первую очередь, я просто хотела наглядеться на него. Хотя, кажется, его образ так крепко впитался в меня, что уже ничем не вытравишь.

— О, мистер Эллингтон, это наверняка. — Ведущая, красивая, ухоженная женщина около тридцати, кажется, даже слегка покраснела.

Ну и о чем она сейчас подумала?

— Мистер Эллингтон...

— Просто Адам, Патриша. — Мужчина сдержанно улыбнулся, отчего ведущая буквально расцвела.

— Адам. — Едва заметная пауза, в течение которой — я могла поспорить — образ ее и Адама, голых в горизонтальном положении промелькнул перед ее глазами. — В последние годы Вы стабильно занимаете места в рейтингах самых желанных женихов Америки. Входит ли создание семьи в Ваши ближайшие планы? Скажем так, есть ли у заинтересованных в Вас девушках шанс?

Я напрягла слух и зрение и ближе подошла к телевизору. Я очень сильно хотела услышать его ответ.

Эллингтон молчал довольно продолжительное время, и хотя на его лице сохранялась маска сдержанности, я не могла не заметить, как он напрягся. Возможно, я уловила эту перемену потому, что знала его немного лучше большинства.

— Создание семьи в следующие несколько лет нет в списке моих основных задач. — Вновь вежливая, безликая улыбка. — На данном этапе бизнес для меня главный приоритет. И к тому же, любой женщине будет нелегко с таким мужем. — Секундная пауза и прямой взгляд в камеру, будто он знал, что я смотрю на него в этот момент. — Я очень требовательный. Во всем.

— Это не удивительно. Только требовательный мужчина и руководитель смог бы управлять такой компанией. — Ведущая заискивающе закивала, краснея как девчонка.

Я даже не могла винить ее за такую реакцию на Адама.

— Адам, я не могу не воспользоваться случаем и не спросить Вас о таинственной девушке, с которой Вы были замечены этой зимой. — Патриша заглянула в свой планшет, который держала на коленях. — Тогда газеты писали о вашем романе, но от Вас не было ни подтверждения, ни опровержения. Вы можете как-то прокомментировать это?

Адаму этот вопрос явно не понравился, судя по появившейся складке между его бровей. Я бы на месте Патриши уже делала ноги. Ведущая почувствовала возникшее напряжение, потому что вдруг стала ерзать на кресле.

Очень знакомая ситуация.

— Скажу только, что мы с той девушкой хорошо провели время, но на этом все. — Адам улыбнулся, что больше походило на оскал. — Больше тут не о чем говорить.

Я резко выхватила пульт у Лорен и с силой нажала на красную кнопку.

Господи, какого черта я это смотрела?

— Ты как?

Лорен сочувствующе посмотрела на меня, отчего я вдруг ощутила прилив раздражения. В первое время после того, как Адам оставил меня, они с Эмми выносили мне мозг, постоянно интересуясь моим состоянием. И только в последние недели мне удалось убедить их, что я в полном порядке. Моя жизнь более менее вошла в привычную колею.

Я не хотела начинать все сначала.

— Порядок. — Я кивнула, подавляя в себе проснувшийся негатив. В конце концов, не на Лорен я на самом деле злилась. — Правда.

— Тебе не стоило это смотреть.

— Да нет, это... ничего не значит. — Я махнула рукой в сторону телевизора, сбрасывая майку и штаны для йоги, собираясь в душ. — Ты же слышала: мы хорошо провели время, но больше не о чем говорить.

Я улыбнулась, правда вышло ядовито. К моей досаде, слова Адама задели меня больше, чем мне бы того хотелось.

Вообще-то, они не должны никак меня задевать. Я столько раз за все это время повторяла себе, как хорошо, что мне удалось избавиться от влияния этого неуравновешенного мужчины, что в итоге это стало срабатывать. Почти. До сегодняшнего дня.

Мне удалось быстро вернуть на лицо маску полного самообладания и нейтрального

отношения к тому, что происходило в студии этого чертового шоу. Если Лорен мне и не поверила, то виду не подала. Более лезть ко мне с расспросами она не стала — уже поняла, насколько разговоры об Адаме и моем отношении к поспешному разрыву всех контактов с ним выводит меня из себя.

Скрывшись за дверью ванной, я позволила своим истинным эмоциям проступить на лице. Поморщившись, обхватила себя руками и без сил опустилась на пол, прислонившись к стене. Я так старалась двигаться дальше. Старалась подавлять любую мысль о нем; о том, что было между нами и главное о том, что произошло в том подвале за пару дней, которые изменили мое представление об этом человеке.

Иногда по ночам я просыпалась с мыслью, что я все так же заперта там, в полном одиночестве, прикованная цепью. И мне требовалось время, чтобы прийти в себя и вспомнить, что я в своей комнате, а рядом мои подруги и я не одинока. Что я свободна, и никто не вправе указывать мне, как мне себя вести; что не зависимо от того, что я скажу, мне не сделают больно и не накажут.

Но порой, в неожиданные моменты, на короткий миг я чувствовала холодную пустоту внутри себя и ноющую тоску по человеку, который сделал все, чтобы заслужить мою ненависть. Чувствовала, что в момент, когда он дал мне свободу, на самом деле он забрал нечто большее — часть моей души, которая больше никогда не станет одним целым со мной.

Опустив глаза, я рассеянно посмотрела на свою щиколотку, вокруг которой был застегнут наручник. На секунду мне показалось, что я вижу длинную цепь, которая все еще сдерживает меня и быстро заморгала, прогоняя тревожное виденье.

Я боялась, что так же стала жертвой невидимой цепи, которая сковывала Адама. Наверное, это еще хуже.

Можно бороться с тем, что имеет физическую форму, но как бороться с тем, что существует только в твоей голове?

— Грейс, я не слышу шума воды! — раздался из-за двери нетерпеливый голос Эмми. — Если ты закончила,пусти меня. Я тоже хочу в душ!

— Пять минут, Эм.

Я быстро поднялась и, включив воду в душе, встала под горячие струи.

Мой момент хандры прошел. Я смогла с этим справиться. Я не собиралась проводить каждый день в депрессии.

В конце концов, моя жизнь продолжалась даже без Адама в ней.

— Народ, давайте выпьем за нашу крошку Лорен, которая очень скоро упорхнет в большой и гламурный Лос-Анджелес на свою мега-крутую работу в мега-крутой звукозаписывающей корпорации, — торжественно провозгласил Бен, наш общий друг, поднимая бутылку Гиннеса.

Если бы не его заплетающийся язык, это был бы поистине трогательный момент.

— Спасибо, Бенни! — Лорен послала воздушный поцелуй парню, поднося шот с текилой ко рту. — За это грех не выпить.

Мы с друзьями наперебой принялись шумно поздравлять Лорен, расправляясь со своими напитками. Я была безумно рада за подругу, которой пару дней назад пришел ответ из «Джорджия Рекордс» о том, что ее брали на стажировку начиная с августа. И хотя это означало, что ей придется перебраться на западное побережье и расстояние между нами будет несколько тысяч миль — новость была отличная.

— Эта работа как раз для Лорен, она ведь любит музыкантов, — пошутила Николь, наша общая приятельница. Если вы хотели пойти в бар и напиться, Николь была лучшим спутником для этого.

— Сучка! — Лорен засмеялась и бросила в Николь пригоршню орешков.

Мы уже успели выпить достаточное количество алкоголя, чтобы вести себя шумно и без конца хохотать над любой шуткой, которую выдавал кто-нибудь из нашей компании. Но мы находились в студенческом баре, и все посетители здесь были такими же, как и мы.

С тех пор, как Адам оставил меня в той придорожной закусочной, я стала больше времени проводить со своими друзьями. Я вновь была общительной, веселой Грейс, которая ходила по вечеринкам и барам по выходным. Это был мой способ вернуться к себе прежней и не мучаться постоянно мыслью, почему он отпустил меня. Той Грейс, какой я была до встречи с ним — было совершенно плевать на то, кто такой Адам Эллингтон и почему он не хочет видеть меня в своей жизни.

И к тому же, в большой компании легче удерживать маску, что у меня все в полном порядке, и что мое сердце вовсе не болит.

В тот момент, когда дверь бара открылась, и в нее вошел Дин в компании двух своих друзей, я как раз смеялась над очередным приколом Саймона, нашим соседом через коридор. Наши взгляды встретились, но оба тут же отвернулись, потому что с той ночи мы больше не разговаривали друг с другом. Периодически мы пересекались на кампусе, но нам настолько было неловко от этих встреч, что кто-то из нас тут же менял дорогу.

Первое время я порывалась поговорить с Дином, но после того, как при виде меня он развернулся и едва не побежал в другую сторону, я откинула эту идею.

Я сожалела о том, что между нами все так получилось. И все еще испытывала вину за то, что использовала Дина, но видно, нам изначально не суждено было быть вместе.

Я просто смирилась с этим.

Пока мои друзья пили и громко общались, перебивая друг друга, я выбралась из-за стола и вышла из бара, желая глотнуть свежего воздуха. Текила ударила мне в голову и земля под ногами слегка пошатывалась.

Прислонившись к шершавой стене здания, я достала из кармана куртки смартфон Адама и задумчиво стала вертеть его в руках. Я все еще порой носила его с собой, хотя и не знала причину этого. В этом не было никакой необходимости, и я никогда не звонила ему. Даже не знаю, в чем была моя потребность знать, что этот телефон со мной.

И в какую-то минуту я, очевидно, утратила самообладание и, найдя его номер, нажала на вызов. Поддалась секундному порыву, и когда включилась его голосовая почта, слова со скоростью выстрела посыпались из меня:

— Хотела, чтобы ты знал — я видела это паршивое шоу, в котором ты так разоткровенничался, — с места в карьер начала я. — И что это за чушь, которую ты нес? Мы, мать твою, не просто хорошо провели время! — Мой голос повысился на несколько октав, потому что я позволила выйти недовольству и раздражению, которое ощутила сегодня утром. — Это такая же ложь, как и все, что связано с тобой!

Ничего хорошего в этих долбанных отношениях не было! Ты просто ворвался в мою жизнь, не спросив, хочу ли я этого. И сделал все, чтобы испортить ее! Ты больной псих, которого я должна бы ненавидеть, но у меня не выходит. У меня, черт возьми, не выходит! — Я истерически хохотнула. — И я спрашиваю себя, так может я тоже псих, если после всего, что ты сделал, я все еще хочу... — Я замолчала и прикрыла глаза, переводя

дыхание. — Ты ублюдок, и иногда я хочу тебя убить, а потом так же сильно хочу почувствовать тебя в себе. Еще раз, только один гребанный раз.

Какого черта ты оставил меня в той забегаловке с чеком, будто я какая-нибудь шлюха, которую ты снял? Это та, кем я была для тебя? Шлюха? Тогда скажу тебе, что ты переплатил.

Я запустила руку в волосы и сползла вниз по стене. Моя голова кружилась все сильнее.

— Ты облажался, Адам. Мы оба облажались. Я не знаю... Ты настолько труслив, что не мог сказать мне в глаза, что отпускаешь меня? Это то, чего ты хотел? К этому ты стремился, когда принудил меня к этим проклятым отношениям?

В чем был смысл? В чем, черт тебя дери, был весь смысл?!

Я не заметила, как мой голос сорвался на крик. Пьяный крик. И в завершение всего я сс злостью зашвырнула телефон куда-то в темноту.

Похоже, у меня проблемы с самоконтролем. И управлением гнева.

Кажется, я переоценила свое состояние.

Я не была в порядке. Определенно не в порядке.

На следующее утро я проснулась с ощущением, что совершила роковую, непоправимую ошибку.

Господи, как я могла поддаться этому дикому желанию позвонить ему и выплеснуть всю горечь и обиду, с которой жила в последние недели?

Не знаю, возможно, если бы мы поговорили на прощание, мне было бы легче? Я бы не бесилась так сильно от мысли, что он даже не захотел посмотреть мне в лицо, прежде чем исчезнуть. И не злилась от того, что он не нашел ничего лучше, чем откупиться от меня.

Я все еще недоумевала по поводу оставленного чека. То, что касалось дома, было мне понятно. Но не этих триста тысяч. Это не были мои деньги, и изначально мы не договаривались, что я получу что-то помимо закладной, когда наши отношения завершаться.

Но он посчитал нужным выписать мне чек.

Для чего? Чтобы загладить свою вину из-за подвала?

Неверный выбор. Я бы предпочла личные извинения. Нет, это не значит, что его слов было бы достаточно, чтобы исправить то, что он натворил. Но я бы знала, что он сожалеет.

Если он вообще сожалеет об этом.

Не уверена.

Полностью подавленная, я даже не пыталась скрыть свое состояние и с тревогой ожидала... Чего? И сама толком не знаю. Возможно, что реакции Адама на мое ночное сообщение. Хоть какой-то реакции. Но утро прошло, прошел обед, а от него ничего не было, и я поняла, что если он и прослушал мое сообщение, то решил его проигнорировать.

Ему, в самом деле, больше не было дела до меня.

Только лишь то, что Маркус все еще оставался при мне, указывало на то, что Адам все же беспокоился о моей безопасности. Телохранитель был единственным связующим, что остался между нами.

Я не знала, докладывал ли Маркус своему хозяину обо мне, или же просто выполнял свою работу телохранителя. Мы не говорили с ним о Эллингтоне.

Сразу после того, как Адам отпустил меня, я вновь получила анонимное послание. Наверное, тот, кто прислал его, был еще не в курсе, что мы более не связаны отношениями. Первым моим порывом было сообщить Адаму о послании, но я быстро передумала. Спрятала

записку в глубину стола и постаралась забыть.

Это больше не касалось меня. Какую бы цель не преследовал аноним, в этом больше не было смысла.

Меня и Адама Эллингтона отныне ничего не связывало.

— У меня есть предложение, — нараспев произнесла Лорен, вырывая меня из моих невеселых мыслей.

— Я тебя внимательно слушаю. — Я состроила глубокую заинтересованность, заранее собираюсь согласиться на любое предложение подруги. Чем бы это ни было, если мне поможет это отвлечься от переваривания вчерашнего звонка, я была только за.

— Мой кузен в городе и он предлагает мне сходить с ним на ужин в какое-нибудь приличное место. Я рассказала ему о своей практике, и он захотел угостить меня и отпраздновать. Сказал, чтобы я взяла с собой подруг. Но Эм у родителей, так что мы будем только вдвоем.

Лорен с надеждой смотрела на меня, очевидно беспокоясь, что я откажусь.

Я не собиралась ее расстраивать, и я вовсе не была против ужина в компании ее кузена. Я знала Пола, и он был веселым, милым парнем.

Мне нужно было развеяться.

— Я согласна. Особенно, если твой кузен угощает.

— Отлично. — Лорен хлопнула в ладоши и подпрыгнула на месте. — Тогда я позвоню ему и скажу, что мы будем готовы к восьми.

Пока Лорен звонила, я решила заняться своим педикюром. Просто чтобы чем-то занять руки, ну и быть красивой. Я не могла избавиться от внутреннего беспокойства, которое ни на секунду не оставляло меня.

— Грейс, Пол спрашивает, за нами надо заезжать, или мы встретимся в ресторане? — опустив трубку, спросила Лорен. — Другими словами — ты будешь звонить Маркусу?

Я задумалась, как поступить. По идеи, я должна была позвонить телохранителю и сообщить ему о том, куда собираюсь. Но всякий раз, когда я видела Маркуса, я помимо воли вспоминала о его хозяине и я не хотела себе лишнего повода думать об Адаме.

За последние сутки я и так не могла избавиться от мыслей о нем.

— Пусть заезжает, я не стану вызывать Маркуса.

Многие мои друзья и знакомые были заинтересованы, когда видели Маркуса и удивлялись наличию личного водителя у меня (только Эмми и Лорен я рассказала, что Маркус так же выполняет функцию моего личного охранника), и мне приходилось каждый раз отделяться невразумительными ответами по этому поводу.

Маркус был такой себе проблемой для меня, но в тоже время, его присутствие позволяло мне чувствовать себя в безопасности. Я не думала, что кому-то есть дело до меня, особенно человеку, который преследовал Адама, но все же, когда рядом такой защитник, как Маркус, это успокаивает.

К восьми мы с Лорен были готовы и спустились вниз, к ожидающему нас Полу.

Полу было двадцать шесть, и четыре года назад он так же закончил Северо-Западный Университет. Теперь он работал в одной крупной международной корпорации в Индианаполисе заместителем финансового директора и периодически приезжал в Чикаго, чтобы навестить свою родню и провести время со своей любимой кузиной.

Я всегда приятно поражалась отношениям Пола и Лорен, потому что они у них были ближе, чем у некоторых родных братьев и сестер.

— Грейс, а ты уже знаешь, где будешь работать после выпуска? — спросил у меня Пол после того, как мы выпили за новую должность Лорен и съели закуску в ресторане «Алинеа».

— Еще нет, но я жду ответ из нескольких мест.

Я улыбнулась, покачав головой. На самом деле, я только чуть больше месяца назад стала рассылать свое резюме, потому что ранее мне было не до того. И теперь я корила себя за это.

Я должна была более внимательно относиться к своей карьере. Мне нужна была хорошая работа, причем сразу же после выпуска, если я хотела достойное содержание своей бабушке. И к тому же, на мне висел студенческий кредит, который я буду выплачивать еще несколько лет.

Я даже не думала воспользоваться деньгами Адама. Не думаю, что когда-нибудь обналичу этот чек.

— В нашем PR-отделе есть вакансии. Если хочешь, я могу устроить тебе интервью, — предложил Пол, а Лорен радостно закивала.

— Грейс, это было бы отлично, правда?

— Да, но я рассчитывала найти что-нибудь в Чикаго. — Я виновато улыбнулась Полу. С моей стороны было бы глупостью отказаться от такого предложения, но я не хотела переезжать в другой штат из-за бабушки. — Не хочу оставлять бабушку.

Пол понимающе кивнул.

— Собеседование ни к чему тебя не обяжет. Ты можешь пройти его, и если ты подойдешь, то потом уже будешь решать, как поступить.

Я согласилась, что это было бы разумно, и поблагодарила парня за предложение.

Вечер в приятной компании помог мне на время вытеснить мысли об Адаме из головы, и когда мы с Лорен отошли в уборную, я не забыла сказать ей спасибо за то, что пригласила меня.

— На самом деле, ты нравишься Полу, — улыбнувшись мне в зеркале, призналась подруга. — Он спрашивал, нет ли у тебя парня, и я сказала, что нет. Надеюсь, ты не против?

Я улыбнулась и покачала головой.

— Нет, Лор. Пол хороший молодой человек, но... Сейчас это не то, что интересует меня.

Лорен кивнула с грустной улыбкой.

— Да, понимаю. Хотя жаль, Пол замечательный. Он не стал бы причинять тебе боль.

Я отвернулась, не зная, что на это ответить, а Лорен, вдруг смутившись, продолжила поправлять свой макияж. Слова подруги были недвусмысленным намеком на отношение Адама ко мне, и являлись чистой правдой, отчего сильнее укололи меня.

Я знала, что мои подруги осуждали Адама за его отношение ко мне. И хотя они никогда не говорили об этом, они не могли понять, как после всего — на самом деле, всего-то они и не знали — я продолжала страдать по нему.

Я и сама не могла понять своих чувств. Они были полностью иррациональными и не поддавались логике.

Мой телефон зазвонил и прежде чем вынуть его из сумки, на короткое мгновение мое дыхание перехватило при мысли, что это может быть он.

Нет, это не был Адам. Звонила Кимберли, с сообщением, которое разбило мне сердце.

Она сказала, что бабушка попала в больницу.

Моя жизнь в очередной раз разделилась на «до» и «после».

Вот у меня была бабушка, которая заменила мне родителей, вырастила меня и дала мне любовь, которую я никогда не знала от своего отца с матерью.

И вот ее не стало.

Не стало человека, который не давал мне почувствовать себя полностью одинокой в этом огромном мире. Человека, к которому я шла, когда хотела спрятаться ото всех и просто побыть маленькой и слабой. Той, кто всегда утешал меня, когда казалось, что жизнь дерьмовей некуда.

И ее больше не было.

Сегодня я стала полной сиротой.

Это не укладывалось в моей голове. Я смотрела на пустую больничную койку и не понимала, как так возможно, что еще час назад она лежала здесь и была жива, а теперь ее не стало. Шестьдесят долбанных минут, и ее больше нет.

Я даже не успела с ней попрощаться. Когда я приехала в больницу, врачи реанимировали ее, потому что ее сердце остановилось. И ничего не вышло. Ее уставшее, больное сердце больше не могло работать. Или не хотело.

Я не понимала, что случилось. Как это случилось?

Я разговаривала с ней сегодня утром. Ее голос звучал немного устало, но в общем как обычно. Я ни на секунду не могла представить, что этот день станет для нее последним. Что этот разговор станет для нас последним.

Если бы я только знала...

Тогда бы точно не стала переживать из-за такого пустяка, как звонок Адаму. Я бы не стала тратить время на мысли о нем. Я бы приехала к бабушке и не отпускала ее из своих рук до тех пор, пока она была жива.

Я бы просто не отпускала ее.

— Грейс, возьми, выпей это.

Я с трудом осознавала, что Лорен что-то говорит мне. Она всунула картонный стакан с кофе мне в руку, и я сжала пальцы, но не прикоснулась к нему.

Реальность вокруг казалась какой-то размытой, ненастоящей. Будто я в страшном сне и никак не могу проснуться. Отрешившись от всего, я сидела на полу в углу палаты, уставившись в одну точку на больничной койке. Будто если я буду долго смотреть, то бабушка непременно окажется там, а ее смерть — глупой ошибкой.

Но сколько бы я не смотрела, ничего не менялось. Койка все так же была пуста, и только смятые простыни указывали на то, что еще недавно на них кто-то лежал. А моя бабушка по-прежнему была мертва.

Моя бабушка умерла.

Я словно впала в транс, застыла снаружи. Сидела, не шелохнувшись и даже слез не было. Я знала, что это затишье перед тем, как меня накроет.

— Что ты здесь делаешь?

— Как она?

— А ты как думаешь?

Я вовсе не ожидала услышать его голос, точно не сейчас. Это было первое за долгое время, на что я отреагировала. Я наконец-то отвела взгляд от койки и встретила с глазами Адама, которые с тревогой буквально впивались в меня. Лорен преграждала ему путь ко мне, но он и не пытался приблизиться.

Он просто стоял посреди палаты и... смотрел на меня так, словно боль, которая сжирала меня, каким-то образом передалась и ему. И тогда я... заплакала. Всхлипнула и расплакалась в голос, выплескивая разом все, что удерживала внутри.

В тот момент, когда слезы выступили на моих глазах, Адам решительно обошел Лорен, которая не стала его удерживать и, опустившись передо мной, подхватил меня на руки. Ничего не говоря, крепко прижимая мое вздрагивающее тело к себе, он вынес меня из палаты и понес по коридору.

Скоро его рубашка стала мокрой от моих слез, но никто из нас не заметил этого.

Мои руки обхватили его шею и моя голова лежала на его груди, потому что в этот момент он был единственным из живущих, кого я хотела видеть.

Он был моим спасательным кругом. После всего, через что он провел нас, именно он не давал мне утонуть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я открыла глаза и несколько секунд вспоминала, как оказалась в постели Адама.

Слишком скоро образы больницы, палаты, пустой койки услужливо всплывали в голове. Это не был сон, и бабушка на самом деле умерла.

Жестокая реальность в том, что я потеряла ее.

Мое сердце болезненно сжалось и на секунду дыхание перехватило. Я моргнула, отодвигая безудержное желание вновь расплакаться в дальний уголок сознания.

Адам был в комнате, и я не хотела в очередной раз выплескивать свое горе перед ним.

Он стоял лицом к окну, спрятав руки в карманы брюк. Рукава его белой рубашки были закатаны до локтей, а обычно тщательно уложенные волосы казались спутанными. Я предположила, что он вовсе не ложился этой ночью.

Неужели всю ночь провел здесь, пока я спала?

Как то мало вяжется с тем образом Адама, который я запомнила.

Я пошевелилась и чуть приподнялась на постели, привлекая внимание Адама. Он обернулся, и с секунду посмотрев на меня, словно оценивая мое состояние, не спеша подошел к кровати. Приглушенный свет ночника оставлял его лицо в полутени, но мне показалось, что его черты заострились от усталости.

Похоже, и правда, не спал всю ночь.

— Как ты себя чувствуешь?

Мне не привычно было слышать мягкие, теплые нотки в его голосе. Его глаза с тревогой осматривали мое лицо, будто он выискивал признаки готовой разразиться истерики. Несколько часов ранее я и правда потеряла контроль над эмоциями и, не стесняясь, выплеснула все горе, которое сдавливало меня изнутри. Адам был очень терпелив, и он позволил мне проплакать на его груди до тех пор, пока я не обессилила и в итоге просто отключилась.

— Нормально.

Мой голос звучал не уверенно, будто я не отвечала, а спрашивала. Я подтянула колени к груди и обхватила их руками. Наши глаза всматривались друг в друга, и никто не решался отвести взгляд.

— Еще слишком рано, ты можешь еще поспать, — чуть севшим голосом, наконец, произнес Адам, когда молчание стало слишком долгим.

Я покачала головой.

— Не смогу больше. Наверное, мне нужно вернуться в больницу. — Я потеряла

припухшие от слез глаза. — Не знаю, уладить все вопросы с документами и начать заниматься похоронами.

Меня бросало в дрожь от одной мысли, что придется заниматься этими вопросами. Я знала, что рано или поздно придет тот час, когда я должна буду похоронить бабушку, и вот теперь я оказалась не готова к этому.

— Об этом не беспокойся. Я уже связался с похоронным бюро, они все сделают. — Адам сделал небольшую паузу, видя мой удивленный взгляд. — Если ты, конечно, не против. — Спасибо, — тихо поблагодарила я, на что он только кивнул.

Я не находила в себе сил выяснять сейчас, почему он делал все это. Похороны моей бабушки не были его проблемой. Мои проблемы не должны были его волновать, но тем ни менее, он решил оказать мне помощь. Я не знала причины этому, но не собиралась выяснять их в данный момент.

Я просто была благодарна ему, что теперь не буду одна разбираться с этим.

— О Господи! — Только теперь я вспомнила, что так и не позвонила тете Шерон. Не знаю, звонили ли ей из больницы, но если нет, мне придется сообщить ей новость о смерти ее матери.

— Что?

Я объяснила на удивленное лицо Адама, что до сих пор не позвонила своей тетке. Я была указана как человек, которому следовало звонить в случае, если с бабушкой что-то случится, поэтому я предполагала, что тетя Шерон до сих пор в неведении.

— Сейчас пять утра, ты еще успеешь обрушить на нее эту новость, — взвешенно произнес Адам. — Давай сейчас ты примешь душ, а я пока сварю тебе кофе. Потом я отвезу тебя в больницу.

Чуть подумав, я согласилась на предложение. Лучшего плана у меня все равно не было.

Все время, пока я была у Адама, мы не разговаривали с ним о нас. Мы вообще мало говорили, обмениваясь только односложными фразами по необходимости. В данный момент я не могла думать ни о чем, кроме того, что потеряла ба.

Следующие несколько дней прошли для меня как в тумане. Между подготовкой и урегулированием всех требующихся дел, связанных с похоронами, были периоды, когда я выпадала из реальности и по несколько часов просто смотрела в пространство, не чувствуя хода времени. В университете как раз начались весенние каникулы, хотя я в последнюю очередь думала об учебе. Я не выходила из дома бабули, если в этом не было необходимости. Сидела в ее комнате, где все было пропитано ее присутствием, и следы ее недавнего пребывания напоминали о том, что совсем недавно хозяйка спальни была здесь.

В особенно трудные моменты мне казалось, что я слышу тихие, чуть шаркающие шаги в коридоре и что вот-вот откроется дверь и ба войдет в комнату, заявив, что устала и хочет отдохнуть.

Эмми и Лорен были рядом со мной и я была бесконечно благодарна своим подругам за то, что не оставляли меня в такой сложный для меня период. Только благодаря их заботе я вспоминала, что мой организм нуждается в пище. Девчонки по очереди приносили мне еду в комнату, буквально заставляя меня съесть хоть немного. И чтобы не расстраивать их, я преодолевала себя и ела.

Я знала, что Адам занимается организационными вопросами. От тети Шерон было мало пользы, потому что она глубоко ушла в свою депрессию, и всякий наш разговор сводился к тому, что она начинала плакать. Мой способ справиться с горем заключался в том, что я

часами молчала. Я пыталась взять себя в руки и быть сильной, потому что кроме меня в этой семье больше никому было. Я оставила сообщение на старый номер отца, но он не связывался со мной, и я не знала, получил ли он его или нет.

Через три дня, как бабушки не стало, мы похоронили ее. После красивой, душевной службы в церкви, в которой она и дедушка поженились почти шестьдесят лет назад, бабуля нашла свой последний приют на кладбище рядом с могилой своего мужа.

Пока священник читал речь, тетя Шерон непрерывно плакала в свой платок, и мне приходилось поддерживать ее, потому что я серьезно опасалась, как бы она не упала. Не знаю, как мне самой удавалось держаться. Когда гроб опустили в могилу, я буквально почувствовала, как кусочек моего сердца отделился и последовал вслед за ба.

Когда все было кончено, мы все перебрались в дом бабушки, куда люди, которые ее знали и уважали, пришли ее помянуть. До болезни бабуля была очень активным человеком и принимала живое участие в жизни местного прихода, поэтому желающих проводить ее в последний путь оказалось много.

— Грейс, что ты делаешь?

Лорен вошла в кухню, когда я рассортировывала принесенную еду и убирала ее в холодильник. Люди несколько дней несли всякие запеканки, салаты и окорока и я просто не знала, что со всем этим делать.

— Надо разобраться с едой, иначе пропадет, — пробормотала я, пряча свои покрасневшие глаза от подруги. Меня не так волновала проблема со всей этой едой, как просто желала чем-то занять руки. — Ее так много. Почему люди думают, что если в доме кто-то умирает, непременно нужно принести с собой еду. Почему никто не задумается, сколько проблем это создает? — Я взмахнула руками, ощутив раздражение, потому что места в холодильнике почти не осталось, а блюд на столе еще хватало.

— Оставь это. — Лорен подошла ко мне и мягко забрала из моих рук контейнер с очередным картофельным салатом. — Я найду, куда пристроить эту еду. Есть несколько вечно голодных студентов-спортсменов, которые будут рады ей, хорошо?

Лорен успокаивающе улыбнулась мне, а я вдруг почувствовала себя глупо. Нашла из-за чего нервничать!

— Хорошо, — ответила я вялой улыбкой.

— Ты лучше пойди и отдохни. Люди почти разошлись, мы с Эм справимся.

Поблагодарив Лорен, я поднялась в свою комнату и первым делом сняла черное платье, которое мечтала стянуть с тех пор, как надела утром. Переодевшись в домашние треники и свободную футболку, я легла поверх покрывала, но вместо того, чтобы попытаться заснуть, стала разглядывать потолок.

Мой отец-неудачник так и не появился на похоронах своей матери. Я чувствовала такую огромную злость на него, что сомневалась, чтобы когда-нибудь смогла простить ему это.

Я столько раз жертвовала чем-то ради отца. Каждый раз, когда он попадал в очередной переплет, я приходила ему на помощь, если он просил меня о ней, а он почти всегда просил. И как бы он не разочаровывал меня, я никогда не отказывала. Но это стало последней каплей.

Я больше не собиралась жертвовать ничем ради Патрика Колдвела.

Странно, но приняв такое решение, я ничего не почувствовала. Разве только облегчение. Будто балласт с души упал. Наверное, в подсознании я уже давно сбросила отца со счетов.

Я просто больше не хотела видеть этого человека в своей жизни.

Прошло несколько часов, а я так и не смогла заснуть. Я без конца думала о двух вещах: о том, что потеряла бабушку и Адаме.

Не знаю, каким надо быть человеком, чтобы в такой момент думать о мужчине. И не просто мужчине, а том, кто миллион раз причинял мне боль, к тому же намеренно. Но правда была в том, что я не могла выкинуть его из головы. Я не могла перестать думать о нем, чувствовать к нему сотню самых разных эмоций. Будь то злость на него, негодование, обида, страсть, вожделение — все были по-своему очень сильными и яркими.

Я не могла не признать, что если бы не помощь Адама, в эти дни мне бы пришлось намного хуже. Он взял на себя все вопросы по организации, оставив мне возможность переживать свое горе.

Но мы так и не поговорили. И теперь, меня буквально распирало желание, чтобы этот разговор состоялся.

За окнами уже практически стемнело, когда я спустилась вниз и огорошила Лорен просьбой одолжить мне машину. Они с Эмми как раз сидели в гостиной, негромко разговаривая за чашкой чая.

Мне пришлось убеждать подруг, что я контролирую себя, и я не помутилась рассудком, собравшись к Адаму. Обе пытались меня отговорить, но в итоге Лорен ничего не оставалось, как уступить и дать мне ключи.

По моим венам несся адреналин, и пока запал и решительность не прошли, я торопилась добраться до квартиры Адама, превышая лимит скорости. Если Лорен придет квитанция об оплате штрафа, мне придется как-то это объяснить.

Лавируя по улицам города, я про себя молилась, чтобы Адам был дома. Я могла позвонить ему, но мне требовался эффект неожиданности. Идея застать его врасплох казалась мне привлекательной.

Последний раз Адама я видела в церкви. Он держался на расстоянии, а потом пропал из виду. Я даже не знаю, был ли он на кладбище, так как тогда меня больше интересовало то, что тетя Шерон едва не теряет сознание на моих руках, в то время как гроб с телом моей бабушки опускают в землю.

Скорее всего, это был не самый удачный день для выяснения отношений, но я знала, что больше не могу ждать. Я должна узнать правду. Должна хоть что-то узнать, в конце концов!

Я устала так жить, в постоянном неведении, сомнениях, недосказанности. Я не верила ему. Когда он оставил ту записку, что отпускает меня, я не поверила ему.

Это не входило в его планы, уж во всяком случае, не в первоначальные. В один день он держал меня в подвале, прикованной цепью, а уже завтра отпустил без всяких пояснений. Это не вязалось с тем Адамом, каким я узнала его.

Черт возьми, я просто хотела услышать от него объяснения!

Я остановила машину перед зданием, в котором жил Адам и, торопясь, помчалась к главному входу под возмущенные возгласы швейцара. Он узнал меня и не стал задерживать, но парковаться перед домом было запрещено, о чем он и доложил мне, крича вслед.

Оказавшись в лифте, я привалилась к задней стенке кабины, сжав свои ладони с такой силой, что ногти больно впились в кожу.

Я, правда, собиралась это сделать? Выяснять отношения с парнем, который шантажом заставил меня стать его сексуальной игрушкой? Парнем, который изнасиловал меня, когда узнал о моей измене, а потом все выходные держал в заложницах на цепи?

Я знала, что у Адама есть проблемы с психикой. У него были серьезные проблемы, и я

даже не догадывалась, что же должно было случиться в его прошлом, что сделало его таким. Но после всего, что я узнала; после того, как он показал мне, каким может быть, я больше не боялась его. Осознавать это было странно, но я не хотела обманывать себя.

Я просто хотела посмотреть, что после всего между нами может получиться.

Я должна была попробовать, потому что он был тем, в ком я нуждалась сейчас.

Дверь мне открыл Найджел, и как обычно, своим почтенным, невозмутимым видом вмиг сбавил мой решительный настрой. Не знаю, отчего, но я тушевалась перед этим мужчиной как школьница. А учитывая, что на мне были домашние спортивные и футболка, уверенности мне это не придало.

Дворецкий сообщил мне, что мистера Эллингтона на данный момент нет, но я могу войти и подождать его. Если, конечно, желаю этого.

Спасибо, что не прогнал.

Найджел проводил меня в гостиную, произнес полагающиеся слова соболезнования и после того, как я отказалась от напитков, удалился.

Я бросила взгляд на часы, висящие на стене, и нахмурилась, гадая, где в данный момент может быть Адам. Сейчас было почти восемь вечера, и я не имела представления, сколько мне придется прождать его.

Моя уверенность в правильности прихода сюда гасла с каждой секундой.

Что, если он сейчас с девушкой? Хорошо проводит время, совершенно не думая обо мне, а я тут дожидаюсь его, как полная идиотка.

Запустив руки в волосы, я с шумом выдохнула и принялась расхаживать по комнате, потому что сидеть спокойно на одном месте не представлялось возможным.

Сама мысль, что он может быть еще с кем-то, вгоняла меня в депрессию. Да, он дал мне понять, что я больше не нужна ему и мы ничего друг другу не должны, но...

Но проблема была в том, что я не могла избавиться от собственнических чувств по отношению к этому мужчине и ревность разъедала меня.

А потом, среди мыслей о том, что он возможно именно сейчас с какой-нибудь красоткой и моей дикой ревностью, меня пронзило острое чувство вины и стыда, потому что такие вещи, которые меркли на фоне смерти бабушки, все же волновали меня в день ее похорон.

И когда я уже готова была уйти, даже убежать из дома Адама, он вернулся.

Я замерла в гостиной, прислушиваясь к тому, как переговаривались Найджел и Адам. Дворецкий сообщил своему хозяину о том, что я здесь, а потом спросил, понадобится ли он еще сегодня. Адам ответил, что тот может быть свободен.

Мое сердце заколотилось как сумасшедшее, когда послышались приближающиеся шаги Эллингтона. Он остановился в широком проеме комнаты и прямо посмотрел в мои глаза, но двигаться дальше не стал.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы мое решение завести серьезный разговор сегодня пропал. Потому что выглядел Адам очень измотанным и помятым. Пиджак от костюма, в котором он был на похоронах, был перекинут через руку, некогда идеально выглаженная рубашка помялась, а галстука и след простыл. Его волосы выглядели так, словно их кто-то долго трепал, а в довершение всего, свежие царапины от ногтей пересекали его левую щеку.

Он был мало похож на человека, который недавно предавался любовным утехам. Хотя, это был Адам, так что вполне возможно.

— Что случилось?

Я подошла ближе к нему, но не достаточно, как мне бы того хотелось. Между нами все эти дни сохранялась осязаемая дистанция, за исключением того раза, когда он вынес меня из больничной палаты.

— У матери был трудный день, — сухо ответил мужчина, все так же прямо смотря в мои глаза. — Ерунда.

— Не ерунда. — Я отбросила неловкость, которая в данный момент мешала и подошла к нему, осмотрев царапины. — Это надо чем-нибудь отработать, чтобы не воспалилось.

Я поморщилась, потому что вблизи следы оказались глубже, чем я предполагала. Наверное, это больно. Во всяком случае, по меньшей мере, неприятно.

— Ты не против, если я сначала приму душ? — Адам потер переносицу, как если бы его голова раскалывалась от боли. — Потом сможем поговорить.

— Да, конечно.

Я кивнула, невольно испытывая сочувствие к нему. Видимо, его день был не менее трудным, чем мой.

Довольно быстро Адам принял душ, и мне не пришлось долго ожидать его. Когда он вышел из ванной с одним только полотенцем вокруг бедер, я старалась не пялиться на него, хотя это и стоило мне огромных усилий.

Я скучала по нему. Даже после всего плохого и отвратительного, что он делал со мной, я скучала по нему и чувствовала зияющую пустоту внутри от того, что его больше не было в моей жизни.

Мне не хватало этого человека: его голоса, его прикосновений, его запаха. Смеха, который звучал не так часто; взгляда, который скручивал мои внутренности в узел от трепетного волнения и предвкушения, повышая мою температуру до опасной отметки.

Видит Бог, я сделала многое, чтобы забыть о нем и двигаться дальше. И у меня неплохо это получалось, но в итоге, этого оказалось недостаточно.

Маленький росток, который он посадил в моей душе, слишком быстро пустил крепкие корни, и как не режь, они не исчезнут.

— Я возьму антисептик, — пробормотала я, обходя Адама и скрываясь за дверью ванной. Мне нужна была минутка, чтобы привести свои разгулявшиеся мысли и чувства в порядок.

Мои щеки порозовели, когда я взглянула на свое отражение в зеркале. Я приложила ладони к лицу и глубоко вдохнула, приказывая себе не терять самоконтроль.

В конце концов, я не собиралась отдавать ему свое сердце на блюдечке с голубой каемкой. За это я еще поборюсь.

За зеркалом в ванной располагался шкафчик для разной гигиенической мелочи и аптечки, куда я и забралась в поисках антисептика. Но обнаружила кое-что более волнующее, то, чего никак увидеть не ожидала. Флакон с антидепрессантами «Лексапро» сразу бросился мне в глаза. В мои предыдущие визиты его совершенно точно не было здесь.

Когда Адам стал принимать антидепрессанты? Меня очень интересовал, а так же беспокоил этот вопрос, и я решила, что непременно его об этом спрошу.

Схватив антисептик и ватный диск, я поспешила вернуться в комнату. Адам уже переоделся в коричневые слаксы и белую футболку с треугольным вырезом, отчего я даже испытала разочарование.

Впрочем, так мне будет легче бороться с желанием прикоснуться к нему.

— Как это случилось? — тихо спросила я, смочив диск, и осторожными движениями принялась промакивать ранки. Чтобы мне было удобней, Адам сел на кровать и чуть наклонил голову, подставляя раненую щеку. Он терпел процесс обработки, хотя периодически морщился. Приятного здесь было мало.

— Ты, правда, хочешь узнать? — с неким оттенком недоверия спросил мужчина.

Я кивнула.

— Да, хочу.

— В церкви мне позвонили из больницы, — негромко начал Адам, поморщившись, когда антисептик попал на самую глубокую царапину. — Мать буйствовала и требовала меня. Персонал знает, что в таких случаях необходимо звонить мне и сообщать. Я отправился к ней, пытался успокоить, но она впала в настоящую ярость и в итоге набросилась на меня, успев расцарапать лицо. В итоге санитарам пришлось скрутить ее и вколоть седативное.

От меня не укрылось, что его голос чуть дрогнул на последнем предложении. Как должно быть, трудно было Адаму все эти годы видеть безумствующую мать.

И еще я не могла не удивиться, что он захотел рассказать мне правду, а не отделался привычным «это не твоё дело».

— Мне жаль, Адам, — тихо сказала я.

Я сочувствовала ему и его матери и не пыталась это скрыть.

— Ты не должна.

Он покачал головой и, поднявшись, прошелся по комнате. Я видела, как что-то гложет его, и дело было не только в проблемах с матерью.

— Я знаю. Но я так чувствую.

Я развела руками с вымученной улыбкой, давая понять, что поздно бороться с тем, что уже захватило меня с головой.

— Грейс, как ты можешь... — Он запнулся, в полной растерянности глядя на меня. — После всего, как ты можешь оставаться такой?

Он, правда, не понимал, и я видела, насколько он сбит с толку от того, что я не ненавижу его и не пытаюсь убить его за то, что он сделал в недалеком прошлом.

Но что я могла ответить ему, когда и сама не находила ответ на этот вопрос. В чем причина, почему я не испытываю злости на него, почему не ненавижу?

Хотя нет, я все же злилась, но на то, что он оставил меня и ушел без объяснений. Да, это была главная причина, которая вызывала во мне злость и негодование.

Потому что после тех отношений, которые сложились между нами, я заслуживала хотя бы вразумительных объяснений.

И не находя нужных слов, которые объяснили бы мои чувства, я смотрела на его вопрошающее лицо и видела в нем... всё. Все, что я хотела, и все, в чем нуждалась.

Было бы мне легче, если бы я никогда не встретила Адама Эллингтона? Безусловно.

Хотела бы я никогда его не встречать?

Нет, больше нет. Потому что все, что связано с ним было дорого мне. Нет, не ради того, когда он намеренно мучал меня и делал больно, а ради того хорошего, что было между нами.

Его способность делать мою жизнь ярче, а чувства острее; придавать каждому дню некий новый, глубокий смысл.

Теперь, когда я потеряла бабушку, единственную, кто когда-либо любил меня своей чистой, искренней любовью, моя потребность в Адаме только усилилась.

Его светло-серые глаза, которые раньше казались мне двумя кусочками льда, теперь же были глазами самого важного человека в моей жизни. В них я видела свою душу; себя такой, как видел меня он.

Если прежде я сомневалась, что мне нужны отношения с этим безумно сложным, часто неустойчивым, взрывным мужчиной, то теперь больше нет.

Я знала, что нужны. Потому что по другому я уже не смогу. Быть с кем-то «нормальным» кажется для меня невозможным.

Это больше не то, чего я хотела, и что бы могло меня устроить.

Была ли это любовь? Или что-то близкое, я не знаю. Я не пыталась дать определение своим чувствам. Но мое сердце больно сжималось при виде его терзаний, и все внутри сладко, томительно ныло от его близости. Никто прежде не вызвал во мне такой реакции, и я знала, что не смогу отказаться от этого.

— Ты спрашиваешь меня, как я могу испытывать к тебе что-то хорошее после того, как ты так старался, чтобы я возненавидела тебя?

Я сделала шаг ближе к нему. Мои слова звучали жестко, и я смотрела прямо в его глаза, в которых мелькнула уязвимость, так не свойственная этому мужчине, когда я заговорила.

— Я разочарую тебя, но у меня нет ответа на этот вопрос. Мы не выбираем, к кому и что нам чувствовать. Чувства, не важно, хорошие или плохие, они либо есть, либо нет. — Я пожала плечами, горько усмехнувшись. — Ты думаешь, я не пыталась пресечь в себе это? Думаешь, не ругала себя за то, что после всей боли, которую вытерпела по твоей вине, я не находила в себе отвращения к тебе?

Я прижала руки к груди, потому что сейчас буквально обнажала душу перед ним и мои внутренние силы были очень ограничены. Адам внимательно слушал меня, и его взгляд, устремленный на меня, был пропитан самыми разными эмоциями.

Сожаление, раскаянье, горечь, восхищение, нежность и теплота.

Я не была уверена, нужно ли ему мое признание, но я видела, насколько он был безразличен к тому, что я говорила.

— Знаешь, что было самым худшим из того, что ты сделал? — Я махнула рукой, не в силах оставаться спокойной в один из самых волнительных моментов своей жизни. — Не то, как ты обращался со мной, словно я была вещью, созданная для твоего удовлетворения. И не то, что ты запер меня в том подвале, посадив на цепь, как какое-нибудь животное. — Я перевела дыхание, потому что мне отчаянно не хватало слов описать все, что скопилось в моей душе. — Это было ужасно, и это почти сломало меня. Но на проверку оказалось, что худшее, что ты мог сделать — это оставить меня, даже ничего не объяснив.

Я еще ближе подступила к Адаму, сохранявшему полное молчание.

— Я не заслужила слов на прощание? Почему ты не смог сказать мне глядя в глаза, что я больше не нужна тебе? Что это, слабость? Трусость? Безразличие? Я, правда, хочу понять, Адам. Ты можешь ответить мне?

Я замолчала, ожидая его реакции. Долгое время он ничего не говорил, и на его лице отражались все чувства, сменяющие друг друга. Я готова была поспорить, что внутри него шла нешуточная борьба с самим собой.

— Потому что если бы ты стояла передо мной в тот момент, я бы не смог тебе отпустить, — наконец, едва слышно произнес он. — Если бы я еще хоть раз взглянул на тебя, эгоист во мне победил бы, и я бы сделал так, как было лучше для меня, но не для тебя. — Его голос повысился, и его руки сжались в кулаки, выдавая степень его волнения с головой. —

Разве ты не понимаешь этого? — Он цинично усмехнулся, покачав головой. — Я едва не уничтожил тебя! В своей слепой ярости и одержимости почти разрушил тебя!

Думал, что это то, чего я хочу. Моя потребность причинить тебе боль толкала меня на поступки, которые в итоге оборачивались против меня.

Грейс, я долгие годы был заносчивым эгоистом, которого волновали только собственные желания! — Он не кичился этим, и это не были слова, с наглостью брошенные мне в лицо. Он просто озвучивал факт, не больше, не меньше. — Я плевал на чувства женщин, которые были в моей жизни. А их было много. Их лица и имена стирались из моей памяти быстрее, чем солнце меняло свое положение на небе.

Заметно нервничая, Адам прошел к большому комоду из черного полированного дерева и, открыв верхний ящик, что-то достал оттуда.

— Посмотри на это и скажи, что все еще не ненавидишь меня.

Он протянул мне несколько больших фотографий: его рука дрожала при этом.

— Скажи, что это менее отвратительней того, чем когда я оставил тебя.

Я поднесла глаза к фото, рассматривая их. Горло сдавил спазм, и меня замутило от изображения на них. Фотографии были сделаны Адамом в подвале — на них я, прикованная к стене и обнаженная, потухшим, безжизненным взглядом смотрела в кадр. Следы от его рук отчетливо виднелись на моей коже, безошибочно указывая на характер их появления.

Пока я смотрела, Адам напряженно наблюдал за мной.

Мне до сих пор было тяжело вспоминать о тех выходных, проведенных в подвале уединенного дома, но оказалось, что увидеть со стороны то, какой он сделал меня, оказалось еще сложнее.

— Оставить тебя было лучшее, что я мог сделать для тебя, — поникшим голосом пробормотал он, когда я не проронила ни звука.

— Ты ошибаешься. — Я наконец-то смогла обрести голос и подняла взгляд на него. — Ошибаешься, Адам.

И с этими словами я разорвала фотографии, под откровенное недоумение Адама.

Мне удалось пошатнуть его непоколебимость, удалось снять маску неприступности, которую он носил слишком долго. И это в некоторой степени приносило мне удовлетворение. Он столько раз удивлял меня, теперь пришла моя очередь.

Никто из нас не ожидал, что после всех встрясок между нами у нас что-нибудь получится хорошее. Я и теперь не была в этом уверена. Знала, что нам с Адамом предстоит еще долгий и трудный путь. Но единственное, в чем я была убеждена наверняка, это то, что в итоге я получу больше. Мы получим намного больше, если сейчас приложим усилия.

За это стоило бороться.

— То, как у нас началось, неправильно. — Улыбнувшись краешком губ, сказала я. — И я знаю, что цели, которые ты преследовал, были во многом ужасны. Но... не говори мне, что то, что было между нами, было не настоящим. Потому что я не поверю.

Я видела, как блестели глаза Адама, когда он смотрел на меня так, словно до этого прежде не видел. Его взгляд был испуганным, недоверчивым и настороженным. Он не привык к доверию, и он сам не верил в то, что я говорю все это искренне.

— Кто ты? — охрипшим голосом выдохнул он, обхватив мое лицо ладонями и прижавшись своим лбом к моему лбу. — Потому что я не знаю тебя. Думал, что знаю, но нет.

Его глаза выдавали полную растерянность. Странно было видеть сильного и

могущественного Адама Эллингтона таким. Как, оказалось, были вещи, которые он не мог контролировать.

Например, меня.

Я ничего не ответила, только улыбнулась. Было еще столько нерешенных вопросов и столько недоговоренностей, но на сегодня я чувствовала полную выжатость и не хотела больше выяснять отношения.

Я нуждалась в его сильном, теплом теле рядом; в его объятьях. Хотела прижаться к нему и тихо наслаждаться только ему присущим, неповторимым запахом.

Не смотря на то, что мы не были вместе два месяца, и мое тело так же соскучилось по нему, секс в данном случае был не важен.

Близость намного сильнее, глубже установилась между нами, и я хотела полностью прочувствовать это состояние.

— Грейс, я боюсь, что из этого ничего не выйдет, — осторожно поглаживая меня по волосам, признался Адам. — Ты знаешь, какой я, ты видела, каким я могу быть. — Он чуть отстранил меня, чтобы посмотреть в мои глаза. — Я бы хотел тебе сказать, что изменюсь и стану другим человеком, но это была бы ложь. У меня есть проблемы и суть в том, что я не знаю, как их решить. Не уверен, что когда-нибудь смогу справиться с этим.

— Ты про антидепрессанты? — Я чуть приподняла брови, посмотрев на него так, чтобы он понял, что это не пугает меня. — Я видела таблетки. Давно ты принимаешь их?

— С тех пор, как стал пациентом доктора Берка. Он специалист по расстройству психики и нервных расстройств. — Адам отвел глаза, очевидно испытывая смущение, признаваясь в своей проблеме. Я могла только представить, каково такому человеку, как он было рассказать о своих слабостях. — Мне предстоит продолжительное лечение, если я хочу изменений в своей жизни. Доктор Берк говорит, что у меня есть все шансы, но только если я сам приму то, что мне необходимо лечение.

Рассказывая, Адам переместил нас на кровать, и теперь я сидела у него на коленях, обнимая его за шею и внимательно слушая.

— Разве ты не должна с криками и воплями убегать после этого? — невесело усмехнулся Адам, заправив прядь моих волос мне за ухо.

Я едва качнула головой.

— До этого не убежала ведь. Но почему ты решил сейчас начать лечение?

— Грейс, я пятнадцать лет смотрел на свою мать и видел, как с каждым годом ее безумие становится глубже, полностью поглощая человека, которого я знал когда-то, и которого больше не было в этой женщине с дикими глазами. — Его голос надломился, но он продолжил рассказывать: — Ты должна понять, что мама была человеком, близким и важным для меня. С отцом у нас так же были хорошие отношения, но всегда кто-то из родителей имеет с тобой особую связь. У нас с матерью она была. Мне казалось, что я знал ее, а потом она помешалась, утратила рассудок, и я не знал больше, во что верить.

Адам глубоко вздохнул, переводя дыхание. Теперь пришла его очередь обнажить душу, и я боялась вздохнуть, чтобы не спугнуть его и не упустить этот момент.

— Я с ужасом смотрел на нее и боялся, что однажды стану таким же, — глядя куда-то в пространство, медленно произнес он. — Что в один миг перестану быть собой. Я уверен, что это есть в моих генах, ты могла в этом убедиться.

Он серьезно посмотрел на меня, и я прикусила губу. Я не могла спорить с этим, потому что он был прав.

— Но за все эти годы я так и не прошел обследование, просто смалодушничал. Думал, если закрывать глаза на проблему, она исчезнет. Забивал свою жизнь работой и многочисленными связями с женщинами, чтобы не было времени остановиться и признать, что моя проблема серьезна и без помощи не обойтись.

А потом появилась ты. Я был монстром, который достоин твоей ненависти и отвращения. Да, я делал ужасные вещи с тобой, но знаешь, что самое паршивое?

Он посмотрел на меня, и я молча покачала головой.

— Я получал удовольствие от этого, — едва слышно выдохнул он, прикрыв веки. — Все зашло слишком далеко. Я чувствовал, что уже на пороге своего безумия, и когда увидел те фото, которые сам же и сделал... Понял, что могу больше не ждать момента, когда мой рассудок помутится как и у матери. Потому что это уже случилось.

Пока Адам говорил, а точнее исповедовался, я перестала дышать, впитывая каждое его слово.

Как же я ошиблась, когда решила, что ему все равно! Ошиблась, когда подумала, что он оставил меня, чтобы дальше развлекаться и получать удовольствие с другими женщинами, которые еще не наскучили ему.

Теперь я видела, насколько он мучился и был несчастен не меньше, чем я. Возможно, наша разлука была для него тяжелей, чем для меня.

— Я хочу тебе помочь. — Я взяла руку Адама и крепко ее сжала в своей ладони. — Пожалуйста, позволь мне тебе помочь.

Именно в тот момент, когда эти слова слетели с моих губ, я кое-что поняла. Мы с Адамом были одиночками, которым отчаянно не хватало кого-то близкого рядом. Мы оба всю жизнь искали нужного нам человека: я того, кто смог бы восполнить любовь, которую никогда не чувствовала от родителей. Он того, с кем у него была бы такая же связь, которую он потерял, когда его мать помешалась. Даже если сам Адам не осознавал этого.

Я не искала определения чувству, которое щемило мое сердце, когда я смотрела на него. Потому что внезапно я поняла — это и была любовь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Люблю. Люблю. Люблю, — повторяла я в полголоса, стоя перед зеркалом. Я хотела прочувствовать это слово, еще такое непривычное, неуверенное. Хотела услышать, как оно будет звучать из моих уст. Произнеся его несколько раз вслух, я будто пробовала его на вкус, пытаюсь понять, нравится мне или нет.

Конечно же, делала я это все за запертой дверью ванной. Для уверенности, что Адам не застанет меня врасплох, постоянно поглядывала на дверь, которая хорошо просматривалась в зеркале.

Я еще не была готова к признанию в этом чувстве перед Адамом, да и думаю, он со своей стороны не готов был его услышать.

Да, теперь он знал, что у меня есть чувства к нему, как и я знала, что они взаимны. Но мы коснулись этой темы лишь вскользь. Все было еще настолько шатко, нестабильно. Никто из нас не хотел рисковать.

Мы и так сильно рисковали, просто решив попробовать построить отношения. Никто из нас даже представления не имел, что в итоге выйдет из этой затеи.

Пока же я была рада, что Адам решил дать нам шанс, а не прогнал меня, когда я пришла к нему. Я видела, насколько ему пришлось тяжело в эти недели нашей разлуки. В особенности из-за его походов к доктору Берку. В такой период он не должен был оставаться

один. Никто не должен. Я только надеялась, что у меня получится поддержать Адама в период курса лечения и при этом ничего не испортить.

Поправив в очередной раз волосы, и оглядев себя — на мне была футболка Адама, которую он дал мне в качестве пижамы — я решила, что пора выходить. И так довольно долго проторчала в ванной, обращаясь к своему отражению с признаниями в любви.

Со стороны то еще зрелище.

Вернувшись в комнату, я на секунду замерла в дверях, замаявшись. Адам сидел на постели, откинувшись на спинку кровати. В его руках была книга, а на лице очки для чтения, и вся эта картинка показалась мне такой умиротворенной, уютной. Мое сердце сжалось — в очередной раз по вине этого мужчины и комок подкатил к горлу.

Было столько причин не быть с Адамом, и в тоже время в два раза больше причин быть именно с ним, невзирая ни на что.

— Эй.

Он поднял голову, глядя на меня каким-то новым взглядом, который появился у него только недавно, но от которого тепло разливалось по моим венам.

— Эй.

Я улыбнулась и, подойдя к кровати, забралась под одеяло.

— Все в порядке?

Он уже третий раз за этот вечер задавал мне этот вопрос, и на удивление, меня это не раздражало. Он беспокоился о моем душевном самочувствии — хотя он был тем, кто в этом нуждался — и мне было приятно его участие.

— Да. — Я кивнула, чуть подумав. — Мне все еще грустно и все еще периодически хочется плакать, но я справлюсь.

— Ты сильная. — Адам положил ладонь на мою щеку и большим пальцем погладил теплую кожу. — Конечно, ты справишься.

Улыбнувшись, я опустила глаза и приподняла книгу в его руках.

— «Цветы для Эдгернона»? — Я вскинула брови, на что Адам только пожал плечами.

— Ну что тут скажешь, люблю фантастику.

Я покачала головой, радуясь тому, что узнала о нем еще один личный факт. В случае с Адамом всю информацию приходилось добывать по крупинкам, так как он был не слишком откровенным человеком.

Адам снял очки и отложил книгу, а я в ожидании закусил губу, не в силах отвести глаз от него.

Он был самым привлекательным мужчиной, когда-либо встречающимся на моем пути. Трудно поверить, что когда-то я считала, что он не в моем вкусе.

Но его внешняя привлекательность была далеко не решающим фактором в том, что я тянулась к нему. Даже его «ненормальность» притягивала меня, потому как она была неотъемлемой частью этого мужчины, а в нем для меня все было важным.

Когда Адам повернулся и вновь посмотрел на меня, я поняла, что больше не могу ждать. Просто не выдержу. Я порывисто поддалась вперед, едва не опрокинув и обхватив его за шею, принялась целовать.

Я отчетливо почувствовала, как ладони Адама легли на мою поясницу, привлекая к себе. Он встретил мой поцелуй, и если не был готов к такому напору, то быстро включился в процесс. Наши губы и языки мягко и одновременно горячо атаковали друг друга, побуждая перейти от поцелуев дальше, стать еще ближе.

И вдруг все закончилось. Застонав, Адам осторожно отстранил меня, переводя дыхание. Я откинула упавшие на лицо волосы, в полнейшей растерянности глядя на него.

— Что... что случилось? — запнувшись, удивилась я.

Мужчина прикрыл глаза и, поморщившись, покачал головой.

— Извини, Грейс, но нельзя. Я не буду заниматься с тобой сексом.

Я обескуражено заморгала, не зная, что и думать.

Адам отказывается от секса?

Это не просто странно, это дико.

— Почему? — спросила я, пытаюсь не показать, что уязвлена его заявлением.

— Это не потому, что я не хочу тебя, — улыбнувшись краешком губ, поспешил успокоить меня он, все правильно рассудив по моему лицу. — Это из-за лечения. Сейчас может быть опасен любой контакт между нами, тем более секс. Я боюсь, что могу сорваться. — Он отвел взгляд, понизив голос на последнем предложении. — Я еще не стабилен, и доктор Берк утверждает, что любые действия, которые порождают всплеск сильных эмоций, таких как страсть и сексуальное возбуждение могут спровоцировать приступ неконтролируемой агрессии, направленной как на себя, так и на того, кто окажется рядом.

Я слушала и понимала, что в словах Адама есть логика. Наверное, нам сейчас и правда, лучше воздержаться от подобных контактов. Но, Господи, как же я хотела его! И услышать, что мы не будем заниматься сексом в течение неопределенного времени по медицинским показателям, заставляло меня подумать о том, чтобы засунуть голову в ведро со льдом.

Если бы мы были в тупой комедии, а я была мужчиной, я бы уже высыпала гору льда в свои штаны.

— Поверь, для меня это еще трудней, чем для тебя, — страдальчески усмехнувшись, заверил меня Адам. — Потому что я сам готов связать себя лично, чтобы держать свои руки при себе и не наброситься на тебя. И дня не прошло в течение этих недель, когда бы я ни думал о тебе и не хотел тебя.

От его признания, произнесенного охрипшим голосом, по моему телу прошла сладкая, томительная дрожь. Желание вновь стало назревать во мне, сосредотачиваясь внизу и отдаваясь пульсацией, свидетельствующей о том, как сильно я возбудилась.

Сплотнув, невольно я вновь приблизилась к нему, но чтобы не поддаться искушению и не трогать его, сжала руками простыню под собой.

— Ты, правда, думал обо мне каждый день? — Мой голос прозвучал интимней, чем я рассчитывала. Я не хотела заводить Адама и не хотела возбудиться еще больше, но мои действия словно были неподконтрольны голосу разума, который, к моему стыду, едва слышался.

Адам медленно кивнул, и его глаза сверкнули, а взгляд переместился на мои губы, которые я как раз облизнула.

— Что же ты делал, чтобы справиться с этими... мыслями?

Я определенно ходила по лезвию ножа, но мои глаза то и дело опускались на его рот, который я так хотела поцеловать. В особенности его нижнюю губу, которая представлялась мне настоящим лакомством. Я хотела прикусить ее зубами, провести по ней языком, а после мягко, но с напором пососать.

Усилием воли я заставила себя отвести взгляд от его губ, потому что от представления того, что делаю с ними, мой и так расшалившийся пульс пошел вскачь, и мне стало по-

настоящему жарко.

— Я ничего не мог сделать с мыслями о тебе, — приглушенным голосом пробормотал Адам, очевидно, сам едва справляясь с собственным возбуждением.

Мы могли посоревноваться, чье дыхание громче и тяжелей.

— Стоя под душем, я мастурбировал, представляя, что ты находишься передо мной и смотришь на меня.

Дыхание вмиг покинуло мои легкие, когда признание сорвалось с его уст. Острое желание ударило по всем моим нервным окончаниям, и я отчетливо ощутила ноющую боль между ног, в сосредоточие женской сущности.

Я крепче схватила простынь, до боли в суставах. Если я сейчас прикоснусь к нему, то наставления и рекомендации доктора Берка полетят к чертям.

Мы точно были двумя мазохистами, если все еще сидели в миллиметре друг от друга, а не разбегались по разным комнатам, не запирали двери, чтобы не сорваться.

Как я могла думать связно и не о сексе с ним, когда до моих ноздрей отчетливо доходил его неповторимый запах, от которого у меня кружилась голова, и рот наполнялся слюной?

Как я могла не думать о том, как желаю, чтобы его крепкое тело накрыло меня, когда его тепло буквально окутывает меня, наполняет меня и заставляет мои мысли сосредоточиваться лишь на одном — том, как сильно, до сводящей боли хочу его в себе.

Нам опасно было находиться в одной комнате, если мы и правда, не собирались заниматься сексом. Да что там, находиться с Адамом было опасно даже в одной стране, на одном континенте. Опасно по многим причинам, и от этого он был еще желанней.

— Мы можем подождать, — жалко пробормотала я, переводя взгляд с его скулы, которую мысленно облизывала, на глаза. — Это не должно быть такой проблемой. Да и, наверное, временное воздержание пойдет нам обоим на пользу.

Я не верила, что говорю все это, потому что мои слова звучали до ужаса фальшиво. Мой взгляд при этом кричал об обратном.

Адам поддался вперед, сократив и так мизерное расстояние между нами и склонив голову к моей шее, шумно вдохнул. Его дыхание охладило мою кожу, но при этом повысило температуру в моей крови.

Я почувствовала, как мое и без того влажное белье еще больше намокло.

— Грейс, — сдавленным голосом тихо позвал меня Адам, медленно отстранившись.

Он посмотрел в мои глаза таким говорящим взглядом, что мне все стало понятно.

— Плохая была идея спать в одной постели. — Я вымучила жалкую улыбку, заставляя себя переместиться на самый край кровати.

Адам только кивнул, подтверждая мои слова.

Таким образом, я перебралась в комнату, которая когда-то была отведена для меня. Мы оба понимали, что долго не выдержит ни он, ни я. Но как бы ни велико было наше желание после долгой разлуки и изоляции друг от друга, было бы ошибкой пойти на поводу потребностей тела, рискуя нарушить хрупкий баланс души и разума.

Ночь у меня была бессонная. Я то и дело порывалась вернуться к Адаму, наплевать на всякий запрет и заняться с ним сексом. Жестким, безумным и безудержным. Таким, к которому он приучил меня и которого мне до ужаса не хватало. Пусть это и несло в себе риск.

Разве нам привыкать?

Но все же, я осекала себя каждый раз, как только поднималась с постели с жатыми в

решительности кулаками.

Я не боялась за себя, даже если Адам перейдет грань и будет более жестким, чем это допустимо. Но я боялась за него, потому что не хотела, чтобы он терял себя в моменты нашей близости. Я не хотела, чтобы впредь он испытывал страх от того, что его разум может помутиться так же, как и у матери.

Уснуть мне удалось только под утро, и когда через пару часов тяжелого сна я выбралась на кухню, мой внешний вид оставлял желать лучшего.

Я не выпалась, у меня на подбородке выскочил прыщ, как будто я все еще была подростком, и я была не удовлетворена.

Чертовски не удовлетворена.

Когда я показалась на кухне, Адам уже был там, пил кофе и выглядел сногсшибательно прекрасно в темно-синем костюме тройке и шелковом галстуке цвета сапфира. Мне стало завидно, потому как Адаму, в отличие от меня удавалось скрывать следы тяжелой ночи.

Если только для него она была таковой.

Мы поздоровались и обменялись целомудренными, чуть неловкими поцелуями. Уткнувшись в свою чашку, я почувствовала, как начинаю раздражаться. Не на Адама, а на себя за то, что не могу контролировать свои гормоны и свои желания, когда он в такой близости и в тоже время — так недостижимо далеко.

— Мне скоро уезжать, но пока я здесь, возможно, ты хотела бы о чем-нибудь спросить меня?

Он прямо посмотрел на меня, и мне показалось, что улыбка украдкой скользнула по его губам. Впрочем, это мог быть всего лишь обман зрения. Нельзя быть ни в чем уверенной после бессонной ночи.

Ох, было столько всего, о чем бы я хотела спросить его, но я не знала, с чего начать. К тому же, не знала, что можно спрашивать, когда Найджел маячит на заднем плане, хотя и делает вид, что совершенно не слушает нас.

Я сделала большой глоток чуть остывшего кофе и опустила глаза, потому что не могла решиться спросить о том, что волновало меня глядя на него.

— То твое выступление на шоу... — Я запнулась, потому что недавняя обида от его заявления кольнула сердце. — Твои слова, что ты сказал... Это правда?

Я все же осмелилась взглянуть на него, чтобы видеть его глаза, когда он ответит. Порой, его взгляд я понимала лучше, чем сказанные фразы.

— Грейс, те слова были не для тебя, — с теплотой посмотрев на меня, ответил Адам.

— О, то есть, они были рассчитаны на того, кто вредил тебе все это время?

Меня вдруг осенило — а ведь из-за своей ревности я не увидела очевидного. Еще был вариант, что Адам говорил о какой-то другой девушке, это так же возможно. Но я не верила в это.

Он промолчал, но его взгляд сказал мне все без слов.

— Ты думаешь, что этот человек, кем бы он ни был, попытается использовать меня, чтобы манипулировать тобой?

Мой голос дрогнул, а желудок узлом связало. Я отодвинула от себя тарелку с омлетом, потому что в рот больше и крошки не полезет без угрозы того, что меня стошнит.

— Я не отбрасываю этот вариант. Но, Грейс, — он потянулся и накрыл своей ладонью мою руку, — я не дам ему или им такой возможности.

Его глаза убежденно смотрели на меня, а голос звучал твердо и угрожающе.

Я не знаю, говорил ли Адам так, только чтобы меня успокоить, или он и правда был настолько уверен в том, что никто не сможет подобраться ко мне ради того, чтобы вывести его из строя. Как бы там ни было, но я поверила ему.

— Я знаю.

Я улыбнулась и мягко высвободила свою руку из под его. Адам удивленно вскинул брови, и я поспешила объяснить:

— Физический контакт. Чревато последствиями, потому что я на взводе и не ручаюсь за себя.

Вот до чего я дошла — моя плотская потребность в нем достигла того критического уровня, когда я готова была вспыхнуть как спичка от невинного прикосновения руки.

Адам только хмыкнул, чуть наклонив голову, и взглянул на меня из-под ресниц.

— Так ты прослушал мое сообщение, которое я оставила в не лучший момент своей жизни? — сбивчиво и отчего-то сдавленно спросила я, заполняя молчание, которое лишь усиливало напряжение между нами.

Жаль, я не занимаюсь йогой. Мне бы не помешала сейчас медитация.

Адам на миг замер, а после кивнул.

— Конечно.

— Но ты никак не отреагировал.

Мои губы дрогнули, а лицо исказилось — это я пыталась скрыть попыткой — не успешной — улыбнуться.

— Что было трудно. Я раз сто прослушал твое сообщение, и после каждого мне хотелось сорваться и мчаться к тебе, но я останавливал себя тем, что в итоге все это ради тебя.

Я видела, как нелегко Адаму дается это признание. Теперь я понимала, что его преследовали благородные мотивы, но от этого ни хрена не было легче.

Это не отменяло два месяца, которые я провела с глубокой верой, что он выкинул меня, потому что я больше не была той, кого он хотел.

— Ты мог бы дать мне возможность решать, — опустив глаза на свои руки, тихо произнесла я.

— Ну, с этим вроде как тоже проблемы, — невесело хмыкнул Адам. — Я привык, чтобы все, что как-то связано с моей жизнью, зависело только от моих решений.

— Это не то, с чем я буду мириться, — внезапно окрепшим голосом заявила я, вскинув подбородок. — И тебе лучше сразу усвоить это, если, правда, хочешь, чтобы это сработало.

Я обвела пространство между нами рукой.

Адам откинулся на спинку стула, заметно расслабившись, и с неожиданным весельем посмотрел на меня.

— Грейс, ты предлагаешь мне делегировать власть? Потому что я совершенно ни черта в этом не разбираюсь. Я не знаю, как это может сработать и может ли вообще.

Ох, как же я сейчас хотела подойти к нему, взобраться на колени и пообещать, что у нас все получится. Мой всегда сильный и уверенный в себе мужчина в данный момент казался очень сомневающимся и настороженным.

То, что происходило между нами — было для него в новинку. В таких отношениях у Адама не было опыта. Да, он уложил на спину многих женщин Чикаго и еще Бог знает сколько на том побережье, но тут он был как ребенок, который только учился ходить.

Я собиралась помочь ему.

— Знаешь, это не так сложно, как кажется. У тебя просто не может не получиться. — Я

хотела подбодрить его, потому что он до сих пор не был уверен, что у нас может выйти что-то хорошее.

Я же напротив — не сомневалась в этом, но боялась, что мы можем серьезно налажать по дороге и сойдем с дистанции раньше времени.

Через неделю я вернулась в университет, и жизнь пошла своим чередом. За исключением того, что я больше не могла позвонить бабушке и поговорить с ней, когда мне это требовалось. Я не могла приехать к ней, чтобы подзарядиться порцией теплоты и любви, когда мне становилось грустно.

И хотя боль от ее потери все еще была яркой, так, что порой меня складывало пополам и слезы выступали на глазах, я не чувствовала себя одинокой. У меня была поддержка моих друзей. Но главное, у меня был Адам.

Мы договорились, что какое-то время никто не должен знать о наших отношениях. Наши совместные снимки не должны были появиться в газетах и интернете, потому что тот, кто заложил бомбу и ходил ночью по дому мог добраться до меня. Адам утверждал, что у него нет шансов, но самих намерений было достаточно, чтобы Эллингтон вышел из себя. И чтобы не заставлять его волноваться и нервничать еще больше, да и ради своей безопасности, я пообещала, что больше не буду пытаться отправиться куда-либо без сопровождения Маркуса.

Прежде я частенько не ставила своего телохранителя и водителя в известность, выбираясь за пределы кампуса.

Наши же отношения с Адамом развивались. Потихоньку, не торопясь, но каждый раз, когда мы проводили совместное время, каждый из нас узнавал что-то новое друг о друге. В основном это касалось мелочей, так как Адаму еще нелегко давалась откровенность в более личных аспектах, но я видела, что он старается.

Мы встречались почти каждый вечер, когда Маркус привозил меня к Адаму домой. Соблюдая договоренность о тайнственности наших отношений, мы оставались в квартире и занимались разными вещами, о которых раньше и речи не было.

Мы смотрели фильмы, несколько вечеров подряд у нас даже был марафон фильмов со Стивом Мартином, потому как оказалось, что он любимый актер Адама. Кто бы подумал, что им окажется комик!

Слушали вместе музыку и выяснили, что во многом наши вкусы сходятся.

Играли в карты, и несколько раз мне даже удалось одержать победу, но я подозревала, что Адам мне поддавался.

А еще разговаривали и узнавали друг друга.

Единственное, чего мы не делали — это не занимались сексом. И хотя я видела, как порой глаза Адама загорались голодным блеском, когда он смотрел на меня, он стойко держал себя в руках. Страх сорваться и навредить мне крепко держал его и служил стопором, когда желание становилось слишком интенсивным.

Я все понимала и поддерживала его, но иногда мне хотелось сорваться и наброситься на него со всей дикой страстью, которая зрела во мне. В особенно отчаянные моменты я готова была умолять его о том, чтобы он жестко трахнул меня.

Ни больше, ни меньше.

То обстоятельство, что наши новые отношения исключали интимную сторону, были неудобной проблемой. Я знала, что это временное положение, и это требовалось самому

Адаму, но я не могла просто перестать чувствовать сексуальное влечение к нему.

Как это вообще было возможно, если глядя на него, я видела самого привлекательного, сексуального и желанного мужчину на свете. С его выкрутасами, его повернутостью, периодами полного затемнения, когда он вел себя, как дьявол. Я все любила в нем и уже не представляла его другим.

Вернувшись к учебе, я так же вернулась к работе в библиотеке. Пусть она оплачивалась не очень хорошо, но доставляла мне радость и отвлечение от горьких размышлений. Я уже начинала грустить от того, что скоро, когда получу диплом, моя работа здесь закончится.

В библиотеке у меня был свой укромный уголок, куда я приходила, когда был перерыв в работе, или когда время близилось к закрытию и в здании почти никого не оставалось. Я поднималась на третий этаж, где в самом конце зала располагалась секция медицинской литературы. В последнем ряду стояли старые, запыленные книги, которые редко кто трогал, и я садилась на ковровое покрытие между стеллажами, впитывая покой, некую сонность этого места.

Тут я обедала, читала учебники или просто приводила мысли в порядок, не боясь, что меня кто-то побеспокоит.

Сегодня я готовилась к тесту по экономике. До закрытия оставалось двадцать минут, но у меня были свои ключи, и я могла не бояться, что меня закроют.

Я выключила мобильный, чтобы никто не помешал мне и, подпитываясь печеньем Орео, углубилась в учебники с разными графиками и диаграммами.

Увлечшись, я не услышала, как кто-то подошел к моему ряду и встал в проходе. Ковролин приглушал шаги, особенно если кто-то умел так двигаться, как Адам — не спеша и без суеты.

С опозданием, но я все же почувствовала, что кто-то смотрит на меня, и повернула голову, встретившись с его наблюдающим взглядом.

— Адам? — Я даже не пыталась скрыть удивление. — Мы же не договаривались сегодня встречаться.

Я слегка нахмурилась, беспокоясь, не могла ли я забыть о встрече.

Нет, точно нет.

— Знаю, но я захотел тебя увидеть, — слегка поведя плечами, просто сказал он. — Ты прячешься здесь?

Он приподнял брови, двинувшись в мою сторону, и я быстро моргнула, потому что он очаровывал меня. Пусть и не намеренно, но я совершенно точно была очарована им.

Видно, что после работы он успел побывать дома, потому, как вместо костюма на нем был черный свитер из тонкой шерсти и серые слаксы, сидящие на нем идеально. Его волосы казались слегка влажными после недавнего душа.

— Да не то чтобы, вроде как учусь.

Я нервно улыбнулась, приподняв учебник. Мои щеки порозовели в смущении, потому что стоило мне его только увидеть, как инстинкты взяли верх надо мной. Мой рот наполнился слюной от желания поцелуя с ним, и мне стоило титанических усилий не вскочить и не оказаться в его объятьях.

— Странное место, — хмыкнув, заметил Адам, опускаясь на пол рядом со мной.

— Как ты нашел меня?

— Ваша библиотекарша тебя выдала. — Адам указал рукой себе за плечо, и я кивнула.

— Почему ты здесь? — Я склонила голову набок, пытливо глядя на мужчину. — Ты же

сам говорил, что опасно, если нас будут видеть вместе.

— Да, я чертовски не последователен, — вздохнув, признал он, но в его голосе не было сожаления. Протянув руку, он положил ладонь на мою щеку и погладил ее большим пальцем. — Мне, правда, нужно было тебя увидеть.

— Ты был сегодня у доктора Берка? — догадалась я.

Адам кивнул.

— И что он говорит?

Мое сердце замерло, потому что внутренне я постоянно побаивалась, что доктор может посчитать меня препятствием к его выздоровлению. Я не знала, как много Адам рассказал доктору о наших взаимоотношениях, и о скольких деталях упомянул, но не думала, что тот одобряет то, что мы продолжаем все еще быть вместе.

Или быть вместе вновь.

В общем, я была чертовски не уверена.

— Он считает, что я совершаю ошибку, оставаясь с тобой, — честно признал Адам.

— Ошибку? — Мой голос прозвучал как жалкий писк, будто из шарика разом весь воздух выпустили. — Ты согласен с ним?

Прежде чем ответить, Адам молча смотрел в мои глаза, и я готова была начать паниковать, потому что если он решит, что нам следует все прекратить...

Одна только мысль об этом ужасала меня.

— Согласен, но только лишь потому, что тебе было бы лучше без меня, — поспешил пояснить Адам, видя смятение в моем взгляде. — Но это не значит, что я последую его совету. Я слишком эгоистичный мудака, чтобы отпустить тебя.

Мои губы дрогнули в улыбке, когда он напомнил мне прозвище, которым я когда-то именовала его, но я была так взволнованна, что не выдержала и, отбросив учебник, обхватила его лицо ладонями и села на руки Адаму, лицом к лицу.

— Ты все еще думаешь, что мне и правда, было бы лучше без тебя?

— Не думаю. Знаю.

— Это глупо. — Я покачала головой, продолжая держать его лицо в своих руках. — Ты не можешь знать. Ты сильный, и ты влиятельный и будем откровенны — чертовски крут, — я вскинула брови, вызвав улыбку Адама, — но даже ты не знаешь, что будет и что может получиться у нас, если мы приложим усилия. Только если тебе это не нужно.

Я сникла, испугавшись, что причина неуверенности Адама в том, что он не так сильно хочет этого, как я.

— Я знаю, что ты уйдешь, — прижавшись затылком к стеллажу, тихо проговорил мужчина. — Рано или поздно ты все равно уйдешь.

Сколько же обреченности было в его словах! Но главное, что меня поразило — это смирение в его голосе. Будто он уже принял факт моего ухода и не верил, что что-то можно изменить.

Его настроение терзало мне душу. Я не знала, в чем причина такого пессимизма Адама: возможно, все дело в препаратах, которые он принимал, или же он и правда так чувствовал. Его неверие в меня, в нас ранило, и я хотела найти слова, которые могли бы убедить его, что я не собираюсь уходить. Мне было больно, когда мы не были вместе. Я не хотела испытывать вновь все те чувства, когда он оставил меня.

Но что я должна была сказать ему, чтобы заставить его поверить? Неважно, какие бы слова и фразы я выбрала в тот момент, они все не достигли бы цели, и он по-прежнему бы

сомневался.

Поэтому я не стала ничего говорить. Вместо этого я наклонилась и накрыла губами его рот. Я хотела показать ему, насколько нуждаюсь в нем, нуждаюсь в его присутствии в своей жизни.

Я не была агрессивной. Мои губы мягко, лаская, скользили по его теплым губам, и вначале он просто позволял мне целовать себя. Он не отталкивал меня, но и не отвечал.

Это не расстроило меня и не остановило. Я осыпала легкими поцелуями уголки его соблазнительного рта, потом захватила нижнюю губу, и слегка оттянув, несильно прикусила, после чего добавив напор, пососала.

Как же много часов я провела, мечтая проделать все это! И теперь даже запрет доктора Берка не мог остановить меня. После того, что он посоветовал Адаму, зародив в его голове новое зерно сомнений, я хотела послать дока к чертям собачьим.

Адам наблюдал за мной, и я видела, как его серые глаза от светлых становятся все более темными. Его взгляд только больше распял меня, сводя мои ноги от желания.

Кончиком языка я прошлась по внутренней стороне его нижней губы, задев зубы, после чего углубила поцелуй, проникая в его рот с напором. Адам застонал, обхватил ладонью мой затылок, отвечая на мое соблазнение.

Мы не целовались. То, что проделывали наши рты, языки и губы было похоже на занятия любовью, и я отчаянно хотела, чтобы то же самое повторили наши тела. Его тело подо мной напряглось, и я чувствовала, как его мышцы сгруппировались.

Одета я была в свободную короткую юбку и положение, в котором я сидела, позволяло чувствовать все, что творилось с телом Адама между моими бедрами. Он был полностью готов для меня, как и я для него, но после всех этих недель томительного ожидания я вдруг не хотела торопиться.

Стремясь показать Адаму, как я истосковалась по нему, я взяла его руку и, поднеся к своим губам, обхватила ими его указательный палец. Чуть прикусила, провела языком по подушечке, а после стала посасывать, как до этого губу. И я не на мгновение не разрывала зрительного контакта с ним, увлажняясь еще больше от того, что он проделывал со мной своими глазами.

Да, сейчас я задавала тон игры, а Адам позволял мне это, но его взгляд, опережая тело, буквально имел меня так, как я хотела все это время.

— Расстегни свою кофту, — хриплым голосом произнес он, и я уловила повелительные нотки, которые часто проскальзывали в самом начале нашего знакомства. Неожиданно, это подействовало на меня столь эротично и возбуждающе, что мои внутренние мышцы стали сжиматься.

Мои руки чуть подрагивали, когда я, повинувшись ему, пуговка за пуговкой принялась расстегивать свою светло-зеленую кофточку.

— Смотри мне в глаза, Грейс.

Очередной приказ, когда я на секунду прикрыла вдруг отяжелевшие веки.

Скоро все пуговицы были расстегнуты, и Адам спустил кофту по моим плечам, полностью сняв ее с меня. Меня бы должно было волновать, что мы находимся в библиотеке, и если нас поймают, то будет не только стыдно, но я так же лишусь и работы.

Да, меня должно было это волновать, но не волновало. Я была полностью поглощена этим мужчиной и тем, что он собирался сделать со мной.

На мне оставался простой бежевый лифчик, который Адам без усилий снял с меня.

Когда мой верх оказался полностью обнаженным, зрачки его глаз практически полностью закрыли радужку, сделав их черными.

И как несколькими минутами ранее, он взял мою руку и погрузил два моих пальца себе в рот. Мягко пососав и увлажнив их, низким голосом приказал:

— Погладить свои соски. Я хочу, чтобы ты ласкала себя для меня.

Я с усилием сглотнула; горло вмиг пересохло. Вся моя кровь моментально устремилась вниз, заставив мой клитор увеличиться и болезненно покалывать, требуя немедленного удовлетворения.

Никогда прежде я не делала этого перед кем-то, не считая единственного раза в темной машине Адама. Но сейчас электрический свет обнажал все, как тело, так и душу. И чтобы я не делала, это не скроется от Адама.

Но я сама просила его о доверии, и я могла ответить ему тем же — могла довериться ему.

По-прежнему глядя на него, я погладила сначала один сосок, потом другой. Моя грудь ныла от сексуального томления, и мои соски были такими твердыми, полностью выступая из ареолы. Лаская свою грудь, я наблюдала за Адамом и видела возвращение того дьявольского мужчины, который так любил мучить меня и дарить ни с чем несравнимое удовольствие.

Его глаза блестели похотью, дикостью и таким густым желанием, и этого было почти достаточно, чтобы я кончила. Я тихо постанывала, прикусывая губы, продолжая ласкать себя.

С ним я теряла всякий стыд и смущение, и было так естественно делать то, чего он хотел. Чего я хотела вместе с ним.

— Скажи, как ты хочешь меня, — севшим голосом выдохнула я, едва не взрываясь от возбуждения.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал, как трахаю тебя в своей голове? — Губы Адама дрогнули в угрожающей усмешке, но глаза при этом смотрели взглядом хищника. — Хочешь знать, как мысленно я погружаюсь в твою горячую, влажную киску? — Он намотал мои волосы себе на кулак, и, не причиняя боли, притянул к себе. Чуть повернул мою голову и глубоко вдыхая, провел носом вверх по скуле и линии подбородка.

Мне казалось, что мое сердце вот-вот разорвется. Все это было на грани, слишком и я не знала, чего хочу больше — чтобы это прекратилось или никогда не заканчивалось.

— Мне нравится, когда ты становишься мокрой для меня. Для меня! — с нажимом повторил он, слегка дернув мои волосы и прожигая меня предупреждающим взглядом. — Я так люблю, что ты такая тугая внутри и как ты растягиваешься, когда я в тебе. Как стенки твоего влагалища сжиматься и как ты пульсируешь, когда я заставляю тебя кончать. Мне так нравится смотреть, когда оргазм накрывает тебя, и ты едва не теряешь сознание. Я мог бы смотреть на это вечно.

Я люблю наблюдать, как ты кончаешь от моих пальцев, моего рта или моего члена, — хрипло, едва слышно говорит он, пока я медленно погибаю в его руках.

Мое дыхание сбилось, мое тело дрожит, и я не могу его контролировать. Мои мысли путанные и все, что сейчас имеет значение — это мои инстинкты, взявшие верх над разумом.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — едва справляясь с голосом, я провожу языком по пересохшим губам. — Адам, сейчас. Просто сделай это.

Его губы растягиваются, но он не выглядит торопящимся. Его темная сторона вышла на

первый план, и он готов сполна насладиться временной свободой.

— Ты получишь то, о чем просишь, — ленивым голосом обещает он. — Сначала я трахну тебя пальцами, а потом, когда ты будешь кончать с моим именем на своих губах, я оттрахаю тебя так, как хотел этого все эти гребанные дни.

Его приглушенные слова звучат как угроза, но я готова умолять его о том, чтобы он поторопился.

Видно, он решает, что уже достаточно меня мучить и наконец-то я чувствую его пальцы внизу, как они трогают меня сквозь нижнее белье и легонько потирают.

Этого мало, чертовски мало. Я толкаю бедра навстречу его руке, и Адам усмехается, но тут же его взгляд мрачнеет и становится сосредоточенным. Он запускает руку в мои трусики и касается самого влажного места, которое стало очень горячим.

Я тихо стону и откидываю голову назад.

— Я готов кончить только от того, что твоя влага на моих пальцах, — с горловым звуком рычит он, проникая двумя пальцами внутрь меня, одновременно большим потирая мой клитор.

Он трахает меня своими пальцами, наблюдая за моим лицом, как его искажает мучительное удовольствие. Мои мышцы настолько ослабли, и в поиске опоры я завожу руки назад, упираясь ладонями в ковровое покрытие.

Мне больно дышать, мои легкие горят от нехватки воздуха, но то, что он творит со мной, не позволяет мне сделать глубокий вздох.

Свободной рукой он покручивает, потирает и пощипывает мои соски, и испытываемые ощущения настолько острые, что я начинаю хныкать.

Это похоже на агонию и в какой-то момент я просто перестаю понимать, что окружает меня. Я поднимаю руку, удерживая себя другой и кладу ее на рот Адама. Его губы тут же обхватывают мой средний и указательный палец и сосут с той интенсивностью, с которой его собственные пальцы двигаются во мне.

Я близка к тому, чтобы разрядиться и чувствуя этот момент, Адам берет меня за затылок и, удерживая прямо мою голову, приказывает открыть глаза.

— Давай, детка, кончи для меня, — хрипло велит Адам, когда наши взгляды встречаются. Эта фраза добивает, и волна мощного оргазма накрывает меня.

Я вздрагиваю в его руках, пока сладкая истома разливается в каждой моей клеточке, и бессвязно бормочу его имя. В голове полный туман; мои кости словно расплавились и стали жидкими.

Усталость одолевает меня, но это еще не все.

— Теперь, я хочу, чтобы ты почувствовала, как охренительно сильно я хочу тебя, — с шипением говорит Адам и, разорвав мое белье, приподнимает меня и направляет свою эрекцию к моему входу. Я не заметила, когда он расстегнул свою брюки, но когда он до упора заполняет меня, сонливость словно рукой снимает и я вновь готова для него.

Адам приподнимает ноги, сгибая их в коленях, и я слегка приподнимаюсь на нем, чтобы через мгновение вновь ощутить, как он во всю длину погружается в меня.

Я не могу сдержатъ стоны, мне хочется кричать, и я безостановочно кусаю губы до крови, потому что мою грудь разрывает крик удовольствия от наполненности им.

Адам рукой зажимает мне рот, и мой беззвучный крик тонет в его ладони.

— Ты такая чертовски идеальная для меня, — быстро шепчет мужчина, когда я поднимаюсь и опускаюсь на нем, сжимая его своими внутренними стенками. — Я миллион

раз трахал тебя в своей голове, но реальность превзошла все мои гребанные ожидания.

Его лицо искажается, и я вижу, что он на грани. Это и то, как он смотрит на меня, будто я — это целая вселенная для него — приближает меня к финальной черте.

Адам так мало говорит о своих чувствах, но сейчас его взгляд буквально кричит о том, что он чувствует ко мне.

Кто и что я для него.

Весь мир, планета и вся солнечная система.

Мою грудь распирает от переполняющих чувств к этому тяжелому, неуправляемому мужчине. Признания в любви рвутся из горла, и это пугает меня. Чтобы заглушить их, я наклоняю голову к его голове, крепко держась за его шею, и прижимаю губы к его губам.

Наше дыхание становится одним на двоих, когда мы достигаем оргазма с разницей в наносекунду.

Мы замираем, и стук наших сердец отдается в ушах. Я боюсь поднять голову и крепко зажмуриваюсь, потому что мне кажется, что стоит ему взглянуть на меня, как все станет понятно без слов. Что я до умопомрачения люблю его, невзирая на всю боль; что я зависима от него и это до чертиков пугает меня.

Что когда он бросил меня, я потеряла не только его, но и себя так же. Что нет меня без него больше.

Руки Адама подрагивают, когда он убирает мои волосы с лица, и еще крепче прижимая меня к себе, шепчет:

— Теперь у меня на одно воспоминание больше. Это все, что останется у меня, когда ты захочешь уйти.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Что это?

Я в полном изумлении повернулась к Адаму, который наблюдал за моей реакцией, когда мы вышли на крышу его дома.

— Я пока не могу отвести тебя в настоящий ресторан, но я могу устроить пикник на крыше.

Он улыбается и указывает в сторону расстеленного покрывала, на котором стоит плетеная корзина, а рядом ведерко с шампанским в нем. Я не могу сдержать ответную улыбку, но не от того, что он устроил мне пикник — хотя это безумно романтично — а от того, что Адам улыбается и кажется немного повеселевшим.

Его настроение в последнее время так часто меняется, и чаще он хмуриться, что не может не беспокоить меня.

Я боюсь, что это таблетки влияют на эти эмоциональные скачки. Благодаря им он более уравновешен, но он... во многом он сам на себя не похож.

— Это свидание? — Я изгибаю бровь, с лукавством глядя на него. Мы через столько всего прошли, но у нас так и не было настоящего свидания.

— Правда? — Он кажется немного растерянным. — Наверное, но я так давно не был на свиданиях. Я не слишком хорош в этом.

— Ты хорош во всем, — тихо возражаю я, и, потянувшись, касаюсь легким поцелуем его губ.

Мне не нравится, что он так критичен к себе.

Адам молчит довольно долго, и я вижу, как он колеблется, когда пытается не отторгнуть мои слова. В итоге, он просто кивает и протягивает мне бокал с шампанским, закрывая тему.

Мы ужинаем в свете угасающего дня и пьем шампанское. Ну, я пью шампанское, а Адам воду с газом, потому что его таблетки плохо контактируют с алкоголем. Он не хочет оставить ни шанса своей темной половине еще раз показаться за этот вечер.

— Можно спросить у тебя кое-что? — мой голос звучит тихо, потому что то, о чем я собираюсь спросить его, слишком глубоко сидит во мне и периодически подает свой неприятный, противный голосок.

Адам кивает, но его взгляд мгновенно становится настороженным.

— Тебе меня достаточно? — Я верчу бокал с шампанским в руках, пытаюсь подавить волнение. — То есть, твои потребности возможно больше, чем я способна тебе дать? Я не знаю, возможно, ты бы хотел чего-то особенного, о чем не говоришь мне?

Я прикусываю уголок рта, нервничая все больше. Я не могу забыть то, как Адам сделал надрез на моей коже и как слизывал мою кровь. Иногда я рассматриваю то место в зеркале, но следа давно не осталось и, видя гладкий участок кожи, я думаю, не приснилось ли мне все это.

Если это болезнь порождает такие желания в нем, то теперь, когда он лечился, я хотела знать, насколько эти потребности сильны.

Он долго, внимательно смотрел на меня, и выражение на его лице было для меня непонятным.

О скольких вещах он молчит? Сколько всего скрывает от меня в попытке защитить нас обоих?

— Знаешь, столько женщин было в моей жизни. Самые разные, непохожие, сменяющие друг друга слишком быстро, чтобы я мог запомнить их имена и лица — тихо, не спеша начал Адам, переведя взгляд на темнеющее небо. — И каждый раз, с очередной девушкой, чего-то не хватало. Что-то важное отсутствовало. Но сейчас, в тебе, — он вновь посмотрел на меня и печально улыбнулся, — я, будто обрел свой баланс.

Это не признание в любви, не предложение сердца и руки и не обещание вечного счастья до конца жизни.

Но в данную минуту, это нечто более важное, настоящее. Потому что сами слова не так важны — важно то, как человек смотрит на тебя, произнося их.

— Тогда почему ты так уверен, что я захочу уйти? — Я убрала волосы с лица, которые трепал легкий ветер и уязвимо посмотрела на него.

— Потому что ты узнаешь меня. — Он передернул плечами, просто посмотрев на меня.

— Думаешь, я не знаю?

Он покачал головой.

— Этого мало. Ты думаешь, что достаточно будет терапии и все проблемы разрешаться? Но это не так. Твоя жизнь со мной будет тяжелой, потому что уже поздно для того, чтобы я мог измениться. Я часто буду занозой в заднице, и я буду выводить тебя из себя. Буду требовательным, раздражительным, командующим, и однажды ты возненавидишь все это. Ты возненавидишь меня. — В его глазах мелькнула боль, выдавая, насколько человеческие чувства ему не чужды. — Это никогда не будет просто, Грейс. Каждый день как чертова борьба!

— С чего ты вообще взял, что я хочу, чтобы было просто? — Я всплеснула руками, испытывая отчаянье. — Ты не допускаешь, что менее безумное, чем это, — я жестом указала пространство между нами, — больше не устраивает меня? Да, я порой хочу тебя убить, порой ты настолько сильно бесишь меня, что у меня ладони чешутся от желания врезать по

твоей смазливой, самоуверенной физиономии. — Я хмурюсь, а губы Адама трогает улыбка. — Но... Я совершенно точно знаю, что другое мне не надо. Другое я не хочу.

Адам запустил руки в волосы и глубоко вздохнул. Потом поднялся и направился к ограждению крыши, и чем ближе он подходил, тем сильнее колотилось мое сердце.

Его плечи напряглись, и он буквально был пропитан противоречиями. Я не могла не заметить, что ему хотелось поверить мне и хотя бы попробовать, но что-то в итоге его останавливало.

— Знаешь, то, как близко ты возле края, заставляет меня нервничать, — поднявшись на ноги и обхватив плечи руками, призналась я.

Но будто не слыша меня, Адам подтянулся и легко забрался на ограждение, оказавшись в нескольких сантиметрах от края.

Я шумно выдохнула, и мое сердце пропустило удар; горячая кровь хлынула в лицо. Голова закружилась от самой мысли, что Адам стоит в шаге от обрыва.

— Адам, пожалуйста, слезь. — Я сделала шаг в его сторону, чувствуя тошноту, которая всегда возникала, когда я была на большой высоте. — Не шути так.

— Я не пытаюсь намеренно испугать тебя, Грейс. — Он повернулся ко мне, разведя руки в стороны. Его волосы трепал ветер и мой пульс словно сошел с ума при мысли, что одно неверное движение, и он сорвется. — Это то, что я делаю время от времени. Глупые поступки, угрожающие жизни. Но это я, такой, как есть. Я не могу обещать тебе, что больше никогда не заберусь на эту крышу или перестану участвовать в боях, где парни превращают друг друга в кусок отбивной. Потому что это была бы не правда. — Он пожал плечами, глядя на меня так, будто я вот-вот развернусь и уйду. — Ты, правда, хочешь этого? Быть с человеком, который всячески потекает своей агрессии?

— Слезь оттуда, и мы поговорим об этом, хорошо? — так спокойно, как могла, предложила я. Я не могла связно думать, пока он стоял на краю крыши пятидесяти восьмизэтажного здания.

Когда Адам спустился, и я могла не бояться, что сильным порывом ветра его снесет в пустоту, я позволила своим чувствам вырваться наружу.

— Никогда так больше не делай! — закричала я, подбежала к Адаму и толкнула его в грудь, а потом крепко обхватила руками за шею. Он поднял меня, и мои ноги обвились его за пояс. — Я не прошу тебя дать мне обещания! — Я чуть отстранилась, чтобы посмотреть в его глаза и запустила руки в его растрепанные волосы. — Я не прошу тебя становиться кем-то другим ради меня, кем ты не являешься. Я просто хочу, чтобы ты знал — каждый раз, когда ты будешь рисковать, мое сердце будет разбиваться на тысячу осколков, потому что шанс потерять тебя — вот что самое пугающее для меня. — Мои губы дрогнули в неуверенной, ранимой улыбке, и если у Адама еще оставались сомнения насчет моих чувств, то теперь их точно не осталось. — Не мысль быть с тобой пугает меня, — в его губы прошептала я, — а возможность не быть.

— Ты не оставляешь мне шанса, — хмыкнув, хрипло пробормотал он.

Я покачала головой. Если он искал путь к отступлению, я не собиралась облегчать ему задачу.

— Почему ты не веришь в нас? — Я посмотрела в его глаза, чувствуя себя в его руках лучше, чем где бы то ни было еще. — Почему не веришь, что я смогу с этим справиться и не убегу? Я видела тебя в такие темные моменты и тем ни менее я здесь, с тобой.

Адам стиснул зубы и посмотрел в сторону, нахмурившись в попытке найти нужные

слова.

— Потому что я не понимаю, — с усилием произнес он. — Я не понимаю, как после всего... Как ты можешь хотеть остаться?

— Тебе так важно знать причину? — Я опустила ноги и, встав на пол, отошла на несколько шагов от Адама. Мои глаза предательски заблестели, когда я горько усмехнулась и развела руками. — Потому что знаешь, чего я не понимаю? Я больше не понимаю, как жить дальше, если тебя не будет в моей жизни. — Я направила на него палец, словно обвиняя в чем-то. — Возможно, я стала зависимой, или даже одержимой тобой. Или я сошла с ума, если все, чего я хочу, это быть с тобой. Я не знаю! Возможно, в этом нет никакого смысла, или смысл как раз таки в том, что смысла нет вообще. — Я растерянно покачала головой. — Я просто хочу быть с тобой. И для меня этого достаточно.

Адам не сводил с меня внимательного взгляда, пока я говорила. Я не знаю, что творилось в его голове и, черт возьми, мне хотелось забраться в его черепную коробку и понять, наконец-то понять, что движет этим мужчиной!

Если он ищет возможность порвать со мной, я хотела быть готовой к этому.

— Ты хочешь знать об одержимости? — После долгого молчания, тихо отозвался он. — Я покажу тебе, что это такое. И, черт возьми, скажи мне после этого, что не хочешь бежать от меня.

Адам буквально схватил меня за руку, и широко шагая, так, что я едва поспевала за ним, направился к двери. Мы спустились в его квартиру и, не выпуская моей руки, он повел меня вглубь коридора, остановившись возле запертой комнаты, которая ранее привлекла мое внимание.

— Прежде, чем я открою эту дверь, хочу, чтобы ты знала — я доверяю тебе. — Адам серьезно посмотрел на меня, и я не могла не отметить, как непросто ему было сказать эти слова.

Господи, был ли кто-то в жизни этого мужчины, кому бы он доверял?

— Если бы это было не так, тебя бы здесь не было.

Я только лишь кивнула, не в силах и слова вымолвить. Неизвестность и то, что сейчас узнаю его тайну, безумно волновали меня, и мое сердце забилося как птица в клетке, когда Адам вынул ключ из кармана джинсов и отпер дверь.

Ступая несмело, я сделала шаг через порог в темноту комнаты. Адам вошел следом и нажал на выключатель. Электрический свет рассеял тьму, обнажая тайны этого мужчины, так долго и ревностно хранимые.

Я перестала дышать, оглядывая помещение. Это было больше, чем просто комната.

Храм? Место поклонения? Обитель сумасшедшего? Не знаю, как правильно назвать то, что олицетворяла собой комната.

Мои глаза перебегали с фотографии на фотографию, и мысли, путаясь, сбивая друг друга, метались в голове.

Сотни, тысячи фотографий на всех четырех стенах. Фотографии меня, в самые разные периоды моей жизни.

Шок. Недоверие. Отрицание.

Я не понимала значение тех эмоций, которые проносились сквозь меня.

Мое горло пересохло, и я не могла дышать. Мою грудную клетку, будто стальным обручем передавило. Положив руки на живот, я сделала несколько глубоких вдохов и только тогда повернулась к Адаму, который настороженно следил за мной.

— Как долго?

Мой язык едва слушался меня.

— Пять лет, — безэмоциональным тоном отозвался Адам.

— Пять лет? — Я задохнулась и, прижав ладонь ко рту, на мгновение прикрыла глаза.

О, как бы мне хотелось, чтобы я никогда не видела этой комнаты! Или чтобы ее вообще никогда не было.

Черт возьми, я знала, что с Адамом не будет просто, но это...

Это совершенно новый уровень моего испытания.

Я вновь отвернулась от него, более внимательно рассматривая эти многочисленные фотографии, с моим лицом, разными эмоциями и чувствами на нем. Где-то я улыбалась, где-то хмурилась, куда-то торопилась, развлекалась с друзьями. Это была моя жизнь, целых пять лет моей жизни, и в течение этого времени, он следил за мной, наблюдал со стороны. Он все время был рядом, а я не знала этого.

Меня кидало то в холод, то в жар. Мои щеки и лоб горели, и я кусала губы, чтобы не расплакаться.

Я протянула руку и взяла фотографию, на которой я в своей комнате в доме бабушки снимаю свитер. Окна в тот момент были не зашторены, и ему удалось заснять меня в тот момент, когда я думала, что совершенно защищена в этих стенах. Когда была уверена, что мой мир стабилен и даже помыслить не могла, что кто-то прячется в темноте, делая меня объектом своего преследования.

— Почему я?

Мой голос едва был слышен, и я буквально заставляла себя говорить.

Я так хотела бы, чтобы это был просто розыгрыш, или страшный сон, но не реальность! Не чертова реальность, которая скручивала мои внутренности узлом и вызывала тошноту.

— Я не знаю. — Голос Адама дрогнул, и он едва заметно пожал плечами. — Просто потому что ты. Я увидел тебя и... Ты стала тем, кого я захотел. Не имело значения как, я знал, что получу тебя.

Его слова звучали так сухо, но глаза выдавали весь спектр переживаний от того, что открылся мне.

— Ты увидел и захотел меня?! — Мой голос повысился от негодования. — Знаешь, есть менее странные и пугающие способы добиться девушки, которая тебе нравится! Почему ты просто не подошел и не познакомился со мной, как это сделал бы нормальный мужчина?

Черт, я тут же пожалела о своих последних словах, потому что стоило мне их произнести, как Адам дернулся, будто я ударила его.

— Я хочу сказать, — вздохнув, более спокойным тоном продолжила я, — что мы могли бы обойтись без всего этого безумия, которое произошло между нами. Ты мог бы пригласить меня на свидание, и ты бы понравился мне, потому что — ну разве ты можешь не понравиться, когда не ведешь себя как тиран и узурпатор? — Мои губы чуть приподнялись в горькой улыбке. — Адам, несмотря на твое положение, и все, чего ты добился, все твое влияние, которое ты оказываешь на людей — ты так сильно не уверен в себе?

Я вновь окинула быстрым взглядом фотографии. Это настолько было похоже на убежище маньяка, который уже давно потерял контроль над своим разумом. Я понимала, что Адам был способен на многие вещи, в том числе и на создание этого пугающего места, которое напоминало какой-то жертвенный алтарь.

Но в тоже время, у меня в голове не вязалось, что все эти годы он следил за мной,

фотографировал, потом приносил все эти фото сюда.

Что он делал с ними? О чем думал, рассматривая их?

Даже после этого я отказывалась верить, что он настолько безумен. Я видела, как он теряет контроль над собой и у него были проблемы с психикой.

Но, я не могла допустить, что все настолько плохо и шанса на спасение нет.

Я подняла глаза и увидела металлические кольца под потолком. Цепи не было, но я была уверена, что именно здесь он подвешивал меня.

В одном из углов комнаты стоял компьютер с большим монитором, и оставалось только догадываться, для чего он здесь.

— Я не хотел оставить тебе шанса сбежать, — обманчиво спокойным тоном признался он. — То, что я хотел сделать с тобой, оттолкнуло бы тебя. Ты бы ушла, чтобы спастись, если бы не было чего-то, что удержало тебя, пусть и против твоей воли.

— И ты выкупил закладную? — слегка изогнула бровь, понимающе кивнула я. — Ты не мог не знать, насколько я дорожу своей бабушкой и ее благополучием. — Я испустила горький смешок. — Ты выбрал действенный способ. Но как ты устроил, чтобы мой отец оказался в твоих должниках? Я много думала об этом. Патрик не тот человек, который мог бы так просто оказаться с тобой за одним покерным столом. — Я подошла ближе к Адаму, раздумывая вслух. Наконец-то картина начала проясняться. И как только я раньше этого не поняла? — Ты намеренно позволил ему быть одураченным тобой, чтобы я уж наверняка не сбежала?

— Любым способом, Грейс. — Его голос прозвучал холодно. — Я всегда добиваюсь желаемого.

Кивая, я хмыкнула. Уж в этом я нисколько не сомневалась.

— Почему так долго ждал? — Я еще ближе подошла к нему. — Почему целых пять лет выжидал, прежде чем действовать?

Глаза Адама метнулись в сторону, но я не собиралась оставаться без ответа.

— Потому что всего этого не должно было быть, — надломано выдохнул он. — Нас с тобой не должно было быть. Это была игра, утеша для моего поврежденного мозга. Ты была просто объектом, к которому я испытывал страсть. Я знал, что после того, как я покончу с тобой, ты больше не будешь прежней. И некая часть меня, возможна та, в которой еще сохранилось что-то человеческое, не хотела для тебя этого. Я оттягивал тот момент, когда ты окажешься в ловушке, и я переверну твою жизнь. До того момента, как я испорчу тебя.

Последние слова он произносит едва слышно, а меня душат слезы, потому что я не понимаю, сколько еще дерьма должно вылиться на наши головы, прежде чем...

Прежде чем что? Какое будущее может быть с человеком, который с самого начала играл со мной, как кошка с мышкой? В течение долгих лет, я была пешкой в его жестокой игре, даже не ведая этого.

Господи, как же ранят его слова! Признание о том, как долго он планировал свою жестокую забаву со мной! Правда о том, что все, что он делал, было направлено на то, чтобы разбить мой мир, разорвать меня на куски и в итоге выбросить, как мусор.

Его жестокость была полнейшей загадкой для меня.

Я полностью в разобранном состоянии и меня трясет от того количества жестокой правды, которую он обрушил на меня.

Вернувшись к стене, я сняла еще одну фотографию, на которой я выхожу из Баскин Роббинс, и ткнула ею в Адама в неожиданном приливе злости.

— Знаешь, что это был за день? — Мои онемевшие губы плохо слушаются меня, и, кажется, что я буквально выплевываю слова. — Это 18 октября 2009 года, и я только что узнала, что меня приняли в университет, предоставив частичную стипендию. Моей радости не было предела, потому что я два года трудилась, чтобы иметь такую возможность. Единственный человек, кто мог разделить со мной эту радость — была бабушка. И я поехала за мороженым, чтобы отпраздновать с ней это событие.

Я схватила следующую фотографию, на которой я в парке аттракционов с Лорен и Эмми в первый свой год учебы. Мы смеемся и едим сладкую вату, а на наших головах дурацкие уши Микки Мауса.

— Здесь я дурачусь со своими подругами в один из воскресных дней, потому что холодная зима, наконец-то закончилась и наступили теплые весенние дни.

Следующее фото, где я на лавочке в парке позапрошлой осенью, грею руки о большой стакан с кофе.

— А здесь мне грустно, потому что моя собака, мой друг, которая была у меня с девяти лет, умерла от рака.

Меня заметно трясло, когда я подошла к Адаму и швырнула в него фото.

— Эти фото — это я и моя жизнь! Это ты хотел уничтожить? Твоя цель стоила того, чтобы все испортить?

Я смотрю на Адама слезящимися глазами; я настолько зла и разочарована.

Он молчит, и его глаза лихорадочно блестят. Он не собирается оправдываться, потому что не для того привел меня сюда.

Его намерением было оттолкнуть меня, чтобы я сбежала, и он оказался прав.

Я обхожу Адама, который никак не реагирует, и выхожу из комнаты. Хочу бежать от этого места как можно дальше, и забыть то, что увидела.

Нереально.

Я с силой тру глаза, будто могу стереть образы того, что только что открылось мне.

Тяжело дыша от злости и душевного потрясения, я направляюсь в свою комнату и достаю из комода пижаму. Потом встаю перед зеркалом и собираю волосы в небрежный пучок.

Мне нужно что-то делать, хоть что-то, чтобы не сорваться и не начать крушить все вокруг.

— Что ты делаешь?

Я кидаю быстрый, хмурый взгляд на Адама, который пошел за мной, но не решается переступить порог комнаты, которая считается моей. Его лицо бледное, а глаза смотрят на меня с каким-то испуганным, потерянным выражением.

— Я собираюсь пойти в душ, — отрывисто, не глядя на него, отвечаю я. — Я устала и хочу лечь спать.

— Ты остаешься?

Его голос настолько растерян и недоверчив, но я уже привыкла, что все, что касается меня и наших отношений вызывает в нем какое-то упрямое отторжение.

— Когда... когда ты уже усвоишь, я не собираюсь тебя бросать! — обернувшись к нему, почти кричу я. — Напугала ли меня комната полная моих фотографий? Да! Безумно ли то, что ты следил за мной пять лет? Да!

Но ты делал вещи и похуже, а я по-прежнему здесь! Я не знаю, что с тобой происходит и почему все так. — Я трясую головой, отчаянно жестикулируя от недостатка слов. — Но я хочу

попытаться понять, ради себя, и тебя. Ради нас. Потому что ты мой человек! — Я указываю на него рукой и поджигаю нижнюю губу, чтобы не расплакаться. — Ты мой человек, — шепотом повторяю я и ухожу в ванную, хлопнув дверь.

Ночью я просыпаюсь от какого-то шума, будто где-то громко двигают — или скорее швыряют — мебель. Это длится минут десять, и все это время я спокойно лежу, едва шелохнувшись. Я глубоко дышу, останавливая себя от того, чтобы пойти и посмотреть, что происходит.

Он вновь потерял контроль.

Мне потребуется все мое хладнокровие, если я хочу пройти с ним этот путь. И лучше начать запасаться им немедленно.

Когда все вновь смолкает, проходит пара минут и дверь комнаты тихо приоткрывается. Я не запирала ее, потому что, сделав это — я бы еще больше отгородилась от него.

Тихо ступая, Адам подходит к кровати и, отодвинув одеяло, ложиться рядом. Его рука на моем животе и он притягивает меня к себе, прижимая к своему телу.

Никто из нас не заговаривает, но впервые за несколько часов между нами нет напряжения. Я чувствую, как его тело расслабляется, стоит мне оказаться рядом.

Я опускаю руку и переплетаю наши пальцы вместе. Закрываю глаза и вскорости слышу, как его дыхание становится ровным и глубоким.

Я засыпаю почти сразу вслед за Адамом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Следующим утром я проснулась от того, что горячие руки Адама прижимали меня к себе, а его губы целовали меня в плечо. Спиной я чувствовала его эрекцию и сомнений в его намереньях не оставалось.

Только вот я все еще была зла на него, и время для секса было не самое подходящее.

Я попыталась встать, но его руки тут же уложили меня обратно, крепко удерживая.

— Адам, я...

Мой голос резко оборвался, стоило мне посмотреть в его глаза. Они были такими дикими, темными и жаждущими. Потребность была огромной.

Его потребность во мне.

Я тяжело сглотнула, капитулируя. Вступать с ним в противостояние сейчас было бы глупой затеей. Ему было плохо, чертовски плохо и я не могла остаться равнодушной к этому. Я не могла не принимать близко к сердцу все, что было связано с этим мужчиной, даже если бы мне и хотелось.

Никаких прелюдий не было, он просто снял с меня фланелевые пижамные штаны, нижнее белье, разместился между моими согнутыми в коленях ногами и одним толчком вошел в меня. Довольно грубо, и я была не совсем готова, а потому немного болезненно, но стоило ему оказаться внутри, как мое тело откликнулось на него, словно живя своей отдельной жизнью от разума.

Это было чистое обладание, будто он подтверждал свои права на меня. Я смотрела на его напряженное лицо, заостренные скулы, хмурый взгляд, пока он с силой двигался во мне, словно хотел навсегда соединиться со мной.

Я держалась, как могла, но скоро внизу моего позвоночника появилось знакомое покалывание, и я часто задышала, понимая, что долго не выдержу. Стон сорвался с моих губ, и я опустила глаза вниз, туда, где сходились наши тела. Как напряженный живот Адама с

идеальным прессом соприкасался с моим, плоским, но далеко не таким спортивным.

Это зрелище, как он погружался в меня, доставая до самых чувствительных точек в моем теле, перебросило меня за край. Я изогнулась, дрожа мелкой дрожью в оргазме, и вновь упала на постель, чувствуя себя бестелесной.

Но Адам не торопился следовать за мной. Его руки плотно прижимали мои запястья к простыням, пока он буквально вбивался в меня. И когда спустя еще десять толчков он, наконец, кончил, его лицо не расслабилось даже в этот момент.

Прошло около минуты, прежде чем он вышел из меня и отпустил мои руки. Все, чего я хотела, это расслабленно лежать в кровати и ничего не делать. Даже не разговаривать. Но мне надо было в университет на утреннее занятие.

Встав с кровати, я ушла в ванную, даже не оглянувшись.

Серьезно, даже после того, как менее пяти минут назад он довел меня до оргазма, я не хотела видеть его и говорить с ним.

Мне требовалось время. Немного дьявольского времени, чтобы переварить все, что обнаружилось вчера.

Полностью собравшись, я вышла из комнаты. В коридоре оглянулась назад, и удивилась, увидев, что хранилище моих фотографий больше не заперто. Все внутри меня кричало держаться от туда подальше, но ноги сами понесли меня к комнате.

Она оказалась пуста. Ни фото, ни компьютера, ни колец под потолком. Голые стены и сейчас уже трудно представить, что еще вчера было по-другому.

Я не стала задерживаться там, потому что образы в моей голове все еще были яркими, причиняя боль. И я действительно торопилась.

Проходя через гостиную, я заметила остатки вчерашнего разрушения и отсутствие кое-каких предметов. Можно предположить, что Найджел уже успел устранить самые большие последствия.

От завтрака я отказалась, чем, видимо, разочаровала Адама. Но мне бы и кусок в горло не полез.

Я удивилась, что в будний день он все еще в футболке и пижамных штанах, и, очевидно не торопиться на работу.

Впрочем, он босс, может делать что хочет.

— Я тебя провожу, — приглушенно отозвался Адам, когда я сказала, что мне некогда завтракать.

Мы и словом не обменялись, пока шли к двери. Адам казался полностью погруженным в свои мысли, и, по всей видимости, отнюдь не радостные. Впрочем, мои были такого же характера, и я просто хотела уйти, чтобы вдали от него, на свежую голову все осмыслить.

Возле двери я открыла рот, чтобы попрощаться, но тут его руки притянули меня за бедра к себе и требовательные губы накрыл мои. Язык жестко толкнулся внутрь, то ли в желании наказать, то ли в стремлении доставить удовольствие. От неожиданности такого напора я растерялась, но сопротивляться и мысли не было. Схватила волосы на затылке Адама и с ощутимой силой потянула, застонав в его рот.

Эллингтон прижал меня к двери, буквально придавив своим телом, ни на мгновение не прерывая поцелуй. Я упивалась его вкусом, мои колени подгибались от сладкой пытки, которой подвергали меня его язык и губы; его пальцы, надавливая на кожу, гладили мои бедра под задравшейся юбкой.

Даже когда я злилась на него, ему удавалось вызвать в моем теле такую сильную

ответную реакцию, что на время я забывала обо всем.

Я не знаю, сколько прошло времени, пока Адам не отпустил меня. Пять минут, или вечность, но на прощанье он погладил мою щеку, подарил целомудренный поцелуй в лоб и запер за мною дверь.

В полном смятении чувств я спустилась на подземную парковку, рассеянно поздоровалась с Квентином и, забравшись на заднее сиденье авто, прижала пальцы к припухшим губам.

Не было никакого шанса, что в ближайшее время туман в моей голове рассеется, и я смогу беспристрастно оценить новое, шокирующее открытие. Поэтому я прикрыла глаза и попыталась расслабиться.

День предстоял быть долгим.

Как я не пыталась настроиться и внимательно слушать лекцию, не отвлекаясь на все посторонние мысли, у меня ничего не вышло. Я была очень рассеянна, и когда профессор задал мне вопрос, я ответила невпопад, ужасно смутившись под неодобрительным взглядом преподавателя. Обычно я хорошо подготовлена к занятиям, но не сегодня.

Да и как, ради всего святого, я могу думать о чем-то еще после вчерашнего?

К середине дня моя голова буквально раскалывается и хотя у меня еще пара, я решаю ее пропустить, что считаю для себя недопустимым.

Хорошо, сегодня в виде исключения. Так и быть.

Я возвращаюсь в общежитие и, пользуясь тем, что девчонок нет, выпиваю таблетку и ложусь отдохнуть. Моему измученному мозгу нужна передышка. Я засыпаю почти сразу, но когда через два часа пробуждаюсь, чувствую себя еще хуже.

Нужно проветриться. Пробежка. То, что надо. Это всегда помогает мне навести душевный порядок. После того, как наши отношения с Адамом возобновились, я забросила идею с марафоном, но обувая кроссовки, я обещаю себе, что впредь не буду делать такие большие перерывы в пробежках. В конце концов, если я не стану призером университетского забега, то хотя бы поддержу тело в тонусе.

День клонился к вечеру, когда я добежала до парка. В это время многие занимались спортом на свежем воздухе. Сделав небольшую растяжку, я побежала, взяв свой обычный темп. Мне не хватало музыки в ушах, но свой айпод я оставила дома, потому, как ничто не должно было меня отвлекать.

Итак, я узнала, что пять долгих лет Адам следил за мной, преследуя отвратительные цели на мой счет. Будет большим приуменьшением сказать, что это очень странно. Если бы я не увидела его потайную комнату, то не поверила бы в то, что такое может быть в реальности. Скорее уж похоже на сюжет какого-нибудь триллера.

Жутко.

Он выслеживал меня, наблюдал за мной даже тогда, когда я была в доме бабушки и представить не могла, что кто-то поблизости сидит в укрытии с фотоаппаратом. Такое можно ожидать от совершенно помешанного человека, и в тоже время, Адам не был таким.

Вспыльчивый, мозговыносящий, агрессивный, доминирующий, но не помешанный. Нет, он не был таким.

Так, когда это все началось? Он сказал, что увидел меня и просто решил получить меня таким образом. Довольно слабое пояснение, и я не знала, стоит ли ему верить.

А если и так... Когда это случилось? Где именно он увидел меня и почему в его голове возникли эти мысли? Может, тогда я тоже его увидела, но не запомнила?

Впрочем, это кажется маловероятным.

Это многое объясняло в его раннем поведении. Его жестокость, холодность, подавляющая сила. Он действовал согласно своему плану, только я этого не знала. Но потом все пошло не так, как он задумывал. У него появились чувства ко мне, что очень мешало его жестокой игре. И хотя он по-прежнему не говорил о них, я знала, что они есть. Это невозможно было не почувствовать.

Но, черт возьми, он годы лелеял и взращивал в себе желание причинить мне боль, поиграться со мной и в итоге уничтожить!

Разве могла я после такого все еще хотеть быть с ним?! Могла ли любить его?

Я затормозила и, согнувшись, уперла руки в колени. Недели простоя дали о себе знать — я быстро утомилась, и мои ноги болели.

Вопреки всему, что я знала и вопреки тому, как он вел себя со мной, я любила его. Я хотела быть рядом, пока он проходит реабилитацию и я хотела быть рядом... всегда.

Я смахнула вдруг набежавшие слезы и, развернувшись, побежала назад.

Не знаю как, но я надеялась, что мы оба сможем с этим справиться.

— Что случилось? Ты избегаешь Эллингтона?

Я вскинула голову, встретив любопытный взгляд Эмми. Подруга стояла возле моей кровати, в халате и с бигуди на голове. Эм готовилась к свиданию — первому после болезненного разрыва с Дерексом и я была рада за нее.

— С чего ты так решила? — Я изобразила искреннее удивление, хотя она и раскусила меня.

— Ты поставила телефон на виброзвонок, и за последние полчаса он уже трижды вибрировал. Ты смотришь на дисплей, но трубку не берешь. Много ли существует людей, которых игнорировала бы обычно вежливая Грейс Колдвел?

Скрывать что-то от Эм и Лорен, живя с ними в одной небольшой комнате было совсем не просто. Меня столько раз подмывало рассказать им о том, что пять лет Адам преследовал меня, прежде чем устроил западню, в которую я так легко попала, но в итоге останавливалась.

Никогда и никому я не смогу рассказать об этом.

— Я просто хочу спокойно поработать над дипломной работой, — поведя плечами, не слишком убедительно ответила я. — Да, у нас есть кое-какие разногласия, и это отвлекает.

До окончания университета оставалось менее двух месяцев и скоро мне предстояло защищать свой диплом, а события в наших отношениях с Адамом действовали очень непродуктивно на учебу.

— Слушай, мы с Лор видим, что с тобой что-то происходит. — Эмми села на край моей кровати и с участием улыбнулась. — Если тебя что-то беспокоит, ты всегда можешь поговорить с нами. Ты же знаешь?

Я кивнула и, потянувшись, обняла Эм за шею.

— Конечно, знаю. Вы столько раз помогали мне преодолевать трудности. Это неоценимо.

— Мы все в то или иное время проходили через трудности. И хорошо, что мы были и есть друг у друга.

Я кивнула, и мы с Эмми вновь крепко обнялись, засмеявшись сквозь навернувшиеся слезы.

За эти четыре года мы стали нашей маленькой, крепкой семьей. Грустно было

осознавать, что скоро каждая из нас пойдет своей дорогой. Что больше не будет ночных посиделок со сплетнями о парнях и ворчанья из-за занятой ванны. Мы по-прежнему останемся родными друг другу, но невозможно избежать изменений.

Лорен уедет в Лос-Анджелес и бог знает, когда мы вновь увидим ее. Эм собиралась остаться в Чикаго, и я тешила себя тем, что хоть с ней мы будем видеться чаще.

Чуть позже Эмми ушла на свое свидание, Лорен была на смене в ресторане, а я решила сделать перерыв в учебе и вышла за ужином. В тайском ресторанчике поблизости от нашего общежития я купила салат из лапши и жареный рис с курицей, тут же вернувшись назад.

Адам звонил еще раз, пока я ждала свой заказ, но поколебавшись, я вновь пропустила вызов.

Прошло три дня с того момента, как пугающая правда обрушилась на меня и я все еще не была в норме, чтобы говорить с ним.

Я не знала, что ему сказать, потому что в моей голове и душе была полнейшая неразбериха.

Это не могло повлиять на мое решение быть с ним, но я все еще не знала, как найти в себе силы смириться с тем фактом, что он долгое время намеренно хотел испортить мне жизнь.

В конце концов, я дорожила своей жизнью и своим здоровьем. Пусть со времени знакомства с Адамом это не раз подвергалось сомнению.

Его машину напротив моего общежития я увидела издалека. Высокая фигура Адама стояла, прислонившись к дверце, но он еще не заметил меня.

Я чуть притормозила, досадливо поморщившись. Ничего удивительного, что он здесь, ведь я целый день игнорировала его звонки. Прежде чем возобновить шаг, я отругала себя за то, что не переоделась, отправившись за ужином. На мне были светло-серые трикотажные штаны, подозрительно смахивающие на пижаму, темно-синий растянутый свитер и нательная белая майка. Мои волосы скреплял простой карандаш, не придавая прическе шика и элегантности.

Всплеск раздражения вперемешку с чувством радости от того, что вижу его, придал мне сил подойти к нему.

Заметив меня, Адам оттолкнулся от «Астон Мартин» и пошел навстречу мне.

— Что ты здесь делаешь?

Мой голос прозвучал не слишком приветливо, а взгляд сделался хмурым.

Что ж, пусть знает, что это не особо приятный сюрприз. Пусть мое предательское сердце и забилося быстрее рядом с ним.

— Почему ты не берешь трубку?

Адам ответил мне таким же хмурым взглядом. Я не могла не заметить, что вокруг его глаз образовались темные круги, и уже знала, что таким он бывает от недосыпа и серьезного душевного терзания. Он выглядел как человек, который долгое время места себе не находил.

Внутри меня кольнуло чувство вины, которое я тут же отмела.

Да, он проходил через трудный период, и я обещала ему помочь, но, черт возьми, кто поможет мне после той бомбы, которую он сбросил на меня?!

— Я же говорила тебе, что буду учиться эти дни, — обороняясь, нетерпеливо отрезала я.

Я, правда, не хотела чувствовать угрызений совести, но не могла это контролировать.

— Черт, ты отступаешь, да? — Он резко выдыхает и его лицо искажается: выдержка подводит его. — Ты решила, что тебе это не надо, я прав? — Губы Адама кривятся в попытке

улыбнуться, но каждая черточка его лица пропитана мукой и сомнением.

Я поджимаю губы и отворачиваюсь, быстро моргнув. Мое горло зудит, и, кажется, что слова застряли где-то на полпути в трахее. Мне больно видеть его в таком состоянии, и мне больно за себя.

Черт возьми, как мы сможем справиться со всем этим, если настолько не уверены друг в друге?

— Адам, я просто... — Я вновь смотрю на него, и мне хочется плакать.

Почему наши отношения начались так паршиво? Почему мы вынуждены были пройти сквозь череду кошмарных событий, прежде чем поняли, что имеем чувства друг к другу?

Я так сожалею, что наше знакомство и все, что последовало дальше окрашено в такой драматический оттенок с горьким привкусом. И в то же время я понимаю, что именно из всего плохого я смогла отделить те хорошие моменты, за которые стоило бороться.

— Мне нужно было время, только и всего. — Я развела руками, пожав плечами. — Ты не можешь скинуть на меня эту бомбу и ожидать, что я тут же смерюсь с этим. Это тяжело принять и понять. Но я пытаюсь. — Я глубоко вздыхаю и качаю головой; меня переполняют эмоции, и я не знаю, как правильно передать их. — Это сложно. И мне нужно было время, чтобы просто попытаться уместить в своей голове тот факт, что ты несколько лет был чертовым сталкером, пока я была так беспечна.

Он смотрит на меня исподлобья и долго молчит, отчего я начинаю переминаться с ноги на ногу.

— Хорошо, тебе нужно время, я понял. — Наконец он кивает, но я вижу, как непросто ему принять это. — Но ты могла ответить на звонок, чтобы я, твою мать не думал, что кто-то добрался до тебя и причинил вред!

Адам рассержен, и его челюсть напряжена; руки сжаты в кулаки.

Ох, черт! Об этом я не подумала.

— Я не знаю, что с тобой, — делая глубокий вдох сквозь ноздри, с усилием произносит он. — Это охренеть как выводит меня из себя!

— Извини, — начинаю лепетать я, совершенно растерявшись.

И я вдруг понимаю, как нелегко сейчас приходится Адаму. Он помешан на контроле. Все время, пока длилось наше соглашение, он сходил с ума, если я своевольничала. Я даже носила с собой телефон с датчиком слежения. И вот теперь он был лишен этого. Я была свободной, и я сама решала, как строить свое время.

Адам сходит с ума от того, что — как ему кажется — он больше не может контролировать меня.

— Извини, что заставила тебя волноваться, но Адам, если ты и дальше будешь относиться ко мне как к безвольному существу, ничего не выйдет, — тихо бормочу я, и мой взгляд смягчается.

Он разводит руками и невесело усмехается.

— Это то, о чем я предупреждал тебя. Ты уже начинаешь это понимать.

Я едва не стону от беспомощности: вот же упертое существо! Уже открываю рот, чтобы возмутиться, как замечаю, что у нас есть зрители. Кучка особо любопытных девчонок делает вид, что болтает возле входа в общежитие, но при этом каждая по очереди бросает косяки в нашу сторону.

— Давай поднимемся наверх и там продолжим разговор, — примирительным голосом предлагаю я, и мои внутренности невольно сжимаются при мысли, что Адам увидит место, в

котором я живу.

Адам кивает, соглашаясь, и следует за мной, когда я направляюсь к двери и достаю свою студенческую карту. При нашем приближении наши зрительницы оживляются, старательно изображая увлекательную беседу, но некоторые так и пожирают глазами Адама.

Это раздражает. Я понимаю, что Адам привлекателен для женщин и даже невольно притягивает их взгляды, но внезапно, когда эти первокурсницы таращатся на него, меня одолевает жуткая ревность и чувство собственности.

Руки прочь от моего мужчины!

В тишине мы поднимаемся на мой этаж, и когда я открываю дверь в комнату, мои руки немного дрожат. Я волнуюсь больше, чем мне бы того хотелось. Это как пустить его еще глубже в свою жизнь, хотя и так кажется, что он заполнил собой каждый уголок моего сознания и души.

Я вхожу первой, молясь о том, чтобы нигде не валялись грязные вещи Лорен, которая часто бывает небрежной в этих делах. Быстро окидываю комнату взглядом, и с облегчением выдыхаю, когда не обнаруживаю нигде особого беспорядка.

Адам останавливается посреди круглого коврика и неторопливо оглядывается. Я прикусываю губу, с интересом наблюдая за ним — догадается ли, какая именно из кроватей моя?

Кровать Лорен у левой стены, над ней висят плакаты ее любимых рок-групп и пара фотографий со второго года обучения. Эмми спит посередине: ее кровать покрыта ярко-салатовым покрывалом — подарок ее бабушки, от которого она никак не решиться избавиться, хоть у него и противный цвет. Моя кровать на правой стороне, у окна. Над ней висит большой черно-белый плакат Одри Хепберн из фильма «Завтрак у Тиффани», и пара университетских вымпелов.

К ней и подходит Адам.

— Почему у тебя нет фотографий?

Он оглядывается в поисках моих личных фото, но их нигде нет. Я едва сдерживаюсь, чтобы не ляпнуть, что у него-то их точно хватает, но вовремя прикусываю язык и только пожимаю плечами.

Еще одна общая черта между нами — в его квартире я так же не видела каких-либо личных фото. Не его точно.

— Когда ты в последний раз виделся с доктором Берком? — спрашиваю я, потому что мне кажется, что этот тип опять что-то ему насоветовал.

— Вчера. — Адам трет левую бровь и делает вид, что его сильно волнует вид из окна.

— Так что он думает о ходе твоего лечения? — Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять бешено бьющееся сердце.

— Он считает, что мне стоит лечь в клинику на какое-то время. — Адам, наконец, смотрит на меня, и я поражаюсь, насколько неуверенным он выглядит.

— Лечь в клинику? — сдавленно пишу я, быстро моргая. — Но почему? Разве все так серьезно? Я имею в виду, ты не кажешься... — я обрываю бормотание, испугавшись произнести слово «сумасшедшим».

— Доктор Берк полагает, что это имеет веские основания, — сухо роняет Адам и замолкает.

Мне кажется, что я хочу сделать больно доктору Берку. Сама мысль о том, что Адама замкнут в палате, приводит меня в ужас.

Я просто хочу защитить его! Это на уровне инстинкта, я даже не знаю, как объяснить это стойкое желание уберечь его от той темной тучи, что сгустилась над ним. Я хочу сделать что-то, что угодно, что способно помочь ему.

Если бы я могла вернуться в прошлое, в то время, когда произошел тот надлом в его личности и исправить это. Я бы отдала что угодно за такую возможность.

Адам был далек от идеала. Часто с ним бывало сложно, порой просто невыносимо, но я любила его со всем его багажом странностей и противоречий.

Я видела, что в последнее время он был сам не свой. Никогда прежде он не казался таким потерянным, таким неуверенным в себе. Я не была дипломированным психотерапевтом и возможно — скорее всего — доктор Берк осудил бы мои действия, но я хотела помочь Адаму так, как было в моих силах.

— Что ты делаешь?

Адам настороженно прищурился, когда я стянула свитер через голову, а следом майку, оставшись в спортивном лифчике. Сняв со спинки стула свой легкий шарф, протянула ему.

— Ты не можешь контролировать меня двадцать четыре часа в сутки, не всегда можешь знать, где я и что со мной. Но когда мы вдвоем, за закрытыми дверями комнаты, я полностью под твоим контролем. — Я прямо смотрела на Адама, давая понять, что значат мои слова. — Я доверяю тебе. — Я выставила руки вперед, сложив запястья вместе.

Мой пульс бился сильно и быстро, а во рту пересохло от нервного напряжения. Я не могла не волноваться, потому что в последний раз, когда я была связанная, не был светлым моментом в нашей истории. И, наверное, я бы предпочла обойтись без этого, но я знала, что он нуждается в моем подчинении. Это малое, что я могла дать ему.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что предлагаешь мне? — Адам хмуро посмотрел на мои сдвинутые руки. — Грейс, это одна из причин, по которой мне пришлось обратиться к доктору Берку. Я не хочу рисковать тобой.

Он поднял голову, и меня буквально ударила затаенная боль в глубине его глаз.

— Адам, без этого ты теряешь себя. — Я тяжело сглотнула, надеясь, что поступаю правильно. — Я верю, что ты не станешь переходить черту. — Мои губы дрогнули в слабой улыбке. — Мы можем вместе найти середину. Недавно ты сам сказал, что я твой баланс.

Мой взгляд буквально кричал о любви, которую я испытывала к нему. Ради этого мужчины и моих чувств к нему было многое, на что я готова была пойти.

Адам запустил руку в волосы, шумно выдохнув. Он все еще колебался, но я видела знакомый блеск, которым вспыхивали его светло-серые глаза.

— Если я сделаю что-то, что будет слишком для тебя, скажи мне об этом. Хорошо? — попросил он.

Я кивнула.

— Грейс, пообещай мне это! Я не хочу допустить глупость, из-за которой потеряю тебя.

— Адам, я сразу скажу, если мне что-то не понравится, — серьезно посмотрев на него, заверила я. — Я не стану терпеть, обещаю.

Он долго смотрел на меня, будто решая, можно ли мне верить, и после кивнул.

— Ладно. Как скажешь. Если ты действительно этого хочешь...

— Я хочу, — твердо подтвердила я, и он связал мои запястья шарфом, оставив концы свободными.

По приказу Адама я легла на постель и подняла руки над головой. Он привязал шарф к спинке кровати, зафиксировав меня.

Мой пульс опять подскочил, только на этот раз к волнению добавилось некое предвкушение скорого удовольствия. Я не знала, что именно он собирался делать со мной, но я верила, что он не станет причинять мне боль. Не такую, которую я не смогу выдержать. А если все же мне что-то не понравится, я всегда могу остановить его. Впрочем, я сомневалась, что до этого дойдет.

Но все же был шанс риска, и этого не следовало исключать. В стремлении контролировать меня он мог утратить собственный контроль, и никто не знал, к чему это может привести.

Когда я была привязана, вытянувшись на покрывале, Адам расстегнул кнопки по центру моего лифчика и развел половинки в стороны, обнажая мою грудь. После сел поверх моих коленей и медленно спустил с меня штаны вместе с трусиками.

Его взгляд утратил какие-либо признаки неуверенности, которая еще несколько минут назад сквозила в нем. Он стал темным, порочным, жестким, не обещаая пощады.

Это был взгляд хищника. Взгляд моего Адама.

Адам склонил голову немного набок, глядя на меня из-под полуприкрытых ресниц. Положив ладонь между моей грудью, провел ею вниз, оставляя невидимый огненный след.

Томление разлилось по моему телу, и я облизала пересохшие губы, слегка натянув шарф.

Рот Адама изогнулся в предостерегающей, опасной усмешке.

— Лежи смирно, Грейс. — Его голос наполнился хрипотцой. — Сейчас ты полностью подчиняешься мне. Никакого своеволия.

Он предостерегающе выгнул брови, и я с усилием кивнула. Даже зная, что я могу остановить это в любой момент, я испытывала некий трепет перед ним на каком-то очень глубоком эмоциональном уровне.

Адам поднялся и снял с себя спортивный пиджак и черную футболку под ним. Мой взгляд стал жадным, жаждущим, скользя по его рельефной грудной клетке и крепким мышцам живота. Инстинктивно я согнула ноги в коленях и приподняла бедра, потому что мне отчаянно стало не хватать его прикосновений.

Адам с неодобрением покачал головой, и я тихонько хныкнула.

— Строптивость в твоей крови, верно, Грейс? — Он опустился на колени перед кроватью и провел пальцем по голубой венке от изгиба моего локтя до запястья. — Течет по твоим венам, делая тебя той, кто ты есть. Ты не создана для того, чтобы покоряться. — Он опустил голову и слегка прикусил мое запястье. — Ты создана, чтобы покорять.

Мое бедное сердце билось как запертая в клетку птица, моля о свободе, и в то же время не зная, что с этой свободой будет делать, если все же ее обретет.

Дыхание стало частым и поверхностным, и моя грудь быстро поднималась и опускалась под его порочным взглядом.

— Ты не представляешь, как много ты отдаешь мне.

Он прямо посмотрел на меня, и его взгляд, казалось, проник в самую душу. Еще глубже. Он будто вывернул меня наизнанку.

Я хотела сказать, что он так же многое дает мне, но помня его предупреждение, я промолчала. Я хотела, чтобы он получил то, в чем нуждался. Отсутствие чего делало его кем-то другим, кем в действительности он не был.

— Твоя кожа на ощупь как бархат, — низким тембром протянул Адам, едва прикоснувшись губами внутренней поверхности моего бедра. — Идеальная.

Мое дыхание сбилось, и я прикрыла глаза, потому что мне было хорошо от того, что он делал, и я подозревала, что последнее было сказано не только про мою кожу.

А потом, неожиданно, он укусил меня. Не слишком сильно, но немного болезненно. Я распахнула глаза в изумлении и посмотрела вниз на Адама, который с любопытством следил за мной.

Он ждал моей реакции? Ждал, что я скажу остановиться?

Я не хотела, чтобы он останавливался.

— Продолжай, — выдохнула я, и мои веки вновь сомкнулись.

И он продолжил. Это было так непривычно, немного больно, и в тоже время заряды удовольствия разносились по моему телу. Зубы Адама смыкались на нежной коже моих бедер и живота, а после, когда на месте укуса оставались вмятины, он зализывал их языком и осыпал поцелуями.

— Мне нравятся мои следы на твоём теле, — после очередного укуса пробормотал он, рассматривая свою работу. — Это как если бы я оставил на тебе свою метку. — Он перевёл взгляд на меня и, подняв руку, провёл пальцами по моему рту. — Я хотел заклеить тебя. Хотел, чтобы каждый знал, кому ты принадлежишь.

Я должна была бы ужаснуться, но это не было самое страшное признание с его стороны. Я даже не удивилась, что подобное больше не вводит меня в шок.

Наверное, я, наконец, в полной мере стала осознавать, кто такой Адам Эллингтон.

— Что случилось? Почему ты больше этого не хочешь? — Неожиданно мой голос почти не дрожал.

Адам обжог меня своим дьявольским взглядом.

— Кто сказал, что я не хочу?

— Ох.

Я резко выдохнула, расширив глаза.

— Не бойся, я не стану клеймить тебя. — Он склонился ко мне и прикусил мой левый сосок. — Но у меня просто крышу рвет от того, что кто-то может даже в мыслях трахать тебя.

Я не знала, что ему на это ответить. Боялась даже звук издать. Каждый раз, когда он говорил о других мужчинах, я представляла, как он сидит в машине в ту чертову ночь и слушает, как мы с Дином...

Мне хотелось кричать от того, что это случилось на самом деле.

Еще один пункт, который я бы исправила, будь у меня машина времени.

— Разве выздоровление возможно для меня, пока я каждую минуту думаю, что кто-то может попытаться увести тебя у меня?

Он невесело хмыкнул. У меня горло запершило от того, что его мысли вновь приняли такой оборот.

Впрочем, Адам не стал останавливаться на этом. Приподнялся чуть выше и укусил меня за плечо.

— Оставь на мне свои следы, — севшим голосом попросила я. — Такие, которые долго не сойдут.

Адам недоверчиво, и в то же время с надеждой посмотрел на меня, как если бы я предлагала ему бесценный дар.

— Пусть они останутся завтра, послезавтра и через три дня, — осмелев, увереннее сказала я. — Даже если их никто не увидит, я буду знать, что они там и что ты тот, кто

оставил их. Ты будешь знать, что они там.

— Ты не знаешь, о чем просишь меня, — приглушённо пробормотал Адам, но его глаза предвкушено блестели.

Я медленно кивнула.

— Знаю. Я хочу этого. И я говорю тебе: сделай это.

Его следующий укус был сильнее предыдущих. Очень больно. Я сжала губы, чтобы не закричать, когда его зубы прокусили кожу моего бедра до крови.

Раз. Два. Три. Четвертый на животе. Пятый под грудью.

На моих глазах выступили слезы, но я не проронила ни звука.

— Хватит. — Адам поднял голову, и его губы были окрашены моей кровью. Он быстро и тяжело дышал, а его глаза светились лихорадочным блеском. Мы так опасно подошли к краю, что пора было замереть и затаить дыхание, иначе следующий шаг мог стать роковым.

Места укусов горели, но его сумасшедший взгляд и моя кровь на его губах вбросила в меня такой заряд эндорфинов, что моим единственным и основным желанием стал секс с ним. Грубый, примитивный, первобытный и неудержимый.

Наверное, мой взгляд выдал меня с головой, да и Адам давно научился читать меня как открытую книгу, потому что, издав грудной рык, он рванулся ко мне и запечатал мой рот поцелуем. Кровь между нами смешалась, и я чувствовала ее на своем языке: соленую, с металлическим привкусом. Кровь, в которую навсегда впитался этот мужчина.

Его зубы впивались в мои губы, а мои зубы прокусывали его плоть до крови. Я слизывала алые капельки языком, как ранее он зализывал мои ранки.

Наши тела плавилась от жара, тонкая пленка пота покрывала кожу. Гори сейчас мир в огне, для нас это прошло бы незамеченным. Был он и я и наше безумное, бесконтрольное чувство друг к другу.

Адам ловко перевернул меня на живот, приказав встать на колени, и я без слов подчинилась. Его рука прошла по моему влажному входу раскрытому его взору. Два пальца погрузились в меня, и я тихо вскрикнула, поддаваясь назад, продвигая его еще глубже.

— Не сегодня, детка, — хмыкнул Адам, вынимая пальцы.

Я протестующе застонала: он дразнил меня!

Впрочем, почти тут же головка его члена расположилась у моего входа, но он продолжал свои поддразнивания, погружая ее на несколько сантиметров и тут же извлекая.

— Малыш, твоя тугая киска идеально подходит для меня, — хрипло, сквозь стиснутые зубы выдохнул Адам, водя членом вверх-вниз, задевая чувствительный клитор.

Я изогнулась; дрожь окатила тело. Как его слова могут звучать одновременно пошло и нежно?

Решив, что достаточно помучил меня, Адам плавно, до самого основания ввел в меня член. Он сразу же набрал быстрый темп, и чтобы удержать равновесие, я впила пальцами в спинку кровати.

Мы трахались так, будто с момента нашей разлуки прошел год. Мы были оголодавшими зверьми, которых инстинкт толкал на спаривание.

Трахались так, будто собиралась загнать себя до смерти. Сгореть в полыни нашей страсти и превратиться в пепел.

Кончив, Адам вышел из меня, размазав рукой свою сперму у меня между ног. Удовлетворившись, что я полностью в нем и его запахе, он упал поверх меня, обессилившей

и готовой вот-вот отключиться.

Моя кровь, его сперма, наш пот. Все смешалось, наши ДНК соединились, скрепляя нас крепче любых цепей. Мы стали одним целым: отрежь одну половину, умрет другая.

Мы были сумасшедшими, одержимыми друг другом, ненормальными и со своими надломами, которые каким-то образом пересеклись. Мы сгорали в агонии друг без друга, и мы сходили с ума вместе.

Мы любили, и никакие слова не могли передать всю широту наших чувств.

Адам мог не волноваться о своем желании заклеить меня. Это уже случилось.

Его клеймо выжжено на моем сердце, и хоть его не видно, я знаю — оно там. Разрежь меня и станет видно: огромное, глубокое, нерушимое.

Его.

Следующие пару дней мне приходилось тщательно скрывать посиневшие укусы от Эмми и Лорен. Благо настали выходные и обе уехали домой, так что я немного расслабилась, потому, как довольно утомительно было постоянно следить за тем, чтобы ни один след от укуса не показался из-под одежды.

Адам уехал в короткую командировку в Сан-Франциско и звал меня с собой, но эти пару дней я решила посвятить дипломной, а так же начать, наконец, разбирать вещи в бабушкином доме.

Их было так много, что я не знала, с чего начать и куда это все в итоге девать. По завещанию ба оставила дом мне, впрочем, я и так уже была его хозяйкой после того, как Адам переписал закладную на меня. Но было несколько вещей, которые бабушка оставила своему церковному приходу и тете Шерон.

В воскресенье с утра я поднялась на чердак, надев джинсовые короткие шорты, которые не скрывали укусов, но здесь в этом не было необходимости. На чердаке стояло старое большое зеркало, покрытое слоем пыли. Я смахнула ее ветхой тряпкой и осмотрела свое отражение в полный рост. Приподняла футболку, обнажая укус на животе и под грудью. Ранки почти зажили, но синяки еще хорошо выделялись на бледной коже.

Я смотрела на них, пытаюсь определить, что чувствую. Удивительно, но неприятия не было. Это даже не смущало меня, и я была почти уверена, что вновь позволю ему это. Или еще что-то подобное этому.

Я просто знала, что готова дать ему эту потребность.

С трудом отлипнув от зеркала, я опустила футболку и принялась за работу. Начала с дальних картонных коробок, отсортировывая содержимое.

Не знаю, сколько времени прошло, когда я захотела пить и поднялась на затекшие ноги, стряхивая пыль с шорт. Я уже сделала шаг в сторону двери, как мой взгляд упал на нечто, что привлекло мое внимание.

Я присела на корточки и достала фотографию, уголок которой выглядывал из стопки старых фото. На ней была мама, что и привлекло меня.

Но не только она. Я так же была на изображении. Тут мне лет семь-восемь, и я кормлю жирафа с ладони, который просунул голову сквозь решетку клетки. Очевидно, мы все же ходили в зоопарк с мамой.

Мама и еще какой-то мужчина стоят чуть в стороне, и головы повернуты в мою сторону. Мама улыбается и кажется даже счастливой, чего никогда не было на моей памяти.

Но не это поражает меня. Я узнаю мужчину рядом с ней, и это не воспоминания из детства. Несколько месяцев назад я видела его фото в интернете. Когда искала информацию

об Адаме Эллингтоне, который тогда предложил мне свою сделку, чем ввел меня в ужас.

Мужчина на фото его отец.

Фотография выпадает из моих рук, и я поднимаюсь, но ноги едва держат меня. Хватаясь за предметы по пути, я выбираюсь с чердака и, держась за стенку, спускаюсь по лестнице.

Мне не хватает воздуха, и я прижимаю руки к груди, потому что меня будто рвет изнутри. Мне больно и я готова рассыпаться на части. Мой мир, словно домино, начинает рушиться.

Моя мать и отец Адама были любовниками?

Это с ней он сбежал из страны?

Это из-за нее его мать сошла с ума?

Из-за того, что она разрушила их семью, он стал таким?

Я всхлипываю, обхватив голову руками. Не могу больше здесь находиться.

Толкаю дверь и едва не вываливаюсь на улицу. Без разбора иду по лужайке, пересекаю дорогу и следую по тротуару, никуда конкретно не направляясь.

Я оказываюсь в небольшом парке, возле детской площадки, где мамы приглядывают за своими резвящимися детьми. Я моргаю, пытаюсь вспомнить, водила ли моя мать меня когда-нибудь на такую площадку. Смотрела ли на меня с такой любовью и обожанием во взгляде?

Нет, тут же решаю. Если бы это было так, она бы не разбила чужую семью и не бросила меня ради мужчины.

Она та, кто сделал Адама таким сломанным.

Я оглядываюсь, пытаюсь понять, что делать дальше. И ловлю удивленный взгляд женщины, которая смотрит на мою ногу со следами укусов. Она тут же отводит взгляд, когда я ее уличаю, но это меньшее, что волнует меня.

Мои руки дрожат, когда я вынимаю телефон из кармана и набираю номер Адама.

— Любовницей твоего отца была моя мать? — выпаливаю я, как только он берет трубку.

Несколько секунд на том конце царит полная тишина, а потом я слышу короткое, бесцветное:

— Да.

АДАМ. ЧАСТЬ 5

События происходят после того, как Адам оставляет Грейс в подвале.

Я вырвался из дома, словно некая дьявольская сила выкинула меня на улицу. Ее сорванный на крик голос остался позади.

Спотыкаясь, спустился по каменным ступеням крыльца. Тело дрожало крупной дрожью, горячие волны агонии накрывали с головой.

Не выдержал. Ноги подогнулись, и опустился на землю, упершись ладонями в ледяную корку. Заморгал, пытаюсь согнать плотную, багрово-красную пелену с глаз.

Больно.

Больно дышать. Больно чувствовать. Больно жить.

Кажется, будто на грудную клетку каменную плиту положили. Пытаюсь сделать вдох, но ничего не выходит, и я задыхаюсь.

Все иначе. Не так, как должно было быть. Мой продуманный до мелочей план полетел к чертям. Это должна была быть занятная игра, от которой я рассчитывал получить удовлетворение и после вышвырнуть ее, использованную, растерянную и сломанную. И я бы упивался своей победой и мыслью, что отомстил суке, воспользовавшись ее дочерью.

Но посмотрите на меня сейчас: захлебываюсь от горечи предательства, потому что как дурак допустил, что она другая и ей можно верить. Я позволил этой мрази ослабить меня и теперь стою на коленях, буквально ощущая острие ножа, воткнутого мне в спину.

Я стискиваю зубы, дыша сквозь ноздри. Каждый болезненный вдох разрывает мне легкие, которые горят. Все мои внутренности будто окунули в кислоту, и мне хочется содрать с себя кожу, вырвать свое сердце и наконец-то больше ничего не чувствовать.

Хочется вернуться в подвал, взять нож и располосовать ее нежную, бархатную кожу, причинив такую боль, которая заставит ее захлебнуться и во всей мере осознать предательство, которое она совершила.

Я закрываю глаза и вижу картины, нарисованные ее кровью, полные ярости, отравленные ядом разочарования.

Если я сейчас же не уберусь отсюда, то убью ее.

Пошатываясь, я поднимаюсь на ноги и каждый шаг как преодоление препятствия, пока я иду к машине. Прежде чем сесть за руль, оглядываюсь на дом и представляю ее сейчас, испуганную, дрожащую, поруганную. Злая улыбка трогает мои губы но я не чувствую и грамма удовлетворения.

Я верил, что все могло быть иначе и теперь сожалею, что так обманывался.

Чертова сука провела меня!

Зверь во мне ищет выхода. Он желает получить жертву, рычит и воет, рвет когтями изнутри. У меня нет сил удерживать его, еще немного и он полностью подчинит меня.

Я вжимаю голову в подголовник кресла и плотно закрываю глаза. Мне нужно что-то, что удержит меня в реальности, пусть на самой границе, но если я соскользну во тьму, то демон одержит победу надо мной и моя борьба все эти годы будет проиграна. В итоге я окажусь узником стен «Психиатрической больницы Анны Фокс», совсем как мама.

Я подношу руку к прикуривателю, вынимаю штекер и прикладываю запястье в раскаленный центр. Вспышка боли взрывается во мне; жар сжигает мою кожу и я чувствую запах горелой плоти, но физическая боль немного отрезвляет меня и на мгновение притупляет душевную. Мои зубы плотно стиснуты, чтобы не закричать.

Эффект, на который я рассчитывал, получен. И тогда я, наконец, убираюсь от нее и этого места, с каждой милей увеличивая расстояние между нами.

Я могу убить его. Я хочу это сделать. Еще никогда прежде жажда причинить вред, жажда разрушения не была во мне такой сильной.

Лишить его жизни за то, что посмел посягнуть на мое. Посмел коснуться ее своими грязными руками. За то, что трогал ее идеальную кожу, целовал ее своими недостойными губами.

Убить, потому что посчитал себя вправе трахнуть ее.

Я знаю, что должен делать. Этот выблядок расплатится своей кровью. Ничего не стоит устроить его смерть и сделать так, чтобы его труп никогда не нашли. И его лапы впредь никогда не коснутся ее.

Я останавливаю машину на обочине и делаю звонок, который решает судьбу парня, смеявшего перейти мне дорогу. Скоро все будет кончено. Мне придется похоронить еще один труп. После прошлого раза это ничего не значит.

Закончив разговор, я вновь выезжаю на дорогу и направляюсь в «Падших ангелов». Адреналин и ярость во мне бушуют как штормовое море и мне необходима разрядка.

В клубе Эрик приветствует меня но, заметив мое состояние, хмурится и пытается выяснить, что случилось. Я не хочу говорить, я не хочу никому ничего объяснять. Я хочу рушить, ломать и давить; хочу боли, крови и криков.

— Мне нужна одна.

Я киваю в сторону сцены. Блондинка у пилона извивается, уже голая до пояса, разводя своими движениями мужиков на доллары. Ее старания ничуть не заводят, она продажная тварь, уверенная в своем величии над идиотами, пускающими слюни на ее тело шлюхи.

— Адам, может, не стоит?

Эрик смотрит на меня, и в его глазах мелькает испуг.

Отлично, пусть не забывает, благодаря кому он имеет этот притон разврата. Без моей помощи он давно был бы похоронен под своими долгами из-за бесконечных продажных девок и одержимости азартными играми.

— Считай это платой за твой долг, — холодно глядя в глаза другу, сухо говорю я.

Лицо Эрика бледнеет и он тут же начинает злиться, но стискивает челюсть, потому что знает — крыть ему нечем.

Он зовет Арию: она молодая, распутная и такая, как я люблю: каштановые волосы, зеленые глаза с чуть наивным взглядом. Не стоит заблуждаться, под личиной невинности скрыта алчная, похотливая, жадная натура. Она флиртует со мной каждый раз, как я бываю в Ангелах, но до сегодня я не велся на ее ухищрения.

— Покалечишь ее, сам будешь выкручиваться, — шипит мне Эрик на прощание, но я пропускаю его слова мимо ушей.

Ария светится от радости, что я пожелал провести с ней вечер. Она без конца что-то болтает, пока мы идем к машине и потом, когда едем ко мне. Ее треп дико раздражает и, не желая выслушивать его, я велю ей заткнуться. Она надувает губы, изображая обиду, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы залепить ей по лицу.

Пару минут в машине царит молчание, но потом девушка видимо решает, что достаточно строить из себя чувствительную натуру и вот снова на ее лице призывная улыбка, язык скользит по пухлым, алым губам. Она кладет руку на мое бедро и ведет ею вверх, пока не накрывает ладонью член.

— Я каждый раз надеялась, что ты обратишь на меня внимание, и мы сможем хорошо провести время вместе, — томно шепчем мне Ария, прижимаясь ко мне своей грудью. Ее горячее, влажное дыхание скользит по моей шее, пока рука расстёгивает «молнию» и берет мой вставший член в обхват.

Я заведен, но не ее уловки тому причина. Я представляю, что делаю с ней, как она кричит и скулит от боли и это делает меня твердым.

— Так ты хотела, чтобы я выебал тебя? — Я смотрю на нее, и на моих губах извивается предостерегающая улыбка. Будь она чуть-чуть поумней, то испугалась бы. Я не собираюсь устраивать ей жаркую ночь любви и дарить удовольствие.

То, что я буду делать с ней только лишь для меня. То, что я никогда не позволял себе с Грейс.

Ее имя в моем сознании горит огненными буквами. Я не хочу думать об этом суке, но все это из-за нее. Тварь уничтожила все хорошее, что я чувствовал к ней.

Моя грубость нравится Арии. Она кивает и ее рука активней дробит мой член. Я чувствую тепло женской ладони, ее пальцы растирают предэякулятивную жидкость по головке, но я представляю, что ладонь принадлежит Грейс и это она отрабатывает меня.

Я готов кончить. Рано. Не так.

— Остановись, — предостерегающим тоном велю я, и ее рука послушно замирает.

Глаза Арии растерянно округляются, но я ничего не говорю. Еще минуту мы едем в полном молчании, а потом я сворачиваю и въезжаю на территорию закрытого завода, который в собственности моей компании уже несколько лет.

Я заглушаю двигатель и выхожу из машины, приказывая Арии сделать тоже самое.

На улице холодно и она начинает дрожать в своем коротком полушубке и почти отсутствующей юбке. На ее лице появляется настороженность, и она испуганно оглядывается.

— Что это за место?

Ее зубы стучат, и она ежится, но мне ничуть не жаль ее.

— Рот будешь открывать только тогда, когда я скажу, — тихо говорю я, но мой голос пропитан угрозой и она покорно опускает глаза вниз.

Вот кто создан, чтобы быть безвольной, бесхребетной игрушкой. Я окидываю ее циничным, пренебрежительным взглядом. Я так долго хотел подчинить себе Грейс, но в этот момент понял, что будь она такой, как Ария, давно задушил бы ее в приступе раздражения.

Я подхожу к Арии вплотную и, схватив за волосы, задираю ее голову так, что кожа головы натягивается. Я не хочу ее, она и на грамм не такая, как Грейс. Но тут же напоминаю себе, что Грейс предала меня, растоптала мое доверие и в итоге оказалась ничем не лучше остальных.

— На колени, — приказываю я, и Ария послушно опускается. Разбитый асфальт наверняка режет ее колени сквозь тонкий капрон чулок.

Замечательно.

— Открой рот.

Ее губы раскрываются, и я проникаю членом в ее рот, до самого горла. От напора она давится, и слезы выступают на ее глазах, но я не обращаю внимания на ее неудобства, двигаясь, трахая ее грязный рот, который до меня трахало целое море мужиков.

Ария приспособливается, не сомневался в ее способностях. Ее язык кружит вокруг головки, губы с силой сосут, а рука в это время массирует мне яички.

Я обхватываю руками ее голову и полностью контролирую ее действия. Закрываю глаза, погружаясь в теплую глубину и представляю, что этот рот принадлежит Грейс. Ее губы обхватывают меня, ее язык скользит по члену и ее стоны доводят меня до края.

Оргазм приближается, и горячая струя вот-вот ударит в горло Арии.

Я прекращаю движение и вынимаю член у нее изо рта.

— Что-то не так? — Ее голос жалобно блеет и меня тошнит от ее заискивания.

— Держи рот открытым, — рычу я и дрочу над ней, вскорости кончая. Моя сперма льется ей в рот, и она глотает с таким видом, будто это самое желанное для нее. Ее губы с семенем на них растягиваются в призывной улыбке, и она облизывает их языком.

Злость во мне вспыхивает с новой силой, и не сдерживаясь, я бью ее по лицу наотмашь. Ария вскрикивает, ее голова заворачивается, и струйка крови стекает в уголке ее рта.

Она падает на задницу и, схватившись за щеку, огромными от страха глазами смотрит на меня.

— Что, черт возьми, ты делаешь?! — визжит она.

Я тяжело дышу; мой взгляд прикован к стекающей крови. Зверю во мне это нравится, и

мои губы изгибаются в жестокой улыбке.

Еще, больше! — требует демон.

Я наклоняюсь над ней и всматриваюсь в зеленые глаза, заполненные страхом. Чуть ранее Грейс так же смотрела на меня.

Я монстр, чудовище. Это никуда не денется. Глупо было верить, что она сможет это изменить.

Я вновь бью ее по лицу, и она пронзительно визжит, но я зажимаю ей рот ладонью и громко шепчу сквозь тяжелое дыхание.

— Не кричи, еще пока не время. Я не собираюсь убивать тебя. Я хорошо заплачу тебе, если будешь послушной.

В ее взгляде сомнение, но я знаю, она недолго будет колебаться. Скоро ее жадность возьмет верх и она на все согласится ради денег.

Так и происходит. Я называю сумму, от которой у Арии лезут глаза на лоб и она отбрасывает сомнения в сторону. Полагаю, на ее решение влияет то, что я друг Эрика, и она не думает, что я могу сделать с ней по-настоящему что-то плохое.

У меня нет ненависти к этой девчонке, на самом деле, я не хочу делать ей больно. Плевал я на нее. Я просто хочу пережить эту чертову ночь, забыться и утопить свою боль в чужих страданиях.

Когда мы приходим к соглашению, то возвращаемся в машину, и я везу ее к себе домой.

— Какого хрена ты приперся?

Я поднимаю голову и недовольно смотрю на Джейса, который вошел, не посчитав должным позвонить. Я начинаю жалеть, что у него есть ключ от моей квартиры.

— Эрик сказал, что ты был сам черт, когда заезжал в Ангелов.

Голос Джейса звучит спокойно, и пока он говорит, смотрит на девушку на ковре. Она голая и на ее коже проступают следы от моего воздействия.

— Она живая?

— Просто в отключке.

Я безразлично наблюдаю за тем, как он подходит к ней, опускается на корточки и трогает ее пульс.

— Черт, Эл, она в крови.

Джейс хмуро смотрит на меня, но я не реагирую. На меня накатила такая апатия, что не важно — живая она, или нет.

Джейс расталкивает Арию, и когда та стонет, облегченно вздыхает.

— Что случилось?

Убедившись, что девица живая, он на время теряет к ней интерес.

— Грейс дала себя выебать одному ублюдку, который скоро станет покойником, — бесцветным тоном отвечаю я, сразу сообразив, о чем именно спрашивает Джейс.

— Эта девица уничтожит тебя, — злясь, сквозь зубы цедит друг.

Я хмыкаю.

— Только не делай вид, что сам не хотел бы вставить ей. — Я смотрю на Джейса, и он не мигая, выдерживает мой взгляд. — Признайся, что думал о том, чтобы оттрахать эту сладкую киску. Поторопись, пока у тебя есть такая возможность. — Я вскидываю брови и усмехаюсь, но мне не черта не весело. Мне больно, все еще отвратительно больно и это паршивое чувство уязвимости никуда не ушло. — Она не будет против. — Я поднимаюсь с

дивана и, подойдя к Джейсу, жестко смотрю ему в глаза. — Можешь отыметь ее, в любую ее прекрасную дырку. Ее рот сладкий, как нектар и она замечательно сосет.

Слова, которые я говорю, словно кислота жгут мне горло. От них я еще больше распаляюсь и уже готов наброситься на друга только за то, что он слушает их.

— Уебок, — тихо произносит Джейс, качая головой. — Ты совсем поехал на ней.

Я только пожимаю плечами, ничего не отвечая. Нет смысла пытаться отрицать, Джейс знает меня лучше, чем кто-либо. Он сразу распознает ложь.

Ария приходит в себя, но ее сознание все еще затуманено после таблеток, что я дал ей. Джейс помогает ей одеться и после спускается вместе с ней в гараж, передав в руки Квентина, который должен отвезти ее домой.

— Тебе повезет, если она не обратится в полицию, — возвращаясь, замечает Джейс. — У нее на теле порезы, следы от плети и еще бог знает что. Ты мог убить ее.

— Ты устроился голосом моей совести? — Я насмешливо смотрю на него. — Ты трахнул свою сводную сестру, едва ей исполнилось пятнадцать. Не тебе судить меня.

Мои слова заставляют Джейса поморщиться. Я испытываю укол вины, что напомнил ему об этом. Прелесть нашей дружбы в том, что мы знаем слабости друг друга и никогда не ставим их в упрек.

И если уж на то пошло, мы оба были в дерьме после того, как устроили ту ночь оргии с участием Фионы. Правда, к тому моменту она уже была совершеннолетней и откровенно говоря, была инициатором группового секса.

Но это не отменяло того факта, что мы с Джейсом были двумя аморальными уродами, которые хранили тайны друг друга.

— Расслабься, она будет в порядке, — желая сгладить момент, говорю я. — К тому же, я дал ей десять штук. Они помогут ей все забыть.

Джейс хочет что-то ответить, но в этот момент мой мобильный оживает, и я отвечаю на звонок. Я внимательно слушаю своего собеседника и когда мы прощаемся, удовлетворенная улыбка трогает мои губы.

— Извини, но вынужден прервать нашу занятную беседу. — Я надеваю свитер и сверху куртку. — Я тороплюсь.

— Что ты задумал? — Джейс хватается меня за руку, когда я прохожу мимо него.

— Это не твое дело, — сквозь зубы цежу я, и в моих глазах зажигается ярость, когда я смотрю на его руку, которая держит меня.

— Чтобы ты не задумал, я еду с тобой, — твердо отрезает Джейс, но все же отпускает меня.

Я готов послать его, но тут вдруг передумываю. Отлично, хочет со мной, пусть. Перед ним мне нечего скрывать.

— Хорошо, поехали, если не против немного испачкаться в крови.

АДАМ. ЧАСТЬ 6

— Только посмотрите кто у нас тут. — Я наклонился к открытому багажнику, удовлетворенно усмехнувшись. — Дин Мэтьюз, собственной персоной.

Глаза связанного парня с растерянностью и испугом перемещались с меня на маячивших за моей спиной ребят МакАртура, темной лошадки криминального мира Чикаго, к которому я обращался в исключительных случаях. Вот и в этот раз, когда мне потребовалось похитить человека, они сработали как нельзя профессионально.

Я хмыкнул, наблюдая за тем, как дергает связанными руками урод, которого мне

хотелось тут же, не вынимая из багажника пристрелить. Но для него это было бы слишком просто. Прежде чем он отправится к праотцам, он должен в полной мере осознать, за какие прегрешения он наказан.

Его глаза дико вращались, и он пытался что-то сказать, но широкий кусок скотча, прикрывающий рот мешали тому.

— Не переживай, у тебя еще будет возможность высказаться, — воодушевленно пообещал я, хлопнув Мэтьюза по лицу.

Мое состояние можно было описать как пред эйфорийное. Я давно мечтал научить этого скромника, что трогать чужое — нельзя. Трогать что-то мое — опасно для жизни. Но прежде у меня не было серьезного повода, он не решался пригласить Грейс и признаться ей в своих чувствах. Я уж думал, что он так и будет пускать слюни на нее в стороне. И был очень удивлен, когда он все же решился и позвал ее на свидание.

Их отношения прекратились, едва успев начаться, и я решил, что с ним покончено. Глупая самонадеянность. Надо было с самого начала просветить его, что к чему.

— Хорошая работа. — Я повернулся к людям МакАртура, двум бывшим спецназовцам. — Дальше мы сами справимся.

Сохраняя молчание, наемники кивнули и после того, как извлекли парня из багажника, тут же удалились.

Свою работу они выполнили.

— Что ты собрался с ним делать? — Джейс окинул Дина безучастным взглядом и вопросительно уставился на меня.

— Для начала мы немного прогуляемся.

Я достал девятнадцатый Глок из-за пояса джинсов и поднял, давая Дину возможность хорошо его рассмотреть. Взгляд того стал совсем обреченным и затравленным, что не могло не потешить меня.

— Это пистолет, самый настоящий, — чтобы и не думал дурить, проинформировал я. — Сейчас я сниму с тебя скотч, и если ты только звук издашь без моего разрешения, в твоей груди появится пара аккуратных дыр. Кивни, если ты меня понял.

Огнестрельное оружие делает людей очень послушными. Парень и не думал своевольничать, боясь получить пулю. Я с отвращением сорвал с него кусок скотча, думая, как кто-то вроде него мог привлечь Грейс.

Он был не достоин ее. Как она могла дать ему себя касаться, целовать, отыметь, в конце концов. Что было в нем такого, чего не было во мне? Что могло ее подкупить?

Я стиснул зубы, прогоняя мысли прочь. Если я сейчас займусь самокопанием, то спущу курок раньше, чем планировал.

— А теперь мы прогуляемся.

Подталкивая Мэтьюза в спину и держа на прицеле, я направил его к лестнице. Джейс, не произнося не слова, следовал за нами.

Мы находились в недостроенном элитном жилом комплексе, строительство которого я лично контролировал. Ночью здесь никого не было, я позаботился об этом.

— Что вам от меня надо? — не выдержав, спросил парень, когда мы достигли шестого этажа.

— Ты не слишком сообразительный, да? — Я хмыкнул, ткнув пистолетом ему между лопаток. Мэтьюз дернулся, что заставило мои губы искривиться в подобии улыбки.

— Вы собираетесь убить меня?

Как на того, к кому приставили пистолет, он неплохо держался. Я ожидал чего-то вроде дрожащих коленей, хныканья и заикания, но надо отдать ему должное — он пытался сохранить свое достоинство.

Возможно, он был не такой размазней, как я считал, но это все равно не спасет его, когда я решу покончить с ним.

— Дин, как думаешь, за что я могу желать твоей смерти? — оживленно спросил я. — Какие у меня могут быть на то причины?

Мы поднялись на двенадцатый этаж, и я решил, что тут достаточно высоко.

— Я даже не знаю вас, — совершенно растерянно пробормотал Дин. Впервые его голос сорвался, выдавая панику.

— О, зато я, к сожалению, знаком с твоей деятельностью.

Я подтолкнул Мэтьюза к одной из квартир, где кроме стен еще ничего не было.

— Развернись, — велел я своему неудачливому пленнику.

— Послушайте, здесь какая-то ошибка, — покачал головой Дин, опасливо косясь на пистолет в моей руке.

— Ошибка? — Я прищурился, изобразив раздумье. — То есть, сегодня вечером у тебя ничего не было с Грейс Колдвел?

Мои зубы скрипнули, когда я произнес ее имя. Лицо Мэтьюза удивленно вытянулось при упоминании Грейс.

— При чем тут Грейс? Я не... понимаю. — Растерянный взгляд Дина перебежал с меня на Джейса. — Какое она ко всему имеет отношение?

— Дин, тебе когда-нибудь говорили, что брать чужое — плохо? — проигнорировав его слова, поинтересовался я.

— Черт возьми, вы объясните, что за сумасшествие тут происходит?! — потеряв терпение, взорвался Мэтьюз. — И как все это связано с Грейс? Что вы знаете о ней?

— Что я знаю о ней? — Я усмехнулся, углядев во всем этом забавную иронию. Я бы многое мог рассказать ему о Грейс, за пять лет было мало того, чего я не знал о ней. — Я скажу тебе, что я знаю наверняка. — Чувствуя, как горячая волна поглощающей ярости поднимается во мне, я приставил пистолет ко лбу Мэтьюза, и краска мигом схлынула с его лица. — Она принадлежит мне, полностью, абсолютно, без права на оговорки, а ты посмел замарать ее своими грязными руками. Посмел взять мое, а это не допустимо, Дин.

Мой голос был ровным и не повышался, но каждое слово, каждая буква были пропитаны гневом и угрозой. Я хотел видеть, хотел чувствовать его страх; видеть, как осознание содеянного появится в его глазах. Пусть поймет, что совершил под воздействием своей неумной тяги перед тем, как я...

Я мог бы спустить курок. Я держал пистолет у его головы и представлял, как делаю это. Как пуля прошибает его череп, как кровь и мозги разлетаются по комнате, оседают на серых стенах. Если я сделаю это, он больше никогда не тронет Грейс.

Мою Грейс.

— Она никогда не говорила о вас, — подняв руки, словно сдаваясь, с запинкой пробормотал Дин. — До сегодняшнего дня я и не знал...

Он растерянно замолчал, и его глаза наполнились смятением и полным непониманием ситуации.

— Незнание законов не освобождает от ответственности, Дин!

Я схватил Мэтьюза за шею и, удерживая пистолет у виска, подвел его к пустому

оконному проему и ткнул в спину так, что верхняя его часть оказалась на улице.

— Прекратите! — его голос сорвался на крик. — Я ничего не знал! Если бы Грейс мне сказала, но она ничего не говорила!

— Не пытайся снять с себя вину, спихнув все на Грейс, — воспитательным тоном предостерег я. Адреналин вновь наполнил мои вены, доводя кровь до температуры кипения. Это было чертовски приятное состояние — полностью контролировать волю своего противника, вызывать в нем страх, видеть, как его лицо становится обескровленным перед страхом смерти.

— Как думаешь, твои родители сильно расстроятся, что их сын вывалился из окна? — издевательски усмехнулся я, сильнее толкнув Мэтьюза в спину. — Уверен, для Джулии и Сэма это будет настоящая трагедия. А малышка Майя будет безутешна. Возможно, я смогу унять ее боль?

Это было жестоко, давить на него упоминанием о семье. Но я никогда не чурался грязной игры. Любые способы были допустимы в достижении цели.

— Как вы узнали о них?! — закричал Дин, повернувшись ко мне, забыв про пистолет.

Я пожал плечами, растягивая губы в ленивой улыбке.

— Неважно. Главное то, что я все знаю о тебе и твоей семье. И я могу превратить их жизнь в ад.

В голубых глазах парня вспыхнул огонь ненависти и его губы побелели от ярости, но он понимал так же, как и я, что беспомощен в ситуации.

— Не трогайте мою семью! У вас претензии ко мне, хотя видит Бог, я не понимаю, что тут творится. Но мои родные не имеют к этому никакого отношения.

— Люди, которые переходят мне дорогу, дорого платят, — с тихой угрозой произнес я. — Сначала это будешь ты, потом твои отец и мать, а после прекрасная, юная Майя, которую я с огромным удовольствием использую, а после избавлюсь.

Вскрикнув, Дин бросился на меня, но щелчок предохранителя остановил его. Мы оба тяжело дышали, с ненавистью и отвращением испепеляя друг друга взглядом. Еще никогда прежде желание причинить мучения другому человеку не было таким сильным.

Мы замерли посреди комнаты, охотник и жертва и я спрашивал себя: что удерживает меня от того, чтобы спустить курок? Одно мгновение, один выстрел, и его больше никогда не будет в жизни Грейс.

И в этот момент, держа его на прицеле, я осознал, в чем была истинная причина моего желание выстрелить. Не только факт того, что он использовал то, что принадлежало мне. Его секс с Грейс был не единственной причиной.

Я боялся его. Он мог отобрать ее у меня. Он был из той категории парней, о которых мечтают девушки вроде Грейс. Положительный, забавный, с милой улыбкой и вызывающий доверии.

Нормальный. Такой, каким я никогда не буду. Она давно влюбилась в него, что мешает ему вновь завоевать ее? Даже после того, что было между нами, она пошла к нему, все еще хотела его.

Он был опасен для меня. И я должен был избавиться от него.

— Эл, очевидно, что парень, правда, ничего не знал о ваших с Грейс отношениях, — сухо заметил Джейс, впрочем, не делая особых попыток вмешаться. — Если на то пошло, то она должна была сказать ему, или не прыгать в его койку.

Я обернулся, опалив Джейса яростным взглядом.

— Какого хера ты защищаешь его?

Он покачал головой.

— Не его. Тебя. Я знаю, о чем ты думаешь. Но это не выход. Ты уже наказал его, разве этого мало? Ты хочешь убить его? — Джейс развел руками. — Хорошо, я не буду мешать тебе. Но ты не убийца и не должен жить с этим.

— Разве?

Я хмыкнул, но кураж начал спадать. Чертов Джейс! Иногда он мог вывести меня тем, как хорошо он меня знал и пользовался этим.

Но в этот раз он ошибался.

Я вновь с отвращением уставился на Дина, которого только пистолет удерживал на месте. Я мог бы переломать ему кости, выбить из него весь дух и надолго уложить на больничную койку. Он был спортивной комплекции, но я и не с такими справлялся на бойцовском ринге.

Но что-то меня останавливало. Были ли это слова Джейса, или то, что если с Мэтьюзом что-то случится, Грейс никогда не простит мне этого.

Я не понимал, какого хрена это заботит меня, но в итоге именно это не дало мне навредить ему.

— Если хотя бы приблизишься к ней, все, что я сказал сегодня, станет твоей реальностью, — медленно, чтобы весь смысл дошел до него, предупредил я. — Не говори с ней, не смотри на нее, даже не думай о ней. Потому что я узнаю и больше не буду таким милосердным. Забудь о Грейс Колдвел, если не хочешь, чтобы малышка Майя ответила за твою тупость.

— Ты принял правильное решение. — Джейс хлопнул меня по плечу после того, как я отпустил Дина Мэтьюза.

— Разве? — Я вскинул брови на друга, который впервые за вечер улыбнулся.

Джейс кивнул, а я подумал, что этот парень не впервые спасает мою задницу из передраги, хоть я и не заслуживаю этого.

— Я знаю, что тебе сейчас нужно, — усмехнувшись, заявил Джейс.

— Неужели?

— Точно. Пошли, выбьем все дерьмо из парочки везунчиков. Мне и самому не мешает размяться.

Женщина спотыкается, пьяно хохочет, бросает на меня призывные взгляды.

Хорошенька, или красавица? Не могу определить.

Поворачивается, манит наманикюренными пальцем, шепчет мое имя.

«Иди же ко мне, красавчик. Хочу тебя поцеловать».

Гибкое тело, бархатная кожа, горячее дыхание.

Соблазнительная и грешная. Отвратительная и жалкая.

Желание ударить, скрутить руки, залепить по лицу так, чтобы голова завернулась.

Тварь, это ты во всем виновата! Ты! Ты! Ты!

Ненавижу! Убить бы тебя, стереть с лица земли, словно никогда и не было. Превратить твоё порочное тело в прах и развеять по ветру.

Уничтожить. Забыть.

«Адам. Адам. Адам. Убийца! Мерзкий убийца»!

Руки в крови... Мертвые глаза не видят... Дыхание оборвалось на прекрасных губах...

Сердце больше не бьётся.

... - Ты обещаешь, что монстров не существует?

— Обещаю.

Обещаю. Обещаю...

Какая ложь. Твое имя — ложь!

Ты монстр! Ужасный монстр!

Ненавижу, ненавижу тебя!

...Нас обоих удерживает цепь... Твоя цепь невидима...

Я просыпаюсь и хватаюсь за сердце, пытаюсь удержать его в груди. Оно бешено стучит, словно пытается пробить себе путь наружу и сбежать от меня.

Сбежать, как Грейс.

Я зажмуриваюсь и трясую головой, пытаюсь обрести сознание. Растерянно моргаю, оглядываясь. Я в своей комнате, меня колотит, и я весь покрыт холодным потом.

Мне приснился кошмар, всего лишь сон.

Правда ли это? Нет, не просто сон. Воспоминания. Они догоняют меня. Призраки прошлого вернулись, чтобы закончить начатое.

Я выбираюсь из спутанных простыней и иду в ванную. Включаю свет и таращусь на свое отражение. Дикие, безумные глаза смотрят на меня с той стороны.

Хочу, чтобы это прекратилось. Хочу ничего не чувствовать.

Хочу быть мертвым.

Но я и так мертв.

Нет, еще нет, но скоро...

Подношу руки к глазам и задыхаюсь.

Откуда кровь? Почему на моих руках кровь?!

Пускаю воду; долго и тщательно тру руки, до боли, пока кожа не начинает гореть. Но ничего не помогает, чертова кровь не желает исчезать!

«Водой и мылом не отмыться, Адам. Вина твоя впиталась в самое твое гнилое нутро, ничем не вытравишь».

Ее противный, злорадный смех.

— Ты сдохла, сука! Прекрати!

Обхватываю голову, зажимаю уши, чтобы не слышать ее победного веселья.

Уйди! Уйди! Уйди!

Грудь разрывает, легкие горят. Будто ломает изнутри. Чьи-то нещадные молоты рушат и крошат меня; разрушают.

Я хватаюсь за ворот футболки и с силой дергаю. Ткань трещит и разрывается, пока я оседаю на мраморный пол.

Что я делаю не так? Почему это происходит?

Я схожу с ума? Уже сошел?

Что реальность, а что нет? Я запутался. Больше не знаю, чему верить, а чему нет.

Прячу лицо в ладонях и вспоминаю сегодняшний день.

Я приехал к Грейс: милой, прекрасной, лживой и смертельно опасной для меня. Ей нельзя верить, она такая же лгунья, как и все.

Я тяжело сглатываю, вспоминая прикосновения к ее коже, кровь на ее теле. Я слизывал соленые, теплые капли, впадая в эйфорию.

Ее кровь в моей крови. Она моя. Никто не должен касаться ее, даже если придется

вечность держать ее в подвале.

«Нас обоих удерживает цепь».

Я трясую головой и стискиваю зубы до скрипа.

Неправда! Нет, ты не держишь меня. Ты не в силах. Я! Только я один все контролирую. Не ты, не Морган, не мой отец. Никто.

Никто кроме меня. Никогда.

Вы все бессильны против меня. Зачем же вы пытаетесь, если все усилия тщетны?

— Почему ты сопротивляешься мне, Грейс?

Я растерянно хмурюсь, не сразу осознав, что говорю вслух.

Голова постепенно начинает проясняться.

Почему я сижу на полу, как ущербный сдавливая голову руками?

Им не одолеть меня, и я не сумасшедший. Это стресс. И выходки Грейс.

Черт возьми, я в порядке!

Или буду.

Неважно.

Я резко поднимаюсь, игнорируя головокружение. Возвращаюсь в комнату, хватаю разбросанные по кровати фотографии и вынимаю из тумбочки ключ, который кладу туда каждую ночь. Спускаюсь на первый этаж и вхожу в комнату Грейс, как я зову ее про себя.

Включаю свет, и загорается единственная лампочка под потолком. Сотни, тысячи Грейс смотрят на меня со всех сторон. Она разная: смеется, грустит; Грейс хмурая и задумчивая; удивленная и восторженная. Такая разная, уникальная, непохожая на остальных. И ни одна из них не хочет меня. Ни одной я не нужен.

Грейс с друзьями; Грейс со стопкой книг, торопиться на пары; Грейс в парке на пробежке.

Она мое проклятье и моя награда. Мое солнце и земная ось. Она много лет давала мне смысл... жить?

Грейс. Грейс. Грейс.

Мой рассвет и мой закат. Мой ветер и дождь.

Звук ее смеха лучшая музыка для моих ушей. Могу целыми днями смотреть на ее улыбку; как в задумчивости покусывает уголок рта, как супиться, когда что-то не получается. Как приоткрывает рот и тихо сопит, когда спит.

Звук ее дыхания умиротворяет, тепло ее кожи согревает, и я чувствую себя живым.

Грейс — биение моего сердца.

Мои руки дрожат. Я поднимаю фотографии, сделанные сегодня и с ужасом смотрю на Грейс. Она другая, не такая, как на фото на стенах. Бледная, измученная, затравленная. Потухший взгляд, обреченное выражение лица. Все краски сошли с нее.

Грейс — сломанная.

Мои ноги подкашиваются, и я подаю на колени. С отвращением отбрасываю фото «другой» Грейс, потому что они жгут руки, разъедают кожу кислотой.

Хочу видеть ее такой, как была когда-то, до того, как узнала обо мне. Чтобы стала прежней и забыла весь кошмар, который я обрушил на нее.

Поднимаю голову и смотрю на свое солнце, и впервые за долгие годы случается невероятное — я начинаю плакать. Стискиваю зубы, челюсть сводит, и сдавленные рыдания вырываются сквозь плотно сжатые губы.

Поток раскаянья, вины, сожаления захлестывают. Эмоции давят на меня могильной

плитой. Кажется, что вот-вот разорвет.

Словно прорвалась давно нарывающая рана и вся гниль потоком хлынула наружу. Это я и все мое нутро. То, кто я есть.

Есть только один способ все исправить. Внезапно я осознаю, что мою вину искупит спасение Грейс. Ее спасение от меня.

Я должен дать ей свободу, должен отпустить ее. Снять с нее недостойные оковы, чтобы она могла расправить свои крылья. Чтобы она вновь могла сиять.

С ненавистью и омерзением я смотрю на свои руки. Руки, которые мучили, причиняли боль, выкручивали и ломали Грейс. Мою светлую, живую девочку.

Сколько не три, сколько не отмывай, с них никогда не исчезнут следы ее страданий.

Мои глаза пробегают по фотографиям, и я даю обещание каждой Грейс на них, что все исправлю. Соберу ее по кусочкам, склею, сделаю прежней, или почти прежней. Я постараюсь.

— Ты больше не будешь плакать из-за меня, — твердым голосом обещаю я. — Не будешь страдать по моей вине.

Я принимаю решение. От этого мое сердце разобьётся. Потерять ее — значит лишиться жизни. Но это то, чего я достоин. Такая жизнь — это то, чего не достойна она.

Я сломан и мое сердце кровоточит. Не думал, что оно еще способно на это. На моем лице влага моих слез, которые, как я думал, давно пересохли.

Моя жизнь разбита вдребезги.

Моя плоть, мои кости, моя душа — все раздроблено, непригодно для жизни.

Но впервые за долгое время приходит осознание — не запятнанное колебанием и сомнением: я принял правильное решение.

Завтра я отпущу Грейс. Избавлю ее от монстра.

И она больше не будет моей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Картинки пазла встают на место. Моя мать была любовницей отца Адама. Она пропала тогда же, когда и Эллингтон сбежал из страны со своей любовницей. Адам подтвердил, что у моей матери были отношения с его отцом. Была ли она той, кого он прихватил при побеге?

Чем больше я думала об этом, тем крепче становилась моя уверенность, что это так.

Все эти годы я боялась, что мама давно мертва. Что ее убили, или произошел несчастный случай, а мы так и не узнали, что же случилось с ней наверняка. Неизвестность причиняла боль, которая со временем стала тянущей, тупой, как от старого шрама, который беспокоил на плохую погоду. Но теперь, когда я узнала, что все время, пока я мучилась при мысли, что моя мама мертва, она преспокойно жила себе в благополучии с мужчиной, которого предпочла мне.

Я напрягаю память, пытаюсь вспомнить, когда Роберт Эллингтон появился в маминой жизни? Как часто приходил к нам домой? Был ли добр со мной, или, как и все ее ухажеры делал вид, что меня попросту нет?

Если у них было все так серьезно, почему они не забрали меня с собой, когда уезжали? Неужели восьмилетний ребенок мог так сильно помешать?

Я стиснула зубы, предотвращая подступившие слезы.

Устала плакать.

За последние недели я так много плакала, что просто утомилась от этого. Обида и горечь всколыхнулись в груди, но я подавила эти чувства. Маленькая, обиженная девочка,

какой я была когда-то, давно осталась в прошлом. Я не хотела, чтобы поступок моей матери определял всю мою дальнейшую жизнь.

Что, кажется, и случилось с Адамом.

Если он знал с самого начала, кто я, тогда все его действия имели смысл.

Все было логично, хладнокровно и жестоко.

Если мои подозрения верны, тогда... Тогда мой мир точно окажется в руинах.

Тошнота неожиданно подкатила к горлу, и я сорвалась с дивана, едва успев добежать до ванной и упасть перед унитазом, как меня вырвало. Когда в желудке ничего не осталось, но спазмы все еще продолжались, я захлопнула крышку и прижалась головой к холодному фарфору унитаза.

Минут десять я просидела на полу, отупело уставившись в стену, выложенную старым кафелем, который уже потрескался в некоторых местах. Я все думала, что надо бы отремонтировать ванные комнаты, когда еще была жива бабушка. Но теперь это казалось мне настолько неважным. Без нее я вообще ничего не хотела менять в доме.

Когда в дверь позвонили, я с трудом поднялась на ослабевшие ноги и, ополоснув лицо, пошла открывать. Ранее я позвонила Лорен и теперь ждала ее, потому что подруга пообещала тут же приехать.

Эм была подружкой невесты на свадьбе своей кузины, и я не стала ее тревожить.

Я не хотела оставаться в такой момент одна, и я была благодарна Лорен, которая примчалась сразу же, как я позвонила.

— Черт, что это говнюк опять натворил? — поджала губы Лорен, взглянув на мое лицо. Она влетела в прихожую, с беспокойством оглядывая меня.

— Дело не в... — только начала я, как окрик подруги заставил меня замолчать.

— Это что еще такое?! — Лорен указала на мою ногу, на которой красовался след от укуса Адама, два остальных были скрыты шортами. — Господи, Грейс!

Лорен ахнула, приглядевшись к синяку со следами зубов.

Я почувствовала себя настоящей тупицей, что не переделалась к ее приходу, но по честному, мне было не до того.

— Это не то, о чем ты могла подумать, — пролепетала я, замаявшись на месте. Мне пришлось побороть желание накрыть рукой синяк и скрыть его от вытаращенных глаз Лорен.

— О чем я могу подумать, видя на тебе следы от укусов? — Лорен нахмурилась, пытливо посмотрев на меня. — Что этот извращенец делает с тобой?

— Лорен, перестань! — рассердившись, прикрикнула я.

В самом деле, не мораль выслушивать я ее позвала. Мне нужна была дружеская поддержка, потому что я больше не понимала, где правда, а где ложь. Я не понимала, как так произошло, что я вляпалась по самые уши в дерьмо?!

— Грейс, если он делает тебе больно, ты не должна это терпеть, — смягчившись, сказала Лорен. Ее забота грела мне душу, но она совершенно ничего не понимала в наших запутанных, странных отношениях с Адамом.

Впрочем, я и сама уже ничего не могла разобрать.

— Пожалуйста, давай не будем об этом, — попросила я и неприятно поразилась, как жалко прозвучал мой голос.

— Ты не из-за этого меня позвала? — Брови Лорен взлетели вверх. — Если нет, то, что случилось?

Мы прошли в маленькую гостиную, и я рассказала ей о своем открытии. Мне нужно было поделиться с кем-то своими подозрениями, чтобы их либо развеяли, либо подтвердили.

— Ну и дела! — присвистнула Лор, когда я замолчала. — Твоя мать и отец Эллингтона...

— Да.

Я кивнула.

— В голове не укладывается. — Лорен нахмурилась. — И он подтвердил это?

Я опять кивнула, покусывая губы от нервного напряжения. После того, как я услышала его роковое «да», которое разбило мне сердце, он велел мне не делать глупостей и пообещал, что прилетит сразу же, как сможет. Потом он отключился и вот теперь, я ждала его, не зная, что принесет нам встреча. Я боялась, что следующий разговор может стать для нас последним.

— И ты думаешь, что все, что он делал, было ради мести?

Лорен с жалостью смотрела на меня.

Я выдохнула и запустила руки в волосы; моя голова просто кипела от догадок и предположений.

— Я не исключаю такую возможность. Иначе как объяснить те ужасные условия, в которые он поставил меня в самом начале? Его неоправданная жестокость, которой я не находила причины. А она была, — я горько усмехнулась, махнув рукой, — просто я не знала об этом.

— Ох, не знаю. — Лорен с сомнением покачала головой. — Все же, это кажется маловероятным.

— Лор, его мать сошла с ума, когда муж ее бросил ради другой женщины. Ради моей матери! — Я постучала себя по груди; эмоции переполняли меня. — Их семья была разрушена. Адам рассказывал мне, как близок он был с матерью и что утратил это, когда она заболела. То, что он такой агрессивный, вполне может быть результатом тех событий.

— Это так он проявляет свою агрессию? — Лорен выразительно посмотрела на мою покусанную ногу, и я едва не ткнула ее в бок.

— Ладно, чтобы закрыть эту тему раз и навсегда, — я встала с дивана и, всплеснув руками, немного смущенно посмотрела на подругу, — мне это нравится. Если бы дело было только в этом, то и проблем бы никаких не было.

Лорен недоверчиво прищурилась.

— Прикалываешься, да? То есть, хочешь сказать, что ты, Грейс Колдвел, которая всегда смущалась при слове «минет», кайфуешь от того, что мужик кусает тебя?

— Не какой-то мужик, а Адам. — Вздохнув, я вновь опустилась на диван. — Не только кусает, но и связывает. И другое в таком роде, — пробормотала я под конец.

Я умолчала о том, как он подвешивал меня на цепях, потому что боялась реакции Лорен. Не сказать, что мне понравилось висеть на вытянутых руках, но секс после был крышесносящий.

— Ну, хорошо, убедила. — Остаток недоверия все еще присутствовал в глазах Лорен, но я надеялась, что она больше не будет считать, что Адам каждый раз истязает меня во время секса.

Это была только на половину правда.

— Давай больше не будем об этом, — вдруг сконфужено попросила я. Я знала, что о многих вещах могу говорить с Лор, уж она-то никогда не стеснялась тем секса, но считала,

что все действия должны быть по обоюдному согласию. Но даже с ней я не могла быть до конца откровенна в том, что касалось Адама. Я не имела права выдавать его личные тайны, которые он доверил только мне.

Когда я рассказывала ей о том, что узнала, то опустила часть, в которой присутствовала комната с моими фотографиями и одержимый сталкер, наблюдающий за мной в течение пяти лет.

— Когда Адам возвращается? — вновь став серьезной, спросила Лорен, вняв моей просьбе закрыть тему наших интимных отношений.

Я слабо пожала плечами.

— Сказал, что вернётся, как только сможет. Если честно, я боюсь его возвращения, — едва слышно призналась я, опустив взгляд на свои руки.

Лорен мои слова не удивили.

— Боишься, что твои подозрения окажутся правдой? — догадалась как всегда проницательная подруга.

Я кивнула.

— Ужасно. И еще боюсь, что этот разговор может стать последним, а я... не была к этому готова. — Я обхватила плечи руками, как если бы мне нужна была поддержка, чтобы не развалиться на части. — Я ведь правда думала, что у него есть чувства ко мне. Возможно, даже любовь. — Мои губы изогнулись в жалкой улыбке. Наверное, я была настоящей идиоткой, поверив в это. — Что, если все это было продолжением игры? Если так и было задумано? Я влюбилась, а с его стороны это только выверенный план мести?

Лорен чуть склонила голову на бок, задумчиво посмотрев на меня.

— Так ты любишь его? Это не просто страсть, желание, притяжение? Это любовь?

Я впервые призналась перед кем-то вслух о своих истинных чувствах к Адаму. Почему у меня хватило на это смелости только тогда, когда практически всему пришел конец?

А с другой стороны, наверное, хорошо, что я так и не сказала этих слов ему. Если он продолжал играть со мной в свои игры, мое признание означало бы его полную победу надо мной.

Впрочем, неважно. В любом случае я была разбита этими отношениями.

— Я не знаю, что буду делать, если все окажется правдой, — смахнув навернувшиеся слезы с ресниц, сдавленно пробормотала я. — Я так глубоко во всем этом увязла. Как перестать чувствовать?

— Не знаю, милая, — с сожалением произнесла Лорен, сжав мою руку.

Лорен твердо заявила, что сегодня меня одну не оставит, к тому же ей только на руку было уехать из дома пораньше, потому что ее младшая сестра выносила ей мозг. Я была рада компании подруги: остаться сейчас одной казалось мне сущим наказанием. Лорен отвлекала меня, и не давала мне полностью погрузиться в свои мрачные мысли.

На обед мы приготовили легкие сандвичи и съели их под повтор «Танцев со звездами». Я прикладывала огромные душевные усилия отстраниться от Адама и всего, что связано с ним, но это было нереально. Я постоянно возвращалась к тому, что гадала, где он и как скоро приедет.

Он больше не пытался связаться со мной, и невольно я стала думать, что возможно он вообще больше не захочет со мной видеться. Если он решил, что его умысел раскрыт, то может и вовсе пропасть.

Это настолько не вязалось с тем, как складывались наши отношения в последние дни,

ощущение чего-то нового, настоящего. Неужели это все ложное? Неужели так было только для меня?

Измученная терзающими мыслями, около десяти я ушла в свою комнату, собираясь лечь спать. Лорен пожелала мне спокойной ночи, проводив меня беспокойным взглядом.

Не раздеваясь, я легла поверх покрывала и, уткнувшись лицом в подушку, дала волю слезам, которые копились целый день. Чувство, будто меня использовали самым жестоким, циничным образом жгло меня с головы до пят.

Я смирилась с тем, что полюбила человека с неустойчивой психикой. Человека, который столько раз был жесток и холоден ко мне. Человека, который получал удовлетворение от моей боли.

Но узнать, что все было ради мести... Это слишком даже для таких отношений, которые установились между нами с Адамом. Я не думала, что мы сможем это преодолеть.

Это был предел.

К тому же, разве можем мы строить свое будущее, когда оба знаем, кто виноват в распаде его семьи? Кто виновник того, что жизнь его матери была сломана коварством ее мужа и его любовницы.

Женщины, которая произвела на свет меня.

Я сдавлено всхлипнула и зажала уголок подушки в зубах, потому что хотелось быть в полную силу своих легких. Но я не хотела лишний раз волновать Лорен, а потому надеялась, что подруге внизу не слышно.

Что он видит, когда смотрит на меня? Кого он видит? Я ведь так похожа на маму.

Возможно, потому мой отец и был так отстранен от меня всю мою жизнь, что я напоминала ему бывшую, которая сбежала от него, едва мне исполнилось два?

После того, как мама пропала, отец сжег почти все ее фотографии в приступе ярости. Кричал и называл ее самыми последними словами, хотя они уже давно не были семьей. Каким-то чудом бабушка спасла несколько фотографий, которые впоследствии отдала мне.

Я не знаю, как это фото с мамой, отцом Адама и мной оказалось у ба на чердаке. Я не могла вспомнить тот день, когда мы ходили в зоопарк. Более того, я никак не могла вспомнить Роберта Эллингтона, с которым, оказывается, была когда-то знакома.

Все так запуталось и смешалось в моей голове. Я была обессилена этими мыслями и в итоге я отключилась, поддавшись усталости.

Проснувшись я от того, что кто-то находился со мной рядом. Я даже во сне почувствовала присутствие другого человека.

Открыв глаза, я вгляделась в темноту и увидела лишь силуэт Адама, который сидел в кресле возле окна. Потянувшись, я включила ночную лампу, и сев на постели, провела руками по глазам, прогоняя остатки сна. Потом, собрав всю волю и смелость в кулак, прямо взглянула в лицо Адама и поразилась, каким бледным и осунувшимся оно было. Казалось, что Адам разом постарел на десять лет.

Сцепив руки в замок, он молча смотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

Первым моим порывом было броситься к нему и прижаться к груди. Почувствовать тепло его рук, которые крепко держат меня. Успокаивающий звук его дыхания. Пусть бы все оказалось страшным сном. Но, судя по виду Адама, все более чем реально.

— С чего ты хочешь, чтобы я начал? — приглушенным голосом вдруг спросил мужчина, и меня кольнуло, как отстраненно безучастно прозвучал его голос.

Он решил больше не притворяться, что что-то чувствует ко мне? Нужды в маске больше

нет, коль я и так все узнала?

— Начни сначала.

Я спустила ноги, сев на край постели.

— Я расскажу тебе все, что захочешь знать, — пообещал Адам, поддавшись вперед. —

Но сперва ответь: как ты узнала?

— Разбирала вещи на чердаке и в одной из стопок старых фото нашла ту, где я, твой отец и моя мать в зоопарке, — едва контролируя свой голос, отозвалась я.

— Прямо семейная картина. — Адам хмыкнул, отчего у меня мурашки по спине побежали. — Часто вы с ним проводили так время? — Он выгнул одну бровь; голос был холоден.

— Я не знаю, — сконфужено призналась я. — Совершенно ничего не помню связанного с твоим отцом. У матери были мужчины, но они так часто сменялись, я не запомнила их лиц.

— Ты была ребенком тогда, — сухо произнес Адам, но взгляд немного потеплел.

— Теперь расскажи мне, что было на самом деле? Ты обещал.

Адам кивнул и, не повышая голоса, начал:

— Когда отец встретил Морган, мы с матерью сразу почувствовали в нем некую перемену, хотя причины не знали. Мои родители всегда были близки друг с другом, и если с годами их любовь ослабла, то тепло в отношениях никуда не ушло. Я никогда не видел, чтобы они серьезно ссорились. А тут, в один момент он отдалился от нас, дома стал бывать очень редко. Мать думала, у него проблемы в работе, про любовницу и мысли не допускала. Я тоже, сначала. — Адам пожал плечами, нахмурившись. — Но когда собственный отец стал как чужак в нашем доме, я решил выяснить, в чем причина. Я проследил за ним и так узнал, что у него появилась любовница. — Он сделал паузу, прямо посмотрев на меня. Вздохнув, продолжил: — Твоя мать. Морган была молодой, красивой и умела очаровывать мужчин. Я думал, что это мимолетное увлечение и не стал ничего говорить матери, но поговорил с отцом. Сказал, что все знаю, и он должен бросить любовницу, потому что если мать узнает, ее это убьет.

Адам вновь замолчал, и хотя внешне оставался спокойным, я видела, как тяжело ему дается этот рассказ. Сама же я сидела, едва дыша, боясь, что в любой момент он может прекратить разговор и откажется от дальнейших объяснений.

— Отец заверил меня, что оставит Морган. Я видел, что он раскаивается, и он чувствовал вину за то, что причинял боль маме. Но Морган имела слишком сильное влияние на него. — Тут Адам как-то странно взглянул на меня, и я подумала, не видит ли он схожести в нашей ситуации. Это не было приятным чувством. — Как бы то ни было, я поверил ему. Но время шло, а изменений не было. Я вновь стал следить за ним и узнал, что они по-прежнему вместе. Более того, увидел, как вместе они выходят из женской консультации.

— Что?! — Я подскочила на месте, округлив глаза.

Адам с сожалением кивнул.

— Да, Грейс. Твоя мать была беременна. Когда я спросил об этом у отца, он подтвердил и сказал, что...

В этот момент в дверь постучала Лорен и, не дожидаясь ответа, просунула голову в комнату. Очевидно, ее привлек мой окрик.

— Грейс, у вас все в порядке? — Подруга бросила на меня обеспокоенный взгляд, а

потом посмотрела на Адама, сузив глаза. — Не заставляй меня пожалеть о том, что впустила тебя.

Ее голос был буквально ледяным, и я даже опешила, что у нее духу хватило так разговаривать с Адамом. Я уж испугалась, что ей сейчас влетит от Адама за такой тон, но он только кивнул и спокойно произнес:

— Лорен, я ценю твое желание защитить Грейс. И я не собираюсь, как-либо вредить ей.

Моя храбрая подруга почти целую минуту выдерживала его прямой взгляд, потом, наконец, кивнула, и вновь обратила свое внимание на меня.

— Лор, все нормально. Не беспокойся. — Я предприняла слабую попытку улыбнуться. — Я в порядке.

Ну, почти. Если не считать того, что я только что узнала, что моя мать была беременна от отца мужчины, которого я люблю. Возможно, у нас с Адамом есть сводный брат или сестра.

От этой мысли меня замутило.

Лорен нехотя прикрыла дверь за собой, и я тут же в нетерпении уставилась на Адама.

— Ты спросил у отца, и что он тебе ответил? — поторопила я, потому что он не спешил продолжать.

— Отец сказал, что, так как Морган ждет ребенка, он не может ее оставить. Более того, — Адам глубоко вздохнул и потер переносицу: этот разговор трудно ему давался, — он собирался оставить маму из-за нее.

— В итоге, он это и сделал, верно? — Я с усилием сглотнула, сцепив руки на коленях. — Твой отец оставил твою маму и тебя, а моя мать — меня. Мы все оказались ненужными.

Я опустила голову, не в силах смотреть на него без того, чтобы не начать вновь плакать.

Почему это все еще задевает меня? Почему каждый раз поступок моей матери причиняет такую душевную боль, хотя и прошло уже столько лет?

Когда наступит момент, когда мне станет все равно?

— Ты так всегда это воспринимала, что она тебя бросила? Что ты просто стала ненужной? — тихо спросил Адам и в его словах скользили жалостливые нотки.

Но я не хотела, чтобы он жалел меня! Я хотела, чтобы этот сложный, неординарный, замечательный мужчина любил меня, восхищался мной, нуждался во мне, но не жалел!

Отвратительное чувство.

— Теперь это неважно, — пожала плечами я. — Раньше я не могла быть уверена в этом полностью, но теперь знаю, что она сбежала со своим любовником.

Между нами воцарилось тягостное молчание, и я первая нарушила его:

— Так что, у нас с тобой... есть брат или сестра? — Мой рот словно был набит опилками, и я с трудом могла это произнести.

Адам долго не отвечал, просто смотрел на меня взглядом, значения которого я не могла разобрать. Поднявшись, прошелся по комнате, сложив руки на поясе. Все его спокойствие было показным.

— Я не знаю. После того, как они исчезли, я больше ничего не слышал ни об отце, ни о Морган.

Пришло время выяснить самое главное. То, что больше всего беспокоило и пугало меня.

Я тоже поднялась с кровати и подошла к нему, сохраняя осязаемое расстояние между нами.

— Когда ты узнал, кто я?

Он печально усмехнулся краешком губ и слабо повел плечами.

— Сразу же, как только тебя увидел. Ты очень похожа на нее.

Вот в чем причина его интереса: я была похожа на ту, кого он ненавидел. Дело не в том, что я понравилась ему с первого взгляда, или в том, что во мне было что-то, что показалось ему притягательным.

Я просто выглядела как человек, который разрушил его семью.

— Когда это случилось? — Я проглотила комок в горле, заставляя себя держаться. После, я смогу оплакать свое разбитое сердце после.

Не повышая голоса, Адам рассказал мне, как увидел меня в закускойной одной летней ночью. Ночью, когда я отмечала окончание школы со своими друзьями и даже не подозревала, что рядом сидит человек, который уже тогда решил мое будущее.

— Все это было ради мести? Ты и я... Все ложь?

Я засунула руки в задние карманы шорт, не зная, куда себя деть и как вести себя в такой ситуации. Как не показать, насколько сильно я уязвлена, ранена и раздавлена открывшейся правдой?

Чувствуя, как в моей груди появилась зияющая рана и с каждой секундой она увеличивается, я заставляла себя смотреть на Адама, пытаюсь отыскать в его чертах что-то, что подскажет мне истину.

Мужчина прикрыл на миг глаза, делая глубокий вдох, а когда вновь открыл их, меня поразила случившаяся с ним метаморфоза. Это были две арктических льдинки, которые безжалостно жалили все, что попадалось на пути.

— Увидев тебя, я увидел возможность отомстить, — ровным, безэмоциональным голосом произнес он. — И я воспользовался этой возможностью. Той ночью, в закускойной, глядя на тебя, твою улыбку, слыша твой смех, я желал одного — уничтожить это. Я не видел в тебе никого, ничего кроме нее, Морган.

Его губы зло искривились, а взгляд безразлично скользнул по моему лицу, которое в этот момент выглядело наверняка очень жалким.

— Дело не в тебе, Грейс. Никогда не было. Не будь ты так похожа на мать, никогда бы не заинтересовала меня.

Жестокие, безжалостные слова больно били, медленно убивая меня.

Правда. Вот она, правда.

Я ничего не значила для него. Никогда не значила. Все дело было в моей чертовой внешности, только и всего.

Я не сразу почувствовала, как слезы стали катиться по щекам, а почувствовав, тут же смахнула их ладонями.

Тщетно. Слезы и не думали останавливаться.

— Да ладно тебе, Грейс. — Адам хмыкнул, чуть наклонив голову. — Теперь, когда ты знаешь, что все это было фальшивкой, ты можешь двигаться дальше без сопливой привязанности ко мне. Я не стану мешать тебе, не стану больше портить тебе жизнь. Ты свободна. — Он развел руками, улыбаясь, но глаза все равно оставались холодными. — Ни тебе, ни мне не нужны твои чувства ко мне. Прости, Грейс, но твоя любовь не нужна мне. Не стоило тебе влюбляться. Глупо, Грейс, очень глупо.

— Ты не считаешь, что... твои замечания... несколько опоздали? — Я едва могла говорить из-за спазмов, сжимающих горло. Чувствовала себя так, словно все мои

внутренности один за другим вынимали из тела. Еще чуть-чуть, и я стану совсем пустой.

— Буду откровенен, я не думал, что все пойдет так далеко, — тоном, в котором не было раскаянья, признался Адам. — Нет, не подумай, что я жалуюсь. Все удалось на славу, детка. Ты была восхитительна, и мы неплохо проводили время. Но это больше не устраивает меня. — Адам с жалостливой снисходительностью посмотрел на меня, за что мне захотелось выцарапать ему глаза, и тут же упасть в ноги и просить не оставлять меня, даже если у меня вообще не будет прав в этих отношениях.

О Боже, я сходила с ума, если думала так.

— Тогда зач... зачем ты вернулся, ког... когда бабушка умерла?

Я ненавидела себя за то, что заикаюсь из-за душивших слез. За то, что расклеилась, хотя была готова к такому исходу.

Ведь была же, правда? Или нет?

Нет, Господи, даже в самом худшем варианте я не была готова к тому, что происходило прямо сейчас!

— Грейс, мне не чуждо чувство ответственности. — Адам утомленно вздохнул, как если бы ему уже наскучил этот разговор. Наверняка ему не терпелось сбежать отсюда. — Я думал, что кое-что должен тебе после того, что было. После того, как приручил тебя. Я оставил тебе деньги, но ты так и не обналичила чек, и я решил, что рассчитаюсь с тобой, если помогу с похоронами.

— Мне не нужны твои деньги, — наклонив голову, пробормотала я.

— Это твое дело, Грейс. Сама решай, как поступить с чеком.

— Ты решил, что стоит оплатить мои услуги, да? — Я шмыгнула носом, но при этом высоко вскинула голову, в упор глянув на него.

— Воспринимай это как хочешь. — Он равнодушно повел плечом.

— Все это правда? — Мой голос повысился, и я почти кричала. Подступив к нему, я толкнула его в грудь, но Адам едва сдвинулся. — То, что ты сказал сейчас, это правда? Или очередная ложь?

— Черт возьми, перестань быть такой наивной! — раздраженно рыкнул Адам. — Ты не хочешь видеть очевидное, не хочешь верить, когда тебе говорят все, как есть. Но это так, Грейс. Сейчас я честен с тобой.

Я замотала головой, отчаянно отказываясь воспринимать его слова.

— Я не верю тебе, — судорожно вздохнув, выдавила я. — Ты лжешь, сейчас ты лжешь. Я видела тебя настоящим, тогда ты не претворялся. Ты тоже чувствовал это ко мне, не говори, что это не так.

Я была жалкой и умоляюще смотрела на него, но в тот момент собственная гордость не существовала для меня.

Адам сжал челюсти, и желваки заходили у него на лице от злости.

— Тогда ты просто дура и мне жаль тебя.

Я задохнулась и обхватила руками живот, потому что могла развалиться на кусочки. Это было больнее, чем если бы он ударил меня.

Адам вплотную подошел ко мне и, дотронувшись до укуса на моей ноге, надавил.

— Больно?

Я вяло кивнула.

— Хорошо, — бездушно улыбнулся он. Потом толкнул меня к стене и придавил, обхватив шею рукой.

Я не сопротивлялась.

Мертвые не сопротивляются.

— Я получил от тебя все, чего хотел. Это конец, Грейс. Надеюсь, что ты сможешь взять себя в руки и будешь в порядке. — Его приглушенный голос звучал у самого моего уха. — А если нет — что ж, пусть так и будет. Меня это больше не касается. Никогда не касалось.

Он все сказал, потому что его руки больше не касались меня, и через секунду его больше не было в комнате. Адам ушел, тихо прикрыв за собой дверь, сделав меня своим прошлым, от которого хотелось избавиться.

Моргнув несколько раз, я подошла к окну, и каждый шаг давался мне с огромным усилием, будто к каждой моей ноге был привязан неподъемный груз.

Я наблюдала, как он садится в машину, как загораются фары, и Астон Мартин отъезжает от дома.

Прижавшись лбом к прохладному окну, я прикрыла глаза, слушая звенящую тишину пустоты, которую он оставил после себя.

Пустоту, которой стала я.

АДАМ. ЧАСТЬ 7

Я наблюдаю за тем, как ты спишь и боюсь момента, когда проснешься. Потому что тогда мне придется дать ответы, на которые я еще не готов. Ответы, которые я предпочел бы никогда не озвучивать.

Когда ты проснешься, мне придется причинить тебе боль своими словами — я знаю, по-другому просто не получится. Но я не хочу этого. Это то, от чего я хотел бы оградить тебя.

Я столько раз поддавал тебя мучениям, ранил, заставлял страдать и это то, за что мне никогда не будет прощенья. Свершившиеся факты, навсегда запечатлевшиеся в сознании без возможности быть стертыми, забытыми. Я сам лишил себя надежды на что-то более хорошее. Лучшее вместе с тобой.

Ты повторяешь, что хочешь быть со мной, что принимаешь меня таким, со всем моим багажом ненормальности. Утверждаешь, что можешь справиться с этим, мы вместе сможем. И иногда, в такие моменты я хочу верить тебе, правда, хочу. Но я знаю, что невозможно. И если бы ты знала все, то тоже бы это поняла.

Если бы ты знала...

Я бы хотел встретить тебя без привязки нашего общего прошлого, о котором ты даже не подозреваешь. Я бы хотел быть другим ради тебя. Без всей этой чуши в моей голове, поступков, за которые позже мне хочется раскроить свой череп своими же руками.

Быть просто мужчиной, который привлечет тебя. Который завоюет тебя своим благородством, чувством юмора, заботой и участием. Быть похожим на героев из фильмов, которые ты так любишь.

Ты бы узнала меня, влюбилась, и я бы приложил все силы, сделав тебя самой счастливой женщиной в мире. Каждый день выполнял бы нерушимое правило: заставлять тебя улыбаться.

Я люблю, когда ты улыбаешься, в такие моменты я почти верю, что для меня еще не все потеряно. Но правда в том, что сам я сделал все, чтобы ты перестала улыбаться.

Ты так близка к правде, и я знаю, что когда она откроется тебе, все будет кончено в ту же секунду. Ты будешь разрушена, убита этой горькой, постыдной, отвратительной правдой, которая разъедает меня в течение последних пятнадцати лет. Это ноша, которую я буду нести до своего последнего вздоха.

Я не хочу такой участи для тебя. Ведь ты заслуживаешь лучшего.

В момент, когда ты все узнаешь, нас больше не останется.

Я слышу твое тихое дыхание, твой сон беспокойный и ты часто ворочаешься.

Что тебе снится? Темный подвал? Цепь? Как ты плачешь, стоя коленями на обледенелой земле?

Кошмары, которые я создал для тебя.

Я бы хотел, чтобы твой сон был мирным, и тебе снились самые счастливые сны. Пусть хотя бы там ты не знала боли и горечи слез, чувства отверженности и предательства. Но я знаю, так не бывает. Наша реальность находит нас даже на той стороне, не давая забыть о грехах, что мы совершили...

Ты не произносишь этого вслух, возможно боишься, остерегаешься и, наверное, это оправдано. Но я знаю, чувствую — ты любишь. Не знаю только, как смогла полюбить монстра, который был нещадным и жестоким с тобой.

Твои чувства поражают. Я не нахожу этому объяснения, и каждый раз задаюсь вопросом: за что? За что любишь? Ведь видит Бог, не заслужил...

Пока ты спишь, я прокручиваю в голове различные варианты, но итог всегда один — ты уйдешь, возненавидишь. По-другому не будет. То, что я совершил, невозможно простить. Ты бы и сама так сказала, если бы знала.

Если бы...

Я вспоминаю последние месяцы своей жизни, и признаю, как много ошибок я совершил. Если бы мне дали второй шанс начать все сначала, прокрутить время назад и повторить дубль, я бы все сделал иначе. С тем осознанием, которым обладаю сейчас, благодаря изменениям, причина которым — ты. Но в то же время я знаю — не будь этот тяжелый путь пройден, все осталось бы по-прежнему. Я был бы все тем же эгоистичным, жестоким ублюдком, который потакает своим низменным инстинктам и извращенному желанию мести.

Я трушу как подросток, ожидая момента, когда твои глаза откроются, ты согласишься на меня и увидишь во мне все то, что я так старался скрыть от тебя. Старался уберечь тебя от страшной истины, где ты узнаешь, что твоя мать не сбежала и не жила все эти годы с мужчиной, ради которого бросила тебя. Истины, где твоя мать убита и похоронена в могиле, которая никогда не должна быть найдена.

Похоронена мной.

Я не раз представлял, как во всем сознаюсь тебе. Как в твоих глазах рождается ненависть и отвращение, когда ты смотришь на меня.

Что ты скажешь? Потребуешь ли во всем сознаться полиции?

Знаешь, я бы сделал это, не колеблясь ради тебя. Ради себя самого. Но я не могу, а ты не поймешь моих причин.

Я помню тебя ребенком, милым, чистым ребёнком, которому не слишком повезло с родителями. Помню, как ты сидела перед телевизором, обняв своего плюшевого медведя, потому что боялась оставаться в своей комнате одна. Боялась монстров, которыми пугала тебя мать.

Ты была тихой маленькой девочкой, брошенной и одинокой. Такой ты показалась мне в тот раз, когда я впервые увидел тебя.

Ты выросла и превратилась в умную, красивую и сильную женщину. Мне повезло узнать тебя такой. Жаль, что я не сразу оценил твое значение в моей жизни...

Жизненные трудности не сломали тебя, а лишь укрепили. Не смотря ни на что, ты по-прежнему сияешь своим внутренним светом и находишь силы улыбаться любым невзгодам.

Грейс, моя Грейс...

Я знаю, уверен, ты справишься. Как и всегда справлялась. Будет больно и тяжело, и покажется, что тебя вновь бросили.

Как бы я хотел сказать тебе, что это не так.

Больно будет остаться со мной, и каждый день будет преодолением препятствий. Не хочу для тебя этого.

Я должен отпустить тебя. Чтобы ты имела шанс на светлое, счастливое будущее.

Легче сразу сорвать пластырь, чем отрывать понемногу. Так, кажется, говорят.

И вот ты просыпаешься. Включаешь лампу, садишься на кровати, проводишь руками по лицу и смотришь в ожидании на меня.

Время пришло. Последняя ложь, последний акт игры. Убедительно сыграть, заставить поверить. Мои слова жестоко выстреливают в тебя, пока ты держишься из последних сил, глазами полными слез глядя на меня.

«Я должен, должен» — как заклинание повторяю я, пока несу всю эту чушь, которая снова и снова ранит тебя. Ты кричишь, говоришь, что не веришь, а глаза выдают — веришь. Каждому резкому слову, каждой издевке.

Веришь, что не интересна мне сама по себе, такая, как есть. Я говорю, что только твоя внешность похожая на Морган привлекла меня и подтверждаю свои слова снисходительными усмешками, а сам хочу схватить тебя за плечи, встряхнуть и раз и навсегда убедить, какая ты замечательная, прекрасная, добрая и уникальная. Хочу сказать, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не сомневалась в себе, своих качествах и своем достоинстве.

Грейс Колдвел — прекрасная женщина, которую мне довелось встретить, узнать и полюбить.

Я продолжаю истязать тебя своей отвратительной, жестокой ложью, а внутри все кричит о том, как сильно люблю тебя. Чувство, которое, как я считал недоступно моему больному мозгу, моему черствому сердцу. Я не сразу понял, что это так. Отвергал саму мысль о том, что мог влюбиться в тебя. Но это случилось. Жаль, что понял я это поздно.

Еще одно «жаль» в багаже моих сожалений.

Ты все отрицаешь, хотя вижу — уже приняла мои слова как данность, как самую последнюю истину.

Я делаю последнее, чтобы закрепить твою уверенность в том, что все это время я был обычным ублюдком, играющим с тобой. Я касаюсь своего укуса на твоей коже, надавливая, чтобы причинить боль. Изображаю удовлетворение, когда ты морщишься, а сам отчаянно хочу опуститься перед тобой на колени и осыпать поцелуями каждую ранку, которая досталась тебе от меня. Хочу прижать тебя к себе, зарыться лицом в твои шелковистые волосы, и никогда не отпускать. Поверить, что у нас и правда все может получиться.

Но вместо этого, я добиваю тебя, неся чушь про то, что мне плевать на тебя. Что больше тебя не хочу. Обреченность в твоих глазах, застывший взгляд режут, кромсают мое сердце на тысячи кровоточащих кусочков.

Ты — самое дорогое, значимое в моей жизни. И сейчас я теряю тебя. Как если бы мои вены вскрыли, и кровь медленно вытекала из ран. Когда я выйду из этой комнаты, уйду от тебя — моя жизнь оборвется.

Грейс — ты и есть моя жизнь.

Как бы я хотел сказать тебе это вместо всего того бреда, что наплел сегодня.

Это не красивая сказка о любви, где он встретил ее, они влюбились друг друга и никогда больше не расставались. Если такое и бывает, то это точно не про нас.

Моя история звучит так: я чертов псих, который выслеживал девушку в течение долгих лет, шантажом склонил ее к отношениям, издевался над ней, влюбился и потерял.

Так мне и надо. Вселенская справедливость.

Прежде чем уйти, я хочу поцеловать тебя. Хотя бы на прощанье, в последний раз. Но я знаю — сделаю это и уже не найду в себе силы оставить тебя. И я вновь и вновь убеждаю себя, что все это ради твоего блага. Ради твоего будущего.

Спектакль лжи завершился, последний акт доигран. Занавес опущен, и огни софитов погасли.

Я выхожу из комнаты, дрожащими руками тихо прикрывая дверь. Покидаю дом, сажусь в машину. Меня колотит, и на мгновение опускаю голову к рулю, делая глубокие вдохи. А потом уезжаю.

Я не знаю, что ждет меня дальше. Но знаю, что ничего хорошего.

Впрочем, я этого и не заслуживаю.

Жизнь, в которой больше не будет тебя — это моя плата за совершенные грехи.

Он входит в пустую квартиру, и тишина комнат встречает его своим холодным безразличием. В те недолгие, редкие моменты, когда здесь слышался ее веселый смех, игривый голос, когда она звала его по имени.

Все это кануло в прошлое, стало историей. Больше ничего этого не будет и все, что ему остается — это вспоминать.

Вспоминать...

Воспоминания — то небольшое, что мы можем удержать, что никто не может отнять. Но видно и это для него непозволительная роскошь. Иначе как объяснить то, что происходило с ним в последнее время.

Только платой за содеянное. Пришло время рассчитываться по счетам.

Он направляется в свой кабинет, чувствуя тяжелый груз на душе при каждом шаге, каждом вдохе. Это его ноша за то, как поступил с ней. Но если впредь она будет свободна от него и всей тьмы, что окружает его — это оправданная плата.

Он садится за рабочий стол, включает компьютер и открывает видеофайл, который просмотрел уже не одну сотню раз, но так и остался в потемках.

Это видео с камеры наблюдения, которая установлена в коридоре дома, куда он привозил ее. Камера расположена так, что просматривается весь коридор вплоть до дверей подвала. Запись сделана в ту ночь, когда кто-то проник в дом и, по словам Грейс, пытался открыть дверь подвала. Незнакомый, который напугал ее.

Она не знает, что есть эта видеозапись. А если бы она ее посмотрела, то удивилась бы, узнав, что в ту ночь в доме был не неизвестный, а человек, которого она хорошо знает.

Он откидывается на спинку кресла и вновь и вновь просматривает видео, на котором он дергает ручку подвальной двери, а после уходит. Именно он был тем, кто испугал той ночью Грейс. Он ходил по дому, он пытался проникнуть в подвал, или только пугал ее.

Дело в том, что он не знает, для чего был там. Он не помнит, чтобы был там той ночью. Несколько часов просто стерлись из памяти. И он даже не знает, как часто с ним происходит

такое.

Что, если такое происходит постоянно, а он ничего не помнит? Что, если в такие моменты он перестает себя полностью контролировать? Что, если в такой момент она окажется рядом?

Кто даст гарантию, что он не навредит ей тогда?

И может быть — тайный враг, которого стоит опасаться — это и есть он сам?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Той ночью, когда Адам ушел, Лорен поднялась в мою комнату и сказала, что не оставит меня. Она обнимала и гладила меня по голове, пока я плакала, приговаривая, что все будет хорошо. Так я и уснула в объятиях подруги, обессиленная рыданиями, под ее тихие, успокаивающие слова.

А когда проснулась на следующее утро, поняла, что мир не рухнул, и небо не упало на землю. Солнце все так же взошло на небе, птицы радостно пели, оглашая приближение лета, и воздух наполнялся ароматами цветущих деревьев и распустившихся цветов. Человечество не вымерло, началась новая неделя и жизнь продолжалась.

Нет, все осталось прежним. Но моя собственная вселенная, мой маленький мир понес глобальные изменения.

Мне надо было вспоминать, как это жить без Адама.

— И все же, в голове не укладывается. — Лорен недоуменно нахмурилась, когда мы утром спустились в кухню. — Не верю я, что он сказал то, о чем думал.

— Разве это важно? — Я вяло пожала плечами, обхватив кружку с горячим кофе обеими ладонями. — Главное, что он не хочет меня больше в своей жизни. И, наверное, так будет лучше, потому что... — я запнулась, потому что даже мое тело противилось тому, что я говорила, — все равно ничего не вышло бы. Учитывая нашу ситуацию.

— Ну, если ты так считаешь. — Лорен с сомнением вздохнула. — Но с другой стороны: ну да, паршиво, что ваши родители оказались такими эгоистами и все такое, но это их прегрешения, не ваши. Не ты, не Адам, хотя откровенно, я не большая его фанатка, но все же, вы не отвечаете за их деяния.

— Это не самое страшное, Лор, — безрадостно хмыкнула я. — Думаю, я могла бы смириться с тем, что моя мать сбежала с его отцом. Но он затеял все это чтобы отомстить. — Я уязвимо посмотрела на подругу, подавляя в себе желание вновь заплакать. — Не потому даже, что я была интересна ему как женщина, а только как объект отмщения. И он сказал мне это глядя в глаза. О чем тут еще может идти речь?

Позже Лорен уехала в университет, после того, как я раз десять повторила ей, что буду в порядке, просто мне требуется немного времени наедине с собой. Я, в самом деле, не хотела никого видеть и ни с кем разговаривать. Я была очень благодарна подруге за ее огромную поддержку мне, но теперь хотела остаться одна и пережить свое горе без свидетелей.

Только когда я пообещала ей, что приеду завтра или через пару дней, Лорен отступила и нехотя уехала.

После отъезда подруги я прошлась по пустым комнатам, не зная, куда себя приткнуть и что делать дальше. В голове творилась полная неразбериха, чувства в полном смятении и апатия на душе.

Я устала. Устала от всех передрыг, которые только ширились с каждым новым днем. Мне хотелось полного покоя, некоего оупения, просто чтобы ни о чем не думать и ничего не чувствовать.

Больно было осознавать, что меня использовали, все время только играли, а я как идиотка имела глупость влюбиться.

Я вспомнила свою глупую затею, в которую посвятила Лорен несколько месяцев назад. Как собиралась влюбить в себя Адама, чтобы сбить с него спесь и заставить ответить за мое унижение. Я тогда многое не знала, и не думала, что получится все в точности наоборот.

Мой взгляд упал на маленький круглый столик в углу гостиной, уставленный бутылками с алкоголем. Бабуля не увлекалась спиртным, но так повелось еще со времен бабушки, что в доме всегда было несколько бутылок на выбор, если вдруг кто-то заглянет в гости. Сейчас бутылки стояли практически нетронутыми, покрытые тонким слоем пыли.

Поколебавшись, я подошла ближе и взяла в руки непечатую бутылку бурбона. Мне вдруг отчаянно захотелось распечатать ее и налить себе немного. Или чуть больше, чем немного. Достаточно, чтобы хотя бы не время забыть Адама и всей горечи, которая обволакивала меня после его ухода.

Но прежде, чем сделать это, я вспомнила свою мать, которая часто прибегала к алкогольной терапии после очередного любовного фиаско и поставила бутылку на место, так и не открыв ее.

Дело не в том, что я не могла позволить себе немного спиртного, периодически я очень даже неплохо расслаблялась с его помощью в компании друзей. Но сейчас, это бы сделало нас еще больше похожими с матерью.

Я не хотела этого.

Я знала, что если поддамся желанию забраться назад в постель и порыдать в голос, то нескоро смогу оттуда выбраться и буду вариться в жалости к себе еще долгое время. Пока рана не затянется, покроется корочкой и не станет заживать. Я не знала, когда рана, оставленная Адамом, начнет исцеляться.

Такое вообще возможно?

Мне надо было чем-то занять себя. Я принялась за уборку и выдраила дом от низа до потолка, заставив все поверхности сверкать чистотой и блеском. А чтобы во время физического труда, недостатком которого были свободно гуляющие мысли, я включила музыку на весь дом, чтобы отвлекала меня.

Когда я закончила, за окном наступили сумерки, и я безумно устала. Поставила в микроволновку остатки вчерашнего ужина разогреваться, а сама пошла в душ. После того, как поем, я планировала тут же лечь спать. Усталость клонила меня в сон, и я рассчитывала уснуть сразу же, как заберусь под одеяло.

В душе, стоя под горячими струями, мне ничто не мешало вновь вернуться к размышлению об Адаме. Я гадала, как он провел этот день? Думал ли немного обо мне, или выкинул из головы тут же, как вышел за порог моего дома?

С мыслями о нем пришли и горячие слезы и, вздрагивая от рыданий, я прислонилась к стенке душевой, выплескивая всю свою безграничную боль.

Даже не смотря на то, как он поступил со мной, я надеялась, что с ним все будет в порядке. Его психологические проблемы не были обманом, я видела их присутствие, каким он был подавленным после визитов к доктору Берку и как действовали на него лекарства.

И я хотела верить, что он сможет все преодолеть.

После всего, что он сделал, после всей его лжи и манипуляции мной, я не могла ненавидеть его. Да и не хотела этого.

Высушив волосы после душа, и надев чистую футболку с джинсами, я спустилась в

кухню, вынув остатки китайской еды из микроволновки, но едва притронулась к ней. В итоге почти вся она оказалась в мусорном ведре, а я вышла на крыльцо, перед сном подышать свежим воздухом.

Вечер был теплый, наполненный звуками и запахами раннего мая. Я прислонилась к перилам, опоясывающие деревянное крыльцо и стала наблюдать за окнами соседних домов, в которых горел свет, и их обитатели были заняты своими ежевечерними делами.

Хантингтоны — соседи через дорогу как раз всей большой семьей сели ужинать. Через больше не зашторенное окно мне была видна вся их столовая.

Грейсоны — соседи слева — смеялись перед включенным телевизором. А Ньютоны — Адель и Клиф жили на углу, только что вместе вышли на вечернюю пробежку.

В этот момент, глядя на соседей, я почувствовала себя особенно одинокой. Не хотела, но ничего не могла поделать с этим скребущим, назойливым чувством, что я потому одна, что недостойна, быть с кем-то. И я, наверное, сделал в этой жизни что-то не так, раз никто не хочет задерживаться рядом со мной слишком долго.

Мать, отец, Адам...

Даже мои немногочисленные отношения были непродолжительными, и чаще не я была инициатором разрыва.

Есть над чем подумать.

Решив, что достаточно с меня этих семейных картин, от которых мне только выть хотелось, я вернулась в дом, громко хлопнув дверью, и отправилась спать.

Ночью мне вновь снился этот сон, где я маленькая и парень, который пришел с мамой, был добр ко мне и немного поговорил со мной, прежде чем уйти. Это был единственный раз, когда я видела его, но видимо, тот эпизод так запал мне в душу, что до сих пор снится.

События, которые происходят с нами в детстве, часто забываются, и, вырастая, мы редко вспоминаем о мимолетных знакомствах, имевшие место в далеком прошлом. Не знаю, почему именно этого человека я запомнила. Запомнила даже не его, а то, что с ним связано; то, что он собой олицетворял.

Долгие годы после той ночи я не вспоминала о нем, и лишь недавно он впервые приснился мне. Я никак не могу рассмотреть его лица. Вижу силуэт, слышу голос и даже чувствую запах — но лицо, словно размытая маска.

Странно, но его голос кажется знакомым, и запах тоже... Что-то очень близкое, хорошо известное мне.

Но что? Что...

Я в каком-то странном состоянии полусна, ворочаюсь по постели. Мое сознание балансирует на границе реальности и царства Морфея, и я не знаю, какую сторону мне выбрать.

Я слышу сдавленный крик и, открыв глаза, просыпаюсь. Не сразу до меня доходит, что это я кричала. Мое дыхание сбитое и сердце грохочет в груди. Пульс частит, будто я пробежала не одну милю.

Я сажусь в кровати и стаскиваю верх пижамы с длинным рукавом через голову. Жар плавит мое тело, покрытое тонкой пленкой пота. Я прикладываю ладонь ко лбу — горячий, как только что с огня сняли.

Только этого мне не хватало! Заболеть перед выпускными экзаменами.

Слабость растеклась по всему телу, и мне приходится приложить усилия, чтобы дойти до ванной. Я вынимаю из аптечки градусник и измеряю температуру: 102.2 (прим. Автора:

по Цельсию 39).

Ну, отлично! Слечь с гриппом — это чтобы окончательно меня добить.

В аптечке я нахожу жаропонижающее и противогриппозное. Глотаю таблетки и запиваю водой из-под крана. Мои ослабевшие от болезни колени подгибаются, и я хватаюсь за край раковины, чтобы не упасть.

Из зеркала на меня смотрит моя заболевающая версия с покрасневшими, слезящимися глазами.

Скоро я вновь возвращаюсь в постель и укутываюсь в два одеяла, потому что меня знобит и лихорадит. Сейчас я особенно остро чувствую свое одиночество, и от жалости к себе мне хочется заплакать, но я сжимаю губы, обещая себе, что плакать больше не буду.

Я устала плакать. Устала горевать.

Несколько дней я практически не выбираюсь из постели, преодолевая болезнь. Я пишу девчонкам, что решила еще немного побыть в доме бабушки наедине со своими мыслями. Знаю, что могла честно признаться им, что заболела, и они тут же примчались бы, чтобы отпаивать меня супом и лекарствами, но отчего-то делать этого я не стала.

Я чувствовала себя не только больной, но и жалкой. Не слишком приятно думать о себе так. И чтобы доказать себе, что мне никто не нужен, что с трудностями я и сама справлюсь — надо бы привыкать — я предпочла, мучатся в одиночку.

Эти дни были ужасными. Я то и дело впадала в тревожный сон, измученная болезнью и уходом Адама из моей жизни. Втайне надеялась, что он все же позвонит мне, но тут же называла себя дурой, что хотела этого.

Он использовал меня. Позволил мне влюбиться, а потом указал на дверь — не было причин по-прежнему хотеть его. Но моим чувствам было плевать на это.

Стоило мне забыться тяжелым сном, как я вновь и вновь видела этот навязчивый сон, который уже стал раздражать. Просыпаясь, я усиленно пыталась вспомнить лицо того парня, но тщетно. Словно мое подсознание блокировало эти воспоминания.

На четвертый день болезни я резко очнулась посреди ночи, моргая в темный потолок.

Наконец-то я смогла преодолеть этот барьер. Перешагнула на другую сторону и увидела, что так тяжело мне далось.

Тот парень, который снился мне в последние дни — это Адам. Именно его лицо было скрыто от меня.

Еще один кусочек головоломки встал на место.

Я узнала, что у Адама был секс с моей матерью. Он приходил к нам в дом и это он говорил со мной.

А еще я вдруг почувствовала, что болезнь стала отступать.

Все выходные я боролась с собой, чтобы не позвонить ему и не потребовать подтвердить мои подозрения. Даже не подозрения, а стойкую уверенность.

Это не было просто. Иногда желание набрать его номер было таким отчаянным, что я сжимала руки в кулаки и уходила подальше от телефона.

Разве теперь это имело какое-то значение?

Адам и моя мать...

Моя мать и его отец...

Отвратительно и мерзко. У меня тошнота к горлу подкатывала, стоило подумать об этом.

Да, я уже смирилась, что моя мать была не самой добродетельной женщиной. Но спать

с отцом и сыном! Это было уже слишком, слишком много для моего понимания.

А потом я думала о том, что же видел во мне Адам, когда занимался сексом со мной? Не вспоминал ли при этом Морган, или представлял ее?

Это стало последней каплей и меня в итоге стошнило, едва успев добежать до мойки в кухне.

Мое сердце было полностью разбито, разворочено и раны, нанесенные ему, не скоро заживут. Но я решила оставить все как есть. Не звонить Адаму, не искать встречи с ним.

Пусть все останется в прошлом.

Я хочу, чтобы это поскорей случилось.

Лорен сказала, что ей звонил Пол. Предложение по работе все еще было в силе. Я ответила, что с радостью пройду интервью — причин для отказа не было. Меня больше ничто не держало в Чикаго. А уехать подальше от места, где могла ненароком встретить Адам, казалось удачной идеей.

Мы договорились, что я сама позвоню ему. Лорен предупредит Пола, чтобы ждал моего звонка. Но была суббота и я боялась побеспокоить его в выходной день, а потому решила отложить звонок на понедельник.

Я была все еще слаба из-за болезни, хотя чувствовала себя значительно лучше. С нетерпением ждала возвращения в университет, да и по девчонкам ужасно соскучилась. Одиночество уже стояло мне поперек горла.

Хотелось изменений в жизни, чтобы увлечься и не думать об Адаме.

Пока что это были только мечты. Потому что чтобы я ни делала, чем бы ни занимала себя, он постоянно присутствовал в моей голове. Я гадала, думает ли он обо мне хоть изредка, но с чего бы?

Я была больше не интересна ему. Наверняка успел найти себе новую игрушку.

В субботу вечером в дверь позвонили. Я никого не ждала, а открыв дверь, увидела женщину лет сорока, которая смущенно улыбалась мне.

Я слегка приподняла брови, готовая отшить ее сразу, если она захочет что-то продать мне.

— Здравствуйте. Извините, что побеспокоила вас. Вы меня не знаете, но я позвонила в вашу дверь, чтобы попросить о небольшой помощи. — Женщина коротко хохотнула, немного волнуясь.

Ничего удивительного, я бы тоже волновалась, если бы пришлось просить помощь у незнакомцев.

— Чем я могу помочь вам?

Я внимательней пригляделась к ней. Она не выглядела попрошайкой, или бездомной. Неплохо одета, да и лицо открытое, довольно располагающее. Ну, попал человек в затруднительное положение, бывает — успокоилась я.

— Мое авто сломалось. Опять. — Женщина махнула рукой себе за спину, указывая на древнюю «Хонду Аккорд». — А мой мобильный разрядился. — Она показала мне телефон с темным экраном. — В общем, повезло мне, как всегда. — Моя визитерша закатила глаза, впрочем, не теряя бодрость духа. — Если бы вы позволили мне воспользоваться вашим телефоном, я была бы очень вам благодарна!

Моя бабушка воспитала меня так, чтобы я всегда помогала тем, кому помочь в моих силах. Мне не жалко было предоставить мой телефон этой милой, попавшей в неприятность женщине.

Бабушка всегда говорила: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой».

Ба была мудрой женщиной.

Но она так же учила меня не пускать в дом незнакомцев, но это больше касалось мужчин, как я думала.

Зря.

Поделом мне, что я не прислушалась к этому совету бабушки. Такая мысль мелькнула в моей голове, когда милая незнакомка набросилась на меня сзади, стоило мне развернуться к телефону, и зажала мое лицо какой-то тряпкой.

А дальше...

А дальше одна темнота.

— Просыпайся, Грейс. Хватит спать.

Чей-то голос, который кажется мне знакомым, проникает в затуманенное сознание. Неожиданно чувствую пощечину: не сильную, но достаточно, чтобы привела меня в чувство.

Я открываю глаза и моргаю, потому что яркий свет лампочки над головой слепит меня.

Не пойму, что происходит. Что это за место и как я здесь оказалась? Пытаюсь вспомнить последние минуты перед тем, как отключилась, но в голове стоит туман.

— Ты сейчас дезориентирована, но это скоро пройдет. — Незнакомка, которая вырубил меня, улыбается, но больше не кажется добродушной. — Мне пришлось усыпить тебя с помощью хлороформа. Думаю, добровольно ты бы не пошла с нами.

С нами?

Я перевожу взгляд на человека, который стоит слева от меня. Фокусирую взгляд на нем и не верю своим глазам.

— Найджел?! — Я буквально вскрикиваю, изумленно хлопая ресницами на невозмутимое лицо дворецкого Адама. — Что... Что происходит?

Я дергаю руками, и только сейчас понимаю, что они скованные наручниками. Собственно, это не самая моя большая проблема. На мне какая-то странная жилетка, она тяжелая и...

Дыхание с шумом вырывается из моих легких, когда я понимаю, в чем дело. Я смотрю вниз и вижу эти странные пластины в карманах по кругу жилетки. Есть только одно объяснение, что это может быть.

На мне несколько килограмм взрывчатки. И моя нога пристегнута к какой-то ржавой трубе. И никто не знает, где я. Зато я догадываюсь, что они хотят сделать со мной.

— Что это значит?

Я в ужасе смотрю на Найджела, но ни один мускул не дергается на его лице.

— Дело не в тебе, Грейс. — Мужчина подошел и опустил на корточки передо мной. Что-то мне это напоминает. — Ты всего лишь оружие против Эллингтона. Мы с Элис так долго искали возможность подобраться к нему, и вот появилась ты. — Найджел холодно улыбнулся одними губами. — Видишь ли, Адам Эллингтон сделал кое-что в прошлом, за что должен был понести наказание, но нет такого суда, который осудил бы его по закону.

— Это был ты, да? — Я зло уставилась на Найджела, желая вцепиться в его бесстрастные, блеклые глаза и вырвать их. — Все это время это был ты?

— Я и моя дорогая жена Элис. — Мужчина выпрямился и тепло посмотрел на жену, которая ответила ему взглядом полным любви. — Мы проделали долгий путь к справедливости. И сегодня она, наконец, восторжествует.

— Я не... не понимаю, причем здесь я. — Мой голос дрожал, и я заикалась от страха. Я ни о чем не могла думать, кроме того, что на мне чертова бомба!

Найджел взглянул на наручные часы и удовлетворенно произнес:

— Скоро здесь будет Эллингтон, и тогда ты все поймешь. Немного терпения.

Адам? Адам будет здесь?

Мое сердце подпрыгнуло в надежде, но тут же ухнуло вниз. Если Адам будет здесь, а они хотят ему за что-то отомстить, тогда...

Господи, они хотят убить его?!

Нет, только не это!

— Не пытайся сбежать, даже не думай об этом. — Элис погрозила мне пальцем, заметив, как я оглядываюсь.

Это было какое-то старое складское помещение. Насколько большое трудно было понять из-за нагромождения деревянных ящиков, за которыми ничего не было видно.

— На тебе столько взрывчатки, что стоит мне нажать на эту кнопку, — она усмехнулась, демонстрируя небольшой пульт в своих руках, — как ты превратишься в фарш. Пуф! — Элис изобразила руками взрыв. — И конец всему.

— Зачем вы это делаете? — Не выдержав, я всхлипнула, тщетно дергая скованные руки. Отчаянье все плотнее стягивало меня в стальное кольцо.

Эти люди готовы были убить всех посетителей в клубе, так что остановит их от еще двух смертей?

Я не хотела умирать! Не так, не в двадцать три года! И я не хотела, чтобы они причинили вред Адаму. Если они убьют его...

От этой мысли я вновь готова была потерять сознание.

— Давай, я расскажу тебе историю, чтобы ты все поняла. Поверь, это очень занятная, но и трагическая история, — сказала Элис.

Казалось, что она получает удовольствие, расхаживая передо мной с видом триумфатора, стараясь, чтобы пульт все время был у меня на виду. Я и не могла никуда больше смотреть, потому что если правда, что она сказала (а у меня не было причин ей не верить), я могу в мгновение ока взлететь на воздух.

— История начинается с того, что однажды у одной женщины родились близнецы: мальчик и девочка. Девочка с самого рождения была такой маленькой, часто болела, и ее сильный брат всегда оберегал ее, опекал во всем. Девочка очень любила своего брата. — Странная улыбка тронула губы Элис. — Дети выросли, и со временем их отношения стали только крепче. Они во всем поддерживали друг друга, были опорой друг друга. Даже когда у них появились свои семьи, это не изменилось.

Элис уткнула руки в боки и насмешливо изогнула брови.

— Думаю, ты уже догадалась, что речь обо мне и моем брате. Его звали Майкл. Звали, потому что Адам Эллингтон убил его.

— Что?!

Я смотрела на нее как на сумасшедшую. Возможно, такой она и была.

— Адам не мог никого убить. Это неправда.

Найджел фыркнул, но промолчал. Он отошел в сторону, давая Элис вести.

— Ты удивишься, на что он способен. Но об этом позже. Все по порядку.

И так, мой брат Майкл был неплохим бизнесменом. Ему удалось создать свою компанию и дела шли неплохо, но грянул кризис, и все пошло наперекосяк. У брата был

план, он мог бы все наладить, но ему требовались время и деньги. В основном время, чего Эллингтон и не дал ему. — Глаза женщины наполнились ненавистью и презрением. — Брат просил, умолял его не закрывать компанию, он столько в нее вложил. Это было его детище, его жизнь. Но Эллингтон был глух к любым мольбам. Он распродал компанию Майкла по частям, нажившись на продаже.

Элис ненадолго замолчала, задумчиво меряя шагами пол, потом вздохнула и продолжила:

— Это убило Майкла. Он решил, что его жизнь закончена. Впал в депрессию, стал пить и однажды... Однажды напившись до беспамятства, поджог дом, в котором спали его жена и их два сына.

Когда огонь разгорелся, он вошел в дом и... — Элис дернула плечами. — Что произошло дальше, догадаться не трудно.

Я прикрыла глаза, подавляя панику внутри. Это личная месть, месть на крови. И они намерены пойти до конца.

Я не видела шанса на спасение.

Сначала Камилла, потом его связь с моей матерью, теперь брат этой полубезумной женщины.

Господи, Адам, сколько людей пострадало по твоей вине? Сколько семей оплакали свои потери, к которым ты, так, или иначе, приложил руку?

— То, как поступил Адам, заслуживает осуждения, но не он устроил поджог, — пробормотала я, затаив дыхание от страха, что мои слова могут спровоцировать Элис на необдуманный поступок.

Женщина резко, пронзительно хохотнула.

— Это еще не конец истории, не спеши делать выводы. Дослушай до конца, дальше тебя ждет сюрприз.

Она посмотрела на меня с каким-то странным удовлетворением, скрестив руки на груди. Эта женщина пугала меня, пугала больше, чем Найджел, который принял позицию наблюдателя.

Это была ее месть, он же действовал в интересах жены.

— Когда брат и его семья погибли, я пришла на их могилу и пообещала, что Адам Эллингтон за все ответит! — Ее кулаки сжались в едва сдерживаемой ярости. — Пообещала, что, сколько бы времени мне не пришлось отдать за это, он заплатит за все. Мой муж поддержал меня, он тоже любил Майкла, они стали лучшими друзьями за время, что мы были женаты.

И мы стали действовать. Мой муж устроился к Эллингтону, заранее сделав себе новые документы и создав другую личность. Это дорого стоило, но никто не должен был связать его с Майклом Айверсоном. Несколько лет он проработал у этой мрази, имея доступ ко всему, что нам требовалось.

Нам стало известно, что Саманта Эллингтон уже много лет лежала в клинике для душевнобольных, и я устроилась туда сиделкой. Наша месть должна была быть продуманной, бьющей в самое черное сердце этого монстра. Мало было просто лишить его жизни, он должен был страдать!

Я слушала излияния Элис, и мне казалось, что я попала в какой-то фильм ужасов, или мне снится кошмар, только вот проснуться все никак не удавалось.

— Работая в клинике, я внимательно наблюдала за Самантой, прислушивалась ко всему

и была начеку. Я узнала, как дорожил своей дорогой мамочкой Эллингтон. — Элис скривилась, будто ее тошнило. — Она была единственным дорогим ему человеком. Пока не появилась ты. — Женщина вскинула брови на меня и скоро продолжила: — Да, у него было много шлюх, он еще тот похотливый сученыш. Но с тобой все пошло не так, и мой муж заметил это.

Я отметила, что Элис ни разу не назвала Найджела по имени. Скорее всего, оно и не было его.

— Он присматривался, наблюдал за развитием ваших отношений, и постепенно родился план: ты и будешь той, с чьей помощью свершится наша месть. — Элис подошла ко мне ближе, с довольной улыбкой глядя сверху вниз на меня. — Что может быть ужасней быть убитым от рук любимого человека.

Мне показалось, что я ослышалась. Я открыла было рот, но Элис сделала знак рукой помолчать.

— Я не закончила. Не будь такой нетерпеливой. И так, я работала в клинике Анны Фокс и однажды удача улыбнулась мне. У Саманты было более менее хорошее настроение, и ее разум вроде как немного прояснился. Она много смеялась и говорила, говорила, пока не рассказала, что однажды, много лет назад, ее муж изменил ей с одной ужасно вульгарной женщиной — ее слова — и ей пришлось убить их. — Элис самодовольно ухмыльнулась. — Мне пришлось постараться, но все же удалось выпытать у нее подробности.

Угадай, как звали любовницу Роберта Эллингтона?

Моя голова кружилась, горло сдавил спазм, и я забыла, как дышать.

Я не могла сделать и вдоха!

Слезы выступили на глазах, и я согнулась, будто мне со всей силы заехали в живот.

— Вижу, ты догадалась. — Элис расслабленно вздохнула, с любопытством наблюдая, как я корчусь в агонии обрушившегося известия. — Саманта призналась, что убила мужа и его любовницу, а после — и это самое интересное — ее ненаглядный сын спрятал их трупы, чтобы никто не узнал, какой грех она совершила.

Я затрясла головой, отказываясь верить, хотя глубоко внутри знала — это правда.

— Ты лжешь. — Я сквозь слезы посмотрела на нее. — Моя мать и Роберт Эллингтон сбежали. Адам бы не стал... Он бы сказал мне...

Мой голос затих, и я опустила глаза в пол. Это все объясняло. Слова Адама о том, что в итоге я возненавижу его. Теперь я знала, о чем он говорил.

Он лгал мне в лицо, когда сказал, что его отец и Морган сбежали и после этого он не видел их.

Все ложь. Как и все, что связано с ним.

— Ты и сама не веришь в это. — Голос Элис звучал снисходительно. — И ты знаешь, что я говорю тебе правду. Сейчас мне не зачем тебе лгать. Но у тебя будет возможность развеять сомнения, когда Эллингтон появится здесь.

— Что вы задумали? — Мой голос на удивление был твердым, хотя все внутри меня кричало от горя и отчаянья. Но если сейчас я позволю этой тьме поглотить меня, то потеряю всякий шанс выбраться из этой переделки живой. Если такой шанс вообще был.

— Скоро увидишь. — Элис хитро подмигнула мне. — Скоро тут развернется настоящая драма.

Драма. Разве мало мне их? Надоели драмы.

Чертовы, чертовы драмы!

— Эллингтон уже в курсе, где ты. Скоро он будет здесь. Кстати, этот старый завод принадлежит ему, — махнув рукой, сообщила Элис.

Адам скоро будет здесь, и тогда они убьют его. Убьют нас.

Или как там сказала эта ненормальная? «Что может быть ужасней быть убитым от рук любимого человека».

Эти слова безумно тревожили.

— Письма — ваших рук дело? — чтобы заполнить мучительное ожидание неизвестного, спросила я.

— О, это было забавно, не находишь? — Элис театрально закатила глаза. — Мой любимый решил, что это был неплохой способ тебя проверить, твои чувства к Эллингтону.

Я в недоумении посмотрела на «Найджела».

— Было два варианта развития событий: ты либо пришла бы с письмом к нему, и это бы значило, что ты доверяешь ему, и твои чувства могут сыграть нам на руку, — за долгое время заговорил мужчина. — Или же ты бы не стала говорить ему о письме, возможно, испугалась и сбежала, и тогда мы бы подумали, стоит ли тратить на тебя время. — «Найджел» равнодушно пожал плечами. — Все просто.

Я открыла рот, чтобы еще что-то спросить, но тут услышала его голос. Мое сердце забилося как в лихорадке от того, что он был здесь, рядом. Не смотря на весь ужас ситуации, на то, что я узнала за последний час, я была счастлива, что вновь увижу его. Даже если я и не нужна ему. Просто взглянуть на него, пусть и в последний раз.

— Камерон, я без оружия, как ты и сказал, — громко произнес Адам, выйдя из-за стены из старых ящиков. Его руки были выставлены вперед, показывая, что он безоружный.

Элис сразу напряглась и сгруппировалась, будто собиралась наброситься на него, а «Найджел», точнее Камерон — вынул из-за пояса пистолет.

Адам быстро оглядел их, но тут же утратил интерес, потому что в этот момент он заметил меня и его глаза, впились в мои, полные боли и страдания.

Адам. Часть 8

Чикаго, 1998 год

— У Кевина в субботу вечеринка. Пойдешь? — Шелли лежала на его кровати, скучающе рассматривая свои ногти с ярко-красным лаком. Она часто напускала на себя этот томный, ленивый вид, но Адам знал, что это всего лишь уловки с ее стороны. Многие парни пускали слюни по Шелли, во многом принимая за вызов ее неприступное поведение. Но ему-то было известно, какая она на самом деле — она не раз показывала ему это, когда дело доходило до постели.

Адаму нравилась Шелли: она была умной, красивой и сексуальной. Их отношения только зарождались, но он уже мог сказать, что хотел бы, чтобы у них было все серьезно.

Да, они только на первом курсе, и ребята в их возрасте обычно не связывают себя обязательствами, но Адама не слишком интересовали разовые интрижки.

— Только если ты хочешь. — Он оторвался от учебника по экономическому анализу, чтобы улыбнуться ей.

Нет, он вовсе не против вечеринки, порой Адам любил хорошо оттянуться на веселой тусовке в компании Джейса и Эрика — последний особенно этим славился — но если Шелли не захочет, так тому и быть.

— Думаю, можно и пойти. — Шелли вздохнула и, забросив одну руку за голову, легла на подушки.

Сейчас, когда ее светлые волосы разметались по постели, а чуть влажные, голубые глаза призывно смотрели на него, Адам вмиг забыл об учебнике и все мысли, кроме нее одной покинули разум.

Она так сильно ему нравилась, так сильно привлекала, что Адам задавался вопросом — а не влюбился ли он? Он так много о ней думал, даже когда она не была рядом...

Вполне возможно.

Отложив книгу в сторону, он поднялся и направился к Шелли, которая уже улыбалась ему, игриво покусывая уголок нижней губы.

— Ты соблазняешь меня? — Он выгнул одну бровь, усмехнувшись при этом, но его голос прозвучал с хрипотцой — верный признак того, что он успел завестись.

— А на что это похоже?

Шелли провела языком по полным губам и поманила его пальчиком. Вся кровь прилила Адаму в место, которое уже стало твердым и натянуло джинсы. Шелли одобительно улыбнулась, опустив глаза на его ширинку.

— Мысли о тебе и твоём теле очень пагубно влияют на мое обучение, — проворчал Адам, впрочем, ничуть этим не расстроенный.

Он опустился на постель рядом с ней и, притянув Шелли к себе, стал неторопливо целовать, возбуждая ее и распаляясь сам еще больше.

Податливое тело Шелли выгнулось ему навстречу, и ее упругая грудь в трикотажном топе уткнулась в него. Адам тихо выдохнул, и в его движениях появилось нетерпение, резкость.

И только он собрался снять с нее кофточку, как дом огласил громкий, истеричный голос матери.

Родители вновь ругались: скандалы в их доме стали частым явлением.

— Черт, — Адам выругался, отстранившись от Шелли. Желание и воодушевление разом сошли на нет.

— Не понимаю, почему ты не переедешь в общагу, — с неприкрытой досадой поморщилась Шелли. — Там мы могли бы быть вдвоем. Ну, твоего соседа пришлось бы выставить за дверь, но все же. — Она улыбнулась ему, чтобы подбодрить, хотя он понимал, что ей неудобно быть свидетелем размолвки его родителей.

Так же, как и он испытывал досаду за то, что она слышала крики матери. Отец все чаще отмалчивался или негромко бубнил себе под нос в попытках отвязаться.

— Я не могу сейчас уехать, — более резко, чем хотелось, ответил он. — Я нужен матери, отец совсем отдалился от нее из-за этой суки.

Его глаза прищурились, а лицо стало злым. Когда он говорил с отцом о ней, тот обещал, что все прекратит, но очевидно, что они все еще видятся. И состояние мамы всерьез начало беспокоить Адама: она все чаще прибегала к помощи снотворного и порой могла проспять весь день, в попытке убежать от правды, которую боялась признать. А когда она все же не спала и не пряталась в своей комнате, в ее руке непременно присутствовал стакан с алкоголем.

— Он же обещал тебе, что с ней покончено.

Шелли положила подбородок на его плечо; ее глаза сочувственно смотрели на него.

Адам меньше всего хотел, чтобы она жалела его. В конце концов, это не ему рога наставляют. Если кто и заслуживал сочувствия в этой ситуации, то только мама.

— Сомневаюсь, что это правда, — сквозь зубы пробормотал Адам, но тут же

спохватился и легонько поцеловал Шелли в нос, чтобы она не подумала, будто это на нее он сердится.

Из коридора, на этот раз ближе вновь раздался крик матери, обвиняющий отца в бездушии и безразличии, а следом послышались рыдания.

— Думаю, я лучше пойду. Позвони мне позже.

Шелли ушла, поцеловав его на прощание. После ее ухода Адам направился к родителям, с намерением разобраться с отцом и если надо, все рассказать матери. Но к тому моменту ссора была закончена: отец сбежал из дома, а мать рыдала в своей комнате, глотая Ксанакс.

Он принялся успокаивать ее, что уже вошло в ежедневную привычку, а когда мать уснула, отправился на поиски отца, решив раз и навсегда прояснить всю ситуацию и заставить отца взять на себя всю ответственность за содеянное.

— Держи, старик. — Джейс протянул ему бутылку пива, хлопнув по плечу.

Адам рассеянно кивнул, взяв пиво. Его все еще трясло после недавней ссоры с отцом, когда тот признался, что Морган беременна и он не может ее оставить. Он буквально озверел, услышав невнятные оправдания отца. Этот мудак заявил ему, что любит ее и готов оставить маму ради этой суки! Впервые в жизни Адаму захотелось причинить боль собственному отцу.

Они едва не сцепились, когда Адам потребовал от того собрать свои яйца и сознаться во всем матери. Требовал перестать держать ее за дуру и если решил бросать, пусть бросает. Адам кричал о том, что отец может котиться к чертям, раз наплевал на их семью, он сам позаботиться о маме.

И ему стоило всей его выдержки не бросить старику в лицо, что трахал его ненаглядную Морган, эту дешевую шлюху, которая раздвигала ноги за выпивку. Он спросил у отца, откуда он может знать, что ребенок его? Что это не ее уловка, чтобы устроить себе лучшую жизнь.

Его отец был настоящим идиотом, со всей уверенностью ответив, что у нее никого не было с тех пор, как у них возникли отношения.

Кретин! Адам отымел ее не далее как два месяца назад, но если его отец такой олух, пусть тогда набивает шишки. После того, как предал мать, он этого достоин.

Первый, к кому отправился Адам после ссоры со стариком, был Джейс. Ни о ком другом Адам и не думал. Даже Шелли сейчас он видеть не хотел. С Джейсом они дружили с самого детства, и всегда были в курсе того, что происходило в жизни друг друга.

Собственно, были вещи, которые он мог доверить только Джейсу.

— Что ты собираешься делать?

Друг сделал большой глоток пива, спокойно посмотрев на него. Он никогда не любопытствовал, не принуждал на откровения, но в итоге ему хотелось излить душу, как бы по идиотски это не звучало.

— Не знаю. — Адам устало провел руками по лицу; в голове была полнейшая сумятица. — Задолбало все! — Он выругался сквозь зубы, вдруг почувствовав, как же его достали все эти семейные разборки, скандалы, вранье отца и истерики матери. Уж лучше старику и правда, уйти, чтобы все это сумасшествие прекратилось.

— Тогда у меня есть одно предложение, — хитро хмыкнул Джейс. — Давай напьемся.

И они напились, да так, что Адам с трудом вспомнил, как они потом вернулись в квартиру Джейса. Друг жил отдельно с тех пор, как его отец повторно женился, а он сразу не заладил с мачехой.

Утром, мучаясь похмельем, Адам вернулся домой, все еще не решив, что делать с тем,

что узнал от отца. Рассказать матери, или нет? Предоставить отцу шанс самому во всем сознаться и отойти в сторону?

Его голова раскалывалась, будто ее раз за разом били кувалдой, и Адам собирался пережить это паршивое состояние в своей комнате, завалившись в кровать.

Не вышло. Стоило ему переступить порог дома, как мать бросилась к нему вся в слезах, успевшая выпить и в состоянии истерики. Ее светлые волосы растрепались, а макияж поплыл от обилия слез.

Злость вновь всколыхнулась в Адаме. Его мать всегда была женщиной с чувством собственного достоинства, с гордой осанкой и идеальным внешним видом. Но за последние месяцы она превратилась в кого-то, кого Адам не узнавал. Это было жалкое, неврастеничное существо с отчаявшимся взглядом.

Он испытывал стыд от того, что думал так, но признавал, что так и есть на самом деле. Правда, от которой не спрячешься.

— Где ты был?! — высоким голосом, с упреком потребовала ответа мать. Ее глаза лихорадочно блестели, а рука, сжимающая стакан, дрожала. Ее состояние с каждым днем все больше беспокоило Адама, только он и сам не понимал, от чего чувствует тревогу. — Теперь и ты решил бросить меня, да? — Мать всхлипнула и зажала рот рукой. — Мало того, что твой отец не вернулся домой, ты тоже не соизволил появиться! Вы такие эгоисты, только о себе и думаете! — Взгляд матери сощурился. — И плевать вам, что я мучаюсь тут от волнения!

Адам глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться и не реагировать на обвинения, сказанные под действием алкоголя.

— Мам, я был у Джейса. Мы немного засиделись, перебрали лишнего. Не стоит тебе волноваться обо мне.

Он подошел к матери, чтобы поцеловать ее в щеку и показать, что не думал бросать ее, но та дернулась, сбрасывая его руку со своего плеча.

— Ты покрываешь своего отца, верно? — Ее серые глаза, его же глаза, но в женском обликии, обвиняющее сканировали его. — Тебе все известно, ты просто отмалчиваешься!

Он отвел взгляд в сторону, потому что лгать матери было невыносимо. Неправильно.

— Признайся! — ее голос сорвался на крик, резанувший его по натянутым нервам. — Ну же, скажи уже, наконец, правду!

Хлесткая пощечина обожгла щеку. Он не сразу понял, что его мать дала ему пощечину. Его мать ударила его!

За все его девятнадцать лет жизни она ни разу не била его. До этого момента.

Адам с болью и неверием посмотрел в глаза матери. Саманта дрожала, и сама, ужаснувшись от того, что сделала.

Насколько жалкой и никчемной она стала, если подняла руку на своего любимого мальчика!

И он не выдержал. Разом выпалил всю правду, и про измену отца, и про беременность его любовницы, и про то, что отец собирается бросить их ради нее.

Мать трясла головой, в отчаянье заламывала руки и кричала, что этого не может быть. А он, гложимый обидой и яростью на родителей за то, во что превратили их семью, был безжалостен, открывая матери глаза на то, что творится у нее перед носом.

А потом он трусливо сбежал, оставив рыдающую мать. Словно сами черти гнались за ним, когда он покидал дом, торопясь, чтобы не слышать ее завываний, мир которой разбил в

один момент.

Джейс предложил ему на время перебраться к нему, когда Адам признался, что не хочет возвращаться домой. Вечером они вдвоем отправились в дом Эллингтонов, чтобы Адам взял кое-какие вещи на первое время.

— Черт, он дома, — нервничая, произнес Адам, когда они с Джейсом подъехали к дому. БМВ отца стояло на подъездной дорожке. А он так надеялся, что старика не будет, и если ему повезет, то и мать будет спать, пока он будет собирать свои вещи. Он специально приехал попозже, но удача не на его стороне.

Тоже, впрочем, ему новость.

— Только не кипятись, — сказал Джейс, заметив, как руки Адама с силой сжали руль. — Зайдем, возьмешь свои шмотки и свалим отсюда. Договорились?

Адам кивнул. Он и сам не хотел нового скандала. Пусть родители сами разбираются. Его это больше не касается.

Они с Джейсом вышли из машины и поднялись на каменное крыльцо. Кругом стояла тишина, никаких криков, которых он боялся, не слышалось.

Возможно, все обойдется. Ему нужно пять минут, и потом он уберется из этого места.

Что-то было не так. Он понял это, стоило ему переступить порог. Все по-прежнему было тихо, но тишина эта была какой-то зловещей, не правильной.

Адам с Джейсом переглянулись.

Друг тоже это почувствовал? Воздух буквально был пропитан предчувствием беды.

И вдруг они увидели это. Одновременно. Кровавые отпечатки на дверном косяке, ведущим в гостиную.

Его сердце оборвалось. Что-то произошло. Что-то очень плохое. Разум кричал ему убираться из дома, но ноги несли в обратную сторону.

Она стояла посреди комнаты, растерянно оглядываясь, будто не понимала, как тут очутилась. Ее руки были опущены вдоль туловища — правая сжимала пистолет.

— Мам, — сдавлено позвал Адам, перестав дышать.

Дикий ужас сковывал тело, а разум отказывался воспринимать то, что видели глаза.

Кровь, смерть. Убийство.

— Твою мать, — тихо выругался Джейс за его спиной.

— Тут так грязно, — безмятежным голосом посетовала мать, встретившись с ним взглядом. — Делла плохо выполняет свою работу. Надо бы ее уволить.

Ее лицо нахмурилось, будто способности горничной были самой большой ее проблемой.

— Мама, что ты... что ты натворила? — голос отказывался его слушаться. Тело покрыл липкий пот страха.

Что же теперь делать? И мама... Что с ней? Она только что убила мужа и его любовницу, но, кажется, ничуть не озабочена этим.

Адам опустил глаза на пол и его затошнило. Морган лежала возле дверного проема, лицом в пол. Видимо пыталась сбежать, но мать выстрелила ей в спину. На светло-голубом шифоне ее платья расплылось отвратительное красное пятно, и целая лужа под ней.

Отец, с пулей во лбу, лежал возле кофейного столика, невидящими глазами вперившись в потолок.

— Твой отец поступил очень дурно, Адам. — Мать снисходительно улыбнулась ему, будто он не понимал очевидные факты. — И эта женщина, она такая скверная. Они должны

были понять, что нельзя быть такими жестокими!

— Мам, отдай мне пистолет, хорошо? — Адам осторожно приблизился к матери, протянув руку. — Отдай, и мы поговорим.

В ее взгляде мелькнуло сомнение, но она тут же широко улыбнулась ему и вложила все еще теплый пистолет в протянутую ладонь.

Он с облегчением забрал оружие, потом повернулся к Джейсу и жестко посмотрел на него.

Решение пришло мгновенно. Он знал, что другого выхода нет. Мать не в себе сейчас, но Адам боялся, что когда ее разум прояснится, весь ужас совершенного убьет ее.

— Джейс, уведи ее отсюда. Дай ей ее таблетки, и уложи спать.

— Что ты собрался делать? — Друг с подозрением уставился на него.

— Я не могу допустить, чтобы они забрали ее. — Адам категорично покачал головой, готовый умолять друга молчать, если понадобится. — Суд, следствие — это уничтожит ее. СМИ вывалит ее имя в грязи, эти шакалы бросаются на такие истории как на падаль. Я не могу позволить сделать это с ней, не могу. — Адам перевел дыхание. — Обещай, что ничто из этого не выйдет за пределы этого дома. Никто, никогда не должен узнать.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу, потом Джейс кивнул.

— Обещаю. Но ты уверен?

Адам сразу понял, о чем спрашивает Джейс. Он кивнул. Сама мысль о том, что придется сделать это, вызвала в нем спазмы отвращения, но у него не было выбора.

Это он во всем виноват. Если бы он сдержался и не разболтал все матери, ничего этого не случилось бы.

— Пойдемте, миссис Эллингтон.

Джейс подошел к Саманте, протягивая ей руку. Женщина улыбнулась и позволила повести себя к выходу.

— Ты хороший мальчик, Джейсон Рид, — тепло сказала Саманта. — Моему Адаму так повезло с другом. — Она вздохнула и покачала головой. — Я всего лишь хотела поговорить с ними, но эта ужасная женщина стала кричать, что Роберт отныне принадлежит ей. Я только хотела, чтобы она перестала говорить такое.

Джейс вывел Саманту из гостиной, но до Адама доносились ее бормотания, пока она поднималась по лестнице.

Оставшись один, Адам огляделся, решая, с чего начать действовать. У него мало времени. Надо делать все быстро, потому что утром придет прислуга и к тому времени тут не должно остаться никаких следов.

Его ноги подгибались, когда он подошел к телу отца и опустился перед ним на корточки. Тошнота вновь подкатила к горлу.

Величественный Роберт Эллингтон лежал перед ногами своего сына, убитый единственным выстрелом в голову.

— Прости, пап, — пробормотал Адам, дрожащей рукой закрыв глаза отца. — Я не хотел, чтобы все получилось так. Прости.

Сдавленное рыдание вырвалось из его горла, но он тут же подавил его. Не время. Не сейчас.

Он стиснул зубы, поднялся и, взявшись за край ковра, на котором лежал отец, стал сворачивать его.

Он должен похоронить его, и эту женщину, которая разрушила их семью. Должен

спрятать их так, чтобы никто и никогда не нашел. Мать не вынесет позора. Ей придется жить с тем, что она совершила, но она не проведет остаток своих дней в тюрьме.

Адам не мог потерять еще и ее. Не мог допустить ее осуждения, ведь если бы не он...

Если бы он держал язык за зубами и не поддавался своим эмоциям!

Когда с отцом было покончено, Адам сходил в подвал и принес большой отрез пленки, чтобы завернуть в нее Морган.

Перевернув ее, он на миг отшатнулся, потому что ее распахнутые глаза уставились на него, будто обвиняя. Ему даже показалось, что сейчас ее губы начнут шевелиться, и она закричит, что он и сам преступник, если собирается покрывать убийство.

Он моргнул, очищая голову от паники и страха. Она мертва. Мертвые не разговаривают. Она больше ничего не сможет ему сделать.

Заворачивая ее тело, на миг вспомнил о девочке, ее дочери. Сегодня она потеряла мать, но никогда не узнает, что с ней случилось.

Адам надеялся, что у девочки есть человек, который позаботится о ней. Но уже через минуту мысли о ней были забыты. Ему предстояла тяжелая миссия. Он должен огордить маму от всего, что связано с этой ночью.

Только это имело значение.

Чикаго, наше время.

Я смотрю на нее, и во мне поднимается желание разорвать уебка, который делает с ней все это. Я обещал, что защищу ее, что ей нечего бояться, и вот теперь она прикованная наручниками, увешанная взрывчаткой, и страшно напуганная.

Ее глаза в ужасе кричат о том, как ей страшно.

Бедная моя девочка! Хотел бы я сорвать с нее этот чертов жилет смертника и забрать ее отсюда, но я должен действовать очень осторожно и продуманно, если хочу, чтобы мы с Грейс выбрались живыми из этой ситуации.

— Не делай резких движений, иначе ей конец. — Камерон, которого я в течение четырех лет считал Найджелом, направил пистолет на Грейс.

— Я здесь, как ты и хотел. — Я все еще держу руки перед собой, и говорю спокойно, но это дается чертовски сложно. Страх за Грейс сводит желудок; все мои инстинкты кричат о том, чтобы уберечь ее любой ценой. — Теперь отпусти ее. Она больше не нужна вам.

— О, ты ошибаешься. — Женщина, как я уже знаю, жена Камерона с ненавистью смотрит на меня. Я могу безошибочно определить — она хочет моей крови, моей смерти. Такую ничем не переубедишь. И это делает наше положение еще паршивей.

«Грейс, надо вытащить Грейс».

— Вы же за мной охотились, верно? — Я смотрю на Элис, но понимаю, что чтобы я не сказал, это не изменит их планы. — Она здесь не при чем. Отпустите ее, я не стану сопротивляться. Делайте, что хотите.

— Да ты в отчаянье. — Элис хмыкает, склонив голову набок. Ей доставляет удовольствие от того, что — как она считает — одержала верх надо мной.

Впрочем, сейчас преимущество и правда, на их стороне.

— Боишься, что твоя ненаглядная пострадает? — Женщина хмыкает. — Неужели даже такой гнилой человек как ты, способен переживать еще за кого-то, кроме своей шкуры? Знаешь, было забавно наблюдать за тем, как весь такой уверенный в себе Адам Эллингтон теряет управление над своей жизнью.

Ее глаза злорадно блестят, и мы оба понимаем, о чем она говорит.

— Наверняка думал, что теряешь рассудок, как и мамочка, верно? — Элис зло, коротко хохочет. — Ох, это оказалось легче, чем мы предполагали. Заставить тебя поверить в собственное безумие, всего-то и дела, что за завтраком подсыпать пару-тройку нужных препаратов.

Усмехнувшись, она щелкнула пальцами для большего эффекта своих слов.

Влажные от слез глаза Грейс расширяются, и она непонимающе смотрит на меня, но я отвожу взгляд, потому что непереносимо осознавать, каким полнейшим идиотом я оказался.

Я и правда и секунды не сомневался, что схожу с ума, как и мать. И в попытках уберечь Грейс от своего безумия, оттолкнул ее, глубоко и больно ранив. И вот теперь она здесь, и ее жизни угрожают мои враги, которыми руководит жажда мести.

Мне ли не знать, что это такое.

— Адам, о чем... она?

— Дорогуша, я думаю, ему очень стыдно, — насмешливо протягивает Элис, взглянув на Грейс. — Нам удалось заставить его поверить в то, что он помешался. И это, правда, было весело. — Она вскидывает брови и хохочет.

Я начинаю сомневаться в ее собственной адекватности.

Надеюсь, Джейс не подведет. Вся надежда на него. Потому что я, правда, пришел сюда без какого либо оружия, выполняя требования Камерона.

— Элис, время, — коротко напоминает Камерон, и я замечаю в нем признаки волнения.

— Точно. — Элис с сожалением вздыхает. — Как с вами не интересно, но пора переходить к главной цели того, зачем мы здесь.

Она ближе подходит ко мне и, вскинув подбородок, с всепоглощающей ненавистью смотрит в мои глаза.

— Сегодня ты сполна рассчитаешься за смерть моего брата и его семьи. Ты помнишь его? — Ее глаза блестят, когда она упоминает об этом. — Майкл Айверсон, жизнь которого ты уничтожил. Он просил тебя дать ему немного времени, он смог бы вытянуть компанию. Но ты не дал ему ни шанса, боясь потерять свои драгоценные доллары. — Она горько усмехается. — Считаешь себя богом, запросто рушишь чужие жизни. Идешь по трупам. Никогда не допускал, что мир ответит тебе тем же? Что слезы твоих жертв вернуться к тебе сторицей?

— Не тебе говорить о жертвах, — сквозь стиснутые зубы произношу я. — Вы убили восемь человек, взорвав клуб из-за маниакального желания отомстить мне. Хотела справедливости? Почему не убила меня? Твоя месть стоила человеческих жертв?

— Сопутствующие потери. — Ее губы поджимаются в тонкую линию. — Зато я делаю благое дело, избавляю мир от такой мрази, как ты. Точнее, это сделает Грейс.

Она разворачивается и, подойдя к Грейс, снимает с нее наручники, потом с силой дергает, ставя на ноги. Я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься на Элис, вырвать ее руки с корнями, чтобы не прикасалась к моей девочке, страдающей не за свои грехи.

Море отчаянья и безнадежности затапливает меня.

Как я могу спасти ее, без того, чтобы она не пострадала?

Я готов все отдать за ее спасение. Не колеблясь, не раздумывая. Если надо, пожертвовать жизнью. Но уберечь ее. Был бы только шанс...

— Здесь четыре килограмма взрывчатых веществ, — резко сообщает Элис, расстегивая наручник вокруг ноги Грейс. — Стоит мне нажать на кнопку, и она и все здесь разлетится к чертям. Нет, я не буду делать этого сейчас. — Она криво усмехается мне. — У меня нет

желания отправиться на тот свет. Дернешься, и Камерон прострелит ей голову. Хочешь спасти ее, тогда позволь ей следовать моим указаниям.

Я не понимаю, о чем плетет эта сумасшедшая баба, но предчувствия у меня охереть какие плохие. Но все, о чем я могу думать — это о жилете с взрывчаткой на моей Грейси.

— Это револьвер, — инструктирует Камерон, подводя Грейс к деревянной перекладине. — Он не заряжен, но патроны лежат рядом. Их три, как и было в барабане.

Он бросает на меня короткий взгляд, давая понять, что все знает.

Блядь, у них мой револьвер, я сам заправил барабан тремя патронами, но долгое время не вспоминал о нем. Не то, чтобы я хотел еще раз испытать свою удачу в «Русской рулетке». Но порой я просто доставал его из стола и вертел в руках, пока желание приставить оружие к голове и выстрелить не проходило.

— Все, что тебе надо сделать, это выстрелить. — Камерон без признака каких-либо эмоций смотрит на дрожащую от шока Грейс. — Покончишь с этим, и избавишься от жилета. Будешь колебаться, и вы оба умрете.

Я не знаю, что сделала Элис, но таймер на жилете вдруг ожил и электронные зеленые цифры начали отсчитывать секунды. Грейс закричала, умоляя их не делать этого. Ее полный мучения вопль оборвал мое сердце, и я бросился к ней, но Камерон остановил меня, прижав пистолет к ее виску.

— Хорошо. Хорошо! — Мой голос сорвался, и я замер в метре от них. Ужас сковывал мышцы, сосредоточиться едва удавалось. Я знал только одно — если сейчас не соберусь, Грейс пострадает еще больше.

Я сделал несколько глубоких вдохов через нос. Адреналин бил по венам, голову разрывало от сознания собственной беспомощности.

Это тупик.

— Даже не думай геройствовать. — Элис жестко посмотрела на меня и медленно покачала головой.

— Она сделает это, — еще раз глубоко вздохнув, твердо заявил я. — Она выполнит ваше чертовое условие. Вы хотите мести? Отлично. Заберите мою жизнь, но она здесь не при чем.

Черт! Черт! Я тяжело дышу, захлебываясь от отчаянья. Где гарантия, что они отпустят ее, даже когда я буду мертв?

Оставалось только надеяться на то, что Джейс не подведет.

— Когда все сделает, получит свободу.

Я впился взглядом в пульт в руке Элис. Не было никакой возможности перехватить его без того, чтобы мы все тут же не взлетели на воздух.

Нет, этот вариант отпадает.

Грейс придется выстрелить.

— Здесь установлены камеры, так что мы все увидим, — предупредила Элис. — Я уже предвкушаю интересное представление. — Ее губы растянулись в злорадной улыбке. — Как только мы заметим, что что-то не так, я тут же нажму кнопку и ба-бах! И Адам, не думай, что лишив себя жизни собственноручно, ты спасешь ее. Так не пойдет, — предупредила Элис, верно угадав, что я думал об этом.

— Твоя жизнь за его жизнь, Грейс. — Она совершенно серьезно уставилась на Грейс. — Помни, что это из-за его семьи ты лишилась матери. Именно он закапал ее, цинично утаив преступление. Он все это время держал тебя за дурочку. Адам Эллингтон — это злокачественная опухоль, которую надо удалить. Сделай это и получишь свободу. Когда я

увидишь, что ты все выполнила, таймер остановится — я деактивирую его удаленно — и ты сможешь снять жилет.

А теперь нам пора. Сейчас все в твоих руках, Грейс.

Элис бросила последний долгий взгляд на меня и, ухмыльнувшись, скрылась за маленькой боковой дверью в конце склада. Камерон отступал с поднятым пистолетом, последовав за ней.

— Грейс, — негромко позвал я, осторожно подойдя к ней. Ее хрупкие плечи вздрагивали под тяжестью жилета, и мне так отчаянно хотелось привлечь ее к себе, обнять и успокоить, сказать, что все будет хорошо. Что она обязательно выберется отсюда, и ее жизнь будет долгой и счастливой.

— Я не могу, — едва разборчиво пробормотала она, подняв на меня свои заплаканные глаза. — Не могу сделать этого.

— Можешь. — Я кивнул, заставляя себя улыбнуться. — Грейс, ты должна. Ты же знаешь это.

Я старался не смотреть, но стремительно утекающие драгоценные секунды приковывали взгляд. Оставалось чуть больше тридцати минут, и за это время я должен был убедить ее нажать на курок.

— Нет, — со стоном, который рвал мне душу, выдохнула она. — Не могу. Господи, я не могу!

Рыдания вновь сотрясли ее тело. Она спрятала мокрое лицо в ладонях, качая головой.

Мне хотелось ее утешить. Стереть слезы с ее лица, осушить их своими губами. Прогнать все тревоги.

Я хотел сказать, что люблю ее. Даже если это будет последнее, что я скажу.

Но я был в отчаянном положении, и помочь мне могли только крайние меры.

Был только один способ убедить ее нажать на курок.

Я должен был вновь стать тем ублюдком, которого она ненавидела. Только это может дать ей решимости. В последний раз я буду тем, кем был всю свою жизнь. Это не сложно, быть тем, кого все ненавидят — у меня всегда хорошо это получалось.

— Теперь ты все знаешь, — резко выпалил я. — Твоя мать никуда не сбегала, никуда не уезжала и не бросала тебя. Ты думала так, потому что пятнадцать лет назад я закопал ее в землю. Это по моей вине все эти годы ты считала, что никому не нужна, что тебя выкинули, как не нужную вещь.

Мои слова звучали жестоко, отрывисто и гневно. Грейс все еще плакала, и я не был уверен, доходит ли сказанное мной до ее сознания. Трудно думать о чем-то другом, когда на тебе взрывчатка, и таймер отсчитывает время, когда твоя жизнь оборвется.

Я должен был разозлить ее достаточно, чтобы она смогла спустить курок.

— Грейс, я скинул твою мать в яму, словно она была каким-то животным, и засыпал землей. И я использовал тебя, использовал так, как только хотел. Я сделал все, чтобы испортить твою жизнь! — Мой голос повысился, потому что я начал терять, чертов контроль над собой! — А теперь, мать твою, возьми этот гребаный револьвер!

Я паниковал. Я охренеть как паниковал. Казалось, она совсем расклеилась. Она не станет этого делать.

Твою мать!

Не давая себе времени передумать, я схватил револьвер и рядом лежащие патроны. Зарядил барабан и не стал проворачивать его, чтобы первый же выстрел был поражающим.

— Держи!

Я буквально силой впихнул револьвер в ее дрожащие руки. Она обезумевшими глазами посмотрела на него, но удержала. Потом глубоко задышала, и скоро ее слезы прекратились. Взгляд стал более осмысленным, что вызвало во мне вздох облегчения.

Осталось совсем немного, но самое сложное.

Я подошел к ней вплотную, обхватил руками ее руки, сжимающие оружие и приставил его к своей голове.

— Давай же, — холодно улыбнувшись ей, протянул я и раскину руки в стороны. Мой голос звучал вкрадчиво, в котором звучала угроза, означающая, что если она ослушается, то пожалеет. Такой метод хорошо действовал раньше, когда я хотел ее подчинения.

— Сделай это, Грейс. Ну же, тебе ведь хочется.

Я специально провоцировал ее, подталкивая к решающему действию. Притихнув, она наблюдала за мной, как замороженная, едва дыша.

Она молча слушала, но все еще колебалась. А время шло. Я видел, что у нее не хватит духу выстрелить. Вот она тяжело вздохнула и перехватила револьвер другой рукой.

Только один шанс. Одна возможность.

— Грейс, стреляй уже! — рявкнул я, используя эффект неожиданности.

Она вздрогнула и спустила курок. Прогремел выстрел. Мы оба замерли, широко распахнутыми глазами впиваясь в лица друг друга.

Пуля пролетела в миллиметре от моей щеки и пробила одну из деревянных коробок. В последний момент она отвела револьвер в сторону. Так и не смогла выстрелить в меня, сколько бы грязи я не принес в ее жизнь.

— Ты понимаешь, что теперь мы оба умрем, — в ее губы прошептал я.

— Я знаю, — с тихим вздохом ответила она.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Чтобы вы сделали, если бы вам оставалось жить всего лишь сутки? А пять часов? Час? Полчаса...

Минуты, секунды нещадно убегают, просыпаясь, как песок сквозь пальцы. Я хочу ухватить их покрепче и сжать рукой, чтобы задержать, остановить, но это не возможно.

Тик-тик-тик...

Приближение моей гибели. Страшной, пугающей концовки жизни. Что скажут обо мне после того, как меня не станет? Вспомнят ли через месяц, полгода, год, что я жила на свете?

Если бы у меня было время, чуть больше времени, я бы хотела увидеть всех своих друзей, чтобы иметь возможность попрощаться. Я бы попросила прощение у всех, кого обидела и непременно простила всех, кто обидел меня.

Тяжесть жилета, начиненного взрывчаткой, ощущается непосильным грузом, куда больше, чем реальных четыре килограмма.

Я могу еще все изменить. Могу убить Адама и сохранить себе жизнь. Я представляю, как делаю это, и как моя жизнь продолжается: пустая, серая, вязкая, как густой туман, без надежды на просвет. Такой она будет, если я выстрелю в него.

Убить его — значит самой лишиться жизни. Тогда в чем смысл?

В чем?

Я столько всего узнала за этот кошмарный день, но я не хочу об этом думать. Не хочу тратить последние драгоценные минуты на обвинения, выяснение отношений и злость.

Да, я злюсь, и все внутри меня клокочет, но это как-то отходит на задний план в свете

того, что на мне бомба и скоро я взлечу на воздух.

— Ты не должна умирать, — упрямо говорит Адам, обхватывая мое лицо ладонями и заставляя меня смотреть в его глаза. — У тебя еще есть время, только один выстрел, и все это закончиться.

Он смотрит на меня умоляюще, как еще никогда не смотрел. Он напуган и его глаза блестят.

Бойтся, что я умру? Сам боится смерти?

Нет, это вряд ли. Он здесь, со мной и видно никуда не собирается убегать.

— Ты можешь уйти, на тебе нет бомбы. Не обязательно умирать нам вместе. — Мои слова звучат резче, чем хотелось. Напряжение сказывается.

Чертово тиканье детонатора режет слух и хочется зажать руками уши.

— Упрямая девчонка! — Адам улыбается, но видно, что с усилием, сквозь боль. — Какая же ты у меня упрямая!

Он наклоняется и прижимается губами к моему лбу. Я закрываю глаза и тихо дышу, но мое тело дрожит как осиновый лист на ветру, потому что я никак не могу справиться со страхом.

Умирать — больно? Интересно, я почувствую, как мое тело разорвет на кусочки при взрыве, или не успею?

Пусть все произойдет быстро, чтобы я ничего не успела понять.

Не хочу, чтобы было больно.

— Я люблю тебя, — вдруг совершенно естественно, словно не раз произносила эти слова, говорю я.

— Не надо. — Адам хмурится и качает головой, и его глаза начинают блестеть еще сильнее. — Не говори этого, потому что это похоже на прощание.

— Это и есть прощание. — Неожиданно я коротко усмехаюсь, но тут же уголки моих губ опускаются. — Знаю, ты этого не хотел и тебе это не надо, но знаешь что, мне все равно. Ты не можешь это контролировать, никто не может контролировать чувства. — Я с вызовом смотрю на него, чем вызываю улыбку Адама. — Сейчас, в конце, я могу тебе все сказать. Ты не неуязвимый, от чувств, эмоций, жизни. И не всемогущий, хотя тебе многое подвластно. Ты не хуже, чем хочешь казаться, и не спрашивай, откуда я знаю, просто знаю. Я не хочу сейчас говорить о том, что было в прошлом, потому что будущего почти не осталось и каждая минута бесценна. — Я вновь прикрываю глаза на мгновение, потому что говорить становится тяжело. Мне хочется плакать, и не знаю, откуда берется выдержка не делать этого. — Я не знаю, в какой момент полюбила тебя и не знаю причины, по которой это произошло. Наверное, это случилось раньше, чем я смогла это признать. Я не хотела влюбляться, боялась этого, но вещи, которых мы боимся, имеют свойства исполняться, правда? — Я смущенно смотрю на Адама, который внимательно слушает меня, не дыша. — И я не ненавижу тебя, вопреки всему, не ненавижу.

Я умолкаю, потому что боюсь, что если продолжу, то совсем расклеюсь.

— Ты права, я не всемогущий, — охрипшим голосом произносит Адам. — Потому что если бы это было так, я бы забрал этот жилет и надел на себя.

— Не логичней было бы сделать так, чтобы бомба не сработала?

Я нервно усмехнулась, и Адам ответил мне такой же призрачной улыбкой.

А потом он прижал меня к себе, но не сильно, чтобы не задеть детонатор и в ухо прошептал:

— Я люблю.

Отреагировать я не успела, потому что в этот момент мы оба слышали какой-то шум и через секунду Джейс ввел «Найджела», держа его горло в захвате, приставив к голове пистолет, а обезумевшая Элис, спотыкаясь, плелась рядом, осыпая Джейса проклятиями и угрозами, если он не отпустит ее мужа.

Я плохо осознавала, что последовало за этим. Джейс грозил застрелить «Найджела», если Элис не деактивирует бомбу. Пылая яростью и только не плюясь ядом, она выполнила его требования, под пристальным наблюдением Адама, который был готов наброситься на нее сразу же, если бы она попробовала навредить мне.

Я не могла поверить, что освободилась от жилета смертника. И что мне больше не грозит превратиться в кровавые ошметки.

Как только Адам снял с меня жилет, неожиданно даже для себя, я подскочила к Элис и со всего размаху заехала кулаком ей в челюсть.

Думаю, моя рука поболит какое-то время, но оно того стоило.

Скоро прибыла полиция, и Элис с мужем увезли. Мне казалось, что эта ночь никогда не закончится, полицейские без конца расспрашивали меня, Адама и Джейса. Им пришлось объяснять, как так случилось, что они оказались здесь, с оружием и почему сразу не вызвали полицию.

Адам рассказал, что получил сообщение с указаниями от своего бывшего работника, которого мы знали как Найджел. Четкая инструкция, в которой было сказано, что если он приведет копов, я тут же умру. В тот момент с ним был Джейс, и они договорились отправиться вдвоем. Джейс должен был стать нашим тайным преимуществом, и пока Адам находился в помещении, следуя указаниям супругов, Джейс слышал все через окно, а потому был готов. Он устроил засаду «Найджелу» и Элис, воспользовавшись эффектом неожиданности.

Это и помогло нам спастись.

Я ужасно устала и буквально валилась с ног, засыпая на ходу. Адам бросал на меня тревожные взгляды, и как только представилась возможность, забрал меня из этого проклятого места, которое я предпочитала больше никогда не видеть.

Они с Джейсом приехали на машине последнего, и пока Джейс вел авто, Адам сидел с мной на заднем сиденье, крепко прижимая к себе. Я не сопротивлялась, хотя как только шок от пережитого стал ослабевать, в голове назойливо принялись зудеть сказанные Элис слова об убийстве мамы и том, какое участие во всем этом принимал Адам. Эта бомбарозоблачение меркла на фоне нашей возможной гибели, но теперь, когда смерть нам больше не грозила, я ни о чем другом не могла думать.

Это выжигало меня изнутри; я не знала, что делать с этой правдой. Вот она, я получила то, чего хотела, картинка была завершена и, посмотрев на нее с любых сторон, я могла сделать выводы и принять решение, что делать и как жить дальше.

Но я не хотела ничего решать. Я не хотела думать обо всем этом. Я бы предпочла ничего не знать.

Да, вот так: ничего не знать, быть в неведении и иметь возможность — пусть бы это была только иллюзия — быть с Адамом.

Что не реально, потому что теперь между нами всегда будет эта стена, и я не знаю силы, которая смогла бы ее сдвинуть.

Когда мы приехали, Джейс вместе с нами поднялся в квартиру. Они оба с Адамом

выглядели какими-то напряженными, но я списала это на события, через которые нам всем пришлось пройти этой ночью.

Я хотела услышать от Адама подробности; мне нужны были подробности того, как так вышло, что моя мать была убита его матерью и похоронена им.

Просто чертов детективный сериал, а не жизнь ничем не примечательной Грейс Колдвел!

— Тебе нужно приложить лед к руке, — заметил Адам, указав на мою чуть припухшую после удара Элис руку.

— К черту это, я хочу, чтобы ты немедленно мне все рассказал, — скрестив руки на груди, потребовала я. — Если нужно, чтобы мы остались с глазу на глаз, Джейс не будет против оставить нас одних, правда? — Я бросила тревожный взгляд на друга Адама, не зная, как много ему известно.

— Это ни к чему. — Адам покачал головой и с каким-то обреченным выражением посмотрел на меня. — Собственно, нам двоим, есть тебе что рассказать.

Меня это заявление насторожило. Я повернулась к Джейсу и несколько цинично — что можно было списать на стресс — спросила:

— Что, ты сейчас скажешь, что убил моего отца, или закопал его труп? — Я развела руками и горько усмехнулась. — Потому что я уже ничему не удивлюсь.

Мой голос повысился, и я почувствовала, как близка я к тому, чтобы впасть в истерику. Только теперь весь ужас положения, в котором мы оказались, стал очевиден для меня в полной мере. Помимо внешней угрозы, которую представляли собой «Найджел» и Элис, есть наши личные, внутренние проблемы, и я не думала, что их можно преодолеть. Мы застрянем в этом порочном круге, и наши жизни превратятся в кошмар. Мы не сможем существовать во вселенных друг друга с таким отягощающим багажом нашего прошлого.

Кажется, что я попала в какой-то спектакль абсурда, но только он каким-то образом стал моей жизнью!

— Может, для начала стоит ей налить чего-нибудь? — Джейс с самым серьезным видом посмотрел на Адама.

— Думаю, Грейс обойдется без этого, — сдержанно ответил тот. — Но тебе лучше сесть. — Это уже относилось ко мне.

— Да рассказывайте уже! — не выдержав, вскипела я. — Хватит тянуть, я слушаю!

И они мне все рассказали, хотя и с неохотой. По мере рассказа лицо Адама хмурилось все больше и больше, а когда он перешел к части, когда Джейс увел Саманту, а он занялся мертвым отцом и Морган, вовсе перестал смотреть мне в глаза.

Когда Адам замолчал — Джейс за все время обмолвился несколькими фразами — я не знала, что делать. В самом буквальном смысле, я не знала, то ли мне пойти присесть, потому что ноги подгибались, то ли закричать, или заплакать.

Я была в растерянности. Нет, я уже узнала суть от Элис, но услышать все подробности от Адама, непосредственно того, кто прошел через все это...

Это было больше, чем я могла выдержать.

— Вы оба скрывали это все эти пятнадцать лет? — Я накрыла живот рукой, пытаюсь сдержать рвущийся крик. Мой голос едва слушался меня, а язык будто распух и увеличился вдвое. — И тебя не волновало, что у женщины, от тела которой ты так хладнокровно избавился, есть люди, которые с ума сходили от неизвестности ее судьбы? — Я ближе подступила к Адаму, с трудом выдерживающему мой злой взгляд. — Ты хотя бы

представляешь, сколько ночей я провела, проливая слезы в подушку от мысли, что оказалась ненужной своей маме!

Слезы все же брызнули из моих глаз, и рыдание вырвалось из горла. Вся пережитая в детстве боль и обида всколыхнулись в душе, перекрывая чувства к этому мужчине, который был одним из виновников былых сомнений, ощущения ненужности, чувства отверженности. Я ведь на самом деле считала себя недостаточно хорошей, любимой, достойной, если мама решила бросить меня ради мужчины.

Я будто вновь стала маленькой, запуганной девочкой, которая боялась выйти из дома, потому что мама могла вернуться в тот момент, когда меня не будет. Она увидит, что я не жду ее, и вновь уйдет, на этот раз навсегда.

Адам молчал. Я расценивала это так, что ему просто нечего было сказать в свое оправдание. Разве я не была права? Разве то, что я сказала — не правда?

— Грейс, я... я не знаю, что сказать.

Я впервые видела, чтобы Адам Эллингтон запинался, но сейчас он был так растерян и подавлен.

— Теперь ты знаешь все, и ты злишься, я понимаю это. Но я ничего не могу изменить. Речь не шла о выборе, его просто не было. В тот момент я понимал только то, что должен любой ценой защитить мать. — Глаза Адама блеснули. — И это было решающим для меня.

Я слышала его, но казалось, что слова долетают до меня в какой-то искаженной форме и я не могла оценить их объективно. Могла только думать о том, что Саманта Эллингтон убила мою маму, что Адам скрыл ее преступление и виновники остались безнаказанными.

Я не питала иллюзий насчет женщины, которая родила меня. Она не была высокоморальной личностью, часто совершала ошибки, и образ ее жизни был неправильным. Но когда отец бросил нас, именно мама осталась и заботилась обо мне. Как могла, из рук вон плохо, но она это делала. Она не бросила меня, хотя могла бы. Ее трудно было назвать примерным родителем, но...

Она была моей мамой. Я любила ее. И ее убили.

— Я пойду. Вам необходимо поговорить без свидетелей.

Джейс хлопнул Адама по плечу, потом бросил на меня быстрый взгляд и вышел.

Я едва заметила его уход.

Оставшись одни, мы долго молчали. Адам настороженно смотрел на меня, будто не зная, чего от меня можно ожидать. А я, с повисшими вдоль тела руками растерянно стояла посреди комнаты, постигая весь урон катастрофы, произошедшей с нами.

— Ты бы сделал это снова? — Я первой нарушила тишину. — Если бы у тебя был шанс что-то изменить, ты бы поступил иначе, или сделал бы это снова?

Мои глаза пытливо впились в лицо Адама: его ответ был очень важен. Возможно, он не станет решающим, но я должна была услышать его.

Адам болезненно поморщился, и на мгновение отвел глаза. Размышлял, как ему ответить? Сказать правду, или солгать?

Я поняла: чтобы он не сказал, я пойму, ложь это или истина.

Наконец он посмотрел на меня и кивнул:

— Да. Если бы мне пришлось, я бы сделал это снова.

Его голос звучал как механический, а взгляд был потухшим и пустым.

Я повела головой, прикрыв глаза. Острая боль пронзила сердце: я ничего не изменила в нем, для него. Наши отношения, чувства — этого было не достаточно. Слишком много для

меня, и так мало для него.

Мы никогда не будем равны в этом.

— И я бы сделал это для тебя. — Он сделал шаг навстречу мне. — Потому что люблю тебя. Я бы хотел уберечь тебя от всего, что может повредить тебе.

Я столько мечтала о том, чтобы услышать эти слова, но сейчас просто рассмеялась.

— Ты так лицемерен! — Я покачала головой, разочарованно посмотрев на него. — Ты говоришь о том, что хочешь уберечь меня от вреда, но ты сам столько раз это делал! Ты постоянно лжешь, и я совершенно не могу тебе доверять!

Я слышала, как Адам рассказывал полиции о том, что «Найджел» систематически подсыпал ему наркотические вещества, которые меняли человеческое сознание, в еду. Только сегодня утром он получил результаты тестов и наркотики обнаружались в крови. Опасения Адама по поводу того, что он сходит с ума — не подтвердились, и можно было бы списать его жестокость на эффект препаратов, но мы оба знали, что дело не только в них.

— Скажи мне, что сделать для того, чтобы ты простила меня. — Адам еще ближе подошел ко мне. — Потому что я больше не хочу тебя терять. Сегодня, когда я увидел твои испуганные глаза и этот чертов жилет на тебе... — Он умолк, с усилием сглотнув. — Я не думал, что могу испытывать такое сильное чувство страха, но угроза твоей жизни... Это сводит меня с ума.

— Простить? — Мое лицо искривилось в новом приступе неконтролируемого плача. — Ты думаешь, правда, думаешь, что я могу? Это огромная пропасть между нами! — Я вскинула руки, сделав несколько шагов от него. — Чертова пропасть размером в целый океан! Я не знаю, что может заставить меня хотя бы смириться с тем, что я узнала сегодня. Это... Это слишком. Твое прошлое, и то, что ты сделал, по каким бы причинам это ни было, это всегда будет разделять нас.

— Не говори так.

Голос Адама прозвучал упрямо, но все в нем выдавало эту обреченность. Он уже знал, что сопротивление не принесет успеха. Что бы он ни делал, как бы я не прилагала усилия, ничего не выйдет.

Глупо было надеяться, что может быть иначе.

— Еще совсем недавно ты говорила, что не собираешься уходить. — Он запустил руку в волосы; слова были пропитаны безнадежностью. — Ты обещала, и теперь отступаешь!

— Потому что я не знала всего! А ты позволял мне давать эти обещания и молчал, вместо того, чтобы признаться! — Я ткнула пальцем в сторону Адама, и моя рука дрожала при этом. — Ты хочешь знать, что сделать, чтобы я простила тебя? Я скажу тебе: скажи правду. Пойди в полицию и сознайся в том, что покрывал преступление.

Я замолкаю, стоит этим словам сорваться с моих губ. Тяжело дышу, в напряжении уставившись на Адама. Кажется, что он поражен и ему нечего сказать.

А чего он ожидал? Он вообще допускал мысль, что узнав все, я захочу этого?

— Ты хочешь, чтобы я пошел в полицию? — с оттенком недоверия переспросил он. — Грейс, моя мать сумасшедшая, ее не смогут привлечь. Ответственность понесу я, и я клянусь, что если бы дело было только во мне, я бы не стал медлить и дня, но как же Джейс? Он так же пострадает. Ты этого хочешь после того, как сегодня он спас нас?

Помимо воли я чувствую укол вины, и это злит меня: не я здесь виновник, так что мне нечего стыдиться. Я вскидываю подбородок и стараюсь, чтобы мой голос не дрожал, когда говорю:

— Не упоминай о нем. Скажи, что все сделал сам. Если, правда то, что он только покрывал тебя и Саманту, Джейса не обязательно втягивать.

Адам долго смотрит на меня, и его взгляд словно проникает внутрь меня. Мне кажется, что все мои мысли и чувства обнажены, и он может видеть их всех. Он всегда видел меня насквозь, тогда как я постоянно бродила в потемках, когда дело касалось его личности.

— Хорошо. — Он, наконец, кивает, принимая решение. — Я пойду в полицию и сознаюсь в убийстве твоей матери и своего отца. Если так я смогу искупить свою вину перед тобой.

Он кажется совершенно серьезным. Но это не совсем то, что я хочу услышать.

— Нет, так не пойдет. — Я качаю головой. — Я не прошу брать на себя то, чего ты не совершал. Не ты стрелял в них, а твоя мать. Скажи правду.

Лицо Адама каменеет, и губы сжимаются в твердую линию.

— Я не могу сделать этого, Грейс. Единственное, что я не могу сделать для тебя. Извини, но я не стану после всех этих лет обнародовать совершенное матерью в приступе болезни.

Я хмыкаю и понимающе киваю. Он не удивил меня своим ответом. Да и не уверена, что я, правда, хотела, чтобы он сознался перед властями. Но я ожидала, что возможно он сделает это ради меня, если бы он правда любил меня, как говорит.

По сути, сейчас я поставила его перед выбором: я или его мать. И он выбрал.

Я не могла судить его за это. Но это не значит, что мне не было больно.

— Ты не допускаешь, что я сама могу доложить все полиции? — желая задеть его, произношу я.

Адам вздыхает и, признавая такой вариант, кивает.

— Ты можешь это сделать, я не стану останавливать тебя.

Я оценивающе смотрю на него: верит ли он, что я могу это сделать? Хватит ли у меня духу? Смогу ли я в поисках справедливости посадить человека, которого люблю, не смотря ни на что, в тюрьму?

Я уже знаю ответ: не смогу.

Трагедия моего положения в том, что я не могу жить без Адама, и в тоже время, я не могу быть с ним. Я зависла где-то на середине, и не знаю, какую сторону же мне выбрать.

— Ты спал с Морган? — внезапно, шепотом спрашиваю я, временно оставляя тему полиции и признания. Это мучало меня последние несколько дней, но в свете произошедших событий я как-то забыла об этом.

До этого момента.

Было столько всего, чего я не знала об Адаме. Хотя бы напоследок я хотела выяснить все.

Он кажется совершенно ошеломленным от моего вопроса. Видно, что не ожидал.

Адам заводит руки за голову и шумно выдыхает:

— Как ты узнала?

— Значит, правда. Я все же надеялась, что ошиблась. — Я киваю и поднимаю глаза к потолку, которые уже горят от пролитых слез. — Ты был там, той ночью. Я помнила парня, который был добр со мной. Но я никак не могла вспомнить его лицо. А пару дней назад вспомнила. Это был ты. Ты пришел с ней, и ты спал с ней. С моей матерью.

— Грейс...

— Не надо! — Я резко выставляю руку вперед, чтобы он не приближался. — Я не

могу... Это... — Я вдруг отрывисто, резко усмехаюсь, чувствуя себя так, будто на меня вылили ведро грязи. Не знаю, как на словах передать то, что чувствую в этот момент.

Разочарование? Отвращение? Гнев?

Все.

— Грейс, мне было девятнадцать, и я не знал, что делаю, — махнув рукой, быстро говорит Адам. — Я просто хотел посмотреть на женщину, которая так увлекла отца, подсел к ней в баре и угостил выпивкой. Все вышло из-под контроля. Черт, спроси меня сейчас, изменил бы я это, будь у меня такая возможность. Я бы сделал это, если бы мог, сделал!

— Но ты не можешь! — сжав кулаки, закричала я. — Ты ничего не можешь изменить, и никто не может. И это не изменится завтра или послезавтра, или в любой другой день. Мы должны будем жить с этим. Я должна буду жить с этим! — Я прижала руки к груди, потому что больше не выдерживала. Это рвало меня изнутри, ломало, причиняло боль.

Я смотрела на его лицо, любила и ненавидела одновременно.

— Ты как отраву! Как самый сильный яд! Я люблю тебя, но не питаю иллюзий на твой счет. — Я перевела дыхание. — И делаю выбор, сейчас. Я выбираю себя. — Мои глаза ровно и непоколебимо смотрят в глаза Адама. — Выбираю себя.

В комнате воцарилась мертвая, гнетущая тишина; плотная, хоть ножом режь. Я все сказала, и теперь молчала, а Адам напряженно сканировал мое лицо.

— Я не отпущу тебя, — вдруг совершенно спокойно и ровно заявил он. — Я хочу, чтобы ты осталась. Я хочу тебя, Грейс. И теперь, когда я знаю, что не сошел с ума, знаю, что мы сможем это пережить. Мы оба сможем.

Я не верила своим ушам. Он говорил это и казался абсолютно уверенным в своих словах.

— Ты спятил! — не выдержав, взорвалась я. — Мы? Очнись, Адам! «Нас» нет, никогда не было. Ты только послушай себя! — Разволновавшись, я стала отчаянно жестикулировать. — Сегодня, черт возьми, меня чуть не убили из-за тебя! Из-за твоего махрового эгоизма и абсолютного наплевательства на других людей. Я не знаю, не появиться ли завтра очередной свихнувшийся искатель мести, используя меня как наживку. Я просто хочу оставить все это в прошлом и навести порядок в том бардаке, в который превратилась моя жизнь.

— Ты не хочешь этого, — убежденно покачал головой он. — А если веришь в это, то лжешь себе. И ты знаешь это. Тебе нравилось то, что было между нами, ты полюбила это. И не пытайся переубедить меня, я видел твои глаза, когда касался тебя. — Его голос понизился, и он не спеша подошел ко мне.

Я отступила, но он не остановился.

— Ты приходила в восторг от той силы притяжения, что была между нами. Все еще есть! Это не исчезло и ты сама понимаешь, что глупо бороться. Ты готова пожертвовать всем этим? Готова?

Адам протянул руку и коснулся тыльной стороной ладони моего лица. Нежное поглаживание к моей досаде вызвало сильную реакцию моего организма: мышцы моего живота напряглись, а и без того беспокойный пульс еще больше ускорился.

— Прошу, не надо! — Мой протест прозвучал жалко, и я попыталась уклониться, но Адам упер свободную руку в стену за моей головой, загоняя меня в ловушку.

— Грейс, я люблю тебя. Мне не с чем сравнивать, но я уверен, что это оно. Я на все готов, чтобы заставить тебя остаться. Потому что не могу тебя потерять. Это убьет меня. Нас

обоих.

Я чувствовала в прикосновениях его руки дрожь волнения. Его слова, его касания — это заставляло меня сомневаться. Это губительно для меня. Никаких сомнений, иначе сделаю то, о чем дальше буду жалеть.

— Я не хочу этого слышать! — неожиданно закричала я, с силой оттолкнув его от себя. Я была в ярости из-за предательской реакции тела, которое кажется, еще не понимало, что произошло. — Поздно, Адам, поздно!

Знаешь, в чем твоя проблема? Ты даже сейчас готов «заставить» меня! Другого способа убеждения ты не знаешь, верно? — Я язвительно усмехнулась в его окаменевшее лицо. — Я не хочу, чтобы мои отношения строились по принуждению! И ты ошибаешься, уход от тебя не убьет меня! Ты уже это сделал. Убил меня!

Я больше не собиралась оставаться здесь. Испугалась, что чем дальше буду тянуть, тем больше шанс, что так никогда и не уйду.

Я выбежала из комнаты и рванула прочь из квартиры. Позади я слышала голос Адама: как он звал меня, а потом раздались его шаги: он бросился догонять.

Мне повезло — открытый лифт стоял на этаже. Я влетела в кабину и принялась, как одуревшая жать на кнопку первого этажа.

Адам был уже почти у лифта, когда двери, наконец, закрылись. Последнее, что я увидела — это глаза, цвета грозового неба, полные боли и решительности.

Лифт поехал вниз. Я привалилась к задней стенке и облегченно выдохнула, но тут же стала думать, не глупо ли я поступила. Так ребячески!

Или я, правда, испугалась, что он станет удерживать меня силой? Зная Адама — это было очень вероятно.

Вдруг я вспомнила, что с собой у меня совершенно нет денег. Сейчас ранее утро, и телефона с собой тоже нет, а дом далеко. Я не знала, как буду добираться, но о том, чтобы вернуться не было и речи.

Я должна порвать с Адамом раз и навсегда. Даже если мне придется пройти пешком весь город, я не вернусь с просьбой о помощи.

Лифт остановился, и я быстро выскочила в холл, опасаясь, что он все еще мог следовать за мной. Я была уже почти у выхода, когда двери, ведущие на лестницу, открылись — он все же бросился за мной.

— Грейс, подожди! Пожалуйста! Генри, задержи ее!

Я не стала слушать. Снова сорвалась на бег, ловко увернувшись от расставившего руки швейцара. Занятия бегом дали о себе знать; усталости, как и не бывало, адреналин гнал меня во весь опор.

Адам догонит меня — в этом я не сомневалась. Но я не хотела сдаваться так просто. Если мне повезет, я смогу уйти от него. Но я не сильно верила в это.

Рассвет только занимался; ранние улицы были пустынными. Я оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, на каком расстоянии Адам и увидела полные ужаса глаза, мечущиеся между мной и чем-то, чего я не видела.

— Грейс, стой! Стой!

Он махал мне, указывая на что-то. Я повернула голову, успев заметить резанувший по глазам яркий свет фар. А потом удар. Сильный. Меня подбросило в воздух, и я почувствовала, как парю.

Люди не умеют летать. Они просто не созданы для этого. А если вы все же летите, что

против нашей природы, то знаете — приземление будет болезненным. Может быть — даже смертельным.

Что бы вы сделали, если бы вам оставалось жить один день? А пять часов? Час?

Часто бывает, что смерть настигает внезапно: у нас нет такого преимущества, нет выбора.

Это моя последняя мысль перед тем, как я приземлилась. Последнее, что я слышу — звук моих ломающихся костей.

Я сломанная кукла, брошенная на дорогу.

Мое время вышло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Готова? — Голова Пола показывается сквозь приоткрытую дверь моего кабинета.

Увлечшись, я не услышала, как он постучал, а Пол никогда не входит без стука.

— Да.

Я быстро прикрыла список, который просматривала. В этом не было ничего запретного, но я знала, что пялюсь в него добрых пятнадцать минут не из простого любопытства, а потому мне казалось, что увидь это кто-нибудь, сразу догадается о причинах моего интереса.

Хотя это и было абсурдным.

Я зря паникую.

С тех пор, как список участников форума попал мне в руки пару дней назад, я то и делаю, что борюсь с паникой.

— Можем идти.

Я улыбаюсь Полу, надеясь, что он не заметит мою повышенную нервозность. Беру сумку и телефон, и мы выходим в полуопустевший офис — сейчас время ланча.

— Волнуешься? — спрашивает меня Пол, когда мы сидим в итальянском бистро, что расположено за углом офиса компании и обедаем горячими мясными сэндвичами с самым вкусным соусом, который я когда-либо пробовала.

— Почему я должна волноваться? — Я едва не давлюсь, и с удивлением смотрю на Пола.

Он улыбается и качает головой.

— Не должна. Но я помню свою первую поездку за границу, и это было очень волнительно.

Ах, вот оно что! Речь вовсе не о том, что я дико психую из-за вероятной встречи с...

Я обрываю мысль прежде, чем его имя вспыхивает в моей голове. В списке указана его компания, но его в участниках форума нет. Люди, которых я не знаю. Просто кто-то, кто работает на него.

— Есть немного. — Я глубоко вздыхаю, немного расслабляясь. — На самом деле, очень. Но это приятное волнение. Еще недавно я и представить не могла, что буду работать в такой компании, и меня отправят в командировку в Цюрих. То есть, ну это же Швейцария! — Я изображаю руками фейерверк, и Пол смеется. — Я в восторге от этого.

И это была правда. Пока я не увидела этот чертов список.

— Ты молодец, отлично справляешься со своей работой и Надин довольна тобой. Знаю, она редко это показывает, но ты ей нравишься.

Я смотрю на него с благодарностью. Мне нужно было это услышать. Надин Эмерсон моя начальница, директор отдела маркетинга, а я ее ассистент. Предполагалось, что в эту командировку поедем мы с Надин, но она сейчас на шестом месяце беременности и из-за

повышенного давления ей запретили перелеты. Надин до сих пор возмущается, периодически ворча, что этот ребенок еще не родился, а уже доставляет столько хлопот. Она довольно жесткая, и даже грубовата — но мне она нравится. Другого начальника я не хотела бы.

Так что теперь, когда Надин отпала, вместе со мной летит Пол. Я рада, что он будет рядом, потому что я безумно переживаю по поводу предстоящего международного торгового форума. Мне впервые придется представлять наш товар перед сотней участников со всего мира.

Есть из-за чего нервам разгуляться.

— И так, завтра в восемь заедет такси. Ты готова?

— Конечно. — Я кивнула, но не стала признаваться, что собрала дорожную сумку за неделю до вылета: не хочу, чтобы Пол решил, будто я рехнулась.

— Ты давно с Лорен разговаривала? Я звонил ей дня три назад, она казалась расстроенной.

Мы перешли на тему Лорен, которая уже семь месяцев жила в Лос-Анджелесе. Нам не удавалось созваниваться часто, но я была в курсе, что Лор работает на рок-звезду, кумира миллионов девушек Америки и не только, и ненавидит своего работодателя.

После ланча мы вернулись в офис, и Пол проводил меня до моего кабинета. Сам он работал этажом выше.

— Как тебе идея сходить сегодня куда-нибудь после работы? — предложил мужчина, когда я открыла дверь, и мы вошли внутрь. — Ненадолго, просто выпить по коктейлю. Завтра рано вставать, и у тебя наверняка есть еще дела перед отъездом.

Я не пришла в восторг от предложения, но не хотела ему отказывать. Пол столько сделал для меня: помог с этой работой, потом помог найти квартиру, когда я переехала в Индианаполис. Всячески поддерживал и объяснял, если у меня были с чем-то затруднения. И мы стали друзьями за то время, что я жила здесь.

На самом деле, мы балансировали где-то на грани дружественно-романтических отношений. Я не могла не замечать проявление симпатии со стороны Пола, и он флиртовал со мной. Я не противилась, даже проявляла взаимность, хотя пока все же сохраняла дистанцию.

Тогда, когда я только переехала в Индиану, о новом романе и речи не было. На тот момент прошло не более трех месяцев после полного и очень болезненного разрыва с Адамом, и в новых отношениях я совершенно не была заинтересована. Я пыталась собрать свою жизнь по кусочкам, понемногу, словно младенец, который учится ходить, я училась жить без него.

Было тяжело и тоскливо и, возвращаясь домой после работы, я уходила в свою комнату и рыдала в течение часа под душем — вода заглушала мой плач, который я скрывала от своей соседки по квартире.

Я справилась. Теперь, семь месяцев спустя, моя жизнь пришла в норму. Я больше не плачу.

Иногда мне кажется, что я больше ничего не чувствую.

— Да, давай.

— Отлично. Я зайду за тобой в пять.

Улыбнувшись мне на прощанье, Пол легко коснулся моей руки и вышел. Немного рассеянно я посмотрела на место прикосновения — я ничего не почувствовала. Ни трепета,

когда он коснулся меня, ни волнения. Мой пульс не изменился, и в моем животе не порхали бабочки.

Я искренне и небезосновательно беспокоилась, что больше никогда не почувствую этих эмоций ни с одним мужчиной.

Да, я была в порядке, но это не значит, что у меня больше не было проблем.

Первой и самой сложной была та, что я все еще, по-прежнему и безнадежно любила его. Я подавляла это чувство, как могла, но пока что безрезультативно.

Именно моя любовь к нему и мешала мне почувствовать в своей новой жизни хоть что-то.

Хотя бы одна яркая эмоция! но искреннюю радость мне приносила только работа.

— Наконец-то! Ты вернулась! — Надин, не удосуживаясь постучать, вихрем — и это несмотря на приличный живот — влетела в мой кабинет, прогоняя мысли об Адаме и моем плачевном эмоциональном состоянии. Я готова была ее за это расцеловать. Я могла не думать о нем, когда работала и была занята, но в остальное время мой предательский мозг только тем и занимался, что думал об Эллингтоне.

Ближе к концу рабочего дня Надин дала мне последние установки. На самом деле, она в течение недели без устали инструктировала меня и повторяла, как это важно, чтобы я все выполнила правильно. Эта женщина была маньяком своего дела.

— Я знаю, это твоя первая поездка в Европу, и на форуме будет много красивых, богатых мужчин. Ты девушка свободная, и твое дело, как проводить досуг — но в первую очередь думай о цели командировки. — Надин строго посмотрела на меня, но ее беспокойство за меня не укрылось от моего внимания.

Мне показалось это трогательным.

Только после клятвенного обещания, что я запомнила все ее наставления и прогонки моей презентации, Надин пожелала мне счастливого пути и нехотя удалилась — ей как раз приспичило в туалет, а так как беременным это требовалось часто, это был еще один повод ей поворчать.

— Извини, что заставила ждать. Ты же знаешь Надин.

Я закатила глаза, сев за столик, который занял Пол. Ранее я позвонила ему и сказала, что опоздаю и лучше встретиться в баре.

— Теперь можешь расслабиться. Я взял смелость на себя и заказал тебе коктейль.

Он указал мне на бокал с чем-то аппетитным, голубого цвета. Я поблагодарила его и сделала первый глоток. Вкусно. После третьего глотка я смогла немного расслабиться.

— Грейс, ты не против, если сейчас мы не будем говорить о работе? — Пол посмотрела на меня, чуть наклонив голову. Его тон вдруг стал каким-то интимным, доверительным. Я невольно напряглась: это был сигнал к тому, что разговор будет серьезным.

Мне понадобится больше коктейлей.

— Да, конечно. — Я кивнула с несколько напряженной улыбкой. — Есть что-то конкретное, о чем ты хотел поговорить?

Так, Грейс, не гони коней! Меньше всего тебе сейчас нужен разговор об отношениях, но кажется, его не избежать.

— Грейс, между нами что-то происходит, мы оба должны это признать. — Он слегка приподнял брови и ласково посмотрел на меня. — Но я хочу какой-нибудь конкретики. Я знаю, что прошлый год у тебя выдался тяжелый: твоя бабушка, авария, и непростой разрыв. Лорен сказала, — быстро пояснил Пол на мои удивленные глаза — я не говорила ему об

Адаме, — и не обижайся на нее, она волнуется за тебя. Я понимаю, что тебе пришлось нелегко. Но я хочу знать, что не зря надеюсь. Ты нравишься мне, я не скрываю этого. — Он несколько нервно усмехнулся, потерев мочку уха. — И я хотел бы, чтобы мои чувства были взаимны.

— Они взаимны, Пол, — осторожно сказала я и его глаза с облегчением просветлели. — Но Лорен не преувеличила, когда сказала, что мой разрыв с тем... мужчиной, — я на секунду запнулась, испытывая неловкость от сложившейся темы беседы, — был непростым. На самом деле, это было очень тяжело и боюсь, я до сих пор не вполне оправилась. И я опасаясь заводить новые отношения. — Я уязвимо посмотрела на него, решив быть откровенной, насколько это возможно.

— Ты все еще любишь его?

— Я борюсь с этим.

Практически признавшись в любви к другому, я выжидающе замолчала, не зная, какой может быть реакция Пола.

Мужчина глубоко вздохнул и провел рукой по волосам.

Думаю, мои слова расстроили его.

— Знаешь, ты никогда не узнаешь, можешь ли быть с кем-то еще, пока не попробуешь.

— Я не хочу причинять тебе боль, если вдруг из этого ничего не выйдет.

— Если ты скажешь мне, что у тебя есть чувства ко мне, я готов рискнуть.

Пол улыбался мне, но в глубине его глаз я видела неуверенность и сомнение. Он боялся, что я отвечу отказом.

Он был таким замечательным, добрым, отзывчивым и мог меня развеселить. Я знала, что если бы у нас сложились отношения, он всегда относился бы ко мне уважительно, не пожелал бы видеть мои мучения, никогда не поднял бы на меня руку. Таким был Пол, и любая девушка была бы просто счастлива, встретив такого мужчину. Дополнительным плюсом было то, что нас не связывало болезненное, отвратительное прошлое.

И я не понимала, почему мое сердце все еще болит по другому; тому, кто столько раз был жесток со мной, и получал удовольствие, причиняя мне боль. Но только рядом с ним я могла испытать то невероятное чувство, благодаря которому жизнь окрашивалась яркими красками, а эмоции ощущались так сильно, что казалось — не выдержишь.

Но Пол был прав: я не узнаю, смогу ли быть с другим — НЕ с Адамом — пока не попробую.

Вместо ответа, я протянула руки через стол и накрыла ладонями руки Пола. Потом улыбнулась и кивнула.

Всех участников форума разместил в отеле Widder, имеющий пятизвездочный рейтинг и показавшийся мне удивительным дворцом, когда мы прибыли туда сразу из аэропорта.

Я чувствовала небольшую усталость после долгого перелета и из-за смены часовых поясов, но я впервые была за пределами США и всю дорогу до отеля не могла отвести восторженного взгляда от окна такси.

Пол чувствовал себя не очень хорошо, его немного тошнило в самолете, и я сочувствовала ему, но не могла перестать улыбаться с тех пор, как мы ступили на землю Швейцарии.

Кажется, ему стало еще хуже, когда мы регистрировались в отеле.

Его бледное лицо и крупные бисерины пота на лбу беспокоили меня, и я посоветовала мужчине лечь в постель сразу же, как поднимется в номер.

— Все не должно было быть так, — расстроенно вздохнул мой спутник. — Сегодня вечером я должен был сопровождать тебя на приеме, который устраивают организаторы конференции.

— Ничего страшного, не переживай из-за этого. — Я подбадривающе улыбнулась ему. — Главное сейчас, чтобы тебе стало лучше. Я справлюсь.

— Конечно. — Пол кивнул, чуть повеселев, но тут же поморщился.

— Нужно, чтобы тебя осмотрел доктор, — решительно заявила я, потому как ранее на это мое предложение он отказался. — Пришлите в номер мистера Лоу врача как можно быстрее, — распорядилась я, повернувшись к администратору.

Консьерж отнес мой багаж в номер, а я поднялась с Полом к нему и дождалась прихода доктора. Оказалось, что у Пола пищевое отравление, ему следовало принимать лекарства и оставаться в постели.

— Так и знал, что не стоило есть тех моллюсков на обед, — проворчал мужчина после того, как доктор ушел.

Его вырвало в очередной раз, после чего он был так слаб, что хотел только спать. Я убедилась, что все необходимое у него есть и пообещала, что позже, после того, как он поспит, закажу ему куриный суп в номер. Сейчас же ему нужен был только отдых.

— Грейс, мне жаль, — пробормотал он, когда я направилась к двери. — Я подвел тебя.

— Ничего подобного. — Я с улыбкой покачала головой. — Главное, поправляйся.

— Я здесь, чтобы поддерживать тебя. — Он вновь скривился и обхватил живот рукой. — А я слег с этим чертовым отравлением!

— Моя презентация только через три дня, ты к тому времени уже будешь полностью здоров.

Кажется, мне удалось немного успокоить Пола. Я ушла, чтобы не мешать его сну.

Войдя в свой номер, я не удержалась от радостной улыбки и с любопытством ребенка принялась все осматривать. Комнаты были большими и светлыми, с удобной мягкой мебелью и королевских размеров кроватью.

Я любила свою работу, которая давала мне возможность бывать в удивительных местах, и наслаждаться всей этой красотой!

Решив приняв душ с дороги, я вошла в ванную комнату и ахнула: огромная ванна так и влекла к себе. Не удержавшись, я наполнила ее до краев, плеснув в воду все предоставленные отелем средства для купания и раздевшись, забралась внутрь.

Мои мышцы расслабились благодаря гидромассажу и усталости как не бывало. Я провела в воде не менее получаса, и оставалась бы там еще, но мне нужно было разобрать вещи и просмотреть программу на сегодня.

Хотя в этот день ничего важного не планировалось, официальное открытие должно было состояться завтра. Заглянув в программу, я убедилась, что так и есть: сегодня вечером ожидался только прием для всех участников.

Я взяла пару вечерних платьев, потому что Надин предупредила меня об этом. Идти без Пола не слишком хотелось, но так как я была единственным представителем нашей компании, выхода не было.

Начало назначили на девять, и у меня было не более часа, чтобы собраться.

Из-за разницы во времени я немного запуталась и теперь неприятно удивилась: я должна была торопиться, чтобы не опоздать. Не знаю, страшно ли это, но мне впервые предстояло такое мероприятие, и я не хотела оплошать.

Надевая синее платье с голой спиной и длинным рукавом, я все больше нервничала. Я отточила свою презентацию едва ли не до идеала, но я не подготовилась к тому, что мне придётся общаться с самыми разными, успешными людьми, профессионалами и представителями огромных корпораций. Я была практически новичком, и от того, как все пройдет, будет зависеть мое будущее в компании.

Не было ли ошибкой то, что в эту поездку послали меня?

Думать и сомневаться было уже поздно. Надин верила в меня, и начальство одобрило мою кандидатуру. Мне оставалось только не ударить в грязь лицом.

Призывая себя к спокойствию, я собрала волосы в свободный узел и нанесла вечерний макияж, впрочем, не усердствуя с косметикой. За пятнадцать минут до начала приема я была полностью готова, и решила зайти к Полу.

Он спал, завернувшись в одеяло до самого подбородка. Его темные волосы спадали на высокий лоб, и сейчас, полностью расслабленный, он казался моложе своих двадцати семи лет.

Я присела перед ним на корточки и провела рукой по чуть влажному лбу, чтобы убедиться, что температура не повысилась.

Вчера я сказала ему, что хочу попробовать и дать нашим отношениям шанс. Думаю, это было правильным решением. Я знала, что с Полом мне будет хорошо. На столько, насколько может быть хорошо с другим мужчиной, который не является Адамом Эллингтоном.

Я мысленно отругала себя, что вновь вспомнила о нем, когда вошла в лифт, чтобы спуститься вниз. Тот факт, что его компания будет участвовать в конференции, по-прежнему беспокоил меня, но я успокаивала себя тем, что он не будет присутствовать лично. Мы с ним не встретимся. Потому что это было бы плохо. Опасно. Губительно для нас с Полом, и того, что может у нас получиться.

Я знала, что не смогу выдержать, если столкнусь с Адамом. Столько месяцев держаться, но грезить о нем, хотеть его. Это постоянная борьба с собой.

Прошел почти год с тех пор, как моя жизнь раскололась, и я узнала, какое участие он принимал в судьбе моей матери и моей собственной. Тогда мне казалось, что хуже просто не может быть. Что я никогда не смогу отойти от этого.

Когда та машина сбила меня, лежа в больнице, я только и могла, что думать о том, как все ужасно и безысходно. Я должна была бы радоваться, что осталась жива, и как сказал мой доктор, отделалась еще очень легко. После такого столкновения всего лишь сломанная рука и пара трещин в ребрах. Я родилась везучей.

Ага, конечно!

Я знала, что мои кости быстро срастутся. Но раны на сердце куда долговечней.

Несколько дней после аварии я провела в больнице — врачи хотели убедиться, что у меня нет сотрясения мозга и других внутренних повреждений. И Адам был там, он делал все, что полагалось в таких случаях, и всячески проявлял заботу, а я не могла на него смотреть. Лежала на больничной койке и тупо пялилась в одну точку. Поставила глухую стену между нами, а однажды не выдержала — словно что-то треснуло внутри, и у меня началась истерика, длившаяся несколько часов. Я кричала, чтобы он убирался и никогда больше не показывался. На следующий день меня выписали. Адам больше не пришел. Тогда я видела его в последний раз.

Потом было восстановление, сдача экзаменов, долгожданный выпускной и прощание с друзьями. Далее последовал переезд в другой город и эта работа. Началась новая жизнь. А

раны в сердце все так же болели, только я научилась жить с ними.

Мой гнев на него давно прошел. У меня было предостаточно времени все осмыслить. Я смирилась с тем, что совершила его мать, и на что ради нее пошел Адам. Все давно были наказаны тем, что имели, и оглашение ничего не изменило бы. Только бы поставило под удар его. Худший вариант для меня. Я не желала ему зла и надеялась, что все у него будет в порядке.

Разве не этого можно желать тому, кого любишь?

Однажды я почти решилась позвонить ему. Это произошло через пять месяцев после того, как мы расстались. Я долго собиралась, и когда уже не осталось сил сдерживать свое желание хотя бы услышать его голос, решила сделать это. Думала, что вернусь вечером с работы и наберу его номер, а там будь что будет. В тот же день у одной из сотрудниц увидела журнал и его фото с какого-то светского вечера. Он бы не один, в сопровождении эффектной блондинки.

Я заперлась в кабинке туалета и почти час просидела на крышке унитаза с зажмуренными глазами, возвращая самообладание после болезненного потрясения.

В общем, я так и не позвонила.

Лифт остановился, и двери со звонком раскрылись, возвращая меня в действительность. Я нацепила на лицо улыбку и, расправив плечи, вышла в холл.

Я буду обаятельной и профессиональной. Буду думать о цели этой поездки и возложенной на меня миссии. Больше не буду слабой, уязвимой и страдающей от любви дурочкой.

Мое сердце все еще болит и иногда кровоточит. На ведь этого никто не видит, верно?

Все оказалось куда лучше, чем я рассчитывала. Зря беспокоилась. Уже в первые пять минут нахождения в банкетном зале я познакомилась с таким количеством прекрасно одетых, коммуникабельных людей, что скука мне точно не грозила.

Все знакомились, приветствовали друг друга, и все это под напитки и закуски высшего класса. Прием был организован на лучшем уровне. Оглядывая все вокруг: убранство зала, многочисленный профессиональный персонал, способный удовлетворить прихоти самого привередливого гостя — я не могла поверить, что нахожусь здесь благодаря своей работе.

Видела бы меня бабушка! Сейчас я получала достаточно, чтобы обеспечить ей комфортабельную жизнь без нужды. К сожалению, слишком поздно.

С мыслью о бабуле я погрустнела. Мужчина, с именем Итан на бейдже (нам всем выдали их у входа), сделал мне какой-то комплимент с целью подбодрить, и я вежливо улыбнулась.

Когда время стало близиться к полночи, я решила, что пробыла здесь достаточно, к тому же, усталость все сильнее давала о себе знать. Я хотела как можно скорей лечь в постель, чтобы к завтрашней конференции, назначенной на одиннадцать утра быть отдохнувшей и собранной.

Перед тем, как отправится спать, я еще раз проверила Пола. Он все еще спал, но пустая посуда из-под супа, который я заказала ему в номер, успокоила меня.

С предвкушением завтрашнего дня, я отправилась спать.

В половине десятого утра я спустилась вниз, собираясь позавтракать в ресторане отеля. Конференция должна была продлиться до пяти часов с перерывом на ланч, а после я хотела погулять и посмотреть город. Пол чувствовал себя лучше, но все еще очень слабым и оставался в постели. Не такими были наши планы, и я надеялась, что завтра, или, в крайнем

случае, послезавтра он уже сможет встать на ноги.

Я ужасно проголодалась, так как вчера вечером почти ничего не ела, и, входя в стеклянные двери ресторана, буквально чувствовала ароматы свежей выпечки и кофе. Почти все места были заняты завтракающими людьми, разбившимися на небольшие группки.

Одна из моих вчерашних знакомых, Нелли из немецкой фармацевтической корпорации помахала мне рукой, привлекая мое внимание и приглашая к себе. Я улыбнулась и направилась к столику, за которым помимо Нелли сидели еще три молодые женщины, радуясь, что не придется, есть в одиночестве.

Взяв с фуршетного стола все, что мне хотелось, я легко включилась в беседу, которая к моему удивлению строилась не вокруг темы всего съезда, а богатых мужчин, плюсах и недостатках организации и того, где можно хорошо оттянуться вечером.

— Я этого события весь год ждала, моля Бога, чтобы мой босс не послал вместо меня никого другого, — закатив глаза, сообщила Жаклин, которая приехала из Англии. — Специально голодала последние два месяца, чтобы быть в идеальной форме, а еще сняла кольцо, — она повертела левой рукой, на безымянном пальце которой едва просматривалась бледная полоска. — Мой муж пришел бы в ужас от этого.

Присутствующие за нашим столом рассмеялись, поддерживая Жаклин. Я уже поняла, что для большинства это было не столько работой, как возможность вырваться из обыденности.

— Здесь собралось столько богатых и успешных мужчин, и хотя многие из них женаты, моя мать не теряет надежду, что я найду тут своего мужа, — призналась Лиза, цинично усмехнувшись. — Я не стала разочаровывать мамочку и не сказала, что в большинстве своем все они, что женатые, что холостые хотят получить короткую, ни к чему не обязывающую интрижку и через пять дней разойтись без взаимных претензий.

Женщины согласно закивали, а я подумала, что и сама Лиза не теряет на это надежду, но вслух об этом говорить не стала.

— А вот и один из них, холост и неприлично богат, — вдруг понизив голос, с возбуждением произнесла Нелли, плотоядным взглядом рассматривая кого-то за моей спиной. — Я читала о нем, но не ожидала, что он тоже здесь будет.

— Он не один, — скривилась Лиза. — Но ради такого я бы на многое пошла.

— Думаешь, между ними что-то есть? — прищурившись, усомнилась Мона из Ирландии. — Скорее всего, они просто работают вместе. Он держится от нее на расстоянии, даже ни единого прикосновения руки.

Мне стало любопытно, кого это они обсуждают и я обернулась в ту сторону, куда все смотрели.

Сначала мне показалось, что у меня начались галлюцинации на фоне того, что я часто о нем думаю. Но моргнув, я все так же видела Адама через четыре столика от нас в компании женщины лет тридцати. Они негромко о чем-то переговаривались, но при этом она с почтительностью, правда без интереса смотрела на него, а он делил свое внимание между ней и своим смартфоном.

Я не думала, что между ними есть что-то большее, чем деловые отношения. Но, по правде сказать, в данный момент я вообще не могла ясно мыслить.

Я боялась, что это произойдет. Или все же подсознательно хотела этого? Тот поток эмоций, который пронесся от макушки до самых стоп, стоило мне увидеть его, имел поражающую силу. Я схватилась за подлокотники стула, да так, что побелели костяшки

пальцев, только чтобы удержаться на месте.

Нет, я не хотела броситься в объятия Адама, мучимая такой долгой разлукой. Я хотела сбежать. Потому что знала — встреча с ним принесет новые проблемы и переживания.

Я так боялась за свой мирок, еще такой шаткий, но спокойный, без драм и страданий. Без каких-либо эмоций.

Желая спрятаться, не показываться ему на глаза, я ниже опустила на стуле и вся буквально съежилась. Мои спутницы продолжали обсуждать персону Адама, но их слова сливались в фоновый звук для меня.

Не будет ли риском встать немедленно и уйти? Что, если он заметит и решит, что я избегаю его?

Конечно же, он будет прав. Но для меня это было бы признанием собственной слабости.

Очевидно, что рано или поздно мы все же столкнемся. Впереди еще пять дней конференции — более чем достаточно возможности не разминутся. И если я хочу сохранить лицо, то должна взять себя в руки уже сейчас.

Легче сказать, чем сделать. Именно сейчас-то мои ладони вспотели от напряжения, и я не могу справиться с дрожью.

А еще труднее сидеть неподвижно, а не выкручивать шею, чтобы иметь возможность пялиться на него. Кажется, с тех пор, как он вошел в ресторан, даже плотность воздуха увеличилась. Иначе, почему мне так сложно дышать?

Адам здесь, так близко, и мои нервные окончания будто настроены на то, чтобы чувствовать его. Я невольно напрягаю слух, сосредотачиваясь на нем, но не могу разобрать слов, слышу только, как он негромко обменивается короткими фразами со своей спутницей. Он в основном что-то спрашивает, а она обстоятельно и четко отвечает.

Наверное, я схожу с ума, потому что мне вдруг начинает казаться, что я чувствую его запах. Единственный, неповторимый, принадлежащий ему, этому сложному мужчине, который столько раз потрясал меня, выворачивал наизнанку; показывал, какой я могу быть только с ним.

Я беспокоюсь. Беспокоюсь за свой покой и душевное равновесие, которые теряю, когда он рядом.

Наконец-то моя попытка заканчивается, когда мои компаньонки заканчивают завтрак и поднимаются из-за стола. Я надеюсь затеряться среди них и незамеченной выйти из ресторана. И к моему облегчению, мне это удастся.

Я почти пулей лечу в свой номер, чтобы надеть строгое, деловое платье, приготовленное заранее. Мой желудок скручен в узел от предчувствия... чего-то.

Мне удалось избежать встречи за завтраком, но как сделать это в зале, где будет проходить конференция?

Успокаивает только то, что моя презентация только послезавтра. Не представляю, как взойду на трибуну и буду описывать наше новейшее хирургическое оборудование, если он будет там.

Я со страхом вхожу в зал конференции, где рядами стоят столы, с закрепленными местами за каждым представителем. Начало через десять минут, в помещении стоит ажиотаж. Я оглядываюсь, но Адама нет среди присутствующих.

Через пару минут появляется его утренняя спутница — Адама с ней нет.

Скоро все занимают свои места. Организационный глава говорит речь — форум официально открыт. Представители один за другим выходят на большую сцену и

представляют свои продукты, наглядно демонстрируя все с помощью Powerpoint.

Я пытаюсь сосредоточиться, но у меня плохо получается. Только и могу думать о том, где он сейчас, почему не здесь и знает ли, что я так же сейчас в Цюрихе, в этом отеле?

Если я могла просмотреть список участников и увидеть его компанию в заявке, что мешало ему сделать то же самое?

Через три часа объявляют перерыв на ланч. Я хочу подняться к Полу и рассказать ему, как все прошло, ну и просто составить компанию, ведь ему наверняка скучно. Я могу заказать еду в номер, и мы вместе пообедаем.

К тому же, так будет безопасней.

Я малодушничая и сама понимаю это, но все равно дико трушу.

На выходе из конференц-зала меня окликает работник отеля и, убедившись, что я Грейс Колдвел, просит следовать за ним.

Я в некотором недоумении интересуюсь, в чем конкретно дело. На миг даже предполагаю, не случилось ли чего с Полом, но молодой человек в фирменной ливрее быстро убеждает меня, что причина не в этом.

Объяснить что-то подробнее он отказался.

В итоге он вывел меня на улицу, а потом... просто ушел. Я недоверчиво уставилась ему вслед, только что, не разинув рот от удивления.

Чувствуя себя донельзя глупо, я огляделась, и тут вдруг поняла, в чем дело. Адам стоял, прислонившись к боку черного спортивного авто — кажется, это был Порше, но я видела только его, совершенно не обращая внимания на что-то еще. На нем были простые джинсы и серый свитер крупной вязки с высоким горлом, а легкий ветерок ерошил его светлые волосы, сквозь которые я так любила когда-то пропускать пальцы.

И мое глупое, влюбленное и истосковавшееся сердце предательски замерло, а потом забилося как сумасшедшее, когда он направился в мою сторону.

Я не знаю, делал ли он это специально, или нет, но мои колени готовы были подогнуться в тот же миг.

Я сделала глубокий вздох — расстояние между нами стремительно сокращалось.

Как же еще я должна была реагировать, вновь увидев человека, которого любила больше всего на свете после столь долгой разлуки?

— Здравствуй, Грейс.

Его теплый голос буквально обволакивал меня, и я вдруг захотела завернуться в него, как в самое мягкое и удобное одеяло. А потом внезапно Адам улыбнулся мне, и неожиданно для себя я ответила тем же.

Я много раз представляла себе, как вновь увижу его. Гадала, испытаю ли все те ужасные чувства, от которых, как я надеялась, мне удалось избавиться. Вот и сейчас, когда он стоял передо мной, я боялась возвращения тех тяжелых, разъедающих эмоций, но единственное, что было внутри — это радость, и, конечно же, растерянность.

Неужели я, правда, пережила ту трагедию, хотя тогда казалось, что прошлое никогда не отпустит меня?

Все, что я могла сейчас, это с недоверчивой улыбкой мотать головой.

— Утром я решил не ставить тебя в неловкое положение, потому что было очевидно, что ты очень хотела остаться незамеченной, — слегка приподняв брови, признался Адам.

— И на этом спасибо. — Ужасно смущаясь, я опустила голову. Я будто вновь стала студенткой, которая терялась в его присутствии. — Что ты... Что все это значит?

— Это приглашение на обед. Что, тебе не нравится способ?

Я не знала, что сказать. Все еще была под впечатлением. Казалось, что у него хорошее настроение. Держался он легко, будто несколько месяцев назад мы не разошлись... так тяжело.

Может я была единственной, кто сходил с ума от горя и собирал себя осколок за осколком?

Насколько хорошей была идея пообедать вместе? Точнее, насколько она была плоха?

Что могло из этого выйти? Мы с Адамом, как нормальные люди обедаем в ресторане?

Что-то новое.

— Хорошо. Ладно. Обед. Я согласна. — Я усмехнулась, потому что, нервничая, могла говорить только односложными предложениями.

Я же говорила, что обязательно проявлю слабость перед ним!

— Ты кажешься напряженной, — заметил Адам, когда мы ехали в машине по направлению к ресторану, который он выбрал, как я поняла, заранее.

— Потому что я напряжена, — даже не пытаюсь скрыть этого, выдохнула я. — Правда, я немного была в шоке, что ты тоже здесь.

— Это значительное событие в сфере мировой экономики. Я часто посещаю такие конференции и выставки, определяя, во что выгодно делать инвестиции на будущее, а что лучше не трогать, — совершенно спокойно пояснил мужчина.

— Я понимаю. — В самом деле, я не думала, что он здесь из-за меня. Разве только первые несколько секунд. — Просто... Это странно немного.

Я отвернулась к окну, прикусив губу, просто физически не в состоянии смотреть на него. Точнее, мне хотелось этого с невероятной силой, а еще обнять его, целовать, почувствовать его прикосновения, его поцелуи...

Я была лишена этого почти на протяжении целого года. Я нуждалась в этом.

Серьезно. Прямо сейчас я боролась с собой. С тем, чтобы не послать все долгие месяцы контроля к черту и не набросится на него.

Как он мог быть таким спокойным?! Ради всего святого, разве это не мы те, кто выносили друг другу мозги и доводили себя до предела из-за безумной, дикой страсти и влечения?

— Странно, да, возможно...

— Останови машину, — дрогнувшим голосом попросила я, чем удивила его. — Адам, пожалуйста, останови чертову машину!

Мой голос повысился, и я почти закричала, чего никак не хотела.

Он выругался сквозь зубы, сразу утратив все свое спокойствие, но все же съехал на обочину.

Я тут же выскочила из машины и, пытаясь унять дыхание, направилась вперед — как оказалось, это был какой-то тихий переулок.

— Что случилось? — Он следовал за мной; его голос выдавал плохо сдерживаемую тревогу. — Что? Я напугал тебя? Сделал что-то не так?

Я резко обернулась, махая рукой, с трудом подыскивая слова, способные передать то, что творилось сейчас со мной.

— Дело не в том, что ты сделал что-то не то. Почему ты вообще так решил? — Я в недоумении посмотрела на него — Адам на миг отвел глаза в сторону, и я вдруг поняла, что его невозмутимость, задевшая меня, была только лишь прикрытием. — Ты испугал меня, да.

Потому что ты вдруг появляешься, и приглашаешь меня на обед и все настолько... нормально. — Я в растерянности покачала головой. — И это не похоже на тебя. Я не видела тебя почти целый год, и сейчас твое поведение ставит меня в тупик. — Я развела руками, чувствуя полнейшую беспомощность. — Этим ты меня и напугал.

— Мы разговариваем впервые за этот год, но уже ругаемся, — с очевидной досадой произнес Адам. — Я не хотел тебя напугать, но это все равно произошло.

— Мы все время ругались, — улыбнувшись, напомнила я. — Почти все время. Это не то, что может меня испугать.

Я прислонилась к шершавой стене здания, казавшимся довольно старым.

— Просто дай мне минуту прийти в себя. Это правда, неожиданно для меня. Очень.

Убедившись, что я не собираюсь устраивать истерику, Адам подошел ко мне, остановившись только тогда, когда между нами осталось не более десяти сантиметров. Наклонив голову ко мне, он на мгновение прикрыл веки; мягкая, играющая улыбка скользнула по его губам.

Я почти перестала дышать. Он был таким опасным для меня. И самым желанным на всем белом свете. Во всей Вселенной.

— Ты в порядке? — шепотом, лаская мое лицо теплым дыханием, спросил он.

Я с усилием покачала головой.

— Не уверена.

Адам вновь улыбнулся моей честности. Я любила эту улыбку. Жаль, что раньше я так редко ее видела. Я была зачарована ею. Им. Тем, что происходило прямо сейчас, на неизвестной улочке Цюриха.

— Я хочу поцеловать тебя. Прямо сейчас. — Он поднял руку к моему лицу и большим пальцем погладил щеку. — Позволишь?

Я не верила, что все это реальность. Я не верила, что он спрашивает моего разрешения. Это было таким удивительным. И волнующим. И сексуальным.

И все, что я смогла сделать, это кивнуть, соглашаясь.

Его голова еще ниже склонилась ко мне, и его губы замерли в миллиметре от моих губ.

— Это пугает тебя?

Могу поклясться, что видела смешинки в его светло-серых глазах.

Я вновь едва заметно кивнула.

— Тебе станет легче, если я признаюсь, что тоже боюсь?

Отвечая на его вопрос, я медленно моргнула.

Усмехнувшись, Адам покачал головой и потом это произошло. Первый поцелуй за безумно долгое время. Его теплый рот накрыл мои губы, и, изогнувшись, я крепко вцепилась пальцами в его плечи, не желая, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Даже если это всего лишь иллюзия, я готова была променять ее на любую реальность.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Атмосфера полностью меняется, когда Адам целует меня. Воздух словно сгущается, наши тела напряжены. Я будто чувствую, как между нами пробегают заряды электричества. С силой обхватываю рукой его за шею, боясь, что если отпущу — он исчезнет.

Может, все это мне только кажется? Вот до чего привела меня моя фантазия о нем — у меня галлюцинации, да такие реальные, что я физически могу чувствовать его.

Но нет, я не брежу. Его запах, круживший мне голову — реальность. Его горячие ладони на моих бедрах — реальность. Его губы и мягкое давление языка — все по-настоящему.

Я столько раз разочаровывалась, когда после особенно реалистичного, откровенного сна обо мне и Адаме просыпалась среди ночи в своей одинокой кровати, мучимая жаром возбуждения. Я плакала, когда понимала, что это был только сон, и продолжала плакать, потому что он оборвался, лишив меня возможности хотя бы таким способом вновь быть с ним.

Какой жалкой, несчастной я была! И только теперь, когда вновь чувствовала его рядом, его настоящего, я поняла это в полной мере.

Сильное, твердое тело Адама прижимает меня к стене старого дома, почти полностью покрывая собой. Рядом с ним я всегда казалась себе такой маленькой, и даже сейчас, в туфлях на высоком каблуке он на целую голову выше.

Мне это нравится, потому что это заставляет меня чувствовать себя защищенной. Он как скала, защищающая меня от внешних угроз. Я ловлю себя на этой мысли с удивлением, но понимаю, что все так и есть.

Чтобы не происходило внутри наших отношений, когда он был рядом, я знала — он сделает все, чтобы уберечь меня.

Я чувствую дикий голод по этому мужчине, и я явственно ощущаю то же самое, исходящее от него. Поцелуев становится мало, они больше не способны заполнить ширящуюся пустоту, подвластную только ему.

Я опускаю руки и запускаю их под свитер Адама. Мои ладони словно горят, когда я провожу по гладкой, палящей коже. Клянусь, что чувствую, как сквозь его мышцы исходят импульсы. Хочу стянуть с него всю одежду и осыпать поцелуями каждую клеточку его тела; языком пройтись по коже, вкушая его вкус.

Моя голова кружится, я плохо понимаю, где мы находимся. Все, что движет мной — это потребность. Неудовлетворенная, изводящая потребность в нем.

Его пальцы берут подол моего платья и слегка приподнимают. Оно довольно узкое и сейчас дико раздражает; мешает. Я радуюсь, что надела чулки, а не колготы, когда он касается моей кожи над краем чулка, дразня и разжигая огонь во мне, который грозит перерасти в полномасштабный пожар.

Когда воздуха становится отчаянно не хватать, мы разъединяем наши губы, но удерживаем их в прикосновении, деля одно дыхание на двоих.

С глазами Адама так же произошли изменения: словно над морем собрался шторм, угрожающий поглотить нас обоих, не щадя. Он возбужден не меньше, чем я. Он хочет меня, сейчас, немедленно. Это придает мне уверенности, стирая оставшееся сомнения.

Но мы в неподходящем месте: сейчас день и хотя мы находимся в тихом, почти безлюдном переулке, но готова поспорить, что пара прохожих все же прошла за то время, что мы были тут. Впрочем, я не уверена, потому как совершенно не обращала внимания на что-либо вокруг.

Ничего не говоря, Адам вдруг отстраняется и тянет меня на себя. Я доверчиво держу руку в его ладони, следуя за ним. Он толкает небольшую дверь в конце стены, оказавшуюся незапертой. Мы входим внутрь, в помещение, которое выглядит как небольшой холл. Очевидно, тут ведутся строительные работы, потому что повсюду лежат мешки с песком и цементом, строительные материалы и инструменты.

Воздух здесь довольно прохладный, резкий резонанс с теплотой улицы. Впрочем, разве это важно?

Единственное, что имеет значение — это человек рядом со мной.

Адам вновь привлекает меня к себе; проводит пальцами по моим приоткрытым губам. Его глаза завораживают, и я, словно загипнотизированная, смотрю в них.

Он ослепляет меня. Та сила эффекта, которую он имеет на меня, не может не пугать. Я чувствую себя мотыльком, летящим на огонь. Знаю, что могу опалить крылья, а могу и вовсе сгореть. Но парадокс в том, что без этого огня жизнь лишается смысла.

— Сними с себя платье, Грейс, — негромко велит мне Адам. В его голосе слышится твердость, но нет былого давления и резкости.

Уверен ли он, что я не посмею ослушаться? Он не кажется сомневающимся. Желание подчиниться во мне вдруг вспыхивает с неудержимой силой — я хочу быть мягкой глиной в его руках, пусть лепит все, что пожелает.

Я сглатываю пересохшим горлом и не спеша, стягиваю платье через голову. На мне бледно-голубое нижнее белье, едва прикрывающее тело.

Его взгляд скользит по мне снизу вверх, пока не останавливается на моем лице. Мои щеки заливает жаром, но это не от смущения — все дело в чистом, неприкрытом желании.

Мне нравится, что я вижу в глазах Адама, когда он смотрит на меня. Так знакомая мне страсть, откровенная похоть, но с примесью чего-то нового, что волнует, заставляет мое сердце сжиматься.

Он смотрит так, будто я — самое прекрасное, значительное, что он видел. И это вызывает во мне эйфорию.

Невозможно остаться равнодушной.

Я отступаю назад, пока не упираюсь в стену. На моих губах играет легкая улыбка, когда я подношу к ним палец и чуть прикусываю его. В моем взгляде вызов и ожидание.

Я хочу быть соблазнительной для него. Хочу, чтобы его желание было так велико, чтобы он не мог думать о контроле.

На мгновение я сомневаюсь, не слишком ли рискованно играть в такие игры. Но я не хочу лгать — это то, чего мне так не хватало. Слишком большая жертва, как оказалось.

— Ты играешь со мной? — Он приподнимает свои брови, и его голос звучит хрипло, с усилием.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Разве?

Адам вплотную подходит ко мне, ни на миг, не разрывая контакта с моими глазами. Его дыхание щекочет мне шею, когда он склоняет голову, но не спешит целовать меня. Едва касаясь, его пальцы двигаются по моим ребрам; ласкают кожу живота над краем трусиков. Это место особо чувствительное на моем теле и я задерживаю дыхание, когда его прикосновения вызывают во мне сладкую, томительную дрожь.

— Уверен.

Он хмыкает и неожиданно прикусывает мою нижнюю губу зубами. Не больно, но это настолько сексуально, что мой пульс начинает по-настоящему частить. Далее следуют поцелуи: не торопливые, будто ленивые, без напора и агрессии, и больше похоже на то, словно наши рты занимаются любовью.

Все мои ощущения сосредотачиваются внизу, завязываясь в плотный узел. Я как натянутая струна, и только вопрос времени, когда она порвется. Я берусь за свитер Адама и помогаю ему избавиться от него, после так же поступаю с нательной футболкой.

Теперь я могу чувствовать его горячую кожу без преграды, прижимая его к себе. Я закидываю одну ногу ему на пояс; руки запускаю в волосы и легко тяну, не желая причинить

боли.

Его пальцы отодвигают край моего белья, и я с перебоем выдыхаю, когда он касается меня; чувствует, какой горячей и влажной я стала благодаря ему.

По его лицу проскальзывает удовлетворенное выражение; дыхание ускоряется.

Чувственная ласка сводит меня с ума, моя голова кружится. Я закрываю глаза и прижимаюсь затылком к стене. Кусаю губы в попытке удержать стоны, рвущиеся наружу.

Мы на пределе. Наша маленькая игра в соблазнение распалила нас до яркого пламени. Настроение Адама меняется, и в его движениях чувствуется нетерпение.

Я не хочу больше ждать. Десять месяцев — более чем достаточно долго. Расстёгиваю ремень его джинсов, потом тяну «молнию» вниз. Мне нужно почувствовать его в себе; как он заполняет меня. Сейчас это единственное, что имеет значение.

Мы понимаем друг друга без слов. Адам тянет мои трусики вниз, и я переступаю через них, после чего он подхватывает меня и мои ноги обвиваются вокруг его бедер. Он смотрит мне в глаза своим сражающим, прямым взглядом, крепко целует и одним движением оказывается во мне.

Мы замираем. Я зажмуриваюсь, с силой обхватываю его за шею и утыкаюсь лбом в его плечо.

— Малыш, все хорошо? — Адам целует меня в ушко; его голос немного дрожит.

Что-то огромное, невероятно сильное ширится в моей груди. Это больше, чем удовлетворение плоти. Больше, чем страсть, влечение, секс.

Это любовь. Это жизнь. Моя жизнь.

Чтобы не происходило со мной, что бы я ни делала — я хочу, чтобы все это было вместе с ним. Без него все события в моей жизни попросту обесцениваются.

Спазм сдавливает мое горло, и я просто киваю.

— Грейс. Грейси, — шепчет он, и начинает двигаться.

Мое имя из его уст ласкает мой слух; заставляет мою кровь быстрее нестись по венам. Тяну Адама за волосы и яростно обрушаю свой рот на него в поцелуе. Я хочу насытиться им, но сколько бы не получала его, знаю — мне всегда будет мало, недостаточно. Я всегда буду хотеть еще и еще.

— Черт, как же я скучал по тебе, — сквозь стиснутые зубы шепчет он, ни на миг не прекращая движений. — Грейс, каждый день без тебя — пытка.

Я с трудом удерживаюсь от нервного смеха. Я так хорошо понимаю его, возможно лучше, чем он представляет.

Руки Адама надежно держат меня. Его губы и язык сводят меня с ума своими поцелуями. Тепло его тела покрывает меня. Он и я — мы одно целое.

Я защищена. В безопасности.

Я чувствую радость.

Мне кажется, я вдруг очнулась от долгого-долгого сна без сновидений.

Мы приводим себя в порядок в полном молчании, но улыбаемся друг другу. Мне нужно возвращаться, потому что время обеда скоро выйдет. Я не хочу расставаться с Адамом, не тогда, как только что вновь обрела его. Но с другой стороны — нам надо взять перерыв и переварить то, что только что произошло.

— Я не планировал этого, — вдруг признается он, протягивая мне заколку, которую я уронила.

— Я бы не осудила тебя, если бы планировал, — честно говорю я.

— Я не хочу, чтобы это все испортило. — Он хмурится, и я прекращаю возиться со своими волосами, внимательно посмотрев на его серьезное лицо. — Грейс, я хотел этого, и это было фантастически, впрочем, как всегда, — его губы трогает кривая улыбка, — но я не хочу, чтобы спешка оттолкнула тебя.

Думаю, он никогда не открывался передо мной настолько, как сейчас. Он не боится показать мне свою неуверенность, даже уязвимость.

Я склоняю голову в бок и задумчиво смотрю на него: это уже не совсем тот мужчина, с которым я рассталась год назад. Этот человек намного глубже, человечней, и при том — это Адам, которого я люблю.

— Адам, ты не...

Я только собираюсь сказать, что он не должен беспокоиться из-за этого, как неожиданно появляется какой-то мужчина за пятьдесят в строительном комбинезоне и начинает ругаться на немецком. Хорошо, что он не застал нас в разгар процесса, а ведь это было не маловероятно. Мы с Адамом так увлеклись, что совершенно потеряли бдительность.

Адам отводит недовольного хозяина в сторону и что-то говорит ему, но я не слышу, что именно. Вынимает из кошелька деньги и протягивает ворчуну, что моментом меняет ситуацию.

Я не жду, чем все закончится, и выскальзываю за дверь на улицу, испытывая сильное смущение — мужчина не мог не знать, чем мы тут занимались.

Адам выходит менее чем через минуту и, посмотрев друг на друга, мы смеемся.

Это было безрассудно. И мне не хватало этого.

— Ты дал ему денег? — недоверчиво удивляюсь я, когда мы идем к машине.

Он пожимает плечами и легко говорит:

— Это язык, который понимают все без разбору.

Возле машины нас ждет сюрприз — на лобовом стекле красуется штрафной билет. В этом месте нельзя парковаться, как оказалось.

— Прости. — Я виновато смотрю на Адама, но он качает головой.

— Не важно. Стоило получить штраф, ради времени с тобой.

От его слов в моей груди разливается тепло. Я едва сдерживаюсь, чтобы не подойти к нему и не заключить в свои объятия. Но я все еще не знаю, что у нас за отношения. То, что случилось в этом доме — прекрасно, но это не решает всех проблем.

В машине ощущение неловкости и недосказанности возвращается. Каждый из нас будто выжидает, оттягивая серьезный разговор. Но рано или поздно, мы должны будем прийти к нему.

— Я хочу увидеть тебя вечером, — прямо говорит Адам, когда мы останавливаемся возле отеля.

Только теперь я вспоминаю о Поле. Я не была у него целый день и во мне просыпается чувство вины. Я должна буду поговорить с ним, все объяснить. Не имеет значение, буду ли я с Адамом — с Полом я все равно быть не смогу. Он всегда был для меня не более чем друг, переходить эту черту будет большой ошибкой.

— Я не знаю, получится ли. Мне нужно будет сделать кое-что. Возможно, я буду занята. — Отчего-то я вдруг начинаю бормотать, избегая смотреть ему в глаза.

Вопрос Адама удивляет меня:

— С ним?

Я открываю рот и несколько мгновений смотрю на него, не зная, что сказать.

Адам тоже молчит, бесстрастным взглядом глядя на меня.

— Да, но это не то, о чем ты мог подумать.

— Я ни о чем не думал, Грейс, — сухо изрекает он.

— Между мной и Полом ничего нет, мы просто друзья и коллеги. — Я не знаю, почему считаю должным оправдаться перед ним. — Просто ему сейчас плохо, и я должна буду провести его.

— Хорошо. Но я хочу увидеть тебя позже.

Я оценивающе смотрю на него. Его лицо кажется спокойным и расслабленным. Ловлю себя на мысли, что внутренне сжалась, ожидая его реакции. Это неприятное открытие.

— Ты веришь мне? — желая себя задушить за это, все же тихо спрашиваю я.

Дыхание с шипением вырывается сквозь зубы Адама. Его лицо искажается, и он с ужасом смотрит на меня.

— Ты испугалась? — Его голос повышается, и я на секунду отворачиваюсь, прикрыв глаза. — Господи, Грейс, посмотри на меня!

Он легонько встряхивает меня за плечи, заставляя смотреть на него.

— Ты испугалась? — повторяет он свой вопрос, но уже спокойней.

Я хочу засмеяться и сказать, что вовсе нет. Но я бы солгала. И он бы это понял.

— Возможно. Немного.

— Твою мать! — тихо ругается он, стукнув по рулю. — Грейс, я не хотел тебя пугать, понятно?

Я молча киваю.

— Мне жаль, если это случилось. Если ты говоришь, что между вами ничего нет, я тебе верю. Если бы между вами что-то было... — он на секунду замолкает, и я не могу не заметить, что он старается говорить спокойно, — это бы меня не касалось. Мы не давали друг другу обещаний.

Я вновь киваю, невольно вспоминая тот снимок в журнале. Я хочу расспросить его о той девушке рядом с ним, потому что дикая, отвратительная ревность терзает меня. Я не хочу думать о том, что пока мы были не вместе, кто-то согревал его постель.

Я хочу быть единственной, с кем он делит свою жизнь и себя.

— Вечером поговорим.

Он улыбается мне и гладит мою щеку. Я с трудом выдавливаю какие-то слова на прощанье и ухожу.

Оставшиеся часы конференции я едва слышу слова выступления, не в состоянии сосредоточиться на чем-либо.

Я не могу не думать о том, что испугалась Адама, когда сказала о Поле. Испугалась настоящего.

Я начинаю паниковать.

Позже я поднимаюсь к Полу, которому уже значительно легче. Он рад видеть меня, и мне жаль портить его настроение, но я вынуждена быть честной с ним.

Я не рассказываю ему об Адаме, но говорю, что согласиться на отношения было непозволительно с моей стороны, так как мои чувства к нему не носят такой характер.

После непростого разговора с Полом я в подавленном состоянии иду к себе в номер. Принимаю душ, заказываю легкий ужин, после связываюсь по Скайпу с Надин и даю ей отчет о первом дне.

Внутри меня поселяется тревога, которая только растет. Приходят сомнения, давящие

бетонной плитой.

Нервно, я меряю шагами свой номер, раздумывая, как поступить. Я знаю, что Адам ждет меня. И знаю, что сейчас хорошее время для откровенного разговора.

Но я трушу. И спасаюсь бегством.

Ранее днем Нелли предложила мне вечером отправиться с ними на разведку ночной жизни Цюриха. Я ответила, что подумаю, не собираясь идти, но теперь передумываю.

Я быстро облачаюсь в короткое, довольно откровенное желтое платье — Лорен прислала на день рождение — и, не давая себе времени передумать, покидаю номер. Я тороплюсь еще и потому, что боюсь, как бы Адам сам не пришел ко мне.

Нас собирается целая компания, и мы отправляемся в ночной клуб Angels Events. Это очень модное и шумное увеселительное заведение, но я никак не могу расслабиться и получать удовольствие, как мои спутницы.

Мы пьем коктейли, танцуем, девушки флиртуют с мужчинами, но я остаюсь в стороне и отклоняю все предложения познакомиться.

Ближе к полуночи мое напряжение становится непереносимым. Я забиваюсь в угол красного дивана, на котором расположилась наша компания и достаю свой телефон из сумочки. У меня пять пропущенных звонков от Адама и два смс.

Залпом допив свой коктейль, я открываю первое и читаю.

«Ты не отвечаешь на звонки. Грейс, я волнуюсь».

Оно пришло более часа назад, второе через пятьдесят минут.

«Просто ответь, все ли с тобой в порядке».

Я с шумом выдохнула и напечатала ответ:

«Я сбежала».

Лаконично, но честно.

Через несколько секунд пришел ответ от Адама.

«Я понял. Что тебя беспокоит?»

Я сделала большие глаза и хмыкнула экрану, будто он мог меня видеть. Меня так много вещей беспокоили в отношении его. Первое и самое главное — могла ли я доверять ему?

Я все еще сомневалась в этом.

Но написала я другое.

«Ты злишься?»

Не знаю, зачем я делала все это, зачем провоцировала его. Может, так я проверяла его пределы? Хотела почувствовать ту грань, через которую нельзя переходить с новым Адамом?

На этот раз ответа пришлось ждать дольше, я даже забеспокоилась.

Наконец, ответ пришел:

«Да».

И следом:

«Но я могу с этим справиться. Просто скажи, где ты».

Он злился, и он был честен в этом. Ладно, хорошо. Он был зол, но насколько?

Вместо того чтобы сообщить, где я, я напечатал следующее:

«Ты хочешь наказать меня?»

Я закусила губу и не дышала, пока ждала.

«Грейс, я не собираюсь наказывать тебя. Ответь, где ты и я приеду. Давай поговорим».

Я добрую минуту пялилась в экран. Он не написал, что не хочет наказывать меня, только то, что не станет.

Странно, но мне было проще быть откровенной с ним, общаясь через переписку. Я боялась, что будут вещи, которые я не смогу сказать ему в лицо.

«Чего ты боишься?»

Не дождавшись моего ответа, спросил он.

«Тебя. Того, что ты сорвешься и захочешь сделать мне больно».

Едва успев отправить сообщение, я тут же написала следующее:

«И того, что сама захочу этого».

Я провела языком по пересохшим губам. Вот оно, я призналась. Даже себе я не решалась признать, что были вещи, вполне определенные вещи, которых мне не хватало.

Этого ответа Адама мне пришлось ждать дольше всего.

И наконец:

«Чего ты хочешь?»

Мое лицо залилось краской, когда я осознала полный смысл его вопроса. Я огляделась, будто кто-то мог подглядывать за мной, или прочесть мои мысли. Но люди вокруг меня веселились, и никому не было дела до меня, предающейся своим дерзким, пугающим желаниям.

Мои пальцы дрожали, пока я печатала.

«Свяжи мне руки. Завяжи мне глаза. Сделай меня беспомощной. Подчини себе».

Теперь меня всю трясло с ног до головы. Признаться в своих желаниях было не просто, но сделав это, я будто лишилась камня с плеч.

«Грейс, адрес».

Черт, точно! Я же так и не сказала ему, где я. Быстро напечатав название клуба, я встала на слабых ногах и двинулась к бару. Мне нужно было что-то выпить, чтобы унять нервы.

Не совершила ли я ошибку?

А впрочем, сомневаться было поздно.

Я заказала водку с тоником и осталась у бара, в голове отсчитывая минуты.

Сколько Адаму потребуется времени, чтобы добраться сюда?

Какой-то парень с откровенным итальянским акцентом предложил мне выпить. Я вежливо отказалась, дав понять, что не заинтересована. Он вроде как отказ принял, но все равно пялился в мою сторону и улыбался, нервируя меня еще больше.

— Грейс.

Я услышала свое имя, и его дыхание коснулось моей шеи. Резко обернулась, едва не уткнувшись носом в его грудь.

Адам улыбнулся мне улыбкой, которая выбивала почву из-под моих ног, и протянул свою руку. Я доверчиво вложила в нее свою ладонь, и последовала с ним к выходу из клуба.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Адам

— Ты уверена?

Я смотрю на Грейс, давая ей возможность отказаться.

Понимает ли она, какой рискованной может быть ее просьба? На самом ли деле хочет того, о чем просит?

Это может стать одним из самых ярких моментов между нами за целый год.

Это может нас погубить.

Я хотел бы сказать, что во мне достаточно уверенности, что я смогу остановиться вовремя и не перешагнуть линию безопасности. Но это не так. Я сомневаюсь.

Месяцы терапии, курсы управления гневом — я думаю, это помогло мне. Но пока это только теория. Я не хочу, чтобы в действительности это не сработало.

Не тогда, когда может пострадать Грейс.

Она оборачивается, оторвавшись от рассматривания моего номера, и ее губы складываются в ранимую улыбку. Она кивает.

Я могу только представить, чего ей стоило это признание и решимость пойти со мной, зная, что все может закончиться полным провалом.

— Скажи мне, что ты не делаешь это ради того, чтобы угодить мне, — чтобы избавиться от последних сомнений, настаиваю я.

Никогда прежде я не заботился такими вещами, как мнение моей партнерши по какому-либо поводу. Если совсем откровенно — Грейс первый человек, на мнение которого мне не наплевать.

Раньше все было просто — если девушке что-то не нравилось, она могла уйти, я никого не держал насильно. Грейс была исключением.

Она так же стала первой, кто ушел от меня по собственному выбору.

Я всегда знал, что Грейс другая, не похожая на остальных женщин. Но я не сразу понял, какую важность имеет это отличие для меня.

— Я не делаю это, чтобы угодить тебе, — медленно, четко проговаривая каждое слово, отвечает Грейс. В ее глазах пляшет веселье, смешанное с предвкушением и восторгом. — На самом деле, я делаю это, чтобы угодить себе.

Она дерзко вскидывает голову и прямо смотрит на меня.

Наши взгляды задерживаются друг на друге, и постепенно в ее глазах возникает вопрос. Она пришла сюда, чтобы получить то, к чему я пристрастил ее, и я был бы самым огромным лжецом в мире, если бы сказал, что сам не хочу этого.

Но сейчас, когда она смотрит на меня так выжидающе, я просто хочу сказать, что люблю ее.

— Хорошо.

Я киваю, принимая такой ответ. Мне надо переключиться и не думать о том количестве слов, которые долго копил в себе, предназначенные для нее. Время еще будет для этого.

— Расскажи мне, о чем ты мечтала все это время. — Мой голос садится, стоит мне подумать о фантазиях Грейс, связанных со мной.

На секунду я вспоминаю о существовании этого парня в ее жизни. Она сказала, что они только друзья — я ей верю. Месяцы работы не прошли даром — я, в самом деле, научился верить ей. Но я не доверяю ему, или любому другому мужчине рядом с ней. Я не могу не думать о том, что каждый, кто находится поблизости от нее, хочет забраться к ней в трусики.

Она красивая, сексуальная и горячая — я не представляю, чтобы здоровый, гетеросексуальный парень не захотел ее.

Я не знаю, был ли кто-то у нее в течение этого года. Максимально отстраниться от Грейс было нелегким решением, но я это сделал. После того, как убедился, что она поправилась и благополучно окончила университет, я отпустил ее. Нам двоим нужна была передышка, время на осознание случившегося.

Порой от незнания, что с ней происходит, хотелось на стену лезть, но это был один из пунктов моей терапии. Ослабление контроля над вещами, независящими от меня — я

выдержал это. Но как же трудно было не отдать распоряжение установить наблюдение за ней.

Я знал, что если сорвусь — с ней будет покончено навсегда. И успокаивал себя тем, что в итоге это ради нее. Ради шанса быть с ней.

— О тебе, — тихо признается она, и на этот раз ее голос совершенно серьезен. — Но иногда эти мысли и фантазии носили особый характер. — Ее щеки слегка розовеют, и она прикусывает свою нижнюю губу.

Мой взгляд невольно опускается на ее рот.

Черт, есть столько вещей, которые я хочу проделать с ним. Далеко не невинных вещей. Раньше я непременно последовал зову своих желаний и инстинктов, не заботясь ее отношением к этому.

Теперь все иначе. Я не сделаю ничего, что будет нежеланно для нее.

— Это в моей голове, — приглушенно, неторопливо произносит она, и делает несколько шагов ко мне. — Я думаю о тебе, о нас. Все время. Это отвлекает, и бороться бессмысленно. — Она слабо пожимает плечами. — Я устала сопротивляться.

Ее голос звучит так, будто она смирилась с таким положением. Я понимаю, о чем она говорит.

Борьба против своих желаний изматывает, вытягивает всю энергию. Мне не часто приходилось бороться с тем, чего хотел, и понял, насколько это непросто, только когда потерял Грейс.

Нас прерывает стук в дверь. Глаза Грейс в удивлении расширяются, и она вопросительно смотрит на меня. Интересно, о чем она подумала?

Сейчас почти два часа ночи, есть только один человек, которого я жду.

Это посыльный из отеля. Немногим ранее я сделал кое-какой заказ. Несколько вещей, которых не оказалось под рукой.

Я не рассчитывал, что они понадобятся мне в эти дни. Впрочем, если у тебя есть деньги, достать можно все, что угодно.

Я забираю пакет и даю парню на чай щедрые чаевые. Он держится молодцом, и ему почти удается сохранить невозмутимость на лице, когда он благодарит меня и уходит.

— Что это?

Грейс с любопытством смотрит на пакет в моих руках. Временно я отставляю его на небольшой столик у кресла — его время еще придет.

— Скоро узнаешь, — желая еще больше заинтриговать ее, уклончиво отвечаю я.

Ее глаза вспыхивают, но она больше ничего не спрашивает.

Я приближаюсь к Грейс, но ничего не говорю. Ее венка на шее бьется быстро-быстро, и по учатившемуся дыханию я понимаю, что она волнуется. Я бы хотел, чтобы она чувствовала покой рядом со мной, но это не тот случай.

Наклонившись к ней, я беру ее волосы в руку и, отведя с одного плеча, провожу носом от уха и до ключицы, жадно втягивая ее запах. Грейс вздрагивает и напрягается, но все ее тело поддается ко мне, что говорит мне продолжать.

Я люблю, как она пахнет. Без удушающего, тяжелого запаха дорогих духов, от которых дерет в горле. Что-то свежее, едва уловимая нотка мяты, и ее собственный аромат.

Касаюсь пальцами ее приоткрытого рта; обвожу контуры полных губ. Грейс замерла, и только ее грудь быстро поднимается и опускается от частого дыхания.

— Мне нравится твое платье, но сейчас ты должна его снять, — голосом, не терпящим

возражений, произношу я. — Я помогу тебе. — Я берусь за низ этого сексуального, горячего платья и тяну вверх, стараясь не думать о тех, кто глазел на нее в клубе, пока она была одета так. — Подними руки.

Грейс слушается, безропотно выполняя мои приказы, и скоро остается в одном нижнем белье: оно бледно-розовое и такое микроскопическое, что почти ничего не скрывает.

Мне приходится сделать глубокий вдох, чтобы унять разгорающийся пожар внутри. Это не должно быть быстро. У меня есть планы на эту ночь.

Я обхожу Грейс и провожу костяшками пальцев по ее позвоночнику: она прогибается, и ее лопатки заостряются, а с губ срывается тихий стон. Наклонившись, я оставляю несколько легких поцелуев на ее плече, а потом несильно прикусываю нежную кожу.

Расстегнув застежку лифчика, я спускаю бретельки по ее рукам и откидываю его на ближайший стул — он не скоро ей понадобится. Беру ее грудь в ладони, слегка потираю и поглаживаю соски.

Это для ее расслабления и первоначального удовольствия. Самое интересное ждет нас чуть позже.

Грейс тихонько стонет и, откинув голову мне на плечо, прикрывает глаза.

Я улыбаюсь, слыша довольные стоны моей девочки. Это мои любимые звуки.

Расстегнув ремень, я вынимаю его из шлевок.

— Грейс, ты доверяешь мне?

Несколько секунд она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, и это промедление отдается неприятным отзвуком внутри меня. Я знаю, что не заслужил ее безоговорочного доверия, но я готов сделать все, чтобы исправить это.

Наконец, она с усилием сглатывает и кивает.

— Да. — Ее голос немного подрагивает при этом.

— Тебе нечего бояться, — успокаивающее произношу я, и это для нас двоих. Я повторяю себе, что не стану делать чего-либо, что будет слишком для нее.

— Хорошо. — Она делает попытку улыбнуться, и то, как храбро она держится — одна из причин, за что я люблю ее.

Я оборачиваю ремень вокруг ее груди и туго затягиваю. Потом беру пакет, доставленный посыльным и, найдя то, что нужно, возвращаюсь к Грейс.

— Вытяни руки перед собой и сложи их вместе, — хрипло говорю я, с голодным выражением наблюдая за тем, как ее розовый язычок скользит по губам.

Я чувствую, как глубоко запрятанная тьма поднимается во мне. Мои желания подают голос, требуют их удовлетворения. Вот она, прямо передо мной. Беззащитная, подчиняющаяся и я могу делать все, что захочу. Могу взять ее по всякому, использовать так, как пожелаю.

Но следующее, что приходит в голову, это страх потерять ее окончательно. Если Грейс вновь обманется на мой счет, то никогда больше не сможет доверять мне.

— Не бойся, можешь сильнее затягивать, — внезапно подбадривает меня Грейс, когда я завязываю атласную черную ленту вокруг ее запястий. — Мне не больно.

— Если тебе что-то не понравится, сразу же скажи мне об этом, — напоминаю я, потуже стягивая ее руки.

— Ты слишком осторожничаешь, — шутливо замечает она.

— Я должен. — Мой голос мрачен, вопреки моему желанию.

Судорожный вздох срывается с губ Грейс, и она тихонько шепчет:

— Да, я знаю.

Я не хочу быть хмурым и подавленным, это портит всю затею. Отбрасываю гнетущие мысли из головы и сосредотачиваюсь только на девушке передо мной.

— Ляг на кровать, — указываю я, и когда Грейс ложится поверх покрывала, обматываю свободные концы ленты вокруг кованой спинки кровати.

Теперь она надежно зафиксирована и ее руки подняты высоко над головой. Черная лента вокруг ее рук и розовые трусики на ней создают контраст грешности и невинности.

Она возбуждена и ждет с нетерпением, что последует дальше. Ее глаза лихорадочно горят, а мышцы живота сокращаются, когда она делает быстрые вдохи и выдохи.

Я удовлетворенно улыбаюсь, медленно рассматривая ее. Потом расстегиваю свою рубашку и скидываю ее. Разуваюсь, и остаюсь в одних брюках, которые не скрывают моего возбуждения.

— Готов спорить, твоя киска горячая и мокрая, — с шипением произношу я, чувствуя, как все мои нервы в теле натягиваются, словно струны.

Из горла Грейс раздается тихий всхлип и ее руки натягивают ленту, а бедра приподнимаются.

Взяв очередной предмет из пакета, я становлюсь на постель у ее ног и развожу согнутые колени в стороны, устраиваясь между ними.

— Маска? — она с настороженностью и восторгом смотрит на кусочек материи в моей руке.

— Маска для сна, — улыбнувшись, уточняю я, — но это единственное, что можно было раздобыть в такие рекордные сроки. К тому же, в отеле их полно.

— Значит, этот парень принес тебе все эти... вещи? — ее голос слегка сбивается, когда она бросает быстрый взгляд на пакет.

Я хмыкаю.

— Да. Тебя волнует это? — Приподняв брови, я с интересом смотрю на нее.

— Нет, не особо, — она качает головой.

— Знаешь, этот парень наверняка догадался, что сегодня ночью кто-то будет связан, беспомощен и хорошенько оттрахан, — наклонившись к ней, грубо говорю я, заводясь еще больше.

Веки Грейс на мгновение смежаются, а когда она открывает глаза, я вижу бушующий пожар дикой похоти и мольбы, чтобы я дал ей то, чего жаждет ее тело.

— Приподними голову, — едва контролируя свой голос, велю я.

Грейс слушается, и я надеваю на нее маску, лишая на время зрения. От этого ее ощущения станут только острее.

Далее я стягиваю с нее трусики. Ее бедра разведены в стороны; запах ее возбуждения кружит мне голову, сок ее тела блестит на розовых складках.

Я наклоняюсь и припадаю губами к горячей влаге.

Грейс

Губы Адама касаются меня в самом чувственном, ноющем и пылающем месте. Я вскрикиваю и инстинктивно приподнимаю бедра выше. Удовольствие острыми иглами пронзает меня. Пока его губы и язык ласкают меня, вознося на многие-многие мили над землей, я готова плакать от яркости и интенсивности ощущений.

Жаль, я лишена зрения. Я бы хотела видеть его голову между моих ног, я бы хотела зарыться в его волосы пальцами и потянуть, потому что мне надо что-то сделать, чтобы

сдержаться и продлить эти переживания.

Я стону и туго натягиваю веревки, когда его губы всасывают мой клитор, разбухший и пульсирующий. Но прежде, чем я готова кончить, он замедляется и неторопливо кружит вокруг, не давая моему пику взорваться.

— Малыш, еще не время, — беззлобно журит меня Адам, и я чувствую вибрацию в его голосе — он беззвучно смеется.

Не время? Я не уверена, что смогу долго выдержать без того, чтобы мое сердце не разорвалось.

Внезапно он поднимается, оставляя меня, и я издаю возмущенный возглас. Желание кончит такое огромное, что это причиняет боль.

— Не бойся, я не оставлю тебя, — заверяет Адам и я немного расслабляюсь, слыша его голос.

Я напрягаю слух, пытаюсь разобрать, что он делает. Кажется, он выходит из комнаты, но возвращается быстрее, чем я успеваю начать паниковать. Вот матрас под ним прогибается, и Адам вновь становится между моих ног.

Мне кажется, я чувствую запах огня, о чем и спрашиваю Адама.

— Это просто свеча, — успокаивающе произносит он. — Доверься мне.

Я пытаюсь расслабиться и начинаю дышать глубже, но напряжение от ожидания плотно охватывает тело. Зачем ему свеча?

Если только...

— Ах! — Я с шумом выдыхаю, когда несколько капель воска капают мне на живот. Но не успеваю я привыкнуть к жару, как холодный кубик льда скользит в месте, где упали капли.

Контраст горячего и холодного подбрасывает меня вверх. Удивительные, непередаваемые ощущения. Адреналин бушует в моей крови, и я хочу испытать это еще раз.

— Продолжать? — низким голосом спрашивает Адам, и я быстро киваю.

— Да, пожалуйста. Сделай так еще раз.

Если надо, я готова умолять его. Эта обжигающая боль, за которой следует мощное удовольствие, сводит меня с ума.

И он делает так снова, и снова. Горячо — холодно, горячо — холодно.

Я дрожу, возбужденная до предела. Ремень стягивает мою грудь, кожа раздражает затвердевшие соски. Я чувствую ноющую боль между ног, пульсацию, которая не приносит полного удовлетворения.

Мне нужна разрядка, но он не дает ее мне. Инстинкты взяли надо мною верх. Есть только мое желание; я перестала соображать.

— Пожалуйста. Ну, пожалуйста..., - словно в бреду шепчу я пересохшим горлом.

— Что, Грейс? — хрипло, отрывисто спрашивает Адам. — Чего ты хочешь?

— Кончить. — Я хнычу. — Пожалуйста, дай мне кончить!

— Скоро, моя хорошая.

Внезапно, его шепот возле моей головы и его горячее дыхание скользит по моей шее. Что-то холодное касается моих губ, и скоро я понимаю, что это кубик льда.

— Открой рот, — велит Адам, и я подчиняюсь.

Я беру лед в рот, захватываю губами его пальцы и начинаю сосать. Шумное, тяжелое дыхание Адама доносится до меня. В этот момент я так сильно хочу, чтобы вместо льда и его пальцев это был его член, упирающийся в мой живот.

Без предупреждения, Адам вынимает свои пальцы со льдом и через мгновение согретый моим ртом кубик касается меня между ног, а следом его язык вновь начинает терзать меня.

Я больше не сдерживаюсь. Кричу, бурно кончая, выгибаясь дугой над кроватью. Упав на покрывало, я дрожу, переживая сильный, захлестывающий оргазм.

Через какое-то время я начинаю приходить в себя. Мое тело словно растеклось по кровати, настолько расслабленной я стала. Адам молчит, но я слышу его тяжелое дыхание. Пока я собираюсь с силами что-то сказать, он отвязывает меня от спинки, но не освобождает мои руки и снимает с меня маску.

Приглушенный свет комнаты после полной темноты кажется ярким. Я поднимаю глаза на Адама и вижу голодный, дикий блеск, с которым он следит за мной.

Я притихла, полностью положившись на него. Он здесь все контролирует.

Не суетясь, Адам поднимается и становится лицом ко мне. С вновь возрастающим напряжением я слежу за ним, и низ моего живота вновь начинает томительно, сладко ныть.

— Поднимись, Грейс, — приглушенно приказывает мужчина, прожигая меня взглядом хищника.

Мои ноги плохо слушаются меня, когда я встаю с кровати и жду его распоряжения. Медленно, Адам обходит меня и снимает с меня ремень. Потом собирает мои волосы в хвост и завязывает их резинкой, которую очевидно взял моей сумочки.

Он словно что-то выжидает, или хочет довести меня до предела. Неизвестность делает свое дело — я испытываю сексуальное волнение, которое натягивает мои нервы.

— Сейчас, Грейс, мы сделаем все по-моему, — вкрадчиво произносит Адам.

Вместо того чтобы испугаться, я возбуждаюсь еще больше. Я хочу его. Хочу, чтобы он заполнил меня собой и стер все остальные мысли из головы.

— На колени!

Резкий приказ заставляет меня вздрогнуть. Я смотрю на его жестокое лицо с заостренными линиями и опускаюсь вниз, становясь на колени.

— Положи голову и руки на постель, ноги раздвинь и бедра подними.

И я вновь повинуюсь приказу, вытянув связанные руки на постели. Ложу голову на покрывало и развожу бедра, открывая ему себя.

Я лежу, едва дыша, ожидая продолжения. Самой себе боюсь признать, как хочу, чтобы он жестко, не щадя взял меня немедленно.

Я хочу и нуждаюсь в этом.

— Черт, детка, я хочу трахать тебя до одурения, — сквозь зубы шипит Адам, хватая меня за хвост и тянет назад так, что моя голова запрокидывается. — Все время, весь остаток своей гребаной жизни только тебя. Ты так плотно засела в моей голове. Ты даже не представляешь, что ты делаешь со мной. Я хочу, чтобы ты принадлежала только мне. Грейс, скажи, что ты моя.

Его признание слово за словом пронзает меня, и мое сердце сжимается. Я поддаюсь к нему, и тихий стон срывается с моих губ.

— Твоя. Я твоя.

Господи, разве может быть иначе? В тот момент, когда Адам появился в моей жизни, он убил меня для других мужчин. Даже время не ослабило мои чувства к нему, скорее только укрепило их.

Я хочу жить. Я хочу быть любимой им. Хочу видеть восхищение в этих серых глазах. Хочу каждый день слышать его голос и чувствовать эти сильные руки на себе.

Я просто хочу его. Только этого мужчину.

— Скажи это еще раз.

— Твоя, — шепотом повторяю я. — Адам, только твоя.

Это так заводит, признание себя принадлежащей ему. Полностью, абсолютно. С рыком на губах, все еще удерживая меня за волосы, Адам толкается в меня, проникая до упора, во всю длину.

Я хватаюсь пальцами за покрывало и с силой сжимаю, пока он сотрясает мое тело ударами. Мой рот раскрывается в немом крике, хватая воздух, которого отчаянно не хватает.

— Доверяй мне, — шепчем мне на ухо Адам, и следующее, что он делает, берет мою шею в захват.

Его темп нарастает, а перед моими глазами пляшут разноцветные точки, и я на границе того, чтобы отключиться. Он практически перекрыл мне кислород, но вместе с тем, мои ощущения стали даже более ярче, острее.

Бедра Адама с силой, нещадно бьются о мои ягодицы. Меня будто выворачивает наизнанку, и с последующим ударом я не выдерживаю, накрытая волной эйфорического оргазма. Адам разжимает захват, и я обмякаю, уткнувшись лицом в покрывало.

Он делает еще несколько ударов, после чего и сам кончает, и его тепло разливается внутри меня. Тяжело дыша, он накрывает меня, крепко прижимая к себе, целуя мой мокрый от пота висок.

Немного уняв сердцебиение, он садится, облокотившись о кровать, и тянет меня на себя. Я удобно размещаюсь на нем, крепко обхватив его шею руками и спрятав лицо в основании его шеи, а тем временем руки Адама поглаживают мою спину.

— Ты мой. — Чуть успокоившись, я поднимаю голову и твердо смотрю на него. — Ты мой, Адам.

Я приходила в дикость, представляя, что приходится с кем-то делить его.

Кривая улыбка трогает его губы, и он кивает.

— Твой. И только.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Черный шелковый шарф на моих глазах полностью лишил меня зрения. Я протягиваю руку и хватаюсь за Адама, боясь потерять равновесие.

— Я держу тебя, — теплым, успокаивающим голосом утверждает Адам, и его руки правда крепко держат меня, помогая выйти из лимузина.

— Готова? — с улыбкой в голосе спрашивает он, когда я твердо становлюсь на асфальт.

Невольно, я делаю судорожный вздох.

— Да, готова. Ты так долго томил меня всей этой неизвестностью, я просто хочу узнать, в чем дело.

Низкий, приглушенный смех Адама заставляет меня улыбнуться. Всякий раз, когда я слышу его смех, чуть хрипловатый и такой сексуальный, мои губы сами собой растягиваются в улыбке.

— Ты такая нетерпеливая, — шепчет он, склонившись к моему уху.

Мой пульс как по команде делает скачек. Вдруг, я больше не хочу знать, что он приготовил для меня. Вместо этого, я хочу вернуться в лимузин и заняться кое-чем, что гарантированно принесет нам удовольствие.

Ладно, возможно, позже. Его старания не должны пропадать даром.

— Хорошо, показывай уже, что ты за интригу устроил, — чуть ворчливо вздыхаю я, и

вновь усмехнувшись, Адам ведет меня куда-то вперед.

Я не была большой поклонницей сюрпризов. Наверное, все дело в том, что в моей жизни было не много сюрпризов, которые можно было бы назвать приятными. Те времена ушли в прошлое, но я все еще только привыкаю к тому, что моя жизнь наладилась и у меня все в порядке.

На самом деле, больше, чем просто в порядке. Я счастлива, потому что замечательный мужчина любит меня, мы вместе и каждый наш день — это маленький отрезок интересного, удивительного пути.

А еще у меня есть работа, которую я люблю и мои близкие здоровы. И оглядываясь теперь на наше прошлое, я понимаю, что те испытания, через которые мы прошли, стоили того, чтобы сейчас иметь все это.

— Осторожно, ступенька, — предупреждает Адам, и я повыше поднимаю ногу.

— Знаешь, просто ужин в ресторане тоже было бы не плохо, — замечаю я, гадая, что же он приготовил мне в качестве подарка на день рождение.

Сегодня мне двадцать пять, вот поэтому поводу вся эта таинственность. И не смотря на то, что я ворчу — зная, что он готовил для меня этот сюрприз, вместо того, чтобы отделаться дорогим подарком, купленным его ассистентом — заставляет меня любить его еще больше.

— Не лишай меня удовольствия видеть счастливую улыбку на лице моей девочки, — отвечает мне Адам, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не заулыбаться от уха до уха.

Всякий раз, когда он называет меня «моя девочка» я готова растаять лужицей у его ног.

Я слышу звук открываемой двери, и мы входим в какое-то помещение.

— Хорошо, мы на месте, — сообщает Адам. — Сейчас я сниму с тебя шарф. — Он заходит мне за спину и пока развязывает узел, шепотом добавляет на ухо: — Чтобы позже связать тебя им.

Мой желудок сжимается в сладком предвкушении и волна жара проносится от макушки до стоп. Справившись с шарфом, его пальцы в легком касании пробегаются по моей оголенной спине, посылая россыпь мурашек по коже.

Так происходит всякий раз, когда он касается меня.

— Сюрприз!

— С днем рождения, Грейси!

Я распахиваю глаза и теперь уже не в силах сдержать широкую, изумленную улыбку. Здесь все мои друзья, старые и новые и они здесь ради меня, чтобы отметить со мной мой день рождения. Я вижу тетю Шерон с ее женихом Расселом, и Лорен, которая, как я думала, была в Лос-Анджелесе. Эмми и ее бойфренд Ник, с которым они недавно отметили первую годовщину отношений.

— Так вот что ты скрывал все это время?!

Мои глаза радостно блестят, когда я перевожу взгляд на Адама, и он только скромно пожимает плечами.

Я начинаю вспоминать, как часто за последние месяцы я жаловалась, что очень редко вижу с друзьями. Даже с Эмми, хотя мы и жили в одном городе. И я не ожидала, что Адам решил это исправить и собрать всех ради меня.

— Надеюсь, теперь ты изменишь свое отношение к сюрпризам. — Он приобнимает меня за талию и мягко усмехается в мой висок.

— Придется. — Я вскидываю брови на него и посылаю ему лукавый взгляд, а после спешу обнять и поприветствовать всех своих гостей.

Думаю, каждый из присутствующих получил установку от Адама по поводу дресс-кода, потому как все мужчины в костюмах, а девушки в вечерних нарядах. Живой оркестр играет музыку, а штат официантов разносит еду и напитки.

Оживленно обмениваясь последними новостями с Лорен и Эмми, я невольно поглядываю на Адама. Где бы мы ни были, я всегда с трудом отвожу взгляд от него. Я безумно влюблена в него, так что я даже перестала искать себе оправдания из-за этого.

Сегодня, он в одном из своих идеально сидящих костюмов, который делает его особенно привлекательным для меня. Он синего цвета и перекликается с моим платьем цвета электрик.

Очевидно, Адам чувствует мой взгляд, потому что поднимает голову и прямо смотрит на меня, не прекращая разговора с Ником. Ник компьютерный гений и я знаю, что Адам был заинтересован в сотрудничестве с ним.

В момент, когда наши глаза встречаются, кажется, будто все вокруг замирает и время прекращает свой бег. Сейчас, в этот миг, есть только я и он — все остальное исчезло. Мы так хорошо научились чувствовать друг друга, что порой наша связь заставляет меня не на шутку волноваться.

— Что это за место такое? — позже, когда Адам и я ненадолго остаемся одни, не без удивления спрашиваю я.

Прием устроен в огромном, красивом доме из белого камня и высокими потолками. Здесь много французских окон и я только могу представить, как здесь восхитительно днем, когда солнечный свет льется в них.

— Этот дом может стать нашим, если ты только захочешь, — как бы, между прочим, сообщает Адам и мои глаза распахиваются в недоверии.

— Нашим? — шепотом переспрашиваю я, боясь, что ослышалась.

Адам кивает.

— Он выставлен на продажу. Хозяин мой знакомый. Если ты хочешь его, уже завтра мы подпишем бумаги.

Вот так просто. Если я хочу особняк за несколько миллионов долларов, он готов без колебаний купить его. Правда, я только недавно привыкла к тому, что мой любимый безумно богат и балует меня.

Адам любил это делать, и в итоге я перестала сопротивляться.

— Я должна решить это прямо сейчас? — распереживавшись, уточняю я.

— Ты ничего не должна сейчас решать. — Адам с любовью смотрит на меня и, протянув руку, гладит меня по щеке. — Тогда, когда ты будешь готова. Но возвращаясь к нашему разговору несколькими месяцами ранее, это была бы оправданная покупка.

Понимая о чем он, я киваю. Той ночью, в Швейцарии, когда мы наконец-то решили окончательно оставить прошлое, мы много разговаривали и о нашем будущем в том числе. Было кое-что, что заставило Адама понервничать. Но теперь, спустя полгода, он хочет этот дом для нас. Не только для нас, а и для наших будущих детей.

Тогда сама только мысль о них пугала его, и он честно сказал мне, что не готов. Более того, признался, что не уверен, будет ли когда-нибудь. Я не давила на него и к тому же, я и сама пока не готова стать матерью. Но знать, что это больше не пугает его — это залог того, что однажды мы можем стать родителями.

— Давай купим его, — обвивая шею Адама руками и привстав на носочки, чтобы дотянуться до его губ, решаю я. — Я хочу, чтобы этот дом стал нашим. Нашей семьей.

— Как скажите, миссис Эллингтон, — низким рокотом произносит Адам, крепко прижимая меня к своему телу. — Твое желание для меня закон, детка.

Ах, да. Было еще кое-что, что глобально изменилось в моей жизни за последнее время: больше я не мисс Колдвел, а миссис Эллингтон.

Я смотрю на свою левую руку с обручальным кольцом из белого золота и улыбаюсь. Иногда только эта драгоценная полоска убеждает меня в реальности того, что мы сделали. Однажды, мы просто решили, что нам мало быть Грейс и Адамом, парой влюбленных. Мы захотели стать семьей, со всеми формальностями. Не было шикарного, громкого приема. Мы просто отправились в мэрию и поженились. Этот момент был только наш, только для нас. Это все, что было важным.

Нет, наша жизнь, и наши отношения не превратились в розовую сахарную вату в одночасье. Наш брак в первую очередь — это обоюдная работа. Мы все еще часто спорим, иногда доводим друг друга до одурения. Одной из самых сложных проблем во всем этом является ревность Адама, с которой я вечно воюю. Любой мужчина, который появляется в радиусе десяти метров от меня, подвергается тщательной проверке с его стороны. Порой это приводит меня в дикость, из-за чего мы снова ругаемся. Я называю Адама недоверчивым, ревнивым ослом, когда мои нервы гудят от возмущения и негодования. В последний раз, когда это произошло, мне пришлось убежать от него. Он догнал меня на лестнице, разорвал мое любимое белье и, связав мои руки моей же рубашкой, взял жестко и грубо.

Мои ноги еще час после не хотели слушаться меня. Фантастический был секс.

Иногда жизнь с ним — это настоящая борьба. Он работает над собой, и прикладывает массу усилий, но во многом, он все тот же повернутый на контроле мужчина, которого я однажды полюбила. Но с тех пор, как он прошел лечение, его агрессивность больше не несет в себе разрушающий характер.

Он все так же волнует меня, и все во мне томительно сжимается, когда мы наедине, или когда он смотрит на меня со своей особенной сексуальной усмешкой. Но я больше не боюсь его. Не вздрагиваю каждый раз в испуге, что совершила что-то не то, и он захочет причинить мне боль.

Мы нашли наш баланс, который устраивает нас обоих. И теперь, я знаю, что все возможно.

— Я люблю тебя.

Эти три слова, всякий раз, когда он произносит их, наполняют меня жизнью. Его теплое дыхание ласкает кожу за моим ухом, и я еще крепче прижимаюсь к нему.

Его любовь, то, что мы имеем сейчас — это не далось легко. Часто это была борьба с поражающими последствиями. Но я верила, что в итоге, если нам удастся все преодолеть, вознаграждение сможет компенсировать нам все беды.

— Я люблю тебя, — легко и естественно говорю я, когда Адам перемещает нас на импровизированную танцевальную площадку. Признания, которых я так когда-то боялась, теперь самые первые слова, которые я говорю и слышу, просыпаясь по утрам и перед сном.

Его светло-серые глаза, взгляд которых когда-то так пугал меня, смотрят на меня с безграничной любовью, восхищением и нежностью. Да, да, как оказалось, и эта сторона не была чужда Адаму.

Вспоминая сейчас наш разговор в том отельном номере, я понимаю одно — я сделала правильный выбор, дав нам еще один шанс. Я поверила в Адама и ни разу об этом не пожалела.

Шестью месяцами ранее

— Такая вкусная, — тихо бормочет Адам, целуя меня в уголки губ.

Мне щекотно и чуть отстраняясь, я начинаю смеяться. Мы сидим в самом центре огромной кровати, лицом друг к другу, бесконечно трогая, и целуя друг друга.

— Люблю этот звук, — чуть хрипловато говорит он, и на какое-то мгновение, в его глазах мелькает боль и раскаянье.

Улыбка сходит с моего лица. Я тянусь к нему, беру его руки в свои, и тщательно подбирая слова, произношу:

— Знаешь, у меня было много времени, чтобы подумать над всем тем, что происходило с нами. Я долго справлялась со своей злостью, болью и обидой. Иногда мне казалось, что эти эмоции хоронят меня, и я буквально задыхалась под ними. Но потом... — Я слабо улыбаюсь и делаю глубокий вдох, — я поняла, что если не остановлюсь, и не справлюсь, это поглотит меня. Уничтожит. Но я не хочу, чтобы моя жизнь была посвящена ненависти. Она делает человека заложником, и чем дальше, тем сложнее выбраться из этого порочного круга. Понять это было проще, потому что это было только начало. Далее предстояла огромная работа над собой, но в итоге — я смогла это отпустить. Так что, — я подношу ладонь Адама к своей груди и кладу туда, где бьётся мое сердце, — я простила. И я не хочу, чтобы еще когда-либо ты грыз себя из-за прошлых ошибок.

Адам почти не дышит, пока я говорю. Он слушает меня, практически не шевелясь, и его глаза широко смотрят на меня, впитывая каждое мое слово.

Я думаю, ему надо была это услышать. Он так много лет занимался саморазрушением из-за гложущего чувства вины, и это почти уничтожило его. Он был несчастен слишком долго. Могут ли несчастливые люди быть добрыми, или уметь сочувствовать, сострадать?

Он заковал свое сердце в броню и закрыл его ото всех, таким способом пытаюсь защитить себя. Мне потребовалось время, чтобы понять это. А еще, я слишком любила его и хотела сделать все, чтобы изменить его взгляды на многие вещи. Изменить его отношение к себе.

— Грейс, ты слишком большой подарок для меня, который я не заслуживаю, — шепчет Адам, прижимаясь губами к моему лбу.

Я протестующе мычу, но мне так хорошо в его руках, и я прижимаюсь к нему, крепко обхватив руками за талию.

— Ты не можешь не понимать, что твоя жизнь без меня будет проще и легче. — Он поглаживает меня по волосам, и его дыхание щекочет мне висок. — Я хренов эгоист, и боюсь, это не искоренить. Я люблю командовать и контролировать, и, несмотря на то, что я пытаюсь справиться с этим, у меня не всегда получается. Каждый день — это тяжелая борьба с самим собой. Иногда мне кажется, что ничего не выйдет. Порой моя голова готова взорваться от того, что вокруг все не так, как должно быть и как я хочу это видеть. Меня часто заносит, и у меня скверный характер. — Его голос вдруг тихо дрожит в коротком смешке. — Мои подчиненные меня ненавидят и между собой называют тираном и фашистом. Я не самый покладистый начальник. Так же происходит и в жизни. Ты знаешь это. Ты как никто знаешь, каким я могу быть в самые темные моменты.

— Знаю, и ты не удивишь меня этим и не напугаешь. — Я смотрю в его глаза, давая понять, что не боюсь. — Думаешь, я полюбила тебя тогда, когда ты проявил свою человечность, и показал, что ничто людское тебе не чуждо? Нет. — Я легонько толкаю Адама в грудь и качаю головой. — Это случилось раньше, намного раньше. Когда ты вел

себя, как придурок; когда сводил меня с ума своими выходками и был настоящим засранцем. Ты пугал меня, ты не давал мне расслабиться, и часто мне хотелось убить тебя в жутких мучениях. Но именно в то время это и случилось — я поняла, что люблю тебя. Это был настоящий перелом моего сознания, и я провела ни один час, просто задаваясь вопросом: «Почему»? и «Как это могло случиться»? Я и сейчас не знаю ответ на этот вопрос. Он вообще есть? — Я слабо улыбаюсь и жму плечами в растерянности. — Но ведь мы не выбираем, кого любить. Иногда рядом с тобой может быть замечательный парень, милый и добрый, и жизнь с ним была бы приятной, и ты все это понимаешь, но внутри пусто. Ты не чувствуешь трепета от его прикосновений, и твое сердце не бьется как сумасшедшее, когда ты слышишь его голос. Твой желудок не переворачивается, стоит тебе только увидеть его.

Но твои мысли полностью заняты тем, от кого, казалось бы, следует держаться на расстоянии. И тебе больно, когда он не рядом. Потому что только рядом с ним с тобой начинается происходить что-то необъяснимое, твой пульс устраивает настоящий марафон, сердце готово выскочить из груди и все внутри сжимается, когда он касается тебя.

Потому что только он заставляет тебя чувствовать вкус к жизни, — уже шепотом добавляю я, запустив руку в волосы Адама и притянув его к себе. — И все это, — медленно, в его губы добавляю я, — потому что ты любишь его.

Адам тяжело сглатывает, обхватывает мой затылок ладонью и накрывает мои губы своими. В его поцелует вся нежность, любовь и ласка, которую он дарит мне. После того, как наш поцелуй прекращается, он гладит мое лицо и волосы, будто изучая меня, желая, чтобы его пальцы сохранили память об этом.

Каждое его прикосновение наполнено трепетом.

— Я думал, что иметь власть, деньги, положение и разнообразие женщин — этого достаточно для успешной жизни, — выдохнув, произносит Адам. — Не видел, каким обделенным, ограниченным было мое существование. Я был жалким. — Он с легким изумлением качает головой. — Грейс, я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя. — Он улыбается, и его глаза блестят, когда он говорит мне эти слова. — Это как откровение, и когда я понял это, то испытал настоящую встряску. Потому что я не допускал никогда и мысли, что смогу испытать нечто подобное. Любовь, привязанность к другому человеку казалось мне лишним, обременяющим, ограничивающим свободу. Это было ненужным, нежеланным. Я был настоящим идиотом. — Адам хмыкает, признавая, что был неправ. Разве способен он был на это вначале нашего пути? — Самое огромное мое заблуждение.

Я чувствую ком в горле от его признания, и в тоже время — это один из самых счастливых моментов в моей жизни. Когда-то я и надеяться не могла, что услышу эти слова от Адама Эллингтона.

Я смотрю на него и осознание, что этот мужчина — мой, заставляет дрожать меня от восторга. Он может быть жестким, даже жестоким; раздраженным и требовательным; нетерпимым и взрывным, но он любит меня и не боится это признать. И только со мной он может быть совершенно другим, таким, как никто никогда не видел его: нежным, любящим и заботливым.

— Я хочу дать тебе самую лучшую жизнь, — обхватив мое лицо ладонями, с чувством говорит он. — Хочу показать тебе весь мир. И каждый день видеть твою улыбку. Я сделаю все, чтобы так и было. Грейс, я больше не хочу видеть твоих слез по моей вине. Я так много заставлял тебя плакать, и это то, что я никогда не смогу простить себе.

Я хочу возразить, но не решаюсь перебить его, потому вижу — ему нелегко сказать все

это.

— Но малыш, если ты согласишься верить мне, обещаю — я больше не разочарую тебя и не подведу. Будет сложно, я не буду лгать и говорить, что не будет проблем. Есть еще столько вещей, которым мне надо научиться. Но твоя вера в меня — это то, что дает мне силы.

Это больше, чем может выдержать мое сердце. И я начинаю плакать. Тихо, беззвучно, слезы катятся по моим щекам и губы Адама снимают их, пока он прижимает меня к себе.

— Это слезы счастья, — сквозь судорожный всхлип поясняю я с улыбкой, потому что Адам кажется расстроенным.

Мы долго лежим в объятиях друг друга, тихо переговариваясь. Постепенно, за окном начинает светлеть, но никто из нас не хочет спать. Мы так долго были порознь, и я просто боюсь, что если усну, то проснувшись, обнаружу, что все это мне только приснилось.

Я узнаю, что мать Адама умерла от кровоизлияния в мозг пять месяцев назад. Это случилось во сне, так что она ушла тихо и мирно, без страданий. Его голос звучит сухо, когда он рассказывает, но я слишком хорошо научилась понимать его, и еще лучше чувствовать. Ему больно, и от этого мое сердце щемит. Его боль — это моя боль.

— Мне жаль, — тихо говорю я, приподнявшись на локте и посмотрев на Адама, который лежит на спине с устремленным в потолок взглядом.

— Грейс, ты не должна говорить это только потому, что так положено.

Он опускает голову и тепло смотрит на меня.

— Дело не в том, — мягко возражаю я. — Адам, она была твоей матерью, и я понимаю твои чувства. Родителей — какие-бы они не были — тяжело терять.

Он протягивает руку и касается моих губ.

— Я уже говорил тебе, какая ты удивительная?

В его взгляде такое огромное восхищение, что это вызывает радостную улыбку у меня.

— У тебя для этого вся жизнь впереди, — поддразниваю я его и, наклонившись, целую губы. — Кстати, у меня к тебе есть один вопрос, который все никак не дает мне покоя, — вдруг вспоминаю я кое-что, что давно беспокоит меня.

Адам садится и, облокотившись о спинку кровати, приподнимает брови и внимательно смотрит на меня.

— Возможно, это и ерунда, — вдруг разволновавшись, начинаю лепетать я. — Мы с тобой не давали друг другу никаких обещаний, когда расстались. И это, скорее всего, не мое дело, но все же, я бы хотела знать, был ли кто-то у тебя после меня?

Адам кажется совершенно растерянным — очевидно, он не ожидал такого вопроса.

— Нет, Грейс, никого, — серьезно отвечает он.

Камень падает с моих плеч, но все же, тот снимок, который я видела в журнале, все еще беспокоит меня.

— Что заставляет тебя так думать? — осторожно интересуется он, видя, что я колеблюсь.

— Просто... я видела твое фото в журнале несколько месяцев назад, — отчего-то смущаясь, признаюсь я, глядя на свои руки. — Рядом с тобой была какая-то девушка, и ее рука была на твоём плече. Это был один из благотворительных приемов, кажется.

Адам хмурится, ничего не понимая. Во мне появляется надежда, что это какая-то ошибка, и у него ничего не было с той девушкой.

Всякий раз мысли об этом приносят страдания.

— Грейс, ты уверена, что это не был один из старых журналов? — уточняет Адам. —

Возможно, ты ошиблась, потому что я не понимаю, о какой девушке ты говоришь.

— Это не был старый номер, я проверяла. — Вообще-то, это первое, о чем я подумала, когда увидела то злосчастное фото. — Ладно, я покажу тебе. Но не суди меня, — предупреждаю я Адама, прежде чем встать и, взяв свой мобильный, вернуться к нему. — Я не знаю, зачем я это сделала, это был просто импульс, — словно оправдываясь, бормочу я, находя тот снимок, о котором говорила. Я нашла его в интернете и сохранила на свой телефон.

Ладно, я лукавлю. Я сделала это, потому что порой я самая настоящая мазохистка. Иногда, когда мне особо остро не хватало Адама, и я хотела ему позвонить, то смотрела на этот снимок и убеждала себя, что он прекрасно живет и без меня.

— Грейс, это одна из организаторов вечера. Я даже имени ее не помню. Она попросила меня о совместном снимке, наше общение заняло ровно тридцать секунд.

Во взгляде Адама стоит немой укор — его расстроило, что я решила, будто у него роман с этой девушкой.

Я чувствую себя донельзя глупо и закрываю ладонями лицо, которое начинает гореть. Если бы я больше верила в него, это фото не остановило бы меня и возможно, нам не пришлось бы так долго быть вдали друг от друга.

— Грейс, — Адам мягко убирает мои руки от лица и смотрит мне в глаза: — Я больше никогда не захочу ни одну женщину в мире, кроме тебя. Ты все, что мне надо. Все, в чем я когда-либо буду нуждаться. Я знаю, что прошу о многом, но пожалуйста — верь мне.

Не в силах и слова вымолвить, я быстро киваю и, бросившись на шею Адама, валю его на спину, оказавшись сверху.

Мое настроение подскочило на несколько пунктов. Я знаю, что Адам был верен мне все это время. Он любит меня, а я его. Больше никаких сомнений.

Невозможное стало возможным.

— Покажешь мне, что еще есть в твоем пакете? — игриво протягиваю я, чуть прикусив подбородок Адама.

Он хмыкает, словно раздумывая, но его глаза вспыхивают с искушающим блеском.

Повеселев, я соскакиваю с постели и несусь к пакету. Адам приподнимается на локтях и, прищурившись, наблюдает за мной.

Я достаю первый попавшийся предмет и с изумлением смотрю на своего мужчину.

— Плеть? — Я провожу языком по вдруг пересохшим губам, представив, как он может использовать ее. Только теперь я осознаю, как много вещей он еще не показывал мне.

— Ты должна знать, что у тебя всегда будет выбор, — севшим голосом убеждает Адам, и я знаю — это не просто слова. Обещание, которое он будет выполнять.

Размер у плетки небольшой, и я свободно кручу ее в руках, с любопытством рассматривая. Кожаные ленты на конце неожиданно мягкие и вдруг, я испытываю дрожь от мысли, как рука Адама опустит их на меня в обжигающем ударе.

— Хорошо, я хочу, чтобы ты применил ее, — раскованно говорю я, быстро взглянув на Адама и видя легкое изумление в его глазах. — А сейчас, — я вынимаю кожаные наручники из пакета, уже зная, как хочу применить их, — мы сделаем это так, как я хочу.

Я лукаво смотрю на Адама, приближаясь к нему. Он приподнимает брови, не скрывая любопытства.

Снова оказавшись сверху, завожу руки Адама над головой и, наклонившись к его губам, соблазнительным голосом шепчу:

— Расслабьтесь и подчинитесь, мистер Эллингтон. Теперь вы полностью в моей власти.
Больше книг на сайте - Knigolub.net